
ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

**АРХЕОЛОГИИ,
— ИСТОРИИ —
и ЭТНОГРАФИИ**

ПРИ КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
имени В. И. ЛЕНИНА.

том XXXIII вып. I.

Посвящается 5-ти летнему юбилею
Татарской Республики 1920—1925 г.

КАЗАНЬ.
1925.

1957

1962 г.

1925 г.

Печатается по постановлению Совета Общества под редакцией председателя О-ва проф. Н. Н. Фирсова и секретаря О-ва Н. И. Воробьева.

1945.

81
БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Краеведческой
и Музейной работы

7577/1.

г. Ижевск

472

Главлит № 1572.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1496.

Казань. 2-я Гостипография „ВОСТОК“ Комб. Изд. и Печати, Казанская 4. 1925 г.

Пятилетию Татарской Республики.

I.

5 лет тому назад учреждена была Автономная Татарская Республика.

Это было осуществлением вековой мечты татарского народа, стремившегося к самоопределению.

В начале это стремление выражалось просто в энергичной, упорной борьбе с Москвой за независимость, — впоследствии же превратилось в желание культурной автономии.

Но идея даже культурной и религиозной свободы национальных меньшинств находилась в числе неблагонадежных, революционных идей при царизме; она преследовалась, как стремление подкопаться под основы Российской Империи. При сильном развитии централизации и чисто бюрократическом управлении в этой империи, идея автономности отдельных частей ее, совпадающих с этнографическими границами той или другой народности, была совершенно чужда интересам господствующего класса империи и энергично отрицалась во имя разного рода псевдо-патриотических идеологий; идея же федеративного устройства России вызывала во всех высших классах жгучую ненависть, и осуществление ее рассматривалась как конец русского государства. Однако и идея автономности и более радикальная идея политической федерации, была осуществлена Великой Октябрьской Революцией, — и государство не развалилось, оно даже окрепло, ибо теперь все народы поддерживают его не за страх, а за совесть. Это именно и имели в виду, так называемые, „областники“, когда доказывали, что единственная форма правления, которая подходит к многонародной России, это — федерация. И сколько пришлось пострадать нашим областникам, нашим федералистам за проповедь федеративного устройства России, пострадать от императорского правительства! Оно полагало, что только централизованное полицейское государство может держать в полити-

ческом единстве и в узде все разноплеменные народности России, которые изображались враждебно настроенными по отношению к господствовавшему народу. Насильственное политическое единство централистами считалось единственным ручательством за целостность и прочность государства; о внутреннем единстве не заботились, его и не было и не могло быть при полицейской централизации, энергично боровшейся со всеми местными сепаратизмами, в том числе и с вольнолюбивым сепаратизмом отдельных частей русского народа.

II.

Много говорилось в похвальном смысле о колонизаторской способности этого народа, о склонности его (особенно-великоруссов) к захватам и *умалчивалось о других его свойствах*, об его стремлении уйти из под действия московской, а потом петербургской централизации и на местах, в лице нисших классов, встать в братские отношения с социальными низами иных народностей, в том числе и татарской.

Русская публика больше знала историю борьбы между Русью и татарами, борьбы, на почве которой создавались шовинистические и националистические чувства; но эта публика мало знала, или совсем не знала, о союзах между угнетенными русскими и татарскими общественными классами для общей борьбы с боярским государством и его хищными агентами на местах—воеводами и приказными чиновниками; так было во время великой Смуты (народной революции) в начале XVII века, так было во время Разинского и Пугачевского движений. Уже давно, в XVII и XVIII вв.—европейской эры и в XI и XII вв. гиджры, нисшие классы обоих народов протягивали друг другу братскую руку для совместной борьбы с общим классовым врагом—боярским и дворянским государственным и социальным строем и соответствующими порядками.

Таким образом на почве общей экономической эволюции, сопровождавшейся ростом торгового капитала, уже в старину намечалась солидарность между русским и татарским трудовым народом, та солидарность, которая так ярко проявилась во время Великой Октябрьской Революции. Образование Автономной Татарской Социалистической Советской Республики, будучи одним из прекрасных созданий этой революции, в конечном счете является итогом отмеченной социальной солидарности. Оно, это образование, опираясь на

классово-боевое прошлое обоих народов, на братский союз в борьбе с классовым врагом, окончательно закрепляет социальную солидарность, в корне уничтожая прежние печальные агрессивно—националистические чувства—плод иной, империалистической борьбы правительств и правящих классов двух народов.

III.

В настоящее время нет места этим последним чувствам, напротив—основанием Автономной Татарской Республики открыта широкая дорога для взаимного проявления братских чувств. А в этом проявлении, разумеется, и лежит, как раз, непредусмотренное централистами ручательство в прочности федеративной связи, которою внутренне, психологически слит Союз Советских Республик в одно государственное целое. Здесь-то и торжествует, наконец, справедливость проповеди „областников“ федеративного устройства России, справедливость, в частности, основания Автономной Татарской Республики. При свете этой справедливости, устранившей из жизни прежние исторические несправедливости, забыта старая вражда,—и русский и татарин—братья, товарищи, члены одной и той же великой социалистической семьи.

Проф. Н. Н. Фирсов.

Русская Революция и Ленин.

(Характеристика¹⁾).

I.

Русская Революция и Ленин неразрывно связаны друг с другом. Ленин, как исторический деятель,—создание Русской Революции, но и Русская Революция без Ленина не сделалась бы по преимуществу социалистической, „октябрьской“, Революцией. Это последнее произошло потому, что сам Ленин, прежде чем Русская Революция дала ему возможность выдвинуться в качестве великого борца за социализм, явился создателем небывалой по сплоченности, дисциплинированности и резкой определенности целей политической организации—коммунистической партии. Ленин создав партию, естественно стал и ее главным вождем, но это был вождь—товарищ, товарищ остальных членов, признававших в нем не только равного, но и старшего между собой—по обширным, изумительно отчетливым познаниям в области научной, марксистской теории революции и глубоко продуманного революционного опыта всех народов и всех веков человеческой истории. Впрочем и Ленин, со своей стороны, не делал ни одного решительного шага без партии. В этой неразрывной связи между Лениным и его созданием—коммунистической партией и заключалась сила—и Ленина, и партии. Но коммунистическая партия со своим вождем одержала верх в обострившейся классовой борьбе только потому, что была во главе самого революционного класса—пролетариата и сумела организовать стихийно-революционное движение стомиллионного крестьянства, пошедшего, наконец, в своей вековой борьбе против помещиков за фабрично-заводским пролетариатом, поднявшимся на капиталистов. Центр тяжести вопроса, следовательно, лежит в самой Русской Революции, от которой никак нельзя отделить ни Ленина, ни его партию. К этой революции мы прежде

¹⁾ Доклад в соединенном заседании Общества Археологии, Истории и Этнографии и Общества Татароведения в Ленинские дни.

всего и должны обратиться, чтобы затем выяснить и определить то, что могла внести и внесла в ход революции редкая, недюженная, историческая личность Ленина—то, что в этом ходе запечатлено именно *Ленинизмом* и ничем иным.

II.

Русская Революция развивалась, как и всё в исторической жизни, вполне закономерно. Ей предшествовало вековое движение крестьянства и других трудовых элементов России, русских и нерусских, движение не раз переходившее в громадные восстания, вроде Разиновщины и Пугачевщины, но эти старинные бунты и волнения, как крестьянские, так и фабрично-заводских рабочих, начавшиеся с самого появления у нас фабрик и заводов, не только в XVIII ст., но до самого конца XIX в. были стихийными, плохо или совсем неорганизованными, движениями и потому заранее обреченными на неудачу. Лишь тогда, когда вырос промышленный капитализм, когда образовался и окреп промышленный пролетариат и началось вполне организованное рабочее движение против капиталистического и тесно с таковым связанного политического гнета, лишь тогда появилась надежда, что Русская Революция вступила на единственно правильный путь пролетарского движения в городе, долженствующего вести за собой крестьянское движение, т. е. движение громадного большинства населения страны. Тогда только и, так называемое, интеллигентское революционное движение, до тех пор постоянно попадавшее в тупик, в котором его легко душило бюрократическое правительство дворян—земледельцев и купцов—капиталистов, нашло, наконец, для себя действительную почву, на которой его пропаганда и агитация могли возрастить настоящие революционные плоды.

Это обстоятельство, ясное для части революционной интеллигенции уже с эпохи образования Плехановской „Группы освобождения труда“, долго, и после того, не было бесспорным положением, и даже первая русская революция не объединила русские революционные партии хотя бы по данному вопросу, по вопросу о значении в революции фабрично-заводского пролетариата.

Между тем первая русская революция выяснила не один этот вопрос, а очень многое. И те из интеллигентных революционеров, кто понял и усвоил ее уроки, хорошо ориентировались и взяли правильный курс во второй победоносной революции, которая

явилась продолжением и завершением первой. Ленин называл первую революцию „генеральной репетицией“ 1905 года, без которой „победа Октябрьской Революции 1917 года, говорит он, „была бы невозможна“. Таким образом, чтобы понять эту „победу“ и следовательно оценить значение в ней Ленина, надо прежде всего остановиться на революции 1905 года. Это — не лишнее и потому, что в истекшую неделю, вместе с годовщиной смерти Ленина, исполнилось и двадцатилетие с момента начала первой революции, открывшейся кровавым *девятым* января (1905 года), бывшим своего рода девятым валом в отношении русского рабочего класса к царизму.

III.

Экономические предпосылки рабочего движения, приведшего к 9-му января, более или менее известны. Быстрое развитие с 80-х годов XIX века капитализма в России сопровождалось периодическими промышленными кризисами, особенно тяжелыми именно у нас, где заработанная плата на фабриках и заводах, при сильной конкуренции со стороны дешевой рабочей силы, безостановочно притекавшей из стремительно разорявшейся деревни, была и так очень не высока. После промышленного подъема 90-х годов наступил с 1898 года острый кризис в области все еще в общем неустойчивой крупной промышленности, работавшей преимущественно на казенные заказы и на правительственный аппарат и не имевшей и не могшей иметь, при катастрофическом разорении крестьянства, твердого внутреннего рынка. Промышленный кризис, перейдя в XX—столетие и наиболее дав себя почувствовать в первые два года его, затем грозил стать затяжным и таким образом хронически ухудшать положение рабочего класса. Японская война совсем подавляюще действовала на русскую промышленность, а русского рабочего, на которого пала главнейшая тяжесть промышленного кризиса, губительно усугубленного войной, привела в полное отчаяние.

Рабочее движение, поднимавшееся с самого начала развивавшегося промышленного кризиса, теперь разразилось в громадных размерах. Но это была эпоха, когда правительство старалось действовать по отношению к рабочему классу демоagogически, стремилось парализовать в рабочей среде пропаганду и агитацию революционных партий.

Потерпевшая крах, после временной удачи, известная зубатовщина, вскоре возродилась в Петербурге под видом гапоновщины,

имевшей успех — и немалый, ибо теперь зубатовщина оделась в рясу, которая на время и закрыла от глаз, еще мало сознательных рабочих, истинное положение дела. Но, несмотря на рясу и все атрибуты благочестия и верноподданничества, явившиеся, как результат того, что во главе движения встал ловкий и оборотливый поп, — все равно, с момента выступления 100,000 рабочих со всех концов Петербурга к Зимнему дворцу, началась рабочая революция. Правительство поняло это грандиозное движение именно так и сейчас же вступило с ним в борьбу, действуя оружием и не обращая внимания на то, что рабочие массы были пока безоружны. Напротив, безоружность масс была учтена правительством, как особо благоприятный момент для решительного подавления революции. Это на первых порах не удалось. Не только рабочий класс, но вся страна была слишком возбуждена безответственным управлением самодержавной бюрократии, заведшей Россию в тупик внутри и вне государства, чтобы кровью петербургских рабочих можно было залить начинавшийся революционный пожар: наоборот, эта кровь еще более воспламенила рабочих и заставила их навсегда отказаться от старых фетишей, с которыми они еще не расстались в самый первый момент движения — 9 января. Да и вся трудящаяся Россия затрепетала, узнав о происшедшем в Петербурге, и революционное движение сразу пошло в гору — и в рабочем классе, и в радикальных и даже просто либеральных слоях общества, из коих самым передовым застрельщиком явилось студенчество; из деревни давно уже слышался приглушаемый гул, теперь ставший более явственным и зловещим. Уже вскоре после 9 января, в том же месяце, верховный глава правительства Николай II, империалистические вождедения которого терпели крах, на минуту почувствовал, что он стоит и перед внутренним крахом. Это видно из того, что уже 17-го января (по старому стилю) 1905 г., при очередном докладе министра земледелия Ермолова, Николай II „обратился“ к нему „с вопросом о настоящем положении дела“. Ермолов сообщил ему не очень приятные вещи. „В том, что произошло“, сказал он, „виновато правительство, виноваты мы, ваши министры; но что же мы могли сделать при настоящем строе нашей государственной организации, при которой в действительности правительства нет, а есть только отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление?“. По мнению Ермолова, „если бы у нас было настоящее правительство“, то

кровапролитие 9-го января „можно было бы предупредить“. Итак, выходило, что Николай II был главой „ненастоящего правительства“, назначенного им самим, в силу отжившего „строга государственной организации“. Это, разумеется, было не очень лестно для венценосного слушателя. Но, раз он предложил высказаться своему министру, приходилось слушать.

А министр Ермолов говорил: „На одну вооруженную силу, на одни войска вам опираться нельзя. 9 января войска выполнили тяжелую, выпавшую на их долю, задачу—стрелять в беззащитную толпу. Волнения, происходившие в Петербурге, теперь перекинулись в большую часть городов России и везде приходится их умирять вооруженною силою. Покуда это еще удается и войска исполняют свой долг, но, во первых, что придется делать тогда, когда беспорядки из городов перейдут в селения, когда поднимутся крестьяне, когда начнется резня в деревнях,—какими силами и какими войсками умирять тогда эту новую пугачевщину, которая разольется по всей земле, а, во вторых, ваше в-во, можно ли быть уверенным, что войска, кторые слушались теперь своих офицеров и стреляли в народ, но кторые вышли из того же народа, кторые даже теперь находятся в постоянном общении с населением, кторые слушали и проклятья, к ним обращенные, со стороны, их жертв, при повторении подобных случаев будут поступать так-же?“.

Даже и для Николая II было понятно, что „уверенным быть“ нельзя.

— „Я понимаю“, сказал он,—„что невозможно положение правительства, если оно опирается только на войска“.

Многое и другое говорил Ермолов, вызывая по временам лаконические замечания со стороны своего слушателя; главным выходом из положения, созданного управлением „ненастоящего правительства“, безответственной бюрократии, Ермолов считал созвание народных представителей, Земского Собора. Николай разрешил своему откровенному министру изложить письменно всю их „беседу“ и, сверх того, представить особую докладную записку о положении России, как его уясняет себе Ермолов, и об его предположениях касательно дальнейшего направления внутренней политики. Министр земледелия не замедлил исполнить все это. 31-го января 1905 года представил Николаю II связную записку, в которой, характеризуя отрицательными чертами современное положение России, настойчиво указывал

на неотложную необходимость созыва „народных представителей, как на единственно возможный выход из него“:

„Возникновение аграрных беспорядков среди сельского населения“, писал здесь Ермолов,—„которые будут во сто крат опаснее рабочего движения в городах и подавление которых будет неизмеримо труднее,—составляет ныне, после успеха их деятельности среди рабочих, главную задачу агитаторов и едва ли можно сомневаться в том, что их цель будет ими во многих местах достигнута. К этому имеются уже теперь зловещие признаки“. В своей записке Ермолов, сверх „беспорядков“, старательно подчеркивал и „другую сторону, едва ли“, писал он, „менее грозную и опасную для государственного благоустройства: это именно“, говорит он, „та всеобщая дезорганизация во всех сферах нашей общественной жизни, которая отнимает у правительства всякую возможность успешной активной борьбы с повсеместно разлившейся и проникшей во все закоулки Русской земли внутренней и глубокой смуты“. Рекомендуя созыв „Всенародной Земской Думы“, Ермолов советовал Николаю II не обращать внимания на могущие раздаться голоса против такого предприятия, „что, де, Земский Собор может превратиться в Учредительное Собрание, что крестьянство может поднять вопрос о черном переделе, что опасность может угрожать даже единству русской земли¹⁾“. Все подобные опасения сторонников крепостническо-бюрократической монархии, по мнению Ермолова, не должны пугать главу правительства и отклонять его от единственного шага к спасению—от созыва „народных представителей“, на основах, повидимому, старого московского славянофильства.

Таким образом, гораздо раньше Витте, еще в январе 1905 года, Николай II получил достаточно определенные указания на характер высшего управления, на очевидные последствия его, получил и совет, что надо делать верховной власти в ближайшее время, чтобы страна изжила создавшийся кризис и перешла к лучшей форме правления—и при том получил от достаточно авторитетного, в глазах царя, лица—его же собственного министра земледелия.

Как же Николай II отнесся ко всем этим указаниям и основному совету?

¹⁾ Арх. быв. Госуд. Совета (3-е отделение юридической секции ЕГАФ).

Он все это выслушал; очень возможно, что он все это прочитал, сначала по первой записке — по той, в которой изложен был диалог между Ермоловым и им, — и приказал сдать ее в архив Государственного Совета. Возможно, что он прочитал и ту записку, в которой Ермолов изображал дело в систематической форме, но и эту записку постигла та же участь: 14-го февраля 1905 года государственный секретарь Б. Ивскуль „приказал ее приобщить к первой записке статс-секретаря Ермолова“, уже покоившейся в архиве. Ни на той, ни на другой записке нет не только резолюции, но даже ни единой пометки, — они в совершенно чистом, девственном виде сошли в свою архивную могилу, как будто бы их совсем и не читал тот, для кого они были изготовлены. Но это неважно: все равно Николай II своевременно знал, что в записках изложено, но не счел нужным в данный момент на это реагировать как-нибудь иначе: очевидно, ермоловское предложение ему показалось в то время (в январе-феврале 1905 года) слишком радикальным, революционным, слишком большой уступкой „смуте“, чтобы он решился дать ему тогда же надлежащий ход.

Но в революционные эпохи месяцы считаются годами, и потому скоро пришлось осязательно убедиться в справедливости указаний и предсказаний Ермолова: революционное движение разрасталось и крепло. Начались, так называемые, аграрные „беспорядки“...

Уже 18 февраля (ст. ст.) Николаю II пришлось подписать рескрипт на имя Булыгина „относительно“, как писал сам Николай в своем дневнике, „разработки способа созыва местных представителей для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в государственный совет“... Под этим же числом Николай II писал: „Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспевание“. Но мольба не помогла, „Важная мера“ успокоения не принесла.

Летом произошла революционная вспышка в Одессе, поддержанная знаменитым восстанием матросов на Потемкине. Да и промышленная буржуазия день ото дня становилась либеральнее и, видя, что крупной индустрии стало тесно в узких пределах безответственного бюрократического управления, бывшего выгодным лишь ничтожной группе покровительствуемых промышленных фаворитов, тоже требовала себе политических прав; таким образом и у либеральной, да и у радикальной интеллигенции, примыкавшей к этой буржуазии, появилась более прочная опора в их конституционных домогатель-

ствах. Либеральная буржуазия осмелилась даже на делегацию с петицией к царю, хотя и очень скромной.

Так называемая, булыгинская дума совершенно не удовлетворила демократические слои населения. Момент переживался слишком острый, чтобы взволнованное народное море могло успокоиться после дарования цензового и совещательного представительства. Внутреннее положение становилось все более угрожающим. На правительственные репрессии революционеры ответили террористическими актами, направленными на правительственных лиц. Для наиболее либеральных бюрократов окончательно становилось ясно, что необходима коренная и действительная реформа государственного строя. С. Ю. Витте, в записке от 9 окт. 1905 г., — доказывая необходимость для России конституционной свободы, указывал, в противном случае, на угрозы развивавшегося революционного движения: „Лозунг свободы должен стать лозунгом правительственной деятельности“, писал он в этой записке (от 9-го окт. 1905 года) вероятно, вразумляя Николая II, — „Другого исхода для спасения государства нет. Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла неспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма — они будут неудачны — но они будут несомненно — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права“¹⁾.

Действительно, революционное возбуждение масс росло не по дням, а по часам и, наконец, выразилось во всеобщей октябрьской стачке. Она произвела потрясающее впечатление на правительство и вырвала у Николая пресловутый манифест 17-го октября, написанный Витте и вскоре, за фактический отказ от него правительства, получивший кличку „пропавшей грамоты“.

Рабочий класс с самого начала отнесся к манифесту, как к фальшивому акту и продолжал движение. Несомненно важнейшим

¹⁾ Дело канцелярии Совета Министров 1905 г. № 22 (Архив бывш. Государственного Совета) 2-е Отделение Юридич. Секции ЕГАФ.

моментом его явилось московское восстание; оно было подавлено присланными в Москву гвардейскими полками, но оно отчетливо показало, кто был и дальше будет гегемоном русской революции; это — рабочий класс, промышленный пролетариат, который начал революционное движение 9-го января, продолжал его великой октябрьской забастовкой и довел до кульминационной точки, все в том же 1905-м году, своим московским восстанием. Пока русский рабочий класс был побежден, но он решительно встал на правильный путь к грядущей победе, на путь вооруженной борьбы с царским самодержавием и капиталистами; он указал тогда и на форму государственного управления, которая должна утвердиться после победы рабочего класса — советскую форму, форму диктатуры пролетариата. Именно тогда, во время первой русской революции, образовался Совет рабочих депутатов. Это указывает, что настоящей спайки с солдатами и крестьянами у городского рабочего пролетариата еще не возникло: это была одна из причин краха первой революции.

Приходилось рассчитывать на будущее. В армии местами происходило брожение, местами вспыхнули матроские и солдатские бунты, (Кронштадт, Свеаборг, Одесса, Владивосток, Севастополь), но, в общем, армия оказалась на стороне правительства, и в этом — другая из основных причин краха первой русской революции. Третья важнейшая причина краха — финансовая поддержка царского правительства со стороны западно-европейской, главным образом, французской буржуазии.

Крестьянство поднялось за землю на помещиков; поднялось оно после 9-го января, за городским пролетариатом; манифест 17-го октября вызвал в крестьянах разочарование, ибо в нем ничего не говорилось о земле, и крестьянство самостоятельно начало брать землю у помещиков и громить их усадьбы, в некоторых местах, рассматривая манифест 17-го октября как разрешение на это, ибо он давал „свободу“....

Продолжало крестьянство бороться за землю — и после подавления московского восстания, и после разгона первых 2-х „Государственных Дум“, но, наконец, тоже было подавлено, не найдя поддержки в посылавшихся для умирения войсковых частях. Это был только перерыв в великой социальной борьбе. Первая революция, дав России своеобразную „конституцию“, выбила из правительства некоторые правовые уступки рабочим, но фактическое положение в России изменилось очень мало, ибо восторжествовала реакция.

Победившая реакция выразилась в самом свирепом черносотенном терроре—в бесконечных смертных казнях (географическое распространение которых совпадало с пределами Российской Империи и которые особенно свирепствовали в Прибалтийском крае и на юге), в омерзительных еврейских погромах, устраиваемых полицией, в гонении на всякое проявление свободной мысли, на либеральную и единично-социалистическую профессуру и т. д. Хаос и полная дезорганизация общественной жизни осталась в полной силе и были чреватые новыми восстаниями, ибо жгучее недовольство только притаилось, а не исчезло: рабочие собирали новые силы, а из деревни доносилось глухое рокотанье.... Вследствие коварства Николая II и реакционной клики, Витте, в своей октябрьской записке, продолжал оставаться правым в том смысле, что, при данных экономических и политических условиях существования масс, второй и притом победоносной—не только политической, буржуазной, но и социальной даже социалистической, рабочей революции Россия не могла избежать.

IV.

Вторая Русская революция у всех свежа в памяти и потому на ней особо от деятельности В. И. Ленина мы останавливаться не будем. Эту революцию справедливо называют великой, ибо она кончилась великой победой пролетариата и крестьянства. Победа эта не была случайной, ибо ее подготовила уже 1-я русская революция. Основные экономические предпосылки 2-й революции те же самые, что и первой—бедственное положение рабочего класса и крестьянства на фоне продолжавшегося роста промышленного капитализма, чему известное содействие он оказал и столыпинский курс на хозяйственного мужика,—закон 9-го ноября (1906 г.) о выходе из общины, закон создававший дешевого рабочего для фабрики, в лице пролетаризованного крестьянина и для русских фабрикатов—внутренний рынок, в лице деревенского кулака.

Но привходящим, самым важным, решающим условием для второй революции была затянувшаяся мировая война, собравшая в России под ружье целую половину трудового населения России и вызвавшая в нем непримиримую ненависть к виновникам ее—капиталистам и властям, вообще ко всем „барам“. Собранные в городах громадные солдатские, состоящие преимущественно из крестьян, массы

и поддерживали теперь своим оружием революционное выступление петербургских рабочих, изнемогавших под гнетом жадного капитализма, вследствие отсутствия продовольствия, и победоносно совершили вместе с ними Февральскую Революцию, а через несколько месяцев после этого, негодуя на продолжение империалистической политики буржуазным временным правительством и стремясь к прекращению войны и к утверждению за крестьянством взятой, после февраля, помещичьей земли, помогли рабочим совершить Октябрьскую Пролетарскую Революцию.

В голове движения в оба момента — февральской и октябрьской — был пролетариат. Таким образом Русская Революция произошла вполне закономерно, явилась исторической неизбежностью при данных условиях капиталистического развития России и всего цивилизованного мира, создавшего самую высшую и самую невыносимую для трудящихся масс менее культурных — колониальных стран форму капитализма — империалистический капитализм. При таком изображении хода революции, кажется, нет места в этом безличном процессе для сколь-нибудь направляющей ход событий деятельности отдельной человеческой личности; но согласиться с этим — значит остаться при одной отвлеченной схеме, при скорлупе без содержимого, т. е. просмотреть самую жизнь; ведь общественную жизнь и создают личности, действующие в пределах социологической необходимости и возможности, а революция — самое серьезное дело жизни. И делают это дело не только массы, но и выделяющиеся из них и руководящие ими личности разного калибра. Некоторые из этих личностей настолько выдаются среди других деятелей революции, что становятся ее главнейшими вождями. К числу таких, из ряда вон выходящих личностей, бесспорно принадлежал В. И. Ленин, сделавшийся, как будет ясно из дальнейшего, главным вождем Русской рабоче-крестьянской революции.

V.

В. И. Ленин все силы своей богато одаренной природы сосредоточил на одной цели — на освобождении труда от власти капитала. Самое серьезное дело общественной жизни — революция, ради освобождения рабочего класса, с юности стала *единственным* делом его собственной жизни. И физические и психические свойства Владимира Ильича Ульянова, впоследствии обессмертившего свой литературный псевдоним „Ленин“, затмивший собой все другие его псевдонимы и

настоящую фамилию, — как нельзя лучше подходили к постановленной им цели всей его жизни. Невысокого роста, но коренастый, плотный и в зрелые годы окрепнувший, Владимир Ильич был боевой натурой, совмещая в своей личности большие умственные способности, склонность к напряженной научной работе, — с крепкой, в высшей степени устойчивой, волей. Это редкое совмещение важнейших психических свойств в одной личности повело к тому, что Владимир Ильич, высоко способный к изучению теории, человек усидчивой кабинетной работы, был в то же время практиком, человеком дела, жизненной борьбы. Теория для него была лишь подготовкой к этой борьбе и таким образом его слово, его выработанное упорным трудом убеждение не расходилось с делом. Разубедить его в чем бы то ни было, как свидетельствует его родная сестра, было трудно; но это происходило не от упрямства, а от того, что трудно было подыскать убедительный довод для разубеждения — Вл. Ильич все возможные доводы заранее имел в виду, обсудил и мысленно устранил; когда же находился такой довод, какого Вл. Ильич не предусмотрел (что, конечно, было очень редко даже в юности) и этот довод на взгляд его оказался веским, то, подумав, он сейчас же отказывался от своего мнения, как неправильного и никогда не испытывал ложного стыда сознаться в этом. Как видно из ценных сообщений сестры Вл. Ильича, это свойство проявилось в нем уже в юности и несомненно было свойством крупной личности, большого человека.

Вместе с тем это была жизнерадостная, сосредоточенно страстная натура, у которой, как у древне-русского богатыря, „силушка по жилочкам переливалась“, и которая нетерпеливо рвалась поскорее приложить эту „силушку“ к настоящему делу, а настоящим делом, после казни царским правительством его старшего брата, Александра Ильича Ульянова, для Вл. Ильича было дело общественного протеста революции. И в том же 1887 г., когда казнен был брат Вл. Ильича, когда правительство Александра III задавило последние проявления жизни „Народной Воли“, Вл. Ильич, с осени означенного года студент Казанского Университета, оказался в числе наиболее энергичных протестантов против реакционного университетского устава 1884 г. и против неистовств учебной администрации, как участник урной студенческой сходки 4 декабря (1887 г.). Учебная администрация, изощренный в наблюдении взгляд которой с особым вниманием останавливался на брате „цареубийцы“, очень хорошо запомнила,

что Вл. Ульянов „4-го декабря бросился в актовъй зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по корридорѹ 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других; уходя со сходки, отдал свой входной билет“. Это было очень смело. Надо мысленно перенестись в 80-е годы, когда было задавлено всякое проявление общественной самодеятельности и когда всякое выступление с протестом, хотя бы против злоупотреблений властью какого нибудь инспектора, считалось политическим преступлением, чтобы правильно оценить участие Вл. Ильича в декабрьских студенческих „беспорядках“ 1887 года. Тогда на этой, в начале очень решительно настроенной, студенческой сходке, наказавшей инспектора Потапова действием, т. е. рукоприкладством к его физиономии, семнадцатилетний Вл. Ильич получил первое свое боевое революционное крещение. Дальше, по исключении из университета, пошли для Вл. Ильича годы окончательной выработки общаго мировоззрения, вдумчивою изученія Маркса и вообще подготовки к революционной работѹ, и эта подготовка шла вместе с подготовкой к окончательному университетскому экзамену. Блистательно сдавъ в 1891 году экзамен в Петербургѹ по Юридическому факультету, Владимир Ильич не погрузился в юриспруденцію, а продолжал революционную работу в самарских кружках. В серьезную фазу эта работа вступила в Петербургѹ, когда Вл. Ильич приступил к пропагандѹ и агитации среди петербургских рабочих, явившись одним из основателей и организаторов „Союза борьбы за освобождение рабочаго класса“ (в 1895 году). На своих слушателей-рабочих Вл. Ильич производил сильное впечатление необыкновенной дельностью, чрезвычайно ясною последовательностью и твердостью своего изложения; после одного из первых пропагандистских уроков с участием Ленина, когда он ушел, рабочие—ткачи сразу начали говорить именно о нем, и один из них пророчески заметил: „Ну этот мужик наделает делов, если только полиція не уберет его туда, откуда не вылезти“. И „мужик“ приступил к „делам“, а потому дальше, как тогда водилось, тюрьма и Сибирь, куда Вл. Ильич был выслан на 3 года. И этого времени Вл. Ильич не потерял даром: он продолжал неустанно работать, удивляя трудоспособностью всех окружающих. В тюрьмѹ он писал прокламации к рабочим, вразумительно, по-ленински выясняя им их собственное положеніе; в Сибири, много читая, наблюдая и зорко присматриваясь к „иначе мыслящим“, он написал

капитальное историко-научное сочинение— „Развитие капитализма в России“, сочинение, в котором он, как дважды два—четыре, с цифрами в руках, доказывал, что Россия вступила в стадию капиталистического развития со всеми его обычными последствиями—с разорением и даже обезземельем значительной части крестьянства, с образованием многочисленного пролетарского класса наемных рабочих и проч.

Научно работал Вл. Ильич изумительно много. И этой работы он не только не прекращал, но еще более ее усилил, когда, по окончании трехгодичного срока ссылки и после недолгого пребывания в России, где он еще раз испытал непродолжительный арест, он эмигрировал за-границу. Там, куда только его ни забрасывала беспокойная и тяжелая эмигрантская жизнь с преданной ему и его идеям женой и другом Н. К. Крупской, большую часть своего времени он проводил в общественных библиотеках. Но все, что Вл. Ильич изучал, не было предметом лишь чистой научной любознательности—все это было необходимо для практического дела революции. Едва ли кто так же глубоко и жизненно (а не схоластично) изучил историю прошлых революций, народных и рабских восстаний и бунтов, как Ленин. И опыт веков и народов не пропал даром для писаний Вл. Ильича. „Великие тени“, справедливо говорит один из наиболее вдумчивых ценителей Ленина, т. Цыперович, „Спартака, Стеньки Разина и Пугачева, Робеспьера и Марата, Бланки, Бакунина и Нечаева, Халтурина и Желябова, проходят перед глазами тех, кто умеет, как следует, читать статьи и книги Ленина“. Писал Ленин тоже очень много, но ничего не писал он зря, что было бы не нужно для практического дела революции. Он откликался на каждый серьезный вопрос, который ставился рабочим движением, революционной тактикой, борьбой разных течений в революционной,—в частности, в марксистской среде, тщательно, с непримиримой, острой, как бритва, логикой анализировал данные, относящиеся к поднятому вопросу, и приходил к тем выводам, которые неизбежно должны были служить руководством для дальнейшей революционной работы. С такой теоретической и практической подготовкой Ленин прочно стоял на своих собственных ногах уже в тот момент, когда, явившись молодым человеком за-границу, он вступил в социал-демократическую группу Плеханова; после того Ленин еще более вооружился самостоятельно добытым научным знанием, еще глубже изучил теорию революцион-

ного марксизма и до конца продумал все самые мельчайшие вопросы наиболее целесообразной партийной организации и революционной тактики. Вследствие всего сказанного, удивительно ли, что он скоро встал не только в уровень корифеев революционной эмиграции, не исключая и Плеханова, но даже, как научно-подготовленный революционер-практик, перерос их и явился основателем такой партийной организации, которой было суждено приобрести мировое значение. Это было пошедшее за Лениным большинство Р.С.Д.Р. Партии, организованное им для борьбы с самодержавием и капиталом, это была партия большевиков. Ленин стоял во главе ее, когда началась первая революция. Ленин собирал ее ряды, боролся за ее сплоченность в годы реакции и уныния после первой революции, продолжал стоять во главе партии большевиков и во время разразившейся мировой войны, оставаясь по-прежнему самым непримиримым и по-прежнему руководя, загнанным в подполье революционным движением в России, из своего заграничного далека, пропагандируя превращение войны между народами, войны империалистической, в войну между классами, в гражданскую. Отсюда вполне естественен тот факт, что Ленин, глава партии пролетариата, сейчас же был признан русскими рабочими своим главным вождем, как только сбылась надежда Ленина на империалистическую войну, как на толчек к революции, и он в апреле 1917 года вернулся в Россию.

Мы хотя и кратко, в самых общих чертах, познакомились с Лениным, с этим простым по внешности, но оригинальным и замысловатым по внутреннему содержанию человеком, сделавшим революционную работу своей *единственной профессией*, познакомились, так сказать, в процессе подготовки его к революции; теперь посмотрим, в чем существенном выразилось его личное участие в Русской революции — первой и второй.

VI.

Первая революция была подготовкой ко второй. В политическом отношении, как буржуазная революция, но совершенная преимущественно руками рабочих, она, несмотря на подавление ее и, следовавшую реакцию, вызвав политические уступки, сделала большую половину дела: настолько раскачала царизм, что в 1917 году достаточно оказалось одного толчка, чтобы он совсем свалился и уже больше не вставал. Ленин, как нельзя лучше, понял главным образом политическо-буржуазный характер первой революции и все со

своей стороны сделал, чтобы нанести самодержавию возможно тяжелый удар. Он был за бойкот совещательной Булыгинской думы и призывал рабочих к продолжению борьбы за настоящую политическую свободу. Он по достоинству оценил московское восстание, агитировал за поддержку его петербургскими рабочими и не считал его, как меньшевики, ошибкой; напротив, он отнесся к нему весьма сочувственно и даже с любовью, желая знать все мельчайшие подробности неравной уличной борьбы рабочих и таким образом учась на этом, пока неудачном, опыте тому, как в дальнейшем организовать победоносное восстание; ибо он был убежден, что победить „черносотенную диктатуру“ и капитал можно только при помощи вооруженной борьбы и диктатуры пролетариата—после удачного восстания.

В социальном отношении первая революция поставила только вопрос о национализации земли. Всероссийский крестьянский союз высказался за национализацию земли, за то же самое высказались и крестьянские депутаты, даже правые, в первых двух государственных думах. Аграрная крестьянская революция, происходившая тогда же, стремилась к захвату помещичьей земли. Ленин прекрасно учел это и понял, какое великое значение у нас в России должна иметь во время городской пролетарской революции, революция в деревне, восстание крестьянства. Он понял, что „главный гвоздь“ (как он выражается) в аграрном движении—это борьба крестьян против помещичьих латифундий, против остатков крепостничества в деревне, а следовательно и против черносотенной диктатуры, и потому, резко возражая меньшевикам, которые вели пропаганду за союз пролетариата с либеральной буржуазией, Ленин тогда уже указал насущную необходимость союза пролетариата с крестьянством. Пролетариат, по мнению Ленина, высказанному им в „Аграрной программе социал-демократии“, должен вести за собой крестьянство, как гегемон революции, но он не должен относиться к нему, как к своему орудию, а, наоборот, должен признать его интересы, как равноправного своего союзника. Ленин был за переход земли к крестьянству путем восстания, но он не обольщался, как народники, перспективой социализации деревни, после победоносного крестьянского восстания на фоне пресловутого общинного строя сельской жизни; нет, он полагал, что с низвержением помещиков и с переходом земли к крестьянству откроется, в новых свободных условиях, эра быстрейшего капитали-

стического развития в деревне, которое лишь с течением времени, здесь, как и в городе, придет к своей противоположности—к социализму.

От деятельности Государственных Дум Ленин не ожидал серьезных результатов, но полагал, что думская трибуна, при блоке левых партий, с непременным исключением кадетов, как партии, по мнению Ленина, контр-революционной, может сыграть агитационную роль для внедумской революционной цели. Тогда уже Ленин провозгласил—вся власть советам, как бы предвидя дальнейший ход революции—к диктатуре пролетариата.

Первая революция, ничего почти не дав рабочему классу, не дала и земли крестьянству, но Ленин из этой революции вынес урок, что для победы над классовыми врагами—капиталистами и помещиками—мало одного совпадения восстаний, но необходима, *и внутренняя смычка* пролетариата с крестьянством. Этот урок Ленин и использовал во второй революции, завершившейся победой борющихся за освобождение смежных общественных классов.

VII.

Во второй революции активность Ленина достигла высшей степени напряжения. Он вернулся в Россию с чужбины уже тогда, когда революция прошла свой первый этап, когда царизм был сокрушен, правлением завладели представители буржуазии, и началась буржуазная контр-революция против революционных требований пролетариата и крестьянства. Временное правительство, начав также как царское, усердно служить англо-французскому капиталу, тянуло рабочих и крестьян в империалистическую бойню, к продолжению войны до полной победы, а насущные для них реформы, и в том числе даже разрешение назревшего аграрного вопроса, откладывало до Учредительного Собрания, которое отсрочивалось все более и более. Рабочие естественно были недовольны достижениями революции—положение их не улучшилось, и недоставало только правильного и твердого руководства, чтобы это недовольство оформилось в план дальнейшей революционной борьбы с буржуазным правительством и капиталистическим классом. Крестьяне не стали дожидаться Учредительного Собрания и под руководством солдат, самовольно возвратившихся домой с фронта, поднялись и начали забирать у помещиков земли и громить их усадьбы. И эта крестьянская, аграрная револю-

ция началась сейчас же после февральского переворота *), а в момент приезда в Петербург Ленина была в полном разгаре. Ленин сразу учел соотношение сил и немедленно, по приезде, взял курс на социальную революцию. Пролетариат, со своей стороны, тоже сразу почувствовал в Ленине, ему известном по прежней революционной работе и борьбе, настоящего своего руководителя и вождя; партия большевиков (хотя и не сразу) тесно сплотилась около него и его единомышленников,—и новая революционная борьба с наклоном к социалистическим достижениям началась под понятными и желанными для рабочих и крестьян лозунгами: вся власть советам, немедленное прекращение войны, фабрики и заводы—рабочим, а земля—крестьянам. Когда момент назрел и нельзя было медлить ни минуты, Ленин настоял на восстании против временного правительства с целью захвата власти. Большинство руководящей группы партии большевиков было за восстание, но, не будь в это время среди них Ленина, могло быть вынесено иное решение, и тогда момент был бы пропущен, и ход событий мог бы быть иной... Этим уже сразу определяется значение Ленина, как первоклассной исторической личности, с исключительным чувством действительности и верным глазомером истинного вождя. Октябрьское восстание победило. Установлена диктатура пролетариата. Возник новый государственный—советский строй, с Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Ленин во главе государства. В дальнейшем ходе революции, как в панораме, разворачиваются одна картина трагичнее другой и всюду,—в них на первом плане Ленин. Ленин указывает линию политики, внешней и внутренней, Ленин указывает выход, когда кажется, что положение получилось совсем безвыходное. Наступают германцы. Старая, бывшая царская, армия совсем разложилась, защищать страну некому, и Ленин, встречая сопротивление не только в левых эсерах, но и в некоторых своих партийных товарищах решительное возражение, доказывает, что необходимо, ради „передышки“, заключить мир с немцами, успокаивая, что скоро, по всей вероятности, этот грабительский, со стороны врага, мирный договор будет ликвидирован германской революцией; это мнение берет верх, мир с немцами заключен и русская революция спасена, а вскоре разразившаяся

*) См. мою статью, составленную на основании архивных документов: „Крестьянская революция 1917 г. (до октября) и временное правительство“ („Пути Революции“, журн. Казанск. бюро Истпарта, № 1).

германская революция, как и предсказал Ленин, обратила Брестский мирный трактат в простой клочек бумаги. Но бывшими союзниками об'является блокада Советской России, поднимается русская генеральская и капиталистическая контр-революция, ожидающая, что скоро русские рабочие и крестьяне будут задушены „костлявой рукой голода“... И действительно, положение создается критическое, особенно в Петербурге. Происходит собрание ответственных советских работников, с участием Ленина, и протокол этого собрания перед нами. Из него мы узнаем, что опять таки и тут Ленин указал на выход из наступившего продовольственного кризиса. Выслушав все, что докладывалось, Ленин сказал: „Все эти сведения показывают чудовищную бездеятельность питерских рабочих“. Ради пользы дела, вождь пролетариата не щадил и тех, которым отдал всю свою жизнь. И Ленин продолжал: „Необходимо созвать пленарное собрание Совета и поставить массовые обыски в Петербурге и на товарных станциях. Для обысков, каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, несговорившихся людей, грабителей не может быть. Кроме того, с грабителями надо поступать решительно — расстреливать на месте“. Это было принято, и дело революции опять было спасено. Блокада, интервенция с ее насилиями, белогвардейский террор, жертвой которого падали самые энергичные советские работники и от которого чуть было не погиб сам вождь пролетарской революции, неизбежно вызывали красный террор; иначе нельзя было спасти революцию. При капиталистическом окружении, выдерживающая вражеский натиск со всех сторон, социалистическая советская республика должна была пустить все средства в ход, действуя через систему, так называемого, военного коммунизма. Но вот, как внешние, так и внутренние враги пролетарской революции разбиты. Военный коммунизм, вызванный к жизни интервенцией и гражданской войной, становился очень тяжелым для подчинявшегося ему раньше, ради борьбы, крестьянства; начинаются восстания и волнения крестьян и ими опять готова воспользоваться белогвардейская контр-революция, наступает снова критический момент для советской власти, — и опять никто иной, а именно Ленин производит учет положения, выясняет перед партией всё глубокое значение в

России крестьянства в революции и в интересах этого громадного крестьянского большинства, служащего опорой пролетарской революции, изменяет курс экономической политики советского правительства. Открывается эпоха временного отступления, эпоха нэпа, которую мы и продолжаем благополучно переживать к удивлению и новым опасениям буржуазной Европы и русской эмиграции. Советская власть еще раз была спасена Лениным, ибо нэп, новая экономическая политика, во внутреннем положении Советской России в 1921 году была то же самое, что Брестский мир во внешнем положении России в 1918 году. Это был новый генеральный ход Ленина в борьбе за торжество нового советского строя: с сохранением его спасались главнейшие завоевания пролетарской революции. Ленин умел управлять государством, действуя в полном согласии с русской коммунистической партией, которую он возглавлял. Он в этом отношении был полной противоположностью Николаю II, который, наоборот, не умел управлять государством, пропустил и не сумел учесть в пользу царизма и династии ни одного момента, хотя немногие умные его советники и указывали ему на возможные выходы из создавшегося критического положения. Ленин сам указывал на ближайшие перспективы пролетарской революции на ее путях к коммунизму, — и партии, даже при несогласии с ним некоторой части ее членов, так называемой, оппозиции, в конце концов, приходилось преклоняться пред убедительностью его знания жизни и пред его железной логикой.

VIII.

Ленин был против, так называемой, „левизны“, не считающейся с жизнью. Для него всегда на первом плане было дело, практические результаты деятельности. Если дело требовало маневрирования и отступления, он предпринимал и то и другое, не опуская из вида основной линии, никогда не переходя к оппортунизму. „Лучше меньше, да лучше“, это известный его афоризм, ставший житейским правилом русского пролетариата. Революционным эффектам и фразе он никогда не жертвовал интересами революции; ибо революция для него была всем, а остальное все — ничем. Все для революции: наука, искусство побеждать и править, революционный опыт прошлого — все для революции! Революционера ставил он выше всего, но не из тех, разумеется, „всяких“, как говорил Ленин, „которые примкнули к революции, когда она разгорелась“, — „из простого увлечения, из

моды, даже иногда из интересов личной карьеры“, а настоящего революционера, который, как он сам, ставил интересы революции выше всего, даже выше программы своей собственной партии. Только такой революционер, как Ленин и солидарные с ним его партийные товарищи, уяснившие все значение крестьянства и крестьянской революции в борьбе пролетариата за социализм, не усумнились разрешить величайший в России аграрный вопрос в смысле не своей программы, а чужой, которая ближе стояла к кровным интересам крестьянства; партия же, его представлявшая, не сумела их удовлетворить. „В самый момент октябрьского переворота“, свидетельствует Ленин, „мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный) политический блок с мелкобуржуазным крестьянством, приняв *целиком* (курсив Ленина), без единого изменения, эсеровскую аграрную программу, т. е. заключили несомненный компромисс, чтобы доказать крестьянам, что мы хотим не майоризирования их, а соглашения с ними“. Этот компромисс был необходим для торжества рабоче-крестьянской революции: ради достижения такой цели, „лабиринты“, с точки зрения Ленина, было практической неизбежностью. Выдающийся реальный политик с острым и проницательным взглядом настоящего ученого, Ленин глубоко-правильно оценил революционную роль в России стоимиллионного крестьянства, не взирая на неподготовленность [крестьянской массы к социалистической революции, несмотря на мелко-буржуазную ее сущность. Но вследствие именно этой буржуазной сущности, крестьянство и нуждалось, по мнению Ленина, в хорошем пролетарском руководстве. Потому-то Ленин и требовал, как он писал тов. Зиновьеву, чтобы „лучшие“ и надежнейшие питерские рабочие зря себя не убивали на технику вроде автогужевого дела“, а посылались бы „в деревни, в администрацию, в управление, в Уисполкомы, где честных мало, где нужда в честных отчаянная“. „Без группы таких абсолютно надежных и опытных питерских рабочих“, говорит Ленин в заключении своей записки к т. Зиновьеву (30-го апреля 1919 года) — „нам с деревней не добиться крупного улучшения“. Ленин понимал трудовую связь этих громадных масс, этого целого, долго жившего обособленно, как бы колониальной, жизнью крестьянского мира, связь с рабочим классом, и радовался тому, что крестьянство ради защиты земли втянулось в великую борьбу пролетариата с капиталом. „Уже создается, удовлетворенно говорил

Ленин в 1918 году (в своей речи „о международном положении“), „Рабоче-крестьянская армия. Она в усадьбах и деревнях—это крестьянское население, вернувшееся к своей земле, вырванной у помещиков. Им (крестьянам) есть что защищать, и если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек“. И эти слова были оправданы дальнейшим ходом революционной борьбы. Подобно Марксу, Ленин возложил большие революционные надежды на обездоленные, но громаднейшие количественно народные, преимущественно крестьянские, массы Востока, и не ошибся и в этом случае. Они услышали пропаганду действием небывалого еще в истории вождя всех трудящихся и вострепнулись, чтобы начать борьбу против империалистического капитала, давящего и угнетающего их, но этим давлением и гнетом поддерживающего подчинение рабочего пролетариата банкирам и крупной буржуазии у себя дома, в Англии, Франции и других капиталистических государствах. Но тут русская рабоче-крестьянская революция уже связывалась с мировой революцией трудящихся, долженствующей, повидимому, пойти с Востока. Все сказанное, хотя и в общих чертах, но, мне кажется, довольно ясно определяет все то существенное, что Ленин внес лично от себя в закономерный ход Русской Революции.—Это, главным образом, необыкновенное его умение прилагать правильно понятую марксистскую теорию к революционной борьбе, умение отвлеченную схему превратить в жизненное правило; Ленин вспырынул достаточно уже омертвевшую (в книгах схоластических марксистов) доктрину Маркса живой водой жизни и она ожила в практических методах и приемах—и углублять, и спасать революцию, т. е. в приемах и методах ленинизма. На этом можно было бы покончить. Но здесь, в заседании ученых обществ, мы всетаки не отдали бы полной благодарности памяти Ленина, если бы не отметили его отношения к русским ученым. Укажем и на эту сторону в деятельности Ленина, в заключение отметив и то, как оценили его самого трудящиеся массы: тогда исторический образ Ленина приобретет полную законченность. Великий практик, но в то же время и крупный ученый-социолог и философ, теоретические выводы которого должны были служить жизни или революции, не отделявшихся у Ленина друг от друга, борец, давший удивительные образцы реальной политики, бьющей в одну и ту же цель, он высоко ценил, для ее достижения, для победы социализма, истинную науку, работающую для блага большинства человечества, а не для неизме-

римо меньшей, но привилегированной по своему материальному и политическому положению, его части,—и он много сделал для русской науки и русских ученых, приняв самое деятельное участие в организации „Комиссии по улучшению быта ученых“, которая в годы экономической разрухи и голода спасла не одну ученую жизнь. Любил Ленин „детей“, в которых видел будущих борцов за социализм. То был беззаветный, не думающий о себе, совершенно чуждый личной заинтересованности, друг большинства—великий большевик и в данном смысле этого слова. За это его так и любит большинство человечества во всем свете, но особенно пролетариат и крестьянство Союза Советских Социалистических Республик, ибо Ленин работал прежде всего для нашей великой страны.

Свою огромную историческую работу Ленин, изумлявший иностранцев скромностью и простотой, отсутствием всякого личного тщеславия, этот человек „с вечной шапкой на голове и татарским лицом“, по словам одного иностранца, производил твердо и просто, ибо он не выносил ни напыщенности, ни искусственного пафоса; окидывая своими умными насмешливыми глазами огромную массу с затаенным дыханием внимавших его слову, Ленин даже великое дело революционного внушения творил просто, без ораторских вычур и позы, иногда с острой шуткой, которая вселяла в его слушателей еще больше бодрости и энергии.

Ленин не считал себя прирожденным оратором, но тем не менее говорил он замечательно, проникновенно, в высшей степени убедительно, ударяя в одну и ту же точку. Один из лучших его учеников, сам весьма образованный марксист, много сделавший для истолкования марксизма русскому читателю, тов. Адоратский свидетельствует, что Ленин еще до 1 ой русской революции (в 1904 году) его „буквально увлек своими речами, своей логикой и до конца идущей революционностью“¹⁾.

Таков Ленин, таково его значение в Русской Революции, открывшей собой, под руководством ленинизма, великую эру социалистических революций пролетариата в мировом масштабе. Память о нем будет вечна, пока существует цивилизация, вместе с памятью об очень немногих великих людях, стремившихся к счастью очень и очень многих, всех людей, всего человечества.

¹⁾ Пути революции, 1922 г., № 2, стр. 86.

О монетах Волжских Болгар X века.

В кладе буфических монет, найденном в 1913 г. в Фридрихсгофе в Эстляндии, находился неизданный диргем с именем Микаил ибн Джафар. На всех до сих пор известных диргемах с этим именем упомянуты разные города Саманидского государства и поэтому большинство ученых приписывало эти монеты Саманидскому чекану.

Вновь найденный диргем чеканен в Булгаре и это обстоятельство побудило меня подробнее заняться вопросом об этом Микаиле. В результате своего исследования я пришел к заключению, что Микаил был царем Волжских Болгар и что его монеты должны, следовательно, быть отнесены к чекану Волжских Болгар.

В дальнейшем я изложу те доводы, которые меня привели к такому заключению, но сначала считаю необходимым дать описание тех монет, которые имеют отношение к данному вопросу ¹⁾.

1. Микаил ибн Джафар.

1. Мединат Булгар, без означения года.

Av. В поле: لا اله الا الله || للملوك، || لا شريك

Внутр. круг. легенда написана в обратном направлении:

بسم الله ضرب هذا الكهـ هم يمكينة بلغار سنة (sic)

¹⁾ Так как при описании монет с искаженными легендами важно, чтобы легенды передавались по возможности точнее (иногда бывает даже трудно установить какой букве составляющих трафаретные арабские надписи слов, соответствует каждый действительно находящийся на монете знак) и при описании этих монет передаю букву > в ее куфической форме, как известно, сходной с буквой <, через <. По тем же соображениям я передаю буквы < и > в тех случаях, когда они на монетах не отличаются от буквы < через эту букву. Легенды, повторяющиеся на всех описываемых мною монетах, в осмысленной передаче таковы: Av. В поле: لا اله الا الله وحده لا شريك له Внутр. круг. легенда содержит год и город чеканки и начинается словами بسم الله ضرب هذا الدرهم. Внешняя круг. легенда: لله الامر من قبل ومن بعد محمد رسول الله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون Rev. В поле محمد رسول الله и дальше имя халифа и эмира. Круговая легенда كره المشركون

В своих описаниях я даю легенды в том виде, в каком они имеются на монетах, не отмечая все отклонения от правильного написания словом sic, так как, если бы я их отмечал, то пришлось бы этим словом помечать ⁹/₁₀ всех приводимых мною легенд.

Внешн. круг. лег.:

له الامر من قبل ومن بعد ويمهدك يفرح المؤمنين بنصر الله (sic)

Rev. В поле, в круге: محمد || رسول الله || الممكر الله || ميكال بن¹⁾ كعفر

Круговая легенда: محمد رسول الله В конце, после كله следует ولوكون

(Sic). В этой легенде буквы و и ۞ написаны различно.

Эрмитаж. Диам. 28 мм. вес 3,02 гр., См. табл., где аверс изображен в обычном и в обратном направл.

2 Самарканд, 306.

Av. В поле: لا اله الا الله وحده || لا شريكه

Внутр. круг. лег.: بسم الله ضرب هذا الكرم بسمير قنكا سنة ست وثلاثمائة

Внешн. круг. лег.: لله الامر من قبل ومن بعد ويمهدك يفرح المؤمنين بنصر الله

Rev. В поле, в круге: محمد || رسول الله || الممكر الله || ميكال بن كعفر

Кругов. легенда: محمد رسول الله رساله الهى وكين الحق ليظهره على الكين كله واوكون

Марков, инв. кат. 141 n⁰ 726 (Диам. 30 мм., вес 3,35 гр.

(См. табл.) колл. Вельяминова-Зернова (те же штемпеля; 29 мм.,

3,01 гр.) Подобный диргем изображен у Aurivillius, Nova Acta Reg.

Soc. Scient. Upsaliensis II, 1775, tab. III n⁰ 9. Упоминаются такие

диргемы еще у O. G. Tychsen, Introductio 77, Frähn, Recensio 78 n⁰

180, B. A. S. P. 2 ser.²⁾ I 19, V 118—119 n⁰ 14, Lindberg, Anna-

ler for nordisk oldkyndighet 1842—1843, p. 157 n⁰ 33, Minutoli,

Topogr. Übersicht, Berlin 1843, 26, Tornberg. Numi Cufici 193 n⁰

272, Lane Poole, Catalogue Khedivial Library 332, Тизенгаузен,

Тр. вост. Отд. I 148 n⁰ 4.

Диргем из Самарканда без указания года упомянут у Frank, Mitteilungen aus der livländ. Geschichte XVIII, 322 n⁰ 179.

3. аш-Шан, 308 г.

Av. В поле, в круге: لا اله الا الله وحده || لا شريك له

Внутр. круг. лег.: (sic) هذا الكرم الشاش سنة ثمان بكا

Внешн. круг. лег.: لله الامر من قبل ومن بعد ويمهدك يفرح المؤمنين بك لله

Rev. В поле, в круге: محمد || رسول الله || الممكر الله || ميكال بن كعفر

Круговая лег.: محمد رسول الله رساله الهى وكين الحق ليظهره على الكين كله واوكون

Два экземпляра одинаковых матриц: Марков 141 n⁰ 727 и

колл. Вельяминова-Зернова (Диам. 26 и 28 мм., вес 2,11 и 2,49 гр.).

¹⁾ Буква ۞ в слове كعفر написана совершенно так же, как буква ۞ в رسول

²⁾ Bulletins de la classe historico-philologique de l'Académie imp. des sciences de St. Petersburg, 1844 сл.

4. аш—Шаш, 308 г.

Ав. чеканен тем же штемпелем, что n° 3.

Rev. В поле, в двух кругах: الله || محمد || رسوله || الملك لله || ميكائيل

Круговая легенда: محمد رسول الله ارسله بالهوى وكين الحق ليظهر عريكون

Колл. Вельяминова-Зернова (Диам. 29 мм, вес 3,32 гр. См. табл.

Tornberg, Numi Cufici 197—198 n° 300.

Последний дает в своем описании несколько отличную орфографию:

Имя халифа: ثمان دكر دك дата: لعكلك

Близок к описываемому также диргем Tornberg'a, у. с. 194 n° 275 с именем ميكائيل (см. n° 8) и датой باسبلع سنة دمكككككккк и 6 диргемов с именем „Микаир“ упомянутые Tegnér'ом, VNAAM ¹⁾, 1883, 107.

5. Балх, 306 (?).

Дата: ببلخ سنة سبعمائة

На Rev. имена: المقتدر بالله || ميكال بن جعفر

Tornberg, Numi Cufici 194 n° 274, Тизенгаузен, Тр. В. О. I. 149 n° 3.

6. Балх, 308.

Дата: ببلخ سنة ثمان مئسسله

Имя эмира: ميكال بن جعفر

Tornberg, Numi Cufici 199 n° 310.

7. Нисабур, 308.

Дата: بنيسابور سنة ثمان اكر

На Rev. имена: المقتدر بالله || ميكال بن جعفر

Tornberg, Numi Cufici 199 n° 309, Frähn, BASP 2 ser V 118—119 n° 14, Тизенгаузен, Тр. В. О. I. 155, Zambaur, Koll, Windisch-Grätz 24 n° 217 (واكرم)

Упоминается Нисабурский диргем еще у Frank, у. с. 334 n° 462 (ср. у. с. 353).

8. Город и год неразборчивы.

Ав. В поле: لا اله الا الله || مك || لا سرکه

Внутр. круговая легенда: للاله ضرب عكا الكرمم للامام¹⁾ سنة دك

¹⁾ Kungliga Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad 1883 p. 97—122. Es. Tegner och Hans Hildebrand, Silfverfynd från Botels, Härdhems socken, Gotland.

Внешн. круг. легенда: لله لما الامر مل قبل ومل لعك منه لله مكالله

Rev. В поле, в двух кругах: محمد رسول الله || لمك له || مكالله

Круговая легенда: محمد رسمر الله ارسله بهكي وكمر الحق ليظمر حلى ليكولله

Два экземпляра одной и той же матрицы: Марков 161 n° 1127 и 1128. Марков полагал, что это варварские подражания диргемам Саманида Мансура ибн Нуха. Ср. Tornberg, N. C. 194 n° 275 (выше, n° 4), реверс которого, вероятно, подобен оборотной стороне этих двух монет.

9. Диргем, чеканенный двумя штемпелями реверса.

а) в поле: لله || محمد || رسول الله || الله ||

Круг. легенда испорчена благодаря двойному удару: محمد رسول الخ

б) в поле: لله || محمد || رسول الله || الممكر لله || ميكايل بن جعفر

Имя جعفر имеет вид جع

Круг. лег.: محمد رسول الله ارسله اليكي وكمن الرمعك لمره على الكمر...

Марков 142 n° 728 (Диам. 30,5 мм, вес 3,4 гр. См табл.) Два диргема тех же матриц в колл. Вильям.-Зернова. (Диам. 30 и 26 мм, вес 2,99 и 1,44 гр., последний экземпляр обрезан и дважды пробит). Hallenberg, Num, Orient. 217—218, Lindberg, Annaler 1842—1843, 158, повидимому, также Menadier, Zschr. f. Num. XV 179 („ein barbarisches Stück des Mikail b. Dja'far“), Tornberg, N. C. 194 n° 173, называет подобную монету „monstrum“, имя отца Tornberg передает через جع Hallenberg читал его حفص Nesselman, Die orient. Münzen in Königsberg 120 n° 9, читал حلد, Tegnér, VHAAM 1883, 107 упоминает о 15 диргемах с именем Mikail ibn Dja'd, вероятно, этого же типа.

10. Tegnér, VHAAM 1883, 107 упоминает диргем с именем „Микаил“, написанном в обратном направлении.

11. Stern, ZDMG XXX 279 n° 47 описывает диргем другого типа, чеканенный двумя реверсными штемпелями.

1) لله || ومحمد رسول الله ||

2) لله || محمد رسول الله || المقتدر لله || (مي)كايل بن جعفر ||

12. Stern, ZDMG XXX 279 n° 48, 49 описывает еще два диргема хорошей сохранности, на которых он прочел следующее:

Av. ال لا الا وحده لا شريك له ميكال

Rev. لله محمد رسول الله المقتدر لله

Сами легенды изображены на особых рисунках, сделанных, повидимому, от руки самим Stern'ом. Проверить его чтение по этим рисункам невозможно, но несомненно, что все легенды сильно искажены.

Один диргем Микаила со стертой датой упомянут у Frank'a, у. с. 347 n° 889. В особенно большом количестве диргемы Микаила были представлены в Ботельсском кладе, описанном Tegnér'ом (VNAAM 1883) и содержавшем 25 диргемов с этим именем. (Кроме упомянутых под n° 4, 9 и 10 еще 3 диргема с обычным начертанием
(میکال بن جعفر))

Все эти диргемы производят явно варварское впечатление. Относительно аш-Пашских диргемов Тизенгаузен даже высказал предположение, что они поддельные (Tr. V. O. I. 153 n° 7). Frank (у. с. 334 n° 412) называет эти диргемы „Nachprägungen“.

II. Волжские болгары.

13. Талиб ибн Ахмед, Сувар 337 г.¹⁾

Без описания. Tegnér, VNAAM. 1883, 107.

14. Талиб ибн Ахмед, Сувар 338 г.

Av. В поле, в круге: لا اله الا الله || وحده لا || شريك له

Внутр. круг. лег.: بسم الله ضرب هذا لكرهم بسوار سنة ثمانية وثلاثين وثلثمائة

Внешн. круг. лег.: لله لا مر الخ (sic).

Rev. В поле, в круге: رسول الله المستكفى بالله || طالب بن احمد

Слово بن оканчивается внизу завитком из листьев.

Круг. легенда: كرهه و كله و كرهه و К

Марков 184 n° 2 (Диам. 30,5 мм., вес 3,49 гр. См. табл.). Колл.

Вельям.-Зернова (2 экземпляра; диам. 30,5 мм., вес 2,88 и 3,91 гр.; последний экземпляр с ушком, Frähn, Nova Suppl. 50 n° 1 (с ушком), Frähn, Drei Münzen der Wolga—Bulgaren (Mémoires de l'Acad. imp. des

1) Это название местности Френ читал как Сувар. Григорьев (Россия и Азия, 100) полагал, что это то же, что Симбирск. Голубовский (Киевская Старина 1888, VII 34; см. также Невоструев, Tr. I Археол. с'езда, 552) допускает две возможности: или „на месте Симбирского городища, на левой стороне Волги, верстах в 13 ниже нынешнего города Симбирска“, или „там, где теперь находится городище Балымер со следами довольно значительных укреплений“. Савельев, Мухамм, нумизматика 118, предложил чтение Суваз, сближая название Суваз с рекой Свиягой и полагая, что новый Свияжск основан Иоанном Грозным на месте древнего Суваза (Суваз—Связ—Свяж). Это толкование было принято Френом (BASP 2 ser. V^o 121 n° 27; возможно, что это толкование даже принадлежит Френу. См. BASP 1 ser. IX 323, но Савельев первый высказал его в определенной форме) и, в новейшее время, Appelgren'ом (Finska Tidskrift XXIII 15) и Hjelt'ом (Finskt Museum 1894 p. 92). Против него возражал Шпилевский (Древние города в Каз. губ. 50—51). Бартольд, Enzykl. des Islam I 822, говорит, что Сувар находился бл. теперешней дер. Кузнечихи (при р. Утке, в 43 верст. к югу от Спасска, возле с. Петропавловского). Сплицы (Новый Энцикл. словарь Брокгауза VII 352), не называя Суvara, говорит о „Ярмарочном поселении ниже устья Камы, скорее всего в районе устья р. Утки“.

sciences, St. Petersburg. VI ser. I 171—205) tab. n° 1, Григорьев, Описание буфич. монет X в. 48—49 n° 39, тбл. (Марков, Топография 40 n° 220). Все перечисленные диргемы чеканены одними и теми же штемпелями. Маленькие различия в форме некоторых букв в круговых легендах объясняются неточностью изображений. Распределение легенды аверса по строкам в описании Френа (174) не вполне соответствует тому, что находится на самой монете (ср. изобр.), что объясняется недосмотром.

Другие экземпляры: Tornberg, Numi Cufici 246 n° 1, Dorn, BASP 1 ser. II 204, Nesselmann, у. с. 107 n° 1, Stern, ZDMG XXX 281, n° 125 (Марков, Топогр. 127 n° 38), Weyl, Verzeichniss d. Sammlung d. Fürsten G. n° 888 (без описания), Lindberg, Annaler 1842—1843, p. 117, Minutoli, у. с. 28, Hallenberg, Num. Or. 180 (читал بشيراز), Frähn, Nova Suppl. 50 n° 1, Opusc. post. II 208, Hjelt, Finskt Museum 1894, 92, Zambaur, Koll. Windisch-Grätz 25 n° 222, Марков, Топогр. 48 n° 275, Tegnér, VHAAM 1883 p. 107 (4 экз.). Сюда же, очевидно, относится дирге́м Johnston'a (Sotheby, Johnston Collection, 1906, p. 25), который читал на нем дату 335, и дирге́мы со стертым означением года и города—Шпилевский, Древние города 43, Уваров, Тр. I Арх. с'езда 672, 753, 830.

Упоминаются Суварские дирге́мы 338 г. еще у Tornberg, N. C., XXXIV n° 97 (Марков, Топогр. 74 n° 117), XXXVIII n° 105 (Марков, Топ. 73 n° 106), XLVI n° 125 (Марков, Топ. 63 n° 24). Марков, Топ. 66 n° 56; 82 n° 185; 98 n° 124; 71 n° 94; 36 n° 205.

15. Талиб ибн Ахмед, Сувар. 341.

Av. В поле, в круге: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Справа, слева и снизу по украшению в виде ветки с двумя листьями.

Внутр. круг. лег. начин. внизу: سم الله صمكا الكرم سوار ثلاث مائة احك سوار

Внешняя круг. лег. совершенно непонятна и неотчетлива.

Rev. В поле, в двух круг.

الله محمد رسول الله || الستكفي بالله || طالين احمدك (sic)

Буква ن последней строки внизу оканчивается завитком из листьев. Круговая легенда плохо сохранилась.

Колл. Вельям.—Зернова (диам. 34 мм., вес 2,98 гр.).

Tornberg, Numi Cufici 246 n° 2 передает внутр. круг. легенду аверса таким образом: سوار الابلعسكر سوار احمدك но читает также Сувар 341. Три черточки в конце, вероятно, следует отнести к началу.

Экземпляр Британского Музея (Br. Mus. II n° 431 tab. IV) чеканен теми же штемпелями, что Вельяминовский. Lane Poole передает

искаженные слова внутр. круг. легенды также как Tornberg... لا اله الا الله но на изображении ясно видно λ , а не α . Другой экземпляр описан Pertsch'ем (Grotes Münzstudien VIII, 296 n° 219, ср. Марков, Топография 117 n° 7, где определение Перча передано неточно).

Сюда же, вероятно, следует относить обломки диргемов 340-ых г.г. о которых упоминает Френ (BASP 1 ser IX 323: „5 Münzfragmente aus den Jahren 338 und 34 x“; неправильно слова Френа переданы у Савельева, Мухамм. Нумизм. 23 и у Маркова, Топогр. 36 n° 205, где указаны точные года 338 и 344).

16 Талиб ибн Ахмед, Сувар. 347.

Av. Внизу الله الملك, ниже знак в виде острого угла вправо.

Rev. Надписи, за исключением имени Ахмед на последней строке, неразборчивы, так как буквы слились.

Tornberg, Symbolae IV n° 123, ZDMG XI 544 (Марков, Топогр. 75 n° 126). Вероятно, такую же монету описал Френ в B. A. S. P. 2 ser. III 248—249 (Rev. طالب بن احمد Av. внизу الله الملك Круг. легенды неотчетливы), ср. Nova Suppl. 50 n° 1 а. (Видеть этой монеты мне не удалось, так как она не оказалась на месте).

Кроме того Nützel (Zschr. f. Num. XXI 304) упоминает о Суварском диргеме Талиба ибн Ахмеда со стертой датой, Tegnér VNAAM 1883, 108)—о двух фрагментах подобных диргемов.

17. Мумин ибн Ахмед, Булгар или Сувар. 366 г.

Av. В поле: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Наверху горизонтальная линия, над левой частью которой находится наклонная, образующая с ней острый угол, вершиной обращенный направо, а в правом конце которой находится пересекающая ее и перпендикулярная к ней коротенькая вертикальная линия.

Внутр. круг. лег.: بسم الله كرهك الكل ما... سحر سنة ست وست وثلثمائة

Внешн. круг. лег.: لله الامر المومنون В слове المومنون пропущена последняя буква.

Rev. В поле: لله محه رسول الله الطائع لله مؤمن بن احمد

Круг. лег. обычная, кончается словами: ولو كره المومنون

Эрмитажный экземпляр, на котором, вследствие двойного удара, не все надписи одинаково отчетливы (Марков 972 n° 2а. Диамет. 29,5 мм., вес 3,36 гр.), одной матрицы с изображенным у Френа (Drei Münzen, tab. n° 3, Nova Suppl. 50 n° 3. Диамет. 31 мм., вес 3,40 гр.). Аверсы обоих экземпляров изображены на табл. Обломки упомянут у Дорна (Addit. ad Nova Suppl. 247 n° 3).

Френ (Drei Münzen 173) транскрибировал имя места чегана как سعلر и читал его Сувар. Как видно по изображению, никакого λ под λ нет. То, что Френ принял за λ ничто иное, как часть украшения буквы λ слова شريك Подобное украшение (ветка с двумя

листьями) очень часто встречается и на саманидских диргемах. Оно имеется и на n° 1 табл. Френа. Чтение имени города, как Сувар, было основано на предположении, что завиток под буквой *ل* принадлежит к этому слову, так как Френ считал его за хвостик буквы *ر*. Раз этот завиток принадлежит к слову *شريك*, то при чтении имени города с ним считаться не приходится. А в таком случае одинаково допустимо чтение Булгар. Ведь при чтении Сувар тоже необходимо допустить наличие двух ошибок: неотчетливый знак вместо буквы *و* и пропуск предлога *ب*. Если читать *ببلغار* то надо иметь в виду, что буква *ا* написана несколько неотчетливо, и что знак, изображающий букву *ل*, слишком короток.

Впоследствии Френ транскрибировал это слово *سطر* и читал его по-прежнему Сувар.

Этот диргем упомянут еще в следующих трудах: Frähn, Recensio, 584 n° 320a (سغار), Hallenberg, Num. orient. 183 (читал Самарканд), Hansen, Verh. d. gel. estnischen Gesellsch. II 2 p. 79, Tornberg, Symbolae III n° 94 (читал Сувар) и, без указания года и города — Уваров, Труды I Археол. съезда 668, 752, 829, 830. Диргем, битый в Суваре в 366 г., упоминает Марков, Топогр. 22 n° 127.

18. Мумин ибн ал-Хасан, Булгар. 366 г.

Av. В поле, в круге: *لا اله الا الله وحده لا شريك له*

Внутр. круг. лег.: *بسم الله ضرب هك الكرههم ببلغار سنة ست وستين وثلاثمائه...*

Внешн. круг. лег.: *ينصر من يشاء* почти вся стерта; к обычному концу прибавлены еще слова *ينصر من يشاء*.

Rev. В поле, в круге: *محمد رسول الله المطيع لله مؤمن بن الحمر*

Круговая легенда: *محمد رسول الخ* почти вся стерта.

Эрмитажный экземпляр (Марков 184 n° 3; диам. 30 мм., вес 3,09 гр.) чеканен теми же штемпелями, что изображенный у Френа *Drei Münzen*, табл. n° 2; той же матрицы оба экземпляра Азиатского Музея. Frähn, Nova Suppl. 50 n° 2, диам 30 и 31 мм., вес 2,98 и 3,03 гр. См. таб.). Слова *ينصر من يشاء* сохранились только на экземпляре, изображенном в статье „*Drei Münzen*“ и на одном из принадлежащих Азиатскому Музею. Слово *ينصر* на этих двух экземплярах имеет вид *ل*.

Имя отца Френ транскрибировал *الحمد* и *الحص* и полагал, что его следует читать Ахмед, как на диргеме n° 17. В „*Nova Suppl.*“ он его прямо-таки передает через *أحمد*. Также Дорн в *Inventaire* 151 и в

BASP I ser. II 205. Нижеописанные диргемы n° 22 и 23, на которых ясно написано الحسن показывают, что и здесь следует читать не الحد а الحسن, диргемы n° 19 и 20, на которых отчетливо читается الحسن точно также указывают на то, что вряд-ли здесь имелся в виду Ахмед или الحسن Ср. Verh. gel. estn. Gesellsch. II, 2 p. 79, VI 3—4, 1871 p 190 n° 113, Frank, у. с. 373 n° 71; 376 n° 170.

19. Мумин ибн ал-Хасан, Булгар. 366 г.

Av. В поле, в круге: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Буква ر последней строки с завитком с листьями. Наверху V.

Внутр. круг. легенда начинается справа, с середины:

بسم الله ضرب هذا الكرم بلغار سنة سو (sic)

Внешн. круг. легенда: بنصر الله الامر

Rev. В поле, в круге: لله محمد رسول الله المطيع لله مؤمن بن الحسن

Круг. легенда: محمد رسول الله ارسله بالهكى وكين الحق ليظهره عل

Три экземпляра одинаковых матриц: Марков 184 n° 5. Диамет. 34 мм., вес 3,9 гр.), колл. Вельяминова—Зернова (Диамет. 33 и 30 мм., вес 4,15 и 3,15 гр., последний экз. трижды пробит).

20. Мумин ибн ал-Хасан, Булгар. 366 г.

Av. В поле: لا اله الا الله وحده لا شريك له Буква ر последней строки с завитком с листьями. Наверху V

Внутр. круг. легенда сильно потерта. Дата: ..ار سنة ست وستين...

Внешн. круг. легенда: بنصر الله الامر почти вся стерта.

Rev. В поле, в двух кругах, из которых внутренний состоит из точек: لله محمد رسول الله المطائع لله مؤمن بن الحسن

Круговая легенда (محمد رسول) начинается внизу. Конец ее стерт.

Марков 184 n° 4 (дважды пробит; диам. 31 мм., вес 2,4 гр.).

Обломок диргема той же матрицы описан Григорьевым, Описание куфич. монет X в. СПб. 1841, 50—51 n° 40 тбл. (Марков, Топогр. 40 n° 220).

Экземпляр, чеканенный только с одной стороны тем же реверсным штемпелем—Марков, 973 n° 7 (Диамет. 26 мм., вес 0,55 гр.).

20а. То же, только Av. внутр. круг. легенда: بسم الله ضرب هذا الكرم بلغار سنة (ست) وست مائتين

В поле, вправо от الله кружок.

Внешняя круговая легенда почти вся стерта, но сохранилось (sic, без ومن) قبل بسم الله

Rev. Поле в двух кругах, между которыми, на одинаковом расстоянии один от другого, находятся 4 кружка.

Круговая легенда начинается вверху и оканчивается словами *لوكره المسير*. Ленинградский университет.

21. Мумин ибн ал-Хасан, Булгар 366 г.

Av. В поле, в круге: *لا اله الا الله وحده لا شريك له*
Внутр. круг. легенда начинается снизу: *بسم الله ضرب هذا الكرم ببلغار سنة ست و*

Внешн. круг. легенда, почти вся стертая, тоже начинается снизу.

Rev. В поле, в круге: *الله محمد رسول الله الطائع لله مؤمن*

Круговая легенда: *ليظهر محمد رسول الخ*. Марков 973 n° 5a (Диам. 30 мм., вес 2,11 гр.).

22. Мумин ибн ал-Хасан, без даты, чеканен только с одной стороны.

Rev. В поле, в круге: *الله محمد رسول الله مؤمن الحسن*

Кругов. легенда: *ارسله بالهكى وك الحق ليظهره على الكين الكين كله ولو كر*

Марков 973 n° 6 (Диам. 26 мм., вес. 0,97 гр., пять раз пробит (См. табл.).

23. Мумин ибн ал-Хасан, Булгар 370-ых гг.

Av. В поле, в круге: *عكل لا اله الا الله وحده لا شريك له*

Внутреннюю круговую легенду, совершенно неразборчивую на изображении, Tornberg передает таким образом: *يبل... سنة... وسبعين وثلاثمائة*

Внешняя круговая легенда: *الله الامر الخ*

Rev. В поле, в круге: *الله محمد رسول الله المطيع لله مؤمن بن الحسن*

Круговая легенда: *محمد رسول* Конец неразборчив.

Tornberg, Découvertes (Rev. num. belge 5 ser II) 235 n° 66 pl. IV n° 2, Dorn, Addit. ad. Nova Suppl. 247 n° 3a (я этого экзempl. в Аз. музее не видел, так как он на месте не оказался).

Диргемы Мумина ибн ал-Хасана, чеканенные в Булгаре, упоминает еще Марков, Топогр. 140 n° 28; 38 n° 212 (Булгар 366).

Диргем этого же эмира, чеканенный в Биляре (?) с именем халифа ал Мути, упоминает Weyl, Verzeichniss d. Sammlung d. Fürsten G. n° 889.

24. Абдаллах ибн Тегин.

Френ (BASP 2 ser. III 249 n° 5, Nova Suppl. 50 n° 4) относил этот диргем не то к Нисабуру или Сабуру, не то к Сувару.

Av. В поле: الله محمد بن تكين || عبدالله || بن تكين

Отсутствие слов رسول الله Френ объяснял неумелостью резчика.

Пять диргемов с именем Абдаллах ибн... находились в Ботельском кладе (VНААМ. 1883 р. 107).

Несколько монет Волжских Болгар, чеканенных в Суваре, со стертыми или срезанными собственными именами, упоминает Frank, Mitteil, aus der livländ. Geschichte, XVIII, 331 n° 392; 344 n° 825—830.

Мы знаем, следовательно, монеты трех царей Волжских Болгар, четвертый царь (по времени первый) нам известен из записки Ибн Фадлана. Был ли еще Абдаллах ибн Тегин царем Волжских Болгар, пока неизвестно. Список царей, который дает Григорьев (Россия и Азия, 94), по моему, неправилен:

„Кроме Силки, прозванного в могиле Абдаллахом и сына его Алмаса или Джафара, из дошедших до нас монет болгарских мы узнаем еще о существовании трех государей, именно Ахмеда, вероятно, сына Джафарова, Талеба и Мумена, сыновей Ахмедовых“¹⁾. Ведь у нас нет никаких данных для того, чтобы считать Силки, а затем и Ахмеда царями. Мы знаем только, что в 310 г. эмиром был Алмус ибн Силки, что в 337 и еще в 347 г. правил Талиб ибн Ахмед, в 366 г.—Мумин ибн Ахмед и в том же 366 г. и позже, в 370-х г.г.—Мумин ибн ал-Хасан. Вероятнее предположение Дорна (BASP I ser. II 205) и Бартольда (Enzykl. d. Islam I 823), что Мумин ибн Ахмед был братом Талиба.

Так называемые, варварские подражания Саманидским диргемам известны в большом количестве. Это—диргемы с искаженными легендами. При этом степень искаженности может быть весьма различной. Многие Андерабские и Мадинские диргемы имеют довольно сильно искаженные легенды и некоторые из них производят явно варварское впечатление.

Провести определенную границу между диргемами варварского чекана и плохого Саманидского очень трудно именно в виду того, что степень совершенства чеканки в разных Саманидских городах была различна.

¹⁾ Спицын (Новый энцикл. словарь Брокгауза, VII, 352) тоже называет Ахмеда царем. Как видно по цитате Шпилевского (Древние города Каз. губ. 39—40) этого же мнения придерживается и Шихабдин: „Из этого дома Джафарова и потомства Алмасова из царствовавших в Булгаре до нас дошли: Джафар б. Силки хан, сын его Ахмед, сын Ахмеда Талиб, брат Талиба Мумин и т. д.“ По мнению Шпилевского, имена Ахмед, Талиб и Мумин взяты с монет, объясненных Френом. Самой работой Шихабдина я, к сожалению, не мог пользоваться.

Самые нормальные 'Андерабские и Мадинские диргемы, будь они в таком виде чеканены в Самарканде, безусловно были бы сочтены за варварские подражания.

У нас имеется прямое указание на то, что некоторые, наиболее удачные, подражания Саманидским диргемам чеканены Волжскими Булгарами.

Таков диргем с именами Насра ибн Ахмеда и халифа Муктадира, чеканенный в Булгаре (?)¹⁾ в 301 г. (Frähn, Nova Suppl. 39 n° 143a: rud. arte cus., Савельев, Тр. В. О. I 248), таков изданный Савельевым (И. Р. А. О. III 403 n° 5) варварский диргем Насра из Суvara (?) 306 г. (?)²⁾.

Диргемы Микаила ибн Джафара напоминают такие наиболее удачные подражания Саманидским диргемам. Диргем Фридрихсгофского клада чеканен в Булгаре. Единственная сомнительная буква в этом слове — это α . Это слово написано почти совершенно так же на диргеме Мумина ибн Ахмеда 366 г., изображенном у Френа (Drei Münzen n° 3). Разница — 1) в начертании буквы α , которая на диргеме Микаила вся находится на строке, а на диргеме Мумина заходит вниз. И та и другая форма этой буквы хорошо известна по другим современным монетам. Другая разница заключается в том, что на диргеме Мумина сказано ببلغار или سوار а на диргеме Микаила — ببلغار. Тот знак, который я читаю α имеет здесь скорее вид закругленного сверху прямоугольника. Он на обеих монетах написан совершенно одинаково, и Френ транскрибировал его как α . Три черточки перед этой буквой на экземпляре Френа одинаковой величины, на диргеме Микаила их только две и притом вторая выше первой. Все это вместе доказывает, что на этом диргеме чтение Сувар невозможно и что можно читать только Булгар. Внутренняя круговая легенда этого диргема написана в обратном направлении, слева направо. Это — явный признак варварского чекана. Общий вид монеты тоже указывает на варварское ее происхождение. Наконец, место чекана ببلغار прямо показывает, что эта монета чеканена в Булгаре.

1) Френ передает имя города таким образом: سعار (ап. ببلغار) т. е. почти совершенно так же, как при описании монеты Мумина ибн Ахмеда (سعار).

2) Арабское начертание имени города Савельев передает без знака вопроса. Вопросительный знак стоит подле русского толкования этого имени: „Сувар?, Самарканд?“. Савельева, повидимому, смущало только географическое положение города Суvara, совершенно неподходящее для монеты Саманида Насра.

Как мы видели, известные до сих пор диргемы с именем Микаила ибн Джафара тоже все производят несколько варварское впечатление.

Самый лучший из них—Самаркандский 306 г. и тот для Самарканда чеканен неважно. Ни на одном другом Самаркандском диргеме не пропущена буква ل в слове بنصر в последней строке центральной легенды аверса.

В круговой легенде аверса не проведена разница между буквами ا и و , а буква ر в слове بنصر скорее похожа на элиф чем на ر .

До сих пор принято считать Микаила ибн Джафара повстанцем, воспользовавшимся малолетством эмира Насра для того, чтобы об'явить эмиром самого себя. (Frähn, BASP 2 ser. I, 19, V 118 n° 14, Lindberg, Annaler 1842—43, p. 157—158 n° 33). Бартольд (Туркестан II 252, 505) полагает, что монеты с именем Микаила ибн Джафара находятся в связи с восстанием Джафара ибн Абу Джафара, которого Ибн ал Асир, VIII, 59, упоминает в своем перечне лиц, восставших против Насра ибн Ахмеда ¹⁾.

Весьма замечательно, что диргемы с именем Микаила ибн Джафара чеканены в Самарканде, аш-Шаше, Балхе и Нисабуре, т. е.

¹⁾ Ибн ал Асир VIII 163—164 рассказывает о восстании Саманидского наместника Хутталя Джафара ибн Абу Джафара ибн Абу Дауда. Это восстание было быстро подавлено и Джафар посажен в тюрьму в Бухаре. Когда впоследствии против Насра восстал Абу Закарья Ях'я, этот последний освободил Джафара из тюрьмы и разрешил ему вернуться в Хутталь. Джафар отправился в Хутталь, покорился и жил спокойно в своей области. Это было в 318 г.

На Хуттальских диргемах 310—313 г.г. упоминается некий Джафар ибн Ахмед, несомненно идентичный с хуттальским наместником Джафаром ибн Абу Джафар ибн Абу Даудом, о котором в указанном месте говорит Ибн ал Асир. Отца этого Джафара звали, следовательно, Абу Джафар Ахмед ибн Абу Даудом. Андерабой и Балхом в 260-х и 270-х годах владел Абу Дауд Мухаммед ибн Ахмед, имя которого встречается на целом ряде монет этих городов. На монетах Андерабы и Балха 290—294 г.г. упомянут Ахмед ибн Мухаммед ибн Ахмед, очевидно, сын этого Абу Дауда. На двух Андерабских диргемах 288 г. (Марков 848 n° 3 а и 3 в) назван некий Абу Джафар. Мне кажется, не может подлежать сомнению, что Ахмед ибн Мухаммед и Абу Джафар одно и то же лицо, и что Джафар ибн Абу Джафар ибн Абу Дауд—его сын. Что же касается того места ибн ал Асира, на которое ссылается Бартольд (VIII, 59), то здесь упомянуты рядом Джафар ибн Абу Джафар и какой то Ибн Дауд. Последний впрочем нигде не упоминается. Нельзя сомневаться, что здесь текст испорчен. Следует читать $\text{جعفر بن ابى جعفر بن ابى جعفر وابن داود}$. Здесь речь идет о том же самом владельце Хутталя, о котором говорится у Ибн ал Асира VIII 163—164. У нас нет никаких оснований связывать монеты Микаила ибн Джафара, чеканенные в Самарканде, Балхе, аш-Шаше и Нисабуре с этим восстанием, которое происходило в Хуттале и, судя по рассказу Ибн ал Асира, было быстро подавлено.

почти на всех крупных монетных дворах Саманида Насра. Если Микаил был бунтовщиком, то это восстание, судя по монетам, должно было быть очень серьезным, продолжавшимся от 1½ до 3 лет и охватившим почти всю страну. Невероятно, чтобы историки, дающие подробные рассказы о всяких более мелких восстаниях (Исхака ибн Ахмеда в Самарканде, Мансура ибн Исхака в Нисабуре, Ях'и, ибн Ахмеда и др.), ничего не знали о таком крупном мятеже, и чтобы Ибн ал Асир в перечне бунтовщиков не упомянул об этом Микаиле, который в стольких городах чеканил монету. Наконец, тот факт, что Микаил чеканил монету также и в Булгаре, еще более запутывает дело.

„Когда речь идет о монетах Волжских Болгар“, говорит Яacob (Nordisch-baltischer Handel 66), „то нельзя обходить молчанием тех диргемов, которые, судя по их внешнему виду, должны бы были принадлежать Саманидам, однако чеканены от имени каких то неизвестных владетелей. В первую очередь, в данном случае, надо отметить монеты Микаила ибн Джафара“.

Если предположить, что все описанные выше диргемы с именем Микаила ибн Джафара не что иное, как подражания Саманидским диргемам, то обилие монетных дворов, которые все чеканили монету от имени Микаила, не удивительно. Все эти диргемы чеканены где-то вне Саманидского государства, но легенды составлены в подражание легендам Саманидских диргемов. Марков считал диргем Микаила, чеканенный двумя реверсными штемпелями (n° 9), за варварское подражание монетам Микаила. Марков, вероятно, при этом имел в виду только старые Эрмитажные экземпляры. Из них, действительно, диргем n° 9 производит самое варварское впечатление, конечно, если не считать n° 8, который Марков признавал за варварское подражание Мансуру. Однако, уже в колл. Вельяминова-Зернова, теперь тоже принадлежащей Эрмитажу, находится ап-Шашский диргем Микаила (n° 4), на котором легенды искажены не менее чем на n° 9. Описанные Tornberg'ом Балхские диргемы тоже немногим отличаются от n° 9 и представляют как бы переходные ступени от лучших диргемов (Самарканд 306 г.) к наихудшим (n° 9). Наконец, на диргеме, описанном Stern'ом (n° 12), все легенды написаны еще гораздо хуже, чем даже на n° 9. В виду этого я считаю несомненным, что все диргемы Микаила — варварские подражания. Самаркандские диргемы 306 г. только удалось мастеру лучше остальных, что отчасти может

быть объяснено тем обстоятельством, что и сами подлинные Самаркандские экземпляры более изящны, чем монеты, изготовленные на других монетных дворах Саманидов.

Существует целый ряд варварских диргемов, на которых все легенды—Саманидские и имя эмира и название города точно скопированы с Саманидских монет. Выше я уже упомянул о диргемах Насра, чеканенных в Булгаре и Суваре. Наср в этих городах не мог чеканить монет, так как он этими городами не владел. Не подлежит сомнению, что это Булгарские подражания. Здесь все легенды остались Саманидскими, измененно только название города. На монетах Микаила—обратный случай: год и город оставлены Саманидские, а имя эмира—другое. На тех диргемах реверс остался без изменений, а аверс составлен новый, на этом—наоборот, для аверса скопирован Саманидский штемпель точно, а для реверса изготовлен новый штемпель с именем Микаила.

Диргем Фридрихсгофского клада является дальнейшей стадией в самостоятельной чеканке Волжских Болгар, так как здесь изменены уже обе стороны монеты. Здесь назван город Булгар. Мы имеем, следовательно, варварский диргем, на котором назван такой город, который не мог упоминаться на той монете, с которой данная монета скопирована. Он не может быть скопирован с Булгарского диргема Саманидов, так как Саманиды в Булгаре монет не чеканили. Самое вероятное объяснение то, что здесь действительно назван тот город, где данная монета чеканена. Как на вышеупомянутых варварских монетах с именем Насра, имена Булгар и Сувар указывают на то, что эти монеты действительно чеканены в Булгаре и Суваре, точно также и на диргеме Микаила, названное на нем место чекана указывает на то, что этот диргем чеканен в Булгаре. Но в таком случае представляется весьма вероятным, что Микаил был эмиром Волжских Болгар, чеканившим такие же монеты, как его предшественники, т. е. подражания Саманидским диргемам, но сделавшим большой шаг вперед, придумав новый тип реверса, на котором имя Саманидского эмира заменено именем эмира Волжских Болгар, Микаила.

Масуди (*Prairies d' or* II 16, *Frähn, Drei Münzen* 186) рассказывает, что болгары приняли ислам после 310 года. По Ибн Фадлану они приняли новую веру раньше этого года и посольство, в котором участвовал Ибн Фадлан,¹⁾ прибыло в Булгар в 310 г. для

¹⁾ Мнение Спизына (*ЗИРАО* XI 1899, 163), что Ибн Фадлан сам у болгар не был, встретило весьма обоснованные возражения со стороны Тизенгаузена. (*З. В. О.* XIII 024—032).

более близкого ознакомления болгар со сложными религиозными обрядами, для постройки мечетей и замка (Якут I 723, Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten 554, 555 Ibn Fozzlan LVI, Хвольсон, Известия о хазарах, буртасах и т. д. Ибн Даста 6—7). Ибн Фадлан говорит, что болгарского царя звали *المس بن شلكى بلطوار ملك الصقالبة* ¹⁾ и что он вместе с исламом принял новое имя, Джафар ибн Абдаллах.

Мне кажется вполне возможным, что Михаил ибн Джафар может — сын этого Джафара. При таком толковании неважно, что многие из его диргемов помечены 306 и 308 гг., когда правил его отец. Как я уже сказал, все эти даты не имеют значения, а показывают только, что эти диргемы скопированы с Саманидских диргемов этих годов. Не играют роли также и значащиеся на монетах Михаила города, так как за образец брались первые попадавшиеся под руку Саманидские диргемы. Совершенно также и из, так называемых, варварских подражаний одни чеканены по образцу аш-Шашских, другие — по образцу Самаркандских, третьи — по образцу Нисабурских и т. д. диргемов.

Изящные диргемы Талиба ибн Ахмеда показывают, что в 30-х годах IV в. х. в деле чеканки монет болгары уже достигли значительной степени искусства. Во время Михаила этого, очевидно, не было. Правда, имя эмира вышло довольно хорошо, но с более трудной задачей, вырезать новую круговую легенду, резчик уже не справился: 1) ему не хватило места и 2) он не сообразил, что для того, чтобы получить правильную легенду на монете, необходимо на штемпеле вырезать ее в обратном направлении.

Весьма характерно, что, на неоднократно упомянутом варварском подражании из Суvara, легенда, содержащая дату, тоже весьма неразборчива.

Френ несколько раз высказывал мнение, что, так называемые, варварские подражания Саманидским диргемам чеканены Волжскими Болгарами (BASP. 2 ser. I 26, 27, V 122, Mém. Acad. St. Petersb. 6 ser. IV 243, Über die tatar. Münzen 182, Григорьев, Описание куфич. монет X в. 51 n° 41 с прим. Френа). И это мнение было принято

¹⁾ У Ибн Фадлана *المس* (Якут. I 723), у Ибн Русте *المش* (В. Г. А. VII 141, Хвольсон 22, 91), у Бекри *المدر* (Хвольсон 91, Куник и Розен, Известия ал Бекри о славянах 63, Deffrémery, Journ. As. 4 ser. 13 p. 473), у Гардизи *المش* (Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию 1897, 97). Слово *الصقالبة* Якут (I 112) объясняет таким образом: *و هم أهل بلغار* (см. Frähn, Ibn Fozzlan LV).

Григорьевым (Описание n° 41 табл.), Karabacek'ом (Wiener Numism. Monatsh. IV 64, Num. Zschr. 1138), Тизенгаузеном (см. Iversen, Berl. Blätter für Münz, Siegel=und Wappenkunde VI 287), Марковым (Топография 20 n° 115, ср. Frank, Mitteil aus d. livländ. Gesch. XVIII 390 n° 38), и Hjelt'ом (Finskt Museum 1894 p. 93). Савельев полагал, что их чеканили и Волжские Болгары (Мухамм. нумизматика 118) и Кубечи (у. с. LVIII—LIX, ср. Frähn, BASP. 1 ser IV 33—45, 49—53, V 122 прим.).

В начале нынешнего столетия Zambaur выступил с предложением считать их хазарскими подражаниями (Monatshefte d. Num. Gesellsch. in Wien V 371, VIII 315). Выставленный им аргумент, что Волжские Болгары имели свою монету, почему он и считает более вероятным, что эти неприуроченные до сих пор монеты чеканены хазарами, а не болгарами, по моему, недостаточен. Неоднократно упомянутые мною диргеи Насра, чеканенные в Булгаре и Суваре, указывают на болгарское происхождение подобных монет. Ведь Саманидских диргеи, чеканенных в Итиле, до сих пор не найдено. Точно также на болгарское происхождение этих монет указывает и место находки латунного штампа, служившего для чеканки варварских подражаний диргеям Мансура ибн Нуха. Этот штамп найден в Казанской губ. и принадлежит Эрмитажу¹⁾.

Этот штамп несомненно варварской, но все-же довольно хорошей, работы. Центральная легенда не искажена вовсе, непонятна только круговая легенда. На сургучном оттиске с него, сделанном в Эрмитаже, читается следующее: رسول الله || الطائع لله || منصور. Наверху V. Внизу имеются еще следы каких то букв, вероятно, составляющих слова بن نوح. Находящийся над первой строкой надписи знак имеется почти на всех известных диргеях Мумина ибн ал-Хасана. Таким образом оказывается, что и место находки и внешний вид штампа определенно указывают на болгарское происхождение как самого этого штампа, так и вообще варварских подражаний Саманидским диргеям.

Важно также и замечание Agne (La Suède et l'Orient 86—87), что на территории хазар не сохранилось почти никаких следов чеканки и хождения куфических диргеи X в. Стоит только просмотреть „Топографию“ Маркова, чтобы убедиться, что в то время, как

¹⁾ Он изображен в работе Маркова, Русская нумизматика табл. II. 17. Изображение в обратном направлении см. на табл., приложенной к настоящей статье n° 27.

в бывшей Казанской губ. куфические диргеми находят в большом количестве и при этом в большинстве кладов имеются и варварские подражания, около устья Волги никаких кладов с куфическими монетами до сих пор не найдено,¹⁾ а в Донской области они попадаются весьма редко. Марков отметил только два клада и 4 единичные находки куфических монет в Донской области. Один из этих кладов (Марков, Топогр. 137 n° 8), был зарыт ок. 800 г., другой (у. с. 9 n° 49)—в конце IX в. Из отдельных находок одна (у. с. 136 n° 5) состояла из Омейядского динара, две другие—из Омейядских диргемов VII (у. с. 9 n° 48) и VIII в. в. (137 n° 7), четвертая, наконец, (у. с. 136 n° 6) состояла из двух монет, из которых одна, диргем халифа Му'тамида, принадлежит IX в., другая, чеканенная лишь с одной стороны, не могла быть точно определена, но Марков с уверенностью относил ее к IV в. х. Таким образом, из 6 находок 5 относятся ко времени, когда еще не было Саманидских диргемов и только одна монета может быть сочтена за варварское подражание (этот взгляд, что монеты, чеканенные только с одной стороны—варварские подражания, был впервые высказан Савельевым; ср. Марков, у. с. 104 n° 12).

Напротив, в многочисленных кладах, найденных в бывшей Казанской губ., варварские подражания попадаются весьма часто и притом иногда в большом количестве. Особенно интересен в этом отношении Кокрятский клад (Спасского уезда) 1890 г., который, по словам находчика, состоял из 300 монет. 40 монет этого клада были рассмотрены Тизенгаузеном и все 40 оказались варварскими; 10 других, приобретенные Н. П. Лихачевым, были тоже варварские; впоследствии Маркову было показано еще 14 диргемов из этого клада и из них варварскими оказались 12 (Марков, у. с. 11 n° 59). В другом кладе, из состава которого в руки исследователей попала 31 монета (у. с. 10 n° 52), находилось 6 варварских. В третьем кладе (у. с. 137 n° 10) из 70 диргемов—9 оказались варварскими и 6—чеканенными лишь с одной стороны, т. е. 15 варварских. Из собранных мною самим материалов я к этому могу прибавить следующее. В кладе, найденном в 1902 г. в дер. Даниловке, Спасского у. и состоявшем из 137 диргемов, находилось 117 монет, чеканенных только с

¹⁾ В Селитренном найден в 1921 г. один диргем; см. Баллод, Старый и Новый Сарай 33.

одной стороны (ОАК¹) 1902 г. 140, 164, ДАК²) 1902 г. n⁰ 167). В Болгарах в 1900 г. были найдены 3 варварских диргема. В 1890-х гг. в Спасском уезде нашли 5 диргемов, среди которых был один варварский.³) Из 52 диргемов Чистопольского клада 1885 г. 2 были чеканены только с одной стороны (А. Ф. Лихачев, ЗВО. II 33—62, ср. Марков, Топогр. 9—10 n⁰ 50). Среди 167 монет Старо-Альметьевского клада (Чистопольск. уезд.) 1906 г. было 8 диргемов, чеканенных лишь с одной стороны, в том числе 2 с именем Мумина ибн ал-Хасана (ОАК 1906 г. 130, 147, ДАК 1906 г. n⁰ 102). В кладе, найденном в 1907 г. в дер. Татарский Толчиш (Чистопольский уезд.) и состоявшем из 947 диргемов, был 21 варварский диргем и 3 диргема Волжских Болгар. (ОАК 1907 г. 119, 137, ДАК 1907 г. n⁰ 141). Я не знаю ни одного клада куфических диргемов, из найденных в бывшей Казанской губ., о котором можно было бы с полной уверенностью сказать, что в нем не заключалось между прочими монетами и варварских диргемов.

Следует обратить внимание на тот факт, что на большинстве варварских подражаний Саманидским диргемам, на которых можно прочесть имя Саманидского эмира, находится имя Насра ибн Ахмеда и что известно лишь немного монет с именами преемников Насра. Так, в Эрмитаже имеется 47 варварских диргемов Насра⁴), правившего 30 лет (301—331), а следующие 30 лет представлены только 6 варварскими диргемами, которые все относятся к правлению Нуха ибн Насра⁵) (331—343). Существование вышеупомянутого штампа с именем Мансура доказывает, что болгары продолжали чеканить подражания Саманидским диргемам даже и после того, как они при-

¹) Отчет Археологической Комиссии.

²) Дела Археологической Комиссии в архиве Российской Академии Истории Материальной Культуры.

³) Протокол 80 заседания Нумизматической Комиссии при Российской Академии Истории Материальной Культуры (24 сент. 1921 г. доклад Н. П. Лихачева. В рукописи).

⁴) Марков n⁰ 698—725; p. 967 n⁰ 417a (чтение Маркова Асрабад 306 я считаю неправильным: по моему, это варварское подражание Самаркандскому диргему Насра), 3 экзempl. приобретенные после выхода в свет 4-го добавления Маркова, и 5 монет из колл. Вельямин.—Зернова. Монеты n⁰ 697 и 721a (p. 923) я исключаю так как они, хотя и чеканены только с одной стороны, имеют совершенно правильные легенды.

⁵) Марков n⁰ 870—873 и 2 из новых поступлений.

ступили к выпуску монет с именем своего государя. Может быть это явление следует объяснить тем обстоятельством, что в болгарском государстве свободно обращались и Саманидские диргемы, что опытных мастеров не всегда легко было выписывать из Саманидского государства, а туземные граверы, не достигшие особого мастерства в вырезании штемпелей, не будучи особенными знатоками арабского письма, выделявали подражания первым попавшимся под руку монетам. Странно и несовместимо с представлением о строгой организованности монетного дела и о чеканке монет из года в год то, что все известные монеты с действительно безукоризненными надписями чеканены в 338 и 366 г.г., что в следующие за этими датами годы чеканились монеты с надписями, исполненными несколько хуже и что монеты дальнейших годов совершенно неизвестны. Пока у нас нет болгарских монет времени правления Саманида Мансура (350 — 365) мы не имеем оснований полагать, что монетное дело у болгар было так-же хорошо организовано как в культурных странах ислама.

Постепенное развитие самостоятельной чеканки монет, аналогичное наблюдаемому у Волжских Болгар, можно проследить и у других варварских народов. Достигнув той степени культуры, при которой является потребность в собственной монете, варварские народы обычно начинают чеканку с того, что выпускают монету того же типа, какой имеется у какогонибудь более культурного соседа. Рабски подражая существующему рисунку, они ничего нового к нему, на первых порах, не прибавляют.

Так поступали, между прочим, в течение довольно продолжительного времени германские племена, разделившие между собой распавшуюся римскую империю¹⁾. „Whenever a Roman province is occupied by the barbarians“, говорит Keary (The coinage of western Europe 17); „the change is first marked by the appearance of a coinage which imitates the old Roman one.“ „Tous les Barbares débütèrent dans leur monnayage par la copie littérale des types romains“ (Engel et Serrure, Traité de numismatique du moyen age I 16). Переход к самостоятельной чеканке всегда совершается лишь постепенно. Так, Теодорих Великий долго сохранял монетный тип Анастасия I, затем начал на обороте добавлять от себя кой-какие буквы для обозначения места чекана, а дальнейшую стадию развития представ-

¹⁾ На эту параллель указал мне Н. П. Бауэр, которому я обязан также ниже-следующими литературными ссылками.

ляют монеты с еле заметной, на первый взгляд, монограммой Теодориха (Engel et Serrure I 26). Суевы оставили без изменения оборотную сторону и изменили круговую легенду аверса (Engel et Serrure I 21—22). Франки только при Хлодвиге I (481—511) начали помечать свои монеты буквой С, которая ставилась возле имени императора Анастасия (Engel et Serrure I 55). На монетах Бургундов подобные монограммы появляются при Гундобаде (473—516) и притом на реверсе, тогда как аверс является прямой копией с монет Анастасия (Engel et Serrure I 37).

Такое же подражание чужой монеты происходило в XIV—XV столетиях у русских. „Часто“, говорит Френ (Über die tatarischen Münzen der Russen 182), „в кладах на ряду с подлинными Саманидскими диргемами встречаются монеты, отличающиеся от них тем, что легенды на них неимоверно искажены и, очевидно, изготовлены неумелой рукой. Едва ли можно сомневаться, что эти диргемы — произведение промышленности Волжских Болгар IX—X в.в. и изготовлены для того, чтобы играть роль в торговых сношениях этих последних с Бухарой. Совершенно также 4 столетия спустя поступали русские с монетами Кипчакских ханов. Свои монеты, предназначенные служить либо при уплате ханам дани, либо при торговых сношениях с ханскими подданными, они снабжали не только русской, но и арабской надписью, а помимо этого чеканили также и прямые подражания татарским монетам, не прибавляя к татарским легендам ни единого русского слова. Но и при таком способе чеканки они обнаруживали большую долю произвола, неумелости и неточности“.

„Приписываемые в настоящее время (Дмитрию) Донскому деньги“, говорит Чижев (Дроздовский клад 10), „носят русско-татарский тип: лицевые стороны их, чисто русского типа, имеют в середине какое-либо изображение и по окраине круговую надпись с именем Дмитрия. Обратная сторона их представляет обычно копию с лицевой стороны деньги Тохтамыша с именем хана“.

Такие монеты, кроме Дмитрия Донского, чеканили еще великий князь Василий Дмитриевич, Владимир Андреевич Серпуховской и др. (Frähn, Über die tatarischen Münzen 179—184, Ореников, Русские монеты до 1547 г., 141). Как мне сообщил А. А. Ильин, на некоторых таких монетах нет имени князя, по типу они этого же времени¹⁾.

¹⁾ Литературу по русской нумизматике указал мне А. А. Ильин.

И. И. Толстой (Деньги вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского I n^o I) описал монету, на аверсе которой изображен человек с саблей и топором и в круговой легенде назван Димитрий, а реверс которой чеканен штемпелем Узбека, на 30 лет с лишним предшествовавшим времени чекана аверса. Толстой (14) говорит: „Что такие монеты обращались в его время в России, не может подлежать сомнению, но тот факт, что для обратной стороны монеты великого князя Дмитрия (для данного случая даже безразлично, был ли этот Димитрий Московский или Нижегородско-Суздальский князь) взят штемпель с именем не царствующего хана, а сравнительно давно умершего, указывает, что в помещении этого имени на русской монете не следует усматривать указания на подчиненность Орде или даннические к ней отношения, а можно просто признать случайное опирование знакомого всем и бывшего под рукой у резчика оригинала находящейся в обращении монеты. В том же еще более убеждает надпись оборотной стороны n° 2, на которой даже не упоминается имени хана, а случайно вычеканена надпись, в данном случае бессмысленная: „чеканена в Сарае Новом سرای جدید Обратная сторона n° 10 интересна тем, что резчик, мало, очевидно, соображая результат своей работы, выгравировал на штемпеле довольно тщательно, но едва-ли сознательно, копию с татарской монеты прямо так, как он ее видел, а не навыворот, как следовало бы, почему оттиск штемпеля на монете получился, конечно, навыворот. Орнаментальное впечатление оригинала несомненно сохранилось, но смыслу надписи нанесен был явный ущерб, о чем, может быть, не особенно даже сожалели, так как внешний вид монеты остался все-же в общем знакомым всем современникам“. (см. Савельев. Монеты Джучидов I, 154—155).

Об этих монетах говорит Френ (*Über die tatar. Münzen* 175): „Все татарские легенды на монетах этого рода чисто произвольны. Они заимствованы с первых попавшихся татарских монет с единственной целью придать монете татарский вид и дать ей право хождения и на территории Золотой Орды. С историческими датами, с годами правлений, к которым относились подлинники, авторы копий не могли считаться. Стара ли данная монета, или нова, чеканена ли она 100 лет тому назад, или 10—им это было безразлично. И за образец принималась любая попавшаяся под руку монета“.

Наконец, Френ (у. с. 174) описывает еще четвертый вид двуязычных русских монет, относящийся к более позднему времени.

Это—монеты Ивана III, которые Френ относил к Ивану Грозному (см. Орешников, у с. 120 n° 649, Савельев, Монеты Джучидов I, 154). На одной стороне изображение всадника и надпись „князь великий Иван Васильевич“, на другой—مسكو افچاسی بودر. Это—деньга Москвы.

На других монетах этого же великого князя весь аверс и круговая легенда реверса—русские, а в поле реверса находится арабское ايبان Ибан (см. Орешников, у. с. 120 n° 648, Савельев у. с. I 154, Frähn, у. с. 174).

Все, что здесь сказано о русских монетах XIV в., приложимо и к варварским монетам X в. На эту параллель указал уже Савельев (Монеты Джучидов I, 155—156).

Варварские подражания Саманидским диргемам — это монеты, чеканенные варварами, которые на них вычеканивали те же легенды, которые они видели на Саманидских диргемах, не давая себе отчета в том, подходит-ли данная легенда и по смыслу или нет. Если на варварском диргеме сказано, что он чеканен в аш-Шаше, в таком-то году, то это вовсе не значит, что он действительно чеканен в этом городе; для нас это значит только, что данный диргем есть подражание аш-Шашским диргемам того года, который на них помечен (ср. Jacob, Der nordisch—baltische Handel 63).

Все стадии развития, какие наблюдаются в монетном деле русских князей, наблюдаются и в нумизматике Волжских Болгар. Русским двухсторонним подражаниям Джучидским монетам соответствуют известные варварские подражания Саманидским диргемам. Русским монетам с арабской надписью на одной оборотной стороне, по существу бессмысленной, соответствуют монеты Микаила ибн Джафара, чеканенные как-будто в Самарканде, аш-Шаше и т. д., а упомянутым монетам Ивана III соответствуют диргемы Талиба ибн Ахмеда, двух Муминов и Булгарский диргем Микаила. Наконец, с монетами Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича с именем Тохтамыша на реверсе можно сопоставить Саманидские диргемы с именем Насра, чеканенные в Булгаре и Суваре.

Среди варварских подражаний Саманидским диргемам, на ряду с сравнительно хорошо исполненными и близкими к оригиналам, встречаются такие, на которых совершенно ничего нельзя различить. Aurivillius (Nova Acta Reg. Soc. Scient. Upsaliensis II 93), а также Minutoli (Topogr. Übersicht 20) указали на сходство некоторых легенд с руническими письменами и сомневались даже в том, арабские-ли

на них легенды. (Aurivillius 94 tab. III n° 7, IV n° 3,4; см. также Григорьев, Описание куфич. монет n° 41 тбл. и тбл., приложенную к наст. статье n° 29, где изображен варварский диргем Азиатского Музея.) Эти сомнения из новейших ученых разделяет Jacob (Der nordisch-baltische Handel 64).

Трудно себе представить, чтобы эти плохие подражания были изготовлены теми же болгарами, которые, как мы видели, умели чеканить довольно хорошие арабские диргеми. В виду этого Jacob (66), который не считает болгарские диргеми варварскими (gut-arabisch), полагает, что плохие подражания изготовлены или в более варварской стране, севернее Казани, или в другое время, чем настоящие болгарские диргеми. Jacob высказывает предположение (впрочем, не настаивая на нем), что те диргеми, которыми, согласно рассказу Ибн Фадлана (Grähn, Ibn Fozlan 30, 42), болгарский царь велел осыпать арабских послов, были именно такими варварскими подражаниями. И думаю, что собственному чекану, хотя бы даже плохих подражаний, обязательно предшествовало обращение подлинных арабских диргемов и потому мнение Савельева (Мухамм. нумизматика LXXIV), что эти деньги были настоящими арабскими (халифскими и саманидскими), по моему, ближе к истине, тем более, что оно подтверждается целым рядом кладов, находимых по всей почти России и содержащих куфические диргеми исключительно более раннего времени и не содержащих совсем саманидских диргемов.

Не следует упускать из виду, что и болгары, вероятно, поступали не иначе, чем в XIV—XV в.в. русские, которые не всегда копировали самый оригинал, а иногда копировали подражания, причем каждый новый подражатель все дальше и дальше удалялся от оригинального рисунка, и таким образом, как у русских подражателей, так и у этих варваров в конце концов получались такие монеты, которые уже ничего общего с подлинниками не имели. Как русские подражания иногда очень близки к подлиннику, иногда совсем на подлинник не похожи, так и здесь подобное же явление допустимо и для болгар. Конечно, этим не отрицается возможность, что и другие народы, напр., хазары, буртасы, меряне занимались чеканкой подражаний, доказать ни того, ни другого пока, мне кажется, нельзя. Лишь очень тщательное исследование состава куфических кладов могло бы пролить свет на этот вопрос: если бы, напр., удалось доказать, что клады какой-нибудь одной местности особенно

богаты каким нибудь одним типом варварских диргемов и что этот тип в более восточных местностях не встречается.

Еще важнее для выяснения данного вопроса — находки штемпелей. В Эрмитаже хранится каменная форма с выгравированным на ней изображением крайне грубого подражания Саманидскому диргему. Весь камень, длиною в 58 мм., шириною в 38 мм. и в самом толстом месте толщиной в 20 мм., имеет трехгранную форму. На одной грани и выгравировано крайне грубое изображение Саманидского диргема. Только потому, что в поле этого изображения находится легенда из трех строк, что поле обведено двумя круговыми легендами, и что диаметр всего изображения, 28 мм., соответствует диаметру Саманидских диргемов, и можно сказать, что это подражание именно Саманидскому диргему. Из легенд можно разобрать только на верхней строке два раза λ . Все остальное исковеркано до-нельзя.

От изображения, в узкому краю камня, выдолблен канальчик, очевидно, служивший для вливания металла. Интересно то, что до сих пор совершенно неизвестны литые подражания Саманидским диргемам. Между тем уже по материалу описываемой формочки видно, что она не могла служить для чеканки, а обязательно служила для отливки. Мы знаем, что эта форма найдена в имении Н. Н. Еврейннова в Невельском уезде Ветевской губ. на глубине двух аршин при копании картофеля (ДАК. 1891 г. № 119, Марков, Топогр. 3 n° 13, Марков, Русская нумизматика 5, табл. II n° 18, Arne, La Suède et l'orient 87; изображение оттиска см. табл. n° 28). Конечно, на основании этой одной находки рискованно делать окончательный вывод, в смысле признания местом изготовления подражаний Саманидским диргемам области кривичей. Во всяком случае, при решении вопроса о происхождении варварских диргемов, эта находка должна иметь первостепенное значение.

К классу варварских диргемов относятся также монеты с именем Эмира Бармана. Спрашивается, кто был, собственно, этот Эмир Барман и правильно ли это чтение его имени. Монеты его напоминают своим внешним видом монеты Микаила ибн Джафара. В Эрмитаже до недавнего времени находился только один диргем с этим именем.

III. Эмир Барман.

25) год и город непонятны.

Av. В поле: لا اله الا الله حكه || لا شريكه

Внутр. круг. лег.: سماله ضرب هكا الكرهه للناس سه سه بهرسه

Das asiat. Museum 57—6 экз., Dorn Inventaire 150—5 экз., Tornberg, ZDMG XI 543, Frank, Mitteil. aus d. livländ. Gesch. XVIII 322 n° 182, 183, Tegnér V.H.A.A.M. 1883 p. 107 (3 экз.).

На изображении, имеющемся в книге Adler'a, S. de Sacy (Millin, Magasin encycl. 1815 г. II 428—432) читал год и город аш-Шаш 308 г. Френ долго считал дешифровку этой надписи невозможной (Potot, 33), но после выступления de Sacy счел нужным заявить, что правильность подобного чтения очень сомнительна, и указал на возможность читать данную надпись совершенно иначе, напр., Осрушна 380 или аш-Шаш 383. Вместо чтения Муктадир, по его мнению, одинаково возможно чтение Кадир. Имя эмира S. de Sacy читал الامير السعيد — эпитет Насра б. Ахмеда. Френ (B.A.S.P. 2 ser. I 19—24, Opusc. post. II 211—212, 252) указал на невозможность как этого, так и других чтений, предложенных O. G. Tychsen'ом (الامير الزمان) и Adler'ом (الامير الحميد) и принял чтение Augivillius'a (93) الامير بارمال или, вместо Бармал, Барман, каковое имя известно из Шахнаме, где так называется один туранский герой (ср. Justi, Iranisches, Namenbuch 64, Шахнаме, изд. Mohll, I 388, 79, III 564, 1835). Полагая, таким образом, что эти монеты чеканены в 80-х годах IV в. х., Френ думал, что этот Барман захватил северо-восточные города (либо Осрушну, либо аш-Шаш) во время первого захвата Саманидских владений Буграханом. Против этого толкования Френа выступил Бартольд, совершенно справедливо указавший на то, что между ق и در нет элифа (Enzykl. des Islam I 821). Состав Фридрихсгофского клада тоже опровергает это толкование Френа. Большинство монет этого клада относится к концу III и началу IV в. и самые поздние монеты чеканены в 340 г. Невероятно, чтобы в клада такого состава находилась монета 383 г. Впрочем, Френ на этом толковании и не настаивал и допускал возможность, что монета чеканена в 308 г. полагая, что в таком случае в Бармане следует видеть такого же мятежника, каким он считал Микаила и др.

К Волжским Болгарам относили эмира Бармана до сих пор только Марков, Бартольд и Франк. Френ, посвятивший монете с этим именем довольно обширную заметку, не проронил ни слова о возможности такого определения личности этого эмира. В Nova Supplementa он отнес такую монету к отделу неопределенных. Такое же обособленное положение эти монеты занимают и у Дорна, Торнберга и Цамбаура. Последний считает эти монеты варварскими подражаниями

Саманидским диргемам. Маркова, повидимому, побудило к указанному более точному определению название местности Сувар, которое он прочел на Эрмитажном экземпляре. Это же чтение было принято Бартольдом (Enzykl. d. Islam I 821) и Франком. Я ни на Эрмитажном экземпляре ни на экземпляре Ленинградского Университета не могу читать بسوار. Я вижу الناس. Вторая черточка одинаковой величины с первой и выше третьей и четвертой, пятая—одинаковой величины с первой и второй и выше шестой, так что وا никак не выходит. По моему, это слово совершенно искажено и поэтому не следует при чтении его слишком точно придерживаться всех наличных элементов букв, а достаточно судить по общему впечатлению. Общее впечатление определенно указывает на الشاش аш-Шаш.

Если мое толкование монет Микаила ибн Джафара верно, то и здесь можно предположить, что монета чеканена не в аш-Шаше (варварский вид монеты исключает такое толкование), а какими-то варварами на подобие монет аш-Шаша. На явно варварский чекан указывают и остальные неточности в воспроизведении легенд: отсутствие و в слове وحده, отсутствие ل в выражении لا شريك له и т. д.

Марков читал дату 313. Это чтение я считаю совершенно неприемлемым. S. de Sacy читал 308 г. и Френ считал такое чтение возможным. Но тогда приходится допустить, что слово سنة написано два раза и что в слове ثمان опущен элиф, что никогда не бывает, наконец, что вместо ثلاثمائة написано سه. Приходится сознаться, что дата совершенно непонятна (см. Frähn Opusc. post. II 210—211). Имя халифа сильно искажено, но все же по начертанию скорее всего напоминает имя Муктадира. На двух монетах Бармана (Tornberg и Zambaur) несомненно это имя и находится. Не подлежит, значит, сомнению, что эмир Барман был современником Муктадира (295—320). Так как по Ибн Фадлану, царя Волжских Болгар, правившего в 310 г., звали Алмус, а на монетах упомянут Барман, то Бартольд высказывал предположение, что имя Алмус попало в копии записки Ибн Фадлана по недоразумению, вследствие того, что переписчики смешали Бармана с Алмусом, который им был известен из сочинений Ибн Хордадбега, Джейхани и др. Не оспаривая вероятности такого толкования, мне хочется указать на возможность еще другого объяснения.

Как я сказал выше, в записке Ибн Фадлана царь болгар назван следующим образом: بطوار المس بن شاكى ملك الصقالبة. Относительно بطوار Френ первоначально думал что это = بطمار и является арабской

транскрипцией русского Владимир. (Frähn, Jbn Foszlan LVI). Впоследствии (Drei Münzen 182, Die ältesten Nachrichten 555) он принял толкование Сенковского, по которому оно является транскрипцией славянского слова владавац т. е. владетель (Vlatavacz oder Vladavac der Dalmatischen und Bosnischen Slawen). Это толкование было принято многими учеными. (Гаркави, Сказания мусульманских писателей 106; Roesler, Romänische Studien 253; Григорьев, Россия и Азия 83; Савельев, Мухамм, нумизм. 118, одно время и Бартольд З.В.О. IX 265). Против этого толкования выступил Ашмарин (Болгары и чуваш, Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. Каз. Унив. XVIII, 1908, стр. 32), который с ссылкой на Шишманова заявляет, что южно-славянской формы владавац не существует¹⁾.

Ашмарин (у. с. 62) полагает, что вместо بطوار следует читать, بكتوان Биктуан, где первая часть, Бик, означает князя, а вторая туан значит „рожденный“²⁾. Все это слово он считает за родовое имя. Marquart (Chronologie d alttürk. Inschriften 42) сопоставляет слово بطوار с именем одного князя хуннов, в VII в н. э., владевшего Вараханом на Кавказе. Put'ver или Alut'ver. Позднее, (Osteurop. und ostasiat. Streifzüge 114—115), разбираясь в этом вопросе более подробно, он приводит еще формы Алфилитвер и Алфилутвер, найденные им в русском переводе Моисея Каганкайтваци, которые он разлагает таким образом: Alp-äl-ätbär-der tapfere Al-ätbär, считая это слово не именем, а титулом. Сюда же он относит найденную им у Гевонда форму Хатирлитбер (перев. Патканьяна 92): litber=älätbär. В сокращенной форме بطوار вместо Alpilätbär, по мнению Marquart'a, опущен слог al, принятый переписчиком за арабский член (см. Barthold, Enzykl. d. Islam I 822).

¹⁾ М. Р. Фасмер, к которому я обратился с запросом относительно этой формы, сообщил мне следующее: „По моему мнению, сербо-хорватское влатавац нигде не существует и придумано на основании контаминации сербского владалац—правитель, и русско-церковно-славянского влать—великан. Если даже допустить возможность существования слова влатавац, к чему я не вижу никаких оснований, то такое слово должно восходить к более древнему влатальць, где ѣ до 1300 г. приблиз. соответствует гласному звуку переднего ряда, первоначально вроде і и лишь в XIV в., изменилось в а. Если бы подобное слово существовало раньше XIV в., то оно было бы передано иностранцем через vlatavits или нечто похожее“.

²⁾ Это имя Биктуан Ашмарин видит в слове Вихтунь, встречающемся в болгарском именнике. Но и там это толкование нельзя считать общепризнанным. Mikkola Die Chronologie der türk. Donaubulgaren 9 (Journal de la Soc. Finno-Ougrienne, 1914, XXX, стр. 33 сл.) разлагает это Вихтунь следующим образом: „in der ersten Silbe dieses Wortes ist wahrscheinlich türk. uk=„Geschlecht“ und in der zweiten—ein Wort mit der Bedeutung „andrer“ (vgl. uig. ögün) enthalten.“

Бартольд (Enzykl. d. Islam I 822) указывает на то обстоятельство, что до сих пор невыяснено, имеет-ли это слово значение титула или династического имени. Ауфи определенно говорит, что это—титул болгарского царя. (Бартольд, З. В. О. IX 264). У него это слово написано несколько иначе بطاطون и بطلطو Ауфи сравнивает в данном месте титул царей русов—Булазмир بولانمير с другими подобными титулами: хакан у царей Туркестана и بطلطو у царей болгар. В виду того, что Владимир, как мы знаем, не титул а собственное имя, мне кажется, на это свидетельство Ауфи особенно полагаться нельзя. Раз он неверно понял значение имени Владимир, то он мог ошибиться и относительно значения слова بطاطو.

Вестберг (Beiträge zur Klärung orient. Quellen, St. Petersburg 1900 224—225; К анализу восточных источников, ЖМНП 1908 февр.—март 403) доказал, на мой взгляд, вполне убедительно, что гораздо более вероятно, что в слове بطاوار следует видеть не титул, а собственное имя. До приезда Ибн Фадлана в хутбе молитва за царя звучала таким образом: اللهم واصلي الملك بطاوار ملك بلغار — Боже, благослови царя Балтавара, царя болгар. „Если бы слово блтвар было титулом“, говорит Вестберг, „мы бы получили странное скопление титулов: малик, блтвар, малик. Если же считать блтвар за имя собственное, текст вполне ясный: „Боже благослови царя Балтавара, царя болгар“. После изменения молитвы имя Блтвар было заменено именем же Джафар ибн Абдаллах“.

На монетах мы имеем имя الامير بارمان. Первый элиф слова بارمان на двух эрмитажных экземплярах и на экземпляре Ленинградского университета совершенно отчетливо связан со следующим за ним ر. А в таком случае получается, что из 6 букв, составляющих это слово, первые две и две последние точно отвечают соответствующим буквам слова بطاوار. Третья с конца буква و в куфическом письме монет весьма часто пишется в виде кружка без хвостика, т. е. как м. См. помещенные выше описания, особ. внешнюю круговую легенду на монетах Бармана. Остается только третья буква с начала: на монетах ر, в тексте Ибн Фадлана ط. Если и ту и другую букву снабдить точкой, то некоторое сближение будет достигнуто: ط и ز. Мне кажется, что в передаче варварского имени арабскими буквами такое разногласие могло произойти.

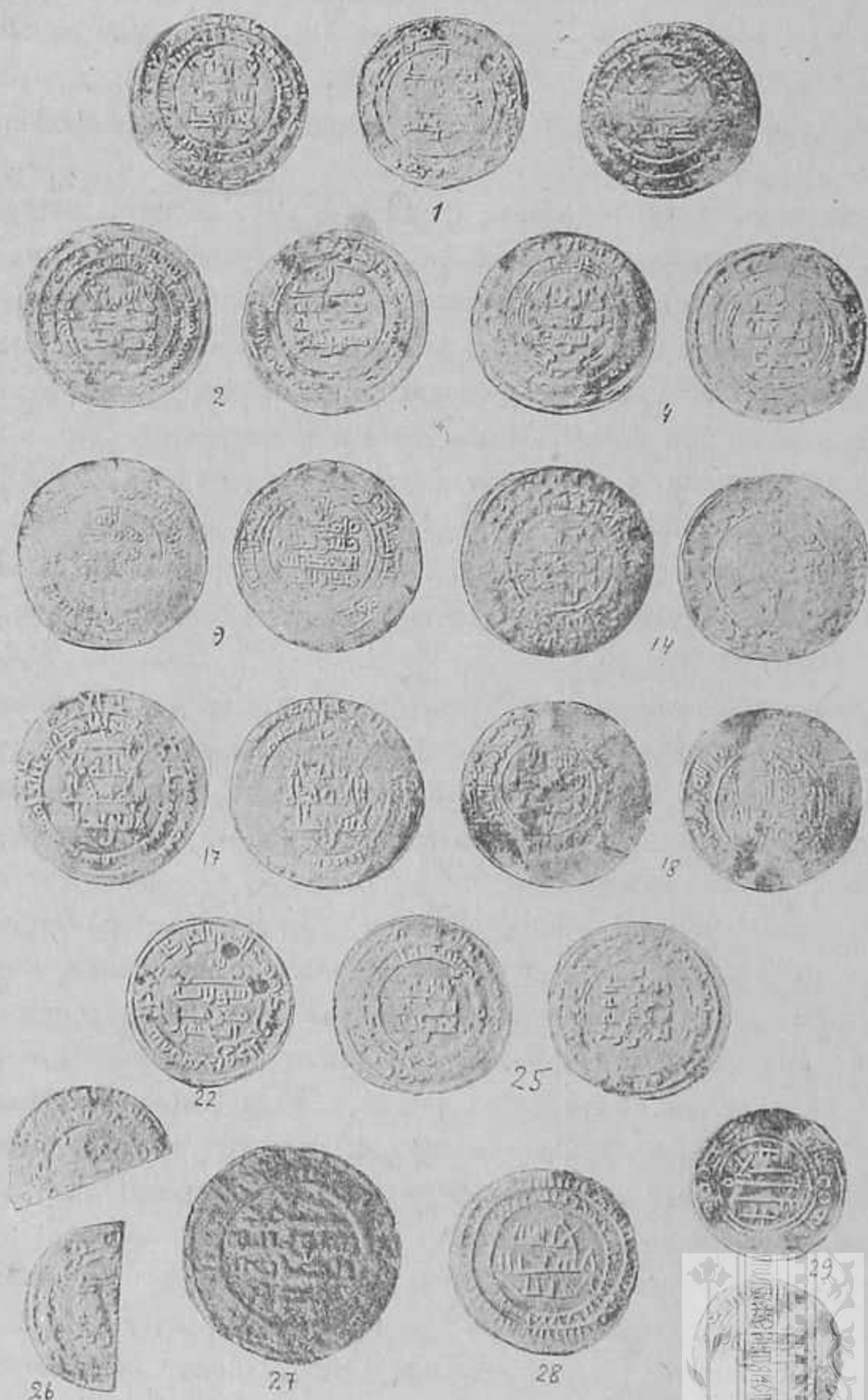
Описывая петербургскую рукопись географического словаря Якута, Френ (Jbn Foszlan XLVII—XLVIII) говорит, что она состав-

лена весьма невнимательным и небрежным писцом, который, повидимому, даже не в достаточной мере знал арабский язык. Между прочим в тексте попадаются явные орфографические ошибки, как *ينزوم* вместо *نذير ينظم* вместо *ظم نضير* вместо *يخطلط ضم* вместо *يختلط* и др. Если смещение букв *ظ* и *ز* возможно в семитических словах, как *ينزوم ينظم* то тем более оно допустимо в передаче болгарского имени *بلظوار بلزوار*.

Получается, таким образом, форма *بلزوار*, которую осмыслить, конечно, предоставляется лингвистам. Нельзя упускать из виду, что реверсы трех экземпляров, которые я видел, одной матрицы; повидимому, экземпляры Aurivillius'a и Adler'a — той же матрицы. Было бы весьма желательно сличить реверсы пяти экземпляров коллекции учебного отдела при бывш. Министерстве Иностранных Дел, о местонахождении которой у меня нет никаких сведений, реверсы шести экземпляров, значащихся в Nova Suppl. Френа, которые я тщетно искал в Аз. Музее, несмотря на любезное содействие Ф. А. Розенберга и В. А. Эбермана, и реверсы (по меньшей мере) шести экземпляров шведских музеев.

Если же мое предположение правильно, что на монетах находится то же самое имя как у Ибн Фадлана, то приходится согласиться, что все попытки к объяснению этого имени, сделанные до сих пор, неудачны. Невероятно, чтобы на монетах вместо *Alp—ilätvār* было написано *Pilätvār*, невероятно, чтобы буква *ك* в куфическом письме была передана через *l*. Если обе мои догадки насчет Бармана и Микаила правильны, то получается полное соответствие в чекане отца и сына. Отец начал чеканить подражания Саманидским диргемам, оставляя аверс без изменения и только на реверсе заменяя имя Саманидского эмира своим собственным. Точно также поступал сын, который ввел только больше разнообразия в чекан монет. При отце чеканились, насколько мы знаем, только подражания аш-Шашским диргемам, при сыне — подражания не только аш-Шашским, но и Самаркандским, Балхским и Нисабурским диргемам. Наконец, сын даже прямо стал называть на монетах свой собственный город, Булгар. Эти монеты уже примыкают к позднейшим Волжско-болгарским монетам, Талиба и двух Муминов.

К статье Р. Р. Фасмера
О монетах Волжских Болгар
X века.

Исследование ярлыка Сахиб—Гирей Хана.

Настоящая работа представляет научное исследование ярлыка Казанского хана Сахиб—Гирей, написанного в 929 г. гиджры, месяца Сафара, по христианскому счислению 1523 г. 1-го января.

Этот ярлык найден мною в 1912 году в д. Мамалаевой, Мамадышского кантона ТССР у крестьянина Рахматуллы Ахмарова и хранится в настоящее время в Центральном Музее ТССР, куда он был пожертвован мною 1 февраля 1925 года через Академический Центр ТНКП.

Снимок ярлыка, текст и перевод напечатаны в журнале „Бзнен-Юл“ за 1925 год № 3 и в „Вестнике Научного О-ва Татароведения“ № 1—2 январь—апрель 1925 г., почему текст ярлыка и перевод здесь не печатается, а дается лишь исследование.

Исследование доложено в соединенном заседании Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете имени В. И. Ленина и Общества Татароведения—17 мая 1925 года.

Ценность ярлыка, для изучения внутреннего устройства и классовых отношений в Казанском ханстве, достаточно велика, что засвидетельствовано отзывами проф. А. И. Самойловича, проф. Н. Н. Фирсова, известного марксиста—ученого Г. Ибрагимова, проф. Г. С. Губайдуллина и др., опирающихся в своих трудах на ярлык.

Г Л А В А I.

Форма написания ярлыка.

Ярлыки татарских ханов вообще писались по особой форме. Первое предложение всякого ярлыка представляет собой молитву. Такое начало ярлыков татарских ханов обратилось в традицию. Для доказательства этих положений, покажем пример из ярлыков различ-

ных татарских ханов. В ярлыке Менгу—Тимура это первое предложение начинается по монгольски следующими словами: „Менгу—Тенгрин Кучундр“—Силою вечного бога¹⁾. Ярлыки Бердибека и Атюляка ханов, данные русским митрополитам, начинаются: „Бессмертного бога силою и величеством“²⁾, а ярлык Узбек хана митрополиту Петру—„Вышнего и бессмертного бога силою и волею и величеством и милостью его мною“³⁾. Ярлыки Аргун-хана в 1289 году—королю французскому Филиппу Красивому и Ахмед-хана—египетскому султану Келавуну в 1282 году начинаются подобной же фразой⁴⁾.

Таким образом древние ярлыки начинаются с фразы в виде молитвы с немногими изменениями сравнительно с фразой „Менгу—Тенгрин—Кучундр“, в ярлыке Менгу хана. После того, как в государственный аппарат под влиянием ислама стало проникать официальное влияние арабской культуры, то и в ярлыках появляется, вместо монгольской молитвенной формулы, арабская. Это мы ясно можем видеть в ярлыке хана Золотой Орды Тохтамыша, данного Бие—Хаджю. Вот что написано в этом ярлыке: *على الله توكلت وعلى كرمه واحسانه عولت*. Это предложение В. В. Григорьев переводит следующим образом: „Надежда моя на бога и упование на благость и милость его“⁵⁾.

Возможно, что и в ярлыке Сахиб-Гирей хана, первая фраза, как и в ярлыках других ханов, была также молитвенным выражением, но т. к. верхняя часть ярлыка оторвана, то эта фраза отсутствует.

Во второй строке ярлыка обыкновенно пишется „буйрук“ (приказ). Такой приказ мы находим, например, в ярлыках, данных русским митрополитам: „Азбяково слово“, „Менгу Тимурово слово“, „Бердибеково слово“, „Атюляк царь слово рек“⁶⁾. Также в ярлыках, написанных на турецком языке, мы находим слова: *«توقتاميش سوزوم»*.

1) Востоковед В. В. Григорьев эту фразу переводит так: „Вечного бога силою“.

2) М. Д. Присельков. „Ханские ярлыки русским митрополитам“ СПб 1916 г. Стр. 33.

3) Россия и Азия стр. 245 СПб 1876 г.

4) Собрание путешествий к татарам, стр. 206.

5) Журнал Министерства Народного Просвещения 1840 г., книжка восьмая и Зап. Одесс. Общ. Ист. Древн. т. I, стр. 338. 1844. Одесса.

6) О Достов. ярлык. Данн. Хан. Золот. Орд. Русс. Духовен. Москва 1842.

«تيمر قتلغ سوزوم», «مينكاي كيراي سوزوم», «محمد كيراي سوزوم»¹⁾ Короче во всех ярлыках после молитвословий писалось имя хана, дающего ярлык или перед ним его титул, а после его имени «созом» т. е. слово. В ярлыке Сахиб-Гирей хана эти выражения приказаний с двух сторон оторваны и остались лишь слова «لعازى صاحب كراي». Здесь без сомнения слово «созом» оторвано, но составляя слова, оставшиеся в вишане ярлыка «السلطان الاعظم», мы эту фразу прочитали: — السلطان العازى صاحب كراي سوزوم.

После приказаний в ярлыках идет перечисление разных военных, гражданских, финансовых, полицейских и др. чиновников и содержание обращенного к ним приказа. Напр., в ярлыке Тимур-Кутлуга мы читаем: — اءنك قول سول قول نيك اوعلان لرى عه تومان ادكو باشلغ منك يوز اون بىكلارى كا اچكى كنت لر ينك قاضى مفتى لرى عه مشايخ صوفى لرى عه ديوان بىكچى (2) لرى كا تمعاچى ترتماچى لرى عه... В ярлыке Сахиб-Гирей хана эти чиновники названы арабским и персидскими словами: — «و آمارا و حكام و پيدات عظام و قضاة اسلام و موالى ذويلا احترام و ارباب و كلاتان و مقمان و ايلجيان و باغجيان و كشتى بانان و كذ ربانان و توتقاوان و تمغا جيان». После того, как перечислены чиновники и окончен „ферман“, после обращения ко всему народу Казанского ханства, идет молитвословие, как это бывает в „бирате“ некоторых турецких султанов. Потом идет перечисление имен лиц, которым выданы ярлыки. В нашем ярлыке об этом сообщается в следующих словах и перечисляются права, льготы и привилегии им предоставленные — «بو نشان ىنك اچ پوز اوليكم بو محمد اوغلي شيخ احمد V داغى شيخ احمدنيك اوغلي ابدال داغى سيد احمد V انپسى محمد نك اوغلي موپسى سيد اوغلي يعقوب V انپسى بولانس داغى انپسى نور سيد بو بدى كيم ايرپا بز كا كليپ باش اوردى لار اول خان اغالار يمزدان ترخان بولغان كشى لار ايكاندور بز داغى سيور غاب بو مذكور كيم ايرپه لارنى تنكري تعالى رضايى و تقى محمد رسول الله شفاعتي اوچون تارخان قلدیم...»

После этого сообщения пишется, что по отношению к ним (тарханам) всякого рода насилия, вред и беспокойство не причинять, а кто не послушается ярлыка, тому хорошего не будет. Затем пишется дата ярлыка, а в некоторых указано и место выдачи и тем форма ярлыка кончается.

Для подтверждения верности и официальности ярлыков, на самом конце ярлыка, прикладывается алого цвета печать.

¹⁾ И. Н. Березин. „Ханские ярлыки“ и Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древ. т. 8.

²⁾ Радлов. Ярлыки Тохтамыша, Тимуры—Кутлуга.

Содержание ярлыка

Форма написания ярлыков на тарханство, с некоторыми незначительными различиями, бывает однообразна, также как и их содержание. Различие заключается лишь в именах лиц, которым выданы ярлыки, или в степени привилегии и прав и в указании или неуказании, какие места земли пожалованы тарханам¹⁾.

В ярлыке Узбек хана, данном митрополиту Петру и сохранившемся на русском языке, написано какие права и преимущества даны русским митрополитам, что они освобождались от уплаты налогов и пошлин и что им предоставляется право суда и расправы над всем духовенством и подведомственными им людьми, равно как и распоряжение церковным и монастырским имуществом и пишется, что все покоряются и повинуются митрополиту²⁾. В ярлыке Тимур-Кутлуга, данном детям Мухаммеда (хаджи Мухаммеду и Махмуду), дается право тарханства и они освобождаются от различных налогов, пошлин и повинностей, напр.:

يېرىم يوللارنىڭ، باغ - باغچالارىغا، حمام نكرمان لارىغا، تصرف قىلا تئورغان يېرىلرىغا،
بوروندىن قالغان آزادلارىغا، سلالارىغا، سفانچى اورتاچى لارىغا، كېم كېم ايرسا كوج اوغا
تيكورماسون، يولسىز يېردە نەلەرىنى ترتيب آلماسون، بىرلە تەمسى اين كىنچى
اوپىلو بول قورتى، انبار مالى، ايندر حقى، تىنالىق قىسمت قىبورىساعى، فلان، مسمى
سالىق، بورچ خرج آلماسون، بارورى دە كىلورى دە كىرو چىقارى دە قىرىم دە كەندە قايو
ماتورلوك نە ارىپا سورىدە پىنتارى دە تەما تورتناق آلماسون، ترحانلىق يول حقى
قراول لوق تەلاماسون، قارالرىن الاق توتماسون، فوناق توشول توشورماسون،
پوپون علوفە تىلاماسون، قايو ماتورلوك زحمت وماوى نى و عوارضات لردىن ماسون
و محروس بولسون، اينچ تورب تىنچلىق بىلە شام و صباح اوقات شريفلىرى دە بىز كا داعى
بىزنىك اوروغ اوروغىمىز دە دعا آقبىش انا تورپون دىب توتا تورورغە آلتون نشانلىق
ال تەماليق يارلىق بىرلىدى»³⁾.

Содержание ярлыка Сахиб-Гирей хана представляет собою пожалование прав тарханства детям одного лица по имени Мухаммеда и освобождение их от различных налогов и повинностей. Эти тарханы, у себя дома, на дороге, в торговле, освобождались и не платили никаких чалогов и пошлин. В их дела никто и не под каким видом не мог вмешиваться. Их люди (кишляри), земли, воды, леса и вся

1) Кроме того военные чиновники и не перечислялись, или перечислялись в другом порядке, также в некоторых ярлыках обращения ко всему населению и не бывает.

2) В. В. Григорьев. Россия и Азия, стр. 246.

3) Радлов. Цит.

их собственность, освобождались от всех налогов и повинностей и эти права обеспечены государством. По отношению к таким тарханам не делается даже таких притеснений, как помещение постоя. От них не берется ни имущественный, ни натуральный налог, ни поземельная пошлина, ни подымная пошлина. Они со всех сторон обеспечивались государством. Права, привилегии и льготы, пожалованные нашим ярлыком детям знатного лица Мухаммеда, изложены следующим образом:

«من بعد بو مشارالیم (الیم) لارغه یول لاریندا وایز لاریندا سفر لاریندا و حضر لاریندا اواتورغان لاریندا و تورغان لاریندا کشی لارینه و قرالارینه یوکلارینه و جاروالارینه فردمن ییلاغات ووجه من الوجوه دخل و تقارض قلماسیون لار ییساقلان سالیغمسمی سالماسیون لار قولوش قلتقه باج و خرج قراجات دیب تیلاماسیون لار مال والماک (املاک) لارینه اق و آب زمین لارینه دست تطاول فیلماسیون لار اوئی لارینه کوچ بله ایلجی قوناق قوندورماسون لار صلہ خرجی یر خبله پی توتون سانجی دیب الماسیون لار سو پیون علوفه تیلاماسیون لار قایوما یانندن نقصان ضرر تکورماسون لار.

(Вестник Научного Общества Татэроведения № 1—2, 1925 г.).

Лица, которым выдан ярлык.

Лица, которым выдается ярлык, всегда бывают ясно указаны в ярлыке. Например, в дипломатическом ярлыке, выданном Тохтамышем Ягайлло, сказано: — «توقتامیش سوزوم یاغای لاعا» Также в ярлыке Тимур-Кутлуга ¹⁾ на тарханство, написанном в 800 году гиджры, сказано: — «بو یرلیغنی توتا نورغان محمدنینک». Этим ясно подчеркивается владелец ярлыка.

Ярлык Сахиб-Гирей хана, будучи тарханным ярлыком 929 года гиджры, перечисляет всех лиц, которым выдан ярлык: — بو محمد اوغای شیخ احمد V داغی شیخ احمدینک اوغلی ابدال داغی سید احمد V انپی محمدنک اوغلی موسی سید اوغای یعقوب V انپی بولانس داغی انپی نورسید بویدی کیم ابرپا بزکا کلیب باش اوردی لار». Вот эти то семь лиц - дети человека по имени Мухаммед, издавна известного за лицо старинной фамилии и старого тархана, пришли к Сахиб-Гирей хану с целью доказать свое тарханское происхождение и принесли об этом документ. Сахиб-Гирей хан в своем ярлыке говорит о них следующее: — وُل خان اغالاریمزدان — Возобновление тарханских привилегий этим тарханам Сахиб-Гиреем, вероятно, находилось в связи с переменами в государственном аппарате. Нам известно, что в Золотой Орде смерть хана, или замена одного хана другим, вызывали изме-

¹⁾ Радлов. „Ярлык Тохтамыша Тимур-Кутлуга“.

нения в судах и законах. Вероятно и в Казанском ханстве, когда Шах-Али был прогнан и его место заступил Сахиб-Гирей, люди различных сословий приезжали для возобновления своих привилегий.

Первый из семьи тарханов, которым был выдан ярлык, был Шейх-Ахмед, его отцом был Мухаммед. Но Мухаммеду этим ярлыком не предоставлялись права тарханства, должно быть он уже умер. 2-й—Абдал, сын Шейх Ахмеда, 3-й—Сеид-Ахмед, сын Мухаммеда, 4-й—Муса, сын его младшего брата Мухаммеда, 5-й—Якуб, сын Сеида (в этом месте имя Сеид-Ахмеда сокращено, пишется как Сеид), 6-й Буланс, сын Сеида (Сеид-Ахмеда) и 7-й—Нур-Сеид, сын Сеида (Сеид-Ахмед).

Имя Мухаммед, употребляющееся у родственников (отец и сын), поставлено здесь потому, что или просители были арабского происхождения, как, напр, сеиды и шерифы-Абассидов, которые жили в Базани, или они, как религиозные татары, подражали арабам и называли сыновей своим именем.

Бумага и чернила ярлыка.

Бумага ярлыка вначале, вероятно, была толстая, но так как она сильно изношена, то дошла до нас в истрепанном и утонченном виде и пожелтела. Водяных знаков, кроме легких вертикальных полосок, не замечается. Эту бумагу осматривали специалисты исследователи бумаг древних рукописей и за отсутствием водяных знаков, они не могли определить место ее выделки. Какого размера был весь ярлык, нам неизвестно. Сохранившаяся часть имеет в длину 76,5 ст., в ширину 18 сантиметров и состоит из двух склеенных частей: верхняя часть длиною 43 ст. и вторая 36,5 сантиметров¹⁾.

¹⁾ Известно, что со времени Батыев многие ярлыки, данные русским князьям, были уничтожены. Во время составления описи архива Иоанна Грозного, об этих ярлыках написано так:—„Переводу нет, никто перевести не умеет (Сборн. Ст. Уварова стр. 79 Москва 1916 г.). Ярлыки Аргона и Улцзета-ханов, царствовавших в Персии (это нами написано по „Лекции по истории монгольской литературы“ проф. А. И. Позднеева, изд. в 1897—1895 гг. в Петербурге его учениками—студентами) считаются самыми большими ярлыками, сохранившимися до настоящего времени. Длина ярлыка Аргона около 1 сажени, нишан напечатан в трех местах. Ярлык Улцзет-хана имеет длину 4 арш., ширину 11 верш. и в 5 местах приложены большие четырехугольные китайские нишаны. (см. сборник Уваровой, стр. 70 и Лекции проф. А. И. Позднеева). Длина ярлыка дипломатического характера Тохтамыш хана 1392—1393 гг. польскому королю Ягайло, написанного уйгурскими буквами, менее 2 арш. и нишан имеет малого размера, написанный золотыми чернилами. Ярлык на тарханство, написанный 1382 г., дл. 1 ар. 10 верш., ширина 5 1/2 верш. В двух местах приложен некрасивый алый нишан. Ярлык Крымского хана Саадата 1523 г. дл. 2 ар. 2 в. шир. 7 верш. в 3 местах прил. алый нишан с беспорядочной надписью.

Бумага в нескольких местах попорчена и имеются оторванные места, где слова уничтожены. Например, верхняя доля ярлыка разорвана и часть, на которой бывает молитвословие—уничтожена. По словам Рахметуллы Ахмарова, это место ярлыка оторвала его сестра при выходе замуж, чтобы и ей досталась часть ярлыка, и в этом месте слова написаны были золотом.

Первая сохранившаяся строка представляет фразу „غازی صاحب کرای“ которая оборвана с обеих сторон. Начиная с верхней части ярлыка, на полях правой стороны имеется несколько извилистых мест, происшедших благодаря разрыву бумаги, но в эти места кроме слова, написанного по правую сторону от слова „لکاری“, в оторванное место бумаги, вероятно, не попали слова текста. В левом углу верхней части ярлыка также оторван кусок в 6 кв. сантиметров. В это разорванное место попало „سوزوم“ первой строки, а последнее слово уничтожено. У последнего слова второй строки „وسپدات“ часть „ات“ оторвана, в третьей строке у слова „وباغجیان“ окончание „ان“ уничтожено, в середине восьмого слова третьей строки „وکلانان“ буква „ن“ попала в разорванное место и уничтожена. Две буквы „وم“ в слове „وعوموم“, находящиеся на четвертой строке тоже уничтожены и остались в форме „وم“.

Первое слово второй строки „وآمران“ пришло в состояние неузнаваемости и буква „ت“ слова „وسپدات“ на этой строке разорвана и уничтожена.

Последняя часть слова „بسا“ девятнадцатой строки разорвана и осталась в форме „بس“. В полях нишана ярлыка с левой стороны также имеются извилистые разорванные места, но эти разрывы не причинили тексту нишана вреда. Нижняя часть ярлыка вырезана правильно ножницами. По правой стороне оставлены поля, шириною в 3 сантиметра, но по левой стороне полей нет. На бумаге имеется 23 полосы, происшедшие от того, что Рахметулла Ахмаров хранил этот ярлык в липовый коробке, куда клал его свернутым в виде трубки и, плотно закрывая, сплющивал.

Ярлык был написан чернилами двух цветов: верхняя, уничтоженная часть, была написана золотом¹⁾, остальные 23 строки—черными хорошими чернилами похожими на тушь. Нишан ярлыка оттиснут красными (алыми) чернилами.

¹⁾ Мы это утверждаем по ярлыку Тохтамыш хана и по словам Рахметуллы Ахмарова.

Почерк и орфография ярлыка.

Почерк ярлыка во многом похож на рикка. Слова: صاحب، عظام، قضاة، و موالی، و ارباب، داغی، احمد، غزان، يتكاج، پیوز، بو، محمد، اوغلی، اول انیسی، ایوسه لارنی، تنکری، رضایی، خرج، قراجات، دست، نطاول، صلہ خرجی.

и т. п. можно сказать написаны почерком рикка. Буква „ک“ в ярлыке написана как бы почерком „Дивани“ и удлинена кверху. Возможно, что писец «بتکچی» ханского дворца умел писать и почерком „Дивани“. Почерк ярлыка ясен, буквы толсты и всем понятны. Вероятно он написан камышевым пером, на что указывает расположение букв. В этом ярлыке не замечается церемониального почерка в написании слов, как это мы видим в ярлыках Тохтамыша и Саадат—Гирея¹⁾.

В надгробных камнях древних Болгар и в ярлыке Тимур-Кутлуга замечаются обычаи под буквами „س، ی“ ставить точки. Эта черта замечается и в нашем ярлыке. Напр., замечаются подстрочные точки в следующих словах: اوردی، شفاعتی، ایرپا، ایرپا، بیپا، تنکری، بیپاق، پیالماپیون، تیلامаپیон، قیلامаپیون، الماپیон، پیو پیон، اوу аписаны под буквой „س=C“ три точки, а под буквой „ی=E“ две точки²⁾.

Ярлык написан по арабской орфографии. В те времена, естественно, что поволжские татары не имели своей орфографии, т. к. слишком сильно было арабское влияние. В орфографии ярлыка замечаются ошибки, не соответствующие правилам арабской орфографии, например, و آمرأ=وامراء، و سادات=و سداة، ذوی الاحترام=ذوی الاحترام، و کلانیان=و کلانان، عن یلا فات=عن الافات، الیم=الیهم، و جاروالارینه=و چارپالارینه، من یلا فات=من الافات، تقارض=تعارض، القازی=العازی، قراجات=خراجات، و الماک=واملاک، خرجی=خراجی، رواج=رواح، موباراک=مبارک.

По этим ошибкам и погрешностям против арабской орфографии, однако, нельзя вывести, что в Казанском ханстве искусство письма и дело просвещения находилось на низкой ступени своего развития. В те времена вообще официальные документы заключали в себе ошибки и погрешности против орфографии. Это мы читаем в офи-

1) Ярлыки этих двух ханов прил. к концу в Зап. Одесс. О-на Ист. и Д., I, 1844 г.

2) На одном надгробном камне дер. Ташбильги, Спасского кантона 760 гиджры постановлены под буквою ~ три точки, получилось: بلویک محمد اول انیسی اول ایوسه لارنی. В 8 надгробных памятниках, написанных в 937—957 гг. гиджры, мы замечаем то же изображение этих букв, например, تاریخ توقوز یوز اونوز یتیدایماش اوغلی قاریش... تاریخ توقوز یوز ایلیк یتیدای تنکری بردی قوغلی توغلی محرم آیدда دارقانдин داربقاعه رحلت قیلیدی.

циальных документах Золотой Орды. Например, в фразе ярлыка Тимур-Кутлуга ماوی نٔ، لردین مایسون арабские слова ماوی نٔ، مایسون написаны в формах ماوی نٔ، مایسون

Такое положение в то время царило и в Московском княжестве. Известный Максим Грек рассказывает, что переписчики времен Иоанна Грозного пишут с ошибками и без соблюдения грамматических правил. Он говорит: „Многую грубость и нерадения препишующих, ненаученных сущих и не искусных в разуме и хитрости грамотейстей“¹⁾. Во времена Иоанна Грозного писание и переписывание с ошибками было распространено у всех поголовно и приняло вид социальной болезни. В Московском государстве, погруженном в религиозную нетерпимость, во всех книгах религиозного содержания, встречаются ошибки в письме и переписке. Наконец, в 1551 г., по предложению Иоанна Грозного, Земским Собором „велено смотреть за писарями, чтобы те списывали книги исправно“²⁾. Все это указывало на то, что ошибки, как в официальных бумагах государственного аппарата, так и в рукописях для народных масс, происходили от небрежности переписчиков, которые мало обращали внимание на приличность языка и орфографии. Поэтому и в ярлыке Сахиб-Гирей хана, написанном арабской орфографией, такие ошибки считаем за небрежность писца, а вовсе не за незнание этих форм.

В ярлыке имеется 23 строки. Первая строка заключает в себе слова لعازی صاحب کرای, а в 23 строке всего только одно слово ایردی. В полях с правой стороны, начиная снизу от 4 строки до 6 сверху вниз идет выноска, другая от 7 строки до 9. Эти строки за пред. письма состоят из слов: 1-я выноска داغی شیخ احمدینک اوغلی ابدال 2-я выноска انپسی بولانس داغی انپسی نورسید Первая за предельная строка выделена между девятым словом احمد шестой строки и десятым словом داغی, между третьим словом, седьмой строки يعقوب и четвертым بو. Для того, чтобы показать куда вставлять выноски, в тексте поставлены отметки булавовидной формы „козерога“ „V“. (Между двенадцатым словом احمد шестой строки и тринадцатым словом انپسی выставлен второй козерог „V“).

По форме написания ярлыков, вторая строка написана короче. Последние слога некоторых слов, как в ярлыках Тохтамыш и

¹⁾ Исторический Вестник 1888 г. XXVIII т. стр. 250 „Наша печать в ее историко-экономическом развитии“.

²⁾ Там-же.

Саадат-Гирей, поднимаются, закругляясь кверху. Пустое место между первой и второй строкой имеет четыре сантиметра ширины, промежутки остальных строк составляют около 3 сантиметров. Длина строк также около 14—15 сантиметров.

Первая, вторая, двадцать третья и запредельные строки в счет, конечно, не идут. В полях правой стороны ярлыка, как раз против 15 строки, на месте прикрепления кусков бумаги, имеется маленький значек красного цвета. В ярлыках Тохтамыша и Саадат-Гирей ханов, вместо этих знаков, на месте скрепления отдельных кусков бумаги, имеется нишан четырехугольной формы.

Таким образом, в случае если эти куски бумаги будут отделены друг от друга, обеспечены принадлежащие им права и привилегии. Этот круглый знак, нам думается, также служит в нашем ярлыке как бы нишаном на месте скрепления бумаги.

Нишан ярлыка.

Для подтверждения того, что ярлык является действительно ханским приказом, приложен четырехугольный нишан (печать), величиною 13,5 сантиметров,¹⁾ между нижним пробелом и последней строкой бумаги. С внешней стороны нишан окружен двойной красной линией, шириной в полсантиметра и оставлено пустое место такого же размера. Между красной линией и средней частью ярлыка с правого угла верхней стороны, налево кругом, написаны четыре строки, шириною в два сантиметра. Средняя часть нишана, размером в 7,15 кв. сант., окружена красной линией в полсантиметра. Эта часть нишана заключается в середине четырех строк. В средней части имеется пять строк, отделенных друг от друга белыми линиями. Текст нишана написан четырехгранным куфическим почерком, приспособленным для печати ярлыка, и труден для чтения. Нишан нашего ярлыка в значительной степени походит на нишан ярлыка Тимур-Кутлуга²⁾. Разница заключается только в размерах. Но нишан нашего ярлыка по красоте и ясности сильно отличается от нишанов ярлыков Тохтамыша и Саадат-Гирей ханов. В ярлыке Саадат-Гирей хана имеется „тамга“, напоминающая русскую букву „т“. Это дает нишану какой то некрасивый вид. Чтобы показать эту четырехугольную куфическую надпись на ярлыке, приведем следующую таблицу:

1). Нишан Аргон-хана в 1289 г. французскому королю Филиппу Красивому, величиною 15 x 15 сант. а нишан ярлыка Улцэйт султана тому же королю немного менее 13 x 13 см. („Сборн. Уваровой стр. 80—81, Москва 1916 г.)

2) См. М. А. Оболенский „Ярлык хана Золот. Орды Тохтамыша к большому королю Ягайлу (Казань 1806 г.).

اله

اِله

محمد

مُحَمَّد

السلطان

السُّلْطَانَا

الاعظم

الْأَكْظَم

ابوالمظهر

أَبُو الْمُظَرَّر

عزالدنيا

عَزَّ الدُّنْيَا

والدين

وَدِّ الدِّينَا

صاحب کرای

صَاحِبِ الْكَرَامَا

بهادر حان

بَهَادُرْ حَانَا

حلدالله

حَلَدَ اللّٰه

ملکه

مَلِكَا

وايد

وَيَا

سلطنته

سُلْطَنَاتَا

Тот факт, что нишаны татарских ханских ярлыков написаны четырехугольным куфическим шрифтом, некоторые русские ученые объясняют подражанием печатям официальных китайских документов. Напр., В. В. Григорьев говорит об этом следующее: „что касается до ханских или государственных (печатей), то видно, что четырехугольная форма нишанов, даже куфические надписи эти совершенно сходны по форме с китайским почерком „Чжуан“, и они, по его словам, старались своим куфическим печатанием вполне подражать китайскому письму почерком Чжуан¹⁾).

В нишане нашего ярлыка, кроме четырех строк слово **بسم الله** и **توحيد كلمه لری**, во внутренней части написано всего 5 строк слов, содержащих имя Сахиб—Гирей хана, титул его и молитва с выражением пожелания увековечения его государства. В этих пяти строках всего 20 слов:—два слова на турецком, одно слово на персидском, остальные на арабском языке. Во внутренней части нишана Сахиб—Гирей называет себя следующими титулами: „Могущественный султан, знаменитый для мира и веры, великий завоеватель Сахиб—Гирей, герой хан пусть бог вечно хранит его государство и возвеличит его царствование“.

О слове ярлык вообще.

По словам известного востоковеда В. В. Григорьева, слово ярлык **يارليق** или **يارليقى** взято с монгольского „Дзярлык“ и обыкновенно употреблялось в приказах татарских ханов. По его словам, слово „дзярлык“ происходит от глагола **دزارليقلاحو** —приказывать. В. В. Григорьев термин „дзярлык“ переводит как „слово старшего к младшему“. Также в чеготайском **يارليماق** — „по его мнению, одного значения со словом **دزارليقلاحو**“.

По словам того же востоковеда, последнее слово пишется в следующих формах: **يارليق**, **يارلق**, **بوليق**, **بولق**, **يارليغ**, **يرليغ**, **يرلع**.

В настоящее время словом ярлык обозначаются вообще приказы татарских ханов. Обычай называть ярлыками официальные приказы татарских ханов привился потому, что в самих же документах они называются ярлыками. В ярлыке Менгу-Тимура „Так молва ярлык дал“, в ярлыке Узбека—„А кто наш ярлык и наше слово не послушает“, в ярлыке ханши Тайдуллы—„Так молва, Феогнеста ми-

¹⁾ В. В. Григорьев „Ярлык Тохтамыша и Саадат-Гирея“ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. I, Стр. 343.

трополита царь пожаловал, со алою тамгою ярлык дал“, в ярлыке Берди-Бека: — „Так рекше и ярлык со алою тамгою дали есмя“¹⁾.

Теперь посмотрим почему относились татарские ханы к другим таким же самодержавным, как они сами, государям в своих политических сношениях с приказом. Татарские ханы называли себя сыном неба и на земле никого не признавали равными себе. Об этом В. В. Григорьев пишет следующее: „Весь шар земной считали они (татары) своим законным владением, всех государей и все народы—рабами своими, всякое сопротивление своей власти—бунтом, заслуживающим жестокого наказания“²⁾.

Известный путешественник Плано Карпини в Великую Монголию, в своих путевых заметках пишет: „Их стремления заключаются в стремлении завоевать весь земной шар. В этом случае они действуют по приказу Чингиз-хана. По этому их император (хан) в своем приказе пишет так: „Император всех народов“ „Бога силою“, а также в его нишане: „Бог на небе и Куюк-Каан над землею храбрость божия. Печать императора всех людей“³⁾.

По этой причине татарские ханы верили, что все государи на земле должны быть подчинены им и во всех случаях обращались к ним со своими приказами. В. В. Григорьев об этом пишет следующее: — „Отсюда ясно, почему каждое слово их (татар) к другому, устно или писменно сообщаемое, было словом старшего к младшему „повелением“. „приказанием“⁴⁾.

Политическая традиция, начавшаяся со времени славного государства Чингиза, продолжается в Золотой Орде, затем в государствах — Казанском, Крымском и Астраханском, до последнего периода. Например, Крымский хан Менгли-Гирей, свой договор, заключенный в 1474 г. с князем Иваном Васильевичем, называет ярлыком. Князь Иван называет этот договор „шортный ярлык“, — „как писано в сем ярлыце“⁵⁾.

Письма разного характера, отправленные Менгли-Гирей ханом польскому королю Сигизмунду 1-му и молдаванскому воеводе Богдану, также назывались ярлыками. Письмо Казанского хана Мухамед-Эмина—королю Сигизмунду называется тоже ярлыком.

1) В. В. Григорьев „Россия и Азия“ стр. 178—180.

2) Там же стр. 182.

3) История Монголов стр. 37—38. (СПБ 1911 г.).

4) В. В. Григорьев „Россия и Азия“ стр. 182.

5) Там же.

Во время процветания государства Чингиза, слово ярлык перешло и к другим подвластным народам и употреблялось как особый термин: например, в арабском, персидском, армянском и русском княжествах. В старину слово ярлык русские переводили как „грамоты царские“. Напр., в период 1255 годов, когда татары пришли в город Кременец, Андрей Венгерский обращается к ним следующими словами: „Батыева грамота у меня есть“ ¹⁾. Также в договоре Ярослава Ярославовича, заключенным в 1270 г. с Новгородом, написано: „А гости нашему гостити по Суждальской земле без рубеже по цареве грамоте“.

Уже начиная с XIV века „грамоты царские“ начинают и писаться как ярлык. Напр., о съезде русских князей, происходившем в городе Переяславле в 1303 году, сказано: „Ту чли грамоты царевы ярлыки“ ²⁾.

В Никоновской летописи, при изложении событий 1351 года, мы читаем следующее: „Тогж лета князь Василию Михайловичу Тверскому приеде из орды от царя посол Ахмед и привезе ему ярлык на его имя“ ³⁾.

Таким образом, татарские ханы считали весь земной шар своим собственным владением и живущие на нем народы, своими подданными и все свои обращения устные и письменные — „приказы — распоряжения“ — называли они ярлыком. И официальный документ Сахиб-Гирей хана по этой же традиции называется тоже ярлыком

(آل نشان لیغ یولیغ بریلدی)

Язык и стиль ярлыка.

В языке и стиле ярлыка Сахиб-Гирейя наблюдается большее изобилие арабских и персидских слов, чем в ярлыках Золотой Орды и крымских ханов. В ярлыке всего 197 слов (кроме имен лиц) из них 117 на турецком ⁴⁾, 66 на арабском и 14 на персидском языке.

Наименование некоторых чиновников, обращение ко всему народу и областям Казанского царства, также молитвенные слова и

¹⁾ История Гос. Росс. т. IV, прим. 102, стр. 319.

²⁾ История Гос. Росс. т. IV, прим. 191.

³⁾ Никон. лет. т. III, стр. 198.

⁴⁾ Здесь мы под словом „турецкий“ подразумеваем общий его смысл. В. В. Григорьев это понимал в общем смысле; термин „турецкие народы“ он объяснял так: тюркскими народами, по примеру новейших ориенталистов, называем мы все народы, говорящие диалектами одного и того же первоначального языка тюркского, совмещая одинаково под этим названием, как татар сибирских, уральских, волжских и закавказских, так и османов, туркменов, узбеков, туркестанцев, киргиз-казаков и другие одноименные и одноязычные с этими народы и поколения (Росс. и Азия, 179).

еще несколько фраз написаны лишь на арабском языке. Вопрос: преобладании арабско-персидского влияния можно объяснить двояко: во-первых, возможностью того, что в XIII веке в Волжской Болгарии было сильное влияние арабизма и ислама и это влияние продолжалось вплоть до XVI века, во-вторых, по словам Марджани, в Казани существовали арабские шерифы и сейды, которые всецело старались распространить арабизм и ислам. В официальных документах из Казани в Москву в XVI веке написано: „...и Мулны, и Шихи, и Шихзады, и Муллазады, и Мали (наверное Мавали), и сейты (سيدلر) Азы, Афазы, (حفاظ), и Князи, и Уланы, и Мурзы¹ и Ички, дворные и задворные казаки, и чуваша, и мордва, и тарханы, и мужары (ميشه رلار)¹ и вся земля Казанская¹)“.

Выставление вперед здесь духовного сословия перед чиновниками из высшего сословия, кажется, доказывает нашу мысль, приведенную в первом объяснении. Таким образом присутствие арабских слов в ярлыке можно объяснить с одной стороны древним влиянием, что доказывается существованием арабских слов даже и в языке крещенных татар, и с другой, тем, что Сахиб-Гирей приехал ханом в Казань из Крыма, который в то время находился под властью османских султанов. Таким образом, когда Сахиб-Гирей сделался Казанским ханом, то Казанское ханство попало под официальное влияние османских султанов. Поэтому Марджани, когда излагает политические события в Казанском ханстве при Сахиб-Гирее, пишет: «شول وقت قزان قريهغه قريم دولت عثمانيه گه مربوط و محكوم بولدغندن قازان مملكتنده هم سلاطين عثمانيه اسمنده خطبه او قلدى».

Обращая на все это внимание можно сказать, что Сахиб-Гирей, считавший себя вассалом османских султанов, воспользовался в Казанском ханстве арабским влиянием и захотел, государственную канцелярию и весь письменный язык народной массы, подчинить османскому наречию. При сличении ярлыка с османскими форманами (биратами), мы можем доказать это влияние. Например, в 1061 году гидржы в месяце Рабигалаваль в фермане малороссийскому гетману Богдану Хмельницкому мы читаем следующее: افتحار الامراء الالهة العيسويه، مختار الكبر الطائفة المسيحية، и прежде чем объяснять приказ казачьему гетману Багдану Хмельницкому написано: حق سبحانه و تعالی نك عنايتی پیغمبریز محمد الحطفی صلی الله علیه و سلم نك بر کائناتی معجزاتی ايله.

¹) Царственная книга, стр. 178.

ترتفاقچى، يامچى، سوسونچى، то и названия этих чиновников должны бы писаться по турецки и ярлык наш в значительной степени был бы похож на ярлык Тимур-Кутлуга по языку. Такая же мысль может прийти в голову, если принять во внимание, что слово (كمچى) название должностного лица в нашем ярлыке употреблено во множественном числе по персидскому образцу; чиновники — ладейщики, чиновники — охранители порядка (милиция), также написаны по персидски. Эти мысли можно утверждать только по тем фактам, которые нам известны и только относительно языка ярлыка Сахиб-Гирея, а что же касается того, как писались вообще ярлыки Казанских ханов, то до настоящего времени пока ничего неизвестно. Из слов русских летописей о создании Казанского ханства Улуг-Мухаммедом пишется: „И приде в Казань царския (حان) слава и вача уселитися и укреплятися Казань Новая Орда“ ¹⁾, откуда можно понять, что это государство являлось продолжением Золотой Орды и в его внутреннем устройстве было сильное влияние Золотой Орды, а потому и официальный канцелярский язык Казанского ханства возможно подпал под влияние языка Золотой Орды. Теперь обратим внимание, в чем заключается сходство черт в языке и фразах ярлыков Сахиб-Гирей хана и Тимур-Кутлуга. Для ясности покажем на примерах, выписывая предложения из обоих ярлыков:

В ярлыке Сахиб-Гирея.

اول خان آغالاريمزدان ..
يساق، قلان، ساليغ مسمى سالماسونلار....
خرج و قراجات تيلا ماسونلار...
قايوماياندين نقصان ضرر تكمورماسونلار

بزداعى سيورغاب...
ايلچى قوناق قوندورماسونلار
پو پيئون علوفه تيلا ماسونلار
اوز فراعتى بله اولتوروب شام و صباح
رعد و رواح بزكا و بزنيك اوروعيمزغه
دعا و القيش قيلسونلار ..
آل نشانليغ يرليغ بربيلدى.

И при сравнении нашего ярлыка с ярлыком Саадат-Гирея, мы видим те же сходства. Напр., несколько слово предложений вроде

В ярлыке Тимур Кутлуга.

بورنعى كيچكان سايبين خان چاغى دين بيرو.
(قوبور) يساعى، قلان مسمى ساليغ بورچ خرج
آلماسونلار.....

قايو ماتورلوك زحمت و ماونت و عوارضات-
لاردين ماسون و محروس بوسونلار
بيزنيك خان اعالاريمز سيورغاب
قوناق توشول توشورماسونلار...
شوسون علوفه تيلا ماسونلار...

تمچلق بله شام و صباح اوقات شريفلىرى ده
بزكا داعى بيزنيك اوروع اوروعمزا
دعا و القيش ايتا نورسون ديب
آلتون نشانليق آل تمعاليق يرليق بربيلدى

¹⁾ История о Казанском царстве, неизвестного сочинителя.

...الحن...
 Сахиб-Гирей хана. Таким образом, сравнивая язык и стиль языка ярлыка Сахиб-Гирей хана, с языком и стилем ярлыков Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирей ханов, мы видим, что, если не принимать во внимание влияния арабско-османского языка, эти ярлыки со стороны языка очень похожи друг на друга. Поэтому, приводя в доказательство вышеизложенные факты, можно утвердительно сказать, что язык Тимур-Кутлуга походит на язык Сахиб-Гирей, т. е. написан на кипчакском языке. Конечно, в стиле заметно влияние османско-арабское.

Нами было сказано, что язык ярлыка-кипчакский. Выскажем по этому поводу несколько слов о том, каков был язык народа в половине XVI века в Казанском ханстве. Об этом нельзя привести, конечно, разных соображений, можно только сделать некоторые выводы относительно языка из рукописей того периода. Приведем несколько примеров. Вот, что написано в литературном произведении второй половины XVI века: اگر بياك لار فتنه وارملو اولسنك بى تكلف اچرو كيرمه كرمو اولساك قوللرندن ويانونه كيرنلردن بر كمسنه بله اولمينچه بكار فائده كرمه، زقدر دعوينك وارسه جهد ايله واركل اكر ضرورى اولوب وارملو اولورسك اذبله كير، وبر- سندن اولويه (الوعده) طانش، اندان وار سورزوكى شيله، سوزه كريچك ايومه آرفون سندن اولويه (الوعده) طانش، اندان وار سورزوكى شيله، سوزه كريچك ايومه آرفون. В последней страницы этой рукописи, о чем была она составлена автором, пишется так: چقر دؤغم اول ايدى كم مسلمانلروك مخد. Отсюда ясно, что вышеизложенная рукопись была составлена как учебник для обучения زاده (1). Она служила как руководство для учителей и учительниц старого времени в Казанском крае (1).

Для характеристики письменности того времени мы приведем еще духовные завещания XVII в. одного Касимовского татарина по имени Галикай Аталык, там написано: بر الله تعالى حضرتلارى نينك عنايتى حكى قدرانى بلن تقى عزيز پيغمبرلار نينك حديسى و قرآن آيتلارى برلان تقى دولتليغ الوع پادشا حضرتلارى ان هم الوع بياك ميخايل فيدروويچ و سياروسى نينك برليعى هم اولار زينيديسى برلان... اياميز سيدبرهان سلطان حضرتلاربعه باش اوروب روصت تيلاب... آنديراي اوعلى ياپش آتليغ جورامنى حتى رياضسى اوچون پيغمبر عليه السلام شفعتى اوچون قيامت اوميدى اوچون اوز باشيمزدان اداد ايتوك اوزكا اذادلار نيك تقى قوتوناي حاتونون دان ساتيب آلان ايرينه آتليغ جوراينيك حاتونى يوريه قزى دؤلاشنى هم اداد ايتوك اوزكا اذادلار نيك اداد بولسون» (2)

1) Оригинал этой рукописи хранится в моей библиотеке в отделе рукописей.

2) Журнал „Шуро“ № 19 стр. 593 за 1910 г. за октябрь месяц.

Встречается много рукописей, по языку похожих на завещание Галикай Аталык. В моей библиотеке много рукописей, написанных таким языком. Когда, по источникам того времени, приходится говорить о языке той исторической эпохи, необходимо упомянуть о значительном влиянии османского языка. Это мы пишем, конечно, только как опыт. При этом нельзя упомянуть и о грамматических формах, встречающихся в ярлыке. Ярлык Сахиб-Гирей хана, в отношении грамматических форм, отличается следующими характерными формами: из арабских слов в ярлыке два слова, из турецких три оканчиваются персидским окончанием, т. е. пишутся в форме *و ارباب* и *و کلانان* - *و مقمان* - *و ایلجیان* - *و توتقاولان* و *تمغاجیان* но из арабских слов одиннадцать, из персидских четыре слова, образованы посредством турецких окончаний. Грамматические и синтаксические формы остальных слов, если не принимать во внимание арабских форм, можно сказать, одинаковы с формами, встречающимися в других ярлыках. О разделении турецких слов на уйгурские, османские и т. д., будем говорить в другой работе.

Теперь скажем несколько слов о писце ярлыка. Известно, что во дворцах Золотоордынских и Крымских ханов, для составления приказов содержались особые писцы (сарайские писцы). Эти писцы были специалистами по писанию ярлыков, писали они вычурным почерком, дивани и некоторые слова украшали золотой краской¹⁾. Таким образом они старались сделать ярлык красивым и с внешней стороны. В конце ярлыка Саадат-Гирей пишется, *«آفتاچی علی بی اوتول، نیکوردی، عازی یحشی بتدیم»*

Кроме писца во дворцах татарских ханов был еще особый докладчик, докладывающий приказ писцу²⁾.

При переводе ярлыка Саадат-Гирей И. Н. Березин фразу *آفتاچی علی بی اوتول نیکوردی* переводит — „Докладывал конюший Али-бей“, а фразу *عازی یحشی بتدیم* — переводит — „писал я писарь Гази“. Конечно, в ярлыках Золотоордынских ханов, известных нам, нельзя усмотреть отсутствие чиновника докладчика. Это можно доказать тем, что даже такие важные государственные чиновники как огланы, в некоторых

¹⁾ Продолжение перв. страницы ярл. Тохтамыш хана, слово *توتقاولان* во второй строке и фраза *بولبول* в 7 строке, слова *توتقاولان* в одиннадцатой строке написаны золотой краской. Последнее слово 9 строки ярлыка Саадат-Гирей тоже написано золотом.

²⁾ И. Н. Березин „Ханские ярлыки“ стр. 20—22.

местах пропускаются, напр., в ярлыке Тохтамыш хана о выдаче тарханства, огланы *اوڭ قول سول قولنڭ اوعلانلارنى* не пишутся и ярлык начинается следующими словами: *قريم نومانى نڭ قوتلو بوعا بشليغ داروعا بگلارينکا*. Ту же мысль подтверждает и то, что в ярлыках Золотоордынских ханов писцы не подписываются. В ярлыках Тимур-Кутлуга и Тохтамыш хана и в ярлыке Сахиб-Гирей хана не подписываются ни докладчик ни писец. Короче, возможно, что как в Золотой Орде, так и в древнем Казанском ханстве не существовал обычай подписывания ярлыков техническими чиновниками дворца. Ошибки написания арабских слов в ярлыке Сахиб-Гирей хана, напр. ошибочное написание арабских слов *من الافات. عن الافات* и грамматические погрешности, по моему, показывают, что докладчик и писец говорили на разных турецких наречиях. Но писец нашего ярлыка, должно быть, был Казанским татаринном. Например, употребление арабского слова *تعارض* в форме *نقارض* т. е. замена *ع* буквою *ق* указывает на это и т. д. И в настоящее время крестьяне часто заменяют звуки *с* на *с* и *ق*. Например, *عمر حوجه* = *احسن* = *افسن*, *محسن* = *مقسن*, *حلفه* = *فلفه*, *حوجه* = *قوجه* употребляется в форме *قمر حوجه* и др. В языке ярлыка встречаются предложения несвойственные другим ярлыкам, но характерные для нашего ярлыка, напр., «*بز کا کلیب باش اوردی لار*», «*کشیلارینه و قارلارینه و چاروالایندالرج...*» Эти предложения указывают, что ярлык принадлежит Казанскому ханству и указывают, что в устройстве Казанского ханства имелись черты, сходные с Крымским ханством, а по содержанию и языку, вообще, конечно, более подходит к ярлыку Золотоордынских ханов.

Комментарии ярлыка.

№ 1. Ассультан *السلطان* слово арабское. Титул самодержавных государей, как слово — хан, падишах, император, царь, *الغازى* — на арабском языке в смысле воинственный. Османские султаны назывались титулом *غازى* (напр., *غازى سلطان محمد خان ثانى*), также и Сахиб-Гирей хан, подражая турецким султанам, называет себя титулом *السلطان الغازى* по арабски. Это слово „Сахиб“ В. В. Радлов переводит словом — господин, хозяин, а П. Мелиоранский — владелец, содержатель ¹⁾, когда он исследует с научной стороны ишан султана

¹⁾ Зап. Вост. Отд. Имп. Русс. Арх. Общ. т. XVI СПб. 1903.

Умер-Шейха ¹⁾ в последней половине XVI в. по Р. Х., написанного на уйгурском языке Мир-сейду Ахмеду. Сами-бей в своем „Камустурки“ слово „сахиб“ переводит Мутасарыф и говорит, что это означает „всегда побеждающий завоеватель“ دائما موفق و غالب کلن на монгольском языке „заслуживающий—должный“ جہانگیر حکمدار²⁾. Это слово сделалось титулом династии Мингли-Гирей хана, из династии Чингизидов, царствовавших в Крыму (Камустурки, т. II, ч. I, стр. 1155).

Академик Радлов слово گرای переводит словом „достойный“ и в скобках пишет, что это титул Крымских ханов ³⁾. سوزوم Сюзем, тюркское слово, в этом месте „мое повеление“ приказ мой“. Если это первое предложение все обобщить, то можно это место перевести следующим образом:—„Я, воинственный султан Сахиб-Гирей, повелеваю“. Об этих повелеваниях Сахиб-Гирей хана мы скажем позднее. Там он обращается ко всем государственным должностным лицам, всему народу и всем областям Казанского ханства и всем государствам. „В و — „союз“ و „здесь лишний“ и он повторяется многократно.

2.—умара امراء — арабское слово во множественном числе, в единственном числе. امير В этом месте под словом „эмиры“, по моему, должно понимать обращение к таким чиновникам, как огланы, унбеки, туманбеки, даруга беки, Казанского ханства. По моему, в этом месте „эмир“ употребляется в смысле князь. Так как русские „бек“ переводят „князь“, то и в татарских легендах они называются „ханами“.

3.—Ва хуккем و حکام — судьям. Это слово арабское во множест. число, в ед. чис. — حاکم. Употребляется в смысле „судящий“ и „начальник“. В восточных странах городского голову, кантонного начальника называют „хаким“. В. В. Радлов это слово толкует как

¹⁾ Оригинал текста нишаана султана Умир-Шейха, написанным на имя Мир-Сейда Ахмеда, находится в руках быв. казья города Маргилана Джан Хаджи. Упомянутый Хаджи подарил этот документ В. В. Бартольд, который в 1902 г. 16 августа сделал об этом доклад в Общ. Люб. Турк. Древн. Отчет этого доклада был напечатан 25 августа того же года в „Туркест. Ведомост“. Вернувшись в Петербург Бартольд передал этот документ для всестороннего исследования П. Мелиоранскому, который издал об этом нишаане научное исследование в сборнике Вост. Общ. Русск. Древностей т. XIV с фотографическими снимками оригинала. В сборнике помещен и красивый, ясный текст, написанный уйгурскими буквами.

²⁾ Камустурки т. II ч. I, стр. 801, 1318 г. гиджры.

³⁾ Опыт словаря Тюркских наречий, т. III стр. 1555.

„судья, правитель, владетель“. До настоящего времени не так ясно, какое должностное лицо в Казанском ханстве под этим названием понималось и какие обязанности он исполнял. Возможно, что в Казанском ханстве кроме народных судов были еще высшие судебные органы и обращение это наверное было направлено к ним. Может быть, под этим словом понимались городские головы, но в наших руках нет других доказательств, свидетельствующих о том, какие чиновники под названием „хаким“ какие обязанности исполняли. Поэтому об этом утвердительно сказать ничего не можем. Даже И. П. Березин, при описании внутреннего устройства улуса Джучиева, слово хаким переводит термином „начальник“¹⁾.

4.—Ва судат-гызам — وسادات عظام — великим сеидам. Известно, что в Казанском ханстве были сеиды, происходившие от поколения пророка и они занимали видные места в государстве и среди народа. В последние время Казанского ханства, в документах, отправленных из Казанского ханства в Москву, сеиды пишутся впереди огланов, беков, мурз и др. Напр., так написано в официальной бумаге, посланной Иоанну Грозному Юнбарс мурзой—и сеиды, и шихи, и шихзады, и муллазады, и малы, и азы, афазы, и князи, и уланы, и мурзы²⁾.

В нашем ярлыке после эмиров и хакимов на третьем месте, на ряду с государственными чиновниками, стояли великие сеиды. Это показывает, что и сеиды занимали видные места в государстве. Указанные сеиды имели особых начальников, которые назывались Накибулашраф. «نقيب الاشراف»

5.—Ва кузате ислам — وقضاة اسلام — исламским казиям. Повидимому, в Казанском ханстве они исполняли обязанности народных судей. Слово кады, конечно, выражает понятие духовного судьи. И в настоящее время в восточных государствах: — Турции, Египте, Авганистане, кады исполняют обязанности духовных судий. Возможно, что и в Казанском ханстве было также.

6.—Вамавали-завиль-ихтирам — وموالي ذوى الاحترام — почтенным хозяевам. И этот титул вероятно применяется по отношению к духовенству. Этот титул в Царственной Книге пишется в форме „малы“ или „мамы“. (178—182 стр). Возможно, что этот титул относился к аббасидским шерифам. Выражение Марджани «واشراف عباسيه» может

1) Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 15, СПб, 1850.

2) Царственная Книга, стр. 178.

быть, под этим титулом подразумевает духовных должностных лиц, которые в нашем ярлыке называются „почтенные хозяева“ — *موالی*. арабские слова во множ. числ., в смысле „худжа“. Говорят „*یا مولام*“ в ед. чис. *مولی*. *ذوی* — слово означающее „владелец“ — *حوجه* — на арабском языке в ед. чис. *الاحترام* — слово араб. обозн. уважаемый, почтенный.

7. — Ва арбаб-ва калатан — *وارباب وکلاتان* — уполномоченным чиновникам. Оба слова арабские. Слово *وکلاتان* в ярлыке ошибочно написано в форме „*وکلاتیان*“. По правилам арабской грамматики, после слова *ارباب* не может последовать форма *وکلاتیان* это слово должно писаться в форме „*وکلاتان*“. Поэтому мы это место прочитали как *وارباب وکلاتان*. Возможно, что чиновники под названием „уполномоченных“ в Казанском ханстве были лицами, поставленными для исполнения важных политических и экономических работ государства. Напр., в 1546 г. 17 января сообщают Иоанну Грозному из Казани, Хамид Шейх, Бурган Сеид, Кудаш-Бек, Чура Нарыков, отправившись в Москву с русским послом в Казани Игнашем о том, что Сафа Гирей хан прогнан из Казани и многие из крымцев убиты. Вот этих то лиц, которые уполномачивались на ведение дипломатических переговоров, наш ярлык, вероятно, и называет этими именами. *وکالت اییدلری*.

8. Ва мекаман — *و مقمان* — чиновникам на местах. *مقام* — слово арабское, значит — „место“. *آن* персидское окончание мн. чис. как *کار* в слове *کاران*. В этом случае следует понимать от слова *مقام*: улус-беки, иль-беки, баскак, тртнакчи, ямчи, букавул (оценщик). В В. Радлов в своем словаре переводит словом „место“.

9. Ва ильджиан — *و ایلچیان* — „посланникам“, *ایلچی* — слово турецкое в ед. чис.; во множ. чис. будет *ایلچیلر*. И в этом случае данное слово обращено во множ. чис. по форме персидского языка. По словам И. Н. Березина, в Золотой Орде было два разряда послов: едущие послы и мимохожие послы. И в нашем ярлыке, вероятно, обращение к такого рода посланникам.

10. Ва багджиян — *و باغچیان* — „садовым чиновникам“. Персидское слово. Народное предание гласит, что вокруг города Казани были большие сады. Рассказывается, что на Дальнем Кабане, Кабан-беком был устроен большой сад и Казанские ханы отправлялись туда для отдыха, даже будто бы эти сады имелись и при взятии Казани (народные предания об этом собраны и находятся в моей библиотеке).

Князь Курбский, при описании Арской земли Казанского ханства, сообщает нам, что эта земля была „зело преизобильная и гобзующия на всякие плоды“¹⁾. Отсюда можно сделать вывод, что Казанское ханство изобиловало садами. Под словом „плоды“ не следует понимать изобилие хлебов, потому что, когда князь Курбский описывает ту же Арскую землю, говорит следующее: „и села части хлебов же всяких такое там множество“. Эти слова ясно доказывают, что слово „плоды“ необходимо понимать в тесном смысле. В особенности после того, как он описывает богатство и изобилие садов разными плодами, прибавляет: „также и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны“. Говоря так, он доказывает, что в Казанском ханстве татарские беки и татарские помещики владели прекрасными садами. Вот чиновники, которые занимались сбором податей и налогов с этих садов, обследованием планов их и вообще занимались делами, относящимися к садоводству, назывались „садовыми чиновниками“. (Не передалось ли занятие садоводством и огородничеством русским поволжским селам). Чиновники, под наименованием „садовых“, не встречаются в ярлыках Золотой Орды и Крымского ханства. Напр., в ярлыках Менгли-Гирей хана перечислены чиновники под названием даруга-беки, духовенство, учиняющий наказания, букавый-чари, тамгачи, трттакчи, кушчи, борочи, куймечи, купрукчи, туткаул, каравул, юрур-ишур-ильчи, но почему то мы не находим садовника — „бакчачи“²⁾.

11. Ва кишты банан — و کشتی بانان — „судовым чиновникам“. کشتی بان — персидское слово ед. чис. в смысле ладейщик. Множ. чис. образуется с прибавлением окончания آن. Это слово в ярлыке Тимур-Кутлуга³⁾ в форме کمیچی, Саадат-Гирей хана کمیچی, Мингли Гирей хана کمیچی. Чиновники под титулом „ладейщики“, в сохранившемся на русском языке ярлыке Атюляка, выданного митрополиту Михаилу называются „ладейниками“ (Россия и Азия, стр. 250—255). Чиновники под названием ладейники были в Казанском царстве должностными лицами, наблюдающими за движением судов (перевозов) и флота, за порядком навигации и вообще всеми делами, относящимися к водным путям сообщения. И. Н. Березин при комментировании

¹⁾ Сказание Кн. Курбского, стр. 26.

²⁾ Запис. Одесс. Общ. Ист. и Древн. т. VIII стр. 323—29.

³⁾ И. Н. Березин „Ханск. ярл.“ стр. 3—15 и Зап. Одесс. Об. Ист. и Др. т. VIII стр. II.

ярлыка Тимур-Кутлуга, относительно слова ладейщик, пишет так: „в русском управлении ладейщики были никто иное, как собиратели водяного мыта (подати)“. Весьма возможно, что в Казанском царстве эти чиновники собирали подати с рыболовов и людей, возивших по рекам товары.

12.—Ва кузер банан - کدربانان - полицейским чиновникам, персидские слова во мн. чис. ед. чис. будет کدربان. Под этим названием могли быть чиновники, которые охраняли внутренний порядок, тишину и спокойствие в городах. В ярлыке Тимур-Кутлуга к таким чиновникам обращаются словами: بازاردا تورعانلارغه „стоящим на базарах“. Проф. И. Н. Березин выражение بازاردا تورعانلارغه толкует следующим образом: „под этим выражением находящимся на базаре, вероятно, должно разуметь полицейских, блюстителей порядка на базаре“. Поэтому и мы прочитав слово کدربان „полицейский чиновник“, при переводе کدربانان во множ. чис. написали—„полицейским чиновникам“. В Бухарском ханстве полицейских чиновников называли آفسانالی کندر.

13.—Ва тут кавлан. Ва тамга джиан - وتوتقاوولان و تمعا جيان - чиновникам на заставах, таможенным чиновникам—„туткавл и тамгачи“. Академик Радлов в своем словаре слово توتقاوول толкует следующим образом: „какая то должность“, И. Н. Березин слово „туткавула“ переводит „задерживателем“ по его мнению чиновник под этим названием в Золотой Орде, вероятно, исполнял обязанность букаула. И. Н. Березин полагает, что чиновник букавул—بو کاول занимался оценкою товаров и постановкой пробы, поэтому букавулы являлись при дворе на гражданской службе оценщиками, а на военной службе — раздатчиками жалования войскам. Итак возможно, что и наш чиновник под названием „туткавул“ исполнял те же обязанности. Слово „туткавул“ нами переведено на русский язык словом „заставщик“¹⁾. Слово „туткуал“ имеется в ярлыках Атюляк хана, данном Михаилу и Бердибека—Алексею митрополиту, написанных на русском языке. (Россия и Азия, стр. 250—55) —تامعاچی—это слово В. В. Радлов переводит „сборщик податей“²⁾, И. Н. Березин—„дающий знаки, берущий пошлины“³⁾. В. В. Григорьев—„старики наши переводили его пошлинником и таможенником“⁴⁾. Известно, что в Золотой Орде с

¹⁾ Березин слово „заставщик“ переводит словом мытник или мытчик.

²⁾ Опыт. словар. тюркск. нар стр. 1005, т. III.

³⁾ Ханские ярлыки, стр. 28—29.

⁴⁾ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др. т. I, стр. 348.

товаров купцов отбирались таможенные налоги. Для собирания таможенного сбора с товаров, привозимых из чужих стран, имелись особые чиновники, которые назывались таможенными *تامعاجی* и когда отбирали у купцов необходимый таможенный сбор, прикладывали на товары ханскую печать. Должно быть и в Казанском ханстве таможенные чиновники исполняли те же обязанности. В Золотой Орде за взвешивание также брали пошлины и соответственные чиновники назывались „*تورتناقچی*“.

14.—Ва джумгур сакане — *و جمہور سکنہ* — всему населению. В ярлыке Тохтамыша в этом месте сказано „*بارچاغا*“, в ярлыке Саадат-Гирея „*کوب ایلکا بارچاغا*“, в ярлыке Менгли-Гирея „*کوب ایلکا بارچاغا*“. Мы перевели это предложение: „всему населению“.

15.—Ва гумум виляйят газан Ва мамалика махруса *و عموم ولایات غازان و ممالک محروسہ* — вообще всем Казанским областям и всем государствам. Эту фразу мы перевели следующим образом: вообще всем Казанским областям и всем государствам, призывая на них божью охрану (махруса).

16. *حمت عن الافات والبلایات لارعه*. да будут они хранимы от бедствий и несчастий. Эта фраза встречается лишь в некоторых „биратах“ турецких султанов и является молитвенными словами. Этой молитвою испрашивается спокойствие Казанскому ханству и всем его областям.

17.—Нишан *نیشان* — слово персидское в смысле приказа, распоряжения. Турецкий султан Осман хан бен Ахмед-хан в своем бирате, данном *یہودی کیرہ عائلمسینہ* султан Осман начинает свой ферман словами ¹⁾ *نشان شریف عالی شان سامی مکان ساطانی*. И Сахиб-Гирей, подражая турецким султанам, в своем ярлыке пишет: *بو نشان یتکاج*.

18.—Что они были тарханами прежних наших старших ханов *اول خان اغالاریمزدان نارخان بولغان کشیلار* *ایکانشور*. Этим ясно подчеркивается, что они издавна владели титулом тарханства. Эти тарханы теперь только возобновили перед Сахиб-Гиреем свои привилегии тарханства. В ярлыке Тимур-Кутлуга, вместо этого предложения, написано следующее: — *بورون سی کیچکان سایین خان چاعی دین بیرو بیر* — *یارلیع راست ترحانلق یوسونی جابوروب*. Но в ярлыке Саадат-Гирея и Менгли-Гирея таких фраз мы не находим. Что в Казанском ханстве унаследовано было много церемониальных обычаев от Золотой Орды,

¹⁾ Восточные заметки „Сборник статей и иссл. Имп. СПб. Унив.“, стр. 35—78“.

которые продолжают и до настоящего времени, доказывается этим предложением. Поэтому Казанское ханство, как со стороны внутреннего устройства, так и по своим обычаям и традициям, можно сказать, было весьма похоже на Золотую Орду.

19.—Мы вновь пожаловав упомянутых лиц во имя великого бога и ради пророка Магомета, сделали их тарханами بزداغی سیورعاب بو مذکور کیم ارپهلارنی تنکری تعالی رضایی و تقی محمد رسول الله شفاعتی — Этими словами Сахиб-Гирей хан возобновляет тарханские привилегии и права указанных тарханов.

سیورغاب — Радлов это слово переводит — „милость, милостивый подарок“, а слово سیورغامق — „жаловать“ и „радовать“. Поэтому слово سیورغاب переводим на русск. язык словом „пожаловав“. Мы знаем, что слово „тархан“ у турецких народов существовало издавна. Тарханами называлось привилегированное сословие из аристократии. По словам Тимковского тархан по монгольски значит „кузнец“. Отсюда можно заключить, что термин тарханства у турок связаны с железным веком. Но по мнению Штрейтера, титул тарханства начинается у турок с VII века ¹⁾ по Р. Х. Термин „тархан“ Радлов переводит „привилегированное сословие“. В ярлыке Тимур-Кутлуга фраза посвящения в тарханство написана следующим образом: بیز نیک خان آعالاریمز سیورعاب تارخان قلغان جیر گه سین آنکلاتا اوتوندی ایرسا، اوتولین یوب کورب محمد بیز نیک سیورعال بولب تارخان بواب تورسون دیدیمز в ярлыке крымского хана Саадат-Гирея эта фраза пишется следующими словами «بیز کا تو- فنکچی اولدوغی سببدان سیورعال بولب آزاد بولسون نیدیک».

Если здесь обратить внимание на то, что в крымских ярлыках, по традиции Чингизидской династии не упоминается официальный термин بورونعی بورونعی как это мы читаем, напр., в Золото-ордынских ярлыках بورونعی بورونعی также в ярлыке Сахиб-Гирея мы читаем اوول خان آعالاریمزدان تارخان بولغان کشیلار ایکاندور то мы видим, что Казанское ханство стояло ближе к Золотой Орде, чем Крымское ханство. Недаром писалось в русских летописях о возобновлении Казанского ханства Улу-Мухаммедом нижеследующими словами: „И прииде в Казань Царская (хан) слава и честь и величество большия Орды..... И тако нача уселятися и укреплятися Казань—Новая Орда“ (Ист. о Казан. царств. неизвестн. сочинителя). Здесь ясно указывается, что Казанское ханство является ничем иным, как продолжением Золотой Орды.

¹⁾ Труды IV Археолог. Съезда в России, т. I. Казань, 1881 г.

20. К их людям — *كشى لارينه*. — В этом месте слово „людям“, мы прочитали как „люди“, которые являлись собственностью тарханов. И в настоящее время татары крестьяне говорят: „Есть ли люди для работы“, „Есть ли человек на работу“ „Он очень хорошо жил, никогда не жил без людей“, т. е. слово человек *كشى* употребляется вместо „работник“. Также говорят: „Я нанял человека жать“. Слово *كشى* в других ярлыках не встречается.

21. Поместьям — *قرالارينه* -- надо полагать, что это слово взято из османского языка и написано в форме *قرا* по османски „земля-почва“¹⁾. Но в этом месте не должно быть *قوار*, потому что после этого слова сказано *يوكلارينه و جاروالارينه*, а это не дает нам возможности после этого слова ставить слово *جاروا* — животные. Также как и в ярлыке Тимур-Кутлуга, если бы под *قرالار* можно было бы прочесть *قوار* тогда было бы написано после этого слова вроде *اولاق توتماسون*. Поэтому слова *قرالارينه* мы прочитали как *قرلارينه* т. е. „их поместьям“. В нашем ярлыке после предложения: *كشى لارينه و قرالارينه يوكلارينه و جاروالارينه* т. е. людям, поместьям, (*قرلارينه*) возам и скоту, пишется *قلماسونлар* за это дает нам возможность прочесть слово *قرالارينه* в форме *قولارينه*. Поэтому то прикосновение и вмешательство с злым умыслом может быть только по отношению к имениям и возам, что это не есть освобождение, посредством этой фразы, от обязанности взимания у тархан пошлин *اولاق قوادان* но это значит обеспечение государствам и от разных притеснений, которые приносят какой либо вред их имениям, конфискация их имущества, приостановление перевозки товаров.

22. Возам и скоту — *يوكلارينه و جاروالارينه*. — В этом месте под словами „воз и скот“ следует понимать то, что когда тарханы ездили торговать с базара на базар, из города в город, то они освобождались от уплаты разных податей и налогов. На это указывает освобождение указанных тарханов от уплаты торгового налога под названием *бaж* — бадж, о котором сказано в 15 строке ярлыка. Нам известно, что в Золотой Орде и Крымском ханстве тарханы, как на суше, так и по рекам ездили с торговой целью. Напр., в ярлыке Тимур-Кутлуга сказано²⁾: *بارور كيلورينه كيروجيقارينه قريمده كغده قايوما تورلوك*: а в ярлыке Саадат Гирея,

¹⁾ Камус—Турки. 2 т. 1066 стр. Константи. 1318 г.

²⁾ Ханские ярлыки, стр 3—19.

سانع ابيع قيسالار تمعا نرتناق نيلا ماسونلار، آلامسونلار
 1) بسابو حوجهى قوروده بازار كان قلسه درياده كيمى بلدن يوريسه آوريدنه كم كم ايرسه
 تمعا نرتناق حرج و حراجات نيب نيلا ماسونلار
 Короче говоря, ярлык освобождает от торгового налога всех этих тарханов. Конечно, и в Казанском ханстве тарханы занимались торговлей, поэтому они освобождались от торгового налога — **баж** — **бадж**.

23. Не смеют пусть прикоснуться злые намерения и не вмешиваются злые поступки и действия ни одного человека **افات فردمن**
 Этим самым предложением имущество, земли, воды и скот тарханов признается их частной собственностью и обеспечивается государством от всяких злодеяний, притеснений и беспокойств.

24. **يساق** — как в Золотой Орде, так и в Казанском ханстве основной налог, взимаемый от низшего сословия в пользу государства назывался **يساق** — **ясаком**. Следует думать, что ясак взимался в количестве десятой доли основного капитала. Поэтому ясачный налог можно назвать налогом в десятую часть дохода. Слово ясак употребляется как уложение, как ясак Чингиза. Это слово также означает „запрещение“ (Опыт. слов. тюркс. вар. т. III стр. 216).

25. **قلان** — Это тоже был один из налогов. Русские ученые переводят это слово — „оброк“, а Радлов называет его „данью, податью“. В каком количестве и как взимался этот налог, мы не можем определить. Известно, что налог под названием **قلان** взимался в Золотой Орде в пользу ханской семьи, высшего сословия и других чиновников, занимающих видные посты.

26. **سالىع مسمى** — подать, именуемую салыг. В. Смирнов, когда исследует бират Султана Османа II-го еврейскому семейству Кира, говорит о налоге, называемом салыг: „Слово походит на обозначение какой то натуральной повинности или эквивалента этой повинности“. Он же, приводя доказательство возможности чтения слова салыг в фермане султана Османа в форме „салгун“ — **سالعون**, думает, что этот налог взимался с народа с целью уплаты жалования войскам²⁾. Возможно, что и в Казанском ханстве налог, именуемый „салыг“, взимался государством для той же цели. Об этом налоге Радлов в своем словаре не приводит никаких объяснений и переводит его лишь словом „подать“ (т. 5, стр. 359). Этот налог в ярлыке Тимур Кутлуга пи-

1) Зап. Общ. Ист. и Древн. т. VIII стр. 323—325, Одесса 2-871.

2) Восточн. заметки сборн. статей и исслед. Имп. СПб. Univ. стр. 64.

ишется в форме *سالىع مسمى* в ярлыке Саадат-Гирея — *سالىع* И. Н. Березин переводя слово *سالىع* — налогом, пишет, что *سالىع* у татар называется „подушные“. В таком случае выходит, что салыг это — налог, который в Казанском ханстве, вероятно, взимался с души, почему его можно считать подушным.

27. *فولوش فلتقه* — налог под таким наименованием не встречается в ярлыках Тимур-Кутлуга и Тохтамыша, но в ярлыке Крымского хана Саадат-Гирея пишется в форме *فولشى فولتقاسى* а в ярлыке Мингли-Гирея *فولوس فولتقا*. Об этом налоге В. В. Григорьев пишет следующее: „Слова колс и колодка обозначают, по моему мнению, 1-е ручные, а 2-е ножные колодки; впрочем это слово, вероятно, перешло в Россию во время мэнгольского ига. Должно быть с колодки, как и со многих предметов амбарных, наприм., весов и проч. был установлен сбор“¹⁾. Конечно, объяснение В. В. Григорьева неудовлетворительно, но так как в наших руках нет материалов, которые могли бы объяснить этот термин, мы и приводим его объяснение. По объяснению проф. А. И. Самойловича, *فولوش فلتقه* объясняется просимым подарком. «*سوراب ألونا نورعان بولك*»

28. *باج* — Это слово арабское, в словарях передается в значении „вещь, которая берется на дороге с торговцев“. В других ярлыках, в этом месте, наприм., в ярлыке Саадат-Гирея мы читаем *سالىع آلىع* а в ярлыке Мингли-Гирея, как и в нашем ярлыке впереди слова *باج* *خرج و حراجات* вместо слова *باج* сказано *كم كم*. Поэтому мы под словом *باج* подразумеваем пошлину с товаров „таможенный сбор“. Мы слово *باج* перевели на русский язык термином „таможенная пошлина“. Почему то в нашем ярлыке отсутствует *تورتناق* потому ли, что в Казанском ханстве не было налога, взимаемого с весов, или тарханы освобождались от такого рода налога

29. *خرج وفراجات* — слово *فراجات* неправильно написано: вместо буквы „ح“ стоит „ق“. В ярлыке Тимур-Кутлуга этот налог пишется в форме *بورچ خرج* в ярлыке Мингли-Гирей хана *خرج و حراجات* но в фермане султана Османа II-го „*خرج و احراجاتدين*“. Этот налог взимался в виде пени за недоимки прежних налогов.

30. К имуществу, собственности, деньгам, водам, землям никто рук пусть не протягивает *اق و آب زمين لارينه دست نطاول*. Слова *مال* и *املاك* на арабском языке. С давних пор эти *تيلماپسونلار*

¹⁾ Записки Одесс. Общ. Ист. и Древн. т. VIII стр. 324.

слова у турецких народов в их официальных государственных документах употреблялись как юридический термин. И в официальном документе (нишане), данном султаном Умир-Шейхом ¹⁾ Мир-Сейд-Ахмеду на уйгурском языке, мы встречаем этот термин. П. Мелиоранский при исследовании с научной точки зрения нишана этого султана, слово مال переводит „скот“, „капитал“. Но слово ملك „собственность“ ²⁾. Этот термин кроме нашего ярлыка не встречается в известных нам ярлыках Золотой Орды и Крымских ханов. Мы этот термин переводим по-русски словами „собственность на имущество“. Радлов переводит слово مال „имущество—товар“, اق это слово мы прочитали как آقا и перевели на русский язык „деньги“. آب زمین لارینه оба слова на персидском языке. Первое означает воду, второе — землю. دست تطاول — не кто рук пусть не протягивает. دست — по-персидски рука. تطاول — по-арабски удлинять, сделать длинным, протягивать

31. В дом их насильно посланников-гостей не ставить اوئی لارینه этой фразой тарханы освобождались от обязанности насильно принимать гостей на ночевку в их доме. Местное население в Золотой Орде должно было доставлять в необходимых случаях государственным чиновникам лошадей, необходимые деньги и квартиру на ночь. Оказывается, что и в Казанском ханстве продолжал существовать этот обычай и закон. Вот наши тарханы и освобождаются от предоставления квартиры, доставления проезжающим чиновникам провианта и перевоза их на своих лошадях и др. обязанностей. Эта фраза в ярлыке Тимур-Кутлуга передается следующим образом: قوناق توشول توشورماسونلار в ярлыке Саадат-Гирея, а в фермане турецкого султана Османа II-го (3) اولرینه جبر ایله قونلماقدان.

32. — Деревенскую подать, земельный налог, налог с трубы (с них) не собирать, продовольствия и фуража не требовать. صله خرجی یرجهله پیسی — Этими фразами тарханы освобождались от различных натуральных налогов. صله خرجی — Первый из этих терминов на турецком языке, вероятно, означает, как в слове صالا کشسی — сельский житель. Из слов, означающих „сало“, нам известны Янге — сала, Сала-баш, خرج — слово арабское. Пишется в форме خراج. В нашем ярлыке после слога خر, опущены

1) Следует думать, что этот нишан Умир-Шейха был написан в конце XV века.

2) См. Сборн. Запис. Вост. Отд. Имп. Русс. Арх. Общ. т. XVI стр. 2—12.

3) Вост. Зам. Сборн. стат. и Иссл. Имп. СПб Унив. ст. 68.

буквы |. Этот термин в фермане турецкого султана Османа II-го пишется в форме *یر خراجی*. Нам не так ясно известно, в каком размере и как взималась в Казанском ханстве деревенская подать, известная под названием *صله حرجی*. Но „хирадж“ в Османском государстве делится на несколько разрядов, некоторые из них *موظفدر* взиманием небольшого количества деньгами в год. Об этом в рукописи *عثمان فی قوانین آل عثمان* сказано так:

خراجك بعض موظفدر يلدہ بر آز مقدار آفچه آلنور...¹⁾

Возможно, что и в Казанском ханстве деревенская подать выплачивалась с семьи ежегодно небольшим количеством денег.

эти два термина мы перевели словами „земельный налог, налог с трубы“ налог под названием *توتون سانی*, чтобы этот налог выплачивался одинаково всеми домовладельцами и в последние времена говорили, что были случаи, когда в некоторых деревнях налог уплачивался по соглашению — подымно. В ярлыке Мингли-Гирей хана этот термин писался в форме *قراسانی*. По чтению В. В. Григорьева слово *قرا سانی* в ярлыке Менгли-Гирей хана надо понимать „счет строений“. Продовольствия и фуража не требовать (*پسوپسون علوفه تیلاماسونلار*) — первый из двух этих терминов *سوسون* вероятно происходил от слова *صی* и был налогом, который впоследствии выдавался государственным чиновникам, продовольственным налогом. *علوفه* — арабское слово — вероятно этот налог брался для доставления фуража лошадям чиновников. Эти налоги можно найти и среди налогов ханов Золотой Орды и Крыма. *قايوما* „Ни с каких сторон“ вреда и притеснения им не причинять. Оба эти слова *قايوما-یانдин* турецкие, по значению „недостаток“ *نقصان* — арабское слово. *فراغت* спокойствие и свободное время арабское, *شام* — персидское слово — вечер. *صباح* — арабское — утро. *و غد و رواح* — эти два слова арабские, употребляются здесь для параллелизма с *شام* и *صبح*. *و غد و رواح* утро, *صبح و رواح* вечер *دعا و آلفیش قلسونلار* „нашему поколению“, и роду *قلسونلار* этой фразой ярлык призывает служить хану верой и правдой. Должно понимать, что тарханы иногда прекословили ханским повелениям. Так в ярлыке Тохтамыш-хана, выданном Бик-хаджию, написано:

بسمایس، بک حاجی بولای سبورعایم تیپ یاریعلارعا کوچ قیلور بولسنک سیگا نقی ایندگو سی بولماعای تیپ توتاتورورعا آل تمعالیق برلیع بریلدی. В ярлыке Саадат-Гирей хана об этом сказано: *تارخان بولدی تیپ زیم حزمتمیزده بولماساکز بزددن سوگره*

¹⁾ Там же, стр. 63.

1). بولغان خانلار خزمتمنده بولماساڭز تارخان بولماسنيز. Но в нашем ярлыке мы не находим с таким предостережением фразу, только просьбу помянуть их добром и молиться за их душу.

34. А всякого рода насилия, беды, вред, беспокойства (им) не причинять. و هر نوع دين کوچ بسيج زحمت ينجوع تيكورماسونلار. В этом предложении هر — персидское, نوع — арабское, کوچ — турецкое слова. بسيج — это слово И. Н. Березин переводит от слова „давить“ — باسماق и объясняет словом „притеснять“. زحمت — арабское слово. Радлов, слово زحمت переводит: вред, тягость, забота. (Радлов, Оп. Сл. Тюрк. Нар. т. V. стр. 362) ينجوع И. Н. Березин это слово пишет в форме يونجوق и переводит „обида“. Но неопределенное наклонение اينجيتمك переводит словом „оскорблять“. Мы перевели эту фразу на русский язык следующим образом: А всякого рода насилия беды, вред, беспокойство (им) не причинять.

35 — Если же кто, не слушая повелений ярлыка, причинит насилие, беды, вред, беспокойство, то им хорошо не будет. بيسابولا يونيو. تورغاچير ليغ تينكلاماي کوچ سچ زحمت- ينجوع تيكور كان كشي لار نيك اوزلارينده نى يحشى پى بولعاى ديب آل نشان ليع يرليد-غ بريلدى. Следовательно, говорят так, был пожалован нишан, т. е. ярлык с алой печатью, чтобы не слушаясь этих ярлыков они не притесняли, не чинили насилий этим тарханам: оскорбляй и за это тем людям не будет хорошо. بسا — слово древне турецкое не надо смешивать с персидским словом بس. слово بسا иногда обозначает ту же мысль, как تقي، داعى، دحى، ناعن، ينه، كنه، كنه، ودخى. Ярлык Сахиб-Гирей хана написан в 929 году гиджры в месяце Сафара, а по христианскому летосчислению в 1523 году 1 января. تاريخ توقوز يوز يكرمى توقوزدا موباراك پسر آبي نيك اون اوچونچى كون ايردى.

36. — В нишане ярлыка Сахиб-Гирей хана пишется нижеследующее титулование: Могущественный султан, знаменитый для мира и веры великий завоеватель Сахиб-Гирей, герой хан пусть бог вечно хранит его государство и возвеличит его царствование.

1). Ханские ярлыки, стр. 13—20.

О русском крестьянском зодчестве.

(по наблюдениям в с. Красновидове, Свияжского кантона Татарск.).

Интересующимся вопросами искусства без сомнения известна бедность нашей литературы о народном бытовом искусстве. Если исследователи останавливались на искусстве господствующих классов на искусстве официальном, если внимательно и „добросовестно“ изучено творчество отдельных художников, то того нельзя сказать про творчество народное, коллективное. В этом отношении более посчастливилось искусству словесному, и народные песни, былины, сказки, пословицы, и т. п. произведения имеют своих историков и свою достаточно солидно разработанную историю. Совсем другое дело пластические искусства. В этой области сделано гораздо меньше. Этнографическая литература, касаясь народного быта, встречалась, конечно, с вопросами народного художественного творчества, но никогда не рассматривала их достаточно глубоко, ограничиваясь более или менее беглыми заметками. Интересовались русским бытовым искусством и многие русские художники, начиная, главным образом, с 60-х годов и особенно к концу XIX века и к началу XX. Им восхищались, ему подражали, в истоках этого примитивного искусства стремились почерпнуть вдохновение для своего творчества. Не мало памятников собрано по различным музеям и частным коллекциям. Но в этом увлечении слишком немного было подлинного изучения и допускались серьезные ошибки. С именами, напр. Стасова, Ропета, Гуна, Кудрявцева и др. представителей 70—80-х годов, связывается теперь представление об особом „стасовско-ропетовском“ якобы народном русском стиле, который получил такое распространение в конце прошлого века в дачных постройках, в станупочном строительстве и проник в кустарные мастерские. Давно этот „стиль“ стал „классическим примером“ неправильного подхода к интересующему вопросу.

На рубеже XIX и XX веков поднялась новая волна увлечения народным творчеством. Имена художников Васнецовых, Степанова

Милютин, Билибина и др. слишком известны, чтобы их здесь все перечислять. В своем художественном творчестве и литературных статьях они иной раз очень внимательно присматривались к крестьянскому бытовому искусству; констатировали, между прочим, его вымирание и отход народной массы от своей художественной культуры; делали попытки возродить это „угасавшее народное творчество“, но — никто не изучал его систематически в проявлениях деревенского зодчества, деревянной резьбы, вышивок,ковки, гончарного дела, росписи, набойки и других отраслей мастерства своеобразного и оригинального. Не поэтому ли все попытки искусственного возрождения народного кустарничества не кончались обычно ничем, и кустарь, изготавливая предметы на сбыт по рисункам какого-нибудь Васнецова, в своей избе никогда не применял своих познаний, а для украшения ее брал мотивы совершенно другие и шел своим собственным путем.

Вот те немногие соображения и примеры, которые, однако, с ясностью указывают на единственно правильный путь исследования народного искусства. Этот путь — *планомерное, интенсивное, систематическое, многолетнее и точно приуроченное к территории определенного края (в краеведческом масштабе) собирание, регистрация, фотографирование, обмеры и т. п. предметов народного творчества*. Что же касается вопросов о законах, руководящих направлением художественных вкусов крестьянства, об экономических, социальных и других причинах их изменения, о силе традиции, о путях заимствования тех или иных мотивов творчества, — то, как они ни интересны, а приходится определенно заявлять, что постановка их, и тем более решение, преждевременны: слишком мало в руках исследователя действительно конкретного и неслучайного материала.

Такая планомерная работа начата лишь очень недавно. Но усилившийся с момента Октябрьской Революции интерес к крестьянскому искусству дает уже определенно себя знать, и выходящие брошюры, журналы и книги свидетельствует о новом и единственно рациональном направлении в изучении этого искусства: в изучении на родной для него почве, на местах, в рамках того или иного края, а не в оторванном виде — в тиши кабинетов, музеев и частных коллекций ¹⁾.

¹⁾ Привожу новейшую литературу о народном искусстве, известную мне.

Валукинский Н. В. Деревня Воронежского уезда (из впечатлений художника-этнографа). Воронеж. Губмузей 1924 г.

Несмотря на очень сильное поредение прежнего подлинного народного искусства и на несомненный сдвиг деревни в сторону новых форм жизни и творчества, несмотря на бурную эпоху революции, — еще остается целое море художественных сокровищ народного творчества, отражающих в себе века. Не торопясь с выводами, нам надо собирать и собирать.

Каплю в том море удалось мне отметить и зафиксировать своими наблюдениями прошедшим летом в одном из селений Татареспублики. Объектом этого наблюдения было село Красновидово.

Красновидово — русское село Свияжского кантона, расположено на правом берегу Волги в 43-х верстах вниз по реке. Оно принадлежит к одному из древних поселений и судя по татарскому названию ручья, протекающего здесь ²⁾, может быть существовало до завоевания Казанского ханства Москвою. Вероятно после падения Казани вскоре же это селение попало в число других татарских сел в руки русского духовенства. Во всяком случае одному из монастырей или из духовных лиц „Богородское — Красновидово“ принадлежало до конца XVII века ³⁾, а может и в первой половине XVIII го века ⁴⁾. В XIX-ом веке оно было крупной волжской пристанью в пределах Казанской губернии.

Клетнова Е. Н. Символика народных украшений Смоленского края. Смол. 1924 г.

Некрасов А. И. Русское народное искусство. М. 24.

Соколов С. и Томский И. Народное искусство севера России (Альбом репродукций с текстом) М. 1924.

Осипов Д. П. Крестьянская изба на севере России. (Тотемский край) г. Тотьма 1924 г.

Сыромятов. Отражение „удовищного“ стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края. Пермь 1924 г.

Воронов В. Крестьянское искусство М. 1924 — хорошо изданная книга с большим (более 100) количеством иллюстраций, воспроизводящих памятники Российского Исторического Музея в Москве. Существенным недостатком книги является отсутствие точной локализации памятников. Около 1/3 отнесены к той или иной губернии, остальные 2/3 помечены еще более обще и неопределенно, вроде: „Средне-Волжский район“, „Северные губернии“ и т. п.

Щекотов Н. Русская крестьянская живопись. М. Пет. 1923 г.

²⁾ „Село Красновидово при истоке Илгаче.“ См. Ведомость о наместничестве Казанском 1781—82 г.г. изд. под ред. Корсакова. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казан. Ун. т. XVIII в 4—6. стр. 350.

³⁾ См. Лаптев. Казанская губерния. Спб. 1861 г., стр. 210—11.

⁴⁾ Татарское название того села как-то недавно вынырнувшее из мрака забвения. — „Кара-тун“ (т. е. черная щуба, черная ряса) заставляет предполагать в числе владельцев села известного гонителя татарской национальности епископа Луку Конашевича, получившего от татар насмешливое прозвище „черная ряса“.

Крестьянские постройки в с. Красновидове расположены правильными улицами. Древнейшая часть села, как показывает самое название этой части—„старая слободка“ (или нижняя)—тянется вдоль оврага с ручьем и идет перпендикулярно к течению Волги. Улицы идут в две линии по склону оврага, но постройки обеих линий не одинаковы. Непрерывную линию изб представляет только та сторона, которая обращена лицом к оврагу на юг. Противоположная-же сторона занята небольшим числом небольших изб, так называемых „келлек“ или же здесь расположены нежилые постройки—житницы, амбарушки. Подсчет показывает, что жилые постройки по сторонам улиц располагаются так: на долю стоящих лицом к оврагу на юг приходится около 72⁰/о, а на долю стоящих на противоположной стороне—только около 28⁰/о. Новая слободка и улицы параллельные ей расположены под прямым углом к предыдущим и, являясь односторонками или почти таковыми, глядят окнами на Волгу. Помещаясь выше и на крутом берегу Волги эта часть имеет менее выгодное положение и более неудобное сообщение с пристанью на реке. Основное ядро села—нижняя слободка—может быть отнесено (пользуясь терминологией В. Семенова—Тяньшанского) к типу долинно-овражных поселений, которые особенно развиты в полосе лесостепи, в пределах каковой расположена почти вся Татарская Республика¹).

Для выявления типов построек я пользовался методом статистическим. Значительная часть села—две улицы—были подвергнуты специальному обследованию и учету. Наблюдения, касающиеся расположения построек и внешности их, сгруппированы были в особую таблицу, где были учтены различные элементы постройки, как конструктивные, так и чисто декоративные. В виду малой разработанности методики изучения народного искусства, позволяю себе поместить здесь эти таблицы. (См. таб. № 1 и № 2).

Какие сведения заносятся в каждую графу, подробно объяснено в самих таблицах. Прибавлю только, что кроме словесных описаний, совершенно необходимы также рисунки и фотографические снимки, особенно для вопросов 12—21. В таблицах не отведено места для учета внутреннего расположения дворовых построек и жилого помещения, т. к. для этой цели совершенно необходимы планы. (См., напр., этнографические труды Харузиных А. и В.).

¹) См. В. Семенов-Тяньшанский. Город и деревня в Европейской России. Очерк по эконом. географии. СПб 1910. стр. 26.

ТАБЛИЦА № 1
для собирания сведений о крестьянских постройках (наружный вид).

№ усадеб	Название жилой постройки	Расположение постройки	Материал постройки (стен)	Фундамент постройки	Подъезд "бье" или подполье	Окна в подьбь	Число этажей постройки	КРЫША	ЗАГОРОДИ		ВОРОТА
									Перед лицом постройки	Вокруг усадьбы	
1									10	11	12
								Материал постройки: тес, солома, черепица, железо и пр. Число скатов, крутизна их. Есть ли с узких сторон вальмы. Украшения на крыше: коньки, трубы, флюгера и пр.	Есть ли полисадник или забор, глухой или решетчатый, приблизительная высота. Выступает ли эта пристройка из линии улицы или нет.	Какая ограда: забор, глухой или решетчатый, высота его, или плетень или каменная и пр.	Форма их, валичие крыши 1 или 2 створчатые. Есть ли калитка в самых створках или отдельно. Есть ли ластовицы. Украшения ворот: резные, выпиленные, раскраска, обивка.
							8	Кроме числа этажей, в этой графе отмечают материал постройки, если этажи построены из разного материала.			
						7		Число и форма окон. Как называются (наприм., волоковые), как закрываются, внутренней ставней или имеются стекла.			
					6			Часть постройки, расположенная выше пола. Какая ее высота, откуда в нее ход, снаружи или через пол? Местное название.			
				5				На деревянных столбах или из камня, кирпича и проч.			
			4					Бревенчатая или из обтесанных брусев, из половинок бревна, из досок, из камня, кирпича и т. д.			
		3						Куда расположена лицом, на улицу или во двор, в какую сторону горизонта, к реке-ли, оврагу-ли, тракту и т. п.			
	2							Отмечается местное название. Здесь выставляется дата постройки, если ее возможно определить или приблизительно обозначить: "старая", "новая".			
								Выставляются №№ в порядке записи. Если существует в селении своя нумерация, то отмечается и она.			

ТАБЛИЦА № 2
Для собирания сведений о крестьянских постройках (наружный вид).

Ф . А . С . А . Д									
СТЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ			О К Н А			Ф Р О Н Т О Н			Двери
Самая стена	Карниз	Доска под карнизом	Форма и число	Наличие	Славяни	Украшения	Окно	Балкон	Крыльцо, терраса
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Покрыта ли тесом и расположение тесин. Узор кирпичей, штукатурка, окраска (цвета) и проч.									
Отделяется ли фронтоном от стен карнизом или нет. Форма и устройство карниза.									
Как называется эта доска („красная“, „полотенце“ и проч. Какие на ней украшения (резные, пропиленные, раскрашенные). Нет ли надписей, даты.									
Сколько по фасаду и как называются. Какой формы, есть ли рама, какая и как отворяется.									
Простая облицовка окна или с орнаментом. Резной-ли (рельефный) или пропиленный сквозной рисунок. Есть-ли окраска и какие цвета.									
Есть или нет. Как закрываются, как украшены.									
Расположение тесин на „очельи“ (или местное название). Как украшены „причелины“. В какие цвета окрашен фронтоны; нет ли на нем надписей, дат, какие предметы прикреплены: скворешни, лодки и проч.									
Форма и украшения. Окраска.									
Есть ли балкон. Место его прикрепления, выступает ли и насколько над плоскостью стены и фронтона или образует нишу. Какие столбы загорода, орнамент.									
С какой стороны дома, с узкой или длинной. Куда выходят: на улицу, во двор, к соседу... Число дверей. Украшения и символические знаки на дверях.									
Открытое, закрытое, с крышей на столбах. Орнаментация.									
С какой стороны постройки. Величина. Кровля.									
23	24	25	26	27	28	29	30	31	32

Результаты подсчета оказались следующие. Наиболее распространенным типом постройки является изба, построенная „в угол“, т. е. с выступающими концами венцов. с тремя окнами по фасаду, выходящему к оврагу, лицом на юг. Вот цифры:

I) Лицом на юг, к оврагу	55 изб—72 ⁰ / ₀
„ на север к оврагу.	21 изб—28 ⁰ / ₀
II) С тремя окнами по фасаду	47 изб—62 ⁰ / ₀
„ двумя или одним окном	18 изб—24 ⁰ / ₀
„ большим числом окон	11 изб—14 ⁰ / ₀

Материал постройки—преимущественно дерево в виде круглых бревен. Бревенчатых изб 66 из 76 т. е. 87⁰/₀; из обтесанных четырехгранных брусьев—3 избы (4⁰/₀); из кирпича—3; из местного известкового камня—3; из половины бревен—только 1 изба.

Обращает на себя внимание во многих избах так называемое „под избье“—(местное название), т. е. более или менее высокое помещение, на котором стоит самое жилье. „Под‘избье“ достигает высоты до 1 сажени, имеет со стороны двора отдельный ход, а на улицу небольшие оконца, обыкновенно щелевидные в толщину одного бревна, без стекол, закрывающиеся изнутри ставнями, и потому они могут быть названы волоковыми. Помещение не отапливается и служит для зимнего содержания мелкого скота. Под‘избье есть явление свойственное не только местному краю, но встречается и в Вятской губернии и в Северном крае Европейской России.

На нем приходится останавливаться особенно потому, что оно, может быть, является одной из древнейших форм крестьянских жилищ, из которых развились современные формы. Так смотрят на под‘избье, (подклеть) некоторые исследователи. Красновидовские крестьяне многие не понимают целесообразности этой постройки, говоря, что зимой благодаря под‘избью холодно в избе, а строят потому, что „так повелось“. Может быть это указывает, что или под‘избье в данной местности явление заносное, или оно настолько старинное, что уже не подходит к современным условиям быта.

Изб с высоким под‘избьем насчитывается 26 из 76 (34⁰/₀).

Если не считать под‘избье за отдельный этаж, то подавляющее количество построек одноэтажных. Двухэтажных только 4 избы (5⁰/₀) у богатых крестьян. Чрезвычайно важно и интересно, изучая крестьянские постройки, учитывать экономические категории домовладельцев и различать постройки бедняков, средняков и кулаков. Внеш-

ними признаками для различения этих трех типов построек главным образом служат величина постройки, количество и размеры окон, а также материал в смысле его большей дешевизны.

В Красновидове бедняцкие избы — маленькие и низкие, обычно в 2 окна на улицу, иногда даже в 1 окно, без под'избья, выстроены из тонких бревен, стоят не в главном порядке улицы, а на другой стороне, лицом (в той части села, которая подвергалась обследованию) — к северу. Они обыкновенно называются здесь „кельями“, „келийками“.

На основании собранных фактов и подсчетов я считаю возможным сгруппировать все крестьянские постройки села Красновидова в 5 типов.

- I тип: изба в два этажа в 3 окна по фасаду . . . 4 — 5⁰/₀.
- II тип: изба без под'избья в 3 окна по фасаду . . . 17 — 22⁰/₀.
- III тип: изба с высоким под'избьем в 3 окна по фасаду . . . 26 — 34⁰/₀.
- IV тип: „келья“ с высоким под'избьем в 3 окна по фас. . . 18 — 24⁰/₀.
- V тип: постройки городского типа ¹⁾ . . . . . 11 — 15⁰/₀.

К постройкам богатых крестьян должны быть отнесены все жилища I типа, большинство V-го и некоторые III-го, к средняцким — II типа, большинство III-го и некоторые V; к бедняцким весь IV тип.

При общем взгляде на крестьянскую постройку создается впечатление удивительной законченности, выработанности форм, целесообразности в приемах и деталях, очевидно созданных веками. Чувствуется строгое соотношение частей, соблюдение симметрии, руководящей делом строителя, и становится очевидным, что изба, это — не просто жилье и не примитив, а по своему очень сложное, гармоничное и проработанное в деталях *произведение искусства*.

Если мы обратимся от конструктивных частей здания и перейдем к его уборным частям, к орнаментации, то и здесь мы встретимся с замечательной логичностью и чутьем подлинного зодчего. Народный художник очень экономно употребляет украшения, никогда не перегружая ими здания и отводя им лишь второстепенное значение. Но и в этом „второстепенном“ столько своеобразного, целесообразного и художественного, что нужно не только им любоваться, но и изучать его.

¹⁾ Постройками городского типа называю те, которые имеют их скатные крыши, окна с дугообразными перемычками, крыльца, выходящие на улицу, а не на двор, обращены к улице не узко, а длинной стороной и проч.

Мною сделано до 20 рисунков с образцов резного искусства¹⁾. Вырезанные из доски в виде барельефов украшения обычно встречаются на так называемых „платках“ (в других местах они называются „красными“ досками), т. е. фризах, тянущихся под фронтоном вдоль всего фасада, иногда заходя и на боковые стены; затем— на оконных наличниках, на „крылышках“ (наклонные стороны фронтона), на досках, прикрывающих выступающие по углам концы бревен, на воротах и др.

Везде здесь преимущественно — растительный орнамент: красиво изгибающиеся стебли, ветки, листья, бутоны и ягоды в стилизованной форме. Геометрические формы в резном орнаменте играют очень незначительную роль²⁾. Редко также встречаются в качестве иконографических мотивов фигуры птиц, и мифических существ (сирен). В большинстве случаев орнаменты не раскрашены (или потеряли следы окраски), но встречаются и окрашенные в один или несколько цветов, причем излюбленными цветами являются: красный, белый, синий и зеленый.

В селе есть одна особенно нарядно разукрашенная изба, датированная 1875 годом. Она принадлежала местному крестьянину мастеру Талову, который сам и резал все эти орнаменты, обильно покрывающие весь фасад избы, а также украшающие внутренность жилья (брус, палаты, наличники окон, кивот). Особенно любопытны на фасаде сирены. На вопрос, что это такое тут изображено, крестьяне обыкновенно называют эти фигуры „арапами“ или „фараонами“. — Почему же арапы? — „А как же!“ сказал мне один крестьянин: „Видишь, на-половину рыба, а на-половину мужик. Понятно—арап. Они в море бывают. Которые плавали на кораблях—видели. Вынурнут около корабля и кричат: есть гром? Нет грома? Скажут им: „гром идет!“ они и уходят на дно. Да! Они, эти арапы, заба-а-вные!“ Другой старик крестьянин старовер и книжник объяснил мне и название „фараон“. Рассказав известную библейскую легенду о переходе евреев через Черное море и о преследовании их

1) Рисунки хранятся в Этнографич. отд. Центр. Муз. ТССР (прим. ред.).

2) Геометрический орнамент доминирующее значение имеет в другом типе украшений—выпиленных из тонких досок. Этот тип в настоящее время преобладает в деревне, так как требует меньше времени на изготовление и потому более дешев. Эти украшения я не зарисовывал, главным образом из-за недостатка времени. К тому же, отдавая „дешевкой“, они дальше от искусства, но, конечно, также заслуживают внимания. Между прочем возможно, что в этих „платках“ отразился „ропеховский“ стиль.

фараоном, он добавил: когда утонул фараон, вот он и стал на половину рыбой, на-половину человеком.

Этот же крестьянин указывал мне и на источник, откуда местные мастера брали свои образцы. Он говорил определенно: „с *судовой рези*“. Была такая в старину на волжских судах. Я помню, был еще мальчишкой лет 9 — видал. Теперь не встретишь“. Привожу этот разговор, конечно, не как *готовый вывод* при решении вопроса о происхождении тех или иных мотивов крестьянского творчества, а только как *материал* при решении этого вопроса.

Данное указание крестьянина, само собою вполне вероятное, будет иметь еще больше весу, если мы вспомним, что Красновидово стоит на Волге, что и теперь и раньше население его ищет и ищет заработка на волжских судах, что около села находится и „*попоек веков*“ находился перекал, на котором скапливалось много судов для перегрузки товаров, так что „судовая резь“ всегда была пред глазами красновидовцев. В 70-х годах прошлого века с развитием пароходства прежние разукрашенные суда отживают свой век и могли особенно усиленно передавать свои мотивы в деревни именно в эти годы. Совершенно кстати будет здесь привести слова академика Л. В. Даля, писавшего в 1872 году по поводу наружных украшений на крестьянских избах.

„Деревянные порезки с геометрическим орнаментом“, говорит он, все более и более выходят из употребления и уступают место богатой „*корабельной рези*“... Это резное искусство развилось на волжском судостроении. Нынче, когда прежние расшивы, мокшаны и коноводки вытесняются постепенно пароходами и баржами, и *корабельные резчики стали работать по деревням*¹⁾. „Это свидетельство современника той эпохи особенно ценно: Л. В. Даль был счастливым исключением среди академиков 70-х годов и положил начало серьезному изучению русского деревянного зодчества. Он не принадлежал к типу кабинетных ученых и несомненно видел сам то, о чем говорил и писал.

Размеры данной статьи не дают мне возможности остановиться на таком интересном и совершенно нетронутом еще вопросе, как вопрос: что из себя представляла волжская *судовая резь*. Это отрасль народного искусства представляет двойной интерес: 1) сама по себе и 2) в отношении к крестьянским жилым постройкам.

1). Курсив мой. См. Журнал „Зодчий“ 1872 г. март № 3, стр. 32.

Отлагая более подробное рассмотрение этого вопроса до специальной статьи, здесь сделаю только маленькую заметку. Судостроение на Волге процветало во все времена. Здесь было масса судов всевозможных величин и типов. И в древности, и в средние века, и в новое время суда эти носили на себе всевозможные украшения на носу, бортах, корме, мачтах и парусах. В этих украшениях должны были отражаться всевозможные влияния, так как вообще на Волге сталкивался Восток и Запад. Известно очень много названий различных судов, есть известия о их величине, вместимости, скорости движения, но нет ни одного полного описания старинного судна, ни одного подробного описания их украшения. Сохранившиеся несколько экземпляров старых судов, как то—галера Тверь, ботик Петра Вел. и немногие другие не носят на себе следов народного, самобытного творчества, а представляют по крайней мере в отношении орнамента, скорее неумелые копии западных образцов.

До развития пароходства, в 60-х—70-х годах на Волге плавало до 20 различных типов судов. (См. Лаптев. Казанская губерния 1861 г. стр. 388—392). Наибольший интерес в художественном смысле представляли расшивы, про которые Боголюбов Н. П. (См. его „Волга от Твери до Астрахани“ СПб. 1862 г.) говорит: „Эти суда—самые красивые на Волге. Украшения их весьма затейливы. На носу обыкновенно рисуются глаза, либо сирены, либо иные чудовища“... (См. о расшивах еще Рагозин. Волга. т. II, стр. 118. Немирович-Данченко. По Волге СПб 1877 стр. 83—84). Рисунков, изображающих расшивы и их орнаментацию, почти нет. Мне известны рис. А. Н. Боголюбова, помещены в вышеуказанной книге, написанной его братом и лучшие рисунки акад. О. Васильева, хранящ. в Акад. Худ. Воспроизведены в книге Семенова Россия т. VI Среднее и Нижнее Поволжье.

Я считал бы свою статью незаконченной, если бы не коснулся вкратце еще трех вопросов: о хронологии красновидовских построек, о нежилых сооружениях и о мастерах.

Судя по сохранившимся на фасадах датам и по устным свидетельствам крестьян, наиболее старые избы относятся к 70-м годам XIX-го века. Что касается нежилых строений, то есть и более древние. Такова красновидовская церковь, по преданию относящаяся к 1777 году. Во всяком случае это достаточно древнее здание (снаружи обешитое новейшей тесовой обшивкой), построено оно еще без помощи пилы, исключительно при помощи плотницкого топора, артистическую поперечную рубку которого хранят огромные бревна, достигающие 11 вершков в поперечнике.

Амбары и житницы ставятся обыкновенно вдали от жилья (на случай пожара), особенно массивно сооружаются (на случай покражи) и имеют все стены и фронтоны до самого князька сложенными из толстых бревен („самцовые“ фронтоны). Одна из житниц имеет более чем 100—летний возраст. От ее толстых косяков, небольшой двери, запирающейся громадным полуаршинным ключом, от ее навеса, покоящегося на повалах и покрытого досками вершка в 2 толщины—веет особой архаичностью. Высокие двухэтажные амбары имеют наружные живописные лестницы и висячие крыльца. Одна из ветря-

ных мельниц, постройки 70-х годов прошлого века, оказалась особенно интересной внутри. Рундук, ларь, карнизы, притолоки, косяки, перила лестниц, все оказалось покрытым хорошей рельефной резьбой, от которой маленькое мельничное помещение превращается в какую-то сказочную декорацию.

Где представлялась возможность, я старался собирать сведения и о *мастерах*, которые строили и украшали здания в селе. Отмечаю прежде всего то обстоятельство, что в отдельных случаях плотничное и резное дело не в одних руках, а существовала дифференциация. Так известны случаи, когда избы „ставились“ пришлыми *вятскими* плотниками, а украшались местными резчиками. Имен выяснено немного: всего 3 — 4 имели ¹⁾.

Это во-первых Талов Павел Петрович, изба которого 1875 года, является самой нарядной в селе. Умер уже давно (лет 15-ть назад). Плотничать не любил. Предпочитал резное искусство. О нем односельчане отзываются с уважением, как о мастере своего дела. Был своего рода „главой школы“. Ныне живущие в селе плотники Борисов и Листоферов (уже сами старики) были его учениками. Кроме упомянутого дома, руке Талова принадлежит одна доска на д. Романова на улице „Околица“. Листоферов Николай работает менее искусно, аляповатее. Ему принадлежит сирена на избе 1889 г. Хороши ворота его работы 1896 г. почти единственные с резьбой во всем селе.

Вторым славившимся в Красновидове мастером был Антон Ежов — живший (а м. б. живущий и доньше) в д. Лобышки в нескольких верстах вверх по Волге. Ему должно быть около 80 лет от роду. Его резьба — внутри мельницы Утеева, относящаяся к 1877 году, и на д. Романова.

---

¹⁾ Биографических сведений о мастерах более того, что приводится ниже, собрать не удалось.

Восточная печать в эпоху реакции XX века.

(Очерк по архивным документам).

Считаем необходимым сказать несколько слов о самом названии статьи. Под *восточной печатью* мы разумеем произведения тиснения на *восточных языках* (татарском, турецком, персидском, арабском, киргизском, башкирском и др.), обслуживающие *тюрко-татарские народности*, населявшие восточную часть Европейской России, а отчасти и Сибирь. Кроме того, мы не имеем в виду дать обзор всей печати, но лишь той части ее, которая выходила преимущественно в гор. Казани или других городах, тяготевших к г. Казани, как к окружному *цензурному* и *культурному* центру. Необходимость постановки вопроса именно в указанной плоскости вызывается тем обстоятельством, что в нашем распоряжении был архивный материал канцелярии *Казанского Временного Комитета по делам печати*, хранящийся ныне в Политической секции Центрального архива Татарской Республики¹⁾. Наконец, материал обнаруженный нами в архиве, относится к 1906—1916 г.г., что как раз охватывает и ту эпоху, которую мы знаем как эпоху сильнейшей царской реакции вообще, по отношению же специально к восточной печати—усугубленную помимо прочего империалистической войны 1914—1917 г.г., в связи с выступлением Турции на стороне Австрии и Германии.

1) Архив комитета сохранился, к сожалению, не в полном виде; отсутствует делопроизводство за 1906 г. (за исключением отчетности), за 1915 г. (отчетность) и 1916 г. (за редким исключением). Следует принять во внимание, что с началом империалистической войны часть функций Комитета по делам печати перешла в Военно-цензурную Комиссию, образованную при Управлении Штаба Казанского Военного Округа.

Вообще же материал по истории Казанской печати, освещающий эпоху 1880—1915 года, можно найти в делопроизводстве цензурного стола канцелярии Казанского губернатора; но надо иметь в виду, что этот материал не так полно охватывает вопрос, как это мы видим в делах Временного Комитета по делам печати. Соответствующий последнему за более отдаленную эпоху *архив отдельного цензора* числится погибшим еще до революции во время пожара на квартире быв. инспектора по делам печати.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

I.

Казань, как один из центров печати на восточных языках, занимала, да и в настоящее время занимает, одно из виднейших мест. В 1908 году отмечалось, что в Казанский Комитет по делам печати „поступает материал на восточных языках из 11 Казанских типографий, 3 типографии Оренбургских, 2 Уфимских, одной Астраханской и одной Крымской“; кроме того, „присылались издания из Перми, Симбирска, Астрахани и даже Омска“ ¹⁾. Из этих данных мы видим, что г. Казань рельефно выделяется в ряду других городов и по числу типографий и по своему культурному значению. В другом месте мы читаем такое сообщение Комитета по делам печати: „За 1907 год неповременной печати на восточных языках просмотрено комитетом 1394 печ. листов различных изданий, из которых первое место занимала татарская печать (639 печ. листов и 305 печ. листов на арабском языке), а за 8 месяцев 1908 г. из 963 листов — на татарском языке 489 листов, на арабском 166, на арабском и татарском языках вместе — 133 печ. листа“. В этом случае вполне отчетливо указывается, что татарский язык имеет абсолютное преимущество среди всей печати на восточных языках. Правда, уже этими данными культурное значение Казани для тюрко-татарского края России хорошо подчеркивается, но мы имеем еще одно свидетельство самого Комитета по этому же вопросу, на которое приходится обращать самое серьезное внимание для понимания влияния и актуальности восточной печати и правительственной политики по отношению к ней до самой революции 1917 года. В одном из докладов за 1908 год ²⁾ в Главный Комитет по делам печати читаем: „гор. Казань с ее 13 медресами, татарскими газетами, журналами, книжными магазинами, типографиями и с огромным книгоиздательством, является центром просвещения мусульман всей восточной России; татары всего Поволжья именно от Казани ожидают решения или освещения многих вопросов их культурной и религиозной жизни“. В этих словах, определяющих значение Казани как центра восточной печати, не хватает только оценки с политической точки зрения, но эта последняя прекрасно выявляется из самых дел Комитета, а особенно из судебных процессов, возбуждаемых против авторов и редакций, большей частью, в Судебной Палате.

¹⁾ Казанский Временный Комитет по делам печати. Дело № 22, 1908 г.

²⁾ Там же.

В отчетном материале Комитета имеются богатые данные за каждый год о количестве выпущенных в свет изданий на различных языках; не так полно указывается, к сожалению, число печатных листов; но и тот материал, которым мы располагаем, может служить иллюстрацией роста и падения восточной печати, а также для определения места, которое она занимала среди всей остальной иноязычной печати¹⁾.

Остановимся прежде всего на *беллетристике*. В этой области восточная печать занимает первое место сравнительно с другими видами произведений на различных языках. Нижеприводимая таблица, как и все прочее, о числе выпущенных изданий, касается лишь произведений неповременной печати. О периодической мы будем говорить ниже.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Татарский . . .	2	45 ³⁾	78 ⁴⁾	95 ⁶⁾	88	101 ⁷⁾	125	100	89
Турецкий . . .	—	1	1	—	—	—	—	—	1
Арабский . . .	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Киргизский . . .	1	12	22	14	19	29	1	1	2
Русский	15	23	22	24	19	27	18	37	51
Чувашский . . .	—	—	1	—	—	3	2	—	1
Другие	2 ²⁾	—	2 ⁵⁾	—	—	—	—	—	—
Всего: . . .	20	81	126	135	136	160	146	138	145

Если в 1906 году русская беллетристика занимала первое место, то уже с 1907 она стоит на втором и на третьем месте, и лишь в 1912 году прочно отвоевала себе второе место, но лишь на 3 года. Тюрко-татарская литература господствует в годы реакции, твердо отстаивая первое место. Особенно оживлены годы 1908—1912, когда процент тюрко-татарских изданий колебался от 80 до 86⁰/₀, если брать вместе и татарскую и киргизскую печать.

1) Дела: № 11, 1907 г.; № 15, 1908 г.; № 18, 1909 г.; № 13, 1910 г.; № 3, 1911 г.; № 15, 1912 г.; № 20, 1913 г.; № 19, 1914 г. и № 17, 1915 г. Все означенные дела имеют один заголовок: По составлению отчета о действиях Комитета за такой-то год. Отчет за 1915 год не сохранился, а за 1916 год не успел составиться вследствие закрытия Комитета после свержения самодержавия; обыкновенно они составлялись в мае месяце каждого года.

2) Оба произведения на восточном языке.

3) В том числе по одному произведению на татарско-киргизском и татарско-турецком.

4) В том числе одно произведение на татарско-арабском языке.

5) По одному произведению на языке эсперанто и на немецком.

6) В том числе одно произведение на арабско-татарском языке.

7) В том числе одно произведение на арабско-татарском языке.

Чрезвычайно видное место занимают учебники и учебные руководства: особенно интенсивный рост этой литературы падает на 1909—1912 годы. Этот вывод напрашивается из наблюдений горизонтальных рядов. Если же обратить внимание на отдельные годы, то особенное оживление наблюдается в 1907—1908 г.г. и 1913—1914 г.г., когда издательство учебников развивается на самых различных языках, с ориентацией на самые широкие массы читателей. По отношению к русским, издания на восточных языках составляют в период подъема 64—79⁰/о, да и в последние годы перед революцией мало понижаются.

Иллюстрацией может служить ниже приводимая таблица ¹⁾.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Татарск	22	34 ²⁾	43 ⁵⁾	77	105	115	57	61	75
Башкир.	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Турецк.	—	2	4	—	—	—	—	—	3
Персидск.	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Арабский	—	4 ³⁾	17 ⁶⁾	31 ⁹⁾	14	16 ¹¹⁾	24 ¹²⁾	4	14 ¹³⁾
Киргизск.	—	—	2	1	3	2	8	7	11
Русский.	40	19	38	34	79	36	56	48	57
Чувашск.	—	1	4 ⁷⁾	—	1	—	4	1	1
Другие	1	4 ⁴⁾	3 ⁸⁾	—	—	2	—	2	5 ¹⁴⁾
Всего	63	66	112	143	202	171	157	123	168

1) При составлении этой таблицы мы объединили под татарским языком произведения и на русском и на татарском языках: под арабским—на арабском и татарском языках.

2) В том числе: 2 рус.-татарских.

3) В том числе: 2 арабско-татарских.

4) На якутском—1, рус.-бурятском—1, вотском—2.

5) В том числе: 1 рус.-татарский.

6) В том числе: 11 арабско татарских.

7) В том числе 1 рус.-чувашский.

8) На одном вотском языке.

9) На арабско-татарском 17 произведений.

10) В том числе: 8 на арабско-татарском языках.

11) В том числе: 4 на арабско-татарском языке

12) В том числе: 16 на арабско-татарском языке.

13) В том числе: 12 на арабско-татарском языке.

14) В том числе: 4 на марийском языке.

Ту же картину представляют собой произведения для *народного чтения*. Эта литература, кроме татарского и русского, распространилась на киргизском, марийском, чувашском и вотяком языках, чем всего лучше подчеркивается стремление издавать литературу на народных языках, не осложняя их смешанными текстами, как это мы наблюдаем в учебной литературе и что еще ярче выявляется в религиозной литературе. В народной литературе мы можем отметить подъем в 1907—1908 и в 1911—1914 г.г. т. е. в периоды особого „внимания“ к народным массам правительственных сфер, с той лишь разницей, что в первом периоде задачей была ликвидация революционного подъема, а во втором — усыпление последнего, особенно с 1914 года, когда дала себя чувствовать военная мобилизация. Что касается национальных вопросов, эта литература, особенно татарская, совершенно их замалчивала, во время балканской войны 1912 года (после 39 названий 1911 г., в 1912 году татарской литературы вышло лишь 24 названия; но напрашивается вопрос: не ушли ли они в киргизскую литературу, которой после 2 названий вышло сразу 35? однако, империалистическая война не остановила потока литературы, хотя бы и „благонадежного“ направления по преимуществу; действительно в 1914 году после 38 татарских названий 1913 г. вышло 62 названия да арабско-татарской литературы 35 названий.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Татарск.	18	37 ¹⁾	32 ²⁾	29	32	39	24	38	97 ⁵⁾
Турецк.	—	2	5	—	—	—	—	—	—
Арабский	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Башкирск.	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Русский	7	20	34	13	37	27	43	22	36
Чувашск.	4	3	7	—	6	11	—	6	6
Вотский	—	1	2	—	—	4	1	1	—
Другие	—	—	6 ³⁾	—	1	—	—	2 ⁴⁾	1
Всего	32	65	95	45	76	83	110	106	166

¹⁾ В том числе 3 араб.-татарских.

²⁾ В том числе 1 араб.-татар.

³⁾ 3 названия на пермском яз. и 3 на марийском.

⁴⁾ На марийском языке, как и в 1910 году.

⁵⁾ В том числе 35 на арабско-татарском языке.

⁶⁾ В том числе 4 на киргизско-татарском языке.

Весьма крупное место занимают издания *религиозного содержания*. Особенно богаты этого рода изданиями годы 1908—1910 и 1912—1913, когда число выпущенных изданий в год превышало 200, а в 1913 году дошло до 356. Мы видели, что беллетристика и произведения для народного чтения не были так многоязычны, как учебная литература. Но религиозные сочинения, в отношении разнообразия языков, получают наибольшее преимущество. Издаются книги на чагатайском, киргизско-татарском, арабско-персидско-татарском, арабско-татарском, русско-татарском, киргизском, арабском, турецком, татарском и др. языках. Разнообразие языков этой литературы не указывает ли на стремление об'ять и включить в сферу своего влияния и наибольший круг читателей и широкие массы различных национальных об'единений. Если это так, то Великая Революция 1917—1918 г.г. может, пожалуй, служить доказательством, что результаты этой политики оказались значительно меньшими, чем нужно было ожидать, если принять во внимание хотя бы только одно: отделение церкви от государства. В эпоху реакции поток религиозной литературы оправдывается поощрением правительства, которое прекрасно учитывало „благотворное“ влияние ее на психологию широких масс и считало, что после казней, ссылки и нагайки внушение „страха“ перед богом и правительством хотя бы и книжечкой—как раз то, что всего больше полезно правительству в данный момент. Бездушная статистика красноречиво подтверждает это положение: оживление издательства мы замечаем после революции 1905—1906 г. и после забастовочного движения и недорода 1911 и 1912 годов. И что особенно интересно отметить, не столько этой литературы было на русском, сколько на восточных языках. И в этой области Казань оставалась крупным центром. Приводим таблицу.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Татарский	48 ¹⁾	68	75	56	40	44	43 ²⁾	95	29 ³⁾
Турецкий	1	3 ⁴⁾	6	—	—	—	—	—	5
Арабский	2	19	27	33	43	35	38	44	21

1) В том числе 1 произведение на турецком языке.

2) В том числе 1 на персидско-татарском языке.

3) В том числе 1 на русско-татарском языке.

4) На арабско-турецком языке.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Араб.-татарск.	—	18	35	37	30	18	54	45	—
Русский	8	25	11	90	102	66	56	94	90
Чувашский	3	1	15	—	20	11	16	43	19
Марийский	1	2	2	—	9	6	4	14	14
Вотский	3	1	1	—	11	1	5	16	11
Киргизский	—	4	7	1	3	3	1	3	2
Другие	—	—	4 ¹⁾	10	4	1	—	2	—
ВСЕГО	66	135	183	227	262	185	217	356	191

Произведения для детского чтения, равно, как и издания календарей мы не будем подробно рассматривать, так как эти виды литературы занимают весьма скромное место, не превышая трех десятков изданий в год для каждого из этих отделов. Но если в детской литературе татарский язык занимает первое место (русские и финно-угорские произведения считаются единицами), то в издательстве календарей наблюдаются некоторые колебания: в 1906 году вышло по 3 названия на русском и татарском языках; в 1907 и 1908 г.г. на татарском выходит вдвое больше, а с 1909 года перевес остается за изданиями на русском языке. На других языках эти издания — редкость.

Научная литература на восточных языках занимала незначительное место. Первенство принадлежало русским произведениям. Но если сравнить восточную литературу с финно-угорской, то первая занимает выдающееся место. Финно-угорская научно-популярная литература слишком еще случайна и редка. Можно сказать, что еще совсем нет. Это видно из нашей таблички, дающей подсчет ежегодно выпускаемых названий.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Русский	156	195	245	311	264	293	332	384	338
Татарский	6	19	44	14	4	16	15	13	7
Другие	2	1	1	1	3	1	—	—	1
Всего	164	195	290	326	271	310	347	397	346

1) На чагатайском языке.

Для произведений на русском языке приходится отметить неуклонный и быстрый рост печати; лишь 1910, 1911 и 1914 г.г. являются порой некоторого снижения. Русская печать за рассматриваемый период выросла более, чем вдвое, пережив особенно сильный подъем в 1908 г., но по отношению к русской, она составляла лишь в среднем 5—6%, годами падая до 2% и повышаясь до 22 (1908 г.). В 1914 г., в связи с войной, упадок татарской научной печати весьма ощутителен, с 13 произведений до 7; русская же только снизилась. Но в дальнейшие годы это снижение сильно форсируется.

Нам остается рассмотреть сочинения *популярно-политического характера*. Приводимая табличка показывает неуклонное падение всей этой литературы с 1907 г. до 1909 г. С 1910 г. наблюдается некоторое оживление, но после 1912 г. — снова падение. 1914 год поднял интерес вследствие военных событий, но исключительно в татарской печати. Вообще же популярно-политическая литература в количественном отношении не имеет такого веса и занимает чуть ли не последнее место. Что же касается исключительно восточной литературы, последняя стоит значительно ниже русской (по количеству изданий).

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Русский	104	34	27	9	19	15	24	8	8
Восточный	12	16	11 ²⁾	3	—	—	— ²⁾	—	49
Другие	7 ¹⁾	—	—	—	—	—	—	—	3 ³⁾
Всего	123	50	38	12	19	15	24	8	60

Теперь попытаемся подвести некоторые итоги в развитии главнейших направлений литературы. Чтобы отчетливее определить место и эволюцию печати на восточных языках, мы объединим их под общим наименованием восточной литературы; кроме того, ведем сравнение лишь с русской литературой, оставляя в стороне литературу на финно-угорских языках, как занимающую третестепенное место.

1) На Чувашском языке.

2) В том числе 2 на арабском, 1 на киргизск. яз. Остальные на татарском.

3) Из них 1 на марийском и 2 на чувашском яз.

		1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
I. Популярно-политическ.	Вост.	12	16	11	3	0	0	0	0	49
	Русск.	104	34	27	9	19	15	24	8	8
II. Беллетрист.	Вост.	3	58	101	111	167	130	126	101	92
	Русск.	15	23	22	24	19	27	18	37	51
III. Учебная.	Вост.	22	42	67	109	122	133	89	72	103
	Русск.	40	19	38	34	79	36	56	48	57
IV. Народная.	Вост.	21	41	46	32	32	41	59	75	123
	Русск.	7	20	34	13	37	27	43	22	36
V. Научная.	Вост.	6	19	44	14	5	16	15	13	7
	Русск.	156	195	245	311	264	293	332	384	338
VI. Рел.-нрав.	Вост.	51	106	150	127	116	100	136	187	57
	Русск.	8	25	11	90	102	66	56	94	90

Рассматривая эту таблицу, мы замечаем: 1) необыкновенный рост религиозной литературы за счет политической, 2) преобладание восточной печати в 1914 году над русской, за исключением научной и даже религиозной литературы, хотя до 1924-го года эта последняя занимала второе место; 3) в годы сильных политических и общественных движений заметно ослабление религиозной литературы, и 4 — Казань, как центр восточной печати, занимала особенно видное место в области беллетристической, учебной и религиозной литературы; народная литература тоже растет очень быстро, а с 1914 г. встает на очередь и политическая, оставляя далеко позади русскую ¹⁾).

Вполне возможно, что характеристика значения печати не может быть полной и исчерпывающей на основании анализа лишь количественного преобладания числа названий того или иного рода литературы. Необходимо иметь и другие критерии, как, например, число выпускаемых экземпляров того или иного издания и хотя бы общее количество печатных листов. К сожалению, мы не имеем еще

¹⁾ Казань, как центр печати, может быть отмечена лишь для научной литературы, вследствие сосредоточения в Казани нескольких высших учебных заведений и Управления Учебного округа, а отчасти и для религиозной, центр которой был в Духовной Академии. В других же отраслях печати Казань была скорее в сфере влияния столичных издательств России.

такого рода материалов с достаточной полнотой, в тех хронологических рамках, которые нас интересуют. Но все же кое-что есть. Есть подобный материал за три года самого глухого времени, самой жестокой реакции, за 1909—1911 годы, и исключительно по восточной печати ¹⁾. На основании этого материала мы и приводим ниже следующую таблицу ²⁾.

	1909 г.			1910 г.			1911 г.		
	Число названий	Число экзemplаров	Число печатных листов	Число названий	Число экзemplаров	Число печатных листов	Число названий	Число экзemplаров	Число печатных листов
1. Попул.-полит.	3	14000	61000	—	—	—	—	—	—
2. Народн. чтен.	32	135500	214681	32	99100	206601	41	156050	213497
3. Религиозн.-пр.	137	1266101	3687839	120	968420	6672025	100	1372856	4555851
4. Детское чтен.	11	30000	39562	10	38800	42463	11	46510	83308
5. Календарн. . .	10	77900	810717	9	94400	2725575	9	12400	2195812
6. Беллетрист. .	111	545750	957403	107	490450	1428277	130	554190	1560716
7. Учебная общ.	39	213100	728557	77	423980	1680304	70	306900	1414727
Учебн. рел. сод.	70	638270	1038122	45	426700	990054	63	567700	954688
8. Научные соч.	14	57600	383525	5	15500	240687	16	33500	232126
9. Музыкальн. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Смесь	22	87650	141464	13	29460	65379	26	81265	411732
ВСЕГО: .	449	3115871	8162890	418	2586810	13851365	466	3242971	11622458

При анализе таблицы видно, что 1) средний тираж колеблется между 6 и 7-ю тысячами, т. е. стоит довольно высоко; 2) средний размер произведения колеблется от 2,5 печ. листов в 1909 году к 5 листам в 1910-м и к 3 листам в 1911 году. Это все же можно назвать благополучным явлением, если бы это были не „средние“. Но обращаясь к различным видам литературы, мы замечаем для политической — исчезновение на 4 года, хотя в 1909 г. при среднем размере в 4 листа она имела тираж 4000 экз.; 3) беллетристика, немного повышаясь в размере, падает в тираже, ровно как и науч.

¹⁾ Это обязательство лишает нас возможности сравнения с русской печатью, но все же материал сам по себе ценный.

²⁾ Дело № 13, 190 г., № 3, 1911 г., и № 15, 1912 г.

ная литература; 4) народная и общая учебная литература поддерживается почти на одном уровне; 5) неуклонный рост проявляют календари и религиозная литература. Тираж с 1700 доходит до 22000 в религиозной литературе, повышается и объем изданий, особенно, в 1910 году. В печатных листах религиозная литература занимает 50% всего количества тиснения.

6) Но надо сказать, что вообще восточная печать, исключая религиозной, несмотря на слишком жесткий режим, крепко выдерживает свое положение и внушает тенденции к развитию и усилению. В годы реакции печать много позиций сдала на идеологическом фронте, но в количественном отношении она стойко выдерживала натиск реакционного режима царского правительства. Это положение оправдывается оживлением беллетристики, а в годы войны и по политической литературе, что предвещало расцвет ее во время и после революции 1917 года.

Статистические данные однако не могут служить исчерпывающим материалом для выяснения направления печати, для определения доли выявления прямого ее назначения. Необходимо дать характеристику содержания печати и скорее всего ее политического направления, ее роли в воспитании общественного мнения и т. п. Из сказанного понятно, что вопрос о форме произведения мы оставляем специалистам этого дела, сами же коснемся только содержания.

II.

Восточная литература по своему содержанию пережила сильный подъем в 80-х годах прошлого столетия. Тогда только еще намечались новые пути и стало проникать новое содержание в связи с общекультурным подъемом восточных народов. Но наиболее резкую грань положила революция 1905 года. Четверть века до революции понадобилось для пробивания пути путем постепенного проникновения в литературу более разнообразного содержания, а 1905 год является эпохой революционного сдвига восточной литературы. Несмотря на мрачные годы реакции, завоевания революции 1905 года в восточной печати были закреплены основательно и новый подъем и новое направление, данное литературе революцией 1917-1918 года, а отчасти и 1920-м годом, находят себе прочное обоснование во всем прошлом восточной печати.

Активными деятелями в области оживления восточной литературы и приближения ее к обще европейскому направлению являются

в массовом масштабе авторы—новометодисты, которые работали особенно в годы реакции. В отчете Комитета по делам печати за 1913 год читаем: „освободившись от стеснительных оков религиозно-мусульманского деспотизма, татарские авторы-новометодисты говорят теперь не только о том, как должно им мыслить, но и о том, как они действительно мыслят; интересуются не одной только будущей жизнью, но и настоящей со всеми ее хорошими и дурными сторонами“. Но эта характеристика слишком уже скромна; виной этому—европейско-чиновничий *quasi*-патриотизм. Несколько ниже в том же отчете говорится уже более пространно: „Будущее, несомненно, за литературой новометодистов. По крайней мере, и теперь уже *исключительно* ¹⁾ ей принадлежит почин и разработка тех немногих жизненных вопросов, какие волнуют наш татарский мир. Эти вопросы касаются а) борьбы новометодистов с старометодистами, б) развития и процветания нации, в) положения татарской женщины и г) наиболее выдающихся современных событий“²⁾. Эта характеристика наиболее важна. Если вдуматься во все содержание только этих вопросов, то приходим к заключению, что ими может быть проникнута вся печать в целом, начиная с религиозной и кончая политической. А это уже очень много, тем более, что под „современными событиями“ можно понимать все общественно-политические вопросы направления и настроения.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных произведений, отметим еще темп литературного движения с точки зрения идеологического его содержания. Нам представляется для этой цели чрезвычайно ценным произведение Г. Ибрагимова „Страничка из жизни молодежи“, издания 1910 года. Здесь изображается 3 посещения города Казани героем-юношей, стремящимся поступить в Университет. „В первый раз, вскоре после октября 1905 года, его душа охвачена была чувством *космополитизма*, желанием слиться в братстве со всем человечеством, сознавать себя одним из членов общечеловеческой семьи и жить для нее. Во второй раз, спустя год—другой, он является обуреваемым сладким, щемящим сердце, чувством *национализма*. С ненасытной жаждой любви к своему мусульманскому народу, к его прошлому, он бродил по Казани, с благоговением отыскивая и посещая памятники татарской древности... В третий

¹⁾ Курсив наш Е. Ч.

²⁾ Каз. Комитет по делам печати, дело № 19, 1914 года.

свой приезд он является во всем разочарованным, грустит о прошлом; но он встретил бывших своих приятелей, которые, повидимому, продолжали кипеть жаром тех мыслей, круговорот которых сделался для героя безжизненным¹⁾.

Очень ярко подчеркнуто в этом произведении и массовые идеологические направления и влияние реакционного режима последнего десятилетия царской России. Многие уставали и падали духом, но далеко не все, и все одинаково стремились вооружиться для жизненной борьбы самым действительным оружием—просвещением. Это чрезвычайно характерно.

Историк литературы со временем даст историю и литературных форм восточной печати и характеристику героев различных произведений; историк педагогических учений даст историю и эволюцию учебника на восточных языках; может быть особо изучена детская литература, историческая и народная. Это дело времени. Состояние источников и наша цель дать характеристику восточной печати с социологической точки зрения, отметить ее политическую физиономию в годы царской реакции, не вызывает необходимости касаться *всей* литературы без исключения; мы возьмем лишь ту, которая дает наибольший материал для суждения о политических настроениях ее и, главным образом, те произведения, которые представляли собой „новые песни“, которые были наиболее актуальны в области воспитания и создания новых идей, в области именно общественно-политической жизни народов тюрко-татарского происхождения, населявших восточную Россию. Мы остановим внимание читателя на четырех моментах: на борьбе новой школы со старой, на национальной борьбе, общественно-политических идеях и отзвуках войны 1914—1917 годов.

Старая школа, господствовавшая до 1877 года и вступившая в отчаянную борьбу в 80-х годах с новой, до 1905 года не могла остановить начавшегося процесса в среде восточных народов, направленного к культурной европеизации. Суть всех новшеств заключалась в том, что в круг преподавания в новой школе введены были и светские науки, тогда как старая школа была по духу чисто религиозной. Введение гражданских наук очень сильно изменило школу и создало условия для нового воспитания молодежи. Но и после

¹⁾ Каз. Комитет по делам печати, дело № 3, 1911 года.

1905 года старая школа не сдала еще всех позиций, хотя бессилие ее уже чувствовалось в том, что облегчение новой школы приняло формы не нормальной идеологической борьбы, а прямого натравливания на новую школу, которая и в жизни и в печати выступала в свою защиту и нападала на старую, пользуясь всеми средствами культурной борьбы, что противника весьма раздражало. А это уже признак слабости¹⁾.

Революция 1905 года вдохнула новометодистам и шакирдам уверенность в победе. Их выступления и призывы очень внушительны и проникнуты большой решимостью. Так в брошюре „Голос Шакирда“ (изд. 1907 г. Оренбург) читаем:

„Нам не грешно пролить кровь насильника, давайте схватим его прямо за горло. Мы уже долго под гнетом насилия, теперь нам пора поднять голову... Встанем шакирды как одна душа и одно тело, воскликнем все в один голос и потребуем наших прав. Пойдем рука об руку прямой дорогой. Эти насильники уводят нас влево. Мы пойдем таким путем и достигнем цели.... Нам не надо пустозвонов, невежественных спецов, называющих себя хальфами (учителями), помощниками мюдеррисов, которые лежебочничают и занимаются ханженством“.

¹⁾ Особенно остро это отношение к новометодистам проявилось в брошюрах *Ишмухамеда Динмухаммедова* „Приведения доказательства против сторонников разных путей и мнений“, изд. 1907 Оренбург; „Лесница разумений, как ключ к проповеди и ступень к знаниям“, 1908 г. Оренбург и „почтение к держащимся истинного пути и посрамление отступающих от него“, 1910, Казань (см. Д. № 18, 1912 года). То же в брошюрах „Мизан“ („Весы“), изд. 1911 г. и „Приведение доказательств против сторонников насилия над чужим мнением“, изд. 1910 г. неизвестных авторов (д. № 9а, 1911 г.).

²⁾ Дело № 8, 1907 г. В другой брошюре „Почему татарские шакирды требуют реформ“ (изд. 1908 г. Казань) дается глубокий анализ движения:

„Шакирды оправдываются перед собратьями, говоря, что они волновались ради национальных, а не своих личных целей, т. к. все отлично знают, что правительство теснит и обижает всех татар, пуще того евреев, что татары обираются правительством и принуждаются насильно к крещению, что миссионеры назначены для того, чтобы поносить пророка, Коран и веру татар, что татары не имеют такого количества земель и вод и гражданских прав, какое правительством дано прочим народностям, что цензура есть своего рода несправедливое учреждение, которое запечатало уста татарской народности и связало татар по рукам и перьям, что правительство отбирает у татар добытые потом деньги в виде налогов и податей, а взамен не дает ничего на школы, что татары принуждены ходить по толчку торговать мелочью и старьем да лимонами-апельсинами, отдавши хороший заработок другим, что прежнее татарское правительство было лучше, нежели нынешнее русское, несправедливостям и жестокостям которого конца нет и т. д.“ (дело № 10, 1908 года).

Так называемые новометодисты пользовались каждым случаем заявить о себе и своих преимуществах. Они выступали и в периодической печати, имея свой журнал и газету, и в литературных сборниках, писали стихи и прозу, помимо, конечно, активной работы в самой школе, наконец, не гнушались и сестрой сатиры и шаржа.

Мы приведем один образец вышучивания старометодистов в сборнике стихотворений „Яшен ташлары“, где попадает на копье насмешки консервативная газета „Баяну-ль хакк“, не проявлявшая своих симпатий к новометодистам: „Слава тому, кто создал человека из камня и праха, украсил его головой, носом и ушами. Проклятие шайтану, украсившему Булак „Пьяни-ль-хаком“, ¹⁾ просветившему Севной базар различными нечистотами, и грязью, наполнившему г. Орск разными софизмами Ахмеда Исхака, обрадовавшему фирму Каримова и Хусайнова словом благовестия „крах“... ²⁾ Результаты работы новометодных школ, действительно, были налицо. Председатель Комитета по делам печати, отвечая на запрос казанского губернатора в 1916 году, говорит в своей бумаге: „Большинство руководителей политическо-общественной мысли этой народности (татар) составляют лица, обучавшиеся в новометодных медрессах (т. е. конфессиональных учебных заведениях со светскими науками).

Из них выходят публицисты, писатели, составители учебников и даже ³⁾ общественные деятели. Подчеркнутое „даже“ в бумаге чиновника носит характер удивления и некоторой неожиданности, т. к. несколько выше, но в той же бумаге, указывая на ничтожное число татар с высшим образованием, он замечает, что они (татары, получившие образование в университете) не играют существенной роли в жизни мусульман—„они почти не принимают участия ни в литературе татар, ни в общественных делах“. ⁴⁾ Этим сравнением еще ярче подчеркивается общественно-политическое значение новометодистов и их школы.

Нам остается еще отметить подобное движение и *стремление к просвещению среди киргиз*. Оживление и тут внесла революция

¹⁾ Редакция газеты „Баяну-ль хакк“ помещалась на берегу Булака в гор. Казани.

²⁾ Дело № 20, 1913 года.

³⁾ Курсив наш Е. Ч.

⁴⁾ Дело № 2, 1916 года.

1905 года. В эпоху реакции, культурная часть киргизского народа пала духом значительно больше, чем татары, но далеко не безнадежно. Бодрое голоса раздавались во все время реакции, правда, иногда очень глухо и как нибудь украдкой, но все же разносились. Мысль будировалась. Политические идеи, большей частью, стали мотивировкой, а главная мысль заключалась в призыве к просвещению, которое должно привести к национальному возрождению через всеобщее объединение народных масс. Так *Мухаммед Селим Кашимов* в „Наставлении казакам“ призыв к просвещению мотивирует стремлением к национальному возрождению и освобождению от ига „злодеев“ „Давайте учиться наукам, вере и ремеслам и стараться вывести нацию к свету, чтобы не стать посмешищем в глазах других наций“. ¹⁾

Те же мысли в книге *Мир Якуба Дулатова* „Просыпайся казак“ („Уян казак“, издан. 1910 г. гор. Уфа) ²⁾.

С 1912 года когда начались войны Турции, с Италией и Балканами, киргизская литература проникнута теми же идеями о будущей независимости киргиз, еще более настойчивыми призывами к просвещению и только через новометодные школы. Необходимо „взяться за всякое дело в союзе и сообща идти против врага“, — говорит *Галиулла Галимджанов*. „Если с хитростью и молясь богу взяться за это дело, то непременно можно освободиться от этой беды. Воспользовавшись моментом, когда язык и руки свободны, заяви о своей нужде. От разрозненности нет пользы, а время подходящее пройдет“.

Автор „остерегает казаков от мулл, которые идут к ним из-за казацких денег и кумысу, а о просвещении их не заботятся“, „Теперь нам, казакам, пора не верить лгунам и обманщикам, а пришло время пробуждаться. Приложив руки к делу, взяв пример откуда следует и подумав о будущем, пора уже нам двинуться и улот-“

¹⁾ Мухаммед Селим Кашимов „Наставление казакам“ („Нашхити казак“) изд. 1908 г. Казань, д. № 12, 1913 г.

²⁾ Д. № 18, 1912 г.

Призывом к просвещению проникнута „Детская книжка“ Г. Джанибекова („Балалар Бадавами“) и Магиджана Джумбаева „Утренняя звезда“ („Шолпак“). Абдуллы Муштак „Ласточка“ („Карлыгач“) изд. 1911 г. Казань; Абдулкарима Мазитова „Поларок казакским детям“ („Казак шакирдларына гадия“) изд. 1910 г. Казань, Ишангула сына Бисава Альбанчираки „Образец литературы“ („Арабкат урнаги“) изд. 1910 г. Казань, дело № 13, 1912 г.

ребить силы“¹⁾ Близко по духу с Галимджановым произведение Ихметгалеев *Мамашева „Пример“* („Габрат“), изд. 1912 г. Казань).

Итак, новометодные школы и новое поколение стали руководителями общественной и политической жизни не только татар, но и киргиз. Источники нам дают для этого полное подтверждение. Разница во взглядах уже внутри этой радикальной и революционной группы заключалась в том, что одни ориентировались на Запад, другие на Турцию. Литература новометодистов подвергалась большому контролю и нажиму со стороны правительства, но ни что не могло остановить развития ее, особенно когда началась эпоха войн с участием Турции. Кроме того, как видно из приводимых источников, литература новометодистов проникала во все формы литературного творчества (научная, учебная, беллетристика, политическая, религиозная и проч.).

Перейдем к следующему вопросу.

Выступая по национальному вопросу или по политической программе вообще, восточная литература всегда почти исходит из конкретной действительности. Например, *Юсуф Кефяев* еще в 1906 году написал брошюру *„Одно зрелище, виденное нами благодаря долгой жизни“*, Казань 1907 г., в которой, обращаясь к членам Государственной Думы от киргиз, вскрывает перед нами все язвы на теле киргизского народа, зиявшие как результат правительственной колонизационной деятельности в киргизском крае. Он касается очень многих вопросов своего времени и называет все своими именами. Брошюра написана в сильных тонах и с большим жаром любви к своему народу²⁾. Подобного же характера брошюра, но издававшаяся уже в 1912 году и принадлежащая перу *Якуба Дулатова*, написана уже в другой форме, особенно самое важное стихотворение *„Загадка“*, в котором самодержавие изображается львом, а мелкие национальности — прочими слабыми зверками, которые травятся друг на друга и пожираются львом³⁾. Но в этих произведе-

¹⁾ Галиуллы Галимджанов. *„Моя жалкая нация“*, („Әсиль журтум“, изд.) 1912 г. Казань). Несколько отливо от этого с точки зрения ориентации в культурном отношении произведение Арстангалеев Биркалиева *„Течение“* („Оқи“, изд. 1912 г. Казань), в котором он призывает киргиз: „Проснись казак; благополучно переплыви море невежества. Тогда повеет ветер благодати с юга; дым севера затуманил весь свет... не хвались прошедшим временем, новый путь лучше — учись, этот путь вышел из Константинополя“. См. дело № 12, 1913 г.

²⁾ Дело № 16, 1913 г.

³⁾ Дело № 18, 1912 г.

ниях, как и во многих других, дается более или менее общая характеристика политического положения мелких национальностей в самодержавной России. В других мы находим изображение отдельных сторон жизни народов, у киргиз, например, очень сильным мотивом общественного и народного движения было *лишение киргиз земли*, а вместе с тем и богатства. В сильных красках говорится об этом в произведении *Галиуллы Галимджанова*. „Моя жалкая нация“, о которой мы говорили выше.

„После перехода казацкого ханства управление перешло в руки ничего незнающих лиц, через которых была утеряна и власть киргизская“, тогда как раньше Науруз-бай, Джани бай, Чакбай оглы, друг казака Казы-бек, Букам-бай, Турсим-Бай и Ирзя-бай были мужами „думающими о благе нации“. Далее он указывает: „Владея широкой степью, ты казак, имел богатства и славу, а теперь вы погибли, дав власть над собой толстопузым князьям (биям)... до сего времени мы были обмануты аксакалами (старшинами)“¹⁾.

Более открытая характеристика земельного вопроса у киргиз находим у *Якуба Дулатова* в его сочинении— „Просыпайся киргиз“ („Уян казак“) изд. 1910 г. г. Уфа. Земля отнята русскими мужиками и хохлами, которых поселило в киргизских степях русское правительство—прибегая для этого к силе.

„С каждым годом становится теснее у нас земля и вода; все пошло под мужицкие поселения. Могилы славных наших предков очутились уже среди улицы. Ты, мужик, забираешь с могил камни на баню, а дерево сжигаешь в огне. Когда подумаю обо всем этом, вообразу себе, от горя нутро мое горит, как огонь“. Все это явилось результатом *коварства* царского правительства, которое обещало вначале править киргизами по справедливости, но впоследствии чинами и деньгами привлекло на свою сторону незначительное меньшинство и стало угнетать большинство киргизского народа. *Господство сильных и богатых* киргиз идет против интересов нации и недобросовестными средствами“. Те же мысли находим у *Мазитова*, *Кашимова* и др.²⁾. Еще в 1907 году *Жандыбаев* писал в своем произведении „Моя молодая жизнь“, призывал к просвещению для

¹⁾ Дело № 12, 1913 г. Те же мысли читаем в произведении *Магиджана Джумбаева* „Утренняя звезда“ („Шолпан“, Изд. 1912 г. Казань).

²⁾ Дело № 18, 1912 г. Мухаммеда Селима *Кашимова* „Наставление киргизам“ (1903 г.) см. дело № 10, 1908 г. *Мазитова* „Подарок казацким детям“, изд. 1910 г. Каз. см. дело № 12, 1913 года.

борьбы с русским влиянием и руссификаторской политикой правительства: „Если посмотрим, то окажется, что нами командуют ученые русские, которые играют нами так, как играют добычей лисицы, виляя хвостом. Если обратим свое внимание на житье-бытье, то увидим, что нашу землю забирают русские мужики, приходящие со стороны и что с их приходом уменьшился и наш скот“ ¹⁾).

Доходы и расходы государства внушают одну печаль. Доходов, предприятий (железная дорога, например) нет, а все тянут их через косвенные налоги, да и прямые ложатся исключительно на бедноту. Расходы больше всего на военные надобности, на вино, да на полицию, а на образование ничего нет, кроме двугривенного на душу, тогда как за границей на человека 7—8 рублей самое меньшее

Такой взгляд выражен в издании, имеющем весьма широкое распространение среди тюрко-татарских народностей всей России, в „Иллюстрированном научном и торгово-промышленном адрес-календаре мусульман всей России на 1908 год“ (изд. 1908 г. г. Казань) Эти мотивы не исчезали и позже и встречаются даже в стенном календаре на 1914 год, изданном в Оренбурге ²⁾).

Отношение к властям характеризуется даже в более резких тонах, чем можно ожидать. Известный уже нам Усуф Кефяев в своем произведении „Положение вещей“ („Халь-ахваль“, изд. 1912 г.) пишет так: „у начальства и судей нет справедливости: много собирают они денег, чиновники уничтожают у народа лошадей и без спроса колют жирных овец и ягнят. Стражник сидит на почетном месте и позорит всячески, хорохорясь, как петух“.

В другом месте „Его (начальства) тирания тяготеет над всеми. Будем старательно стремиться к знанию и насыщаться делами героев. Если не будет героев, то тиране выколют нам глаза. Если ученые люди будут говорить о полезном для народа, то начальники расстреляют их. Такова справедливость в России“ ³⁾

И более ранняя литература и более умеренных авторов, не оставляла этой темы, а наоборот еще сильнее пользовалась ею, чтобы устранить препятствия к борьбе за национальную самостоятельность, объединившись против общего врага. Так *Джиганша Джаббаров* в

¹⁾ Дело № 12, 1913 г. Сравни. Жамаг. Тимралиев „Мои мысли“, изд. 1912 года Казань, см. дело № 16, 1913 г.

²⁾ Дело № 10, 1918 г. № 17, 1914 г.

³⁾ Дело № 18, 1912 г.

книге „Стихи под именем голоса нации“ (изд. 1908 г., Астрахань) в стихотворении „Наши дни“ вскрывает все язвы бюрократического владычества самодержавного правительства, вспоминая время татарской самостоятельности и печальную эпоху покорения татар. Указывается на искусственное поддержание розни между мусульманами со стороны правительства, на гонение за любовь к своей нации (суд, тюрьма и пр.), за стремление к просвещению и т. п. ¹⁾.

Не высоко стоял и авторитет царя. Действительно, даже учебная литература не с должным „почтением“ относилась к особам царствовавшего дома; учебники русской истории *Нуртали Надиева* (изд. 1913 г., Казань) и *Ахмеджана Биктемирова* (изд. 1914 г., Казань) не были допущены к употреблению, т. к. там были такого рода выражения „Иван Калита был у хана сборщиком податей, причем часть денег присваивал и скупал земли“, „Бунт декабристов произошел ввиду того, что офицеры, побывавшие за границей, увидели иной порядок“, Александр III предоставил широкие права чиновникам, учредил усиленную охрану и должность земских начальников. Он был националист и считал Россию для русских. Александр III имел большое семейство и был хорошим семьянином, внешними делами он занимался очень мало“, и проч. ²⁾. Нет сомнения, что эти места учебников света не увидели, особенно для учебной практики, но для нас важен самый факт, заключающийся в том, что среди тюрко-татарских народов изучение русской истории пошло более левыми путями, чем это можно наблюдать в истории русской учебной литературы. Вполне возможно, что „почтение“ к царям компенсировалось большей долей исламизма и национального уважения к ханам, но все же татарский учебник русской истории выгодно отличается от русского в указанном нами отношении, как с научной, так и с общественно-политической точки зрения. Но если мы видим „неуважение“ к царствовавшим особам в учебниках, то в беллетристике это проявлялось в большей степени; ученическое „непочтение“ сменяется убедительным презрением, что у автора вызывает желание указать путь для уничтожения этого зла. Не взирая на все разнообразие политических течений, включительно до исламизма, не говоря

¹⁾ Дело № 14, 1909 г. Сравн. со статьей „Конные казаки“, помещенной в стенном календаре Шакиржана Хамидуллина за 1907 год на стр. 418 и 420. (Дело № 8, 1907 г.).

²⁾ Дело № 8, 1916 г.

уже о пантуркизме, мнение почти одинаково; различна лишь сила мысли и острота ее выражения. Для характеристики приведем одно место из брошюры *Сабира Габдулманова* „Жалобные мольбы“ („Фирьядлар“), изданной еще в 1908 году и проникнутой исламистической тенденцией: „О, народ мой, мясо ваше для людей прочих религий стало жарким. О, бедняки, кровь ваша для Европы стала напитком, существо ваше под подошвами жестоких людей стало прахом, а государь ваш, сидящий у вас на троне, стал вороном, едящим мертвечину. Когда же уйдет от вас зима и сменится весной. Когда же уйдет от вас трусость и сменится храбростью ¹⁾“.

Положение печати в России вообще и для восточных народов в частности обрисовано весьма непривлекательно *Абдул Меджидом Гафуровым* в его произведении „Моя молодая жизнь“ (издания 1906 г. и 1911 г.) в стихотворении „Наши дни“: „Если появится в журнале какое либо едкое слово, еще до выхода в свет будет взят туда, откуда ему не выйти. Если безбоязненно пропишем мысли в газете, то приостановят ее по-настоящему. Нет в настоящее время почета писателю,—там (т. е. в тюрьме) и тысяча писателей поместятся. Много людей в настоящие дни подвергнуто обвинению и хорошим людям нет уже более почета“²⁾. Все вышеисложенное является отчасти доказательством этого положения. Но все же необходимо подчеркнуть широкое обобщение автора, между тем как восточная печать находилась под более сильным прессом государственно-реакционного режима, т. к. для последнего одинаково страшны были и революционные и пантуркистские и панисламистские тенденции в печати и обществе вследствие того, что, хотя и разными путями, но все они вели к одной цели—низвержение самодержавия, что казалось самым важным и что невозможно было предупредить. И особенно сильный цензурный пресс стал действовать с 1912 г., когда началась война Турции с Италией и балканскими государствами. Был установлен предварительный просмотр иностранных восточных газет и журналов, получавшихся в Казани и других горо-

¹⁾ Дело № 9, 1908 г. Конечно, этого было больше чем достаточно, чтобы брошюра была арестована. Мы имеем такой случай, когда арест „впредь до исправления“ наложен был на календарь на 1915 г., издававшийся в Оренбурге, лишь за то, что царь вместо „подишаха“ был назван „пашахом“ (генералом). Указание же на большие валогы с татар и казнокрадство бюрократии было значительно меньшим преступлением. Дело № 17, 1914 г.

²⁾ Дело № 12, 1913 года.

дах, и все это исключительно из боязни распространения идей панисламизма.

А Казань, например, получала много газет из Константинополя („Танин“, „Икбал“), из Яффы („Палестина“), из Каира („Шааб“, „Аль-Алям“), Константинопольские журналы („Сабилур Рошад“, „Аль-Монар“) и др. По назначению попадали лишь те, которые „можно“ было дать. По отношению же к своей, российской, печати на восточных языках, правительство было беспощадно: запрещались малейшие выражения симпатий к Турции, мало того, не допускалось публикаций, особенно в периодической печати, даже *объявлений* о сборах в пользу турецкого *красного полумесяца*, что соответствовало российскому красному кресту, т. е. на нужды по уходу за ранеными войнами „самое производство таких сборов,—говорится в бумаге губернатора в комитет по делам печати,—может, между прочим, дать ближайший повод их инициаторам и руководителям распространять среди инородческого населения идеи панисламизма, ссылаясь на общность интересов мусульман, без различия национальности и подданства, как исповедников ислама, на опасность, угрожающую в лице Турции мусульманству всего мира“. Если требовалось пересылать пожертвования, а это действительно было так, т. к. сборы, несмотря на запрещение, производились, то рекомендовалось пересылать деньги *частным образом* турецкому консулу в Петроград. Но жизнь шла своим чередом. Несмотря на „казни египетские“, которые сулились правительством за нарушение по „*весьма секретным инструкциям*“ за весьма открытые выступления, в Тифлисе в 1912 году уже распространялись прокламации с призывом мусульман „*кровью защищать ислам*“, как говорит бумага губернатора, датированная 1-м ноября 1912 г.¹). Но эти годы были пока еще прелюдией перед войной 1914 года.

Действительно, когда началась война и выступила Турция на стороне союза, *татарская* периодическая печать в Казани в худшем случае лояльно отнеслась к Турции, большей же частью политика Турции осуждалась. Так говорит отчет Комитета по делам печати за 1914 год. Правительство пожинало результаты своих многолетних трудов, а в особенности последних 2-х лет. Но народ думал вовсе не так, как хотело правительство и как оно распоряжалось. Это

²) Дело № 11, 1912 г.

мы видим по отдельным, неповременным изданиям. Симпатии мусульман, конечно, были на стороне Турции. Даже на узбекском языке в сочинении *Кария Мухаммед-Рахима Гаджия* „Колючка“ („Тикен“, изд. 1914, Оренбург) мы читаем такие строки под заглавием „Гнев Турции на Европу“: „Вы составили союз, чтобы грабить нас; написали вместе „трактат“, чтоб разобрать (нас) по частям. Эй вы, цивилизованные соседи, это ли соседство. Мы вам верили, а вы хотите пинаться; вы набрали (у нас) привилегий, говоря „это у вас хорошо“, намерение же ваше было нанести удар ножом, чтобы лизать нашу кровь. Напавши с разных сторон, вы схватили вместе за шиворот; вы рассчитывали поселиться в турецкой земле, чтоб тут основаться. Турция хорошо знает, что на вас полагаться нельзя. Написанным тут она выражает вашим сердцам свой гнев“¹.

В результате изложенных вами взаимоотношений между тюрко-татарскими народами России с российским самодержавным правительством мы увидим „злое и ненавистное“²) отношение „ко всему русскому, к правительству, не исключая и самодержца, к народу и государству“³). Но это можно отнести лишь к самым консервативным слоям, более радикальные и просвещенные думали совсем иначе, особенно по отношению к русскому народу, в союзе с которым тюрко-татарские народы в 1917 году уничтожили своих вековых врагов и завоевали свои права, свободу и господство.

Единичные случаи имеются, когда в литературе выдвигался лозунг „чем хуже, тем лучше“, особенно после характеристики господствовавших порядков эпохи реакции. Так *Мухаммед Гаяз Исхаков* в произведении „Тюрьма“ („Зиндан“, изд. 1907 г., Казань), увидевшем свет в год разгула карательных экспедиций и политических процессов, заявляет: „я радовался, что бюрократия своими

---

1) Дело № 8, 1915 г. Имея за собой давнюю историю, этот взгляд укрепился уже издавна такого рода научными произведениями, как *Ахмеда Мурода* „В поисках за будущим“ („Тахарри и истикбаль“, изд. 1912 г.), в которых раскрывался смысл империалистической политики русского самодержавия по отношению к Турции, в течение последних 150 лет, имевшей целью завоевания Константинополя и Дарданельских проливов.

2) По выражению одного из членов комитета по делам печати.

3) Таковое заключение дано по поводу сочинения *М. М. Рахмиза* (Собрание известий и памятники о событиях Казани и Болгар и ханов татарских“, изд. 1908 г. См. дело № 9, 1908 г.

бессмысленными мерами сама толкает народ на путь революции".¹⁾ О второй революции, как только была раздавлена первая, стали говорить очень рано и в восточной печати, иногда слышались и призывы к борьбе не только на националистической почве, но и на почве классовых интересов. Нам известно, что первая российская революция в среде татарского народа пробудила и проявила основные социалистические направления, особенно же социал-демократическое и социал-революционное. Это выразилось и в периодической печати, отразилось и в монографической литературе. Уже известный нам Абдул Меджит Гафуров в обоих изданиях своего произведения „Моя молодая жизнь" писал о двух категориях людей—сытых и голодных „одни из людей сыты, другие голодны; обрати же милостивое внимание—обращается он к читателю—на людей голодных. Наполнился свет людьми обиженными, составляя о них стихи, утомился уже Абдул Меджид".²⁾ А в стихотворении—„Завещание 1906 года 1907-ому"—он говорит уже более решительно: „Привычкой молодых людей стало стрелять из ружей, работать языком, привычкой же их—вешать. Я (1906 год) дал узнать быстро правду многим людям и дал победу обиженным над обидчиками. От бедствий, причиняемых кровопийцами—волками, стали близки к спасению овцы и бараны. Старайся и ты так, 1907 год, подобно мне. Пусть совершит эти дела наступающий год. Не кончилась еще моя месть врагу моему. Старайся и ты обрешь свое право". Эти мотивы социалистов-революционеров отражались и в переводной литературе (напр. брошюры „Как крестьянам взять в свои руки землю"). Комитет по делам печати не дает нам полной возможности судить об оригинальной социал-демократической литературе, но переводная литература была несравненно богаче чем у социалистов-революционеров, тем более, что местный комитет РСДРП пользовался всяким удобным случаем, чтобы выпустить прокламацию на татарском языке и вести среди татар агитацию. В переводе „Угуз" нам известны брошюры „Каким образом собираются народные деньги и куда они

1) Дело № 9, 1918 г. Конечно, это произведение не удивило света, как недопущен был и „Карманный словарь, или помощь читателям газет", принадлежащий перу Фатиха Садыкова учителя из Семиреченской области города Копала и печатавшийся в 1909 году. В этом словаре давались определения не столько неправильные, сколько противные взглядам правительства; например, социал-демократ определялся человеком, заботящемся о благе рабочего класса, а социалист-революционер—о благе крестьянства и т. п. Дело № 12, 1909 года.

2) Дело № 12, 1913 года.

расходятся“ С. Федоровича и „Когда наступит настоящая свобода“, принадлежащая Г. Л. Известны как переводчики этого рода литературы А. Газакаев и Б. Юскаев¹⁾. Иногда и социалистическая литература базируется на национальных мотивах и это для эпохи реакции надо признать вполне естественным явлением, если вспомнить все особенности режима, которому должна была подчиняться татарская нация в эпоху 1907-1916 годов. Вот в общих чертах характеристика того, как восточная литература разрешала в годы реакции национальный вопрос, отношение к правительству и к текущим событиям.

Все вышеизложенное, особенно статистическая часть, показывает нам, что годы реакции есть годы господства религиозной литературы. Она—самое главное средство борьбы с прогрессивной и революционной мыслью и настроением восточных народов России. Если мы примем во внимание, что религиозная печать составляла до 50⁰/₀ общего тиража (по количеству листов), а в некоторые годы и выше этого, можно сказать, что это явление, действительно,—ярмо незнания предела реакции. Но тем не менее и эта реакция не могла совершенно убить прогрессивную и революционную мысль. Как ни осторожно действовала цензура, все на свет прорывалась здравая и свежая мысль. Если совершенно придавленной оказалась политическая литература, то той-же политикой прониклась беллетристика и другие виды литературного творчества. По изложенным материалам намечаются и основные политические течения. На фоне преобладающей черносотенной литературы, которая задерживалась цензурой только в том случае, когда там замечались некультурные выражения, даже более того, неприличные и циничные,—на этом фоне мы замечаем некоторые более или менее светлые точки в виде прогрессивно-национально-политической или революционно-политической. Основной лейтмотив этой печати—национальный вопрос, борьба за национальную самобытность против царской реакции. Большое место занимали идеи пантуркизма и панисламизма; но заметно и буржуазно-

¹⁾ Дела № 8, 1907., № 13, 1911 г. № 11, 1915 г. Если не в печати, то в агитации по деревне выявились и пораженческие идеи и связанные с ними надежды, проявившиеся уже в 1915 году, в результате, скорее всего Галицийского поражения русской армии и агитации партии большевиков. „Не успеет окончиться война, как поднимется бунт и все войско попросит земли и воли. Да и мы, мусульмане, в то время не должны зря стоять, а должны постараться стать народом, имеющим другое управление“. Дело № 15, 1915 года.

прогрессивное течение. На ряду с этим последним с самой революции 1905 года вырастает демократическое, а затем и пролетарское течение. Укреплению последнего течения, самого главного по своей революционной актуальности, которое ориентируется исключительно на классовую платформу и содействовали годы реакции и годы борьбы трудового народа с господствовавшими буржуазными классами. Но и в этом направлении общественной жизни мы замечаем национальный момент, что исторически и оправдалось образованием целого ряда автономных республик и областей в Союзе Социалистических Советских Республик.

То, что мы заметили отнюдь не следует принимать за выводы. В нашем распоряжении был материал *только* комитета по делам печати, по своему характеру весьма тенденциозный, а сплошь и рядом и нетипичный. Да и не весь он использован и не в должной мере представлен; мы, пока, совершенно исключили данные о периодической печати на восточных языках; между тем она имеет колоссальное значение для истории печати с социологической точки зрения и для выявления ее политического значения и направления. Так что впереди по этому вопросу предстоит очень большая и необходимая работа как по архивным материалам, так и по изучению самой литературы по подлинникам (по газетам, книгам, журналам), и если настоящая статья способна пробудить интерес и желание к дальнейшей проработке этого вопроса, мы будем вполне удовлетворены и вознаграждены за потраченный труд.

Болгарский город Бряхимов.

Вместо предисловия. 6-го февраля 1917 года в заседании Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете был прочитан доклад Петра Алексеевича Пономарева на тему: „По следам „старого“ и „славного“ Бряхова и мистического культа языческой Болгарии“.

В связи с этим докладом и возникла моя работа о городе Бряхимове, представляя собой как бы контр-доклад. В заседании того же Общества от 28 (15) апреля 1917 года я выступил с сообщением — „Еще о городе Бряхимове“, где собрал аргументы против соображений П. А. Пономарева.

К сожалению, П. А. Пономарев не мог быть на этом заседании, но из наших частных разговоров позднее все же выяснилось, что он не отвергал моих аргументов и склонен был изменить свою точку зрения.

Теперь Петра Алексеевича Пономарева нет. 14 марта 1919 г. он скончался на 72-м году жизни. Много поработал он над родным ему Поволжьем. Много сил и стремлений проявил он на пользу деятельности „Общества Археологии, Истории и Этнографии“ и, в частности, на изучение древностей Камско-Волжской Болгарии.

В настоящем месте мне хочется только указать, что настоящая моя работа тесно связана с образом П. А. Пономарева.

Пусть мы разошлись в точках зрения. Пусть наши суждения часто не совпадали.

Но нас объединяла одна цель — изучить, или по крайней мере продвинуть вперед изучение прошлого Среднего Поволжья.

Нас объединяла любовь к болгарской старине, на которой сосредоточилась наша исследовательская работа.

Много теплых бесед вспоминается мне с добрым Петром Алексеевичем. Вспоминается наша совместная археологическая экскурсия в Билярск в 1916 году, во время которой он так отечески заботился о своих сотрудниках.

Теперь Петра Алексеевича нет, и он уже не увидит моих аргументов против него в печати.

Но эти аргументы я все же решил опубликовать, так как они совершенно не носят личного характера.

Чем больше точек зрения, тем лучше. Тем скорее мы можем подойти к истине.

А стремление подойти к истине в вопросах болгарских древностей одинаково дорого как покойному Петру Алексеевичу, так и мне.

Светлой памяти Петра Алексеевича мне и хочется отдать эти строки, тесно связанные с его деятельностью в области изучения Камско-Волжской Болгарии.

I. „Неизвестный сочинитель“. Глубокий знаток местного края, П. А. Пономарев, в своем докладе— „По следам „старого“ и „славного“ Бряхова и мистического культа языческой Болгарии“ вновь поднял вопрос о том городе, который упоминается в летописи под 1164 г., и о местонахождении которого произошло немало расхождений среди ученых прошлого времени.

Свое изложение П. А. Пономарев построил, главным образом, на основании „Истории о Казанском царстве“ неизвестного сочинителя XVI столетия¹⁾. Но, к сожалению, автор не остановился на выяснении вопроса о достоверности отдельных списков „Истории“ неизвестного сочинителя и вообще на разборке этого интересного источника.

А между тем „неизвестный сочинитель“, конечно, заслуживает этого. Кто же он? Для чего и как он писал? Обратившись к тексту, мы узнаем некоторые данные со слов самого неизвестного сочинителя. Оказывается он был „грѣхъ своихъ ради“ взят в плен, отведен в Казань и отдан в дар казанскому царю Сафа-Гирею. Царь полюбил пленника и назначил его своим слугой при дворе. Двадцать лет пробыл „неизвестный сочинитель“ в плену и потом „во взятіе жъ Казанское изыдохъ изъ Казани на имя Царя и великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи, онъ же мя ко Христовѣ вѣрѣ обрати, и ко святѣй церкви приобщи, и мало земля удѣломъ дасть ми, да жить буду служа ему“. Правда, последние замечания „неизвестного сочини-

¹⁾ Полное заглавие списка читается так: „Сказаніе въ кратцѣ о началѣ Царства Казанскаго, како и откуда и въ которыя лѣта начася, и о брани и о побѣдахъ Великихъ князей Московскихъ со Царями Казанскими и о взятіи жъ того царства Казанскаго отъ благочестиваго Царя и Великаго князя Ивана Васильевича Московскаго и всея Росіи“.

теля“ несколько неожиданны. Ведь он ни слова не говорит о своем религиозном настроении до татарского плена. Во всяком случае, очевидно, что в Казани он исповедывал ислам, т. е. религию своего повелителя Сафа Гирея. Кем же он был по своим религиозным настроениям до плена,—мы не знаем...

В небольшом предисловии „известный сочинитель“ говорит и о цели своего сочинения. „Отъ любви бо Христовы подстрекаемъ бѣхъ (по другим спискам: подстрекаемъ есмь), и покусихся невѣдующимъ сего по насъ людямъ въ родъ инъ писаниемъ изъяснити разумно мало вѣдомыхъ мною“... „да прочетте братія наша, воины и стратиги, и отъ скорби своей на радость премѣняя, простѣи же людіе да возвеселятся и прославятъ великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и разумѣють вся дивная его чудеса и великія милости, еже подаешь истиннымъ и вѣрнымъ рабомъ своимъ“.

Заканчивается небольшое предисловие „известного сочинителя“ следующим образом: „Начну же сѣце, вы же внимайте разумно сладкія и новыя повѣсти“. При этом надо заметить, что слова „новыя повести“ упоминаются и, повидимому, особенно подчеркиваются в предисловии дважды.

Но почему же это — „новыя повѣсти“? По этому поводу в первой главе „известный сочинитель“ говорит следующее: „О первом же зачалѣ царства Казанского, в кое время или како зачаса, *необрѣтохъ въ лѣтописицехъ русскихъ* (курсив наш В. С.), не мало в Казанскихъ людехъ видѣхъ, много же и речію пытахъ отъ искуснѣйшихъ Казанскихъ людей и отъ русскихъ сыновъ и глаголаше мя тако, инии же инако и ни единыи же свѣдаетъ истинны“.

Из приведенных цитат видно, что „известный сочинитель“ задавшись целью написать историю определенной эпохи, а именно начала Казанского царства, перебрал довольно много источников: он изучал русские летописи, а также расспрашивал как русских, так и „искуснѣйшихъ казанскихъ людей“. Но ни те, ни другие источники не удовлетворили любознательного „известного сочинителя“. Однако, случай помог ему: он попал в плен, сделался любимцем царя и почерпнул много сведений по интересующему его вопросу при дворе, среди премудрейших казанцев. Следовательно, мы имеем дело, повидимому, с образованным человеком, который принадлежал безусловно к знатному классу, и который,—что для нас особенно важно,—был

достаточно осведомлен в русских летописях ¹⁾ и пытался критически проверить устные свидетельства об изучаемом им времени. Принимая это во внимание, мы с большим интересом должны обратиться к „неизвестному сочинителю“. К этому принуждает нас и то обстоятельство, что материал, предлагаемый „неизвестным сочинителем“, представляет собой важные моменты в истории Поволжья.

Здесь мы имеем исторический обзор от эпохи болгарского господства. В „истории“ „неизвестного сочинителя“ „сообщается о походах на Волгу русских князей; о вторжениях татар в пределы Болгарского царства и утверждении их господства; о всех бывших столкновениях и сношениях между русскими князьями и казанскими ханами; о завоеваниях, сделанных Москвою в пределах Казанского царства, подробнее—при Василии Темном и Иване III, до воцарения Ивана Грозного; о волнениях в пределах царства, сопровождавшихся сменой царей; о походах на Казань; о построении Свияжска; о междоусобии казанских вельмож и приключениях царицы Сумбеки; о походе на Казань Ивана IV; об осаде города и взятии его; о крещении царей татарских и многих татар и *сибирцев*; о поставлении в Казань архиеп. Гурия и устройстве церкви; о возвращении царя в Москву; о хождении по церквам и о построении церкви Покрова Богородицы и т. п.“ (Иконников, Опыт русской историогр. т. II, кн. 2, стр. 1280).

Таково содержание „неизвестного сочинителя“, насыщенное, конечно, легендарным элементом в виде рассказов „о змеином жилище“, прежде бывшем на месте Казани, о волхвах, предвещавших взятие Казани и т. д. и т. д.

Выражаясь словами Иконникова (указ. соч. стр. 1281), „излишние отступления, постоянные отвлечения в область фантазии, молитвенные обращения, часто заслоняют фактическое изложение событий, хотя бы и дополняемое наблюдениями повествователя, долго жившего в качестве пленника в Казани (ок. 20 лет, 1532—1552 г.г.), где он пользовался почетом, но вместе с тем находился под строгой охраной, познакомился с жизнью и нравами татар и поэтому унлащает свой рассказ обилием татарских слов, имен и названий“...

Совершенно естественно отсюда возник вопрос и о личности „неизвестного сочинителя“. Кто был автором „Казанской Истории“?

¹⁾ См. Иконников. Опыт русской историографии, т. II кн. 2, стр. 1281—1285.

Татищев, Рычков, Новиков, П. Строев, Востоков, Бестужев-Рюмин и некоторые другие считали автором священника Иоанна Глазатого. Другие исследователи считали вопрос открытым. Наконец, называлось в связи с авторством и имя архимандрита Новоспасского монастыря Нифонта ¹⁾).

Словом „неизвестный сочинитель“ казанской истории не только заинтересовал широкие слои образованного общества, но и привлек с давних пор внимание ученых.

II. *Списки „неизвестного сочинителя“*. На основании вышесказанного мы не должны удивляться, если „неизвестный сочинитель“ распространялся среди читателей в большом количестве списков. При переписывании „неизвестного сочинителя“, конечно, вкрадывались те или иные ошибки. Иногда переписчики допускали пропуски, изменения или вставки и т. д. И первоначальный текст естественно менялся, распространяясь в различных редакциях.

П. А. Пономарев в указанном выше докладе пользовался изданием этого сочинения (по двум старинным спискам), вышедшим в 1791 году „изданием Императорской Академии Наук“ (СПБ). И уже в „предуведомлении“ к этому изданию говорится о списках указанного сочинения следующее: „Разные имеются списки сего сочинения, из которого и покойный г. Рычков и Лызлов, как видно почерпнули“. Но в издании 1791 г. были использованы только два списка, хранившихся в библиотеке Московской коллегии иностранных дел архива под номерами 71 и 74, „из которых первый чайтельно в другой половинѣ 17-го, а последний около конца 16-го или в началѣ 17-го столѣтія писаны“. Последнее показание издателя обращает на себя внимание именно в том отношении, что список № 71 самим издателем признается за более позднюю редакцию, тогда как список № 74 признается более древним.

Несмотря, однако, на такое признание издателя, в основу текста издания 1791 года положен именно список № 71, и только в примечаниях приводятся разночтения из списка № 74, т. е. из списка более раннего, более древнего происхождения. Разночтения эти, как мы увидим ниже, довольно значительны и интересны по затронутому П. А. Пономаревым вопросу о „старом“ и „славном“ Бряхове, и приходится поистине удивляться—почему издателем 1791 г. для основного текста взят список № 71. Впрочем, вообще надо заметить

¹⁾ См. Иконяников, указ. сочинение, стр. 1285—1286.

что изданием сочинения „неизвестного сочинителя“ 1791 г. в настоящее время исследователям пользоваться не приходится, так как это сочинение теперь подверглось довольно ценной научной обработке и издано уже с критическим аппаратом. При этом научная обработка текста установила пригодность скорее именно списка № 74, который издателем 1791 года помещен не в текст, а лишь в примечания.

Такой научной обработке текста не мало, конечно, способствовало распространение списков „неизвестного сочинителя“. Еще Рычков („Опыт Казанской истории древних и средних времен“ СПб 1767, стр. 66 примеч.) отмечал: „С прежней Казанской истории или летописи имею я у себя разные списки в разные времена полученные, из которых полнейший сообщен мне после всех“ и т. д... „Штиль в нем (т. е. в последнем списке) старинный, схож с церковным и внесено в них много таких вещей, которые к гражданской истории существенно не принадлежат. Прочие же списки такого ж штиля и содержания; видно, что учинены из одного подлинника с некоторыми изъятиями и прибавлениями“.

Так писал еще Рычков. Позднее количество списков „неизвестного сочинителя“ сильно увеличивается и в настоящее время уже насчитывается до двухсот таких списков¹⁾. Теперь, по словам В. С. Иконникова²⁾: „Почти нет библиотеки или более значительного частного собрания, у которых не находилась бы „история о Казанском взятии“ вплоть до Сибири, где этот памятник встречается в рукописях вместе с Сибирской летописью. „История“ зашла и в иностранные библиотеки; но и здесь число их в последнее время оказывается более значительным, чем прежде полагали³⁾. В позднейшее время „История“ списывалась с первого печатного издания и обращалась в руках разных классов, как можно видеть из записей и приписок на рукописях; она давалась, как ценный дар, в качестве вклада в монастыри и церкви“...

Такой успех распространения „неизвестного сочинителя“ обратил внимание ученых на самый текст. У Иконникова, указ. соч.

1) Г. З. Куцевич, История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт ист.-лит. исследования. СПб. 1905, стр. 12.

2) В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. (Київ, 1908) стр. 1276 сл.

3) Срвн. С. Строев Опис. памят. русск.-слав. литер., хран. в Германии и Франц. М. 1841, стр. 94—96; П. А. Сырку в Жур. Мин. Нар. Просв. 1900, № 4 стр. 42.

стр. 1277, мы читаем: „Ею пользовались“ Андрей Лызлов, Татищев, Рычков, Щербатов, Ив. Стриттер, Карамзин (много раз), Полевой, М. С. Рыбушкин, Арцыбашев, В. В. Григорьев, Н. Баженов, Соловьев, В. В. Вельяминов-Зернов, Бестужев-Рюмин, Г. Перетяткович, Иловайский и др.“. Правда, учеными выражались различные точки зрения в отношении к „неизвестному сочинителю“. Многие относились сурово и недоверчиво к этому памятнику. Был высказан даже взгляд, что это—поэтическое произведение. „Находят“,—говорит Иконников в указ. соч. стр. 1278 „что поэтический элемент сильно обнаруживается как в языке, так и в самом содержании памятника: в длинных речах и молитвах, в чудесных знамениях и предсказаниях, предшествовавших завоеванию Казанского царства“. Впрочем Иконников (ibid) замечает: „Но подобные обороты речи представляют скорее не следствие поэтического настроения автора, сколько дань риторическому направлению литературы того времени, так понимавшему обязанности писателя, а чудесный элемент является на помощь, как неизбежный придаток изложения в связи с величием предстоявшего подвига, которого не чуждалась и летопись того времени“.

Кропотливым исследованием в настоящее время установлено, что всего было до 9 редакций этого памятника, но первоначальная редакция текста (1564—1566) до нас, повидимому, не дошла¹⁾. Кунцевич, впрочем, говорит, что „при большом количестве списков, строго говоря, не встречается большого разнообразия, и поэтому он находит возможным наметить среди списков *две основных редакции*. По его мнению списки, по которым было сделано издание „истории“ неизвестного сочинителя в 1791 году и представляют собой именно списки двух различных редакций²⁾).

При этом за *основной* текст в своем издании „истории“ Кунцевич принимает ту редакцию, к которой относится список № 74, считая ее более древней³⁾...

Таким образом „история“ неизвестного сочинителя имеет за собой большую литературу. Так что пользоваться изданием в 1791 г. для научных изысканий не представляется целесообразным, если не имеется для этого новых веско обоснованных доводов. К сожалению,

1) Иконников, указ. соч., стр. 1279.

2) См. „Извест. Академии Наук“ 1900, III, 1005.

3) См. „Историю о Казанском царстве“, изд. при содейств. Император. Археологической комиссии под редакц. Кунцевича.

П. А. Пономарев не ознакомил нас с теми соображениями, которые заставили его пользоваться изданием „неизвестного сочинителя“ 1791 года, отдать предпочтение списку № 71 и оставить без внимания список № 74. И вот различное отношение к этому источнику породило и различные суждения о городе Бряхове, к которому мы теперь и обратимся.

III. „Старый град именем Бряхов“. Мысль о тождестве Чертова городища с Бряхимовым выразил уже давным давно Невоструев в своей статье „О Городищах“ в „Трудах I археологического съезда“ (стр. 576—592). П. А. Пономарев присоединяется к точке зрения Невоструева и желает как бы подкрепить ее показаниями „неизвестного сочинителя“ и соображениями археологического характера. Мы главное наше внимание обратим лишь на показания первого порядка, которые использованы П. А. Пономаревым не совсем правильно.

П. А. Пономарев привлекает к исследованию два места из „неизвестного сочинителя“. Необходимо рассмотреть каждое в отдельности.

В одном месте мы читаем следующее: „Тамо бо бѣ преже земля Волгарецъ малый за Камою рѣкою промежь великія Волги рѣки и Бѣлыя Волошки до великія орды Нагайскія. Большія же Болгары тутже на Дунаѣ былѣ на Каменѣ и градъ старый Бряховъ Болгарскій, нынѣ же градище пустое, его же первое взя князь великій Андрей Владимерскій, рекомый Боголюбскій и вконечное запустѣніе предаде, и Болгаръ всѣхъ подѣ себя покори“¹⁾. Таково чтение по списку № 71.

По списку № 74 важное для нас место читаем так: „Большіе же Болгары на Дунаѣ. Тутъ же былѣ на Кале и градъ старый Бряховъ“ и т. д...

И по поводу этого чтения даже сами издатели „неизвестного сочинителя“ в 1791 году говорят: „Сие кажется исправнѣе“²⁾. И, действительно, уже кроме неправильной, неграмотной расстановки слов списка № 71 как-то совсем непонятно упоминание „Больших Болгаръ на Дунаѣ“. Напротив по списку № 74 (и в издании Кун-

¹⁾ В издании 1791 г. стр. 4 и примеч. 14—17. Ниже я приведу соответствующие места из списков, указанных Кунцевичем. Здесь отмечу только, что в одном месте у Кунцевича, а именно на стр. 10 (изд. 1903 г.) говорится: „Бысть же на Ока рѣкѣ старый град, имяем Бряховъ“ и т. д. Впрочем, из дальнейшего с очевидностью обваруживается, что Ока здесь упоминается только по ошибке.

²⁾ Указ. соч., стр. 4, примеч. 14.

евича) дело становится совершенно ясным и понимается так, что главные („большие“) болгары живут на Дунае, а тут, на Каме (в списке, конечно, по ошибке написано „на Кале“), живут „малые“ болгары и у них есть „старый“ город Бряхимов. Другими словами, автор как будто хочет подчеркнуть существование болгар „больших“, дунайских и болгар „малых“, камских, отмечая, что у последних был „старый град Бряхов“.

В более древней по составу редакции списка мы читаем по интересующему нас вопросу следующее: „То бо бѣ прежде земля Болгарецъ малыхъ за Камою, промежъ великия рѣки Волги и Бѣлыя Воложки, до Великия Орды Нагайскія. А Большіе Болгары на Дунаѣ. Тутъ же былъ на Камѣ старый градъ именемъ Бряховъ, Болгарскій, ныне же градище пусто“, и т. д., и тут же: „а Балыматы отъ Болгаръ тѣхъ яко 20 поприщъ и дале тотъ же князь великій повоева. И бысть Казань стольный градъ вмѣсто Бряхова“¹⁾ и т. д.

Таким образом „неизвестный сочинитель“ сообщает нам, что у „малых“, камских болгар был „старый“ город Бряхимов. Конечно, сочинителю было известно, что у камских болгар были и другие города, так он знает Балыматы (об этом ниже). Но он останавливает внимание лишь на одном „старом граде Бряхове“, желая быть может подчеркнуть старшинство этого города перед другими болгарскими городами.

Такое понимание текста не в пользу П. А. Пономарева, как это мы увидим ниже. Однако, отметим вместе с П. А. Пономаревым, что ко времени жизни „неизвестного сочинителя“ на месте Бряхимова Болгарского было „градище пустое“.

IV. „Бесовское градище“. Другое место „неизвестного сочинителя“ читается так (изд. 1791 г., стр. 127, примеч. 7—10):

„К сему же (т. е. к знаменіям о горе Казанскому Царству) и се иное знаменіе примнеже бысть еще бо ми тогда живущу в Казани бѣ внекоемъ улусе Казанскомъ градецъ малъ²⁾ на брезѣ высоцѣ

¹⁾ Кунцевич, История о Казанском царстве. Казанский летописец. Издание Император. Археологической комиссии. С.-Петербург. 1903, стр. 12—13. Срвн. там же показание еще более древнего текста, но более поздней редакции стр. 192, причем к этому списку была даже иллюстрация, изображающая взятие города Бряхова Андреем Боголюбским. П. А. Пономарев это издание текста не использовал.

²⁾ Цитируем по изд. 1791 г. только потому, что так цитировал П. А. Пономарев. Но, конечно, все разночтения в своем месте будут приведены по Кунцевичу.

Камы рѣки стоя, егоже Русь именуют Бесовское градище, внемъ же живяще бѣсъ мечты творя отъ многихъ летъ. И бѣ той градець еще старыхъ болгаръ молбище жертвенное, и сходяхуся люди мнози совсея земли Казанскія варвари“ и т. д.. При этом дальше говорится, как это отмечает и П. А. Пономарев, что на этом месте есть даже мечеть, в которой живет бес—прорицатель, а быть может и его жрецы.

Только что приведенное место цитируется по списку № 71. Так сделал П. А. Пономарев. Однако, приходится удивляться,—почему этим местом П. А. Пономарев не воспользовался именно по списку № 74. Дело в том, что в списке № 71 стоит: „градъ малъ“, а в списке № 74: „градець пустъ“¹⁾. Воспользовавшись списком № 71 П. А. Пономарев допустил противоречие. Ведь в выше приведенном, по нашему изложению, первом месте, „неизвестного сочинителя“ говорится, что на месте Брахимова „ныне градище пустое“, а теперь тот же сочинитель про тот же географический пункт (П. А. Пономарев считает, что „Бесовское градище“ отождествляется с Браховым) относительно своего времени говорит, что здесь „градец мал“, т. е. не „пустое градище“. В чем же дело?

Очевидно, для П. А. Пономарева выгоднее было бы пользоваться списком № 74 и понимать под словом „пусто“ именно отсутствие обычной городской жизни. Тогда бы все-таки не получилось крупного противоречия в защите той точки, которую выдвинул Невоструев.

Но П. А. Пономарев упорно пользуется списком № 71 и только в одном месте,—а именно в том, где говорится, что бес одних исцеляет от недуга, а других потопляет в реке и т. д. (Изд. 1791 года, стр. 127, примеч. 10),—он прибегает к списку № 74.

Это—одна сторона дела.

Но важнее, пожалуй, другое.

П. А. Пономарев, вслед за Невоструевым, весьма основательно и интересно связал только что проведенное показание „неизвестного сочинителя“, привлекая сюда и обширный археологический материал, с Чертовым городищем близ Елабуги.

Еще Шпилевский (указ. соч., стр. 120—121) по поводу суждений Невоструева говорил: „...возможность такого отождествления

¹⁾ У Кунцевича, указ. соч. стр. 67 читаем: „мал градец пуст“. Сравни также стр. 317.

одтверждается преданиями окрестных жителей, которые еще в прошедшем столетии сообщили Рычкову об этом городище подобное тому, что в Казанской истории („известного сочинителя“) говорится о Бесовском городище, именно: бес—прорицатель, живший этом городище, оставляет его, по Рычкову, перед завоеванием болгар татарами, а по Казанской истории („известного сочинителя“), перед завоеванием Казани русскими¹⁾.

И теперь, когда суждения Невоструева в пользу этого отождествления П. А. Пономарев подкрепил новыми археологическими данными, едва ли кто-нибудь будет оспаривать, что под „Бесовским городищем“ „известного сочинителя“ можно разуметь „Чертово городище“ близ Елабуги.

V. *Географическое положение Бряхимова.* В отыскании местоположения города Бряхимова в сущности и заключается задача П. А. Пономарева, а вслед за ним и моя.

Не мало точек зрения выплывало по этому вопросу. На всех останавливаться здесь не будем, отсылая читателя к стр. 118—24 цитированной выше книги С. М. Шпилевского. Выделим только точку зрения Невоструева, который как уже указано выше, отождествляет г. Бряхимов с Чертовым городищем близ Елабуги. П. А. Пономарев горячо поддерживает эту точку зрения, причем оба автора полагают, что „известный сочинитель“ говорит о „старом граде Бряхове“ и о „старых болгар молбище жертвенном“, как об одном том же географическом пункте. Но откуда мы это видим? Сам „известный сочинитель“ не говорит об этом решительно ничего. Он нигде не связывает „старого града Болгарского“ со „старых болгар молбищем жертвенным“. А если в русских летописях и говорится о „славном“ Бряхимове, то это еще не дает нам права заключать, как сделал П. А. Пономарев, о славе этого города в истинно культовом отношении, т. е. полагать, что „молбище жертвенное“ и только оно одно, сделало старый город Бряхимов славным.

Этот город мог быть „славным“ в политическом, торговом²⁾ и др. отношениях.

¹⁾ У Кунцевича, указ, соч. стр. 320, помещена старинная иллюстрация, изображающая оставление бесом места. Изображен дракон, вылетающий из какого-то строения.

²⁾ Срвн. напр. сообщение Ибн-Хаукаля: „Болгар... был некогда знаменит, так как был складочным местом торговли тамошн. государства“ (Шпилевский, указ, стр. 8). Срвн. торговое значение Болгара для древней Руси (что могло отразиться на русских летописях в виде признания Бряхимова славным) М. С. Грушевский, Киевская Русь, т. I (СПБ 1911), стр. 362.

Правда, летописи могли бы подчеркнуть значение „бесовского градища“ в том смысле, что несмотря на смену болгарского языка и вероисповедания, все же языческий культ еще не умер и привлекает многих жителей Болгарии. Но в летописях мы этого не находим и славу города Брахимова не можем поэтому видеть в том, что там был языческий культ.

П. А. Пономарев (как и Невоструев) указывают на то, что и город Брахимов и место языческого прорицалища по „известному сочинителю“ находится на р. Каме, что и дает им также основание отождествлять Брахимов с „бесовским градищем“. Однако, С. М. Шпилевский (указ. соч. стр. 123) еще в свое время совершенно основательно и убедительно заметил, что „это показание, если оно даже и не ошибка, не противоречит признанию Брахимова городом Булгаром близ Волги, потому что вышеприведенные указания мусульманских источников о том, что Волга протекает около самого Булгара... можно понимать в смысле течения здесь Камы, которая прежде впадала в Волгу несколько выше Тетюш“. Возможно также, что Кама у древних восточных писателей признавалась за Волгу.

И уже здесь поднимается целый ряд возражений против П. А. Пономарева (и еще раньше против Невоструева). Но еще большее возражение выдвигается самим „известным сочинителем“, которого П. А. Пономарев использовал, повидимому, недостаточно полно. Привлекая снова издание 1791 г. мы в списке № 71, между прочим, читаем о том, что царь Саин „приложилъ къ Казани... Болгарскія грады со всѣми людьми, да Царемъ Казанскимъ обладаютя“.

Список № 74 полнее. В нем мы читаем дальше: „...и бысть Казань стольный градъ вместо Бряхова града Болгарсково¹⁾ и т. д.

Хочется особенно подчеркнуть приведенное место из „известного сочинителя“, которое, кстати, не использовано ни С. М. Шпилевским, ни П. А. Пономаревым.

Особенно подчеркнуть его хочется потому, что оно прямо нас подводит к решению вопроса. Оно говорит нам, что со времени Саина стольным городом стала Казань.

Но какой же город болгарского царства был „стольным“ до основания Казани. Об этом, конечно, все знают, и ответ в данном случае весьма прост—это был—г. Болгар, развалины которого и

¹⁾ Выше стр. 139 было уже приведено место из изд. Кунцевича о том, что Казань стала „стольным городом“ после Бряхова. Срви. там же стр. 210: „и бысть Казань стольный градъ вместо Бряхова, града Болгарсково“ и т. д.

теперь еще стоят в сел. Болгары—Успенское Спасского уезда Казанской губ. и хранят в себе свидетельства и легенды о цветущем состоянии древнего стольного болгарского города, правда, татарской эпохи. Здесь уместно также припомнить сообщение татарской рукописи, перевод которой, сделанный Барданесом, сообщен Георги в „*Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich*“ (СПБ 1775, II, 811)¹⁾, —где говорится, что Тимур семь лет осаждал Болгарскую столицу Брахимов и убил там хана Абдуллаха. Сыновья этого хана были спрятаны, но по удалении Тимура снова появились. „Но так как Брахимов был слишком велик и великоленен, то старший сын Алтынбек не отважился на восстановление его, но построил в Иски—Казани маленькое место на р. Казанке“.

Приведенное сообщение татарской рукописи, в связи с нашей трактовкой вопроса, не противоречит показаниям „неизвестного сочинителя“, и Шпилевский был глубоко прав, относя сведения рукописи Георги именно к городу Болгару.

Отождествление Брахимова и Болгара подкрепляется также и рукописью—„Дастан-Аксак-Тимур“, где рассказывается о завоевании Тимуром Биляра после опустошения и разрушения города Болгара. Здесь прямо сказано, что Тимур пошел на город Булгар, где был правителем Абдуллах-хан. После семилетней осады Тимур приступом взял г. Болгар и убил Абдуллаха и других его князей и приверженцев²⁾.

Как видим рукописи Георги и „Дастан-Аксак-Тимур“ говорят об одном и том же событии, об участии одного и того же хана Абдуллаха, и об осаде, конечно, одной и той же столицы, но одна рукопись называет столицу Абдуллаха „Брахимов“, а другая—прямо город Болгар. Очевидно, что показания татарских рукописей³⁾ подкрепляют нас в отождествлении гор. Брахимова с городом Болгаром, что мы сделали на основании свидетельства „неизвестного сочинителя“: „и бысть Казань стольный градъ вместо Брахова града Болгарского“... Это подкрепляется еще и другим сообщением „неизвестного сочинителя“, который, как мной указано выше (стр. 139), говорит: „а Балыматы отъ болгаръ тѣхъ яко 20 поприщъ и далѣ

¹⁾ Пользуюсь указ. соч. Шпилевского, стр. 32—33.

²⁾ С. М. Шпилевский, указ. соч. стр. 33—34.

³⁾ Кстати, изучение татарских рукописей уже давно заслуживает того, чтобы поставить его на очередь в деле исследования прошлого местного края вообще, Камско-Волжской Болгарии—в частности.

тотъ же князь великій новоева“... Смысл всего текста сводится к тому, что город Балыматы (или по другим вариантам Балымары) отстоит недалеко от тех болгар, которых Андрей Боголюбский победил в Бряхимове, причем этот город Балыматы был также завоеван этим князем.

Для нас в данном случае важно отметить близость Балымат (ныне Балымеры) к Бряхимову. Известно, что теперешние Балымеры от теперешнего села Болгары—Успенское совсем недалеко. А так как мы за городом Бряхимовым признаем территорию ныне с. Болгары—Успенское Спасского кантона (т. е. древнего города Болгара), а, с другой стороны, знаем близость расстояния Балымер к с. Болгары—Успенское,—то показание „неизвестного сочинителя“ о близости Балымат к Бряхимову получает для нас новую ценность...

Подводя итоги сказанному, я считаю неубедительными аргументы П. А. Пономарева в пользу отождествления Бряхимова с Чертовым городищем близ Елабуги и целиком присоединяюсь к той точке зрения, которая указывает на тождество Бряхимова с городом Волгаром.

VI. *О названии города Бряхимова.* Вопрос о названии Бряхимова представляется также небезинтересным. У Лызлова в его „Скифской истории“ (в изд. 1887 г. стр. 82) говорится о Бряхимове. Также мы это название читаем у Рычкова¹⁾, причем оба эти автора имели под руками древние списки „неизвестного сочинителя“. „И бысть той стольный градъ вмѣсто Бряхимова Болгарскаго града“,—читаем мы в указанном месте у Лызлова, имевшего, очевидно, более древние списки „неизвестного сочинителя“, так как, по словам Рычкова (указ. соч. стр. 68 примеч.) „понеже он (Лызлов) писалъ в лѣто 1690, чему немногимъ болѣе 70 лѣтъ, и какъ видно большая часть взяты у него из предъозначенной исторіи, кою для преимущества ея в годахъ должно предпочесть“...

С. М. Шпилевский, останавливаясь на вопросе о местонахождении этого города везде называет его Бряхимовым.²⁾ Он между прочим говорит (стр. 118): „Никоновская, Тверская и Степ. книга говорят о Бряхимове на Каме, Переяславля — Сузд. вместо Бряхимова называет Ибряхимов. Очевидно, что этот город назван по имени владетеля его Ибрагима, но какой князь так назывался? Перебирая росписи болгарских владетелей, Шпилевский не находитъ такого имени. Но

1) Рычков, Опыт Казанской истории древних и средних времен, СПб. 1767, стр. 69.

2) С. М. Шпилевский, указ. соч., стр. 118—124.

в истории Казанских татар муллы Шихабэddина Багауддинова ¹⁾ такое имя есть и упоминается оно перед Селимом, за которым следует сын Селима Илгам.

„При последнем“, — пишет Шпилевский, — „было нашествие монголов ²⁾“. Таким образом Ибрагим может быть современником Андрея Боголюбского“. Если такое толкование является правильным, то название города Бряхимова могло только появиться во второй половине XII века, но „неизвестный сочинитель“ говорит о „старом граде Бряхове“, отмечая такой эпитет городу уже эпохи Андрея Боголюбского. Как же понять это? Приходится допустить, что „неизвестный сочинитель“ узнав для города Болгары название по имени хана Ибрагима, просто перенес новое название и на эпоху, предшествующую Андрею Боголюбскому.

Рукопись Георги тоже город называет Бряхимовым ³⁾. Другие многочисленные списки „неизвестного сочинителя“ называют изучаемый нами город „Бряхов“.

Конечно, вопрос остается неразрешенным. Но до выяснения названия, путем специального филологического исследования, придется остановиться на названии „Бряхимов“, которое всего чаще встречается и которое пока представляется возможным через показание русской летописи (где читаем „Ибряхимов“) связать с именем болгарского хана Ибрагима.

В заключении отметим, что основание г. Бряхимова или Болгара в XII в. на р. Волге знаменует переход болгарских городских и торговых центров к большим, многоводным, судоходным рекам (Волге и Каме), в противовес городской жизни на небольших реках (Биляр — Болгар на р. Черемшане и Сувар на р. Утке) в предыдущую эпоху. К началу XII в. на Каме вырастает торговый город Джукетау. Таким образом, не нуждаясь первоначально в больших водных и торговых артериях, болгары с течением времени, когда торговая их деятельность оживилась, почувствовали острую необходимость подвинуть свои торговые пункты к этим водным артериям. И основание ханом Ибрагимовым города на Волге в XII в. является одним из первых шагов в передвижении болгарских городов к Волге и Каме.

¹⁾ Русский перевод смотр. в „Труд. IV Археологического съезда“ т. I (Казань).

²⁾ См. разбор Готвальдом ссч. Хвольсона „Изв. Ибн Дасты“, стр. 9.

³⁾ См. выше стр. 143.

Научная деятельность Э. Р. Штерна.

27-го апреля прошлого 1924 года скончался в Германии в городе Галле 65 лет от роду ректор Галльского университета, профессор древней истории Эрнест Романович Штерн. Биографические данные о покойном мы находим в составленной профессором А. В. Маркевичем к 25 летию Новороссийского университета исторической записке. Э. Р. Штерн родился в 1859 году, был уроженцем Лифляндской губернии. В 1877 году он окончил с золотой медалью Дерптскую гимназию и поступает на филологический факультет Дерптского университета, но в том же году принимается в члены русской филологической семинарии при Лейпцигском университете, учрежденной Министерством Просвещения в 1873 году, с целью устранения недостатка в преподавателях древних языков.

По окончании этого привилегированного пансиона для ученых, Э. Р. Штерн был прикомандирован с 1880 года к Дерптскому университету для приготовления к профессорскому званию. В Дерпте он получает в 1883 году ученую степень магистра классической филологии за диссертацию на немецком языке на тему: „Катилина и борьба партий в Риме в 66—63 годах“ и в 1884 году степень доктора классической филологии за немецкую же книгу „История Спартанской и Фиванской гегемонии“. В 1884 году Э. Р. получает должность приват-доцента Новороссийского университета, в 1886 г. делается экстраординарным, и в 1888 ординарным профессором. Из Одессы же проводили его в 1911 году, когда состоялось вторичное избрание его профессором в Галле. Одесское Общество Истории и Древностей, где энергично поработал Э. Р. Штерн, как хранитель музея, член правления, казначей и президент Общества и еще более как самостоятельный археолог-исследователь, посвятило ему на прощанье целый XXX том своих „Записок“. В этом издании мы находим список печатных трудов Э. Р. с 1880—1911 год.

По содержанию, научные труды Эрнеста Романовича естественно распадаются на две большие основные группы: во-первых, на труды по древней истории, во-вторых, на работы по археологии и древностям южной России.

По характеру исследований, с самого начала своей деятельности, Э. Р. становится ученым посредником между русской и европейской наукой. Он пишет в течение ряда лет обзоры русской научной литературы по своей специальности для французского филологического журнала. Он дает в немецких научных журналах отзывы о русских новинках по древней истории, и, параллельно с тем, вносит в отзывы о новых европейских трудах дополнение к литературе предмета и фактические поправки на основании, недоступных европейской науке, русских научных трудов. Отсюда получается с самого начала в работах Эрнеста Романовича двойная независимость: и независимость от русской официальной власти, и независимость от европейского авторитета в науке.

Когда Э. Р. Штерн попадает на службу в Одессу, то здесь, на театре важных событий из древней, византийской и отечественной истории, как он сам характеризует Одессу, с ним происходит тот же переворот, который он отмечает в старшем своем сотоварище, вице-президенте Одесского Общества Истории и Древностей, проф. В. Н. Юргевиче. Происходит, говоря словами Э. Р. Штерна, превращение классика в историка-археолога с широкой научной программой.

Превращение это совершается естественно, как в силу местных особенностей и интересов в Одессе, так и в силу существования там, еще в 1839 году, Общества Истории и Древностей, почти механически притягивающего к себе все живые местные научные силы.

Правда, и сделавшись, по преобладающим интересам, историком-археологом местного края, Э. Р. не перестал быть филологом-классиком и никогда не переставал им быть. Полученная им еще в Лейпциге и Дерпте хорошая школа по классической филологии остается прочным фондом всех последующих его научных трудов. В его глазах тщательное исследование, в ее целом, всей исторической обстановки, среди которой возникает известное литературное или художественное произведение, является существенным условием успешности изучения каждого отдельного художественного, или литературного факта. Основной чертой самостоятельных трудов Э. Р. Штерна по археологии южной России является то же

самое, что и в работах другого виднейшего археолога южной России, В. В. Латышева: сравнительное изучение греческого собственно и греческого колониального мира, — греческая колония и греческая метрополия, как одно нерасторжимое целое.

Первую, подготовительную группу Одесских исследований Э. Р. Штерна образуют его многочисленные и важные статьи в области „полицейской, или сыскной археологии“, как выражается он. Прежде чем изучать новый, представляющийся ему, материал, археологу важно решить вопрос: насколько подлинно классическое происхождение данного памятника. Вопрос этот в южной России приобретает особенную остроту, в виду обнаруженных на месте многочисленных фабрик фальсификаций под антиков. Грозой таких фальсификаторов и оказался Э. Р. Штерн в целом ряде работ. В центре их стоит знаменитое, доставившее ему громкое имя, разоблачение так называемой „тиары Саймафарна“, проданной за большие деньги Парижскому Лувру. Это разоблачение, к которому нехотя впоследствии присоединились или полуприсоединились и сами французы, занимает центральное место в докладе Э. Р. X Археологическому съезду в Риге в 1896 году. Другие работы Э. Р. разоблачают далее мнимо-античные надписи фабрики фальсификаторов братьев Гохман, где надгробие V—IV века украшается надписью со шрифтом, положительно и определенно I века; мнимо-античные вазы, на которых верхний известковый слой оказывается прикрепленным с помощью вполне современного синдетикона; мнимо-античные маски, якобы прямо с лица покойника, но на которых свинцовый налет определяется, как характерный для фальшивой серебряной монеты, а последующее изучение непрерываемо указывает и мраморный оригинал маски. Исследование подлинных античных памятников у Э. Р. распадаются на 1) первоиздание и изучение древних надписей, 2) на исследование памятников искусства, 3) сообщение о собственных археологических исследованиях, наконец, 4) широкие историко-культурные выводы из археологического материала.

Что сближает между собою все намеченные рубрики работ, так это неизменное убеждение Э. Р., что археолог не должен давать в своих исследованиях одного сырого материала, а напротив обязан вдвинуть его, так или иначе, в широкий круг общекультурной истории. В связи с этим стоит яркая особенность Э. Р., как ученого

исследователя: он всегда старается единичное исследование сделать исследованием групповым и подыскать к единичному изучаемому памятнику группу однородных или родственных памятников и вести дальнейшее изучение параллельно и сравнительно.

Например, во время археологического исследования в Аккерманской крепости Э. Р. Штерн находит надпись в честь меткого выстрела из лука в Ольвийском состязании. Эта надпись изучается им не одиноко, а, во-первых, по сравнению с родственными Константинопольскими надписями в честь метких султанских выстрелов, сравниваемыми по просьбе Э. Р. его учеником Б. В. Фармаковским, во-вторых, в связи с данными из истории лука, сообщенными нашему исследователю в Берлине профессором и директором музея Люшан. Интересно отметить, что живое чутье знатока культурно-исторических сближений и в этом отдельном случае не обмануло Эрнеста Романовича. Сошлемся на исследования Шмидта о культурных кругах Южной Америки (*Zeitschrift für Ethnologie* 1913 1063 Нг), где лучной культуре южного американца приписаны и особенные формы жилищ, и особые формы орнамента, наконец, и особые формы правового сознания (*Bogenkultur oder Freimutterrichtliche Kultur*).

Такое же настойчивое стремление к переходу от единичного исследования к групповому отмечу, в области изучения прикладного искусства, в статье Э. Р. о гробнице, раскопанной летом 1896 года в Керчи. В гробнице заинтересовали исследователя сохранившиеся части древнего сундука, в частности его замок. Замок этот принадлежит к разряду затворов „системы оттягивающегося засова“, какие и сейчас употребляются в Турции, Галиции и других местностях. Тесно примыкает к этой системе и наиболее надежный из продажных замков, замок англичанина Шубба. В данном замке встречается первый пример применения двух клеток и замочная бляшка из серебра также не находит себе еще аналогий. Э. Р. жалеет, что не видал, для сравнения с античным керченским замком, знаменитой коллекции замков Dillinger'a в Вене.

Ограниченность данной статьи заранее определенным объемом позволяет нам лишь вкратце обозреть дальнейшие работы Э. Р. Штерна.

Самостоятельные археологические исследования производились им в Аккермане, на пустынном острове Березани и в Петренах Бессарабской губернии.

В Аккермане им открыт великолепный склеп и остатки классических и после-классических древностей (итальянских, восточных).

Систематически веденные раскопки на Березани дали по остаткам фундаментов план улицы, открыли единственные в России остатки Ионийской колонии VI—V века до Р. Х. первобытной формы, потому что в V веке город уже прекратил свое существование, а также дали 1600 слишком черепков привозной из Милета посуды, так что Березанская керамика, сосредоточенная в Березанском зале Одесского музея, представляет важный материал для раз'яснения вопросов культурных сношений греческого мира VI века до Р. Х. (например, поразительные аналогии Березанской керамике Э. Р. указывает в Египте, Навкратисе). Наконец, венец Березанских находок Штерна, это открытие целой комнаты, или маленького домика V века, в 15 рядов камня, с окнами и дверью.

О Петренской первобытной культуре Штерн говорит, главным образом, в своем докладе XIII Археологическому съезду в Екатеринославе. Он определяет данную культуру, в частности, как доисторическую греческую культуру на юге России. В керамическом материале Петрен он с самого начала признал родню культуре Трипольской (по месту главных находок в местечке Триполье, Киевской губернии), или культуре Хвойко (по имени первого изучившего ее археолога). Лично познакомившись с древностями о. Крита, он *de visu* убедился, что прототипы местной культуры устанавливаются для неолитического периода, начиная с юга России по Балканскому полуострову, вплоть до Моравии и южной Австрии. Находки позволяют датировать эту культуру III тысячелетием до Р. Х. Она древнее Микенской и дает прототипы древне-греческой керамики.

Благодаря раскопкам и изучениям Э. Р. очень обогатился музей Одесского Общества. Одной керамики насчитывается в нем до 4 тысяч экземпляров. Лучшие образцы терракот в описании Э. Р. вошли в три выпуска музея Общества.

Материалы археологические.

Стоянка каменного века у деревни Христофоровки, Спасского кантона.

Настоящая заметка имеет целью прежде всего обратить внимание на весьма интересную, но вместе с тем мало изученную в археологическом отношении местность Спасского кантона, а также зафиксировать неизвестную в литературе стоянку каменного века.

Предлагаемая вниманию территория составляет северо-западный угол Спасского кантона и ограничивается с востока р. Ахтаем, с севера р. Мешкалой и с запада притоком Красным.

На сравнительно небольшом пространстве, кроме довольно частых находок во время полевых работ, по словам местного населения, вскрываются древние погребения, а также расбросано несколько курганов и насчитывается до трех городищ, из которых следует отметить городище у д. Христофоровки, зарегистрированное в свое время С. М. Шпилевским («Древние города и др. Болгарско-Татарские памятники в Каз. губ.» стр. 324).

Городище расположено на высоком берегу Ахтая в 2-х верстах ниже Христофоровки. Раньше городище омывалось рекой с востока, но в настоящее время Ахтай прорыл себе русло южнее городища и таким образом городище с левого берега реки переместилось на правый. Этим объясняется кажущаяся неточность у Шпилевского.

Мощный культурный слой городища обильно насыщен грубыми по технике, но разнообразно орнаментированными черепками глиняных сосудов и значительным количеством остатков костяных изделий. Так, мной при осмотре подобраны поломанный гарпун, хорошо сохранившееся шило из ребра мелкого животного и т. д. Знаменательно то обстоятельство, что ни при осмотре, ни по указаниям крестьян на территории городища не обнаружено никаких металлических изделий и остатков. Одним словом городище ждет своего подробного обследования и приходится торопиться с изучением его, т. к. весенние разливы р. Волги быстро его разрушают.

Невдалеке, на запад от указанного городища, на левом берегу р. Мешкалы, являющегося границей разлива р. Волги, приблизительно в 1½ вер. от устья р. Ахтая, после обнажения песчаного берега от леса обнаружилось, что под верхним слоем песка находится незначительный по величине (1—2 см.) пропласток культурного слоя с большим содержанием угля, глиняных черепков и кремневых осколков.

Черепки глиняной посуды весьма грубой выделки, слабо обожженные, отформованные в ручную без применения гончарного круга, из жирной, плохо перемешанной, глины с большим количеством органических включений. Встречается простейший линейный орнамент и зазубрины по окраинам сосудов.

Среди большого количества кремневых сколков находится много характерных мелких узких ножевидных пластинок (микролитов). Некоторые из пластинок на концах тщательно отретушированы и без сомнения могли играть роль наконечников стрел или игл.

Из других вещей найдены молот (вернее обломок) из кварцита с поперечной проточкой для привязи. Размеры его: длина 11 см. и ширина 8 см. Другой молот грубо околот из кремня, зазубренное острие его показывает на то, что он был в употреблении. Размеры второго кремневого молота немного менее первого. Из кремневых сколков некоторые, возможно, могли применяться в качестве скребков или для иного назначения.

По небольшому количеству найденного материала все же предоставляется возможным предположить, что в данном случае мы имеем дело со стоянкой каменного века, что должно быть принято во внимание при составлении археологической карты Т.С.С.Р.

В. Егоров.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ.

Жизнь Музея. Бюллетень Государственного Музея Изящных Искусств. Москва. Год I. № 1—Май. 1925. 8^о, стр. 32, тираж 1500 экземпляров.

Рост и укрепление музейного строительства страны, естественно вызывает к жизни «музейную» литературу. Ленинградское издание «Музей», «Казанский Музейный Вестник» и др., наконец, разбираемый орган вновь реорганизуемого и создаваемого музея в Москве—являются вполне своевременными и нужными. Кроме слов радости в появлении подобного издания и боязни за дальнейшую судьбу последнего не решаемся говорить при просмотре первого номера бюллетеня Музея Изящных Искусств. Цель издания—ознакомление посетителя музея с его задачами, научной и просветительной работой, жизнью и ростом последнего. Вступительная статья директора проф. Н. И. Романова. «Реорганизация Музея Изящных Искусств»—прослеживает страницу истории одного из столичных русских музеев, прошедшего путь от учебного показательного музея Университета 60 г. XIX в. до государственного музея РСФСР в 1924 г. Из музея слепков, ныне создается музей старой Западной живописи за счет быв. Румянцовского, коллекций Эрмитажа и др. собраний Москвы и Ленинграда. Новый состав музея: I отдел древнего востока; II—скульптуры; III—картинной галлерей; IV—гравюр и V—библиотеки и архива. Это не сухая историческая справка и не летопись музея, а живой организующий план, большого творческого дела.

Статья А. М. Эфроса—«Рост Музея» дополняет предыдущую статью и настойчиво проводит основную мысль: «только сейчас, можно еще проследить облик музея так, как надо, как мечтается нашему поколению. Сейчас можно еще дать ему индивидуальность и положить опорные камни его развитию. Подсчетом ошибок и утрат можно будет заняться на историческом досуге» (стр. 16). Подробно рассмотрев все пять отделов, оттенил пути их роста и темп. С доводами А. М. нельзя не согласиться, ибо только твердая музейная политика и может вывести наше музейное строительство на правильный путь. Не должно быть места «в отсталом патриотизме и музейном снобизме».

В другой своей статье—«Культурно-просветительная работа в музее изящных искусств», Н. И. Романов останавливает внимание на методах этой работы в музее, видя в ней громадную задачу, определяя и значение музея, как «академии в научном смысле и широкой школы красоты». В приложенной хронике находим заметку о торжественном открытии музея 10 ноября 1924 г., правила для экскурсий, перечен новых поступлений и научный состав. Этими статьями и заметками ограничивается официальная часть бюллетеня, к которому придан еще ряд небольших научных изысканий над музейными материалами.

Профессору В. К. Шилейко принадлежит работа «Печать Царя Артаксеркса» (с 3 рис.), найденная в Киммерии и приобретенная в 1924 г. у Е. П. Федорченко, датируемая автором годами царствования Артаксеркса I Долгорука (465/4—425).

Н. А. Щербакову принадлежит статья «Мраморный торс Афродиты Хвоцинского» (с 1 рис.). Торс девушки дошел во фрагменте, автор исследования эту композицию отождествляет с изваяниями Афродиты Таврической, видя в ней ближе всего эллинское искусство II века до Р. X.

М. И. Фабриканту принадлежит третья статья бюллетеня—«Легенда о Грюневальде». Он на основе труда W. Ralfs. («Die Grünewald—Legende, Kritische Beiträge zur Grünewald Forschung. Leipzig. Hiersmann 1923»), ставит проблему изучения этого мастера, в связи с астафьевским распятием, относимым к школе Грюневальда и является строками, вызывающими на дискуссию и углубление поставленного вопроса.

Из рассмотренных нами частей состоит первый номер бюллетеня, довольно хорошо иллюстрированного снимками с вновь открытых зал и частей музея. На обложке дан общий внешний вид музея.

Набор, печать и общая композиция книжечки приятная. Лишним следует признать заголовки статей на французском языке. Если надо приблизить бюллетень к коллегам, не читающим по русски,—то целесообразнее дать хотя бы небольшие извлечения из статей в конце последних, но не одни заголовки, которые мало помогут им. Будем ревниво следить за ростом нового музея Р. С. Ф. С. Р. и ждать новых его бюллетеней.

П. Корнилов.

Материалы по изучению Татарстана. Вып. II, под ред. Г. Г. Ибрагимова и Н. И. Воробьева. Посвящается пятилетию Татарской С. С. Республики. Изд. Бюро Краеведения при Академическом Центре Т. Н. К. П., Казань, 1925 г., стр. 274, тираж 2000.

Вслед за «Географическим описанием Татарской С. С. Республики», изданным в 1921 году, через четыре года появились «Материалы по изучению Татарстана». Они, как это явствует из статьи «От редакции», являются продолжением той работы, которая началась изданием 1-го выпуска «Природа Края». Уже при разборе «Географического описания» мы отмечали: «Сборник выполняет в высшей степени важную и своевременную общественную и педагогическую роль, стимулируя любовь к познанию природы родного края и вызывая пытлиую любознательность к познанию ее с таящимися в ней богатствами, что неминуемо должно способствовать организации и развитию на местах «Кружков по изучению местного края». Любящие свое дело преподаватели, пользуясь сборником, смогут более рационально поставить в школах прохождение курса краеведения (родоведения)»¹). Изданные после этого программы ГУС'а еще раз подтвердили необходимость изучения родного края в школе. Следовательно издание такого рода материалов, как рассматриваемый сборник, является настоятельной необходимостью.

«Материалы по изучению Татарстана» изданы только что организовавшимся «Бюро Краеведения» и это дает нам уверенность в том, что за вторым выпуском не замедлят появиться третий, четвертый и т. д.

Рассматриваемый сборник состоит из ряда статей по вопросам: а) историко-археологическим, б) этнографическим и в) экономо-географическим, носящим характер этюдов.

К первым относятся статьи проф. В. Ф. Смолина «Археологический очерк Татарской республики» и Г. С. Губайдуллина «Из прошлого татар». Вопросам этнографии посвящены очерки Н. И. Воробьева «Казанские татары», Н. В. Никольского «Чуваши», В. Т. Соколова «Мари» и М. Е. Евсеева «Мордва Татарской республики». Материалами по эконом. географии края являются две статьи В. М. Ермолаева «Демографический очерк Татарской республики» и «Сельское хозяйство Татарской республики». Статья проф. Смолина (стр. 5—70) распадается на главы: I Каменный век в пределах Татарской республики, II Бронзовый век, III Начало железного века, IV Камско-Волжская Болгария.

«Археологический очерк Татарской республики» является одной из лучших статей, помещенных в сборнике. Сжато, но вместе с тем и достаточно полно, освещен доболгарский период в пределах современной Татарской республики. Автором использованы имеющиеся по этому вопросу материалы и коллекции. Эта часть «Археологического очерка» достаточно полно освещает вопрос о материальной культуре нашего края VII века.

К сожалению, автор недостаточно серьезно относится к употребляемой им терминологии. Разбирая костеносные городища и соглашаясь с мнением Тальгрена об их отношении к Ананьинскому могильнику, проф. Смолин находит, что «... население городов живет бедной обывательской жизнью, находясь в полной подчиненности своим вождям и своей буржуазии (?)», за то последние живут в почете и достатке, и этот достаток несут они с собой в могилу».

В большей части очерка рассматривается Камско-Волжская Болгария. Работы автора в этой области достаточно хорошо известны всем интересующимся. Несом-

¹) «Казанский Библиофил» № 4—1923 г. стр. 193.

ненно автор прав, когда ставит вопрос об охране и дальнейшем изучении археологических памятников Камско-Волжской Болгарии. Очерк значительно выигрывает от ряда помещенных иллюстраций; существенным пробелом мы считаем отсутствие археологической карты Татарской Республики, тем более, что поместить ее было чрезвычайно легко.

Очерк Г. Губайдуллина «Из прошлого татар», (стр. 71 - 111) охватывает период времени с XII века по середину XIX-го. Автор останавливается на анализе взаимоотношений различных социальных групп татар, дает много интересного материала для рядового читателя. Вместе с тем, этот очерк является весьма ценным при использовании его для школьных целей. Все же в очерке чувствуется некоторая несоразмерность частей, напр., недостаточно полное освещение истории татар конца XVIII века. Думается, что автор не замедлит опубликовать более разработанный материал.

Этнографические очерки не равноценны.

На ряду с работами М. Е. Евсеева и Н. И. Воробьева, дающими много ценного, помещены заметка Соколова В. Т. и конспект Н. В. Никольского.

В этнографическом очерке Н. И. Воробьева использован материал, собранный во время экспедиций по Арскому кантону. Автор дает достаточно полный очерк *материальной культуры* татар.

Для полного освещения быта казанских татар необходимо разработать материал и по остальным кантонам ТССР.

Снаряжение экспедиции по изучению татар в кантонах, отошедших от Симбирской, Самарской и Уфимской губ. является крайне необходимым. О-во Археологии, Истории и Этнографии, о-во Татароведения и Академ. Центр должны принять меры к осуществлению ее. Очерк Н. Воробьева очевидно является первым в ряду таковых. В дальнейшем необходимо, чтобы и Н. Воробьев также установил большую строгость при употреблении терминов (частое употребление и, зачастую, совершенно неосновательно термина «середняк», распространяя его на городскую буржуазию).

Н. Никольский статью «Чуваши» и В. Соколов статью «Мари» очевидно писали на-спех, что несомненно чрезвычайно повредило в общем выдержанному по серьезности материала сборнику. Н. Никольский, все же достаточно владея материалом, дал бесполезный для читателя конспект статьи. «Мари» В. Соколова вряд ли могут быть полезны даже самому нетребовательному читателю. Особенно плохо обстоит дело с попытками социологического порядка, когда автор сообщает о «коммунальном» (?) браке и т. п. вещах.

«Мордва Татарской Республики» М. Евсеева читается с неослабным интересом. Автор очень живо освещает материальную и духовную культуру мордвы. Желательно увидеть в следующих выпусках «Материалов» продолжение статьи в виде очерка о каратаях.

Кроме указанных выше отдельных дефектов, необходимо отметить, что в сборнике совершенно не освещен быт кряшен, русского населения Т. Р., вотяков. В следующих выпусках этот пробел, вызванный, очевидно, тем, что сборник был срочно выпущен к 5-ти летию Татарской Республики, вероятно будет заполнен.

Статьи Ермолаева. В., опытного работника и владеющего статистическим материалом, много проигрывают от отсутствия картодиаграмм, тем более, что автор ссылается на них неоднократно. Несомненно, что эти статьи *прежде всего* смогут быть использованы в школах при прохождении курса эконом. географии С. С. С. Р., так как они будут являться отпавшим материалом при сравнительной характеристике отдельных отраслей хозяйства Союза и места в нем Татарской Республики. «Демографический очерк» и «Сельское хозяйство Татарской Республики» желательно издать отдельной брошюрой.

Переходя к сборнику в целом, необходимо отметить энергию редакции его. Историко-экономическая часть сборника, как мы это отметили выше, является лучшей частью его. Думается, что этнографический материал в последующих сборниках будет помещаться с более строгой оценкой.

Первый шаг Бюро Краеведения дает нам право думать, что начавшаяся так удачно работа развернется во всю ширь и вызовет к жизни краеведческие гнезда на местах.

Н.-Б. Векслин.

Е. Е. Лансере. *Лето в Ангоре.* Рисунки и заметки из дневника поездки в Анатолию летом 1922 г. Ленинград. 1925 г. Издательство Брокгауз-Ефрон. 8⁰, стр. 86 с рисунками. 3000 экз. Цена 2 руб.

Тип книжки-дневника,—явление забытое для нашей современной литературы, но некогда был очень распространенный. В подобных книгах еще нет твердых обоснований и детального изучения вопроса, но яркое, подчас, восприятие явлений и меткая передача последних в строках дневника делали их единственным материалом для ознакомления современников.

Настоящие заметки нашего художника-графика Евгения Евгеньевича Лансере характерны большим наблюдением, проникновением в смысл совершаемых событий, проходящих перед глазами художника, как в понараме. Заметки его ясны, коротки и отрывочны. Нет стройной большой системы, но зато много живых обликов и намеков. Одинаково трогают автора и выдающиеся деятели Ангоры, как Мустафа Кемаль-паша (его портрет приложен, как фронтиспис), Фатъма Ханум-чауш или Халиде-ханум; так и отдельные, безвестные обитатели этой дикой страны, за своими обыденными отправлениями, напр., варкой пищи, торговлей. Радостным и праздничным моментам жизни их посвящены неоднократные упоминания: их танцы, качели, прогулки, останавливают наше внимание своим местным оттенком. Много уделено внимания одежде. Природа с любопытнейшим пустынным горным пейзажем и особенно редкими архитектурными памятниками, привлекали неоднократно внимание художника. Архитектура, ее детали, убранство домов, надгробные памятники, резной камень, ткани и другие виды прикладного искусства—нашли свое отражение в книжечке—едва ли, не этому отдано большее внимание художника, как явлениям самым близким его психике. Детальные прорисовки стел (стр. 71), архитектурные наброски построек (стр. 25, 27), или обломки капителей (стр. 23)—имеют определенное историко-художественное значение. Мы так мало знаем эту страну, которая сделалась в последние годы исторической ареной большого эпизода из жизни Востока. К Ангоре и ее вдохновителю Кемаль-паше не раз устремлялся наш пытливый взор.

Беглые заметки дневника сопровождаются многочисленными (до 60) рисунками-кроками, сделанными автором по пути следования по Турции, куда он был любезно приглашен полномочным представителем Р. С. Ф. С. Р. при Большом Национальном Собрании Турции С. И. Араловым. Сами рисунки снабжены частью надписями о тех или иных деталях, остановивших внимание художника, так, напр., на стр. 9 зарисованы в Самсуне местный тип лодки и даны способы гребли на них; на стр. 21, при изображении одежды, он делает пометки о способе их ношения и окраски покроя; на стр. 75—останавливается на конских, выбчных седлах с их разновидностями и т. д. Все эти разбросанные детали и заметки, описанные художником в тексте и зарисованные в беглых кроках—делают эту небольшую книжечку занимательной и интересной этнографу востоковеду; в ней найдет много интересного для себя и историк искусств. Не надо забывать, что этот изобразительный материал есть всего лишь повторение живого, существующего быта, искусства или куска природы страны. Это тем ценнее, что эта поездка совершена в наши дни, когда эта страна начинает свои новые, смелые шаги в истории.

«О ты, Ангора, знаменитая отныне в истории!» такими словами в турецком начертании оканчивается разбираемая книжечка.

Переходя к внешности книги, которая придана ей умелой рукой книжника—полиграфа, необходимо остановиться на выдержанной обложке. Здесь русские черные надписи, турецкий перевод их и виньетки прекрасно скомпонованы, слиты единственным стилем и объединены двойной желтой рамкой, придавшей книжке особое своеобразие и

подлинно восточный оттенок. Четвертая страница обложки несет на себе приведенное выше изречение, скомпанованное в фигурную виньетку. Хороший набор уснащен в тексте рисунками (штриховые клише). Надписи к ним даны рукой художника, они придали книге налет наброскового, путевого альбома. В конце книги приложена небольшая статья «К истории современной Турции». Краткие сведения о политических и военных событиях в 1918—1922 годах, хотя автор и в строках дневника не проходил мимо этих явлений. На стр. 78 приложены кроки карты Малой Азии. Столь продуманное и прекрасно разрешенное издание хочется рекомендовать всем, кому близки затронутые книгой темы.

П. Корнилов.

II. Корнилов.

А. Н. Свирин. Корбуха. Комиссия по охране памятников искусства и старины, 6, Тр.-Сергиевой Лавры (г. Сергиев-Посад). 1925. 8°, 24 стр. с 4 рис. на отдельных таблицах. 500 экземпляров.

Небольшая, просто изданная книжечка местного работника А. Н. Свирина составила из доклада, прочитанного им в Москве в О-ве изучения Старой Москвы, а затем повторенного в Ленинграде в Бытовом отделе Русского Музея. Предметом работы послужил загородный дом б. Троице-Сергиевой Лавры, второй половины XVIII в.—«Корбуха» (наход. в 2½ верстах от Лавры), который исчез с лица земли еще во второй половине прошлого столетия. Сохранились лишь развалины въездных ворот на «дальнюю Корбуху», заросшие аллеи и редкие находки изразцов и др. поделочных материалов от бывших строений.

Единственным материалом для подобного исследования автора являются: письменные источники, печатные художественные материалы—на основе их и воссоздается облик бывшей усадьбы.

Своему очерку автор предпосылает небольшое вступление о садах и парках, как далекого прошлого, так и более близкого к нам XVIII в.—эпохи расцвета паркового искусства. Напоминает нам и редкие памятники последнего на нашей русской почве: Москву с подмосковными, Ярославль, Ростов и, конечно, «Петербург», давая выдержки из трудов В. Я. Курбатова и И. Я. Забелина.

Архивный материал Лавры о «Корбухе» начинается с 60-х г.г. XVIII в., хотя беглые указания имеются и раньше. Кроме архивных материалов привлечены автором ряд воспоминаний, а также художественный материал в виде альбома 1745 г. с акварелями: планом «Корбуха», перспективного вида и конного двора (?). Полного и яркого понятия об этом памятнике архивные листы не могут дать, но некоторые, подчас, очень характерные детали позволяют судить о многом. Во всяком случае, листы дел, некоторые печатные материалы мемуарного характера и счастливо найденные планы позволили автору в общих чертах нарисовать облик куска быта XVIII в., притом монастырского и своеобразного, что так мало изучено и забыто и тем самым спасти от окончательного забвения эту маленькую страничку прошлой русской культуры.

Наше нерадение, рутина и забытие погубили этот памятник, от него осталось немного: въездные ворота, запечатленные в книжечке в линогравюре Вл. И. Соколова и кой какие догадки о планировке сада. Дополняют эту книжечку реконструкция парка, произведенная (конечно только на бумаге) архитектором Д. П. Суховым на основе указанного небольшого материала и переданного в прекрасной гравюре В. А. Фаворского. Нужно оговориться, что всякая реконструкция уже не документ и факт, а тем более при настоящем вопросе, где на лицо столь скудные материалы, но все же следует подобную попытку считать небесполезной и во всяком случае не лишней в настоящем очерке.

Краеведческая литература Комиссии по охране б. Тр.-Сергиевой Лавры нам знакома по ранее выпущенным трудам, она сумела остаться верной своему материалу и исследовательскому плану и на этот раз, лишь углубив вопрос в иной области. Пожелаем дальнейших успехов на издательском поприще.

И. Корнилов

И. Горнилов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Проф. Н. Н. Фирсов.—К пятилетию Татарской Республики	3
Проф. Н. Н. Фирсов.—Русская революция и Ленин	6
Р. Р. Фасмер.—О монетах Волжских Болгар X века	29
С. Г. Вахидов.—Исследование ярлыка Сигиб-Гирей-Хана	61
Н. Ф. Калинин.—О русском крестьянском зодчестве	93
Е. И. Чернышев.—Восточная печать в эпоху реакции XX века. .	105
Проф. В. Ф. Смолин.—Болгарский город Брахимов	131
Проф. Д. П. Шестаков —Научная деятельность Э. Р. Штерна . .	146

Материалы археологические.

В. Егеров.—Стоянка каменного века у д. Христофоровки, Спасск. кант	153
--	-----

Библиография.

П. Корнилов.—Жизнь музея	154
Н.-Б. Векслин.—Материалы по изучению Татарстана	155
П. Корнилов.—Е. Е. Лансере. Лето в Ангоре	155
П. Корнилов.—А. Н. Свирин. Корбуха	156

Замеченные опечатки

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует читать.
105	17 св.	материал	материал,
"	21 св.	войны	войной
"	7 сн.	Кизанской	Казанской
"	13 сн.	полном	полном
106	5 св.	типографии	типографий
"	12 св.	листов	листа
107	13 св.	ниже	особо.
109	2 св.	распространилась	распространялась
"	21 св.	титарской	татарской
110	13 св.	об'единений.	об'единений?
113	5 сн.	центр печати	центр русской печати
"	16 сн.	4 —	4)
"	19 сн.	1924-го	1914-го
114	1 сн.	190 г.	1910 г.
"	3 сн.	обязательство	обстоятельство
115	12 сн.	обще культурным	обще—культурным
116	9 св.	qtasi —	qtasi —
116	21 св.	вопросы	вопросы,
117	13 сн.	Россию	Россию.
118	20 св.	ханженством".	ханженством". 2)
"	24 св.	Оренбург и „почтение	Оренбург; и „Почтение
120	4 св.	какнибудь	как—нибудь
"	11 св.	„злодеев“	„злодеев“:
122	1 сн.	см.	См.
"	18 св.	находим	находится
"	21 св.	правительство—	правительство,
123	7 св.	Доходов,	Доходов с
"	12 св.	рублей	; рублей—
"	11 сн.	тиране	тираны
124	13 св.	выражения	выражения:
"	16 св.	Александр III	„Александр III
"	18 св.	русских	русских
125	8 св.	но	на
"	13 сн.	низвержение	низвержению
126	13 св.	воинами	воинами:
128	18 св.	вешать	вешать.
94	1 св.	Милютина	Малютина
"	3 сн.	известную мне.	известную мне. Составлено
95	1 сн.	Лука Конащевича	осенью 1924 года.
"	11 сн.	Средне—Волжский	Луку Конащевича
100	16 св.	с высоким под'изб'ем в 3 окна	Средне—Волжский.
103	22 св.	А. Н. Боголюбова	без под'изб'я в 2—1 окно.
"	23 сн.	О. Васильева.	А. П. Боголюбова
			Ф. Васильева.

Опечатки.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Следует:
7	13	земледельцев	землевладельцев
15	11 снизу	он	—
16	10 сверху	февральской и ок- тябрьской	февральский и октябрьский
17	1 сверху	постановленной	поставленной
19	16 сверху	любозначитель- ности.	любознательно- сти.
25	10 сверху	генеральный	гениальный
26	4 снизу	жизью	жизнью
27	10 снизу	ученным.	ученым.

K. P. 212

Том XXXIII, вып. 2-3.

Материалы исторические.

Историческая записка о Камчатке
—сообщ. Н. Н. Фирсов., 175-187.

Библиография:

Поппе, Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков—Н. В. Никольский) 188

Труды. О-ва исследов. Рязанского края. Вып. V.—В. Ф. Смоленск. 189.

Труды. Пензен. О-ва Любителей.
Естествознан. и Краеведен. Вып. VII.
—В. Ф. Смолин. . . . . 190.

Азодовский М. и Слободский М. Декабристы в Сибири. (библиограф. матер.)—В. Ф. Смоленн. 192

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Печатается по постановлению Совета Общества под редакцией председателя О-ва проф. Н. Н. Фирсова и секретаря О-ва Н. И. Воробьева.

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

при Казанском Государственном Университете
имени В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА.

Том XXXIII, вып. 2-3.

СОДЕРЖАНИЕ.

Адрес от Общества к юбилею
Н. И. Лобачевского.

В. В. Егоров. Н. И. Лобачев-
ский как строитель . . . стр. I-XX.

А. П. Щапов. Неизданные со-
чинения. С предисловием Е. И. Чер-
нышева 1-58

Н. И. Воробьев. Материалы
по быту русского старожильчес-
кого населения Восточной Сибири.
Население Причунского края. (Ени-
сейской губ.) . . . . . 59-112.

В. Ф. Смолин. Раскопки „Шо-
лома“, в селе Бальмерах, Спасского
кантона ТССР в 1925 г. . 113-130.

П. Е. Корнилов. Казанский
художник А. Н. Ракович. . 131-148.

М. А. Васильев, А. А. Нау-
мова в общественных мотивах ее
творчества. . . . . 149-147.

Материалы исторические.

Историческая записка о Камчатке
—сообщ. Н. Н. Фирсов. . 175-187.

Библиография:

Поппе. Н. Н. О родственных
отношениях чувашского и тюрко-
татарских языков—Н. Р. Николь-
ский . . . . . 188.

Труды. О-ва исследов. Рязан-
ского края. Вып. V.—В. Ф. Смо-
лин . . . . . 189.

Труды. Пензен. О-ва Любителей
Естествознан. и Краеведен. Вып. VII.
—В. Ф. Смолин. . . . . 190.

Азадовский М. и Слобод-
ский М. Декабристы в Сибири.
(библиограф. матер.)—В. Ф. Смо-
лин. . . . . 192.

КАЗАНЬ.
1926.

951

1957

1962 г.

1965 г.

Отпечатано в типографии «ВОСТОК»
Изд. «ГАЖУР», Казань, Казанская 4,
в количестве 500 экземпляров.
Таттглавлит № 268.
Заказ № 882.

1945г.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

Г. Инв.

412

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЕЗСМЕРТНОЙ ПАМЯТИ
Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО.

В. Щегольков.

Н. И. Лобачевский.

ИЗДАНИЕ
НА
РАБОТЫ

Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете, имени великого строителя новой социальной жизни **В. И. Ульянова-Ленина**, с восторгом присоединяется к мировому хору чествования памяти великого строителя новой всеобъемлющей математической науки, открывшей познанию широчайшие горизонты.

Ученые специалисты-математики воздают должное оригинальнейшему из мыслителей, несравненному геометру, заслуги которого, кстати сказать, **впервые** были оценены по достоинству в нашем же Университете одним из замечательных его профессоров—профессором прикладной математики **П. И. Котельниковым**.

Но мы, члены Общества Археологии, Истории и Этнографии, как специалисты социальных наук-обществоведения и краеведения, с особым чувством вспоминаем в Лобачевском и великого общественного деятеля, много поработавшего для организации и усовершенствования Казанского университета и для просвещения более широких кругов населения, чем тогдашняя (30-х—40-х годов XIX в.) университетская аудитория, ибо в качестве ректора он явился строителем Университета, построив целый ряд его зданий (обсерватории, библиотеки, анатомического института, физического кабинета и клиники), в качестве библиотекаря он стремился опускать в университетскую библиотеку, равно как и другие научные учреждения и кабинеты Университета, постороннюю публику. А это позднее уже связывало чистую науку не только с „чистой“ публикой, но вообще с жизнью, разумеется,—преимущественно трудящихся. Эта сторона деятельности гениального геометра позволяет нам благодарно вспоминать о нем, как вообще о большом, жизненно пронизательном, потревшем далеко вперед, человеке, положившем начало серьезного строительства культуры в нашем крае и уравнительного пользования ее плодами.

Председатель Общества Археологии, Истории и Этнографии
проф. **Н. Н. Фирсов**.

Секретарь **Н. Воробьев**.

Члены Совета: { **Е. Чернышев**
В. Дитякин
В. Смолин
С. Шестаков
В. Егоров
М. Корбут.

Н. И. Лобачевский как строитель.

25-го февраля 1926 года исполнилось ровно сто лет, как в этот день знаменитый математик Н. И. Лобачевский в стенах Казанского Университета впервые перед своими учеными коллегами изложил основы открытых им новых начал геометрии. Опередив своих современников на несколько десятилетий, непонятый при жизни, Лобачевский только после своей смерти получил должную оценку и имя его стало известно всему ученому миру. С тех пор гениальная личность великого математика приковывает к себе неослабное внимание исследователей, которые стремятся разгадать тайны его великого ума и выяснить условия, в которых рождались его выдающиеся идеи.

Разносторонняя и кипучая деятельность Лобачевского еще не получила полного освещения. Правда, мы имеем более или менее полное понятие о Лобачевском, как о гениальном ученом и выдающемся педагоге, хорошо представляем его, как незаурядного администратора и неутомимого деятеля Казанского Экономического Общества, знаем, что Лобачевский был прекрасной души человеком и крупным философом-мыслителем, но остальные стороны его жизни нам почти неизвестны. Так до сих пор мало уделено внимания Лобачевскому как строителю, между тем Лобачевским было потрачено свыше 20 лет непрерывного труда по возведению университетских строений; благодаря его заботам и поразительной энергии создан исключительный по целостности и красоте ансамбль университетского городка. Настоящий краткий очерк и посвящен строительной деятельности Лобачевского.

Мы не будем входить ни в разбор истории возникновения построек, ни в подробности производства работ, отсылая интересующихся к капитальному труду проф. Н. П. Загоскина ¹⁾, а остановимся исключительно на тех строительных начинаниях, которые происходили или по инициативе самого Лобачевского, или же в которых он принимал непосредственное участие и оказывал на ход дела то или иное влияние. Одним

¹⁾ Н. Загоскин. История Казанского Университета.

словом, будем рассматривать только те материалы, которые позволяют хотя бы отчасти осветить Лобачевского в строительной обстановке.

К большому сожалению, дела строительного комитета погибли в пожаре 1842 года¹⁾, поэтому приходится пользоваться лишь скудными архивными остатками, в виде сухих официальных документов, но все же и по этим остаткам можно твердо установить, что Лобачевский в действиях строительного комитета принимал самое живое и близкое участие, о чем единодушно свидетельствуют в своих воспоминаниях все его современники. Кроме этого, доказательством тому служит то обстоятельство, что через весь длительный период работ комитета красной нитью проходит единство мысли и устойчивое своеобразное направление деятельности Комитета, а это может иметь место только в том случае, когда работой руководит или вдохновителем является одно и то же лицо. Смело можно утверждать, что таким лицом мог быть и на самом деле был только Н. И. Лобачевский, т. к. при многих переменах состава строительного комитета он оставался единственным несменяемым работником комитета за все время его существования.

Трудно себе представить деятельность комитета без Лобачевского и нельзя предположить во что-бы вылилось университетское строительство без твердости и настойчивости Лобачевского; участие его было более чем необходимо и это сознавалось всеми. Даже грозный попечитель учебного округа Магницкий, кстати сказать не особенно благоволивший к Лобачевскому, как это явствует из переписки, находил пребывание Лобачевского в комитете весьма ценным. Так на представлении Правления Университета от 10 августа 1822 года о неудобстве совмещения Лобачевским обязанностей члена строительного комитета с званием декана физико-математических наук, Магницкий кладет резолюцию: „Я полагаю, что профессор Лобачевский весьма полезен может быть в строительном комитете и я бы желал, чтобы он остался навсегда членом одного“²⁾. Желание попечителя было исполнено — Лобачевский с небольшими перерывами находился в комитете до закрытия его в 1848 году.

13-го марта 1822 года для руководства работами по постройке главного университетского здания и отстройке Кастелиевского и Спичарного домов был образован строительный комитет в составе председателя ректора Никольского и членов профес-

1) Архив Казан. Унив. Попеч. 1827 г. № 176, том. IV.

2) Архив Казан. Унив. Попеч. 1820 г. 145.

соров Лобачевского и Тимьянского, последний через год был заменен ад'юнктом Васильевым. При комитете состояли лучший из казанских зодчих прошлого столетия архитектор Пятницкий, по проекту которого возводились сооружения, и комиссионер по закупке материалов. С указанного момента начинается непрерывная и изобилующая знаменательными выступлениями строительная деятельность Лобачевского.

Отчет о действиях строительного комитета за первый год его работы составлен лично Лобачевским. В своем отчете Лобачевский говорит, что „успехи строительного дела зависят от больших сбережений,¹⁾“ и этими словами он дает основное направление деятельности комитета, которая должна сводиться, главным образом, к получению возможно большей экономии в расходовании отпущенных средств. Положение усугублялось еще тем обстоятельством, что за счет строительной сметы попечителем предписано было содержать комиссионера, сделать церковный иконостас и произвести другие не вошедшие и пропущенные в смете работы, а также была взята крупная сумма на хозяйственные надобности, т. е. комитету предстояло разрешить довольно трудную задачу: из ассигнованных на постройку 200830 рубл. с'экономить 75000 рублей.

В эпоху деятельности Лобачевского имелось одно мнение на этот предмет, один чисто обывательский подход, расчет скупого хозяина—во что бы то ни стало, хотя бы в ущерб прочности здания, но было бы дешево, а этого можно достигнуть путем аккордной сдачи производства работ подрядчику, который уже сумеет где-нибудь сэкономить. Но Лобачевский держится совсем иного взгляда и здесь же в отчете указывает на другой примененный им рецепт получения экономии. Прежде всего он стоит за покупку материалов без посредничества подрядчиков, потом он отрицает огульную сдачу работ, а для получения возможной экономии Лобачевский, как математик, стремится к детальному анализу отдельных элементов работ. Необходимо было „сделать расчеты—говорит он—для определения цены материалам или работам, с тем, чтобы каждый материал и каждую работу можно было преследовать в строении во всех раздроблениях, придти наконец к расходу на каждый предмет особо и таким образом, разделив все издержки на части, сличить с назначенными в смете по статьям. В этом расчете взяты были уже за основание: существующие цены в сем году на материалы и плата за работу, принято

¹⁾ Отчет Строительного Комитета за 1821 и 1822 г. г. разделенный на две части до открытия и после открытия К-та, составленный членом оного Лобачевским.

в рассуждение различие в самых материалах и по сему различию распределена на них цена на каждый.“¹⁾ Из приведенного места отчета мы видим, что Лобачевский в стремлении получения большей экономии совершенно разумно боится, что бы эта экономия не отразилась на состоянии самого здания родного ему Университета и возможность получения сбережений ищет в рациональном подходе к делу.

Вскоре же обнаружилось полное расхождение взглядов Лобачевского, а вместе с тем и комитета, с обывательскими воззрениями его начальства в лице попечителя округа Магницкого. Лица близко стоящие к комитету, а через них и сам Магницкий, скоро увидели непонятные и загадочные действия университетских строителей. Дабы полнее проконтролировать деятельность комитета попечителем была взята справка о производстве работ в местной Адмиралтейской конторе. Сопоставление цен на работы в конторе с ценами на постройке Университета произвели полную панику в кругах высшего университетского начальства. Причина паники действительно была весьма существенная. Если сделаем сравнение цен конторы и строительного комитета, то такое сравнение будет далеко не в пользу последнего. Так кирпич в конторе обходился по 12 р. 32 к. за тысячу, в Университете кирпич покупался по 21 р. 80 к. за тысячу; известь контора заготавливала по 63 руб. за куб. саж., здесь же поставлялась по 73 р. 50 к.; по более высокой цене нежели в конторе приобретался и бутовый камень; большая разница получилась в плате за кирпичную кладку, которая в конторе равнялась 5. р. 25 к. а в строительном комитете подрядчику платили по 8 руб. 65 коп. за положенную тысячу. Выходило, что вместо ожидаемой экономии комитет делал большие переплаты за материалы и работы.

В Правление Университета посыпались строгие предписания попечителя с требованием немедленного представления объяснения беззакониям, чинимым строительным комитетом. Объяснять поступки комитета это значит взять на себя неблагодарную задачу, поэтому лучше предоставим самому комитету оправдаться в своих странных действиях, выбирая самое яркое из его обширного отношения, посланного попечителю 14 августа 1823 года, в котором комитет подробно отвечает на запрос попечителя.

Относительно заготовки кирпича комитет пишет, что адмиралтейской конторой „кирпича заготавливаемо не было, а делается

¹⁾ Отчет Строительного Комитета за 1821 и 1822 годы, разделенный на две части, до открытия и после открытия К-та, составленный членом оного профессором Лобачевским.

онный казенными служителями в нанятых конторю по близости Адмиралтейства, Успенского Зилантьева монастыря сараях, обыкновенного виду и размеру“. Что же касается стоимости кирпича, заготовляемого комитетом, то „последняя выпрошенная цена—говорит комитет—должна бы быть ниже, но Правление не имело уже средств понизить ее, не отступая от требований архитектора, который в представленных кондициях на сию поставку, требовал именно: кирпич первых двух видов (т. е. полужелезного и красного), а из третьего вида бурого только хорошо прожженный, не уступающий добротой первым двум видам, . . . да и кирпич в сем году купленный большею частью был так крупен, что его становилось в погонную сажень друг на друга по 24 и 25-ти кирпичей, вместо указных 32-х кирпичей, выгадывалось следовательно на сажень по 7 и 8 кирпичей, в стопе же, заключающей 200 кирпичей выгадывается против указной величины кирпича по 80 и 70 кирпичей: . . . у 100000 по 40000 и 35000 кирпичей, кроме еще бережений в цене против сметного счисления“.

Строительный комитет также не видит что-либо особенного и в заготовке извести, т. к. в Адмиралтействе доставлялась известь печищинская, в Университет же известь возилась из Ключищ, потому что в кондициях,—как объясняет комитет,—на поставку извести требовалось, чтобы „известь должна быть лучшей доброты, из которой бы по роспуске выходило до двух куб. сажень, или две из одной, коих здесь в Казани есть три: 1) Печищинская, 2) Ключищинская и 3) Шеланговская. Из оных третья по доброте предпочитается второй, а сия первой и как известно, что из шеланговской кипелки одной куб. сажени по роспуске выходит две куб. сажени, из ключищинской $1\frac{2}{3}$ или $1\frac{3}{4}$, а из печищинской только $1\frac{1}{2}$ и что ключищинская, судя по колеру, должна быть добротнее тем, что она белосиневатая, а печищинская более желтая. Кроме того архитектор 22 декабря 1821 года представил пробу ключищинской кипелки, которая будучи распущена сделалась в объеме в $2\frac{1}{2}$ раза более. Все прописанные обстоятельства заставили купить для строения извести ключищенскую“. . . . Сравнивая далее ключищинскую известь с известью из Печищ, заготовленную для своих построек адмиралтейством, комитет приводит расчет, „что на все строение (адмиралтейской конторы) понадобится до 13 куб. саж. извести распущенной ключищенской, вместо купленных 25 куб. саж. кипелки печищинской и что следовательно, принимая цену кубической сажени извести печищинской, т. е. 63 рубля за нормальную известь, ключищинская кипелка, давая по погашении прибыли сажень на сажень, должна бы стоить около 126 рублей“.

Таким же образом строительный комитет приводит доводы в объяснение разницы и в цене на бутовый камень. „Относительно поставки бутового камня—поясняет комитет—по сравнению цены, адмиралтейской конторою заплаченной за куб. сажень бута, ничего нельзя сказать о цене, плаченной за бут правлением, ибо как самый бут, так и расстояние, с какого он доставляем был в оба места—различны. Правление покупало царицынский бутовый камень, а адмиралтейская контора печищинский. Под легкия здания у последней камень печищинский мог идти в дело; под университетское тяжелое и большое строение употреблять его нельзя было, потому что сей камень мягче, нежели царицынский: причина по которой назначен был к покупке бутовой камень царицынский; следовательно Правление должно было заготавливать для своих строений камень бутовый из Царицына, а не другой какой . . . .“

Не отрицая большую разницу в плате за кирпичную кладку в адмиралтейской конторе и в Университете, строительный комитет находит, что „хотя различие сих двух цен ощутительно, но не меньше того ощутительно различие обстоятельств кирпичной кладки в ведомстве адмиралтейской конторы и в ведомстве Правления. Ибо: 1) в ведомстве первой строились новые строения сами по себе; в ведомстве последней предложено связать два отдельных больших дома, 2) Там предположено возвести строение вышиною от пола или обреза 4 аршина и 2 вершк., здесь предложено возвести стены: в части, соединяющей главный университетский дом с Тенишевским в 6 саж., боковые стены церкви поднять на высоту 8 саж., 3) в ведомстве конторы предположено возвести в сем году для хранения материалов магазины . . . . строения самые простые, черновые, но с чистою отделкою с наблюдением только прочности его; в ведомстве правления возводится важное здание, в котором вековая прочность должна быть соединена с изящным вкусом и красотою; а посему 4) в первом месте, по не имению при конторе архитектора, самая работа должна быть легче, ибо она проще; здесь же . . . подрядчик не должен отступать от данных архитектором скоб и шаблонов и от его показаний; очевидно, что здесь работу должно производить тише и с большею осмотрительностью и искусством, нежели там. 5) В первом месте возводимое здание по назначению своему предполагает больше сплошной кладки, нежели прерываемой. Здесь кладка прерывается частыми окнами, дверями, печными проемами и трубами“ . . . . В таком же роде идет объяснение и дальше.

Если внимательно разобраться в приведенных объяснениях строительного комитета, то легко заметить, что во всех дей-

ствиях его все время сквозит подход к делу, указанный Лобачевским, каждый поступок, каждый шаг комитета во всех его работах и суждениях насыщен „рационализмом“ Лобачевского. Доводы комитета нельзя не согласится звучат вполне обоснованно и убедительно; сравнение действий комитета и адмиралтейской конторы, которое Магницкий клал в основу своих суждений, безусловно не приложимы в данном случае.

Но не надо забывать, что описываемое происходило сто лет тому назад и, что теперь кажется вполне понятным, в то время вызывало полное недоумение. В век казнокрадства и личной наживы причину непонятного искали именно с этой стороны. Магницкий—как типичный представитель своего времени—пошел по старому испытанному пути. Без всякого основания, не смотря на энергичную защиту добрейшего ректора Университета Никольского, обвинил в хищениях архитектора Пятницкого и комиссионера, которые принуждены были оставить службу в строительном комитете. В конце 1823 года в комитет входят ставленники Магницкого, председателем—инспектор студентов Вишневский и членом—фаворит попечителя Калашников. В угоду попечителя, освидетельствовав строения Университета, они с большим трудом находят самые несущественные, неизбежные при всякой большой постройке упущения старого комитета, за что получают от попечителя особую благодарность.

Так печально кончились попытки строительного комитета первого состава, вдохновителем которого был Лобачевский, ввести новое в строительное дело. Казалось бы, что после такого урока всяким новшествам был положен конец, но не таков был Лобачевский, для которого доводы разума были сильнее и убедительнее начальнического гнева.

Оставаясь членом комитета, оскорбленный за провал своих начинаний, Лобачевский открыл поход против новых своих сотоварищей по комитету, угодливых приказаниям начальства. В перипетиях борьбы Вишневский вынужден был отказаться от председательствования в комитете и в феврале 1825 года Лобачевский, как старший в комитете, становится председателем последнего.

В числе первых работ, с которыми пришлось столкнуться Лобачевскому в качестве председателя комитета, была сдача с торгов производства каменных работ, претендентами на каковые явились четверо нижегородских подрядчиков и один из Владимирской губернии крестьянин Родионов. Последний предложил наиболее выгодные условия, но запуганное Правление не решилось самостоятельно утвердить результаты

торгов, а направило на усмотрение попечителя, который умышленно медлил утверждением. Поэтому поводу Лобачевский лично подает записку исправляющему должность директора Вишневскому¹⁾.

Возмущаясь нерешительностью и бюрократизмом Правления, Лобачевский не удомевает в своей записке, для какой собственно надобности Правление препроводило попечителю утверждение торгов, „сделав исключение в сем случае от правил, которым оно следовало до сих пор“. Далее, Лобачевский указывает на всю вредность такой волокиты, так например, „утверждение цен на печные работы в нынешнем году последовало назад тому около двух недель, т.-е. полгода спустя после торгов в комитете.“ В заключение Лобачевский не без иронии говорит: „В надежде, что Вы к благонамеренности Вашей присоединяете правила, которые изволят Вам предпринимать все, что клонится к пользе вверенного Вам обширного хозяйства нашего заведения, ожидаю, что обратите должное внимание, на те обстоятельства, о которых здесь Вам доношу. Нужным считаю также Вас уведомить, что я не в одном только этом случае встретил препятствие в самом приступе к тем делам, в управлении ходом которых привелось мне, наконец, более других участвовать. Может быть Ваше посредство в состоянии отклонить подобные препятствия, если они, против всякой вероятности, стекаются не случайно“. Последние слова Лобачевского вскрывают всю ту нездоровую атмосферу, которая в то время царила в Университете и в которой приходилось ему вести работу.

Наконец, попечитель ответил предписанием, чтобы перед окончательным решением сдачи каменных работ были запрошены соображения члена строительного комитета Калашникова. Получив такой неожиданный ответ, Лобачевский подает правлению Университета свое „мнение вообще о подрядах на каменную работу в Казани и о выгоде подряда с Родионовым.“²⁾ Представленное мнение Лобачевского является настолько любопытным и оригинальным своим содержанием, вместе с тем так ясно рисует облик великого ученого, что необходимо это мнение привести почти целиком.

В начале своего мнения Лобачевский не преминул отметить мелочность поступка Магницкого и угодливую покорность Правления самодурству попечителя, которым суждение о подрядах „возлагается с особенным доверием на одного из членов

1) Архив Казан. Университ. Попеч. 1820 г. № 145.

2) Архив Каз. Унив. Попеч. 1820 г. № 145.

комитета Калашникова. Зная наперед—говорит Лобачевский—что Правление не упустит в точности исполнить приказание начальства, мнение мое, если позволено мне надеяться, что не будет лишнее“... После такого вступления Лобачевский делает анализ изменения цен на строительные работы. „Цены на произведение или на работы—пишет Лобачевский—как скоро раз поднялись, то спускаются только постепенно, хотя бы уже причина возвышения была уничтожена. Дороговизна на строевые материалы и работы стояла на крайней степени в первый год по разорении Москвы; потом она сбывает медленно и ежегодно. Когда сойдет на нисшую степень не известно, но вероятно это еще не последует даже и в нынешнем году. Может быть приведенная мною причина покажется с первого раза невероятной, но я прошу обратить внимание на то, что всегда существует усилие в народе поднимать на все цены, следовательно раз случайно поднятыя оно должно и поддерживать. Я слышу от здешних жителей, что три года уже после разорения Москвы цена кирпича в Казани была 27 р. тысяча, в 1823 году 23, а нынешней весной 16 р. 50 к. Таким образом, толкую я, почему от строительного комитета платится год от году менее за работы и материалы“.

Далее Лобачевский полагает, что есть возможность удерживать дешевые цены путем привлечения в Казань лучших по квалификации каменщиков. „Рабочие люди—продолжает он—выходят из окружностей Москвы, Владимира, Ярославля, Костромы и некоторых уездов Нижегородских областей бедных землею, где жители не могут промышлять одним хлебопашеством. В Казань и соседственные с ней города приходят каменщики из Нижегородской губ., а в столицы из Владимира. Дороговизна жизненных припасов в Москве и Петербурге, расчетливость тамошних жителей, лучшие их познания в строении, заставило рабочих усовершенствовать свое ремесло, к трудам и привычке присоединить более умения в своем деле, нежели сколько требуется в отдаленных городах от столиц, где хозяева не столько разборчивы в строении своих домов. Нижегородские каменщики водят с собой мальчиков, которые помогают им несколько в работах, но в этом-то и заключается одна из причин непрочной кладки нижегородов, не говоря уже о том, что они в облегчение свое изобрели особенный род вязки перемычек и сводов, который не думаю, чтоб допустили в столице. Из Владимирской губ. на работы ходят только взрослые, все знающие хорошо свое дело и научились соединять поспешность с прочностью, чтобы быть в состоянии до-

ставать деньги при дороговизне хлеба и поддерживать о себе добрую молву. Разделение рабочих на две части, т.-е. одна, которая идет в столицы, другая в южные и восточные страны России, разделение это как скоро произошло раз, продолжается и до сих пор. Промысел рабочих в столицах мог сделаться для них выгодным только усовершенствованием самых работ напротив неопытность и нерасчетливость наша позволяла всегда другой половине рабочих брать те же деньги, потому что цены в столицах и городах одинаковы, за небрежную работу не смотря на дешевый наш хлеб и на то, что наши изобильные страны произведением земли представляют промышленникам еще другой способ приобретать деньги-торгом. Нижегородцы пользовались сами выгодами нашего края, побираясь в нем мелочными работами и строя церкви. Не более трех лет, как Владимирцы начинают приходить в Казань и то небольшими артелями. Наш Университет один мог бы уже поддержать сих выгодных и лучших работников против другой половины, а чрез то навсегда понизить цены в Казани и ввести лучший способ строить из камня. Недавно архитектор Пятницкий при случае говорил нам, что новые стены, которые будут класть Владимирцы, если бы то потребовалось, можно уже штукатурить в первый год, между тем работа Нижегородцев требует необходимо году, чтобы штукатурка на ней могла держаться“.

Итак, Лобачевский—не взирая на неудачи в недавнем прошлом—опять выступает с необычными для всех предложениями. В приведенном „мнении“ Лобачевского мы узнаем все начальные действия первого комитета, поэтому эта записка Лобачевского является ценным документом, дающим неоспоримое доказательство тому, что во всех новых начинаниях комитета инициатива исходила от Лобачевского. С другой стороны мы видим, что пытливый ум Лобачевского, в соединении с привычным анализом математика, ищет новых путей для успешного разрешения дела и экономические розыскания его приводят к оригинальным и неожиданным выводам.

В 1827 году Лобачевский вследствие избрания его ректором Университета, вышел из состава строительного комитета, но как только были вновь отпущены средства на продолжение университетского строительства, то сейчас же, а именно 13-го марта 1833 года во главе с Лобачевским образуется новый комитет, членами в который вошли проф. Никольский и известный архитектор Коринфский. На этот раз строились обсерватория, библиотека, анатомический театр, химическая лаборатория и физический кабинет, оранжереи ботанического

сада, загадочная до сих еще пор по своей неизвестности решетка, соединяющая анатомический театр с библиотекой и лабораторией, а также и другие университетские постройки.

В начале, из-за отсутствия в городе членов комитета, Лобачевскому пришлось одному вести подготовку к строительным работам. В это время знаменательным является ответ Лобачевского попечителю Мусину-Пушкину на неоднократные предложения последнего ускорить об'явление торгов на сдачу работ. Лобачевский, обладая уже солидным строительным опытом, сообщает попечителю, что он умышленно не приступает к исполнению его предписаний, т. к. торги могут быть об'явлены только на выполнение работ, „между тем—об'ясняет Лобачевский—к постройкам надобно приступить с заготовлением материалов, в поставке которых необходимо нужно иметь дело с теми людьми, которые постоянно такую промышленность в Казани занимают. Поэтому полагал бы я с своей стороны более скрывать, что в Университете назначается приступить к постройкам с весною будущего года; а закупку кирпича, как главного материала, начать теперь же и в два раза до зимы закупить сто тысяч: потом подрядив еще сто тысяч в начале зимы, пред'явить торги в декабре и в январе месяцах на каменную кладку; наконец с окончанием торгов купить в феврале месяце еще двести тысяч кирпича. Если же торги на постройку и поставку материалов открыть теперь же, то я уверен, что цена на кирпич от 21 руб. тысячу, как теперь продается, вдруг возвысится до 25 рубл: даже нельзя будет найти в сараях все нужное количество, которое обстоятельство может подать повод промышленникам согласиться между собою на монополию. Бут можно выгодно и в достаточном количестве закупить зимою хозяйственным образом, без пред'явления торгов, у крестьян. По должности, которую я отправлял и прежде с званием председателя в строительном комитете, мне известно, что подрядчики на каменную работу приезжают зимою узнавать, какие постройки могут быть в наступающее лето, следовательно и пред'явление торгов на каменную кладку нахожу гораздо выгоднее сделать с наступлением зимы...¹⁾. В цитируемых словах Лобачевского слышится полная уверенность и опыт, знание местного строительного рынка и местных условий производства работ.

Не менее своеобразен и самобытен Лобачевский был и в специально-строительной сфере.

¹⁾ Архив Каз. Унив. Попеч. 1827. № 176. том. I.

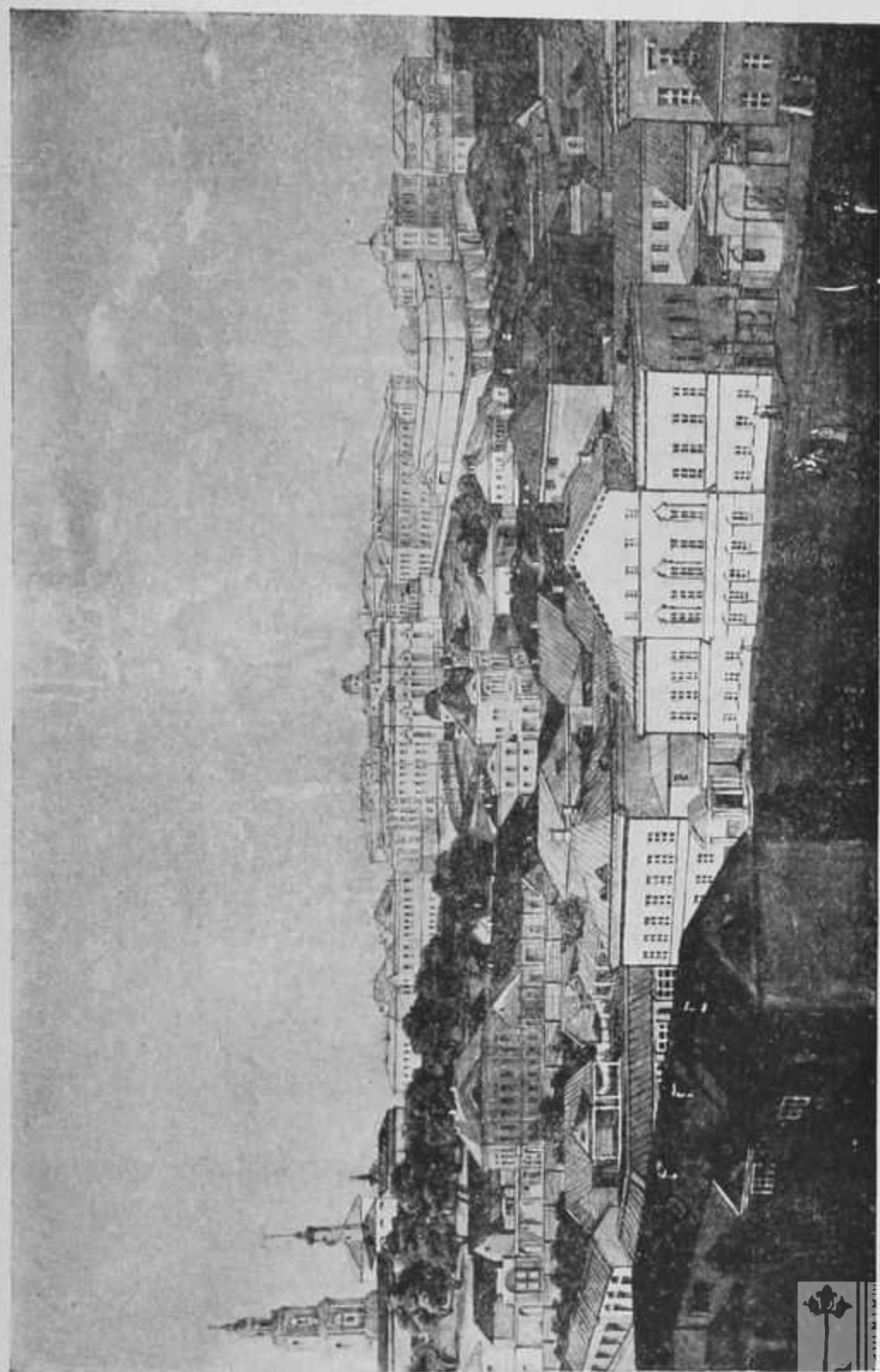
Тонкая наблюдательность Лобачевского позволяла ему предвидеть за много лет вперед такие способы производства работ, которые получили права гражданства значительно позже его смерти. Так в своих розысканиях дешевого и лучшего способа выполнения каменных работ, изложенных в, указанном выше, его „мнении“, он обращает внимание на возможность использования щебня для бучения фундамента в виде бетона, т. е. материала, который получил распространение только в конце прошлого столетия. Лобачевский справедливо замечает, что „в смете предположено класть бутовый камень, а не щебень, но последнее хозяйственнее и признается даже прочнее . . . Университет может всего более прибегнуть к сему сбережению, потому что от разломки старых стен остается весьма много щебня, но при всем том не столько однакож, чтоб заменил половину буга. Комитет располагая приказывать прослаивать щебнем по буту“¹⁾ . . .

Известно, что Лобачевский с исключительной любовью относился к университетской библиотеке. Благодаря его трудам и энергии библиотека приведена в полный и образцовый порядок. Эта любовь доходила до того, что будучи ректором он одновременно нес и обязанности библиотекаря. Любовь к книжным богатствам Университета вызвала особую заботливость к возведению библиотечного здания. Он прогестует против спроектированных архитектором сгораемых конструкций строения, указывая в своем представлении попечителю, что библиотеку „составляющую одно из важнейших имуществ Университета,“ следует хранить в безопасном от пожара здании, а поэтому настаивает, чтобы деревянные перекрытия были заменены каменными сводами, взамен деревянного пола был бы сделан из чугунных плит, оконные переплеты должны быть железными и двери чугунными²⁾. В результате изумительной настойчивости, присущей Лобачевскому, ему удается выполнить почти все свои требования в этом направлении.

Заботы о библиотеке у Лобачевского простираются и за будущее ее. Предвидя неизбежный большой рост библиотеки, он стремится к увеличению книгохранилища, изменяя проект здания путем эффектного приема. По мнению Лобачевского здание библиотеки „будет еще поместительнее ежели освещение сделать сверху в своде, а окна по длине библиотеки вовсе уничтожить, оставляя только два с боковой юго-восточной

¹⁾ Архив. Каз. Универ. Попеч. 1820 г. № 145.

²⁾ Архив. Каз. Универ. Попеч. 1827 г. № 176. том III.

И. Белоногов. (?)

Вид на Университет. 1842 г

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

тороны для освещения пространства между колоннами и стенами, которые высветить в верхнее окно невозможно, а свободные промежутки, которые останутся по уничтожении окон, занять полками для книг¹⁾.

Замена балочного перекрытия в библиотечном зале своим вызвало неожиданное осложнение в устройстве последнего. Довольно-таки значительный по размерам свод должен был покоиться на назначенных для поддержания хор колоннах, которые сообразно своему назначению имели недостаточное сечение: в нижней части колонны оно равнялось 14 вершк., в верхней части, разумеется, еще меньше. Приходилось сделать коренное изменение утвержденного царской властью проекта, но по тем временам такое изменение было вещью совершенно недопустимой. Представлять же вновь на высшее утверждение—было равносильно отказу от постройки на долгий срок. Начались поиски выходов из создавшегося положения по другому пути, по пути улучшения конструкции и нахождения более крепких и подходящих материалов. Архитектором Коринфским предложено было для уменьшения нагрузки на колонны сделать свод и стрельчатые арки между колоннами из пустых гончарных коробок, а сами колонны сложить из „форменных кирпичей, приготовленных из изразцовой глины“. Мысль бесспорно принадлежит Коринфскому, известному своими работами в керамике еще до этого случая при постройке Симбирского собора.

Революционер в науке, Лобачевский остается революционером и в строительном деле. Он, убедившись по испытании пробных коробок в полной пригодности их для предназначенной цели, горячо уцепился за поданную мысль. Зная по опыту ту рутину и волокиту, которая процветала в тогдашних учреждениях, всегда точный и аккуратный Лобачевский на этот раз решился на очень смелый по тем временам поступок: не дожидаясь разрешения высшего начальства, собственной властью распорядился не только изготовлять гончарные коробки, но и класть из них свод.

Прав был Лобачевский в своих опасениях. Представление его о разрешении произвести кладку из гончарных коробок, после долгих хождений по разным инстанциям, пришлось с отказом тогда, когда работы были уже закончены. Министерство, столкнувшись с совершившимся фактом, подняло целую бурю, потребовав срочного объяснения действий строительного комитета и освидетельствования сделанного свода.

¹⁾ Архив. Казан. Унив. Поп. 1827 г. № 76, том III.

Комиссия из лучших Казанских зодчих уклонилась от дачи определенного заключения о пригодности свода, а, подчеркнув новизну приема, окончательное суждение ввиду зимнего времени в момент осмотра, отложило до лета. В акте освидетельствования мы читаем, что сооружение в целом возведено „по практике правильным, кроме... внутреннего устройства библиотеки, колонн и сводов из гончарного кирпича,... а по сему и по поздней отделке сводов настоящее свидетельство с удостоверением о прочности оставаться должно до будущего благоприятного летнего времени....“ ¹⁾

Препровождая акт осмотра свода, Лобачевский от имени строительного комитета заявляет, что „члены комитета основываясь на испытанной доброте и крепости материалов употребленных на колонны, арки и своды...на тщательной отделке под бдительным надзором архитектора и на том, что до сего времени, не смотря на бывшие сильные и постоянные морозы, восходившие до 31° по Реомюрову термометру, ни малейших повреждений в колоннах, арках и своде не приметно, уверены, что свод и колонны прочны“ ²⁾. Что убедительным было Лобачевскому, то далеко не убеждало министра и ответ от него, конечно, возможен только один, что „комитет сей подвергнется строгой ответственности, если произведенные оным без разрешения начальства работы окажутся не прочными“ ³⁾. Через восемь месяцев после первого осмотра те же самые архитекторы вновь свидетельствуют свод и вновь отказываются дать свое заключение, т. к. „свод удерживается и поныне на временных прочных железных связях двух по колоннам через всю залу продольных и четырех через залу же поперечных, выемку коих г-н производитель работ архитектор Коринфский оставляет еще на несколько лет, по выемке же оных о прочности устройства свода и колонн может быть сделано решительное назначение“ ⁴⁾. Повидимому сам производитель работ и инициатор устройства свода Коринфский не питал большой уверенности в надежности конструкции и не спешил с уборкой связей, зато Лобачевский твердо был уверен в крепости свода и вполне резонно не придавал связям никакой особенной роли, т.-к. по его словам свод „поддерживается не связями, а колоннами на коих ни каких повреждений нет и упирается с боков в продольные и поперечные стены дома посредством стрелок, идущих через готические арки“ ⁵⁾.

¹⁾ Архив Каз. Универ. Попеч. 1827 г. № 176. том IV.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же.

Больше того, Лобачевский идет дальше производителя работ—убирает связи, еще раз приглашает архитекторов для окончательного осмотра и в конце концов составленный акт гласит, что связи, „ныне вынуты, строение и свод находится в прочном положении.“¹⁾ Само министерство, получив известие о прочности свода, принуждено было снять свою опалу со строительного комитета и решило „на оставление такового неправильного действия строительного комитета без взыскания, с постановлением однако оному на вид ответственности, который должен бы он за сие подвергнуться . . .“²⁾ Таким образом инцидент окончился благополучно, а Казань благодаря Лобачевскому обогатилась оригинальным по конструкции и своеобразным по красоте залом.

Описанный пример без лишних комментариев свидетельствует о том, что Лобачевский выказал себя не только хорошо знающим строительное искусство, но вместе с тем и незаурядным зодчим, быстро и верно схватывающим основные моменты дела, качество весьма ценное в строителе. Можно верить указанию, что Лобачевский специально занимался изучением архитектуры.³⁾ С другой стороны этот пример показывает, что глубокий ум Лобачевского не может мириться с рутиной и окаменевшими традициями во всяком живом деле, а в данном случае в производстве строительных работ и он, убедившись в целесообразности и правильности не своего, а предложенного другим способа, с изумительной смелостью и энергией проводит этот способ в жизнь, наперекор всем многочисленным преградам на его пути.

Памятный Казанский пожар 1842 года нанес ущерб и университетским строениям; строительный комитет, закончивший за полгода перед тем свои действия, вновь возродился под председательством Лобачевского для восстановления сгоревших зданий.

Лобачевский, убедившись на горьком опыте бывшего пожара в необходимости неогораемых конструкций и в каменных зданиях, с усиленной энергией добивается замены таковыми спроектированных деревянных в здании обсерватории.⁴⁾

Из строительной деятельности Лобачевского последнего периода нельзя обойти молчанием одного знаменательного факта, служащего прекрасной иллюстрацией тому, как пылкий ум великого ученого стремится все время к усовершен-

¹⁾ Архив Каз. Унив. Попеч. 1827 г. № 176 том IV.

²⁾ Там же.

³⁾ М. Пинегин. Казань в ее прошлом и настоящем. Стр. 288.

⁴⁾ Архив Каз. Универ. Попеч. 1842 г. № 199.

ствованиям, к введению нового. На строительном рынке в рассматриваемое время появился новый строительный материал—цемент. Лобачевский, вероятно, знакомый со свойствами цемента и восхищенный его отличными качествами, спешит применить цемент в постройке обсерватории. По его распоряжению над ее каменными сводами „вместо бывшей железной над оными кровли положено сделать из цемента“¹⁾.

Университетские здания постройкой окончены, Лобачевский мог бы позволить себе вполне заслуженный отдых, но бездельность не для кипучей натуры Лобачевского; по его словам „покой приятен после трудов и скоро обращается в скуку“²⁾. Действительно, мы скоро видим Лобачевского в новых заботах о внешнем благоустройстве выстроенного университетского городка. Желая избавиться от отвратительного запаха нечистот клинического дома, Лобачевский предлагает „на клиническом дворе устроить водоем откуда подземною трубою провести сток сказанной нечистоты до Рыбнорядской улицы на счет казны Университета, а отсюда по улице и куда найдет удобным провести сказанную нечистоту с уничтожением неприятного запаха представить казанской губернской строительной комиссии на счет городских доходов;“ в эту же трубу могли бы стекать „с обеих сторон сказанной улицы весенняя и дождевая вода с разного из домов и с улицы города нечистотою“ и по мнению Лобачевского „при хорошем устройстве стока воды с нечистотою нельзя ожидать . . . вредного запаху“.³⁾ Таким образом Лобачевскому по справедливости принадлежит почти разговор о казанской,—хотя и частичной,—канализации, продолжающийся по сие время.

Лобачевский придавал огромное значение опыту, он говорил: „примеры научают лучше, нежели толкования“⁴⁾. Производство опытов он по мере возможности применял и для определения достоинства строительных материалов, таким образом задолго опередив строителей в производстве испытания материалов лабораторным путем. Мы уже видели, что еще в первый год деятельности строительного комитета, дабы возможно было судить о качестве приобретаемой извести, было произведено пробное гашение извести в декабре месяце, т-е. в закрытом помещении, иначе говоря близкой к лабораторной обстановке. Далее, только сделанное испытание гончарных коробок для свода, дало Лобачевскому гарантию в крепости

¹⁾ Архив Каз. Универ. Попеч. 1842 г. № 199.

²⁾ Речь Н. И. Лобачевского о важнейших предметах воспитания. Каз. Вестник 1832 г. Книжка VIII-я.

³⁾ Архив. Каз. Универ. Попеч. 1841 г. № 34.

⁴⁾ Речь Н. И. Лобачевского о важнейш. предм. воспитания.

свода и тем самым предопределило конечный успех ему. До нас дошло любопытное описание и самого произведенного испытания. „Три такие коробки будучи положены одна на другую плашмя и смазаны алебастром без подкрепления крышек и боковых коробок, выдержали тяжесть до 92-х пудов, прежде нежели треснули две из них, а третья сохранилась в целости“¹⁾. Испытание при всей своей примитивности по по принципу близко к современным лабораторным исследованиям.

Строительному комитету предлагается краска медянка, изготавливаемая Петербургским монетным двором. Ответ на предложение не дается до тех пор, пока не была сделана, порученная проф. Никольскому, следующая проба краски „по железу, дереву и холсту: а) по железу без примеси белил на одном вареном коноплянном масле и пополам с белилами, б) по дереву также без примеси белил и пополам с белилами и в) по холсту пополам с белилами и с двумя третями белил. Первые две пробы производил работник маляр Александр Блохин, а последнюю учитель рисования Крюков. Оные пробы после приготовления оных находились под открытым небом около восьми месяцев и нисколько не полиняли; это доказывает прочность сей краски. Она имеет только тот недостаток, что берет менее белил в сравнении с продаваемою в лавках ярью медянкою, которая допускает три части белил на одну часть яри . . .²⁾

Вообще Лобачевский, как математик, любил тщательность и точность в работах. Как образец пунктуальной точности Лобачевского можно привести следующий эпизод. Коринфский представил в комитет три дубовых сажени, которые были посланы на проверку в Казанскую казенную палату, где и получили одобрение. Лобачевский не был удовлетворен такой проверкой и шлет запрос высшему начальству какой саженью следует строительному комитету руководствоваться на постройке, т. к. „в учебной книге под названием Метрология; изданной г. Петрушевским в Российской сажени считается ровно семь английских футов, а сажень, представленная Коринфским и одобренная казенной палатой, короче семи английских футов почти семью двадцатыми долями дюйма.“³⁾

Об отношении Лобачевского к архитектуре, как искусству, по недостатку данных сказать что-либо определенного не представляется возможным. Приходится еще раз пожалеть, что

¹⁾ Архив Каз. Унив. Попеч. 1827 г. № 176. том III.

²⁾ „Архив Каз. Унив. Попеч. 1827 г. № 176. том I.

³⁾ Архив Каз. Унив. Попеч. 1827 г. № 176. том II.

дела комитета не дошли до нас, но все же с большой уверенностью можно полагать, что Лобачевский, имея тесное касательство к делу строительства вообще, не мог быть равнодушным к внешнему оформлению каждой постройки. Ему ли не понимать стройной красоты архитектуры, когда он в числе своих „важнейших предметов воспитания“ числит воспитание „вкуса к изящному“. Ему ли не чувствовать ритм и величие архитектуры, когда он на ряду с жизнью природы и красотами поэзии ставит „прелесть и великолепие архитектуры“¹⁾.

Во всяком случае любовь к архитектуре у Лобачевского счастливо сочеталась с пониманием целесообразности ее. Неучтенная архитектором при проектировании здания лаборатории неровность университетского двора, впоследствии заставила Лобачевского ходатайствовать, чтобы цоколь в здании „для единообразной высоты с цоколем библиотеки... сделать выше 8 вершками“, но чтобы такое изменение не производилось лишь ради красоты и симметрии, то „в цоколе предназначается устроить жилой дом с подвальными окнами...“²⁾

Следует отметить у Лобачевского характерную черту — совмещение архитектурных форм со скульптурой и монументальной живописью. В 1825 году Лобачевского всецело занимает мысль проекта барельефа для увенчания аттика портала главного университетского здания. Для разработки проекта барельефа Лобачевский передал архитектору Пятницкому „медаль, какая раздается студентам Казанского Университета в награждение“ и еще физические и астрономические книги, чтобы Пятницкий мог „отсюда заимствовать мысль для барельефа“³⁾. Главный зал так любимой им библиотеки был росписан, более чем вероятно, известным Казанским художником Крюковым аллегорической живописью, изображающей науки и искусства⁴⁾. Наконец, Лобачевский усиленно настаивал на росписи художником Раковичем плафона главного зала обсерватории⁵⁾.

В заключение считаю не лишним коснуться злободневного вопроса настоящего времени — отношения к специалистам. Чтобы быть вполне в курсе этого вопроса, необходимо возобновить в памяти, что во время деятельности Лобачевского труд зодчего в провинции был еще мало известен, широкой публике не было еще доступно понимание творческой работы

1) Речь Н. И. Лобачевского о важнейш. пред. воспитании.

2) Архив Казан. Универс. Попеч. 1827 г. № 176, том III.

3) Н. Загоскин. История Каз. Университета, том IV, стр. 138.

4) А. Артемьев. Описание библиотек. Каз. Унив. Журнал. Мин. Нар. Просв. 1852 г., часть 72.

5) Арх. Казан. Унив. Попеч. 1842 г. № 199.

в тиши кабинета. Всякий успех в строительной области приписывался видимым строителям-подрядчикам. В описаниях памятников зодчества того времени часто можно встретить отчетливое указание на подрядчика, как на строителя и редко — лишь мимоходом — упоминается имя архитектора. Ясный ум Лобачевского, конечно, свободно разграничивает роль в строительстве того и другого специалиста.

В своем „мнении о подрядах на каменную работу“ Лобачевский дает правильную оценку посреднической работе подрядчика, считая, что не следует „передавать большие суммы денег в оборот подрядчикам, готовым всегда взять неумеренную плату за легкий их труд — собирать рабочих“. С подрядчиками Лобачевский советует держать ухо остро, не только не посвящать их в строительные замыслы, а скорее „более скрывать“ от них, в противном случае — как он говорит в цитированном выше обращении к попечителю — такое „обстоятельство может подать повод промышленникам согласиться между собою на монополию“. Само собою разумеется, что такой взгляд на подрядчиков вызывал и соответствующее с его стороны отношение к ним, полное твердости и требовательности, а может быть даже и суровости.

Таким отношением к подрядчикам легко объясняется одно место в докладе Магницкому на Лобачевского члена комитета Калашникова, который, среди других инсинуаций, сообщает, что подрядчики „решиительно мне объявили, что они боятся строптивного характера г-на Лобачевского“¹⁾. Но Лобачевский прежде всего был на редкость правдивым и его глубоко возмущала всякая явная несправедливость по отношению к человеку и тогда он горячо становился на его защиту. Когда тот же Калашников, при содействии Магницкого, задерживал заключение контракта с подрядчиком Родионовым, Лобачевский резко пишет директору Университета: „я не могу более оставаться хладнокровным, видя, что старания комитета делаются напрасными, когда честный крестьянин, не собирая только, а вырабатывая собственным своим трудом деньги, готов из страха отказаться и понести убыток“²⁾.

Будучи сам высоким представителем науки, Лобачевский совсем иначе относился к представителям других научных дисциплин и искусства. Перебрав все бумаги строительного комитета за подписью Лобачевского, видим, что всегда и во всем, когда требовалось особое доказательство или подкрепление в строительном отношении, он обычно ссылается

¹⁾ Арх. Казан. Унив. Поп. 1820 г. № 145.

²⁾ Арх. Каз. Унив. Попеч. 1820 г. № 145.

на мнение по этому поводу архитектора. Сказанное „при случае“ архитектором Пятницким, что стены, сложенные владимирскими мастерами можно штукатурить в первый год кладки, запоминается Лобачевским и приводится им как сильный аргумент в пользу сдачи работ владимирцам.¹⁾ Кроме того не надо забывать, что в данном случае ссылка на Пятницкого происходит в пору сильной опалы на последнего. Мысль, поданная архитектором Коринфским, о кладке свода из гончарных коробок, подхватывается Лобачевским и, как мы видели выше, с каким упорством он воплотил ее в жизнь. Можно много привести примеров, показывающих насколько высоко Лобачевский ценил авторитет людей прикладных знаний и как чутко он прислушивался к их мнению. Раньше было указано, что даже для испытания малярных красок он для большей убедительности привлекает известного художника Крюкова.

Все здесь сказанное о деятельности Лобачевского в качестве строителя, дает возможность, хотя-бы в самых общих чертах, понять проявление великого ума в совершенно чуждой его основной специальности обстановке.

Заканчивая хочется сказать: обычно мыслят, что если человека поставить в обстановку отвечающую его способностям, то он эти свои способности может выявить в совершенстве. Положение справедливое в отношении обыкновенного, рядового ума, не приложимо к уму гениальному. По словам Лобачевского „гением быть нельзя, кто не родился“ и он своим собственным примером убеждает в этом. Волею судьбы пришлось ему значительное время своей жизни посвятить строительной деятельности и мы из небольшого, имеющегося в нашем распоряжении, материала видим, что его многогранный ум позволил не только с первых шагов работы свободно ориентироваться в незнакомом ему деле, но напротив вносить в это дело такие научно обоснованные нововведения и такие выражать мысли, которые не доступны простому специалисту. Любя науку, веря в нее, будучи славным представителем науки, он как рыцарь ее смело и без боязни за последствия шел вперед и высоко нес ее веления и наука не обманывала его—он всегда выходил победителем.

Лобачевского называют знаменитым геометром, великим математиком, но это не совсем точно. Вернее будет если мы скажем, что Николай Иванович Лобачевский был *великим человеком* прошлого столетия.

¹⁾ Арх. Каз. Унив. Попеч. 1820 г. № 145.

НЕИЗДАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ.

предисловием, и примечаниями Е. И. Чернышева.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Критика источника, его достоверность.

В секретной части архива канцелярии Казанского губернатора за 1863 год имеется папка вещественных доказательств, служащих приложением к двухтомному № 15, под заглавием „Бумаги, найденные при обыске вольнослушателя Каз. университета Ивана Красноперова и коллежского секретаря Александра Красовского“ 76 листах. На первом листе помещена опись всем изъятых бумагам. Ввиду того, что оригиналы делопроизводства в архиве не сохранились, мы принуждены обратить внимание на состав изъятых бумаг. Очень много видим всевозможных черновиков и записок, конспектов прочитанных книг: тут лекции по греческой литературе, Григоровича по славянским языкам, по римской истории проф. Лукашевского, лекции по географии Ситтера, по физике, из творений Лактанция, из истории Петра, есть тетради с немецкими и французскими словами и др., общим числом документов из 52. Остальные 22 включают выписки из „Современника“, сочинения Красноперова, письма к нему родственников и знакомых, прокламации „Земля и воля“ (Льется польская кровь, льется русская кровь), перевод из Стюарта Милля „О свободе“, выписки из сочинений Добролюбова, песни, и наконец списки лекций Щапова, один из которых принадлежит самому Красноперову, а другой — неизвестному, послуживший для Красноперова оригиналом с которого он и снял для себя лекции. Список неизвестного помещен под № 24 на 70—125 л. л., список Красноперова на л. л. 182—198. Последний список с большими дефектами, особенно в конце, наблюдается перестановка материала, являющаяся результатом либо небрежного, торопливого списывания, что и побудило нас принять за основу список неизвестного.

Вследствие того, что в нашем распоряжении находится хотя и по два, но все же два списка и той и другой лекции, ¹⁾ у каждого читателя возникнет вполне справедливое сомнение о принадлежности этих сочинений А. П. Щапову, тем более, что они не авторизованы. Чтобы доказать авторство Щапова, нам удалось дать точные ссылки на некоторые места опубликованных его сочинений, в которые частично

¹⁾ Второй список вступительной лекции находится в архиве Казанского Гесс. университета в деле следственной комиссии о Ф. Некрасове за 1863 год.

попали и материал и его анализ из обоих вновь открытых сочинений. Биограф Шапова давно еще указывали, что он использовал эти лекции в других своих работах, но, конечно, не могли указать в какой доле они использованы и как. Действительно, в целях выполнения нашей основной задачи, мы устанавливаем, что в сочинениях Шапова „Великорусские области и смутное время“, „Земство и раскол“, „Земский собор 1648—1649 г.г. и собрание депутатов 1767 г.“ и „Ученая беседа“ есть много общего, встречаются буквальные выдержки из этих лекций,¹⁾ но не сказать и особенно про отрывки из „Ученой беседы“, что цензурные условия того времени наложили свою печать; напр., слово „конституция“ заменена словом „реформа“, а наиболее сильные места и совершенно не использованы Шаповым в других его работах. Кроме того, биограф Шапова, Аристов, приводит много выдержек из этих сочинений в самом тексте своей работы, что тоже доказывает принадлежность авторству Шапова вновь найденных списков его лекций. За это говорит и стиль и выдержки из былин, раскольничьих стихов и сочинений Шевченко, а также и то обстоятельство, что списки найдены у И. Красноперова, ученика и поклонника Шапова²⁾.

Общественные группировки к 60-м годам.

Когда мы пытаемся дать характеристику деятельности любого общественного деятеля, будь то профессор, поэт, публицист, литератор, чиновник и проч., необходимо знать прежде всего классовые взаимоотношения той эпохи, чтобы определить позицию, занимаемую интересующим нас лицом в этих взаимоотношениях. Особенно же это необходимо, когда мы касаемся личности, заявившей себя на арене общественной деятельности и взаимоотношений.

Эпоха „великих“ реформ очень богата различного рода классовыми группировками, начиная от ультрамонархической вплоть до социалистической. Черносотенная группа была весьма многочисленна; поскольку она является апологетом деятельности правительства, нам нет надобности останавливаться на ее идеологии — она всем известна.

В среде правых классовых группировок особенно резко выделяются представители торгового и промышленного капитала, или иначе, крупного землевладельческого дворянства и дворянско-купеческой промышленной буржуазии; к эпохе 60-х годов эти группировки уже пережили самый острый момент в своих взаимоотношениях, который относится главным образом к 50-м годам; в 60-е годы они лишь размягчаются, выявляют более точно сферу своих действий, оставаясь хозяевами положения в России и солидаризируясь в общей борьбе против либералов, демократов и социалистов.

Реформы, необходимые в интересах дальнейшего развития крупного торгового и промышленного капитала, представляемого такими деятелями как Кошелев, Габриэль

¹⁾ Точные ссылки на общие места этих сочинений приводятся нами в приложениях к тексту.

²⁾ На последнее обстоятельство указал нам проф. Н. Ч. Фирсов в порядке обсуждения этой работы на собрании общества Археологии, Истории и Этнографии 16 ноября 1924 г.

др. дали сильный толчок проявлению стремлений и среднего землевладельческого дворянства, которое, нажившись на выкупных платежах и имея в перспективе самое лучшее—не уронить доходности своего хозяйства, отстаивало политический приоритет дворянского сословия в деревне и провинции вообще, конкретно, ожидая для себя полноты власти и в деревне и в городе над „податным“ населением.

Если крупная дворянская и купеческая буржуазия, составлявшая чуть заметную часть не только по сравнению со всем населением России, но и с дворянско-купеческой его частью, имела в своей далекой перспективе стремление завершить реформы конституцией, о которой она робко намекнула Александру II, то среднему дворянству и этого не требовалось. Чичерин в своих статьях прекрасно отразил политические взгляды среднего дворянства: перечисляя реформы, он доказывает, что они являются лучшим и полным отражением их интересов.

Мелкое захудалое дворянство, не составляя заметной „величины“ в „обществе“ того времени, однако находило довольно значительное число выразителей своих нужд и желаний; тем не менее эта „потрепанная“ реформой группа силою обстоятельств была вовлечена в одну из более левых групп,—в группу умеренных либералов-модернистов, которая, опираясь на последних, как на социальную базу, ушла, при поддержке интеллигентной части сторонников либерализма, в утопический социализм типа Герцена. Герцен ничего не имел против и по отношению к монархии и по отношению к дворянству, как к господствующему сословию, лишь бы существовала хоть какая-нибудь конституция и право „свободной речи“, хотя бы для либералов. Герценовской же утопии был подвержен позже и Серно-Соловьевич в своем проекте Уложения Императора Алекс. II⁴.

За мелко-буржуазным дворянством с очень крепкими сословными и аристократическими традициями шла и та часть недворянского общества, которая имела в ближайшем будущем либо обслуживание этой части дворянства, либо тенденцию к ассимиляции с ней на почве хозяйственных и правовых отношений. Конституция служила как удобная платформа для политической деятельности, от которой мелко-буржуазное дворянство было оттерто более крупной его частью. По силе выражения численному составу эта либеральная группа была весьма многочисленна, но в идеологической она во многом уступала более левой буржуазно-демократической группировке, возглавляемой Чернышевским, идейным органом которой были „Современник“, листок „Великорус“, а активно-действенным—организация „Земля и Воля“. Если Герцена можно отнести к утопическим социалистам, если социализм Герцена был весьма условным термином, то Чернышевский и его сторонники ушли далеко влево. Социальная база этой группы—мелко-буржуазная интеллигенция, „разночинец“, студент-семинарист, чиновник и ремесленник. Эта группа—спутник промышленного капитала, детище главным образом, России первой половины 19 века. Прерванное уже сословные традиции, стремящееся слиться с той частью крестьянского населения деревни, которая оказалась наиболее крепкой после экспроприации помещичьих земель и шедшая по пути создания „крепкого“ хозяйства. Этим буржуазно-демократическая группа резко отличалась от всех рассмотренных нами группировок. Идеологически она была чрезвычайно сильна, для правительства и крупной буржуазии безусловно вредна, и даже больше, чем Герценовский „Колокол“; но слабость ее

заклучалась в том, что она имела вполне реальную базу лишь среди интеллигенции, главным образом, городской или иначе говоря „просвещенной части нации“¹⁾. К демократической группе присоединялось подавляющее большинство интеллигенции, особенно с 60-х годов, когда к демократам перешла та часть либералов, которая не была удовлетворена слишком умеренными тенденциями Герцена после крестьянской „реформы“.

Наконец, нам надо отметить последнюю группировку—социалистическо-националистическую, правда, только еще нарождавшуюся в столичных университетах среди демократического, бедного и разночинного студенчества. Группировка эта уже в 1861 г. возглавлялась поэтом Михайловым и известна под именем „Молодой России“. Под влиянием усиливающейся университетской реакции при министре просвещения Протопопове рост этой революционной группировки сильно форсировался. Недовольство университетскими порядками, недовольство проектом крестьянской реформы, а после ее опубликования распространившиеся восстания крестьян, разговоры о конституции—все это толкало молодежь на наиболее крайние революционные убеждения, меры и действия. „Молодое поколение“ уже в 1861 г. призывало к революции, тогда же демократы—только к подготовке к ней, не говоря уже о более правых (Герценов, напр., представлял революцию в виде нежелательной пугачевщины и страдал от ее поддержки, вызывая его на более радикальные мероприятия). Революционная программа „Молодого поколения“—национализация земель, фабрик и заводов, уничтожение сословий, выборность всех чиновников, не исключая министров, созыв учредительного собрания, наделение земель безземельных и горожан. Ярко выявлена и революционная тактика, в основу которой положены пропаганда и конспирация. Если же мы обратим внимание на социальную базу, таковой должна была быть, но так и не успевшая создаться,—угнетенное крестьянство прежде всего, а вместе с ними угнетенные, главным образом, экономически и представители всех прочих сословий.

Общественные группировки и настроение крестьян в Каз. губ. в 60-е годы

Подобная классовая дифференциация „общества“ 60-х годов является, конечно, типичной и для Казани и для Казанской губ. Касаясь действительно и казанских деталей в классовых взаимоотношениях, необходимо указать, что правительственная группа среди дворянства, бюрократии и профессуры была наиболее сильна; в Казанской губернии не было и крупных земельных латифундий, за исключением 3—5 случаев из 800, не было и крупных представителей промышленного капитала, господствовавшего главным образом, среднее дворянство и, господствуя, давало тон всем проявлениям жизни „высшего“ общества.

Но рядом с этой правительственной группой была очень сильна и мелкобуржуазная, либеральная и демократическая группы. К либеральной относились, главным образом, дворянская „мелочь“, к демократической же—часть студенчества, учителя

¹⁾ Этим мы несколько не умаляем отношений Чернышевского к крестьянству, которое он признавал за огромную силу, но не революционную с точки зрения „просвещенной части нации“, а проникнутую авторитарными тенденциями, вследствие чего ему и пришлось уговаривать крестьянство не начинать частичных выступлений, а копить энергию для всеобщего восстания под руководством „просвещенными“ вождями во главе.

царства и чиновничества (о купцах и ремесленниках этого еще сказать нельзя, из-за полного отсутствия материалов, что, может быть, будет восполнено дальнейшими архивными изысканиями).

Что касается, в частности, Казанского Университета, то, по словам Муравьева, студенты — „аристократы“ — подавлены несравненным большинством демократов,¹⁾ принадлежащих частью к группе Чернышевского, частью было левее его, вследствие примкнув к землевольцам, развернувшим в Казани деятельность более активную, чем в центре России, особенно в 1863 году, в год польского восстания.

Самое же яркое явление казанской действительности — миллионное крестьянство, среди него помещичьи и инородческие казенные крестьяне, среди которых наблюдаются нетерпеливое ожидание и воли и земли, наряду с затаенной ненавистью к помещикам, которые способны были украсть и то и другое, а слухи о „работах“ губернских комитетов по улучшению быта крестьян были тому порукой.

Среднее и мелкопоместное дворянство должно было ухватиться за возможность держать в своих руках земли, если нельзя уже было удержать крепостных; казанское дворянство не хотело лишиться и случая подороже продать крестьянам ту свободу, которую оно „кузочками“ и „песочками“, от которых крестьяне быстро попали в новую кабалу. Губерния была земледельческой с экстенсивным хозяйством по преимуществу. Известно, как предполагалось ограбить крестьян; последние об этом знали больше, но в результате крестьянской реформы помещичьи крестьяне в большей части Казанской губернии лишились в среднем свыше 40% земли, которую обрабатывали, пребывая в крепостной зависимости.

Из этого краткого обзора видно, насколько резки были классовые взаимоотношения в Казани и Казанской губернии; отсюда ясно, что и отношение власти к „инородцам“ и демократам должно быть и было более нетерпимо; эта нетерпимость усиливалась еще и тем обстоятельством, что Казань с губернией являлась главным административным, военным и культурным центром Камско-Волжского края, а в то же время весьма беспокойным тылом не только в силу экономических причин, но и вследствие национальных взаимоотношений.

К тому же, если в столицах шло преследование всех, склонных мыслить не по Кавелину, но по Герцену, то тем более этого надо было ожидать в Казани, где уже снаряжались из центра следственные комиссии, ревизоры и карательные экспедиции, тем более, что экспроприация крестьянских земель дворянством намечалась в весьма широких размерах.

Щапов как историк.

В такое время чрезвычайного напряжения и обострения классовых отношений является в Университете А. П. Щапов, как историк и общественный деятель. Как историк он выдвигает лозунг — изучать не историю царей, не историю развития государства, но историю народа. Изучать же историю народа он намерен так, чтобы проявилось целиком и значение областей, составляющих территорию Российского государства. Ставились им на первый план такие факторы народной жизни, как

¹⁾ Вылов, 1907, кн. 1, стр. 202.

земское народосоветие, земское устройство, значение колонизации, идея историко-этнографического образования различных частей России; принцип областной самобытности занимал первое место. Все эти планы были изложены во вступительной лекции, прочитанной Щаповым 12-го ноября 1860 года. Как будто все эти взгляды Щапова на ход и построение истории России шли в разрез с видами правительства, старавшегося насаждать знания, руководясь девизом „православие, самодержавие и народность“, причем областническая тенденция допускалась в объеме не более, чем у Костомарова. Но власть еще не сразу могла разобраться в направлении, взятом Щаповым. Не разобрал сразу и кн. Вяземский, попечитель учебного округа, аплодировавший Щапову после лекции; но все таки предупредительные меры были приняты, возможно, после нескольких совещаний, в результате чего, вступительная лекция не была допущена к печатанию. Предусмотрительность была внушена, конечно, студентами, слишком непосредственно выразившими симпатии свои Щапову; а мы знаем, что студенты у начальства были на подозрении. К тому же, ведь Щапов пришел из Духовной Академии, из такого учреждения, где, казалось бы, очень мало места для научной работы „вольнодумцев“, да и профессора Казанского Университета даже будто по своему составу не далеко ушла от рясофорных профессоров Духовной Академии; так почему же Вяземскому надо было воздерживаться от поощрения молодого ученого, искреннего и красноречивого оратора, ведь программа всегда может быть введена в процессе ее выполнения в „соответствующее намерениям правительства“ русло?! Щапов продолжал свою научную работу уже в Университете, в результате чего мы наблюдаем большой шаг вперед в научном изучении и построении истории России. Тут вполне отразилась уже переживаемая эпоха, прошедшая через призму классового происхождения самого Щапова и его интеллектуального развития. По выражению Покровского,¹⁾ Щапов „был мелко-буржуазный интеллигент крестьянского происхождения, и не случайно, что помещик Чичерин создал барскую теорию истории, а мужик Щапов—мелкобуржуазную теорию русской истории“, вначале, правда, еще пропитанную идеализмом, создавшимся несомненно на почве славянофильства, но впоследствии этот идеализм уступил место материализму. Можно сказать, что попытка Щапова была единственной в своем роде, а вследствие того, что она далеко шагнула вперед и оставила за собой дворянскую историю, правительственно не могло долго терпеть этого и, рано или поздно, оно должно было наложить свое veto.

Кроме того, Щапов не ограничивался курсами по древней русской истории, быстро перешел на новую русскую историю, а это не могло его не толкнуть и на дальнейшее: очень близко подойти к современности. Да Щапов этого и не избегал, он сам шел впереди всех, вопреки всем научным традициям эпохи. Ничего мудреного нет, что современность, освещаемая ex cathedra, заставила так или иначе реагировать представителей „академической семьи“, в результате Щапову было приписано вредное для науки увлечение современностью. Даже биограф Лучинский не свободен от предвзятости, когда пишет: „В ту пору всеобщего увлечения политическими вопросами, увлекся ими и Щапов, неудивительно, что наряду с курсами о древне-русском мировоззрении, он стал читать курс новой русской истории“²⁾. Так Лучинский.

¹⁾ Покровский, „Борьба классов“. 1924 г. стр. 51.

²⁾ Щапов, сочинения, т. III стр. XXXIV.

писал в 900-х годах. Но если мы возьмем другого биографа, и постарше и более раннего, Аристов, так он, негодуя на Щапова за его слишком „свободные чтения“, с особым оттенком сарказма ученого обвиняет Щапова так же, как обвиняют в колдовстве деревенских бабшек: „опасаясь слишком увлечься на поприще свободных чтений открыто в аудитории, пишет Аристов,—он (Щапов) иногда в угоду студентам писал лекции *особою приготовления и оттенка* (курсив наш Е. Ч.) и читал их на сходках“; да и вообще „во всех своих лекциях и статьях, продолжает биограф,—старался проводить идеи о современных преобразованиях и стать публицистом“¹⁾.

Итак, что в настоящее время является почти обязательным, 65 лет тому назад было необычным, подозрительным, даже крамольным. Но для нас тем важнее подчеркнуть эту новость, особенно как наблюдаемую в то время в рамках казанской чрезвычайно мрачной действительности, как мы отметили выше. С научными взглядами Щапова мы еще встретимся ниже, теперь же перейдем к следующему вопросу.

Щапов как общественный деятель.

Щапов не только стремился „стать публицистом“, но он таковым был, и был не только публицистом, но и общественным деятелем. В пределах легальной общественной деятельности Щапов был сильно заинтересован в организации воскресных школ, в которых преподавателями были студенты, которые открывались и функционировали на общественные пожертвования и которые работали значительно лучше министерских школ, что подтверждается количеством учащихся, превосходящим министерские школы в 5 и 10 раз. Так Муравский в письме от 7 февраля 1861 г. пишет: „Профессор (Афанасий Прокофьевич) Щапов хочет учредить там (в Казани) общество для распространения грамотности посредством учреждения крестьянских домашних библиотек, школ для приготовления сельских учителей“. Материальная база была им найдена: купцы „обещали уже свои капиталы“, кроме того была надежда собрать с крестьян по 1—2 копейки с души“²⁾. Это уже не кустарничество, не линия наименьшего сопротивления, а довольно внушительная организационная работа. Правда Щапов ничего существенного сделать не успел, т. к. был выслан из Казани, но все же у нас нет других примеров столь горячего участия среди профессуры университета в деле пропаганды научных знаний. Да и ничего в этом нет удивительного, т. к. эти школы были под сильным влиянием „вольнодумцев“ и в силу этого не особенно поощрялись правительством, а мы знаем, что других „вольнодумцев“ в Университете, кроме Щапова, было незаметно.

Его выступления перед студентами с докладами и лекциями на современные темы занимали весьма видное место в его работе. Причем, надо иметь в виду, что Щапов давал чрезвычайно глубокую оценку современных событий; да и едва ли правданием правительственной политики можно было чего либо хорошего достигнуть, и более среди демократического студенчества.

Его выступления клонились больше в сторону критики правительственной деятельности с точки зрения демократа, находящегося под сильным влиянием Черны-

¹⁾ Аристов, А. П. Щапов (жизнь и сочинения), стр. 62, 64.

²⁾ Вилое, 1907, кв. I, стр. 200.

шевского. Только на этой позиции Щапов мог быть „кумиром“ студентов, как называли его биографы; только при этом условии его идеи были „симпатичны народу“, по словам не раз цитированных писем Муравского¹⁾. Об этих идеях мы скажем подробнее ниже, когда будем рассматривать его лекцию о конституции.

Ко времени пребывания в Казани относится его выступление на панихиде по убитым в с. Бездне крестьянам. Этот факт должен быть поставлен чрезвычайно высоко, поскольку мы будем учитывать в целом ту обстановку в Казани, которая нами была обрисована выше. Однако Щапов и здесь остался на высоте своего положения и сказал то, что должен был сказать мелко буржуазный интеллигент—демократ, не страшась неприятного будущего.

„Земля, говорил Щапов,—которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность, и которая приняла нас мучениками в свои недра,—эта земля воззовет народ к восстанию и к свободе. Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!²⁾“. Эта часть речи, недавно опубликованной, говорит за Щапова, не только как за представителя оппозиции, но как за революционного демократа, и не нуждается в комментариях. Финал этого выступления — высылка Щапова из Казани и крупные разговоры в обществе и среди демократического студенчества, очень тепло проводившего его из Казани в „ученую командировку“, не зная еще об его предстоящем аресте.

Если мы еще напомним, что причиной высылки Щапова из Петрограда в Сибирь была прикосновенность его к делу о лицах, имевших сношения с Лондонскими пропагандистами 1862 года, в частности с Кельсневым³⁾, то мы можем категорически сказать, что в лице Щапова мы видим, действительно, типичного представителя революционной мелко-буржуазной интеллигенции и наиболее активного ее деятеля в области пропаганды и агитации в начале 60-х годов прошлого столетия.

Политические взгляды Щапова.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о его политических убеждениях. Из изложенного уже нами ясно видно, что Щапов, демократ по происхождению, на первый план выдвигал крестьянство, как полноправный класс, хотя и „невежественный“ рядом с „культурным“ дворянством, и крестьянскую поземельную собственность; затем Щапов видел в крестьянстве, проникнутом тенденциями мелкой собственности, могучий революционный класс, идущий к восстанию против феодалов и помещиков и к свободе. Роль интеллигенции, по Щапову, сводилась к обеспечению победы крестьянской революции путем поднятия культурного, а впоследствии хозяйственного уровня крестьянства. Этими воззрениями он очень близко соприкасался с нарождавшимися землевольтами с одной стороны и с Чернышевским—с другой. Подтверждением этого служат как указания его биографов⁴⁾, так и то обстоятельство, что такое сочинение как „о конституции“ лежало в одной папке с прокламацией

¹⁾ Былое, 1907, кн. I, стр. 217.

²⁾ „Красный Архив“, т. IV, стр. 410.

³⁾ Былое, 1906, кн. X, стр. 106 и кн. XI, стр. 209—210.

Лучинский, I в., стр. LV—LVI; Покровский, Борьба классов, 46—51.

землевольцев, принадлежащей вольнослушателю Университета ¹⁾. Теперь обратимся к самому источнику—вновь найденным его сочинениям.

Общий взгляд на историю великорусского народа.

Вступительная лекция Щапова, читанная им в Университете 12 ноября 1860 г. до сих пор не напечатана целиком, хотя у историков и была к тому возможность ²⁾.

Вполне возможно, что причиной этому в царское время послужили цензурные условия, т. к. цензора не могли пропустить крайне неслучайных для господствовавшего дворянства эпитетов, с другой стороны—отдельные места этой лекции вошли в другие сочинения Щапова и в более лучшей обработке, с третьей стороны—для эволюции научного мировоззрения Щапова эта лекция давала недостаточно необходимого материала. О научной концепции, о научном построении и обосновании общего взгляда Щапова на развитие народа не обращали достаточно внимания, как не обращали внимания на отражение в этой лекции слишком шумной действительности начинающихся 60-х годов XIX века.

Между тем, эта лекция дает громадный материал для многих вопросов, связанных с деятельностью Щапова и как историка и как общественного деятеля. Как историк, Щапов обнял в своем обзоре весь период русской истории до 50-х годов 19 века включительно; это чрезвычайно важное обстоятельство для эпохи 60-х годов; в этом отношении Щапов явился пионером, он первый стал изучать историю России *для современности, для более глубокого ее понимания*. Кроме того, молодой историк совершенно порвал с „государственной“ историографией и ее представителями в те годы, с Соловьевым и его последователями выдвинув историю народности и общности против истории царей, самодержавия с централизмом и государственности. Далее: говоря о неудачных попытках дворянских и аристократических революций, анализируя их, Щапов выдвигает, как гарантию успеха, необходимость контакта и тесного союза общества и народных масс. В лекции „о конституции“ этот момент выражен более настойчиво и отчетливо, но и здесь эта мысль получила обоснование. Во всяком случае тактические перспективы в постановке Щапова были не в интересах дворянства, но отнюдь не игнорировали современные Щапову общественные течения. Наконец, вся история народа представлена Щаповым борьбой широких народных масс и областей с Государством, централизмом, аристократизмом и олигархией. Таковы—главные тезисы, выдвинутые Щаповым во вступительной лекции. Неудивительно, что лекция до сих пор лежала в архивах и не видела света. На ряду с этим, в лекции обоснованы наиболее важные вопросы истории, как-то: периодизация истории, строго согласованная с общими принципами построения истории народа; сущность исторического процесса; следствия московского и петербургского централизма;

¹⁾ По существу Щапов отличался от Чернышевского в вопросе о социальной базе, которую Щапов видел в крестьянстве, а Чернышевский—в интеллигенции.

²⁾ Проф. Н. Фирсов еще в 1889 г. в „Русской Старине“ указывал, что у студента Феодосия Некрасова, привлеченного следственной комиссией, изъят из бумаг и приложен к делу список вступительной лекции Щапова. („Русская Старина“ 1889 г. кн. VIII, стр. 425); следовательно Лучинский мог бы достать и дополнить ею—собрание сочинений Щапова.

политическое саморазвитие общества и народа; характер просвещения и политики его, развитие идей конституционализма, вопросы колониционной политики и т. д.

Во всяком случае, современный историк подойдет ко взглядам Щапова, да к тому же высказанным на заре его научной деятельности, с уничтожающей критикой: что Щапов лишь очень туманно различает классовую группировку даже конца 18 века, что он неправильно освещает причину конституционных стремлений дворянства, а так же в области самоуправления, что он идеализирует средневековые институты (вече, соборы и советы), что не всегда точно трактует колониционный процесс и образование великорусского народа и проч. Конечно, и это полезно, и это развивает и углубляет анализ сочинений Щапова. Но все же в центре нашего анализа скорее станет вопрос об отражении эпохи 60-х годов в сочинениях Щапова и о том, насколько Щапов перерос господствующие взгляды и направления своей эпохи и в чем это выразилось. И это—главная задача нашей современности, производящей переоценку всех ценностей культурного наследия прошитых эпох, т. к. авторитет Щапова и как ученого и как общественного деятеля достаточно высок, чтобы пройти, не заметив этой личности.

Лекция „о конституции“

Лекция „О конституции“ является ответом на те запросы студентов по вопросам современности, по которым Щапову приходилось „особо“ готовиться; эта лекция не стояла в ряду лекций по новой русской истории: он пришел к студентам на беседу, чтобы высказать свое мнение о конституции, составляющую одну из многих „исторических дум“ для „друзей русского просвещения“

Значение этой лекции определяется следующим: а) она дает прекрасный материал для освещения вопроса об одном из крайних левых направлений общественности в начале 60-х годов в Казани, в) лекция представляет и автобиографический интерес для более полного освещения личности Щапова как историка и общественного деятеля, очень большого авторитета в глазах всего казанского общества и особенно демократического студенчества, с) указанное ставит эту лекцию на положение весьма ценного научного материала в деле изучения общественных течений и классовых взаимоотношений.

Сконструирована лекция очень удачно, если принять во внимание ее назначение; и историческая и публицистическая ее части одинаково сильно действуют на читателя необычайной искренностью и силой убеждения. Вначале Щапов говорит о тяжелом состоянии духа, которое создается для общественного деятеля условиями цензуры и свободы слова; затем следует разъяснение значения конституции при изучении различных наук и в жизни общества вообще. Этим вступлением он сразу завоевывает внимание аудитории, а связав конституционные стремления современности с необходимостью исторического самопознания, Щапов указывает несколько принципов, которые он считает или зародышами конституционализма в древней Руси или его необходимыми условиями. Эти принципы, по Щапову: 1) земская областная самобытность, 2) земское народосоветие (земские советы, вече, соборы, гласность), и 3) поземельная система обложения, вместо подушной. Представив историческую эволюцию

этих жизненных зародышей конституционного строя, он переходит к крепостному праву, заслугам крестьянства в исторических судьбах России и, указав в выпуклых образах настоящие условия жизни крестьянства, он заканчивает историческим обзором народных бунтов и восстаний за свою свободу против помещиков, чиновников и дворянской аристократии в целом. Уже эта схема дает представление о том, что интересы крестьянства должны быть положены в основу конституционного строя, что последний может быть гарантирован лишь новым всеобщим крестьянским восстанием, которое „нестолбовые дворяне и чиновники“, по выражению Щапова, или иначе, вся демократическая интеллигенция, должна учесть и в борьбе за свободу идти с крестьянством и со всеми угнетенными по одну сторону баррикад, под руководством рожей этого угнетенного большинства.

На одном из списков этой лекции стоит дата 28 ноября 1860 г.; это дает нам право предполагать, что лекция прочитана Щаповым вскоре после вступительной лекции, тем более, что Аристов относит „Ученую беседу“, являющуюся легальной переделкой лекции о конституции, к началу 1861 года.

Е. Чернышев.

Общий взгляд на историю Велико- русского народа.

Вступительная лекция, читанная А. П. Шаповым
в Казанском Университете 12 ноября 1860 года.

I.

Милостивые Государи!

Скажу наперед: не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на университетскую кафедру русской истории.

В настоящее время, кажется, уже утвердилось убеждение, что главный фактор в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю, что сущность и содержание истории—есть жизнь народная.

Это убеждение теперь не ново, его начали проводить, осуществлять и в науке русской истории. Но вот другое начало, которое еще не сознано ясно в нашей науке: *начало областности*, позвольте мне его так выразить. У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации, развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории; все разнообразные особенности, направления и факты провинциальной исторической жизни подводились под одну идею государственного развития. С эпохи утверждения Московской централизации в наших историях все общее и общее говорится о внутреннем быте различных провинций; нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографические, бытовые и экономические особенности областей; не изображаются моральные, политические и физико-географические условия их внутреннего развития и быта; местное саморазвитие, внутренняя жизнь областей оставляется в стороне, а вместо того на первом плане рисуются действия государственности, развитие единой державы, централизации. Между тем, нам кажется—ни в одной европейской истории так несвойственно, невозможно подобное изложение, как в истории обширнейшего в свете государства русского.

Русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации¹⁾. Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации. Разнообразные областные летописи долго будут повествовать вам про вековую, особую, самобытную, раздельную жизнь и взаимную борьбу областей. Потом московская летопись заговорит о развитии государственной географической централизации московской, а в общинных летописях раздастся самый энергический протест, вопль областных жителей против *насилия москвичей*, против централизации, против *собирания русской земли*. Так областной элемент был самым жизненным, господствующим началом, главным мотивом исторического движения до централизации; он выдержал энергичную вековую борьбу с соединительной, централизующей силой государства; он многозначительно выразился в смутное во время этой великой розни областных общин, проявился в земских соборах, XVII века, сказался в разнообразных областных бунтах, демократических и инородческих, наделал чрезвычайно много хлопот правительству в течении всего XVIII в. и начале XIX столетия—во время этой длинной процедуры учреждения губерний и провинций, возбудил в либеральных умах, в знаменитое время тайных обществ, разные планы и проекты конституционного устройства областей и т. д.²⁾. И мы, изучая русскую историю, оставляем почти без всякого внимания этот областной элемент, сколько загадочный, столько же, быть может, зиждательный, плодотворный элемент нашей будущей цивилизации. Русская история, основанная на идее централизации, исключающая идею областности, есть тоже что отрицание существенного жизненного значения областей, как разнообразных органов в составе и развитии целого политического организма всего народа. А кто не знает, что без знания устройства и отправления различных отдельных органов тела, невозможно понять жизни и отправления (различных органов) целого организма? Так точно и без знания разнообразной историко-этнографической организации, характера понятий, воззрений, верований, сочувствий и антипатий областных масс народных невозможно полное и отчетливо-ясное понимание русской истории. Невозможно тем более, что слишком многосложен историко-этнографический строй наших многочисленных и обширных областей.

¹⁾ С самого начала до сих пор с редакционными поправками все это вошло в работу „Великорусские области и смутное время“ напеч. впервые в конце 1861 г. в „Отечеств. записках“ (См. полн. собр. соч. I, 648).

²⁾ Срав. „Великорус. области и смутн. время“, собр. соч. I, 649—650.

Как нет в Европе самого малого государства, которое бы едва могло равняться с одной из областей России, как нет в Европе города, который бы отличался таким провинциальным этнографическим разнообразием, как народ обитающий в разных русских областях. Много ли общего, например, между Малороссийским, Белорусским и Сибирским народонаселением? Много ли общего между Польшей и Камчаткой, или между Кавказом, Архангельской областью и Казанским краем и т. д. А разнообразные областные наречия, из которых составился особый, целый словарь? Все эти юмористические присловия, которыми так метко и согласно с историей характеризуют у нас жители одной области жителей другой? А существование территориальных округов, совершенно независимых от округов административных, отличные нравами жителей, языком, промыслами и т. д. — все это так выразительно, так реально рисует нашу обширную Россию во всем историко-этнографическом разнообразии ее многочисленных областей. И в науке русской истории доселе не было объяснимо, отчего образовались такие областные особенности, какое они имели значение в истории, не говорим уже о том, какое значение они имеют, или могут иметь в приложении к законодательству, к администрации, к народному материальному и нравственному быту и т. д. Уж в первой четверти нынешнего столетия не только люди народа, их лучшие государственные мужи сознавали и официально высказывали убеждение, что должны обратить полное внимание на совокупления права многих и великих областей, составляющих обширную Российскую Империю, что законодательство должно вполне соответствовать всем выгодам местного положения различных областей и главному характеру народов, населяющих эти области. Если когда, то особенно в настоящее время науке русской истории необходимо, существенно необходимо, уяснить историю, дух, характер и этнографические особенности областных масс народных. И весьма утешительно, что в последнее время, кажется, и в самых провинциях стала пробуждаться потребность самопознания.

По крайней мере отрадное явление представляют мало по малу возникающие в нашей провинциальной литературе областные сборники, историко-статистические описания губерний и провинций и издания областных актов и памятников. Областные хроники могут служить не только руководствами нашего областного самопознания, но и средствами возбуждения в провинциальных массах идей политического самопознания и саморазвития в составе целого государственного союза ¹⁾.

И так с мыслью об областности и народности я избираю для своих чтений историю великорусского народа, или великорусских областных общин в связи с Сибирью. Здась, в великой России был

¹⁾ Сравни с лучшей редакцией „Велик. области и смутное время“ (Собрание сочинений I, 652—653).

центр исторической борьбы и областного элемента и народности с централизацией и государственностью; здесь решалась судьба всех многочисленных, обширных и разнообразных областей и сосредоточилась их новая историческая жизнь, государственно-союзная, и, если можно так выразиться, здесь сковывается, держится будущее наших областей. Кроме того, в этой части русской истории есть много таких важных, первоклассных вопросов, которые доселе ждут еще исследования, как, например, вопрос о колонизации и значении ее в русской истории, или хотя тот современный вопрос об историческом значении Московской централизации и т. д.

Без дальнейших предисловий спешу сообщить вам общий взгляд на историю Великорусского народа до централизации и после централизации областей.

II.

Когда мы говорим—история великорусского народа, то у нас прежде всего рождается вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда, обозревая полный цикл фактов ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться на площади русской земли с многочисленными, разнообразными племенами финскими и турко-татарскими, которые доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народоселения? Будет ли та история одного Великорусского народа, когда мы неизбежно будем говорить о целых царствах инородческих, напр., Казанском и Астраханском, наряду с новшествами русскими и Государством Московским?—Далее, когда мы говорим: *дух характер*, мирозерцание, идея русского или великорусского народа, то невольно представляется другой вопрос: да есть ли, образовался ли единичный, цельный тип великорусской народности, чтобы можно было об ней составить единичную, цельную, возможно полную и отчетливо ясную идею? Чистая ли славянская кровь течет в жилах Великорусского народа? Не составляет ли он амальгаму, или органическое порождение различных народных элементов? Вот вопросы, которые требуют предварительно установить ее главную идею, смысл истории великорусского народа.

Представьте, по летописи, карту нынешней Великоруссии, до начала истории или до основания великого Новгорода—первого Славянского города в северо-восточной России. Вы увидите на этой карте только два данных для истории: *землю великую и областную да Чудь*, т. е. различные чуждые славянам финские племена. Откуда же взят и как образовался Великорусский народ? или говоря словами: *откуда есть пошла русская земля и откуда есть стала русская земля на северо-востоке Европы?*

Летопись с самых первых страниц отвечает на этот вопрос Новостью о славянской колонизации среди чуди финской и с постепен-

ном соединении славянского племени с финскими племенами. Первый результат их соединения выражался в единомгласном призывании князей. Последующие акты и памятники раскрывают нам самый исторический процесс того, как финская народность постепенно ослабывалась и входила в органический состав великорусской народности, и как великорусская народность исторически последовательно образовалась вследствие постепенного органического соединения славянского народа с финскими племенами. Этот процес славянской колонизации и последовательно историко-этнографического образования великорусского народа проходит через весь многосложный цикл ее истории, непрерывно свершался в древней и совершается еще в новой истории. Только до XVI века он преимущественно совершался на финском северо-востоке. А в XVI в. и особенно в XVII и в XVIII столетиях, времени покорения царств Казанского, Астраханского и Сибирского славяно-русская колонизация получила господствующее преимущественное направление на Юго-Востоке, в стране Турко-татарских племен. И здесь также вследствие славяно-русской колонизации стал совершаться историко-этнографический процес нового нарождения великорусского народа посредством принятия в массу его, посредством органического слияния с ним, элементов турко-татарской народности.

И так, первый основной вопрос—*о славянской колонизации финской и турко-татарской страны*; основная идея истории великорусского народа есть идея *историко-этнографического образования и земского устройства великорусского народа*, вследствие славянской колонизации среди финских и турко-татарских народностей. Эти начала доселе не имели в нашей науке надлежащего места, между тем они объясняют нам русскую историю в самой основе ее и во многих отношениях совершенно с новых сторон.

Уясните вы еще вопрос о первоначальном размещении славянского племени в финской стране, вопрос о славянской колонизации—вы тогда уясните себе историю земского устройства древней России, географическое и территориальное распределение народонаселения в таких или других областных ассоциациях, раскроете себе историко-географический строй, основу областного деления древней России. Наконец, вы тогда поймете почему первая форма общественной жизни в древней России была земско-областная, и почему это народно-областное начало так долго и упорно не подчинялось государственному началу Московской централизации. Далее если вы уясните себе историко-этнографическую организацию великорусского народа, различные соединения, комбинации народных элементов путем славяно-русской колонизации в различных областях, то вы уясните себе и дух великорусского народа, его умственную жизнь, его миросозерцание, и отсюда уже объясните и особенность его политического, административного; материально-бытового устройства, его моральную

настроенность, нравы и обычаи и, наконец, из всего этого вы поймете и мотивы и значение всех его политических правлений и движений. А затем уже из самой сущности предмета, из идеи историко-этнографической организации—дух и характер великорусского народа; из его политических движений и проявлений, вы естественно, логически выведете и начала для деления истории великорусского народа.

Вам известно, что в этом отношении современные наши историки Соловьев и Костомаров расходятся между собою. Соловьев не признает племенного деления в Русской истории, а систематизирует факты, обобщая их в идее государственности, строго преследуя эту идею в последовательном порядке княжений и царствований. Оттого сия история, несмотря на все огромное научное значение ее, больше—биография царей и князей, а не всецелая биография или история народа. Костомаров, напротив, приняв за основание деления идеи народности, находит в истории русского народа два условия: удельно-вечевой и единодержавный. Но и это деление, нам кажется, не вытекает вполне из идеи народности, а сближается с идеей государственности. Определение удельно-вечевого уклада не обнимает всех сторон фактов народной жизни до единодержавного уклада. А единодержавный уклад, может быть, допущен только в истории государства, а не в истории народа: идея единодержавности не заключается в понятии народности.

Я, с своей стороны, понимая русскую историю не иначе, как в смысле истории народа, осмеливаюсь предложить вам на суд несколько своеобразное деление. В настоящей задаче своей обобщаю всю совокупность многообразных фактов истории великорусского народа, и в частности принимаю за основу земельно-областное устройство великорусского народа, моральный характер сих областных масс, борьбу областного элемента с централизацией и государственностью; наконец, изображая дух, образ и направление *политической самостоятельности народа* в известные исторические эпохи,—я нахожу два главных разделительных момента, или лучше сказать, две формы общественной жизни великорусского народа: *земельно-областную и государственно-союзную*. Разделительною гранью этих двух исторических форм народной жизни я признаю смутное время, т. е. от 1601 до 1613 г. В это время произошла последняя разрозненность областей в борьбе с централизацией или, по выражению актов, усилилась *рознь всех великих царств и государств великого Московского царства*. И, наконец, в это время области, после 7 летней розни соединились между собою, окончательно вступив в новую *государственно-союзную форму быта*.

Таким образом, первая земская областная форма исторического развития великорусского народа, начавшись со времен основания

областей, простиралась до эпохи Московской централизации—, *„соби-
рания русской земли“* и в смутное время; с 1613 г. окончательно
стала разлагаться под влиянием централизации. Эта форма народной
жизни сложилась естественно, вследствие славянской колонизации
или земского территориального размещения славянского племени в
финских областях, главным образом, по речным системам. Вследствие
колониционного земского устройства областей, земля составляла
фонд, основу различных областных ассоциаций, народоселений, всего
общественного строя областей и самой гражданственности. Все об-
ласти назывались *землями*, гражданственность, общественное устрой-
ство их называлось *земским устройством*, жители областей назывались
земскими людьми. Общественные юридические собрания областных
жителей назывались *земскими советами*.

Вот почему я называю эту первичную форму народной жизни
земско-областной. Факты, характеризующие историческое развитие
этой народно-областной формы земского устройства великорусского
народа, такие: первоначальное земское, территориальное устройство,
основание областей, постепенное этнографическое претворение фин-
ских народностей в плоть и кровь славянской народности, и, вслед-
ствие того, организация великорусской народности, развитие этногра-
фического разнообразия и составности областных масс народа, стрем-
ление всех областей к земской особности, самобытности, разделъ-
ности, стремление к территориальному саморазвитию, их хозяйственно-
промышленному самоустройству, развитие земского народосоветия в
форме веч, перевес обычая и воли живого народа над постановле-
нием, преобладание областной народной уставности и отсутствие об-
щего законодательства, отсутствие сословности и полная свобода про-
мыслов и занятий, полное развитие в народе колониционного духа,
движение, брожение, простор воли и пр. и пр.

Из этих главных характеристических начал народно-областной
формы происходили или в них заключались все прочие характерис-
тические особенности, признаки первичной организации великорус-
ской народной жизни. Вследствие господства народоправления, то и
дело колокол вечевой созывал народ на вече; на земских советах
и городских беспристрастно раздавался шумный голос областных людей.
По неумолимому решению вече, князь, архиепископ, боярин, посад-
ник—беспощадно изгоняются толпой из городов; князь не дает за-
кона, воля народная—закон. Всякая единичная власть неспосна,
ненавистна для областных общин: в XVI в., когда уже значительно
развилась централизация и единодержавие торжествовало, в XVI в.
земские люди во всех областях отдаются под суд княжеским намест-
ником, бьют их беспощадно, а северные областные общины северо-
двинской системы, все одна за другой вытребовали себе у грозного
царя прежнее право самоуправления. При земском самоуправлении

повсюду в средние века областные области стремятся к земскому самоуправлению, к расширению и заселению своей территории. Вследствие колониционного саморазвития областей, в народоселении их господствует общее стремление к так называемым в актах *займищам*; все стремится как можно более занять земель, лесов, вод и прочих угодий и заселить их. До XVI в., даже XVII столетия повсюду видим починочный характер культуры, видим энергическую работу русского народа в лесах девственных и неприходимых с *топором, косой и сохой* по обычному выражению юридических актов. Повсюду идут вольные порядные в прещьянство на поселение, повсюду, по выражению актов, „лес секут, пожни и пашни чистят, делают разделы, расчистки, людей называют и ставят починки и деревни в лесах“. При преобладании леса над полем, починки и деревни своей бесчисленностью преобладают над городами. Земско-областная Русь была Русь чисто сельская. Иностраный путешественник, видевший в Западной Европе чрезмерное развитие городов, в Восточной Европе, в России поражается слабым развитием и редкостью городов, господством сел. Вследствие хозяйственно-промышленного происхождения поселений, целых станов и уездов—земля русская повсюду, среди дремучих лесов перерезывается, так называемыми в актах хозяйственно-промышленными путями, ухажаями, или промышленными погостами в Лопи, в Чуди, в Корели и среди других финских племен. Колонизируются целые станы и уезды с хозяйственно-промышленным характером, по земледельческим путям и ухажаям, так что целые волости в них состоят из так называемых деревень—бортничных, т. е. пчеловодных, рыболовных, бобровых, сокольниковых, солеварных и т. д. Нет ни ямских, ни стрелецких, ни других казенных поселений, какие являются после. Вследствие необыкновенного развития колониционного духа и стремления, в народе сильно развивается страсть к простору воли, к разгулу, к бродяжничеству. Новгородский ушкуйник—первый проводник колонизации, волжский низовый бегун—первый основатель бежецкой пятины, сбойчатые люди, новгородские молодцы—основатели двинских колоний,—вот типические образцы этого разгульного колониционного духа средневековой эпохи. По причине исключительного господства непосредственно натурального быта и хозяйства, по причине преобладания земледельческого, сельского натурально-промышленного труда, народ совершенно не видал и не знает никаких искусственных улучшений и никаких начал высшей цивилизации и культуры. Нет ни фабрик, ни заводов, чудом кажется даже, когда в первый раз на Московской башне раздаются самозвонные часы. Старина, память старожильцев—эти заветные юридические начала судебных доказательств в тяжбах из-за земель, непосредственный дозор и мера в землевладении, куда *ходил топор, коса и соха*, напр. *от ели и березы по кряковистый дуб* и т. д., непосред-

ственно-натуральное измерение, напр., *стрелянием лука или вертением камня*, — вот самые наглядные характеристические черты непосредственно-натурального, народного, областного быта.

Вследствие перевеса побуждения над законом и полного господства частного права, в областях господствует сильное стремление к занятию чужих земель и похищению чужого имущества, к порабощению людей свободных, по словам юридических актов: „*вечно ии у иного землю переорет, луг перекошит, ловлю переловит*“, и т. д., одним словом — сильный преобладает над слабым. Опыт мало по малу возбуждал потребность установления обычных правил порядка: областные уставные грамоты, исход обычая, копии жизни были первыми и единственными народно-областными законами. При отсутствии условности господствовала полная свобода образа жизни, промыслов и занятий.

Крестьянин жил на посаде, в городе и занимался торговлей, а посадский, коренной жилец города, пахал пашню; сын земледельца шел в монахи, а монах жил в деревне и занимался промыслом и торговлей, плавал на нескольких дощаниках с огромным количеством соли или хлеба, для продажи в городах и селах. Мужик, едва разбиравший псалтирь, шел в попы и дьячки, а поп и церковный дьячек исправляли земские, мирские дела. Дети бояр делались архиереями. Наконец, особенно сильную, энергичную агитацию в развитии и судьбе областей имела жизнь *их на всей своей воле*, по выражению летописи. Это самое главное, самое жизненное начало земско-областной формы народного быта. Вследствие векового энергического стремления к территориальной земской особности, самобытности, вследствие вековой разрозненности земского самоуправления и саморазвития, области воспитали в себе дух энергического сопротивления оппозиции против всякой централизации. Историко-этнографическая централизация областных масс, разнообразная по причине сцепления, комбинации разных разнородных элементов, также приносила свою долю начал розни и антогонизма областей к централизации. И вот когда настало, по словам летописи, насилие москвичей, настала пора собирания русской земли к одному центру, к Москве, областные общины с энергическим протестом встали и боролись против Московской централизации. Областные летописи полны такой политической свободы областей, их местного саморазвития и самоуправления; органы выражения общинного земско-областного духа, областные летописи, например, летопись Ростовская, летопись Новгородская, летопись Псковская, летопись Двинская, летопись Хлыновская и другие, подробно передали нам историю этой борьбы областей с централизацией. С каким единодушием восставали, напр., Новгородцы, когда услышали, что Московский князь обольстил Движан отложиться к Москве, обещая сохранить

их областную, земскую самобытность. „Собрались новгородцы, говорят летопись, и пошли к владыке своему: не можем такого насилия терпеть от великого князя, что отнял у св. Софии и великого Новгорода пригороды и волостные наши отчины и дедины, что пошло из начала... благослови, господи владыко, пойдем поискать своих пригородов и волостей, да или найдем свою отчину св. Софии и В. Новгороду, или головы свои положим за св. Софию и Великий Новгород!“ И собрались и пошли ¹⁾).

А рассказ Псковской летописи о взятии Пскова дышет самым сильным энергическим чувством областной гражданской свободы и самобытности. Вспомняв прежнюю вечевую жизнь Псковской области на всей своей воле, изобразив мрачными чертами тиранию великого князя Московского, пророчески сказав, что с расширением Московского царства уменьшатся злодеяния, Псковский летописец восклицал: „Ох!... Увы!... вот спустили вечевой колокол и начали псковичи, на колокол смотря, плакать по своей стрине и по своей воле. И тогда отнялась слава Псковская, и был он пленен не иноверными, но своими единовверными людьми. И кто об этом не восплачет и не возрыдает! О, славнейший город, Псков великий! Почто сетуешь и плачешь? И отвечал прекрасный город Псков: как мне не сетовать, как мне не плакать и не скорбеть о моем опустении! Прилетел на меня многокрылый орел, исполненный крыл, львовых когтей и взял от меня три кебра Ливановых: вече, волю и своих посадников, и красоту мою и богатство и чад моих расхитил..... и землю нашу опустошил, и город наш разорил, и людей моих пленил, и торжища мои раскупили“ и пр. ²⁾). С таким воплем области подчинялись Московской централизации.

Земская особенность, географическая раздельность, этнографическое разнообразие, взаимная политическая борьба и разрозненность, вот главные причины, почему областные общины не устояли совокупными силами против централизации. Однакож память о старой воле и самобытности, чувство неприязни, недоверия, злобы к Москве не погасли в них, а тлели и в самых развалинах их старого земского устройства, наследственная механическая связь их с Москвой могла еще прерваться при первом удобном случае. И вот в смутное время, в эпоху бедствий Москвы, когда не стало в Московском государстве царя, областные общины разрознились, замутились, но уже в последний раз. Вторжение польских и литовских людей, угрожавшее общей опасностью всем областям, исключительные притязания Московского боярства и казачества, сознание необходимости конфедеративного союза, братства областных общин,—все это побу-

1) Сравн. Шапова „Великорусс. области и смутное время“ (Собр. соч. I, 657).

2) Сравн. „Великорусс. области и смут. время“ (Собр. соч. I, 673).

дило их снова соединиться во имя земского единства. После 7 летней розни, областные общины сами мало по малу согласились и порешили быть между собою в *любви, в союзе, в совете* и в соединении. С тех пор окончательно начала развиваться новая государственно-союзная форма исторической жизни областей, хотя и после того в некоторых из них долго не проходило „старое дурно“, как говорили Московские цари в XVII веке.

Государственно-союзная форма исторического развития Великорусского народа началась со времени присоединения всех областей к Москве, с особенной силой стала развиваться после смутного времени, со времени вступления на престол дома Романовых, достигла высшего развития в царствование Петра I—в Империи, и продолжается доселе. Как там, в народно-областную эпоху, на первом плане стоял и действовал народ, земский, областной элемент был главным началом, самобытной деятельной силой общественного устройства, так теперь—в эпоху государственно-союзную, на первом плане стало государство; дух государственности и централизации мало по малу проникает всю областную народную жизнь. Государство взяло на себя всю опеку над народом, сосредоточило в себе все прежние народнообластные, земские права. Относительные характеристические черты народной исторической жизни в государственно-союзной форме следующие: развитие централизации, обобщения, сосредоточия, систематизации всех разнообразных народно-областных общественных отправлений, систематическое стремление к единообразному устройству областей и даже к уничтожению в них самых этнографических особенностей, сосредоточении всех областных народных прав и интересов в одном лице царя, который становится самодержцем *всей России*, и потому в самом титуле своем выражает власть над всеми областями, именуется царем Московским, царем Казанским, Астраханским, Сибирским и т. д. Везде получает перевес единичность, личность власти над земско-областной общинностью, во всех областях вводятся приказом государственное управление, учреждается многосложная система административной централизации и проводится из центра столицы по всем областям; начинается жизнь областей не на всей своей воле, как было прежде, а по государственным указам, развивается государственный контроль и протекционизм в жизни и деятельности; народно-областное общественное, народное право получает казенное, камеральное значение, уничтожается прежнее равенство областных городов и обнаруживается резкий контраст между столичностью и провинциализмом. Европейец, въезжая в Россию, поражается резким различием и противоположностью города екатерининского и города до-петровского и по ним узнает различные эпохи провинциальной нашей жизни. Уничтожается прежнее законное значение людей, развиваются сословные касты и старейшинство. Вообще

тягло к государству берет перевес над личной свободой. Нет прежнего движения, брожения; повсюду в областях водворяется крепостность, оседлость, покой; повсюду по наружности, строгая дисциплина, субординация, покорность, послушание, а внутри, в духе, в нравах много недовольства, анархии, духа реакции и пр. Как эти, и многие другие начала централизации сопровождались совершенным разложением, подавлением старой земско-областной формы народной жизни. Вместо прежней вольно-народной колонизации началась государственно правительственная колонизация: вся земля стала называться теперь государевой. Потому без разрешения царя нельзя было заселить никакой пустой местности; в XVI и XVII веке из отдаленных областей шлются к царю челобитные о дозволении лес чистить, пашню распахать, двор отводить и людей называть. Вместо народно-хозяйственных, торгово-промышленных поселений, в XVI и XVII веке повсюду в областях выводятся остроги, стрелецкие слободы, сторожевые линии — военно-стратегические колонии; в XVIII веке посылаются полки по губерниям, в пригородах выводятся слободы для гарнизонных полков, ландмилиции, ландмилицкие поселения по разным линиям юго-восточной, великорусской Украины и т. д. А кому, наконец, неизвестны эти ужасные военные колонии, которые так очернили славное в первые годы царствование Александра I? Дальше, вследствие развития государственно-географической централизации, мало по малу разрушилась, исчезла прежняя историко-географическая основа областного деления. Длинный, многосложный процесс учреждения губерний, продолжавшийся в течение всего XVIII столетия и в первой четверти XIX, представляет разительное доказательство того, как долго централизация не могла справиться с обширностью, с громадностью и разнообразием областей. Вследствие крайнего развития и полного господства в областях приказно-правительственного начала, мало по малу совсем подавлено было народоуправление областное. Напрасно областные жители в XVII в. громко протестовали против воеводского и вообще приказного управления; в XVIII веке все области были отданы в управление военным губернаторам и чиновникам; не стало в областях излюбленных старост и судей; повсюду появились вместе с губернаторами провинциальные воеводы, городовые воеводы, обер-коменданты, камергеры, ландгевдинги, ландраты, оберландрихтеры, ланд-секретари, ланд-рент-мейстеры, ланд-фискалы, биршнавфохты и т. д. Одним словом, все губернии и провинции „чинами исполнились“, как с чувством довольства говорил Петр I-й. А провинции между тем, никогда так не стонали под игом самовластия, военно-приказного областного начальства, как в XVIII веке. Провинциальные акты XVIII столетия, мемуары в роде записок Державина исполнены рассказов об ужасных деяниях в провинциях губернаторов и всей их команды. Скоро са-

молучшие государственные люди стали сознавать тяжесть для провинций военно-губернаторского управления. Напр. в 1851 г. граф Воронцов смело протестовал против деспотизма военного управления и даже против самого учреждения для управления в губерниях. В 1856 г. министр Внутренних Дел Козодавлев тоже смело восставал против самовластия областных начальников и требовал ограничения их власти магистратами и городскими правлениями. С развитием единичной военно-приказной власти в областях, сначала воевод, потом губернаторов, ослаблялась всякая самодеятельность областных жителей в делах местных интересов, местного прогресса. Почти всякая инициатива в делах областных, в делах торговли и промышленности, в деле полезных предприятий, в деле просвещения и цивилизации областных масс стала принадлежать исключительно правительству. Без разрешения правительства нельзя было, напр., учредить в области частный банк, или основать университет. Вследствие того, сильно подавлялась, ослаблялась народно-областная жизнь и саморазвитие. Рядом с централизацией, государственно-географической и административной, развилась централизация экономическая. Народно-областные доходы, посредством государственного тягла, податей и различных поборов, стягивались в государственную казну, для удовлетворения потребностей целого государства. Вследствие этого частные, областные интересы поглощались общими интересами государства.

Области взамен своих пожертвований, получили столько способов и полезных и необходимых учреждений для своего внутреннего благоустройства, развития и просвещения, для успехов своей торговли и промышленности, сколько давали в казну своих доходов. Сами же областные общины не могли свободно, без контроля и разрешения правительства, употреблять свои провинциальные доходы прежде всего и главным образом на свое местное, внутреннее обеспечение, благоустройство и саморазвитие. Монополизм, *единосложие* государственной казны парализовали народную промышленную и коммерческую деятельность. Акты XVII в. исполнены вопля областей против всепоглощающей государственной казны. В начале XVIII в. Посошков, во второй половине XVIII в. Щербатов изобразили нам разорительность бесчисленных казенных запросов для областных народных доходов. В первой четверти нынешнего столетия Мордвинов как нельзя яснее раскрыл контраст народной экономики с государственной казной как нельзя более основательно доказывал, что главная причина растройства финансов в России — государственная казна, ее обирательная система, *единоторжие* и что правительство столько не дает своих доходов на полезные для областей учреждения, сколько само с них берет и пр. Следствие такового порядка — медленность провинциального, народно-областного экономического

прогресса. Вместо обычая и уставных областных грамот средневековой земско-областной эпохи, в эпоху государственности постепенно развивались общие для всех областей законы: сначала судебники, потом уложение; затем в течение всего XVIII столетия собирались комиссии для сочинения проекта нового уложения и оканчивались ничем: „огромная сия комиссия, отвечал граф Завадовский императору Александру I на запрос о медленности комиссии о составлении законов,—огромная сия машина идет по натуре своей тихо и медленно“. Общие законы не шли по многим областям, не отвечали всем условиям, потребностям и выгодам местного населения. Это начали сознавать лучшие государственные люди уже во второй половине XVIII века и в начале нынешнего столетия.

Вследствие крайнего развития государственно-правительственной опеки над народным богатством, благоустройством и самым воспитанием и просвещением в народе не развилось чувство политической свободы, самостоятельности. Не видим в нем энергической самодеятельности, прогрессивной предприимчивости; словно дитя за пестуном, он стал развивать ее, идти по указам правительства, все ждать сверху приказа, начинания; привык к какой то недоумочной жизни. Правительство взяло на себя обязанность свести русский народ с колен первоначальной, непосредственно-натуральной культуры, научить его рациональному, искусственному производству капитала, улучшению материального быта, научало его устроить фабрики и заводы, указало ему для того европейские образцы. Зато оно взяло на себя обязанность начертывать, по словам Мордвинова, иноземные (sic?) ¹⁾ регламенты и уставы для всякой свободной народной деятельности, для народного просвещения, для народной торговли и промышленности. Прямыми следствиями этого видим в истории государственно-народного быта областных масс: зависимость успехов их умственной и промышленной деятельности от качества политических учреждений и распоряжений, случайность, колеблемость и вялость прогрессивного движения России. Вместо старинного безразличия общественного народного права, вместо свободного выбора образа жизни и деятельности в новую эпоху видим государственное распределение масс народных, видим государственную систематизацию народных сил и действий. Сословность заменила древнюю свободу и безразличие земского значения и положения человека. Вследствие государственно-служебного распределения людей и заботы государства об образовании народном долгое время исключительно состояли в образовании государственно-служебных сословий, военных, чиновных и духовных, и потому учредились только училища для служилых классов, для дворянства и для духовенства. Воспитания народного

¹⁾ Слово не разобрано; рукоп. л. 86, зачеркнуто „35“.

до второй половины XVIII века вовсе не было. Отсюда произошло в XVIII веке резкое раздвоение необразованного, простого или, как тогда говорили, *подлого* народа, и высшего образованного класса, и образовались, таким образом, по выражению одного иностранного писателя, два народа в России, один на высоте цивилизации, другой под страхом полиции.

Результатом государственно-сословного *разделения*, *рассортирования* народа были *разрозненность сословий*, так что по табели и рангам огромное большинство народа, низшие массы стали, по выражению одного нашего писателя, не более как безгласный, сдавленный, пассивный низ, базис несколько тяжелой печальной пирамиды. Если в древне-народной областной России, вследствие колонизационного духа и направления, вследствие жизни на всей своей воле, без сдержки и руководства просвещения, видим безмерный, необузданный простор воли, разгул непосредственно-натуральных сил и стремлений, то в новой государственной России, вследствие всеобщей крепостности, всеобщего тяготения к личной власти, вследствие деспотизма единичной власти, видим постепенную деморализацию, моральную крепостность, раболепие духа народного.

Таковы главные характеристические начала государственно-союзной формы исторического развития и быта великорусских областей. Какие же теперь были результаты, выражения этих начал в политических движениях и направлениях народного духа?

Мы видели, как колонизационное земско-областное начало народной жизни, вековое стремление областей к земско-бытовой особенности, самобытности, саморазвитию выразились в энергической оппозиции областей против Московской централизации, и в последний раз в смутное время проявились в розни всех великих царств и государств велико-московского царствования. Что же, улеглись ли спокойно и повсеместно в государственной форме народно-областные элементы, начала? Мирились ли, совещались ли они с государственной цивилизацией? Нет! В самое смутное время, во время розни областей, когда князья и бояре, потомки удельнообластных князей, помнившие страшные времена Грозного царя, замыслили устроить боярское управление, когда князья и мурзы татарские, потомки царей Татарско-Казанского царства, в родне Симеона Бекбулатовича, замыслили взять в свои руки Московское Государство, в это самое смутное время что думали, что делали массы областные, люди земские? Они в самый разгар областной разрозненности, в земских отписках своих писали друг к другу: „а бояр бы нам не хотети; против бояр стоять обще“. Отвергнув боярское управление и избрав всей земли единоподданного царя, земские люди на великом Московском соборе 1613 г. дали царю ограничительную для самодержавия запись, какова по совету всей земли učinена, как сказано в

государственной книге и земском совете 1613 г. Запись эта, как передает Котошихин, состояла в том, „чтобы царем быть не жестоким и неопальчивым, без суда и без вины никого не казнить низачто, а мыслить о всяких делах с боярами и думными людьми сообща, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делать“.

Вот какая была воля и мысли народа в избрании царя. В форме великого Московского земского совета 1613 г. народ выразил свое прежнее начало земского народосоветия. И этот принцип земства, народосоветия, развившийся в народообластной форме, сначала был признан и в государственной форме. Он многозначительно выражался на земских соборах XVII века, особенно в царствование Михаила Федоровича. Вспомните, например, с какой свободой и энергией говорили на Земском соборе 1642 г. многочисленные выборные земские люди из разных областей о злоупотреблениях воевод и дьяков в областном управлении, с какой смелостью и решительностью протестовали против воеводского управления и выражали желание восстановить в областях прежнее земское самоуправление и земский самосуд посредством самих выборных излюбленных старост и судей. Мало того, в XVII веке, в эпоху окончательного развития государственной централизации областные земские люди так были неугомонны, требовательны в отношении к Московскому правительству, что то и дело слали отовсюду в Москву, к царю своих доверенных „во всех местах“ с общими областными челобитными. Цари были вынуждены учредить особый челобитный приказ. В областных челобитных XVII века выразился сильный, громкий народный протест против обременительности государственного тягла для народного экономического быта и развития, против препятствий государственной приказной службы для народной торгово-промышленной деятельности, государственно-приказно-областного управления для земского—народно-областного саморазвития и пр. Этот неумолимый, челобитный, областной протест со второй половины XVI и в XVII веке, так был силен, многозначителен, что цари Московские на первый раз невольно уважали голос народный и давали указы и грамоты на основании народных челобитных. А когда царь Алексей Михайлович, при своем вступлении на престол, не дал земской записи, чтобы не быть жестоким и опальчивым, без суда и без вины не казнить никого, мыслить о всяких делах с думными людьми; когда он учредил приказ тайных дел—прообраз страшной темной канцелярии, грозной тучей повисшей над народом в XVII веке; когда он допустил самовластие бояр-временщиков, когда он издал уложение, хотя по прочтении его на земском соборе перед выборными со всей земли, с рукоприкладством 315 человек земских людей; когда в Уложении после преступлений против веры и церкви, первым преступлением он признал всякий протест, всякое слово против

святости и божественности лица самодержца; когда в Уложении, по выражению графа Воронцова, написаны законы не для свободных граждан, но для рабов, и кнут избран орудием для исправления судей и тяжущихся действительнейшей принадлежностью суда, когда утвердил в Уложении начала крепостного права и проч.,—то большая часть народа в разных областях закричали ему: „антихрист!“ По городам поднялись бунты, признак старого дурна. Везде многие земские люди *чинились сильны и государеву указу непослушны*, по обычному выражению исторических актов XVII века; везде брели врозь, вопреки государственному закреплению к земле и централизации. Чутье народа—самый лучший, необманчивый барометр государственной атмосферы. Народ уже в царствовании Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича предчувствовал и через избранных своих предсказывал политические бури конца XVII века и даже переворота XVIII столетия: „Голос Народа“—читаем в одном рукописном хронографе конца XVII в. — *голос народа такой носился: как может быть в мире и тишине многое множество людей, не имея в судах правосудия; и если правосудия не будет, то, конечно, какое нибудь изменение, превращение в государстве будет. Во время зимнее в лето 1682-ое начали люди сильно злобиться по причине неправд и нестерпимых обид; особенно начали злобиться и говорить на временников и главных судей, что мздоимством они себе ослепили. И тогда повсюду не только между мужьями, но и между женами шли речи об обидах и неполучении возмездия в праведных делах. А ближние предстатели царя только сами собой вымышляли мниморазумное, а не руководились советом многих людей, презирали искусных, мудрых и старых людей и покушались вводить всякие новые дела в государстве, чины, в чаянии чести не у дел опочивные (sic!) в гражданстве, забыв писанное, что „в многосоветии спасение“¹⁾. Пред народными бунтами, ознаменовавшими конец XVII столетия, к царю Алексею Михайловичу приходили какие-то странствующие проповедники мистико-идеалистического учения в демократическом духе, подобные западно-европейским странствующим учителям, предвозвестникам революции. В числе их пришел к царю Алексею Михайловичу какой-то муж мудрый и говорит: „В гражданстве будут тайные похищения скипетров, людей вельможных будет посещать смерть, как естественная, так и напрасная (насильственная), затем последуют из-за них большие молвы и смущения и различные постановления у ряду городского.... И по этим причинам будут великие сеймы многонародные и чувствительные. Бог да избавит, чтобы какое нибудь злое определение оттуда выскочило. Тогда вельможам, боярам, начальникам пагуба будет, где будет суд и правда—и брани не оску-*

¹⁾ Вся выдержка из хронографа приведена неполно и местами неточно. Подробнее см. „Земство и раскол“ (Собр. соч. I, 468).

деют, подданные восстанут против правителей за то, что сердца их суть опечалены и тоской наполнены. Хотя некоторые вельможи и мыслят об установлении спокойствия и натянут всякую жилу, чтобы колеблемый, бунтующий народ, мог успокоиться, но мало помогут. Сверх того будут сонмища, казна истощится, и мучители народные, которые сильно воссвирепуют, погибнут¹⁾.

В то время, как собралась такая грозная туча народных бунтов над Москвой, в то время, как странствующие народные учителя пророчили о политических переворотах, о демократических движениях народа,—в то время по украинам России собирались все противогосударственные, демократические народно-областные элементы и страшным, потрясающим взрывом проявлялись. В северном Поморье, в древней колонии Великого Новгорода, в бывшей встарину вотчине знаменитой Новгородской возмутительницы против Москвы Марфы посадницы,—в северном Поморье возникло и сильно распространилось в массе народной демократическое учение: не молиться за царя, не повиноваться ему, проклинать его²⁾. На этот взрыв откликнулись, пришли ратные люди, сподвижники юго-восточных демократических движений. Здесь, в низовьях Волги и Дона пылало более широкое и опасное возмущение против государства. Около Стеньки Разина собирались и с ним бунтовали против государства массы народные с чисто демократическим, противогосударственным характером... Затем наступили стрелецкие бунты, тоже чисто-демократические, противогосударственное проявление духа народного³⁾. Вообще демократическая настроенность народных масс, склонность к бунтам против государственного начальства, правительства было так же не в духе великорусского народа, что именно нужна была такая железная воля, такая сила монархической власти, какие сосредотачивались в лице Петра I, императора России, чтоб обуздать необузданный народный демократизм. Тогда только демократические движения народа на время укротились, хотя начала их в народе не исчезли, глубоко коренились.

И с этих пор, как усмирены были противогосударственные движения народные, ознаменовавшие начало Империи, последовало дальнейшее развитие политической деморализации народной, подавление народно-областной жизни и самостоятельности посредством крайнего, окончательного развития государственной централизации и ее многообразных новых учреждений. В XVIII веке народнообластная жизнь, особенно жизнь большинства народа, его низших классов выражалась почти только в стоне, в бегстве народа от государственных податей и налогов, от рекрутчины, от крепост-

¹⁾ Вся эта цитата более полно и тщательно приведена в труде „Земство и раскол“ напечатанном в 1862 году (Полн. Собр. соч. I, 458—459).

²⁾ Срав. „Земство и раскол“, (Полн. Собр. соч. I, 461).

³⁾ Срав. „Земство и раскол“ (Собр. соч. I, 466—7).

ного права, от беспорядков областного управления, от тирании вроде Бироновской. Тогда как при дворе разыгрывались страшные сцены узурпаторов и интриганов временщиков, страшные балы политические с танцами, сначала немцев, потом французов, народ в областях словно усыплен был после политического движения конца 17 века; спал страшным, тяжким сном, и во сне страшно стонал и грезил. Ему грезилось напр., будто Россия—вавилонская блудница, будто в ней со времен царя Алексея Михайловича воцарился антихрист, будто все последующие цари суть новое возрождение, воплощение антихриста, что в именах их начертано мистико-апокалипсическое число зверино 666. Ему грезились какие-то духовные полковники, собиравшие зачем-то свою духовную кавалерию, ополчавшие народ и проч. и проч.¹⁾ А там в половине XVIII века в массах народных, всего больше заявивших народный демократический дух, возникает новая демократическая партия под именем „Бегунов“, возвещает принцип решительного отвращения и бегства от всего государственного, принципа совершенного искупления, исключения из государства, проповедует самые демократические мысли об единодержавии, о правительствующем Сенате, а в начале XIX в. и о государственном совете, о святейшем синоде, о государственном законодательстве и судопроизводстве, о государственных повинностях, о начальстве, и предсказывала всеобщую брань народную с государством и пр. и проч. Проходит еще 20 лет, является Пугачев и снова будит спящие народы к восстанию: старые враги государства—казаки, в буйном неукротимом разгуле демократического азарта, замышляют потряхнуть государством, которое они попрежнему называли: „Москвой.“ „то ли еще будет, так ли мы потряхнем еще Москвой?“ говорили они. И действительно, так потряхнули юго-восточным краем, что императрица Екатерина с нетерпением говорила: „Бог весть, чем все это кончится.“ „Зло велико, преужасно,—писал Бибииков,—ух!... Дурно! Пугачев—не что иное, как чучело которым играют воры-казаки; не Пугачев важен, важно общее восстание.“²⁾ Да, именно важно было общее народное негодование, выразившееся в Пугачевщине. Взволновалась Русь крепостная, взволновались инородческие племена: башкирцы, калмыки, мордва, чуваша, черемисы, как в смутное Разинское время, перестали повиноваться русскому начальству. Народ негодовал и свирепствовал против приказного начальства, чиновничества, против крепостного права и хотел вольности.

Между тем, как в политических проявлениях и движениях масс буйно, инстинктивно выражался демократический, противогосударст-

¹⁾ Этот сон в точной выдержке, но не полный, вошел в статью „Земский сбор 1648—1649 и собрание депутатов 1767 г.“ (Собр. соч. I, 750—751).

²⁾ Срав. „Земство и раскол“ (собр. соч. I, 540), где собственные слова приведены в другой редакции.

венный дух, жестокостям Бироновщины отвечал буйствами Пугачевщины, в высших слоях народа видим развитие других идей, стремлений и движений. Здесь не непосредственно натуральная инстинктивность, а зревшее мало по малу сознание развило противогосударственные, аристократическо-демократические идеи и стремления западно-европейская цивилизация, хоть и медленно, слабо, но приносила свой плод. Вследствие ее слияния, в высших массах народа постепенно развивалась идея политического права и саморазвития. Не массы, а отдельные личности и образованные литературные кружки большею частью развивали эту идею. Она была единственным, последовательно развившимся плодом европейского просвещения, воспитанием русского юношества. Потом мы будем следить историческое развитие ее в связи с ходом просвещения высших классов народа.

В начале XVIII века, вследствие исключительной государственной цели введения европейской науки в России, высший класс народа, дворянство, учился нехотя. *„Напрасны и издержки и труды твои,* говорили тогда царю приближенные бояре: *— голове и уму русскому недоступны учение и наука.*” Вследствие такого несочувствия, апатии, старого невежества к европейской науке и к просвещению, лучшие люди эпохи, вроде Кантемира, доказывают новопросвещенному обществу пользу европейской науки. Петр клеймил позорным именем дурака всякого боярина, который не учился, был невеждой. Государственный ум его ценил в людях один ум, и ценил преимущественно с государственной точки зрения, и голову без ума не прочь был беспощадно отрубить. Ценил только ум государственно образованный, Петр мало ценил движения сердца, убеждения совести, и потому жестоко казнил людей, напр. за *дурацкий раскол*, как тогда говорили. Так мыслили и современники Петра, напр. Татищев провозглашал, *„что источник всех деяний человеческих есть ум и только.*” Многие вследствие такого образа мыслей постыдились остаться старыми дураками, и, глядя на умных людей, стали учиться и на первый раз перенимали европейскую науку только по приказу правительства, для целей государственных и по подражанию. Вследствие того, образование долгое время было только государственное и, преимущественно, военное, форменное, модное. *„На все мода пошла: на умы мода, на знания мода,”* как говорит Стародум в „недоросле“, Фон-Визина обличая дворян-воспитанников первой половины XVIII века. Исключительное образование ума и притом образование государственное, преимущественно военное, приказное и только модное, несколько вперед не подвигало развития народного самопознания, и не рождало и не выдвигало личностей с сильными разумно-сознательными, либеральными политическими идеями и стремлениями. Не принцип политической свободы и просвещенный либерализм, не возвышенный, благородный дух аристократизма, а своекорыстная

притязательность старого донетровского боярства, возродившегося в шляхетство, эгоистическое властолюбие нескольких бояр, родовой боярско-фамильный олигархизм.— вот что выразилось в известной революционной попытке Верховников 1730 г., т. е. при вступлении на престол Анны Ивановны. В одном только тут видим зародыш гражданского самопознания— в проявлении гражданской власти, а не солдатства.

В конце XVIII века граф Воронцов говорил об избрании Императрицы Анны: „примечательно какое влияние и силу имела тогда в России гражданская власть. Их хотя не признать нельзя, что тогдашний верховный совет весьма дурное сделал из своей власти, присвоив себе, и так сказать, двум фамилиям всю почти власть самодержавия, но, по крайней мере, не солдатство престолом распоряжается, так как в последующее время случалось на то похожее. Нет роду управления, свойственное к насильству, как военное. Бездмерная власть в руках гражданских имеет, конечно, свои неудобства, но никогда таких насильственных следствий иметь не может, какне обузданность военная“ и пр.; не во имя Европейского прогресса, а больше во имя боярской старины Верховники предприняли свое дело. Один из членов Верховного тайного Совета, князь Голицын, в духе прогрессивных либеральных идей говорил: „Так как Россия крайне претерпела от неограниченного самовластия, коему весьма много способствовали иноземцы, призванные в землю нашу Петром I, то и подлежит обуздать верховную власть благими законами“. И тот же Галицын, отрицая начало Европейской цивилизации говорил: „к чему нам заморские обычаи? стцы наши обходились и без них, а мы разве глупее наших дедов“. В таком контрасте находились даже в лучших умах высшего класса, в первой половине XVIII в., новые европейские либеральные идеи с русской стариной. Оттого, посеянные еще на жесткой, не смягченной европейским образованием почве эти идеи не приносили ничего. Людям первой половины XVIII столетия не доставало души, как говорили во второй половине 18 в. Лучшие люди второй половины XVIII века поняли односторонность умственного, государственного и военного образования, поняли недостаточность одного учения, признали необходимым образовать посредством просвещенного воспитания новую породу людей и новую породу отцов и матерей. Бецкий в составленных им учреждениях, касающихся до воспитания, провозглашал: „Опыт доказал, что один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях более вред бывает... При таком недостатке смело утверждать можно, что прямого в науках и художествах успеха у людей третьего чина в государствах ожидать и себя ласкать будем напрасно. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитание“. Держась этого неоспоримого

правила, одно только средство остается, т. е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей. Вслед за Бецким и Екатериной все мыслящие и просвещенные люди хотели, чтобы с изящным разумом соединялось еще изящнейшее сердце, на том основании, что ум не занимает первого места в достоинствах человеческих, украшает их, но не составляет. „Все требовали образования человека, развития души, сердца чувствительности. Познание европейской науки и цивилизации, введенное Петром I и поразившее одностороннее умственно-материальное направление первой половины XVIII века, возбудило недовольство, и, вследствие этого недовольства, явилась потребность самопознания и саморазвития и самообразования. Отсюда развивались все лучшие прогрессивные начала развития высшего класса народа, всестороннее европейское образование; воспитание и просвещение мало помалу преобразовывало полубоярское шляхетство первой половины XVIII века в аристократию Екатерининского времени. В лучших умах высшего класса развилось аристократическое самопознание. Аристократические тенденции Панина уже не походили на боярские претензии верховников. В конституционном проекте Панина и Дашковой, желавших ограничить единодержавие аристократическими институтами и установить политическую свободу сначала для одного дворянства, исключилась идея всецелой централизации. Областной элемент составлял существенную часть конституционной организации. Рядом с Верховным Советом — центральным конституционным учреждением — предполагалось устроить областные дворянские собрания во всех губерниях и уездах; собраниям этим представлялось право совещаться об общественных интересах и местных нуждах, представлять об них Верховному Совету и предлагать ему новые законы, — следовательно имеет инициативу законодательную. С таким самопознанием проявлялся в первый раз просвещенный дух аристократизма в противоположность бессознательным, непосредственно инстинктивным движениям масс. Век Екатерины по преимуществу называется веком аристократизма, как изолированной, замкнутой касты, в противоположность подлому народу. Эта отрешенность и исключительность аристократических притязаний на конституцию была одной из главных причин неудачности их попыток. Необходимо было развитие третьего посредствующего сословия. И вот мало по малу стал развиваться со второй половины XVIII века, как говорили тогда, третий чин — нейтральный класс народа, примиряющий во имя народности и просвещения низшие массы народа с властным классом. Чрезвычайно медленно, но приносило свой плод просвещение. Образование человека, развитие души, сердца, чувства, чувствительности, как говорили во II-й половине XVIII века, мало по малу вело к развитию гуманности, человечности, сознанию права личности.

Все просвещенные люди второй половины XVIII века заговорили „о любви к ближнему, об общем благоволении к роду человеческому и доброжелательном и ласковом снисхождении ко всякому, о почтении к человечеству“. Развитие человечности, чувства почтения к человечеству, сознание права личности повело к сознанию вообще права народности.

В то самое время, когда все подданные русского царства титуловались рабами, всенижайшими, всепокорнейшими, недостойными, когда эти рабы высших сословий считали себя благородными, весь прочий рабский народ (*peuple d'esclaves*) называли не иначе как подлым народом; в то же самое время воспитались уже и такие люди, которые писали дружеские советы благородным, сильным жителям, любезным поселянам, которые вспоминали „до ныне совсем презренного земледельца, надеялись и громко провозглашали, что отныне умолкает неистовая гордость — презирать в низости живущих поселян“. Из сознания общественного права, права народности проистекали все прогрессивные стремления и действия лучших людей второй половины XVIII в. и первой четверти 19 столетия. Вследствие сознания идеи народности, просвещенные и государственные люди этой эпохи старались по возможности приводить в систему правительства идеи народности и областности; обыкновенно развивали ту мысль, что не народ существует и действует для государства, а государство существует для народа и должно служить пользам народа, что от благоустройства областей, от развития частного и народного благосостояния зависит благоустройство целого государства. Эти идеи приводили в государственно-административную систему все лучшие государственные люди в первые годы царствования Александра I, напр. Воронцов, Трошинский, Мордвинов и др. Они официально утверждали, что законы должны быть сообразны с местными условиями и потребностями областей, что государственный совет должен знать и обратить особенное внимание на интересы и совокупные права многочисленных и обширных областей и т. под. Далее, вследствие подобного постепенного развития, политического самопознания лучшие просвещенные люди стали все лучше и лучше сознавать расстройство и вопиющие недостатки общественного народного быта. Как прямо и резко, напр., Щербатов во второй половине XVIII в. охуляет в своих сочинениях все неурейства и беспорядки управления Екатерины, разные худые распоряжения ее, нещадит и деспотизма монархов, с какою свободою рассуждает: „о монархическом, аристократическом и демократическом управлении“. Как резко и свободно Мордвинов описывал в официальной записке императору Александру нелепообразное, по его выражению, состояние и устройство России. Или, с какою упорной, по словам императора Александра, уже слишком ревностной настойчивостью Дер-

жавин разоблачал самые грустные деяния губернаторов в провинциях, или протестовал против беспорядков Сената и Совета, или как прямо граф Воронцов пишет царю с сожалением, что Россия никогда не была прямоустроена, что государство прежде крепости своей во многом истощено, что солдатовство в ней управляет народом и пр. А это либеральное ироническое изображение адской России под игом тирании, какое получаем в сочинении Радищева, напоминает нам думы Рылеева, идеи Искандера, „Мертвые души“ России, Гоголя. Отсюда, вследствие этого духа недовольства, отрицания в просвещенных, благонамеренных, умеренно-либеральных государственных людях видим энергическое требование реформы сверху, от правительства. Далее, вследствие развития самопознания, со второй половины XVIII века развились в обществе и литературе два противоположных направления: идея одного—всецелое восстановление форм земского строения древней России, отрицание реформы Петра; идея другого—дальнейшее развитие реформ Петра и полнейшее усиление начал Западно-Европейской цивилизации. Борьба в науке и литературе этих противоположных направлений, продолжающаяся до ныне, одинаково выражает начало развития нашего исторического самосознания, идею народного саморазвития.

Из того же сознания идеи народности происходит постепенное стремление к политической свободе. Уже во второй половине XVIII века возникла идея свободы крепостного народа,—основная идея политической свободы. Были люди просвещенные, в виде графа Румянцева, графа Воронцова, которые старались проводить эту мысль в общество и литературу.

1 ноября 1766 г. один неизвестный человек прислал в военно-экономическое общество 1,000 червонных в награду за решение задачи: „что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю, или только движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны“. Известно-каким чувством народности, чувством вражды к крепостному праву, требовавшем освобождения крестьян, проникнуто знаменитое „Путешествие из Петербурга в Москву“ Радищева, известен и проект его об освобождении крестьян. Когда мы сообразим эту предварительную подготовленность духа общественного, нам становится понятным проект графа Сергея Петровича Румянцева 1802 г. об образовании свободных хлебопашцев. Наконец, вследствие развития политического самопознания, сознания общественного права, права народности, постепенно стала пробуждаться потребность нравственно-материального и политического народного самообразования, самоустройства и саморазвития. Отсюда в конце XVIII в. и в первой четверти XIX столетия видим стремление к учреждению частных домашних школ и пансионов, видим образование различных обществ вне государствен-

ных воспитательных учреждений. В 1765 г. учреждено было в Петербурге вольное экономическое общество „для распространения в отечестве знаний о земледелии и домостроительстве“, как сказано было в проекте его. В 1781 году Новиков с Шварцем основывает „дружеское ученое общество“, а кроме того учредил педагогическую семинарию, собрание университетских питомцев, переводческую семинарию. Идеи общества Новикова имели большое влияние даже на низшие массы народные. Вольная типографическая компания Новикова распространила и такие книги, которые пробуждали идею политического самопознания народного, дух оппозиции народной против государственности. В числе книг этого рода в библиотеке Новиковского общества, которая стоила 300.000 рублей, были между прочим в русском переводе противоправительственные книги напр. Аридта.

Эпоха образовательной деятельности Новикова была чрезвычайно возбуждательна для мыслящих просвещенных людей России. Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую весну 90-х годов: все ждали с бьющимся сердцем чего то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями. Эммануил Кант, сняв шапку, говорил, удрученный величием событий, при возглашении французской Республики: „ныне отпускаеши“... С восторженными идеалами того времени и мыслящие люди России встречали XIX столетие. Многозначительно было начало нашего века! Оно веяло самым отрадным либерализмом. Сам Александр I постоянно повторял, что „либеральные институты, либеральные принципы“ составляют для него единственное основание для осчастливления народов. В письме к своему другу, к князю Черторижскому от 13 января 1813 г., на польском сейме перед представителями польской нации 27 марта 1818 г., перед депутатами Ливонского дворянства 5 марта 1819 г., в беседе с известной писательницей Сталь Александр выражал свое решительное намерение даровать конституцию народам, населяющим Россию. Сперанский по его идее сочинял конституционную хартию. Все окружающие Александра, те слова Державина „Набиты были конституционным французским и польским духом“. Каждый офицер шел во французский поход с проектом конституции в кармане. Журналы русские, как например, „Северная почта“, восхваляли монарха за свободу печати. Все так питало в просвещенных классах народа самые отрадные мечты и надежды. И ничто уже не могло остановить, подавить последовательного политического развития в мыслях просвещенных людей народа, политического самосознания, когда снова все приняло суровый вид единодержавия и настала инквизиторская политика Аракчеева; тогда образовались политические катакомбы. Здесь теплился тусклый све-

тильные конституции. После 1813 г. и особенно около 1816 года одно за другим возникают и распространяются тайные общества: „Союз добродетели“, „Союз благоденствия“, „Союз счастья или достойных сынов отечества“, „Союз зеленой лампы“, военное общество, или общество русских кавалеров, славянское общество, библейское общество. Во всех этих обществах выразились разнообразные стремления пробуждавшегося морального и политического самосознания и саморазвития.

Здесь то, в тайных собраниях этих обществ, развивалась, из них проводилась в высших классах народа идея конституции. Таким образом постепенное развитие политического, народного самосознания и самообразования, несмотря на все сдержки, начало приносить свой необходимый плод—идею политического, народного самоуправления. И эта идея, еще не успевши созреть, развиться в духе народном, проникнуть в массы, уже торжественно заявила в истории свое право 14 декабря,

---

II.

О конституции.

Господа!

Сегодня я пришел к вам не с лекцией, а на одну беседу в кругу друзей русского просвещения. Современность русского народа так живительна, возбудительна для того, кто занимается историческими судьбами, что невольно увлекает и навеивает различные исторические думы. Позвольте мне сегодня высказать одну из этих дум.

Когда то в кругу немногих г.г. студентов я сказал и теперь повторяю: чье сердце не бьется от одного магического слова: *конституция!*

Да скоро ли, когда мы дождемся ее? Но какая нам необходима конституция и как совершится она? Вот вопросы, которые мучат нас. Пусть была бы у нас гласность, свобода разума и слова — первый дар конституции, первый закон в ее кодексе — мы бы теперь подробно наслаждались хоть литературным обсуждением начал нашей будущей конституции. Мы бы теперь подробно анализировали и критически обсуждали общим русским умом, при помощи наук, при соображении конституционных опытов Европы и Америки, анализировали бы и обсуждали бы исторические, политикоэкономические, юридические, географические и этнографические условия и элементы нашей русской конституции. Но Геркулес ли или русский бог не дал нам дара гласного слова, инквизиционная цензура бьет в самом зародыше нашу мысль. Жандармская тайная полиция, как лев, ищет поглотить за свободную мысль, за свободное слово. Что же делать? Остается — мыслить взаперти, одному, бродя из угла в угол. Но мысль подчас так мучит, так напрягает голову, что и самых тяжелых вздохов, и за вздохами — слов — мало для облегчения мысленного давления, ига. Слово, свободное слово — единственный простор для мысли. Это ее свежий воздух ²⁾.

Идея конституции включает в себе такое неисчерпаемое обилие мыслей, что могла бы быть постоянным предметом слова и живого и литературного. Вы изучаете, например, философско-исторические

¹⁾ В рукописи Красноперова это и предыдущее слово пропущены.

²⁾ До сих пор со слов „Что же делать?“ приведено у Аристова „А. П. Шапов“ СПб. 1883 стр. 40.

принципы социального развития народов, законы общественной цивилизации, — идея конституции составляет, как кажется, окончательный вывод, естественный результат философии политического права.

Вас занимает общественное право, юридическое устройство народной жизни, администрация и суд — конституционная организация юридического быта народа составляет самый естественный и жизненный росток юридического саморазвития народной жизни. Идея юридической самостоятельности, самоуправления народного естественно вытекает из идеи юридического самосознания народного: народ имеет естественное право думать сам о себе, своих интересах и делах. Общественное право — это сам народ в юридическом уравнивании его разнородных частных прав, сил и элементов.

Вы изучаете политико-экономический быт народа: конституционная организация свободного труда, конституционное охранение, распределение и уравнивание экономических сил и продуктов народной производительности составляет самую лучшую гарантию общественного экономического благосостояния и прогресса. Конституция есть полное признание прав свободного труда, свободы всех производительных сил народа и естественное уравнивание этих свободных и производительных сил.

Производительная сила свободного труда, материального или умственного, морального, — вот движущая сила конституционного, социального, экономического, умственно-морального развития. Только при равной свободе экономических сил и труда возможно полное, гармоническое, цельное развитие и уравнивание общественной и экономической производительности и благосостояния.

Вы занимаетесь исследованием поземельного, политико-географического распределения народа: конституция обуславливает физико-географическую основу территориального распределения народонаселения, областного деления и представительства земских общин; конституция дает цену местному областному элементу, она соразмеряет земско-областные и конфедеративные права и отношения различных областных общин сообразно с их физико-географическими и этнографическими условиями.

Вас занимает этнография: она составляет одно из существенных начал конституции. Конституция дает свободное развитие всем живым началам и элементам этнографическим, а в разнообразии и взаимодействии их признает жизненное начало, задаток, залог живого, разнообразного, всестороннего прогресса.

Вы занимаетесь литературой: литература составляет орган развития народного самосознания, а развитие общественного самосознания естественно необходимо ведет к политическому самоуправлению. Идея конституции, следовательно проникает в литературное движение и развитие мысли.

Таким образом все историко-философские и историко-политические науки в большей или меньшей мере заключают в себе идеи конституции и материалы для рационального развития и уяснения организации ее.

Мы с вами изучаем Русскую историю. Клянусь: без солидного, основательного, жизненного понимания истории нашего народа, без исторического, историко-этнографического самосознания, — мы вдруг не создадим конституции полной, такой, которая бы обошлась без бунтов, унаровила бы всему народу, или вернее, всем народам¹⁾. От закона исторической последовательности никакое, даже самое гениальное творчество не освобождается²⁾. Я вполне согласен со словами одного нашего писателя, издателя истории Вебера: „ничто так не расширяет кругозора нашего, ничто так не укрепляет и вместе не отрезвляет ума, как дельное изучение истории. Каково бы ни было призвание человека, специальное — ученое или гражданское в обширном смысле — историческая основа необходима везде. Необходима уже и потому, что она совершенно неизбежна; например, мы будем *льстить* себя надеждой создать что-либо новое или поддержать отжившее наперекор историческим основаниям; даже гениальное творчество, равно как и самая фанатическая любовь к старине должны волей или неволей подчиниться закону исторической последовательности, и это не только в обширных сферах государственной и общественной жизни, но и в самой тесной раме частных отношений в ближайшем родственном и семейном кругу“. История, это — сама нация в течение веков, сказал Гизо. Русская история, следовательно, — это сам русский народ в течение веков. Так! Но мы, русские, знаем ли мы наше прошедшее настолько, насколько нужно нам знать наше настоящее? Естественно-ли, исторически-ли последовательно мы все хотим чего-то нового, ждем какого-то невещественного, не варяго-русского, тем более не татарско-византийского памятника 1000-летия России?

Вот вопросы, которые не только заставляют нас прежде начала специальных лекций сказать несколько слов о взаимном отношении древней и новой России и о значении исторического самосознания в практике современных реформ и вопросов.

Известный юрист наш Калачев, глубокий знаток юридических актов, заключая свою прекрасную критику на книгу Чичерина об областных учреждениях России 18 века, совершенно справедливо сказал об общем взгляде Чичерина на древнюю Россию: среди верных

¹⁾ Современный историк сказал бы, что никакая конституция не может „унаровить“ всему народу, поскольку она является продуктом творчества господствующего класса; без „бунтов“ же не может обойтись всякая конституция, идущая вразрез интересов трудящегося и угнетенного большинства.

²⁾ Ср. Аристова, цит. соч. стр. 64, со слов „клянусь“.... и т. д.

и остроумных замечаний проглядывает всюду мрачный оттенок, приданный древнему миру древней России современным отрицанием в нем юридических понятий, которым бы определялись и ограничивались права и обязанности лиц, и решительным приговором о полной неопределенности, которую представляет наша древняя администрация: „Как неутешительно знать и верить с автором, что Петр Великий привил, так сказать, нашим предкам юридические начала европейских государств, призвал их к новой общественной жизни, с которой мы уже сроднились и которая представляет в будущем еще более обширные последствия; тем не менее и по прочтении книги г. Чичерина мы остаемся в искреннем убеждении, что из огромной массы рассмотренных нами фактов, могли бы быть выведены по крайней мере положительные результаты, которые принесли бы у нас свою пользу не только науке, но и самой практике.“

Да, не только науке, но и практике! Наперекор исторической организации и жизни нашего народа, мы не создадим ничего прочного нового, не улучшим вдруг быта нашего народа, многое даже можем испортить, как и были уже опыты в нашей истории.

Почти все, что теперь составляет предмет или еще вопрос наших реформ, почти все это имеет свои степени, зародыши, элементы в прошедшей самобытной жизни нашего народа. Мы только при ленивом и во многих отношениях еще не точном и превратном понимании бытовой внутренней истории русского народа не знаем тайны потребностей, источника желаний, вековых исканий нашего народа. А народ выразил их в своей прошлой истории, выразил нестройно, пожалуй, естественно грубо, потому что недоставало искусственности и рациональности, той европейской рациональности, той разумной человеческой мысли, какую должен был внести в Россию Петр I-й. Он внес это вспомогательное, существенно необходимое нашей новой исторической жизни. Оно, хоть и сквозь уродливые, нестройные исторические формы и начала 18 столетия, вылилось, вобралось в нашу жизнь и дало ей европейское разумно-сознательное направление. И значение Петра тем кончено. Для России настает пора нового, исторического, разумно-сознательного бытия.

И вот почему, мне кажется, в наше время необходимо, особенно необходимо всестороннее и глубокое историческое самопознание наряду с совершенным политическим самопознанием.

Великая всенародная реформа, которая явится в виде конституции, народного самоуправления, тогда только удовлетворит всем разнообразным потребностям народов, населяющих Россию, и тогда только водворится в русской земле, когда будет плодом нашего всестороннего и глубокого исторического самопознания и будет согласоваться с историческим духом и характером народа, с историческими, территориальными и федеративными особенностями его. А без

всестороннего исторического самопознания невозможно глубокое политическое самопознание народное, следовательно, невозможно и правильное, естественное удовлетворение всех наивысших разнообразных обширных потребностей, развившихся в течение истории. Вот почему в наше время жизненно необходимо глубокое и всестороннее изучение исторической организации древней России столько же, как и изучение новой России.

Новая Россия органически связана с древней, словом, история есть организм, ее развитие — развитие организма. Элементы древнего быта России еще глубоко коренятся во многих слоях нашего современного общественного строя. Даже семена, зачатки самой будущей конституции, нашей *discordia semina gerit*, отчасти кроются в истории, в вековых исторических стремлениях, склонностях и привычках нашего народа. Недаром ученые и поэты молодой России часто с особенной симпатией углубляются в мир древней России ¹⁾. Для примера я скажу вам в нашей древней истории три или четыре таких начала, выработанных давноминувшей жизнью нашего народа, которые мы снова невольно желаем восстановить в их внутренней сущности, только по идее и в формах, выработанных просвещением 19 века ²⁾.

Прежде всего, размышляя о будущем конституционном географическом распределении и устройстве наших областных территорий, мы часто задумываемся о давно минувшей земской самобытности наших областных общин до эпохи централизации. Вся первоначальная наша история до эпохи Московского государства, вся естественно-историческая основа, архитектурная постройка русского самообразования областных земских общин путем колонизации — в натуральном, экономическом и юридическом самоустройстве и в земско-общинной организации их, в органически кофедеративной их связи, как членов одного политического организма. Первоначально образовалась городская община путем вольно-народной или княжеско-вотчинной колонизации на более или менее обширной территории, большей частью очерченной разными речными системами. Свободные жители городской общины — князья, бояре посадники, духовные, мирские вотчинники и своеземцы — выводили свои поселения на принадлежащие городу окрестные территории, каждый по своим хозяйственно-промышленным путям, ухажьям и станам. Таким образом устроились села и деревни, бортничьи, рыболовные, соколеничьи, солеваренные, пашенные и проч. Таким образом из первоначального

¹⁾ Ср. цит. соч. Аристова, стр. 64—65 со слов „Мы только при Ленивом“ и т. д. до сих пор.

²⁾ Это обращение к глубокой старине, это выискивание начал или принципов современной конституции в глубокой древности довольно характерно для Щапова, как выразителя мелко-буржуазных тенденций просвещенного интеллигента и общественного деятеля начала 60-х годов 19 века.

областного города организовался его уезд—*сельская община*. Город и его уезд, его сельская община образовали, впоследствии такого земского органического саморазвития, самостоятельное целое, самобытную областную общину. Очертанием границ, определением земской самостоятельности, цельности, замкнутости областной территории большей частью были физико-географические рубежи и преимущественно речные системы. А в так называемых *черных областях*, т. е. в невоинственных областных общинах даже и самое колонизационное, территориальное, земское саморасширение и самоустройство совершались по началу общинного землевладения. То-есть, излюбленные выборные старосты по согласию и совету с целым миром, со всей волостной общиной, отводили новоприбывшему пришельцу участок общинной земли и заключали с ним так называемую *порядочную во княжестве*¹⁾ на поселение.

Таков общий исторический процесс образования областных общин. Развиваясь в земском колонизационном и историческом взаимодействии и соотношении, областные общины естественно находились в конфедеративной связи территориальной, земской, исторической и нравственно-религиозной. Естественная жизнь народа создала, организовала такие конфедеративные, соединенные сосредоточия или ассоциации населения в форме города и его уезда, которые, развиваясь и живя самобытно, разделяли между собою по областным общинам общую историческую задачу развития и цивилизации, сообразно с местными этнографическими и физико-географическими условиями той или другой общины. Несмотря на всю грубость первоначальной формы свободного саморазвития областных общин, земская самобытность их в конфедеративном союзе всей земли всех общин составила естественно-экономический зародыш, принцип поземельного развития и проявления народной жизни. Каждый главный областной город, т. е. город древнейший, первоначальный в этой или другой области жил и развивался свободно, сообразно с этнографическими и физико-географическими условиями; свои общинные земские доходы, силы и средства прежде всего употреблял на удовлетворение своих внутренних потребностей. Оттого все главные областные города в общем соотношении были равны между собой и по правам жителей городских и уездных, и по средствам жизни и развития, и по общественному значению.

Только сначала, когда еще не организовались окончательно областные общины, не обозначилась их земская территориальная разграниченность, только до XIII в. видим некоторые проявления старых городов с младшими—с пригородами, и то только внутри, в пределах одной областной общины. И в этой борьбе опять выразилось

¹⁾ вернее: «порядную в крестьянство».

то же стремление областных общин ко внутренней земской самобытности и независимости. После же, когда областные общины окончательно сложились и определили свои территориальные границы, все главные областные города были более или менее равными между собою в юридическом значении по общественному праву. Например: Ростов, Москва, Владимир, Новгород, Вологда, Пермь, Вятка, Нижний-Новгород, все города с их уездами и волостями жили самобытной жизнью и потому назывались по причине равенства—*братьями*. Большая часть областных общин вела свою земскую летопись. Везде в областных общинах развивалась своя местная словесность и письменность и грамотность, какая была возможна в древней России, во всех областных общинах была одинаково распространена; везде были свои святые, свои патроны, которые почитались перед прочими преимущественно, даже свои чудодейственные иконы. Вообще не было того резкого различия между столичностью и провинциализмом, какое образовалось после, в эпоху централизации, да и столицы не было до возвышения Москвы.

Такова была естественная историческая закладка, основа русской гражданственности и общественности. Груба, не развита была она по причине средневековой грубости нравов, по причине средневековой неразвитости юридического сознания, а более—нравственного в областных общинах, по причине вообще неразвитости древней Руси и отсутствия сознательного разумного просвещения¹⁾. Конфедеративная жизнь областных общин, пока она слагалась 2^{1/2} столетия, обнаруживалась большей частью в дикой междоусобной вражде и борьбе. По причине неразвитости сознания равенства и братства, называясь братьями (как братья в грубой необразованной семье), вечно ссорились и бились между собой и опять мирились, жили дружно и мирно. Вечевой колокол часто сзывал народ той или другой общины на охлократическую, шумную и убийственную борьбу партий, на буйный разум²⁾ воли *мужиков-горланов*, как тогда выражались. Все это так. Но зато в этой дикой, буйной, вечевой воле сколько было естественной силы, свежести, непочатого, нераскрытого просвещением богатства начал, элементов народосоветия и народоправления, облеченных в грубую форму народного *веча*, выражавшихся в грубых звуках вечевого колокола. То был самородный, излюбленный починок русской конституции, создававшийся народом, который, по словам исторических актов, только что еще *поставлял посаживал починки на лесах*, т. е. только что еще основывал вольные областные общины.

В таких формах начертывала план, полагала закладку, первую основу великообластного народоправления естественная история, на-

¹⁾ Фраза или необработанная Щаповым, или списанная с ошибкой.

²⁾ Так написано в обеих рукописях.

туральная жизнь нашего народа. Все требовали и требуют не ломки совершенной, не подрыва радикального в самой основе своей, а требовали и требуют свободного исторического развития, улучшения, облагорожения по началам общечеловеческого просвещения 19 века, перемены в духе народном¹⁾. И вот почему мы в 19 веке, перенесши в XIII—XVIII столетиях тяжелые цепи государственной централизации, наконец снова начали с особой симпатией изучать и вспоминать древнюю земско-областную Русь. Историческое право, наконец, мало по малу оказывает свое влияние на умы, движет молодую Россию, становится историческим правом и началом нашего политического самопознания. Мы невольно начинаем полагать историческую основу своим либеральным идеям и стремлениям или облекать их в историческую форму. Напр., в вечевом колоколе древнего города мы видим символ новой земско-областной и конституционной самобытности. Последний заунывный звук Новгородского колокола, возвестивший погребальное шествие Новгородских вечников в Москву, в плен к царю Ивану III, благовестит нам будущую свободу областных общин, будущее социально-демократическое государство, вместо Византийско-Московского²⁾. Поэт молодой России, совершенно согласно с простым рассказом Новгородской летописи поет:

Над рекою, над пенным Волховом,
На широкой Вадимовой площади
Заунывно гудит поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют-ли снова посадника?
Не волнуется ль чужд непокорная?
Не зломилась-ли шведы, иль рыцари?
Да не время-ли кликнуть охотников,
Взять неволей иль волей с Югории
Сребро и меха драгоценные?
Не пришли-ли товары ганзейские?
Или снова послы сановитые
От великого князя Московского
За облавной деньгою приехали?
Нет! Уныле гудит поет колокол.....
Поет тризну свободе печальную:
„Ты прости, родимый Новгород!
„Не сзывать тебя на вече мне,

¹⁾ Ср. приложение V (Отрывки из «Ученой Беседы») у Аристова в цит. соч. стр. 154—155 со слов: «Вся первоначальная наша история....»

²⁾ Все эти заключительные фразы о связи современных Щапову стремлений с древней и вольной областной самобытностью, особенно с эпохой самостоятельности Великого Новгорода в пору расцвета там торгового капитала и развития хозяйства, следовательно, и обострения отношений между мелкой буржуазией и земельно-капиталистической аристократией, — лишний раз подтверждают сообщения, высказанные нами о политических убеждениях Щапова.

„Не гудеть уж мне по прежнему,
„Кто на Бога, кто на Новгород?
„Вы простите, храмы Божии,
„Терема мои дубовые!
„Пропую для вас в последний раз,
„Издаю для вас прощальный звон.
„Налети ты буря грозная,
„Вырви ты язык чугунный мой,
„Ты разбей края им медные,
„Чтоб не петь в Москве далекой мне.
„Про мое ли горе горькое,
„Про мою ли участь слезную,
„Чтоб не тешить песнью грустною
„Мне царя Ивана в тереме.
„Ты прости, мой брат названный—
„Буйный Волхов мой, прости!
„Без меня ты празднуй радость,
„Без меня ты и грусти.—
„Пролетело это время, не вернуть его уж нам,
„Как и радость да и горе мы делили пополам.
„Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
„Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал;
„Помню я, как под ладьями Ярослав ты шумел,
„Как напутную молитву я волнам твоим гудел;
„Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
„Как гремели мы с тобою, смерть Вам, Суздальцы, иль плен.
„Помню я, ты на Ижору Александра провожал,
„Я моим победным звоном победителя встречал;
„Я гремел бывало, звучный, собирались молодцы,
„И дрожали за товары иноземные купцы,
„Немцы рижские бледнели и заслышавши меня
„Погонял литовец дикий быстрого коня
„А я город, а я вольный звучным голосом зову
„То на Немцев, то на Шведов, то на Чудь, то на Литву.
„Да прошла пора святая, наступило время бед,
„Если б мог, я растопился в реке медных слез, да нет;
„Я не мог, мой буйный Волхов! Я не плачу, я пою.
„Променяет ли кто слезы и на песню на мою?
„Слушай, нынче старый друг мой, по тебе я поплыву,
„Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву;
„Собери все волны, все волуны, все струи,
„Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
„А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
„И звони в меня почаще серебряною волной:
„Может быть из вод глубоких вырвет меня когда мой

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади
Заунывно гудит поет колокол;
Волхов плещет и бьется и пенится
О лады москвитян острогрудные,
А на чистой лазури в поднебесьи
Главы храмов святых, белокаменных,
Золотистыми блесками светятся.

Так в образе вечевых колоколов древнего вольного Новгорода мы выражаем свои мечты и думы о будущей земской свободе русских велико-областных общин. Иль вот еще исторический пример — Украины. Украина тоже сама собою образовалась и за свою свободу выдержала вековую энергичную борьбу с централизующей силой и деспотизмом Посполитой речи. Наливайко, Богдан Хмельницкий и Мазепа — вот исторические герои вековой борьбы за земско-областную свободу Украины. И поэты и мыслители молодой России, опять опираясь на историческую основу и на историческое право Украины, мечтают, плачут и поют о давноминувшей земско-областной самообытности ее. Рылеев „исповедью Наливайки“ и в образе Войнаровского и Мазепы выражает свои высокие думы о политической свободе, о конфедеративной самообытности областных общин. А сердечный Шевченко возбуждает слезы своими историческими думами о Богдане и Украине. Не он плачет об Украине, она сама плачет его голосом всеобщих накипевших слез. Прочувствовали ли, сознали ли вы, господа, историческую борьбу и страдание в следующей, например, песне над разрытой могилой исторических борцов за свободу Украины — Шевченко.

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За-що тебе сплюндровали,
За-що, мамо, гинеш?
Чи ти рано до схід сонця
Богу не молилась?
Чи ти діточок неневних
Звичаю не вчила?
— „Молилась я, турбовалась,
День і ніч не спала,
Своїх діток доглядала,
Звичаю навчала,
Виростали мої квіти,
Мої добрі діти,—
Панувала і я кались

На широ́кім світі;
Панувала... О Богдане,
Неразумний сину!
Подивись теперь на матірь,
На свою Україну,
Що колишучи співала
Про свою недолю,
Що співаючи ридала
Виглядала волю!..
Ой Богдане, Богданочку!
Як-би була знала —
У колиоці б придушила,
Під серцем приспала!
Степи мої запродаві
Жидові, Нимові,
Сини мої на чужині,
На чужій роботі;
Дніпро, брат мій, висихає,
Мене покидає,
І могили мої милі
Москаль разриває...
Нехав риє, разконує,
Не своє шукає;
А тем часом перевертні
Нехай підростають,
Та допоможуть Москалеві
Господарювати,
Та з матері полатану
Сорочку знімати!
Поспішайте ж недолюдки,
Матірь катувати!"

На четверо розкопана
Розрита могила...
Чого вони там шукають?
Що там схоронили
Старі батьки?

— Ех як-би то
Як би то знайшли те, що там схоронили,
Не плакали б діти, мати не журилась...

Другое историческое начало, выработавшееся в древней России свободною народною жизнью, это — начало земского народосоветия, выражающееся словами знаменитого крестьянина Посошкова. Как каждая земско-областная община сама собою организовалась путем колонизации, путем нераздельного земского устройства главного областного города и его уезда, так и юридический быт областных общин сложился на основании земско-общинного устройства их. Вследствие колонизационного общинного самоуправления народонаселения в той или другой области естественно развилось и земское самоуправление, их политическая и юридическая самостоятельность. Каждый главный и областной город с его уездом составлял самостоятельное целое, вольную областную общину; вследствие колонизационного земского самообразования каждый главный областной город с своей уездной общиной имел свое обширное земское юридическое самоуправство и саморазвитие. Отсюда развились все разнообразные общинные формы земского народосоветия в различных областных общинах великорусские городские веча, юго-западные сеймы и рады, казачьи круги, областные земские советы, обнаружившиеся в смутное время во всех великорусских областных общинах. Организацию всех этих форм областного народосоветия мы раскроем подробно в специальных лекциях, когда будем говорить об юридическом устройстве и быте городских и сельских общин в северо-восточной и юго-западной России до эпохи централизации Московской и Польской. В настоящей беседе для нас важно не историческая форма, а важно самое саморазвитие их из духа и жизни народной, важен принцип их. Значит, сама историческая жизнь народа требовала народосоветия и самоуправления областных общин, когда создала, организовала все эти формы земского народосоветия и народоуправления. Дух народный творил их по естественному закону юридического самоуправления и саморазвития по тому естественному закону, что народ имеет естественное право думать и заботиться о своем благе, о своих собственных делах, потребностях, интересах, сам собою или через своих избранных представителей, а не через какие-нибудь единичные и приказные власти. Излюбленное выборное начало общинного самоуправления так было в духе областных общин, что в течение всего XVI и XVII столетий обнаруживало энергичную протестацию и борьбу против приказного, правительственного элемента. Принцип областного народосоветия, выражавшийся в земско-областную эпоху в шумных вечах, так был естественно народен, что через 150 лет, в смутное время сильно отозвался даже в великорусских областных общинах, когда все области снова разрознились, обособились, вопреки московской централизации, несмотря на то, что уже за 150 лет вечевые колокола отвезены были в Москву или разбиты на месте. В эпоху великой розни областные общины еще раз выразили свою

инстинктивную, естественную потребность местного народосоветия в своих местных земских советах, на которые собирались городовые и уездные люди. И после, во второй половине XVII века, если уже не вечевой, то колокол *сплошный* часто раздавался, гудел в разных областных общинах, сзывая народ на общинные демократические советы и бунты, как было, напр., в начале царствования Алексея Михайловича в Пскове и Новгороде, в Устюге и Сольвычегодске. В смутное время, когда областные общины после семилетней розни окончательно согласились по взаимным перепискам быть между собою *в любви, совете и соединении*, исторически признан был также принцип их конфедеративной, всенародной и земско-областной союзности и совещательности, который выразился в великом земском совете 1613 г. и потом еще неоднократно выражался на земских соборах XVII века, также как и прежде, в XVI веке. Грубы были все эти областные земские советы и Московские Земские соборы 16 и 17 веков, они имели характер временный, не были постоянными инструкциями ¹⁾, но и в настоящее время, опять скажем, для нас важны не формы их, а только принцип. Если грубые формы областных земских советов и народных земских московских соборов в самом зародыше несправедливо, насильственно изложены, сокрушены были учреждениями государственной, административной централизации, пока глухо раздающийся из-за моря звук колокола снова будет сзывать областные общины к народосоветию, то и тогда едва ли может быть создана всенародная, излюбленная конституция, если не будет признан тот принцип земско-областного и центрального народосоветия, какой уже давно инстинктивно признал наш народ, какой был в духе его, какой имел уже историческую закладку, хотя и вовсе не в формах и не по началам 19 века. Элементы земского областного народосоветия еще сохраняются, хотя в тех же старинных и грубых, необлагороженных просвещением формах, сохраняются в наших многочисленных и разнообразных сельских общинах. Недаром заграничный колокол ²⁾ с особенно симфонической симпатией гласит о наших сельских земских общинах, сельских мирских сходах. Закключаю, — не грубые формы, а историческая народная идея областных земских советов и всенародных центральных земских соборов рано или поздно во имя исторического права, во имя уважения к духу и потребностям нашего народа, выразившимся в течении истории, рано или поздно должны быть приняты в соображение и при новой конституционной организации местного областного и всеобщего непосредственного народосоветия. Если я ошибаюсь в понимании современ-

¹⁾ Так сказано в обеих рукописях; вернее видеть здесь слово „институтами“

²⁾ „Колокол“ Герцена.

ного значения исторического народного права, то прилипни язык мой в гортани моей. ¹⁾).

С началом областных земских советов находится в неразрывной связи принцип земской областной гласности. С той поры, как государство взяло на себя заботу о народе, инициативу в его делах и интересах и учреждало разнообразные исключительные приказы в Москве, которых в конце XVIII века насчитывались до 100, с той самой поры до начала 18 века областные общины пользовались правом свободного голоса в Московских приказах и пред царем. Этот голос свой они выразили в бесчисленных и разнообразных областных челобитных, посылавшихся из областей в Москву к царю от лица всех жителей той или другой областной общины—городских и сельских вместе. Прочитайте в исторических актах XVI и XVII столетий многочисленные и разнообразные грамоты и указы, и вы увидите, что они все были результатом областных земских челобитных, прямыми ответами на вопросы, требования и жалобы тех или других областных общин, почему обыкновенно каждая царская грамота или указ начинала условными изложениями областных челобитных, которые вызывали ту или другую царскую грамоту. В одной из предыдущих лекций я подробно изложу Вам содержание некоторых областных челобитных. А в настоящем чтении я хочу обратить Ваше внимание опять только на самый юридический принцип земских областных челобитных. В них выражалось во—1), естественное, неизменное право областных общин свободно заявлять свой голос перед центральным правительством, выражать свои нужды, желания и интересы, во—2), в них выражалось естественное право областных общин иметь влияние на развитие законодательства, давать вопросы и материалы, раскрывать разнообразные местные условия и начала местного законодательства, следовательно, уяснять начало приспособления, приложения законодательства к областной жизни; наконец, областных челобитных жизнь народная выразила естественное право общности и представительности областного народосоветия. Челобитные обыкновенно писались к царю, по выражению актов, *со всех мест*, и подавались несколькими выборными представителями от имени всех областных общин. Судите сами, естественно-ли, справедливо-ли поступало государство, когда уничтожило в самом зародыше этот принцип земско-областной общинной гласности. И здесь, опять скажу, груба была форма областной гласности, но она была естественна, истекала из жизни и потребности народа, следовательно, была чужда народному. И массы народные были подавлены уничтожением свободной челобитной, гласности своей, и, хотя грубо, но выразили свое недовольство. Когда Петр I закрыл челобитный приказ и

¹⁾ Ср. „Отрывки из „Ученой Беседы“ в приложении к цит. раб. Аристову, 155—156 со слов „Другое историческое начало...“ и т. д.

отказал народу принимать докучавшие ему челобитные, раскольников поднявшие упорную и славную оппозицию против правительства, распустили по России пасквильную челобитную под заглавием „Соловецкая челобитная о антихристе, еже есть Петр I.“ В этой челобитной высказали они самый грозный и злобный протест против монархизма империи, против регламентов и указов, против рекрутчины, подушной переписи, податей, повинностей и проч. Во второй половине XVIII века бунт Пугачева начался, между прочим, так же по поводу неуважения общинных лицких депутатов с челобитным казачества. Если же дух народный требовал областной гласности и выразил в истории свое естественное право на эту гласность областных челобитных, то бюрократическая централизация и принцип демократически произвольного указа, очевидно, были противны духу и потребностям народа. Неразумно было бы, конечно, желать старинного способа выражения областной протестации областных нужд и интересов посредством общинных челобитных, но принцип общинной областной гласности, представительности, выразившийся в форме челобитных, заслуживает внимания в наше время. В наше время он мог бы выразиться в форме провинциальной литературы гласности и в форме областных форменных прошений, представляемых в центральный, всенародный Государственный Совет и т. д.

Укажем еще на одно начало в древней России, которое так стоит внимания и в наше время, это — поземельная система налогов и отсутствие личного подушного тягла. Мы желаем кадастративной системы государственных поборов, а она была в духе древних общин, ее требовала естественная жизнь русского народа; только визия душ нарушила общинную поземельную раскидку податей, потому возбудила в народе недовольство и упорную оппозицию. В этом отношении я вполне согласен со словами Лешкова: „Мы глядаемся с положением, что результат реформы Петра В. состоит в систематическом устройстве русского управления. Повсюду в нем господствует одна мысль — о государстве, одно начало сосредоточения и один дух личной власти, сообщавший управлению правильность в плане и твердость в управлении. В области истории общественные права все это выразилось в актах ревизии 1718 — 1723 г.г. Эта ревизия не есть простое перечисление народа, так она бы не вызвала ни столько замешательств, проволочек, утайки со стороны правительственных усилий, издержек и строгостей, доходивших до конфискации частной собственности, до нещадных казней, ссылки в галеры и смертной казни. Напротив, это — акт, которым порешались важнейшие вопросы о юридическом и государственном положении населения. Учреждаясь для раскладки налогов или для содержания войска, она разделила народ на лично служащих государству и служащих лично, а только оплачивающих содержание служащих

Обращаясь с требованием ревизских сказок не к подлежащим записи, но к владельцам земли и подвергая их ответственности сначала за верность сказок, а потом за исправность взносов и повинностей, она прекрепила население не к земле, а к личности владельца, все равно будут ли это монастыри, заводы и фабриканты. Преследуя отнятием земли и казнями то медленность в подати, то неверность в показаниях сказок, она ясно выразила, что население земли принадлежит государству, а потому утайка подлежит казни. Между тем отдавая население земли землевладельцам, она сообщила им праву на население характер государственно-политический.

Отсюда такой резкий переворот, замечаемый нами в XVIII в., во всех вопросах нашего общественного права, которое с переменною значенія населения стало вполне казенным, камеральным, „полицией“, хотя и в высшем значении слова, где уже действует государство по преимуществу. Замечательно, что лучшие люди из народа, как летописцы 18 века, так современники и ближние деятели петровской эпохи, все это чувствовали и сходились преимущественно в отрицании ревизии. Посошков первый сильно протестовал против ревизии душ с юридической и экономической точки зрения, восставая против крепостной принадлежности крестьян, утверждал, что поборы должны быть с земли по количеству владения. С своей стороны, Волынский об'являл себя противником ревизии, воспроизводя в своих инструкциях начало писцовых окладных книг для разложения повинностей. Наконец и последующие и мыслящие люди России до нашего времени преимущественно с этой стороны жаждут перемен в реформах Петра I.

Господа! не осуждайте меня, если буду я еще откровеннее. Не могу удержаться, чтобы не высказать..... Когда я в первый раз в жизни выезжал в одежде крестьянского мальчика одной отдаленной провинции, из самого глухого захолустья, из деревни в главный губернский город,—меня тогда сильно поразило резкое различие города и деревни, городских и сельских жителей; там—крайне убогие хижинки, в городе—чересчур высокие, огромные, каменные палаты; там люди проще и грубее, здесь хитры и говорят каким-то особенным языком и т. п. Я задумался. Потом меня всегда погружало в думу казую-то грустную, когда я в месячную зимнюю ночь, русскую, морозную, градусов в 35, видел длинный обоз с кладью, как он тянется, напр., от Казани до Перми, или от Томска до Казани: мужички идут, кряхтя, подле воза то одиноко, то артелями с обнаженными лицами... Да, наша обширная, разнообразная сельская Русь—это загадка истории Русской! Когда я изучал историю Устрялова и Карамзина, мне всегда казалось странным, отчего в их историях не видно нашей сельской Руси, истории масс, т. наз. простого, черного народа. Разве это гражданское большинство вечно и в ис-

тории должно быть безгласно, пассивно, недейтельно? Разве это огромное большинство не имеет прав на просвещение, историческое развитие, на жизнь и значение хоть бар и духовенства? Что же оно провинилось пред природою? Неужели природа в самом деле мачехе ему?... А прочитайте летописи, исторические акты до 18 века, — кто устроил, основал, заселил, обработал русскую землю из под лесов и болот? Кто, как не селения общины? Послушайте целые века, начиная от IX и до XVIII века, акты исторические и юридические почти на каждой странице говорят о неутомимой, богатырской, страдальческой работе русского сельского народа, о движении его на все четыре стороны сквозь леса дремучие, болота и мхи непроходимые с своими заветными спутниками — топором, косой, сохой и бороной. Акты юридические о том только почти и говорят: куда ходили топор, коса и соха, или где крестьяне посажали, поставляли починки, на лесах, разрабатывали своей . . . . ивой¹⁾ страдой так называемые страдаемые леса, деревни. Итак, как колонизация, культура, обстройка русской земли почти до конца XVII века и особенно до XVI века имели единичный, починочный характер, среди непочатых лесов и пустошей, то в актах, то в писцовых книгах отметились даже имена всех первых основателей, строителей нашей обширной сельской Руси, отметились в названии сел, деревень и починков. Раскройте любую писцовую книгу — она вся испещрена именами этих строителей починков и деревень, напр. деревню Иваново посадил на лесу Сидорко Иванов и т. д. Самые города основаны, построены большей частью крестьянами. Кому неизвестно так называемое городовое дело, эта тяжелая повинность, лежавшая на крестьянах наших в 16, 17 и 18 столетиях? И эти-то строители, сеятели и хранители России в награду за свою вековую страдальческую, богатырскую работу обречены были на злую неволю — крепостное состояние (по исключительной вольности, привилегированности дворянства в XVIII столетии, за которое теперь они тяжело платятся), обложенные тяжелым жестоким тяглом, несоразмерно с другими сословиями, обремененные рекрутчиной, осуждены на вечную тяжелую работу, зимой по дорогам на морозе, летом с топором, косой, серпом и сохой — в поле на жару; лишены всяких средств, всякой возможности и даже самого права на просвещение, как словно не люди, не имеющие нужды в просвещении и проч. И гуманно-ли, благородно-ли не признавать братства и равенства с нами той сельской Руси, из которой произошли наши первые самостоятельные личности, замечательные в истории просвещения нашего? Напр., кто первый в век грубого староверства и суеверия зачал первую реформу в порядке духовном (каковы бы ни были на первый раз эти реформы)? Сын Нижегородского крестьянина Никон. Кто первый смело предложил

¹⁾ Неразборчиво в обоих рукописях до конца фразы.

первому императору Петру В. о земском народовете и первый высказал такие высокие политико-экономические идеи, какие в Западной Европе в то время не высказывались и которые еще в 19-веке ждут осуществления? Новгородский крестьянин Посошков в своих знаменитых сочинениях. Кто первый положил начало нашей новой литературе, поэзии и науке? Сын холмогорского крестьянина-рыбака—бессмертный Ломоносов и проч. А сколько бы наука, литература, словом все сферы цивилизации считали в своих рядах таких самородков, как выражается наш народ, если бы была свобода, которым бы был легкий доступ к развитию, открыта была бы, напр., дверь в университеты в каждом областном городе и не открыта была бы вместо того у каждой церкви и заставы одна дорога торная в царский кабак? И что же за просвещение, что же за науки наши, что за история русского народа, что за либеральный гуманизм и положительная экономическая цельность труда, если мы огромнейшему большинству нашего народа не даем права не только в жизни, просвещении и науке, но и в беспристрастной истории народа? Пусть историческая жизнь нашего простого сельского народа, многочисленнейшего и разнообразнейшего, пусть она протекала в 17 и особенно в 18 столетии только в стоне и бегстве от податей и налогов, от подушной переписи, от рекрутчины, от деспотического областного начальства, от крепостного права,.... да в бунтах противогосударственных, да в песнях грустно-заунывных¹⁾.... Историк тем более должен передать потомству этот стон, эти страдания, эти политические движения и бунты, эти, наконец, демократические песни народа... Народ страдал, стонал—и вот его историческое человеческое величие. За свое страдание он рано или поздно получит венец истории—свободу. Исторические народные былины и песни про богатырей, про Ермака и Ивана Грозного, щедро дававшего народу жалованные грамоты на земское самоуправление, демократические песни раскола о царях и правительстве, демократические песни о казаках, о Стеньке Разине и Пугачеве—вот живая летопись исторической жизни и громкий голос демократических масс народных, летопись доселе живущая в устах и сердцах народа.

Давно уже сельская Русь в напряженности отъявить, получить от царя свободу,—крестьянская Русь со второй половины 18 столетия стала мечтать о своем искупителе из рода крестьян. Пусть дика, бессмысленна их система—историк народа должен отметить и ее. Она жизненна и возбуждательна для грубых масс народа. Крестьянин-солдат способен наделать чудеса в возбуждении и движении

¹⁾ Сравн. «Отрывки из Ученой Беседы» в приложении к цит. работе Аристова, стр. 156 со слов: «И эти-то строители, сеятели и хранители России»... и т. д.

масс. Это уже было. Во второй половине 18 века крестьянин Орловской губ. — Селиванов способен был так очаровать простой народ, что он доселе в своих мистико-идеалистических песнях, в мифических образах народного эпоса воспекает в лице его своего мифического искупителя:

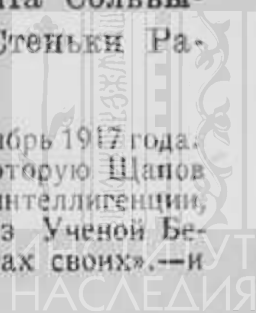
У нас было на сырой земле,
Претворились такие чудеса,
Растворились седьмые небеса,
Сокатилися златые колеса,
Золотые еще огненные.
Уж на той колеснице огненной
Над пророками пророк — сударь гремит,
Наш батюшка покатывает,
Утверждает он святой божий закон,
Под ним белый храбрый конь,
Хорошо его конь убран,
Золотыми подковами подкован;
Уж и это конь не прост:
У добра коня жемчужный хвост,
А гривушка позолоченая,
Крупным жемчугом унизанная,
В очах его камень — маргарит,
Из уст его огонь — пламень горит.
Уж на том ли храбром коне
Искупитель наш покатывает;
Он катает с златыми ключами
По всем четырем сторонушкам,
По иным землям по французским,
Французским — по Иркутским,
Набирал он полки премудрые,
Кавалерскую — духовную.
А теперь то, други милые,
Прокатилось красно-солнышко
В северну сторонушку,
Свет во Питерску;
При батюшке искупителе,
При втором спасителе
Душам нашим воскресенье.
Уж стал наш батюшка родной,
Государь нам полковник дорогой,
Своим полком полковать,
Разложил свой Евангель толковать и проч.

Далее, если историк неминуемо должен рассказать историю политической борьбы удельных князей с московскими государями до последней трагической борьбы князя Курбского с царем Иваном, если историк должен следить за историей политических агитаций боярства XVII века, шляхества в первой половине XVIII столетия и дворянства во второй половине прошлого столетия и в первой нынешнего, — то с другой стороны, тем не менее беспристрастный народный историк должен следить за политическими движениями и проявлениями низших масс народных, этого огромного большинства. Он тем более должен вникать в сущность, в тайные мотивы движения, в характер и направление народных бунтов, тем внимательнее должен вслушиваться в речи бунтующего народа, вникать в дела его, вдумываться в личности главных зачинщиков, агитаторов, — что в бунтах народных выражался весь гнет, все давление сверху, все тяготение государственности, единодержавия, архиерейско-поповского православия, административной централизации, дворянского барства, всепоглощающей обирательной системы казны, рекрутской оспы, беспощадно поглощающей мирных землевладельцев из сельских общин на службу солдату-царю, коверкающего бревна и трудолюбивого крестьянина в лазаретного и казарменного солдата — калеку. В бунтах своих народ наш выражал всю свою политическую философию, свои демократические думы и стремления, свои онтологические чувства и симпатии.

Безгласный в спокойное время, он во время бунтов громко и буйно кричал и инстинктивно выражал всю накопившуюся, наболевшую в его духе злобу антагонизма к тяготеющим над ним началам государственности. У [жас]ен этот народ: история наша давно это показала. И горе нам, нестолбовым дворянам и чиновникам, если взволнуются забушуют эти могучие силы здоровой сельской Руси, под руководством ее удалых, добрых молодцев, если мы первые не подадим этому огромному, забитому большинству народа мировую руку свободы, братства, если равенство еще мечты¹⁾. История — самый положительный опыт и самый поучительный урок. Замечательное и ужасное явление в истории нашего низшего народа то: он во всех бунтах своих, какие были в XVI—XIX столетиях, всегда выражал антагонизм, нетерпимость к чиновничеству, особенно военному, к дворянству и поповству. Проследите историю бунтов второй половины 17 века; напр., бунта Новгородского и Псковского, бунта Сольвычегодского, бунта Московского и Коломенского, бунта Стееньки Ра-

¹⁾ Этот призыв кажется как бы пророческим, если вспомнить октябрь 1917 года. Кроме того, это место важно для определения той социальной базы, которую Шапов признавал наиболее действенной и революционной, и той тактики для интеллигенции, которую он признавал единственно-правильной. Сравни «Отрывки из Ученой Беседы», приведенные у Аристова в цитир. соч. стр. 156 со слов «В бунтах своих» — и дальше.

зина, бунта Астраханского и Булавина, бунта Пугачевского,—и вы уверитесь в этом грустном убеждении. Во всех указанных бунтах только и было у бунтующего народа нашего избивать бояр, воевод, дьяков, подьячих и всех приказных чиновников и всех дворян. И эта антипатия, этот антагонизм низших масс народа к чиновникам и дворянам глубоко коренится доселе в духе народном и выражается точно так же, как выражался в бунтах XVII века. Не даром, не без исторической связи и последовательности народ снова ждал Стеньку Разина и поет про него, как про неумирающего доброго молодца. Кто из вас не знает, например, новейшего народного бунта? Сличите его с каким угодно бунтом XVII века, одни и те же действия, одни и те же вопли и крики бунтующей массы, только причина и повод возмущения—другие. Когда мы будем подробно излагать историю народных бунтов XVI и XVII веков, вы увидите со всею ясностью их внутреннее единство, общность, мотивы антагонизма; а в настоящую минуту припомните только, что говорил например во время Новгородского возмущения 1831 года один старик-поселянин умиравшему бунт инженерному полковнику Панаеву: „Послушай старик,—говорил Панаев этому старику,—ты человек умный и можешь рассудить как можно отравить всех? Поди ты и растолкуй им, они тебе больше поверят“. Мужик-поэт сказал: „Что тут попусту толковать. Для дураков яд—да холера, а нам надобно, чтобы вашего дворянского козьего племени не было“. Вот какие ужасные замыслы всегда обнаруживались в наших народных бунтах¹⁾.

¹⁾ Сравни, Отрывки из «Ученой Беседы» у Аристова стр. 156—157 со словом «История—самый положительный опыт»... и т. д.

Материалы по быту русского старожильского населения Восточной Сибири.

Население Причунского края (Енисейской губернии).

I.

Сибирь, начиная с XVI века и до настоящего времени, является местом, куда все время шло переселение из Европейской России ее коренного славянского населения. Колонизация первое время шла совершенно стихийно и лишь с XIX столетия правительство по настоящему вмешалось в дело переселения в Сибирь и начало направлять его в известное, экономически правильное, русло.

Все русское, главным образом сельское, население Сибири в настоящее время резко разделяется на 2 группы: новоселов и старожилов. Новоселы—это лица, переселившиеся в Сибирь недавно и во всяком случае не родившиеся здесь. Эта группа не имеет никакой определенно сибирской физиономии и не утратила еще бытовых черт той местности, из которой переселилась. Ввиду этого новоселы представляют сравнительно небольшой этнографический интерес. Интересны лишь постепенные изменения, которым подвергаются новоселы под влиянием сибирских условий и их постепенное превращение в старожилов.

Гораздо больший интерес представляет быт сибиряков-старожилов, у которых имеется много оригинальных бытовых черт, отличающих их от русских Европейской России. На эти изменения и на выработку типа сибиряка имели влияние многочисленные факторы. Во первых, старожилы, точнее их предки, вышли из Европейской России в большинстве самовольно, не ужившись в тогдашних общественно-политических условиях. Для переселения тогда необходимо было не мало энергии и настойчивости и поэтому в Сибирь шли лишь самые вольнолюбивые и сильные люди, что конечно не могло не отразиться на характере их потомков, современных старожилов. Далее значительный контингент старожилов, особенно в Восточной Сибири, дал, кроме вольных поселенцев, элемент ссыльный, также весьма оригинальный с несомненным рядом признаков, отличающих его от подъяремного крестьянства дореформенной России. Несомненно на значительное количество отрицательных черт, у этих насельников было не мало и положительных: приспособляемость, выживание при

неблагоприятных условиях, значительная энергия и несомненная свобододолюбовность. Таков материал, из которого составилось старожильческое население Сибири.

Другой группой факторов, повлиявших на выработку типа сибиряка, являются специфические сибирские природные условия. Неб'ятная территория, в которой человек затеривается и чувствует себя оторванным от всего мира, суровая природа, борьба с которой страшно тяжела и непрерывна, — все укрепило зачатки особенностей колонизаторов Сибири, выработав в них, с одной стороны, суровость, замкнутость и, пожалуй, угрюмость, с другой стороны самостоятельность, веру в свои силы, волю и выносливость. Все эти факторы наложили главный отпечаток на сибиряков и выработали особенный тип, значительно отличный от русских Европейской России. Ближе всего к сибиряку, пожалуй, подходят великороссы севера России, но, и по сравнению с ними, старожил имеет не мало характерных, присущих лишь ему черт.

Наложивши известный отпечаток на облик старожил, сибирские условия обитания отразились и на быте русских засельников. Своеобразные природные условия Сибири потребовали специфического приспособления всего уклада жизни и изменили хозяйственный быт старожилов. Не без влияния осталось и соприкосновение русских засельников с сибирскими аборигенами-инородцами. Соприкосновение это, иногда неприязненное, иногда и дружественное, отразилось на быте, как инородцев, так и русских. Если инородцы под влиянием более культурных русских изменяли свой уклад жизни, то и русские, знакомясь с бытом искони живущего в Сибири населения, весь уклад жизни которого до мелочей приспособлен к сибирским условиям, невольно, повинувшись полезной необходимости, перенимали немало бытовых особенностей инородцев. Охотничьи навыки, отчасти жилище, утварь сибиряка старожила носят на себе несомненные следы влияния инородцев.

Все сказанное представляет значительный интерес для этнографа, следящего за изменениями культуры той или иной народности. Довольно многочисленные исследования по этнографии сибирского населения касаются преимущественно инородцев, работ же о старожильческом населении Сибири не так много. Ряд работ в Трудах Центрального и Сибирских отделов Русского Географического О-ва знакомит нас с отдельными элементами быта сибиряков, но большей частью живущих вблизи крупных городов, где они все время находились под культурным влиянием Европейской России. Население в этих местах сравнительно густо, русские быстро вытеснили инородцев и свели до минимума их влияние, остались в силе лишь природные условия Сибири. И здесь тип сибиряка отличен от российского крестьянина, но самый большой интерес возбуждает население глухих

уголков Вост. Сибири, почти совершенно изолированных. Там русские, встретившись с аборигенами, должны были, не имея численного превосходства, так или иначе с ними ассимилироваться и они, сохранив в общих чертах особенности русской культуры, переняли многое у инородцев.

Рассмотрением быта населения одного из таких, даже для Сибири медвежьих углов, именно Причунского края, мы и займемся в настоящей работе.

II.

Причунский край занимает С-В часть Канского и Ю-В часть Енисейского уездов Енисейской губернии. Размеры его довольно значительны. Длина его около 500 километр., ширина км. 100-150. Жизненным нервом края является река Чуна, от которой он и получил свое название. Река Чуна, начинаясь в предгорьях Саян в хребте Ергик-Таргак-Тайга под названием Уды, при входе в Енисейскую губернию, где в нее впадает незначительная речушка Чукша, получает свое название. Не доходя 110 км. до Ангары, Чуна сливается с параллельно ей идущей р. Оной (Бирюсой) и получает название Тасеева, под которым и впадает у Ангару в 60 км. от ее устья. Длина собственно Чуны около 500 км. Она представляет собой реку шириной в 200-300 метров со скалистыми, по большей части, берегами, с быстрым течением (в 7-10 км.), прерываемым нередко целыми группами порогов. Ввиду этого Чуна судоходна лишь в полую воду, когда и сплавляют на плотах на Енисей все, что нужно для продажи и привозят сверху из Нижнеудинска различные товары. Период полои воды единственный момент, когда, более или менее удобно, можно вывести что-либо из Причуны и ввести в него. Летом пороги с трудом можно проходить лишь на лодках, поэтому Чуна не может служить путем сообщения для края. Долина Чуны проходит среди сопкок-отрогов Саянского и Прибайкальского массивов. Сопки сложены преимущественно из осадочных пород, но нередки выходы гранита и базальта, которые перегораживают реку и создают пороги. Долина Чуны узкая, нередко не шире 500 метров, и в среднем около километра. Только в одном месте, именно в начале собственно Чуны, долина расширяется до 10-15 км., на реке появляются песчаные острова и многочисленные рукава, течение становится медленным (2-3 км. в час.) Однако такой плес продолжается не более 100 км., а дальше сопки опять сжимают реку, создавая бесчисленные быстрины и шиверы.

Весь Причунский край сплошь покрыт вековым лесом: сосновыми борами на горах, черной тайгой из лиственниц и елей в долинах (падах) и березняком на старых гарях (бельники). В падах, покрытых черной тайгой, нередки торфяные болота, которые тянутся на

десяти километров и делают местность совершенно непроходимой. Лугов нет, лишь на бичевнике узкой полосой тянутся луговины, да изредка в беляниках имеются небольшие полянки.

Леса изобилуют дичью и пушным зверем. Медведь, сохатый (сибирский лось), кабарга, белка, горноста́й, соболь, глухарь, тетерев, рябчик являются предметом охоты местного населения — другие животные менее важны, с точки зрения хозяйства чунаря.

Климатические условия Причунского края слишком суровы даже для Сибири ¹⁾ Суровая снежная зима с морозами до 45° по Р., поздние весенние заморозки, иногда в июле, ранние осенние — в августе, создают обстановку мало благоприятную для земледельческой культуры. Лето жаркое, но короткое, так что многие культурные растения не успевают вызреть. Осадков достаточно, иногда даже много, но самое главное это ранние заморозки, убивающие растительность. Река вскрывается около 15 мая и замерзает около 15 октября. Половодье бывает весной, но обычны летние „ильинские“ паводки, которые нередко превращаются в наводнения, ввиду значительного таяния ледников в верховьях реки.

Река богата рыбой, из которой значение в жизни населения имеют сем. Сиговых (*Salmonidae*): таймень, харюз, сиг и др. и осетровых (*Acipenseridae*): осетр и стерлядь, лов которых или красноеловье представляет значительный интерес ²⁾. Из беспозвоночных животных надо отметить огромное количество водных насекомых, чем отчасти объясняется рыбность реки. Главными из насекомых являются комар и особенно мошка. Комар в таежной части Сибири вообще не так обилен, как на севере, но мошки бесконечное множество. Комар появляется с конца мая и достигает своего максимума к Петрову дню (12 июля), после чего быстро начинает пропадать. Мошка же является бичем местного края. Начиная с конца мая, она в огромных массах живет до сильных холодов, делаясь с наступлением холодов все злее и злее. Автору в 1920 г. пришлось подвергнуться жестокому нападению мошки 5 октября, причем накануне шел снег и был мороз.

Мошка является серьезным препятствием для развития скотоводства, т. е. скот летом не может пастись днем и стоит в стойлах, выходя на кормежку только ночью. Особенно сильна мошка во время сенокоса, когда без сетки нельзя выйти из комнаты.

Подобные географические условия придают краю специфическую физиономию. Причунье даже в Сибири считается одним из глухих уголков и этому оно обязано природным условиям. Соседние

¹⁾ Подробное описание природы края см.: работу Н. И. Воробьева „Рыболовство на р. Чуне (приток Ангары)“ (Рукопись) печатается в Тр. Сибир. Икhtiологической лаборатории.

²⁾ См. нашу работу „Очерк красноеловья на некоторых сибирских реках“ Тр. Казанск. Ун-та. Вып. 2, 1922 г.

местности: Приангарье, Приудинский край, местности по р. Оне, не являются такими замкнутыми и отрезанными от мира. Ангара, крупная река, истари являлась транзитным путем из Енисейска в Иркутск и по ней шло значительное движение. Правда, в настоящее время Сибирская железная дорога убила значение Ангары, как пути сообщения, но все же и в настоящее время туда ходят пароходы, плавят лес, везут товары и т. п. Приудинский и Прионский край, благодаря сравнительной близости к жел. дор. (не дальше 100-200 км.) гораздо оживленнее. Там есть колесные дороги, ходит почта и т. д. Только низовья Оны приближаются по замкнутости к Причунью. Другую картину представляют условия обитания в Причунском крае т. е. местностях, тиготеющих к р. Чуне. Чуна, благодаря порогам, не пригодна к судоходству, т. к. нельзя-же назвать судоходством 5-6 плотов, на которых чунари весной плавят пушнину в Енисейск. Транзита нет никакого, колесные дороги также наперечет. Дорога от станции Тайшет на Ангару (Дворец) задевает лишь южную часть края, имея для него малое значение. Другая дорога от Канска упирается в Чуну у деревни Кондратьевой и имеет лишь местное значение, да кроме того летом по ней не всегда возможно ехать в экипаже из-за неблагоустроенности. Большая же часть края дорог не имеет абсолютно, а лишь верховые тропы. Есть деревни в низовьях Чуны, где нет ни одного колесного экипажа, т. к. ехать на них некуда. Только зимой возможны сношения края с внешним миром, но и здесь далекие расстояния между поселениями, делают его практически мало осуществимым. Перегоны 50—80 км. между отдельными селениями делать достаточно затруднительно.

III.

Население Причунского края в настоящее время состоит приблизительно из 5-ти тысяч человек, и сплошь старожильческое. Только несколько десятков человек родилось не на Чуне и являются большей частью акклиматизировавшимися ссыльными, которыми с 1905 г. правительство усиленно снабжало глухой заброшенный край. Иностранческого населения в крае можно сказать совершенно нет, кроме 2-3 семей бродячих тунгусов, которые, кочуя в Чуно-Ангарском водоразделе, иногда выходят на Чуну.

Чтобы ознакомиться с вопросом, как образовался настоящий состав населения Чунского края, необходимо сколько возможно взглянуть в прошлое края и в историю его заселения. Вопрос о заселении края еще темен и здесь можно привести лишь немногочисленные факты, добытые, как автором, так и другими людьми, знаю-

щими край, факты полученные из распросов чунарей и из официальных данных волостных правлений и приходских церквей ¹⁾).

Древними насельниками края, как и соседнего Приангарья были оленные тунгусы. Патканов ²⁾ указывает для Чуно-Ангарского водораздела 3 тунгусских рода: Ятуальский, Куркугирский и Нанудальский. Эти тунгусы до последнего времени кочевали в Чуно-Ангарском водоразделе, а в настоящее время лишь в 80 км. от д. Савиной на берегу Омутского озера живет семья оленных тунгусов Нанудальского рода, но и она уже довольно сильно обрусела. Кроме того на Чуну изредка выходят из тайги еще 2-3 тунгусских семьи.

До появления русских, тунгусы занимали своими охотничьими угодьями весь край, на что, кроме преданий, указывает не мало географических имен тунгусского происхождения: Чуна, Тумала и ряд деревень: Хая, Кадарея, Балтурина и др.

Когда в крае начали появляться русские установить точно невозможно потому, что документальных данных нет, а предания часто разноречивы. Документальные данные имеются лишь для второй половины XIX века, когда население края уже окончательно сформировалось, да и то эти данные мало надежны для нижнего течения Чуны, где процесс заселения закончился еще недавно и где в 80-90 годах прошлого столетия нередко администрацией „открывались“ целые деревни, о которых никто, кроме ближайших соседей, не знал.

Современное население Причунского края хотя официально и старожильческо-русское, но не чисто славянское, а к нему примешен значительный тунгусский элемент. Тунгусы с Чуны не все ушли и вымерли, а многие руссифицировались и вошли, как составная часть, в современное население края, особенно в самой глухой его части — в низовьях.

Сколько удалось выяснить на основании распросов, как автора, так и других лиц, русские начали появляться в начале или половине XVIII века, причем заселение шло несколькими путями: во-первых, с верховьев Уды — с Нижнеудинска; во-вторых, с Ангары. Каковы были точные пути заселения, сказать трудно, можно только утверждать, что край заселялся не партией переселенцев, которые

¹⁾ Иван Алекс. Чеканинский — Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по р. Чуне в Енисейской губ. „Этнографическое Обозрение“ 1914 г. № 3—4. Его же — Енисейские старины и исторические песни. Этнографические материалы и наблюдения по р. Чуне. Там-же 1915 г. № 1—2.

Некоторые данные о заселении края и о его древних заселенцах были безбедно сообщены знатоком Приангарья А. А. Савельевым.

²⁾ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Зап. ИРГО по отд. статист. т. XI, вып. 2. СПб. 1911 года.

Список населенных пунктов Енисейской губ. Изд. Енис. Районного Пересел. Управления Красноярск. 1911 г.

организованно пришли сюда, а отдельными пионерами, которые на свой страх и риск поодиночке или небольшими группами селились среди тунгусов. На этом сходятся все известные предания о заселении края.

Первоначальное заселение Чуны шло вероятно сверху и первые засельники появились в верхнем течении собственно Чуны в районе дд. Неванской-Саввиной (Выдрина). Отсюда они расселились, отчасти вверх по Уде, а главным образом вниз по Чуне, где русские появились значительно позднее и сильнее ассимилировались с тунгусами. В низовьях есть даже несколько семей чистых тунгусов по происхождению, но совершенно обрусевших и в культурном отношении ничем не отличающихся от русских. Несмотря на дедов „чепагыров“ (олениных тунгусов) члены этих семейств свысока относятся к чепагырам, называя их „ясашными“ как и русские.

На то, что первые засельники были немногочисленны, указывает незначительное число фамилий, которые носят чунари, не только русского, но и тунгусского происхождения. Таковы фамилии: Рукосуевы, Каверзины, Брюхановы и Смолины. Эти фамилии носят три четверти населения края и их то происхождение выяснить весьма трудно. Другие фамилии, как Зверков, Попов, Халивин—более позднего происхождения и появление их на Чуне удалось точно установить. Эти жители—потомки ссыльных и беглых, поселившихся на Чуне в 60 годах прошлого столетия, и сейчас живут дети и внуки этих пришельцев, которые хорошо помнят своих родоначальников. Вопрос о происхождении четырех первых фамилий более запутан.

Вероятнее всего первой фамилией, появившейся на Чуне, является фамилия Смолиных, родоначальником которой считается Савва Смолин, по имени которого называется деревня, где он обосновался—Смолина или Саввина (последнее ее название Выдрина). По преданию Савва поселился здесь с несколькими товарищами.

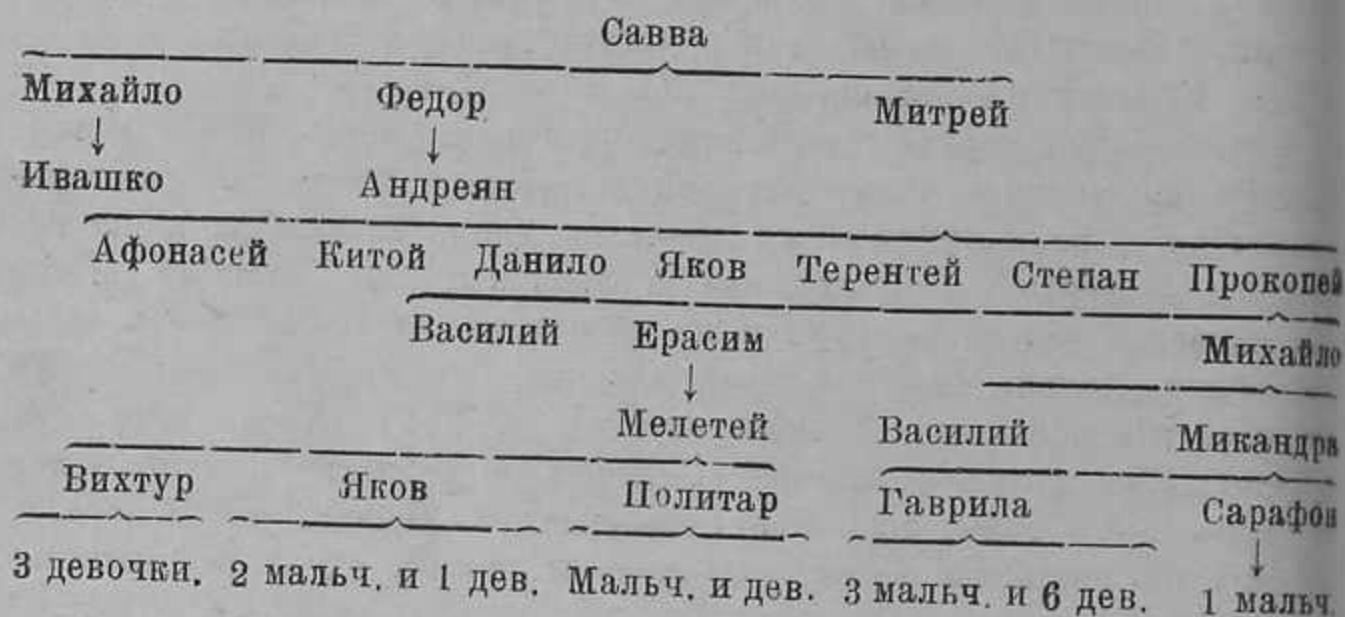
В настоящее время в Саввиной добрая половина деревни Смолиных, и Чеканинскому в 1914 г. и автору удалось выяснить довольно подробно, как родословную этого рода, так и его происхождение. В настоящее время живет, отчасти взрослым, 7-ое поколение от Саввы, так что время поселения Саввы на Чуну надо отнести на 150—170 лет назад (браки на Чуне не ранние) стало быть к первой четверти или к половине XVIII столетия. Как рассказывают его потомки, Савва приплыл с Удинска и поселился среди тунгусов. Савва был родом из Европейск. России, но откуда неизвестно. Указы-

¹⁾ Официальные данные по верхней Чуне получены частично из волостного архива в д. Неванской и архива церкви в с. Буйбунском.

О нижней Чуне сведения получены от А. А. Савельева по архивам в Богучаны (на Ангаре)—волостного села Пинчугской волости.

вают на Рязанскую губернию, но опираться на это указание невозможно, ибо население не представляет, где эта Рязанская губерния и возможно, что это плод досужей фантазии. К сожалению, ни автор, ни другие исследователи ее были лингвистами и не могли произвести анализ разговорной речи. Резко бросается замена буквы *В* через *Ф* (фторой), *Е* через *О* (жона), окончание *ей* вместо *ий* (Мелетей — Терентей) и др., но подобная речь вообще встречается по всей нижней Чуне.

Родословная рода Саввиных (Смолиных).
(По Чеканинскому).

Две другие фамилии Рукосуевых и Брюхановых берут свое начало из дер. Неванской (Мохначи). Они произошли от двух пионеров, которые переселились на Чуну с Ангары, так что являются представителями второго способа заселения Чуны — с Ангары. В настоящее время живет 5-ое поколение, как того, так и другого многочисленных родов, так что они переселились, вероятно, в конце XVIII века. Их потомки, как например, 80-ти летний правнук Рукосуева (имя родоначальника не сохранилось) Папила Никитич Рукосуев рассказывает, что два старика Рукосуев и Брюханов (Мохнач) пришли с Ангары и устроили на месте теперешней дер. Неванской заимку (хутор). Сначала они жили здесь наездом, не порывая связи с Ангарой, но затем неудобство такого хозяйства заставило их переселиться на Чуну совершенно и основать деревню. У обоих стариков было по 6 сыновей, которые и положили начало распространению обоих родов по всей Чуне и нижней Уде (Рукосуевы распространены почти до Нижнеудинска). Связь с Ангарой сохранилась и до сего времени и чунские Рукосуевы и Брюхановы считают ряд родственников на Ангаре, где идут видимо другие ветви этих фамилий (Брюхановых меньше).

Удинские Рувосуевы помнят, что они вышли из Неванской и из окружающих деревень, так что они определенно чунского происхождения. Вопрос о происхождении родоначальников обоих родов уходит на Ангара, а ввиду того, что Ангара заселялась издревле, и, как транзитный путь, пестрым населением, то решить этот вопрос без детального обследования происхождения ангарцев не представляется возможным.

Род Каверзиных имеет слишком запутанное происхождение. С одной стороны в д. Березовой, где много каверзиных, указывают родоначальником его Федора Тунгуса-Шамана¹⁾. С другой стороны в д. Кондратьевой на вопрос о происхождении рода Каверзиных говорят, что этот род пошел от какого-то беглого солдата, попавшего на Чуну лет 100-120 тому назад, спасаясь от преследования. Конечно откуда был этот родоначальник, они не знают, но несомненно он был русский из Европ. России.

Получается странное положение: один и тот же род (по фамилии) имеет своим родоначальником с одной стороны тунгуса, с другой русского. Вопрос этот очень интересен и объясняется, по нашему мнению, обычаем у чунарей усыновлять чужих детей не только из русских, но даже из тунгусских семей, ибо они видят силу рода и крепость хозяйства исключительно в силе его мужской линии. Можно указать такой факт. Род Брюхановых в Неванской определенно русского происхождения, а в дер. Хае живет ветвь Брюхановых, отец самого старого из которых Акапей Брюханов был „чепагыр“. Здесь произошло усыновление одним из Брюхановых ребенка из тунгусской семьи и род идет в двух линиях—русской и тунгусской. Такая же картина могла произойти и с родом Каверзиных, поэтому считать его за тунгусский нельзя. Подобное явление происходит и в настоящее время. Пришлось наблюдать в д. Березовой такую семью: муж Рукосуев, жена его тунгуска с Карабула, а так как брак бездетен, то они усыновили мальчика племянника жены от сестры-чистого тунгуса из Нанудальского рода. Ребенок носит фамилию Рукосуева и от него пойдут по мужской линии тунгусы-Рукосуевы.

Не менее любопытны отношения первых засельников с аборигенами края—тунгусами и постепенное руссифицирование последних. Вопрос о том, как встретили первых засельников тунгусы неясен. С одной стороны существует легенда об убийстве тунгусами царского посланца Василия Тюменца²⁾ (близ порога того-же имени), а с другой рассказывают о том, что Савва Смолин благополучно про-

1) И. А. Чеканинский. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях на р. Чуне.

2) Чеканинский—Енисейские старины и т. д. стр. 86.
Комаров А. И.—Правда о переселенческом деле СПб. 1913.

плыл краем и поселился в нем¹⁾). Повидимому все-таки тунгусы привяли русских дружелюбно, позволили им селиться здесь и постепенно начали с ними сближаться. Лет 100 тому назад русские настолько сблизились с тунгусами, что вступали с ними в родственные—брачные отношения, на что указывает родословная некоторых чунарей, особенно нижних поселков. Повидимому тунгусы, постепенно сближаясь с русскими, частью ассимилировались с ними, а частью возможно ушли отсюда в более глухие места. Все же надо сказать, что из всех жителей Чуны по крайней мере половина имеет значительную примесь тунгусской крови, а понемногу решительно все, кроме новоприбывшего элемента.

Все сказанное указывает на то, что в антропологическом отношении чунари представляют значительный интерес, как помесь тунгусов с русскими, но не меньший интерес они представляют с бытовой стороны. Как ни сильно было влияния русских на тунгусов, но несомненно есть и обратное влияние. Поэтому в быте современных чунарей не мало обычаев тунгусского происхождения, а иногда и чисто тунгусских.

IV.

Благодаря своеобразному формированию населения Чуны из двух резко отличающихся народностей, в антропологическом отношении чунари представляют ряд переходов между русскими и тунгусами. К сожалению в нашем распоряжении нет совершенно точных измерительных данных, т. е. при поездке не было инструментов и поэтому дать хорошо обоснованной картины типа не представляется возможным. В нашем распоряжении имеются лишь описательные признаки, но и они дают некоторое представление о населении. Надо заметить, что нередко в одной и той же семье дети—родные братья, дают ряд переходов. Так например, в дер. Ир два брата Рукосуевы: Матвей Агафоныч—небольшого роста, гибкий, сухопарый, как тунгус, с слабой растительностью на лице, и Егор Агафоныч—рослый, коренастый мужик с громадной бородой. Отец их по рассказам был типа Егора, о матери ничего определенного узнать не пришлось. Подобные картины среди чунарей не редки, но надо отметить, что среди мужчин толстых суб'ектов встречать не приходилось. Возможно, что на этом сказывается влияние тунгусской крови, а возможно что и суровые условия жизни не дают развиваться склонности к полноте. Сложения чунари разного. Словяноидные коренасты и широкоплечи, хотя и не особенно высокого роста; тунгусоидные, тонки, но не слабы, обладают значительной силой, и особенно чисто тунгусскими свойствами: выносливостью при ходьбе

¹⁾ Чеканинский—там-же стр. 88.

и беге и слабой утомляемостью. Глаза большей частью широко разставлены, но глубокие и узкие под нависшими бровями, хотя взгляд в общем добродушный. Цвет глаз чаще карий, но встречаются все оттенки. Зоркость у чунарей замечательная, также как и глазомер. Привычка к охоте развила наблюдательность и внимательность при рассматривании.

Цвет волос на голове преимущественно русый, разных оттенков, нередко совершенно черные волосы. Вьющихся волос почти совершенно не встречается.

Носы, большей частью, слегка приплюснуты. Больших тонких носов встречать не приходилось. Среди женщин нередко вздернутые носы, характерные для великорусских женщин. Лицо большей частью кругловатое с выдающимися скулами, хотя у мужчин нередко нижняя часть лица сильно сужена по сравнению со скулами. Лоб у многих довольно высокий. Лысых очень мало, наоборот растительность на голове обычно очень обильна, бороды у большинства хорошо развиты, но у тунгусоидных индивидуумов растительность на лице слабая.

Женщины в массе среднего роста и чаще с резко выявленными монгольскими чертами. Полных женщин встречать не приходилось.

V.

Население Чунского края более или менее равномерно распределено по всему течению реки. В верховьях Чуны (в районе дер. Неванской) поселки расположены чаще и более значительны по величине, чем низовые. Перелом в типе поселений происходит приблизительно с села Петропавловского, с которого начинается Нижняя Чуна. Ниже Петропавловского деревни делаются мельче с более примитивными постройками и вообще край становится глуше. Поселки в Причунском крае все расположены на берегу реки. Из поселков не на Чуне, но населенных чунарями-же, можно указать лишь пос. Чукшинский, в самом южном конце края на реке Чукше. Он отстоит от Чуны километров на 10—15.

Чунские поселки представляют собою сплошь деревни величиною от 9 до 65 дворов. Сел на Чуне 2: Буйбунское и Петропавловское, если не считать деревни Неванской, где находится волость.

В административном отношении весь Причунский край входит в состав 2-х волостей: Неванской, Канского уезда, включающей в себя все поселки до д. Малеевой и Пинчугской, (на Ангаре) Енисейского уезда, куда входят самые низовые 3 поселка. Центром Неванской волости является д. Неванская, расположенная на тракте со станции Тайшет, Сибирск. ж. д., до села Дворец, на Ангаре. Это самое оживленное поселение на Чуне, как административный центр. Остальные поселки все более или менее одинаковы.

В прилагаемой таблице перечислены все поселки, расположенные по р. Чуна, их всего 16 и один на Чукше.

Таблица населенных пунктов в Чунском крае¹⁾.

Название поселка.	Расстоян. от предыдущ. в километр.	Число дворов.	Число душ.	Название поселка.	Расстоян. от предыдущ. в километр.	Число дворов.	Число душ.
пос. Чукшинский	—	17	60	» Выдрина (Саввина).	26	65	380
дер. Бедокская.	42	9	45	» Березовая	20	38	237
» Чунская.	13	34	210	сел. Петропавловское .	60	28	164
» Ондрина (Балтурина)	12	60	354	дер. Кондратьева . . .	30	42	257
» Филькина.	15	34	217	» Кадарея	12	28	215
» Ганькина	25	31	203	» Малеева	42	32	235
» Казыцино-Мысская.	15	22	160	» Яр (Чуноярская) . .	17	33	308
сел. Буйбунское.	5	25	153	» Хая	24	23	173
дер. Неванская	20	62	320				

Дер. Хая отстоит от устья Чуны на 160 километров. Это место совершенно не заселено и носит название Пустоплесья.

Пути сообщения в крае очень примитивны. Главным и лучшим летним путем является р. Чуна. Правда, и на ней для большого пути не мало препятствий, в виде порогов, но для внутренних сообщений она является главным, а в низовьях и единственным летним путем. С внешним миром Чуна соединяется несколькими трактами: 1) тракт от гор. Нижнеудинска до дер. Неванской, идущий все время по берегу, то с одной, то с другой стороны, 2) тракт Тайшет-Дворец на Ангаре через Неванскую, идущий вдоль Чуны до дер. Березовой и

1) Число дворов и душ, в деревнях, помеченных в этой таблице основано не на точной переписи, а на опросах местной администрации и крестьян, так что за абсолютную точность этих цифр ручаться очень трудно и они приводятся лишь как приблизительные. Сверка настоящих цифр с данными переписи 1917 г. дала некоторое расхождение, но по словам участников переписи, и их цифры для Причунья особенно верны.

уходящей в сторону Ангары, 3) тракт от гор. Канска до Кондратьевой через Долгий Мост (на реке Оне), упирающийся в Чуну. Кроме этих трактов вдоль Чуны между поселками тянутся лишь верховые (вершные тропы), пользование которыми довольно затруднительно, так как в тайге их найти могут только опытные чунари.

Все вышеперечисленные тракты построены Переселенческим Управлением и то блещут великолепными мостами, то непролазной грязью на тонких местах, где не сделаны настоящие гати. Для переправы через Чуну на тракте Тайшет-Дворец сделано 2 плашкоута. У Кондратьевой плашкоута нет, экипажи перевозят на лодках, а лошадей вплавь.

Расположение дворов в поселках различно, так что трудно установить какие либо типы. В более крупных деревнях дома расположены в ряд и, иногда по берегу, чаще же в середине деревни идет улица, тянущаяся вдоль течения реки, пересекаемая изредка узкими поперечными проездами, расположенными без какой-либо системы. В таких деревнях, как Неванская, Выдрина (Саввина), Ондрина (Балтурина), являющихся самыми значительными в крае, имеется несколько улиц, соединенных между собой. Улицы обычно широкие, метр 60—100 и в Неванской вдоль домов можно видеть нечто вроде деревянного тротуара—положены доски и бревна, которые дают возможность передвигаться по невылазной глинистой грязи, какая бывает там после каждого дождя. В мелких поселках иногда есть только намек на улицу или даже улицы. Несколько домов стоят в ряд, образуя как бы улицу, но их 5—6, далее другие дома, становятся или поперек, или в стороне, создавая другую такую же короткую улицу, соединенную с первой проездом. В результате двадцать-тридцать дворов составляют несколько запутанных улиц в несколько дворов длиной каждая. В других случаях, как например в д. Бедока, дома расположены в куче без всякого порядка, так что к каждому дому приходится проходить узкими проездами между надворными постройками и заборами. Не даром чунари говорят, что в Бедоке 5 дворов и 3 улицы. Есть деревни, дома в которых вытянуты вдоль берега и против каждого дома у самого берега в ряд же стоят амбары, а под обрывом, ближе к воде, бани.

Из общественных зданий в каждой деревне имеется хлебозапасный магазин „магазея“, обнесенный рвом в предохранение от пожара при палах. Хлебозапасный магазин обычно строится за деревней метр. в 500—600 от строений. Почти во всех деревнях имеются часовни—обыкновенные дома с крестом на крыше. Перед часовней обычно устраивается звонница на 4 столбах с крышей. В звоннице подвешивается чаще всего два небольших колокола иногда и один. Большее количество колоколов встречается очень редко. В деревне Березовой звонница устроена на крыше часовни в форме выпки на

4 столбах. Церковь—деревянная во всем крае одна в с. Буйбунском. Вторая в с. Петропавловском сгорела в 1917 году. Под школы, где они есть, обычно отведены обычные крестьянские дома и только в д. Яр имеется школа, выстроенная специально с отдельными классами и квартирой для учителя. Отдельное здание волости имеется в дер. Неванской, а в обычных деревнях правление помещается в избе председателя Совета, а сходы в сборной избе-сборня, которая обычно нанимается у кого-нибудь из крестьян. Сборня служит для всех общественных нужд, вплоть до вечеринок молодежи осенью и зимой.

Из общей массы домов иногда выделяется дом местного богатея, построенный „на городской манер“, в 2 этажа, но обычно и такой дом приспособлен к чунским вкусам и отличается от рядового дома лишь величиной. Самые большие здания (крытые железом) имеются в Неванской, где в них помещается волость и почтовая контора, единственная в крае. В некоторых деревнях есть 2—3 лавки, стоящие отдельно. Это обычные амбары с незначительными приспособлениями для торговли, в виде навеса и более широких дверей. Если выделить вышеупомянутые здания, то остальные дома однообразны и с трудом отличаются один от другого.

Как во всех отношениях, так и в отношении постройки жилищ, что не ниже спускаешься по Чуне, то глуше край и общий вид жилищ становится примитивнее. Нет знающих мастеров, нет потребности в таких жилищах и, хотя население живет не беднее, чем в верхних деревнях, но вид деревень более убогий. В верхних деревнях чаще встречаются большие пятистенные дома, устроенные по обычному сибирскому крестьянскому типу, крытые тесом на шатер, с резьбой и украшениями. В низах подобные избы редкость, здесь крестьянин избу строит чаще всего сам и она не блещет ни архитектурой, ни украшениями. Зато здесь в постройках больше самобытности, тогда как постройки верхних поселков строятся приезжими мастерами и имеют вид обычный для сибирской деревни, стоящей в лесу и не имеющей в нем нужды.

Чунские деревни, как и все вообще сибирские, окружены поскотиной—изгородью, отстоящей иногда на километр, два от деревни. Внутри этой поскотины пасется скот. Поскотина обычно строится из жердей. Колья вбиваются по 2 один против другого и на уровне каждой жерди связываются или пихтовыми ветвями или тальником. Жерди кладутся одна от другой сантиметром на 15—20, а расстояние между кольями 5—6 метров. Высота поскотины обычно около 1½—2-х метров. Чтобы жерди не выскакивали из столбов, их привязывают к ним и только там, где идет дорога, жерди не привязываются, так что, сдвигая их в сторону, можно устроить проезд. Настоящих ворот в поскотинах обычно не делается. Только в верх-

них деревнях изредка делаются ворота из жердей же и прикрепляются к столбам посредством плетеных из тальника колец (способ прикрепления ворот смотри ниже). Нередко такими же изгородями огорожены и поля, находящиеся близ деревни. Дальние поля не огораживаются. Таков общий вид чунской деревни.

VI.

Переходя дальше к детальному описанию построек, должны оговориться, что более подробно будем описывать постройки низовых поселков, как более типичных и по виду и по способам постройки, мало касаясь построек верхних поселков, чаще всего обычных для всех сибирских деревень, не находящихся в специфических условиях замкнутости. Такие постройки встречаются до Неванской, а начиная с Березовой появляются уже низовые постройки и в своем чистом виде они выявляются в Малеевой, Иру, Хае. То же относится и к надворным постройкам, хотя в них более сходства между верхними и нижними поселками, как в расположении, так и в способах постройки. Это происходит потому, что только дома обычно строятся заезжими мастерами, а надворные постройки каждый хозяин строит сам.

Чунарские дома обычно делаются из целых бревен. Венцы рубятся обычным порядком в чашку с прокладкой моха. Стены по сибирскому обычаю рубятся не на столбах, а прямо на земле. Поэтому самый нижний венец, который лежит прямо на земле, а затем вrostает в нее, делается обычно из лиственничных бревен, так как древесина лиственницы особенно крепка и трудно поддается гниению. Далее идут венцы из сосновых (изредка кедровых) бревен до самого верха. Окна делаются небольшие и поднимаются от земли на 1—1,5 метра. Размеры их чаще всего 7 сант. на метр, редко больше, чаще же меньше.

Обычный тип чунарской избы — это шестистенная изба, состоящая из двух одинаковых половин с теплыми сенями посредине. Длина изб 12—15 метров, ширина 4—5, высота от земли до крыши 3—3,5 метра. На высоте от 0,5 до 1 метра от земли в сруб вставлены поперечные балки. Шестистенная изба обычная постройка на Чуне (Нижней), но кроме нее употребляются различные варианты ее — четырех и пятистенные. Оба упомянутых типа есть дома, находящиеся, так сказать, в процессе превращения в шестистенную избу, в которую они обычно и превращаются. Молодой, только что выделившийся хозяин, не имея возможности сразу ставить шестистенку и строит четырех или пятистенку. Четырехстенный дом рубится обычным порядком, но отличается тем, что бревна, которые направлены в сторону роста дома, к сеням, не отрезаются, а так и остаются висеть

в пространстве. Здесь устраиваются кое-какие сени. В пятистенной избе выстроены и теплые сени, но нет второй половины, которая пристраивается позднее. Иногда можно встретить две избы, стоящие друг против друга, с неопиленными санными концами бревен, но еще не соединенные между собой. Сени еще не теплые, хотя построены уже обе половины дома. Обычно такой дом скоро достраивается и получает обычный вид шестистенного. Благодаря такому способу постройки в стенах сеней бревна соединяются и нередко не приходится в стыку, а в беспорядке.

Расположение окон таково: в обе стороны фасада каждая половина имеет 2—3 окна, в боковой же фасад из каждой половины выходят одно, реже два, окна, рубящиеся ближе к красному углу. В сенях обычно рубятся 2 окна, разделенных между собой лишь косяком. Ход устраивается в сени, а из них уже в обе половины ведут двери, расположенные приблизительно на середине стен. Двери имеют размер 1,5 метра высотой и около метра ширины, отворяются в сени. Двери всегда одностворчатые, тяжелого типа.

Кровля в низовых постройках обычно делается не из теса, а из драни. Дрань готовится следующим образом: берется гладкое сосновое бревно, без сучков, длиной в 3—4 метра и клином от него начинают отдирать пластинки, толщиной в 2—3 сант. Получается обычное щепание лучины от полена, но лишь в громадных размерах. Доски получаются шириною в 15—20 сант. и довольно гладкие. Эти драни обычно употребляются вместо досок, так как продольных пил на Чуне нет. Если нужно пластину в 5—10 сант., то ее вытесывают из целого бревна. Гвозди для прибавания крыши так же не употребляются—это слишком дорогой товар и их может употреблять лишь очень зажиточный крестьянин. Обычно же дранцы прикрепляются следующим образом. Стропила делают обычные на 2 ската. В последний венец сруба с каждой стороны вбиваются по два длинных деревянных крюка, загнутых кверху и на них кладется бревно с выдолбленным глубоким вырезом, шириною в толщину двух драниц. В вырез этих бревен кладут драницы обычным кровельным типом в два ряда и у конька они сходятся вместе. Здесь их выравнивают и покрывают бревно, (охлупень), один квадрат которого или немножко больше, смотря по углу конька, выдалбливается до середины, изредка глубже. Это бревно захватывает все драницы и не дает им выскакивать. Для прикрепления его к стропилам употребляется несколько способов. Или его новым кольцом связывают с выступающей стропильной балкой, или к стропилам прикрепляется поперечная жердь, к которой и вьезжает охлупень. Первый способ употребляется чаще. Передний и задний пролеты крыши забираются не всегда, и чаще только передний. Подволока служит складом для пеньки, которая развешивается на стропильных балках.

У входа обычно делаются или холодные сени из драниц, или только навес над крыльцом, которое обычно возвышается на 0,5 метра над землей и спускается ступеньками, чаще в обе стороны вдоль дома.

На окна почти всегда надеваются наличники и ставни, сделанные из простых досок, реже филенчатые. Украшения на наличниках устраиваются редко, из-за отсутствия инструментов для их резки на досках. Наличники украшаются сверху и снизу полукруглыми зубцами, которые делаются обычными топорами. Коньки и фасады крыши украшаются очень редко, чаще в верхних деревнях. Нижняя часть дома иногда обшивается дранью и устраивается земляная завалинка высотой почти до окон и шириною в 20—30 сант. Обшивка домов тесом в низах не производится. Благодаря тому, что одна половина избы делается чистой, а другая жилой и украшения на окнах чистой половины гораздо затейливее. Наличники и ставни часто красятся в яркие и пестрые тона. Чаще употребляется белый, синий и красный цвета, которыми и выводятся то геометрические фигуры, крася каждую филенку ставни по своему, то на ровном фоне какие-нибудь замысловатые цветы и изредка стилизованные животные. Окраску ставней и стен внутри домов нередко делают заезжие мастера, случайно попавшие на Чуну.

Если дом ставится к улице передним фасадом, то на улицу выходит чаще всего жилая половина, украшенная менее, а украшенная часть двор. Если же боковым фасадом, что делается у всех более зажиточных крестьян то особенно украшаются окна сеней и чистой половины, выходящие на улицу. Кроме того украшаются и окна чистой половины по главному фасаду.

Полы и потолки делаются из пластин толщиной 5—6 сант., которые вытесываются из бревна и гладко выстрагиваются. Земляных полов нет даже и в амбарах, так как нет недостатка в лесе. Стены внутри дома сглаживаются от пола до высоты 1,5—2 метров и лишь самые верхние венцы выступают полукругом. Углы обычно не острые, а полукруглые, т.-к. сглаживание на них не распространяется. Высота помещения 2—2,5 метра.

Расположение и внутреннее убранство домов однообразно и похоже на такое же почти у всех крестьян великоруссов. Чистая и жилая половина дома различаются лишь тщательностью отделки и чистотой, но не расположением комнат и обстановкой. В жилой половине налево от входа расположена огромная русская печь, не прилегающая ни к одной из стен и отстоящая от них сантим. на 60—80. Печь обычного устройства. Над входом от печи до стены устраиваются полки шириною в длину печи на высоте от 1,5 до 2 метров, смотря по росту обитателей избы. Делаются своеобразные полки-полка еще против топки печи. Один конец их крепится к стене.

а другой к балке, идущей от печи к передней стене. Большие полаты служат для складывания одежды и для спанья подростков (маленькие дети и старики спят на печи). Полаты у печи устраиваются из подвижных досок и на них хозяйки кладут громоздкую кухонную утварь (квашни, корыта и т. п.).

Вправо от входа обычно располагается большая кровать, на которой спят хозяева и хранятся постельные принадлежности. В правом дальнем углу ставятся стол и лавки. В самом углу устраивается божница, где кроме икон, хранятся всевозможные вещи для дома бумаги и деньги. В стены на высоте 1,5 метров вбиваются деревянные костыли длиною в 20—30 см., на которые вешается всевозможная утварь. Иногда на расстоянии 10—15 см. от потолка делаются полки, на которых хранятся всевозможные предметы, очень часто сапожные принадлежности (колодки, дратва, кожа, шилья и т. п.). Устраиваются полки еще и около печи для хранения кухонной утвари.

Между печью и глухой стеной идет лестница в погреб-подвал, который всегда устраивается под печью и особых погребов на дворе не делается. Устройство такого подвала возможно стоит в связи с таковым же ходом из-за печи в нижний этаж. В северных великорусских двухэтажных избах. Здесь избы одноэтажные и лестница ведет лишь в небольшой подвал-погреб. Размеры такого погреба приблизительно $3 \times 2 \times 2$ метра, стены обшиваются плахами, на стенах устраиваются полки. Дверь в подвал устраивается не над лестницей, а внизу, так что лестница оказывается в комнате. Подобное устройство погреба предохраняет его от промерзания. Надо заметить, что вообще в Сибири, даже в городах не устраивается погребов обычного русского типа—яма с накатом и отверстием для влезания, а всегда устраивается подвал описанного типа, только более усовершенствованный и просторный. Такой подвал делается на дворе. Далеко в нем под полом делается углубление до метра, куда кладется лед целыми глыбами. У крестьян почти всегда погреба делаются также как у чужарей—под печью.

Чистая половина разделяется на 2 комнаты, полаты отсутствуют. Перегородка между печью и передней стеной делается очень тщательно, нередко филанчатая. Стены до высоты 1,5 метров окрашиваются однотонно, большей частью в красноватые или желтоватые тона, которыми обычно окрашивается пол, или же нередко белятся мелом; перегородка же всегда окрашивается в светлые тона: белый, кремовый, бледно-голубой и украшается орнаментом, обычно растительным, в разных стадиях стилизации цветов и листьев. Реже встречается геометрический орнамент. Также окрашиваются и орнаментируются, преимущественно геометрическим орнаментом, мебель и особенно божница. Вокруг божницы вешаются лубочные религиозные рисунки, а нередко просто бумажки от конфет.

В сенах мебели никакой не ставится и только вбиваются в стены костыли, на которые зимой вешается сруя.

Отопляются обе половины русскими печами обычного крестьянского типа. Голландских печей чуvari делать не умеют. Печи почти всегда глинобитные, ибо кирпича здесь нет. Кроме того, как и везде в Сибири, широким распространением пользуются железные печи, которыми отапливаются сени, бани, а иногда они ставятся и в избе во время сильных морозов. Курных изб нет, а есть только бани, которые в большинстве курные и очень примитивного типа.

Кроме описанного типа постоянного жилища, употребляются еще жилища более примитивные часто временного характера.

На сенокосах и дальних пашнях устраиваются т. н. станки, в виде сруба из бревен разм. $3 \times 2 \times 1$ метра. Сруб обычно кроется лиственничной корой, так, что куски коры кладутся вдоль и поперек постройки ближе к стенам, оставляя в середине квадратное отверстие для выхода дыма разм. 50—70 савт. каждая сторона. В одной из узких сторон устраивается вход разм. 1 м. $\times$ 50 савт., закрываемый тяжелой дверью. В боковых стенах устраиваются окна в виде щелей, вырубленных в двух соприкасающихся бревнах, разм. 10—15 савт. $\times$ 6—7 савт. Эти окна обычно ничем не затягиваются и в случае холодов просто затыкаются тряпками. Внутри станка, вдоль стен, жердями отгораживаются места для спанья, а в середине устраивается место для очага. Места для спанья бывают или вровень с полом, или поднимаются выше его савт. на 5—10 путем насыпания за жерди земли (тогда жердей делается несколько). Очаг разводится или просто на земле, или для него делается специальное возвышение из камней и земли, огороженное также жердями или толстой пластиной. На этом месте и разводится обычный костер, не защищенный с боков, а над ним с потолка спускаются крючья для подвешивания котла. Крючья эти обычно крепятся к балке, положенной вдоль сруба посередине для поддержания крыши, а иногда и специально для вешания котла. На стенах делаются полки для утвари и костыли для вешания одежды.

Подобные же станки устраиваются для зимней охоты на охотничьих территориях. Только станок делается больших размеров, кроется накатом из бревен, засыпанным землей и уже сверху покрытым корой. Окна делаются больших размеров и в них вставляются рамы, затянутые пузырем или, изредка, стеклами. В самых примитивных охотничьих станках вместо рам вставляются иногда медяные пластинки. Отопляются подобные станки чаще железной печью, но есть станки топящиеся и по черному. Тогда дымовое отверстие устраивается или над дверью, или, если не позволяет высота, сбоку двери и закрывается специальной деревянной затичкой.

На местах красноловных рыбалок, а иногда и на сенокосах строятся еще шалаши, которые также иногда называются станками. Строятся эти шалаши в виде двускатной крыши из толстых драни в 2 ряда. Размеры шалаша $2,5 \times 2$ метра и высотой внутри в рост человека. Строятся они обычно следующим способом. Вбивают 4 кола по раям шалаша на расстоянии ширины входного отверстия. Эти колья соединяются жердями и к ним уже наклонно ставятся драницы, так, что между верхними концами их остается щель в 10—15 сантиметров ширины и во всю длину шалаша. Над этим отверстием, для предохранения от дождя, устраивается доска, так что дым при выходе разбивается на 2 струи по обе стороны доски. Чтоб доска не касалась крыши, под нее с краев подкладываются соответственной толщины бруски. Задняя стенка забирается драницами нацело, а передняя кроме входа между столбами, который закрывается особыми досками. Посредине шалаша разводится костер, а вдоль стен спят, чаще по два человека с каждой стороны, головами в разные стороны. Место для сна иногда отгораживается жердью, чтобы затруднить попадание в костер одежды спящего. В качестве подстилки употребляются пихтовые ветви. В стены вбиваются костыли и иногда устраиваются полки.

Последним типом временного жилища является чум тунгусского образца, покрывающийся той же лиственничной корой. Диаметр чума до 2,5 метра, высота до 3 м. Такие чумы строятся на дальних сенокосах, где почему либо нет смысла строить станок и никогда не переносятся, строясь в каждом месте заново. Описание чума подробно не будем делать, ибо он копирует чум тунгусов.

Около всех временных построек для хранения продуктов устраивается т. н. лабаз, представляющий собой 4-х угольный сруб разм. 100×70 сант., при высоте 30—40 сант., устроенный на 4 столбах на высоте 1,5 метра над землей. Крестится лабаз лиственничной корой в 2 ряда и сверху наваливаются камни. Пол устраивается из толстой пластины или досок, причем в середине одна доска не прибивается и, вынимая, ее можно проникнуть внутрь лабаза. Лабазы устраиваются для хранения продуктов и утвари от собак и вообще от зверя, ибо попасть в него зверь не может из-за высоты и устройства входного отверстия. Подобные лабазы устраиваются и тунгусами и заменяют собой способ подвешивания на деревьях, который сохраняется и среди тунгусов и у чунарей для хранения туши сохатого от хищников.

В заключение описания жилых помещений остановимся на способе освещения их. На верхней Чуне, да отчасти и на нижней, до революции начали широко применяться керосиновые лампы, но в момент исследования (1920 год) недостаток керосина снова вызвал к жизни старые способы освещения. Первым и сравнительно мало

распространенным способом является лучина, ставящаяся на примитивном светце над лоханью с водой. Далее идут масляные лампы, причем вместо резервуара употребляется выдолбленная бряква, что вызывается тем, что на Чуне глиняная посуда редка, а излюбленная чуварями деревянная не подходит.

Самым же интересным и все шире распространяющимся способом освещения является т. н. камин, который в годы революции распространился широко по всей Сибири, а на Чуне применялся всегда. Камин представляет собой нишу разм. $10 \times 10 \times 15$ сант., устроенную в углу печи, выходящем в сторону избы. В верхней части ниши устраивается отверстие, соединенное с дымовой трубой печи. В эту нишу, широко открытую в сторону комнаты, стоя кладутся поленья, так называемого, смолья, которое горит ярким пламенем, а дым уходит в трубу. Смолье добывается из комлевой (нижней) части хвойных, поврежденных огнем. При этом дерево в месте повреждения накапливает такое количество смолы, что древесина становится полупрозрачной янтарного цвета. Хорошо высушенное смолье горит настолько ярко, что на столе в углу можно свободно читать и кроме того достаточно ровно. Для присмотра за камином ставят малыша, который время от времени подставляет в камин по одному-двум поленьям. Изредка и то на верхней Чуне применяется камин пристроенный на трубу железной печи. Он представляет собой цилиндр с обоими днами, открывающийся с одного боку приблизительно на половину. Этот цилиндр эксцентрично насаживается на трубу железной печи, так что снизу труба проходит сквозь цилиндр почти до верха его, а в верхней части начинается продолжение трубы немного большего диаметра, сходящаяся на конус. Таким образом дым печи не мешает горению камина, а дым смолья легко уносится в конус. Отопление и уход за подобным камином тот же, что и за первым типом.

Тип надворных построек и их расположение также представляется хорошо выработанным и также с целым рядом специфических особенностей, выработанных условиями обитания в крае. Самыми главными надворными постройками являются: амбар, навесы, двор или стайка для скота и баня, располагающаяся или на заднем дворе, или вне усадьбы на берегу.

Амбар строится из целых бревен как жилой дом, только без прокладки мохом, причем крыша устраивается шире сруба и образует со стороны входа навес, шириной в 50—80 сант. Амбар внутри разделяется на несколько (3—4) отделений и в каждое ведет особый вход. Перед дверями во всю длину амбара устраивается помост высотой до 50 сант., в которому ведут одна-две ступени. Амбары ставятся на столбах высотой до 50 сант., причем между столбом и бревнами сруба прокладывается слой бересты в предохранение от

сырости, по объяснению чунарей. Амбар располагается чаще всего узкой стороной на улицу через ворота, а к противоположной стороне его пристраивается навес, который иногда строится и совершенно отдельно от амбара. Навес имеет размеры приблизительно 6×4 метра при высоте в 2 м.; и делается открытым или с 3 сторон, если он стоит отдельно, или только с одной, если между строениями. Крыша навеса, подпираемая толстыми столбами, делается из подубренок выдолбленных колодой. Бревна диаметром в 25—30 см. раскалываются пополам и каждая половинка выдалбливается так, что получается в разрезе форму полумесяца. При покрывании такими брусками, нижний ряд их кладется на стропила горбылем вниз, а верхний перекрывается горбылями вверх, так что они закрывают места соединения нижнего ряда. Такая крыша совершенно непроницаема для воды, но очень тяжела и применяется только для покрытия навесов. Подобный тип перекрытия применяется не только в Сибири, но в лесной части Европейской России¹⁾, только здесь берутся толстые пластины лишь слегка вогнутые с одной стороны, чем уменьшается вес крыши. Внутри навеса вдоль стен устраиваются полки, а стены и столбы вбиваются деревянные костыли. Под навесом хранится всевозможный хозяйственный инвентарь и, так как краж в Чуне нет, то все, что не может быть повреждено скотом и собаками, хранится под этим навесом и под навесом крыши у амбара, где также устраиваются полки и костыли. Под навесом амбара хранится преимущественно сбруя и рыболовный инвентарь.

Интересной постройкой является помещение для скота, или двор (в некоторых местах его называют „стайкой“). Двор представляет собой большой сруб размером $20—25 \times 10—15$ метров, сделанный из тонких жердей, причем жерди подгоняются плотно лишь до высоты 2 метров, тогда как выше до 3—4 м. между ними остаются значительные просветы, зависящие от неровности жердей и эти щели служат для освещения двора. Крестом такой сруб горизонтальным накатом из тех же жердей и на него кладутся запасы сена, создающие довольно непроницаемую крышу. В двор ведут широкие досчатые ворота, а другие ворота ведут на задний двор, где устраивается из жердей загородка высотой до 1,5 метров, куда иногда выгоняется скот. Внутри этого сруба устраиваются уже настоящие стойла для скота, сделанные из толстых бревен с конопаткой и с плотными дверями. Эти стойла кроются тонким накатом, на котором также кладется сено. Пол двора и стойла мостятся бревнами слегка сглаженными, так что бегущий скот грязи в них не бывает. Такое устройство помещений для скота позволяет зимой выпускать скот из стойл, не подвергая его действию нару-

¹⁾ Едемский М. Б. О крестьянских постройках на севере России. «Живая старина» год XXII, вып. I—II, стр. 65.

ного холода, а летом, во время появления мошки, скот укрывается здесь и здесь разводится курев из сырого навоза, которое защищает скот от жесточайших укусов.

Все эти надворные постройки расположены в усадьбе, чаще всего, следующим образом: через ворота, вдоль двора, располагается амбар и навес, а поперек усадьбы во всю ее ширину ставится скотный двор, отделяющий передний двор от заднего. Другие постройки имеются лишь изредка. Передний двор у зажиточных крестьян нередко мостится бревнами. На заднем дворе устраивается огород, загон для скота и ставится баня, ежели она не на берегу под яром. Бани очень примитивны, в большинстве случаев курные и только изредка отопляются посредством железной печи, обложенной со всех сторон камнями. Котлов для кипячения воды встречать не приходилось и вода нагревается в деревянных колодах, посредством опускания в них раскаленных камней. Передбанник не устраивается вовсе, а прилаживается лишь небольшая загородка из жердей со стороны входа в баню, где и раздеваются.

Изгороди, огораживающие усадьбу, так же несложны. Задний двор городится жердями подобно поскотине. Только изредка встречаются заборы из жердей, устроенные следующим образом: ставятся толстые столбы на расстоянии 4—5 метров один от другого, с двух сторон этих столбов выдалбливаются пазы, шириною в 3—4 сант. и глубиною 2—3 сант.. В эти пазы вставляются горизонтально тонкие жерди, которые кладутся вплотную до высоты 1—1½ метр. Заборы, выходящие на улицу, строятся из толстой пластины, также вставляемой в пазы столбов. Ворота делаются или из досок, обычного русского типа с навесом, или из жердей, расположенных горизонтально, причем возможность провисания створки устраняется диагонально поставленной жердью, соединяющей верхний, прикрепленный к столбу угол, с нижним противоположным. Прикрепляются ворота без петель следующим образом: на створке делаются у бруса, прикрепляемого к столбу, шипы диаметром 2—3 сант. и длиною 5—6 сант.. На столбе выдалбливается квадрант длиною в высоту створки без шипов, а для шипов вырезается отверстие, куда они входят и где закрепляются посредством пришитых пластинок. У ворот из жердей прикрепление ведется проще. Шип делается один — нижний, который упирается в специально подложенную пятку у воротного столба, а верхний конец створки крепится со столбом посредством ивового кольца. Калитки делаются далеко не всегда, т. е. на Чуне ворота закрываются очень редко.

VII.

Одежда чунарей напоминает в общем одежду сибиряков вообще, представляя собой великолепно приспособленные к климатическим

особенностям образцы, несколько отличается от обще-сибирской старожильской одежды тем, что здесь край глуше и поэтому самодельщины больше, а также значительнее влияние аборигенов страны.

Материалом для одежды чунарей служат самодельные льняные и шерстяные ткани, а также и бумажные-покупные (базарные, по чунарски). Последние ткани встречаются редко, только на праздничных нарядах, которые носят едва-ли не всю жизнь. Льняная ткань делается из местного льна, который на Чуне рождается плохо—слишком коротким и поэтому, по уверениям чунарских женщин, прях из него тонкие нитки очень трудно. Нитки прядутся толстые и ткань получается грубая. Более тонкие ткани выделяются из льна, выращиваемого на Оне, который чунари получают в качестве заработной платы при уборке хлеба у онских крестьян. Прядут все женщины обычным русским способом. Прялки, или точнее донца, очень просты и только изредка покрываются незатейливым геометрическим орнаментом, вырезаемым посредством простого ножа. Ткацкий станок обычного русского типа.

Шерстяные ткани готовятся из шерсти местных овец. Окрашиваются ткани самодельными красками и только в 4 цвета: черный, красновато-желтый, желтый и коричневый. Окраска в черный цвет производится следующим образом: ткань кладется в чугунок с водой, куда накладывается значительное количество листьев брусники и все это ставится в печь, тотчас же после вынимания хлебов, до утра. К утру ткань окрашивается в красный цвет (цвет непрочный и им ткани не окрашиваются в отделке). Окрашенную таким образом ткань, сейчас же густо натирают черной железистой грязью ржавого болота, после чего высушивают, отминают грязь и ткань становится черной. Покрытой мокрой грязью, ткань остается 5—6 час. Для большей интенсивности окраски намазывание грязью производится несколько раз, причем каждый раз ткань промывается в брусничном отваре. Таким образом красят и холсты и шерстяные ткани, но эти последние для обезжиривания сначала довольно долго кипятят в щелоке. Черная окраска держится достаточно крепко, выдерживает стирку и только после многих стирок превращается в темно-серую, после чего уже не изменяется. В красновато-желтый цвет красят тем же брусничным листом, после чего ткань снова проваривается вместе с кожей лука. В желтый цвет окрашивают, кипятя ткань только с кожей лука. В темно-коричневый цвет красят корой осины, которую сначала наваривают, затем отвар с неделю квасят, после чего в него кладут ткань и снова проваривают.

Кожа выделяется также самими чунарями и покупная встречается лишь на щегольской обуви-сапогах, которые привозятся готовыми, ибо на Чуне их делать не умеют. Для поделок употребляется кожа лошади, коровы и особенно сохатого (лося). Шкуры прежде

все очищаются от жира, а затем выквашиваются. Выквашивание производится по разному: или квасят в перекишей жидкой ржаной опаре, или в моче (преимущественно конской). Квасят суток пять-шесть, после чего шкуру сушат, а затем намазывают дегтярной водой (смесь воды и дегтя в отношениях 1:5). После нескольких промазываний дегтярной водой шкуру, сушат по настоящему, а потом нут на особом мяле. Мяло устраивается следующим образом. В толстую, положенную на землю, плаху вделывают столб, высотой в метр и диаметром в 15—20 сант., так, чтобы он мог вращаться. Вокруг этого столба в плаху вбивают несколько крепких кольев высотой сантиметров на 10—15 ниже столба. К столбу сверху прилаживают жерди для его вращения. В середине столба, насквозь его, делается щель, длиной в 15—20 сант. и шириною в палец. В эту щель вставляют конец, приготовленной для мятья, кожи и поворотом столба постепенно накручивают. Так как расстояние между столбом и кольями очень незначительно, то кожа задевает за колья и мнется. Замотав всю кожу на столб, вытаскивают конец ее между двумя кольями и начинают столб вращать в обратную сторону, отчего кожа снова наматывается на столб и сильно мнется. Таким образом проворачивают кожу от 10 до 20 раз, после чего она становится мягкой и эластичной. Дубки никакой не производится. Выработанная таким образом кожа, очень удобна для поделки обуви, хороша в носке, но легко пропускает воду. Овчины подвергаются дубке, но со способами ее к сожалению познакомиться не удалось.

Одежду мужчин летом в обычные дни составляют холстовые (черные) шаровары и такая же, но белая, рубаха. Покрой обычный великоросский. Шаровары обязательно забуваются в голенища бродней. В праздники одевают рубаху из (базарной) материи ярких цветов (желтого, красного, зеленого) и пиджак, сшитый также из покупной материи. Рубаха обязательно подпоясывается, чаще всего ремненным поясом, на котором в берестянных ножнах привешивается нож, типа кухонного, очень острый, необходимая принадлежность каждого чунаря. Вечером, когда бывает прохладно, чунарь надевает азам, или однорядку, сшитую из самодельной шерстяной материи, вроде обычного великоросского кафтана и обязательно подпоясывает поясом с ножом. Зимой костюм изменяется тем, что шаровары надеваются шерстяные и на рубаху надевается или короткий полущубок, или шуба-тулуп. Как то, так и другое обязательно подпоясывается. При поездках зимой сверх шубы надевается еще доха из собачьих шкур шерстью вверх (иногда доха делается из сохатиной шкуры, но она очень тяжела). Воротник у дохи делается очень большой.

Женский будничный костюм состоит или из холстовой юбки и кофты русского образца, или, чаще, из длинной и узкой рубахи (типа марийской). Рубаха делается без воротника и надевается, или

прямо через голову, или имеет на груди разрез. Рукава у рубах длинные и узкие. Украшения на рубахе отсутствуют и лишь изредка на подоле пришивается широкая полоса другого цвета. Рубаха на талии обычно стягивается поясом. Эти рубахи напоминают соответственный тунгусский женский наряд. Под рубахой или под платьем, носят узкие шаровары длиной до щиколоток, прикрепляющиеся посредством шнура, вдетого в верхний край. Сзади шаровары имеют разрез, но при одевании края его широко заходят друг за друга и отверстие совершенно закрывается. Шаровары всегда забуваются в вязанные чулки. Во время полевых работ, для удобства, женщины забирают юбку или рубашку к поясу и, таким образом, шаровары выходят наружу. Если заворачивается к поясу юбка то, чтобы не делать здесь толстого жгута, значительная часть юбки свивается в жгут и сзади висит в виде хвоста. Шаровары обычно делаются темных цветов. Такое доминирующее значение шаровар по сравнению с русскими у чунарей также указывает на влияние аборигенов, но конечно в значительной степени диктуется и необходимостью, ибо летом работать в юбке, при сибирских условиях, и неудобно и прямо таки невозможно при наличии большого количества гнуса (комары, мошки). В Сибири вообще шаровары часто одеваются сверху, но обычно юбка забувается в них, а на Чуне платье подвертывается к поясу. Праздничную одежду составляют обязательно юбка с кофтой ярких цветов, чаще зеленого и желтого и расшитый передник, который у девушек часто украшается базарными кружевами. Надо заметить, что вышивка на Чуне встречается сравнительно редко и чаще шитье крестом. Изредка встречается шитье, напоминающее гладь, но оно скорее тунгусского, чем русского происхождения. На плечи нередко накидывается большая разноцветная шерстяная шаль. Некоторые девушки-модницы одевают платье городского образца, но это очень редко и то лишь в верхних поселках. Детские одежды по типу мало отличаются от взрослых и только у самых малых ребят рубашечки делаются длинные и штаны с большим разрезом в шагу.

Обувь на Чуне самодельная и можно отметить два основных типа ее: бродни или бахилы и чирки, различные вариации которых распространены у всех возрастов и полов. Бродни представляют собой нечто вроде сапог, но с широким и высоким, выше колен, голенищем и с мягкой подошвой. Головки бродней всегда пришивные. Шьются они наизнанку, причем между верхом и подошвой прокладываются узкие ремешки, благодаря чему шов становится совершенно непроницаемым. При пришивании головок к голенищам шов делается наружу и сюда вшиваются сбоку и сзади кожаные же ушки, в которые вставляется узкий ремешок или веревочка для затягивания головок бродней, чтобы они не скользили на ноге. Голенище бродней

под коленом еще перетягивается ремнем, а самый верх, заходящий далеко за колени, ремешком же подвязывают к поясу, чем устраняется скольжение вниз мягкого голенища. Чирки представляют собой собственно головки бродней, отличающиеся лишь тем, что у них усилен задник, который состоит из 3 слоев. Это достигается пришиванием к нему широкой полосы, охватывающей весь задник и снаружи и внутри, причем перегиб этой полосы является задним ушком, а боковые пришиваются самостоятельно. Носятся чирки на чулок, туго затягивая шнурки выше щиколоток. Иногда к чиркам пришиваются холстовые голенища и тогда получается облегченный тип бродней. Голенища из холста делаются лишь до колен и сзади имеют разрез, к концам которого пришиваются завязки, плотно затягивающиеся под коленом. Кожанные бродни носят только мужчины, а с холстовыми голенищами надевают и женщины во время работы. Чирки же носят только женщины и дети. Женщины и дети носят вязаные шерстяные чулки, а летом иногда и холстовые, сшитые очень примитивно, без пятки, в виде узкого мешка с закругленным дном. Мужчины всегда носят портянки, холстовые или шерстяные, а на зиму меховые-заячьи. Как в бродни, так и в чирки для мягкости и тепла кладется особый вид травы из сем. злаков, солома которой очень мягка и эластична. Эта трава для подстилки в бродни широко употребляется населением Сибири, как русским, так и инородческим. Бродни представляют широко распространенную в Сибири обувь и являются подражанием унтам, камасам и т. п. местных аборигенов. Эта обувь легка и хорошо приспособлена для хождения по лесу, где сапоги, например, сильно рвутся. Правда чунские бродни боятся сырости, но сырой период в Сибири вообще незначителен, и в течение его население не работает вне дома, зимой же и летом бродни незаменимы. Валенки чунари не носят и не умеют их делать, да они и не нужны, особенно мужчинам, при хождении на лыжах, ибо лишают ногу гибкости, тогда как бродни с меховой портянкой, не имея этого недостатка, великолепно предохраняют ногу от мороза. Бродни или бахилы употребляются и на лесном севере Евр. России, но здесь на них обязательно надеваются лапти и они играют роль лишь кожанного чулка, тогда как в Сибири они являются самостоятельной обувью.

Главными уборами зимой у мужчин служат меховые малахай или шапки. Женщины также носят малахай, а чаще повязывают голову шерстяным платком.

Летом мужчины носят или покупные шляпы, или фуражки. Женщины же покрывают голову платком, повязывая его под подбородком. Однако чаще всего в качестве головного убора употребляется как мужчинами, так и женщинами сетка от мошки, с которой чунари не расстаются с мая и до сильных морозов. Сетки делаются из ма-

терий в виде колпака, покрывающего голову и шею и спускающегося на грудь и спину. В передней стороне на уровне лица в колпак вставляется, так называемая, „личина“, сделанная в виде частой сетки из черного конского волоса, размером 7×10 сант. Края „личины“ заворачиваются под углом в 90° и обшиваются материей, после чего „личина“ пришивается уже к колпаку. Благодаря этим заворотам, „личина“ находится на расстоянии 2-3 сантиметров от лица и не мешает зрению. Со спинной стороны к сетке пришивается длинная (до метра) полоса материи, которую обвивают вокруг шеи, чтоб предотвратить попадание мошки под сетку. Когда нет мошки, сетка откидывается так, что личина кладется на темени и вся сетка превращается в своеобразный головной убор, вроде капора со спускающимися на шею и спину краями. Сетки от мошки употребляются всем русским населением Сибири, а у инородцев имеются или подобные же сетки, или особые капюшоны, закрывающие шею, застегивающиеся под подбородком и оставляющие открытым лишь самое лицо (тунгусы, гольды). Чунари делают сетки из материи темных цветов, чтоб меньше была заметна грязь, и украшают изредка только цветной полосой вдоль края, да „личина“ обшивается материей другого цвета. Полоса для обвивания шеи также делается иногда другого (яркого) цвета.

Волосы мужчины носят длинные, подстригая их сзади, мальчики ходят также, а девочки рано отпускают длинные волосы и, или заплетают их в косы, или, чаще, ходят с распущенными волосами. Девушки носят одну косу, а женщины заплетают волосы в 2 косы и, связав их концы косоплеткой, кладут их вокруг головы, как это делают все русские крестьянки. Очень редко среди девушек встречаются прически на городской манер.

Украшениями являются серебряные серьги и кольца, реже встречаются браслеты. Широко распространено ношение бус, покупных по происхождению. Вообще украшения у чунарей распространены очень слабо. Вышивки также редки и ими, а также и покупными кружевами, украшаются главным образом, передники. Городские костюмы и украшения проникают слабо и только преимущественно от ссыльных.

VIII.

Пища чунарей значительно схожа с пищей сибирских крестьян вообще и отличается от питания крестьян Европейской России своей большей питательностью и гораздо большим содержанием жиров. Жиры в большом количестве употребляются вообще в Сибири, а масло, и сметана почти обязательная приправа ко всяким кушаньям. Ввиду того, что зажиточность чунского населения почти одинакова, питание их также однообразно. Особенностью питания

чунарей является более значительная сезонность, ибо питательные продукты в значительном количестве добываются, как предмет промысла, чем как результат хозяйства.

Из животных продуктов употребляется преимущественно мясо диких животных (лось) и значительно меньше мясо домашнего скота, которого водят немного и убивают только при крайней нужде. Поэтому мясо крупных животных употребляется преимущественно зимой и ранней весной в охотничий сезон. Из птиц употребляются также преимущественно дикие, добывание которых ведется почти круглый год, хотя и в небольших количествах. Домашней птицы чунари водят мало, ибо она сильно страдает от охотничьих собак и имеющихся кур берегут, чтоб иметь яйца.

Кроме мяса в значительных количествах употребляется рыба, особенно осенью и весной.

Запретных животных очень немного, едят даже белку, а из рыб совершенно не идет в пищу лишь бычек (*Cottus sibiricus* Kessl.), ибо его считают за черта.

Из растительных продуктов, кроме хлеба, употребляются овощи: капуста (редко вызревает), картофель, лук, репа и брюква, а также в небольшом количестве огурцы, которые родятся далеко не каждый год. Широко распространено употребление ягод, как в свежем, так и в консервированном виде. Из них главными являются: черемуха, брусника, малина и черная смородина. Более редки красная смородина (кислица), голубика, черника. Особенно много употребляется черемухи, которая значительно крупнее, чем в Евр. России и гораздо слаще. Ее сушат и размалывают вместе с косточками в муку, которая широко применяется в чунской кухне. Из овощей лучше всего родится репа и брюква, картофель же бывает мелкий, из краткости вегетативного периода. Пшеница и рожь на Чуне имеют какой то солоделый привкус, что возможно объясняется тем, что ее на корню нередко захватывают морозы.

Хлеб печется обычным порядком кислый на опаре, но без соли, которой очень дорожат. Выпекается он или в виде небольших не более 2 кг. караваев, или в виде колачиков на поду. Колачики излюбленная форма печения хлеба вообще в Сибири. Зимой их, тотчас же после вынимания из печи, нанизывают на веревочку и выносят на мороз, а перед употреблением кладут не на долго в печь и они принимают вид только что испеченных. Далее распространенным печеньем на Чуне, как и вообще в Сибири, являются „шаньги“ или „шанежки“, которые представляют небольшие пышки, сверху густо смазанные сметаной с мукой, которая запекается. Кроме того, как только шаньги вынут из печи, их немедленно густо смазывают коровьим маслом, которое значительно впитывается в шаньги. Зимой пекутся шаньги с черемухой. Для этого черемуховую муку обваривают ки-

пятком, отчего она разбухает и превращается в густую кашицу. Эту кашицу густо намазывают на пышки и запекают, а затем также смазывают маслом. „Шанежки с черемушкой“ любимое праздничное печенье у сибиряка вообще и у чунаря в частности. Довольно часто употребляются кислые блины, но реже чем шаньги. Пирогов с начинкой чунарки печь не умеют и только некоторые выучились этому у ссыльных. Как колачики, так и шаньги, а особенно блины, всегда поедают, обмакивая в расплавленное масло.

Из варева употребляются чаще супы из мяса или рыбы и реже щи, т.-к. капуста бывает не каждый год. В суп кладется картофель и лук, а также он сильно подбивается мукой. Каша готовится преимущественно из крупно-смолотой пшеничной муки и чаще в форме кашницы, которая летом варится всегда на костре и употребляется тотчас же после варки. Кашница варится или на воде, или на молоке, часто с большой примесью воды и поедается с значительным количеством масла. Постом масло употребляется конопляное, но его немного и постные щи или суп варятся без масла. Надо отметить, что постные блюда употребляются редко, ибо посты мало кто соблюдает.

Из жарких употребляется мясо жареное на сковороде в салу с картофелем или без него, а также рыба или зажареная в масле, или, чаще, запеченая в тесте. Способ запекания рыбы в тесте широко распространен в Сибири и состоит в том, что рыбу целиком, или часть крупной, заключают в тонкий слой теста со всех сторон и в таком виде запекают, причем рыба печется в собственном соку и принимает очень хороший вкус. Корки, в которых запекалась рыба, поедаются редко и то только верхняя, а в большинстве случаев отдаются собакам.

Молоко употребляется как в сыром, так и в кипяченом виде. Его подают к каше, к чаю, а дети едят с хлебом. Кислое молоко почти не употребляется и чаще чунарки готовят сметану, а из остатков творог, который употребляется чаще в сыром виде с молоком или сметаной в качестве кушанья к завтраку и ужину.

Праздничный стол отличается от будничного преимущественно количеством, а не качеством и состоит из тех же кушаний. Каких либо особых кушаний, приуроченных к отдельным случаям, наблюдать не приходилось, чему виною, возможно, непродолжительность наблюдений, но и расспросы в этом отношении ничего интересного не дали.

Очень излюбленным, но приготовляемым не часто, кушаньем является „строганина“. Строганина делается из замороженной рыбы, преимущественно осетра или крупной стерляди. От рыбы острым ножом отрезаются тонкие пластинки (стружки), которые обмакиваются в специальный острый соус из горчицы или хрена, уксуса и перца, после чего поедаются. Обычно на стол подается мороженая рыба.

чашка соуса и острые ножи и каждый из едоков сам отрезает рыбу. Специальным блюдом, изготавливаемым только на рыбалках, является апалишка, приготовляемая из стерляди. Для этого у стерляди отрезается голова, вынимаются внутренности и спинная струна. После этого стерлядь насаживается на прут и держится над костром (опаливается) до тех пор, пока мясо с поверхности не затвердеет. После этого полусырую рыбу режут на мелкие кусочки, поливают крепким уксусом и посыпают перцем и солью (иногда только солью) и в таком виде поедают, намазывая каждый кусочек коровьим маслом. Делается апалишка и из частиковой рыбы, преимущественно из крупного окуня, но изготавливается она иначе. Берут только что пойманного окуня, вынимают из него внутренности (это не обязательно), затем вставляют ему глубоко в горло прут и держат над костром, или над углями, до тех пор, пока мясо не испечется. После этого снимают, почти совершенно сгоревшую, кожу и поедают мясо или с солью, или, нередко, и без нее. Оба вида апалишки готовятся только на рыбалках.

Прием пищи в домашней обстановке совершается 4 раза: утром часов в 6 завтрак, затем в 11—12 обед, в 4—5 ч. чай и в 7—9 ч. ужин. По праздникам часов в 10—11 устраивается завтрак и тогда обед делается позже. Утренний завтрак состоит из чая или с хлебом и творогом с сметаной, или с горячими колачиками, а зимой и осенью, когда есть мясо или рыба, с жареным мясом или рыбой. Обед состоит из супа, каши или жаркого и опять чая. Вечерний чай обычно напоминает собой завтрак, ибо к нему нередко делается что либо горячее. Ужин состоит или из кашицы с молоком, или опять так из чая с хлебом. Во время полевых работ едят 3 раза и всегда что либо горячее. В качестве сладкого к чаю употребляется летом свежая ягода, а зимой консервированная, или в виде пастилы, или, чаще, в виде моченой брусники, или разваренной черемуховой (черемухной—по чунарски) муки. Очень редко употребляется сахар, который дорог. В качестве особенного угощения употребляются сушки, привозимые из городов и совершенно окаменевшие. Сушка вообще в Сибири считается лучшим лакомством, как среди русского так и среди инородческого населения.

Из напитков более всего употребляется чай плиточный или фамильный, но настоящий чай употребляется редко, только по праздникам, из за его дороговизны. Обычно его заменяют суррогатами, из которых главное место занимают следующие: брусничный лист, смородинный лист и кора лиственницы, которую сушат, крошат, стружками и заваривают. Получается темно красный напиток с слегка вяжущим, но приятным вкусом. Чаю чунари пьют много и охотно. Из других напитков изредка встречается квас, обычного русского типа, но плохо приготовленный, отчасти может быть потому, что на

Чуне не умеют делать бочек и квас держат в кадушках. Квас вообще является напитком случайным на Чуне и завезен ссыльными.

Из наркотиков в значительном количестве употребляется самогон, или самосидка, довольно крепкая, которая изготовлялась чунарями и до войны, т. е. казенной водки и раньше туда не проникало. Для выгонки самогона чунарями, как и вообще сибиряками, устраиваются целые заводы в тайге неподалеку от деревни, причем на Чуне отмечается та особенность, что эти заводы оборудуются на общественный счет и для выкурки самогона лица избираются на сходе и эти лица поставляют весь самогон в распоряжение старосты (ныне председателя), который и распределяет его сообразно количеству выданной хозяевами муки. Некоторое количество самогона остается в распоряжении председателя и распивается на сходе в особых случаях, по особому постановлению. Из этих же запасов раньше староста угощал, редко заезжавшее на Чуну, начальство, чаще всего урядника и реже крестьянского начальника. Кроме самогона варится пиво и брага. Пьют чунари много, особенно осенью во время праздников: Воздвижения, Покрова, Михайлова дня и др., когда устраиваются гравдиозные попойки всего села, на которых пьют не только женщины, но и девушки и подростки. Летом пьют сравнительно мало, преимущественно пиво и брагу, но и то по праздникам. Пьяниц, пьющих постоянно, встречать не приходилось, нет указаний и из расспросов.

Табак пользуется на Чуне очень широким распространением — курят почти поголовно и из женщин особенно старухи. Раньше табак был исключительно привозный и его покупали прямо в папушах, во время же революции, по нужде, начали садить его сами, но чунский табак плох, ибо он не успевает вызреть и из-за заморозков его приходится срывать иногда даже до начала цветения. Поэтому табак получается очень слабый и неприятный на вкус. Курят чунари из трубок, по типу напоминающих марийские, но у молодежи особенным шиком считается курение из бумаги (гумаги). Некоторые старики нюхают табак, для чего он сильно сушится и тщательно растирается. Для хранения курительного табака употребляются кисты из кожи (лучшие из testis лося или быка), а для нюхательного — берестяные тавлинки.

Заготовление впрок продуктов питания производится во первых лучшим сибирским способом — замораживанием, а кроме того применяется посолка мяса и рыбы в кадушках, причем соли берется немного, не более 4—5 фунтов на пуд, почему продукт получается плохой и скоро портится. Засолка применяется к мясу, добываемому ранней весной по насту, и к рыбе весеннего массового лова, но из-за недостатка соли она применяется сравнительно редко.

Из овощей солят капусту, но, т.-к. она там редко завивает кочанчики, то собственно солят только листья и зачатки вилок, да и то не всегда, а большей частью ее сохраняют в мороженном виде. Руснику заготавливают впрок посредством мочки в воде с некоторым количеством солода. Ягоды чаще всего сушат. Картофель, репу и брюкву хранят в свежем виде в погребах, а там где погреба из-за вечной мерзлоты (д. Хая) непригодны для этого, хранят в углу сени, закрывая от стен соломой.

IX.

При знакомстве с утварью чунарей невольно бросается преобладание дерева над всеми другими материалами. Неумение приготовить утварь из многих материалов, как напр., глины, оторванность от рынка и пример тунгусов, являющихся предками значительной части чунарей, заставили чунаря сделать свою утварь очень примитивной, мало отличающейся от утвари бродячих тунгусов, как по типу, так и по способам построения. При описании утвари будем подробно останавливаться на предметах специфически чунских или тунгусских вообще, предметы же обще-русского происхождения будем присылать лишь вскользь.

Вся посуда, которая подвергается действию огня, на Чуне металлическая — привозная. Котлы, чугуны, сковороды, жаровни и т. п. заводятся изстари и тщательно берегаются. Глиняной посуды на Чуне почти нет, ибо сами они ее делать не умеют, а как привозная она дорога и мало практична. Только горшки для молока, обычного русского типа, преимущественно глиняные, ибо деревянная посуда негодится. Чашки и чайники также покупные фаянсовые, причем они ценятся очень дорого и в случае поломки тщательно склеиваются. Для починки фаянсовой посуды употребляется следующий способ: сломанную чашку тщательно обтягивают тонкими полосками бересты, шириною в 5—7 мм., после чего ее опускают в кипящую воду, где береста, пытаясь скручиваться, крепко стягивает сломанную посуду и она после такой починки служит иногда несколько лет. Перечисленными предметами почти ограничивается вся привозная хозяйственная утварь.

Для поделок из дерева употребляется, во первых, древесина, а, во-вторых, пожалуй еще чаще, береста и изредка лиственничная кора. Великоленные заросли бельников-березняков дают бересту очень высокого качества и чунарь умело ее приспособляет для своих поделок. Поделки эти напоминают поделки русских северной полосы Европейской России, но отличаются от них большей тщательностью выделки и разнообразием. Из бересты, во-первых, делают «тунгусы»-бураки для хранения жидкостей. Тунгусы делаются из двух кус-

ков бересты. Первый снимается с дерева без разреза и представляет цилиндр, второй же, более широкий цилиндр, разрезывается. Береста предварительно опускается в кипяток, в котором проваривается, благодаря чему становится более прочной и эластичной. Далее более широкий цилиндр скрепляется замысловатым замком, вдоль шва с таким расчетом, чтобы он с трудом надевался на другой цилиндр, причем широкий цилиндр сшивается гладкой стороной наружу, а узкий остается так как он был на дереве. Широкий цилиндр надевается на узкий и так как он делается на 5—6 сант. короче узкого, то края узкого цилиндра с одной стороны загибаются на широкий, благодаря чему верхний, более узкий, край цилиндра получается цельным и гладким. На нижнюю часть тунса одевается еще один цилиндр высотой в 5—6 сант., в виде обруча со швом, гладкой стороной наружу, который туго налезает на оба предыдущих цилиндра и усиливает нижнюю часть тунса. В нижнюю широкую часть тунса вставляется кружок из очень сухого дерева, который при намокании плотно прилегает к стенкам тунса и делает дно совершенно непроницаемым. К верхней части также плотно пригоняется крышка с хорошей деревянной ручкой. Тунсы делаются различных размеров от самых маленьких, величиною со стакан, до размеров ведра, каковые они и заменяют. Тунсы считаются универсальной посудой для хранения жидкостей, начиная от воды, солений и до дегтя, за исключением молока. Из бересты же изготавливается целый ряд чумашек-чашек четырехугольной или продолговатой формы с более или менее высокими краями. Из нее же иногда устраиваются даже ложки. Для этого делается широко развернутая берестяная вороночка, к которой приделывается деревянная ручка. Однако подобные ложки устраиваются лишь изредка, нормально же употребляются обыкновенные деревянные ложки, чаще всего привозные, так как чунари сами их делают очень плохо. Из бересты же делаются корыта для муки размерами до метра. Для устройства корыт употребляется иногда лиственничная кора.

Значительное место среди утвари занимает посуда долбленая из древесины. Посуды, связанной из клепок, сравнительно очень немногие. Чунские бовдари умеют делать лишь кадушки и то только больших размеров, мелкие же кадушечки диаметром до 50—60 сант. делаются долблеными из осины. Посуда, изготавливаемая из древесины, обычна для всего русского севера и поэтому детального описания ее давать не будем. Кадушки, квашни, ведра, корыта, ковши и т. п. все это широко распространенного образца, изготавливается из осины и только изредка из березы.

Дерево употребляется при построении и большинства других хозяйственных предметов. Например, плуг-сабан, самое распространенное орудие в Сибири для вспахивания, весь кроме сошника де-

ревянный и по типу приближается к сабану, употребляемому в Волжско-Камском крае и описанному Лепехиным¹⁾.

Бороны обычного великоросского типа чаще всего делаются с деревянными зубьями из лиственницы и только изредка употребляются бороны, сделанные из нескольких кусков лиственницы с сучками, связанных вместе на подобие пермяцких борон или башкирской агас-тырма²⁾.

Покупных сельскохозяйственных орудий на Чуне очень немного и то в верхних поселках. Чаще всего встречаются железные однолемешные плуги, которыми чунари охотно заменяют тяжелый и неудобный сабан. Другие орудия, как напр., веялки и ручные молотилки, встречаются еще реже. Жаток же и косилок встречать не приходилось. Интересно отметить, что некоторые чунские мастера очень удачно скопировали с покупных веялок и ручных молотилок собственные модели, сконструировав их в смысле замены металлических частей деревом. Так, например, в чунской веялке, кроме вала, нет никаких металлических частей. Все передачи деревянные. В молотилке железные только вал и зубья барабана. Подобные самодельные орудия, благодаря тщательности поделки, служат довольно исправно. Мастеров, которые могут сделать эти сложные орудия, на Чуне всего 2—3, остальные же каждый хозяин приготовляет сам для себя. Вилы, грабли, лопаты изготовляются из дерева. Железные лопаты частью покупные, частью изготовляются местными кузнецами.

Из инвентаря, употребляющегося при скотоводстве, отметим оригинальное приспособление для спутывания скота. Пут на Чуне не употребляется, а вместо них, как для лошадей, так и для коров применяется „башмак“. Башмак представляет из себя кусок жерди длиной 60—70 сант. и диаметром в 5—6 сант., который сгибается таким же способом, как кольцо оглобли для надевания на ось телеги. Это кольцо, размером в толщину ноги животного, надевается на ногу выше копыта, но ниже бабок и завязывается веревочкой. Получается на ноге животного как бы браслет, от которого идет рукоятка в 20—30 сант. длиной. При медленной ходьбе башмак волочится и не мешает животному, но при беге конец его опускается, стремясь стать вертикально, и мешает животному бежать, угрожая переломом ноги. Подобные переломы иногда и бывают при внезапных испугах, но все же башмак единственный применяемый на Чуне способ спутывания.

Охота и рыболовство играют на Чуне огромную роль и поэтому ознакомление с охотничьим и рыболовным инвентарем представляет значительный интерес, особенно ввиду того, что здесь много специ-

¹⁾ Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского Государства. Часть I, СПб. 1895 г.

²⁾ Руденко С. И. Башкиры, часть II. Ленинград, 1925 г.

фически чунских или обще-сибирских предметов. Огнестрельное оружие чунарей очень примитивно и большинство охотников вооружено пулевыми ружьями, неопределенного калибра (ближе к 32-му) образца кремневых, уже позднее переделанных на пистонные. Стволы у таких ружей длинные, толстые и страшно тяжелые, ложи в большинстве случаев самодельные-березовые. Дальнобойность этих ружей очень невелика, отдача же при выстреле весьма сильна. Попасть в цель из такого ружья не чунарю вещь очень мудреная, да и сами чунари стреляют обычно в упор, подходя на возможно близкое расстояние. Заряжают такие ружья обычно самодельными пулями, или картечью из кусочков свинца, а иногда и жеребьями из железных обломков. Более усовершенствованное оружие редко. Только у некоторых охотников имеются берданки или малопульки Ижевского и Тульских заводов, винтовки широко распространенного в Сибири образца. Гладкоствольных, центрального боя ружей, (переломок) на Чуне всего 3 экземпляра и то попавших случайно, утопленных лесной исследовательской партией и добытых чунарями. Порох хранится в рогу, закрываемом костяной меркой, пули в особом кожаном мешечке, а пистоны или в коробочках из оленьего рога, или в стеклянных пузырьках обшитых толстой кожей, и затыкаемых деревянной пробкой. Такие же пузырьки, но с более широким горлом, употребляются для хранения спичек на тот случай, если трут огнива будет случайно подмочен. Все эти принадлежности надеваются на пояс с перемычкой через плечо, чтоб его не оттягивало и напоминают таковые же у всех инородцев-охотников Сибири.

В качестве холодного оружия употребляется во-первых нож, типа кухонного, длиною в 15—20 сант. с деревянной, или роговой рукояткой. Нож вставляется в деревянные, обшитые берестой или кожей, ножны, в которые входит и часть рукоятки, и привязывается к поясу. Поясной нож постоянный спутник чунаря, начиная с возраста подростка, служит как для различных хозяйственных целей, так и в качестве оружия на охоте. Им, например, убивают зверя, загнанного на лыжах по насту.

Не менее важным оружием является топор, без которого чунари не выходят из деревни. Топоры обычного плотничьего типа, но рукоятка делается длиннее и к концу ее в отверстие вставляется крепкий ремень, надеваемый на руку, что предохраняет топор от выскальзывания при ударе. При отправлении без груза топор носится привязанным к поясу, для чего к поясу пристраивается железное, обтянутое берестой кольцо, в которое входит рукоятка топора, причем на лезвие надеваются берестяные ножны. При отправлении с грузом за плечами, топор пристраивается к вьюку, так, что его в любой момент легко вынуть (см. ниже).

Специально для охоты на медведя употребляется рогатина, но она редка и на медведя чаще охотятся с ружьем, стреляя в упор, а в критических случаях применяется топор.

Охота с оружием представляет только часть добычи зверя, а большинство добывается посредством различных ловушек. Ловушек на Чуне много, как на зверя так и на птицу. Из них главными являются плашки на белку и слопцы на глухарей, а также пасть на лису и даже медведя. Ловушки обычного для всей Сибири типа, прекрасно описанного у Силантьева¹⁾. Способы охоты ими и отчасти детали устройства опишем ниже при описании охоты.

Для переноски тяжестей на охоте употребляется особое приспособление, состоящее из доски длиною в 60—70 сант., к которой прилажены две широких ременных лямки, из которых доска носится, спускаясь вдоль спины. В нижнем ее конце (беря положение за спиной) вделывается вертикально к доске 2 крепких колышка длиною 15—20 сантим., соединенных деревянной же поперечиной. Вдоль краев доски приделывается несколько железных или костяных колец, к которым привязывается груз. Таким образом получается нечто вроде подушки грузчиков, или ближе напоминает подобное же приспособление китайских кули в городах Дальнего Востока. Это приспособление дает возможность легко переносить значительный груз и применяется всеми охотниками Сибири, только в различных вариациях того же типа. В верхней части доски устраивается толстое ременное кольцо, в которое вставляется рукоятка топора, свешиваясь вниз, тогда как обух его находится на уровне плеча, а острие смотрит в сторону. Топор можно в любую минуту достать из-за спины и в то же время он не мешает при передвижении.

Среди охотничьего инвентаря громадное значение имеют лыжи, которые являются главным орудием при охоте по насту. Лыжи делаются длиною до 1,7 метра и шириной 20-25 сант. Снизу лыжи подбиты мехом с ног сохатого или даже коровы, благодаря чему лыжи не скользят назад, что необходимо при под'емах на гору. Мех к лыжам приклеивается обязательно осетровым клеем, добываемым из плавательного пузыря осетра и называемым „карлук“. Карлук ценится очень высоко и, например, когда чунарь дарит крупного осетра или стерлядь на немедленное поедание, он всегда выговаривает карлук. К переднему концу лыж привязываются веревочки, посредством которых лыжами управляют. Чунари великолепные ходоки на лыжах и в этом отношении не уступают тунгусам. Хорошие лыжи ценятся очень высоко и при умении ими пользоваться служат очень долго, нередко передаваясь от отца к сыну. Снашивающаяся подбивка через несколько лет заменяется новой.

¹⁾ Силантьев. Промысловая охота в России.

Рыболовный инвентарь, имеющий огромное значение в хозяйстве чунаря, так же весьма прост и в большинстве случаев самодельный. Сети, ловушки из прутьев, даже крючки для самоловов, чунари готовят сами и только изредка покупают. Их орудия лова очень хорошо приспособлены к образу жизни рыб и только сети, благодаря плохим ниткам, выходят слишком толстыми и мало уловистыми. В настоящей работе мы не будем подробно рассматривать ни рыболовный инвентарь, ни самые способы лова, которые подробно описаны в нашей работе „Рыболовство на р. Чуне“¹⁾.

Х.

Соответственно глухости и бездорожью края, способы и средства передвижения в нем очень примитивны и своеобразны по сравнению с менее глухими местностями. Как уже было упомянуто в начале статьи, колесные дороги имеются только в верхней Чуне до д. Выдриной, да одна дорога со ст. Тайшет упирается в Чуну у д. Кондратьевой, не имея даже переправы. В других частях нижней Чуны дорог нет совершенно, а есть только верховые (вершние) тропы. Соответственно этому и колесные экипажи распространены только в верхних поселках, тогда как в низовьях в некоторых деревнях нет ни одного колеса. Колесных экипажей на Чуне два вида: телега и „беда“. Телеги обычного великоросского типа на деревянном ходу с ошинованными, а часто и не ошинованными колесами. „Беда“, широко распространенный во всей Сибири экипаж, представляет собой нечто вроде одноколов, распространенных в степях Саратовской и Самарской губерний. Это передок с солидными оглоблями длиной более нормальных оглобель на метр. На расстоянии метра от колес, к оглоблям крепко прилаживаются две слегги, обращенные назад под углом 10—15° к оглоблям. Концы этих слег приходятся над колесами и здесь на них устраивается сидение. Под сидением на оглоблях устраивается небольшой помост для ног. Слегги служат рессорами для сидения. Высота сидения над землею до метра. Такого устройства экипажи на 2 колесах удобны на узких лесных дорогах. На беде помещаются 2 человека, но как грузовой экипаж она мало пригодна. Колеса у беда обычного крестьянского типа и в низовьях Чуны без шин. На нижней Чуне колес делать не умеют и приобретают их в верхних поселках. Беда употребляется для езды в лесу, где есть хоть кое-какая дорога, т.-н. „временка“, т. е. просека в лесу лишь слегка выкорчеванная, но без гатей и канав. Однако и таких дорог на нижней Чуне нет и там на дальнее рас-

¹⁾ Работа печатается в Трудах Сибирской Ихтиологической Лаборатории. В г. Красноярске.

тояния, пассажиры, переправляются верхом, а груз вьюком. Седла состоят из солидного деревянного остова с высокой лукой и подушки, привязываемой к седлу через седельником. Стремена деревянные, вырезанные из куска вязкого дерева. Вьючные седла — та же деревянная основа, но без подушки. Груз укладывается в переметные сумы, большей частью кожаные.

Для перевозки крупных тяжестей на короткое расстояние употребляются волокуши 2-х типов. Первый тип для более портативного груза состоит из двух длинных слег-оглобель, соединенных посредине перемычками, к которым привязывается груз. В один конец этих слег впрягается лошадь, а другие волочатся по земле. Такие волокуши распространены повсеместно в лесной зоне СССР и нередко устраиваются прямо на месте, например, при перевозке туши убитого зверя. Второй тип употребляется для перевозки снопов и сена, когда их почему либо нельзя оставить до санного пути, и представляется более солидным экипажем. Устройство волокуши этого типа следующее: берутся две солидных слеги, изогнутые в форме печатной русской буквы „Г“, которые обычно вырубаются из места соединения ствола и корней дерева. Длина длинных концов этих слег на метр-полтора длиннее нормальных оглобель, а второго конца в метр. Эти слеги соединяются несколькими перекладинами также, как в волокуше 1 типа, причем короткие концы слег смотрят вверх, а место изгиба волочится по земле. Это место делается особенно прочным и в случае если волокуша делается не из целых изогнутых слег, а из двух, крепко-скрепленных под прямым углом, частей, здесь нашивается толстая подушка, служащая полозом. Этот тип волокуши употребляется в более чистых местах, но все же без дорог.

Самым же распространенным и не только зимним, но и летним экипажем являются сани, на которых и летом возят сено, воду и т. д. Сани бывают двух типов с крыльями и без них, причем летом применяются только сани без крыльев. Полозья чунари делают обычным для русских крестьян способом и станки для их сгибания находятся на улице почти против каждого двора. Изредка встречаются сани, полозья которых не гнутые, а вырезанные из места соединения ствола и корня, как слеги волокуши тяжелого типа.

Упряжь вся самодельная обычного крестьянского типа. Интересно, что лошадь часто распрягается на улице перед воротами и экипаж остается на улице, а сбруя вешается на костыли, вбитые в короткие столбы со стороны улицы, что, при отсутствии краж, вполне возможно. Такие картины часто приходилось наблюдать в д. Кондратьевой и Кадарее, а на нижней Чуне реже, вероятно потому, что там ездят больше верхом. Запряжка летом всегда одноконная и только зимой применяется парная — „гусем“, т. е. одна лошадь за другой.

Летом передвижение совершается преимущественно по воде, для чего употребляются лодки разных размеров, но одного типа, служащие и для передвижения грузов и пассажиров и для промысла. Лодки все долбленные из осины с разводом, типа, распространенного не только по всей Сибири под названием „стружков“, но и в верхнем Поволжья, под названием „легашек“, „душегубок“ и т. д. Для постройки стружка средней величины берется осиновое бревно размерами в 5—6 метров и с окружностью в 1,5—2 метра. С него снимается кора, затем нос и корма будущей лодки затесываются на острие, а внутренность бревна вырубается особоустроенным стругом-топором, с поперек—поставленным лезвием. Иногда вместо вырубания, внутренность выжигается и потом только обстрагиваются стенки лодки. При вырубании бревна стараются вынуть всю его средину в как можно более узкий прорез, так что бревно почти целиком сохраняет свою наружную форму. После того как вырубка кончена и стенки бревна получают толщину 2—3 сант., его кладут мокнуть в воде на неделю, для чего внутрь его накладываются камни и оно затопляется у берега. После этого производится разводка лодки, для чего ее подвешивают, наполненную водой, между двумя сильными кострами. Мокрая лодка над огнем быстро распаривается и края ее легко разводятся в стороны, благодаря чему лодка становится более широкой, носовая и кормовая части немного поднимаются вверх и дно становится слегка изогнутым. При разводке употребляются так называемые „упруги“ или „опруги“, куски дерева в виде дуг в форме будущего дна лодки, вырубаемые также из места соединения ствола и корня. Опруги после разведения вставляются поперек лодки по самому дну, причем концы их упираются в особые карманы, вырубаемые в лодке и кроме того опруги привязываются на дне веревками к особым возвышениям, которые там для этого делаются. В нос и корму для крепости вставляются особые деревянные закрепы, не дающие лодке разорваться с концов. Разведенная таким образом лодка и представляет готовый стружок. Для сиденья употребляются „беседки“ или „наседки“ — дощечки, переносимые в нужное для сиденья место.

Для увеличения грузоподъемности борты таких стружков обшивают одной или двумя досками и получается „однабойница“ или „двунабойница“.

Стружки поднимают самые маленькие едва одного человека, а самые большие до 5, двунабойницы же достигают грузоподъемностью до 70—80 пудов. Лодок шитых из досок на нижней Чуне нет, а несколько встреченных в верхних поселках (д. Неванская) слишком плохо сделаны и непригодны для работы.

Лодки приводятся в движение или двухлопастным веслом, как „ветки“ северных инородцев, или гребными, лопашными веслами — сде-

лажными в виде лопаток и очень неудобными в работе. Подобное примитивное устройство весел объясняется тем, что они очень редко употребляются. При движении вниз гребут двулопастным веслом, сидя на корме, а иногда и двумя, еще с носу, а вверх поднимаются почти исключительно на шестах, что при каменистом ложе реки очень удобно. Шесты большей частью еловые, длиною до 3 метров и толщиною, чтоб удобно было держать в руке. При движении на шестах несколько человек становятся вдоль борта и одновременно упираются шестами, причем находящийся на корме правит. На шестах передвигаются вверх по реке со скоростью 6—8 километров в час. Особенно тяжелые лодки в местах, где есть удобный бичевник, передвигают лямкой. Паруса не употребляются совершенно.

При передвижении по порогам лодки обычно разгружают и перетаскивают, или проводят по боковым проточкам, что при легкости лодок совершается без особого труда. Только на самых больших набойниках рискуют проходить порог по главному сливу („на проход“—по чунарски), но и то редко, ибо всегда есть риск или перевернуться, или затопить лодку сильными валами порога.

Для перевозки больших тяжестей вниз по реке, например переноски пушнины, а иногда и хлеба, в Енисейск, и также для ввоза городских товаров в край с Уды, применяются небольшие плоты—„салики“, которые в полую воду свободно проходят по порогам. Плоты делаются чаще всего однорядные из сухих бревен сосны и ели (но не лиственницы, которая тонет). Размеры их 30—50 метров при ширине 6—8 метров. Бревна плотно скрепляются поперечными слегами, которые или врезаются в бревна, или крепко привязываются ивовыми прутьями. Отдельные звенья скрепляются очень прочно продольными слегами и прутьями. Иногда плоты для большей грузоподъемности делают двухрядные. Управление ведется посредством длинных рулевых весел, расположенных на обоих концах плота на особых возвышениях из бревен, причем весла закрепляются так, чтоб они не могли вылетать из гнезд на порогах при качке. Для этого вырезка, в которой лежит весло, делается более глубокой и сверху прикрывается также обрезком бревна. Посредством этих весел не только имеется возможность управлять плотом, но и перебираться по желанию к тому или другому берегу реки довольно быстро. По середине плота делается накат из поперек положенных бревен, на который настилаются толстым слоем ветви и уже на них кладется груз. Иногда этот накат делают в виде помоста на столбах высотой до метра. Помосты делаются для предохранения груза от подмачивания на порогах, где валы, не имея силы водбрасывать плот, с значительной силой проносятся по нему, заливая его, иногда по пояс стоящим на нем людям. Для команды (обычно 2—3

человека т. к. на ночь причаливают к берегу) устраивается шалаш из веток, а на одном конце, на куче насыпанной земли, разводится костер, как для приготовления пищи, так и для отпугивания мошки.

XI.

Природные условия края особенно значительно сказываются на хозяйстве чунарей, делая его слишком многообразным, отчасти потому, что замкнутость и удаленность от рынков поневоле заставляют все делать самого, а кроме того и потому, что одним занятием нет возможности обеспечить существование. Чунарь и земледелец и охотник и рыболов и ремесленник, иначе нет возможности ставить хозяйство. Главными занятиями всего населения надо считать земледелие, охоту и рыболовство, причем каждый хозяин занимается всеми отраслями и если есть у отдельных лиц определенные склонности, то все-же одним делом заниматься нельзя. Так земледелие при малых урожаях, только кормит и не дает излишков, да их некуда и продать, ибо надо везти в Енисейск да и то будущей весной. Рыболовство не может быть основным промыслом т. к. некуда девать рыбу. Только охотой еще можно сносно существовать и на Чуне есть несколько человек, не имеющих пашни по принципиальному нежеланию пахать, и занимающихся охотой и рыболовством. В массе же нельзя отдавать предпочтение ни одному виду занятий или говорить о преобладании того или другого. Так до революции несомненно доминировала охота, а в период исследования перевес был как будто на земледелии, но и то потому, что не было охотничьего припаса в достаточном количестве. На верхней Чуне до д. Выдриной (Саввиной) земледелие все же преобладает, а ниже главная роль в бюджете чунаря определенно переходит к охоте.

Земледелие на Чуне не велико. Несмотря на огромное количество земли, площадь пашни очень не велика, ибо расчищать ее из под леса очень трудно да и почвы большей частью каменистые. Удобрение почв почти не применяется, т. к. за дальностью пашен и бездорожья возить навоз на них совершенно невозможно. Поэтому земельная теснота по отношению к пашне довольно сильно чувствуется.

Пашни обычно располагаются на т. н. еланиях-ровных местах между горами, покрытых зарослями березняка-березняками. Такие елания расчищаются, но, ввиду их сравнительно незначительных величин, каждая деревня имеет несколько таких еланей в разных местах, а, так как земли на них разные, то при общественном "равнении" получается страшная чересполосица. Каждое хозяйство имеет пашню в 3—5 местах, удаленных друг от друга на 10—20 км. Кроме того беспорядочность заселения и редкость удобных для

пашни земель создали черезполосицу даже между землями отдельных деревень. Так деревня Малеева имеет земли между д. д. Яр. и Хаи на расстоянии до 45—50 клм. В некоторых поселках, напр., в Неванской и в с. Петропавловском, из-за отсутствия удобных мест, пашни располагаются на заливных островах и нередко подвергаются летним наводнениям. К недостаткам землепользования надо отнести и то, что пашни целого ряда деревень находятся на противоположном берегу реки и отсутствие переправ на реке создает массу неудобств. Так земледельческие орудия приходится перевозить на маленьких чунских лодках, иногда в несколько приемов, а лошадей переправлять вплавь, отчего последние, благодаря холодной воде, простужаются и нередко тонут. При подобном разбросанном землевладении количество пашни, приходящейся на каждое хозяйство, равняется 4—5 десятинам.

Поэтому среди крестьян более интересующихся сельским хозяйством развита система устройства займок—маленьких хуторков, в 10—15 десятин, являющихся собственностью их владельца и передающихся по наследству. Система займок развита в Сибири вообще и обычно они устраиваются отдельными хозяйствами на земле, принадлежащей той же общине, но не эксплуатируемой из-за трудности ее расчистки. На Чуне это правило не соблюдается, ибо свободных земель слишком много, почему займки находятся иногда очень далеко от границы владений деревни их хозяев. Так у крестьянина д. Хаи Рукосуева есть займка на Пустоплесье под порогом Аракан на материковом острове в 40 верстах от деревни. Разбросанность займок нередко, особенно на верхней Чуне, где есть новоселы, приводит к ряду недоразумений. Партии Переселенческого Управления, руководствуясь тем, что займки сделаны на свободных землях, нередко отводили их под участки для заселения, игнорируя фактические права их владельцев. Водворение переселенцев на такие официально свободные, а фактически занятые, земли, создавало серьезные недоразумения, доходившие до вооруженных столкновений и вражда старожилов к новоселам является, отчасти, следствием этих причин. Сенокосы, при отсутствии лугов на нижней Чуне, располагаются отчасти на редких лесных полянках, но большей частью на бичевнике и представляются, как небольшими по размерам, так и сильно разбросанными.

Система землепользования в основе 3-х и 2-х польная, но на нижней Чуне нередко и подсечная, особенно на займках.

Сеется главным образом пшеница, а затем рожь и овес, причем рожь и пшеница сеются в качестве озимых, а овес яровым. Весенний сев производится в середине мая и обычно его заканчивают к внешнему Николе, (22 мая), а осенний около Спасова дня (19 августа). Пашут всегда с осени. Хлеб созревает в конце августа, ежели

его не убьет ранними заморозками. Высота хлебов 20—25 сант. и только рожь достигает 70—80 сант. Урожай в хороший год 20—30 пудов на десятине, а обычно 15—20, так что хлеба едва хватает на прокорм семьи. Зерно низкого качества, так как хлеб жнётся слегка недозрелым отчего в печении получается какой-то солодовый привкус. Нередко морозы убивают хлеб и тогда его приходится ввозить со стороны. Главными врагами хлебопашества на верхней Чуне является сибирская кобылка, а на нижней ранние заморозки и иногда излишнее количество влаги.

Кроме хлебных злаков разводят лен и коноплю, но и то на другое родится здесь очень плохо (лен едва достигает 20 сант., конопля максимум 60—70 сант.) Холодные ночи, даже летом, слабые, выпаханые почвы, не дают возможности правильно развиваться этим растениям и поэтому значительная часть льна добывается чунарами с р. Оны, как уже об этом было выше сказано. Молотьба производится преимущественно в ручную, но не цепами, а посредством оббивания снопов о решетку, вертикально поставленной, бороны. На нижней Чуне, есть также несколько ручных молотилок с барабаном, которые сконструированы крестьянином дер. Малеевой Зверковым.

Размол ведется исключительно на водяных мельницах, которые устраиваются на горных речушках, нередко вдали от деревень, и настолько малы, что помол отнимает массу времени. Есть, напр., в дер. Хае мельницы, размер продукции которых настолько мал, что владельцы, засыпав в них зерно, уезжают домой и приезжают через сутки, когда мука уже готова. Мельницы принадлежат отдельным хозяевам и только в дер. Кадарее есть общественная мельница, но тоже очень маломощная. Мельницы устраиваются без запруд, отводя лишь воду горной речушки по колодам к колесу, почему зимой мельницы не работают, ибо эти речушки промерзают до дна. Вторым недостатком чунских мельниц являются слишком мягкие жернова, самодельного изготовления, отчего в муке всегда есть примесь песка и хлеб хрустит на зубах.

В каждой деревне на расстоянии 200—300 метров от построек ставятся хлебозапасные магазины „магазея“, из которых и выдается ссуда отдельным хозяевам. Учет ссуд, при неграмотности населения, производится посредством дощечек с зарубками (бирок), которые раскалываются вдоль и одна половина хранится у старосты (ныне председателя), а другая у взявшего ссуду. Бирки эти того же типа, как и у русского и инородческого населения Европейской России.

Огородничество на Чуне развито слабо, так же из за климатических причин. Огороды обычно помещаются на задворках и сажают в них капусту, брюкву, репу, табак, лук и реже огурцы, морковь, мак. Однако все это сажается очень поздно, и дает малые урожаи.

кроме репы и брюквы, которые родятся хорошо. Огурцы же, напр., появляются лишь в середине августа и очень скоро убиваются морозом, так что отдельный куст редко дает более 10 огурцов. Капуста завивается в вилки далеко не каждый год, хотя и стоит на корню до сильных морозов. Самые крупные вилки достигают размеров в 2 кудака. Морковь и мак садятся очень редко и еще реже дают плоды. Все огородные растения садятся не прямо в грунт, а сначала выводятся рассадой, которая садится или в парник обычного типа—сруба, или в старых лодках, которые поднимают на небольших столбах и укутывают соломенными матами. Каждая лодка, послужив известное время по своему прямому назначению, еще 3—4 года служит в качестве парника для рассады. В некоторых хозяйствах огурцы так и не высаживаются из парников и растут все время в лодках, причем при первых заморозках их прикрывают матами.

Скотоводство у чунарей ведется только в размере потребностей хозяйства и, хотя количество скота сравнительно велико, но, принимая во внимание значительное количество скота в сибирских хозяйствах, оно очень незначительно. Скот водится с расчетом по 2 головы крупного и 2—3 мелкого на душу, так, что в среднем хозяйстве (а они в большинстве средние) получается 3—5 лошадей, 6—10 коров и 10—20 овец, считая с молодняком. Свиной разводят очень мало, ибо они не выдерживают сурового климата. Скот по своим качествам плох, даже для Сибири, которая отличается своим мелким скотом. Коровы, например, едва достигают 8—10 пудов живого веса и мало молочны, как все сибирские коровы, так что наличное количество их едва прокармливает семью, особенно при чунском способе питания. Молоко чунских коров значительно гуще и дает больше жиров, чем молоко коров Евр. России. Коровы и лошади покрыты длинной шерстью, дающей им большую возможность переносить зимние холода. Овцы на Чуне также мелкие и дают очень грубую шерсть.

На качестве скота, кроме климатических условий несомненно сказывается и кормление. Зимой скот кормится сравнительно слабо из-за недостатка корма, а летом ему не дает нагуливаться мошка. Днем, например, скот не пасется, а стоит в „стайке“, ютась сколько возможно ближе у дымокура из сырого навоза и только ночью выходит на пастбище, где его также донимают комары, но не в таком количестве. Что касается кормов, то их и мало и они плохого качества, ибо косят большей частью на бичевниках у самой воды и сено получается „кислое“ и малопитательное, с значительной примесью осеки (Сагех). Сено чунарей запасает с большим трудом, ибо при равнинных покосах, на отдельных удаленных участках, на каждое хозяйство приходится по несколько копен. Кормить скот корнеплодами чунарей не практикуют, да их и немного родится и поэтому количество скота ежегодно регулируется количеством запасенного корму. К врагам

скотоводства, кроме гнуса, надо отнести еще и медведей, которые ежегодно „задирают“ не мало крупного скота, да отчасти овцы страдают и от зверовых собак, которые всякое животное вне деревни считают своей законной добычей.

Птицы разводятся также немного и только куры, преимущественно для яиц, ибо в птичьем мясе нужды нет—его можно достать из тайги, а разводить птицу очень трудно, с одной стороны из за морозов, а с другой из за тех же собак.

Собаки чунари разводят очень много по 10—15 на каждое хозяйство т.-к. собака является необходимым спутником при охоте, при описании которой мы подробнее коснемся этого вопроса, а кроме того собаки являются ценным животным из за их шкур, из которых шьются дохи.

Сводя все данные о сельском хозяйстве чунарей, можно сказать, что в массе оно только кормит чунаря, но не дает излишков для удовлетворения других нужд, которые необходимо удовлетворять другими способами. Только немногие хозяйства, имеющие заимки, могут продавать хлеб своим же односельчанам, которым его не хватает и вывоз хлеба из края производится крайне редко.

Вторым важным занятием чунарей является охота, которая для многих служит главным источником средств, а в недавнее время служила таковым для абсолютного большинства населения. Охота производится на огромных территориях, Чуно-Ангарского водораздела, заросших тайгой, и особенно на Пустоплесье. Каждая семья или группа родственников имеет свой охотничий участок или округ, границы которых точно установлены и являются в значительной степени границами прежних тунгусских охотничьих участков. Только в своей округе группа охотников может ставить ловушки, при говке же зверя эти границы, конечно, не соблюдаются.

Охота ведется посредством оружия, описанного выше, а в значительной степени посредством ловушек. Самую главную роль из ловушек играют ямы, плашки и слопцы. Ямы служат преимущественно для добывания сохатого и изредка медведя. Ловчая яма представляет собой яму размером около 12—15 куб. метр., вырываемую на зверовой тропе, чаще ближе к водою. Сверху яма прикрывается легкими жердями и ветками, поверх которых кладется дерн. Очень часто ямы располагаются на береговой террасе, причем вдоль всей террасы тянется длинная загородка, вроде поскотины, с промежутками, где расположены ямы. Ямами добывают зверя летом и осенью, пока нет глубокого снега. На дно ямы вбивается несколько заостренных кольев, о которые зверь ранится и погибает. Летом, благодаря удаленности ям, немалое количество зверя, попавшего в ямы, совершенно пропадает для охотников.

Плашка представляет собой обрезок бревна, длиною в 50—70 сант. расколотый вдоль, причем одна часть с одного конца припод-

впмается и настораживается над второй. Плашкой добывают преимущественно белку, причем приманкой служат сушеные грибы-масленники—„губа“, до которой белки большие охотницы. Слосцы—система петель, употребляются для добывания глухарей. Реже встречаются черканы, общераспространенного типа, а еще реже капканы, которыми добывают лис, зайцев и др. зверков. Применяется также способ отравления стрихнином, которым начиняют косточку глухаря. Количество ловушек у каждого охотника очень велико.

Как уже было сказано, значительную роль в охоте играют собаки. Чунская собака представляет распространенный тип сибирской крупной лайки, встречающейся у тунгусских племен, которая на севере сменяется белой, пушистой, самоедской лайкой. Росту эти собаки 50—60 сант., иногда достигают до 80. Масть большей частью черная и белая и различные варианты в виде пятен. Мордочка острая и довольно веселая. Глаза живые, умные, уши стоячие. На бегу эти собаки неутомимы. Они целый день бегают с хозяином, а кроме того нередко на свой страх и риск предпринимают охотничьи экскурсии на десятки верст. Кроме этой основной породы, имеются еще собаки большей величины, масти волка и более угрюмые. Каково происхождение этих собак, сказать трудно. На охоте собаки, отыскав зверя, облаивают его (чуткий слух охотника по лаю различает, какого зверя нашли псы) и стараются удержать его на месте. Хорошие собаки, никогда не бросят отысканного зверя без приказа хозяина и не оставят также его в беде. По выучке собак различают на беличьих, соболиных, медвежьих, сохатинных и т. д., причем изредка встречаются собаки, идущие за всяким зверем. Собаки на Чуне ценятся очень дорого, а хорошую собаку нельзя приобрести ни за какие деньги, да этого и невозможно, ибо они так привязываются к своему хозяину, что убегают обратно, нередко за сотни верст. Чунари очень любят своих собак, хотя обращаются с ними сурово, собаки же бесконечно преданы своим хозяевам.

Охота по мелочи ведется в течение круглого года, но главный промысел происходит с осени до весны, разбиваясь на несколько отдельных сезонов. В это время все способные к охоте мужчины уходят в охотничьи округа, поселяются в охотничьих избушках (станках), ставят ловушки и всякими способами добывают зверя. Первый охотничий сезон начинается с Покрова и продолжается до Михайлова дня (21 ноября). В это время производится преимущественно охота на белку, как с оружием, так и посредством ловушек, а также добывается горностаи и соболь. Обычно охотники с утра отправляются по своей округе, осматривают ловушки, вынимают добычу и снова настораживают их. В это время собаки отыскивают белку, которую охотники и убивают слегка облегченным зарядом, стараясь попасть в голову. Для охоты на белку особенно удобны

винтовки-малопульки, типа Франкота, распространенные по всей Сибири, но редко встречающиеся на Чуне. Из этих винтовок белку обычно стреляют в глаз. Изредка собаки находят соболя и тогда начинается сложное выслеживание. Соболю стараются скрыться под колодами и кучках валежника, чтоб незаметно ускользнуть, но опытные собаки не дают ему этого сделать. Не редко такое выслеживание продолжается 2—3 дня, но все-же соболю становится добычей охотников. Существует способ охоты на соболя с сеткой. Выследив соболя, окружают это место сетью (чаще старой рыболовной), высотой 70—80 см, и длиной 30—40 метр. В разных местах к сети привязывают маленькие колокольчики. Окружив соболя сетью, охотники прячутся с подветренной стороны и отзывают собак. Через несколько часов соболю, слыша преследования, выходит из засады, попадает в сеть и запутывается. Звон колокольчиков извещает охотников и они стараются, как можно скорее, убить зверя, пока он не перегрыз сетки.

В этот же сезон, изредка добывается сохатый (ямами) и еще реже поднимается из берлоги медведь. Добывается также значительное количество зайцев (ушкан) и лис. Всего в этот сезон на охотника добывается 150—200 белок, 2—3 горностая, а также на партию, в 5—6 человек, 2—3 соболя и до 10 сохатых. Лис добывается 10—15 штук на партию, а зайцев 2—3 десятка. Убивается также некоторое количество тетеревов и глухарей, рябчиков, но последние добываются только ловушками, ибо их считают нестоющими выстрела.

Второй охотничий сезон начинается в конце февраля и продолжается до распутицы. В это время производится главная охота на сохатого, по насту, на лыжах с собаками и без них—самогоном. Интересно, что ежели в одно и то же время несколько охотничьих партий, гоняют несколько зверей, то, чтобы не спутаться в преследовании, замечают форму кала зверя и этим руководствуются при распутывании следов. Сохатых в этот сезон каждая партия добывает от 10—25 штук. Особенно хорошие ходоки на лыжах предпочитают охотиться без собак, загоняя зверя в одиночку, что считается величайшей охотничьей доблестью. В этот же сезон поднимают с берлог медведей, добывая их 2—5 на партию, добывают белку до 100 на охотника, а также соболя и горностая.

Ввиду того, что добычей охотника в это время становятся чаще беременные самки, эта охота даже чунарами считается вредной, но все-же всегда ведется. Некоторые охотники, кроме описанных сезонов, остаются в лесу в течение всей зимы, присылая в месяц раз домой добычу и забирая продовольствие (хлеб, масло, соль, огнеприпасы). Снятие шкур производится с мелкого зверя чаще вечером по возвращении с охоты, но нередко производится немедленно после добычи зверя. Иногда 2—3 охотника отлучаются из своей избушки на

несколько дней и тогда, чтобы не отягчать себя добычей, вешают ее повыше на дерево, чтобы не достал зверь, а при первобытной честности чунарей, взять чужую добычу никто не возмет.

Ведется охота и летом, но совершенно случайно, ибо летом чунарь занят другими работами. Таким образом охота дает чунарю от 50—100 рублей на охотника даже при тамошних низких ценах. Принимая же в среднем 2 охотника на хозяйство, получается от 100—до 200 руб. на семью, которые тратятся на уплату государственных повинностей, на приобретение снаряжения и необходимых „базарных“ товаров (железо, ткани, соль, табак), правда, по очень высоким ценам, что значительно снижает заработок охотника.

Следующим, хотя и не столь важным, занятием чунарей является рыболовство, которое ведется в течение круглого года, но также имеет свои специальные сезоны: весенний (на заливных озерах и горных речушках) и осенний (красноловье) на зимовых ямах красной рыбы. Здесь не будем подробно останавливаться на этом вопросе, ибо он подробно рассмотрен в двух вышецитированных наших работах и отметим лишь, что рыбная ловля преимущественно дает чунарю предмет питания. Только красная рыба идет частью на продажу, но при падении этого промысла, этот доход в настоящее время почти сошел на нет.

Из других промыслов и занятий чунарей, во первых надо отметить сбор кедровых орехов, который в некоторых деревнях: Малеева, Яр, Хая является настоящим промыслом, далеко выходящим из рамок собственного потребления. Так в 1920 г. в дер. Яр каждое хозяйство собрало от 100—150 пуд. орехов. Правда орехи рождаются не каждый год, но при урожае дают значительный доход. Орехи являются, кроме пушнины, главным экспортом из края в Енисейск на плотях.

До империалистической войны, в течение последнего десятилетия, некоторый заработок чунарям давали лесные заготовки из прибрежных казенных дач, которые производились преимущественно для лесоторговли промышленника Лида, экспортирующего лес за границу. Во время исследования можно было видеть громадные штабели, заготовленного, но не вывезенного, леса, который гниет на берегах Чуны. Лесные заготовки, кроме заработка по вырубке леса, вызвали к жизни целый кадр лоцманов, которые проводили плоты по бесчисленным чунским порогам. Некоторый заработок имеют лица, владеющие каким либо ремеслом, главным образом кузнечным и столярным.

Рассмотрев занятия чунаря, можно видеть, что хозяйственные условия края требуют напряженного труда и приспособления к многообразным занятиям и только подобный труд обеспечивает чунарю тот средний достаток, которым отличается чунское население.

XII.

Рассмотрев подробно материальный быт чунарей, остановимся на их духовной культуре, поскольку краткость наблюдения позволяла собрать некоторые данные по этим вопросам, наблюдения над которыми требуют конечно гораздо большего времени, чем проведенные автором среди чунарей 5 месяцев. Однако кое какие данные в этом отношении имеются и они опять таки придают чунарям ряд оригинальных черт, отличающих их даже от сибиряков, не говоря уже о русских Европейской России

По социальному признаку чунари представляют из себя очень компактную группу, — все они относятся к крестьянам среднего достатка. Бедняков среди них очень мало, ибо, даже семья, оставшаяся без кормильца, благодаря значительной сплоченности населения и родственным связям, не оставляется без общественной помощи. Богатеев также на всей Чуне 2-3 семьи, причем они лишь немного выдаются из общей массы населения и их большая зажиточность объясняется или силой и многочисленностью семьи, или какими либо талантами старшего его члена. Так крестьянин дер. Малеевой Василий Зверков представляет зажиточного крестьянина, но это происходит благодаря тому, что он единственный на Чуне мастер, умеющий делать сложные сельско-хозяйственные орудия, а так же один из немногих охотников, загоняющих лося без собак, самогонов. Семейство Поповых, зажиточных крестьян дер. Хаи, представляет хозяйство 3 братьев и семья состоит из 23 человек, из которых 17 взрослых. Кулацкого элемента среди низовых чунарей совершенно нет и только в верхней Чуне, напр. в дер. Неванской есть 2-3 кулака — торговца. Правда до революции чунари не менее инородцев страдали от притеснений кулаков-торговцев, за безценок скупавших пушнину и поставивших городские товары по баснословным ценам, но эти кулаки не местного происхождения, а наезжие, преимущественно из Канска и Тайшета.

Общинное начало у чунарей очень крепко и сход всегда являлся высшим законодательным органом в деревнях, ибо правительственной администрации чунари почти не видели, из-за глухости края. Общим советом, на котором всегда участвовали и женщины, решались и решаются все дела, вплоть до таких мелочей, как суд над собакой, задравшей чужую овцу, или мальчишкой, стащившим у хозяйки с огорода несколько огурцов. На советах решаются вопросы начала полевых работ, рыбалки, охоты и т. д. и все члены общины добросовестно подчиняются этим постановлениям. Подобная общественная дисциплина объясняется несомненно тем, что живя в суровых условиях, чунарь сильно зависит от взаимопомощи. Во время исследования в дер. Кадарея пришлось наблюдать коммуну,

состоящую из 8 семей. Коммунары объединили свои хозяйства и получили как бы огромная семья, управляемая пожилым чунарем, славящимся в качестве хорошего охотника и рыболова.

Так же как и общественный, семейный строй очень крепок. Большие семьи далеко не редкость и наблюдаются случаи, когда несколько братьев после смерти отца все же живут вместе. В такой семье наблюдается уже некоторое разделение труда, так, один член является главным при полевых работах, другой на охоте, третий на рыбалке и этому члену все остальные безприкословно подчиняются. Чунари женятся не рано, когда парень войдет в полную силу. Дети очень ценятся, так как в них чунари видят силу и богатство семьи. Отношения между полами в массе очень мирное и женщина, которой, благодаря особенностям хозяйственного строя чунарей, приходится вести все хозяйство, пользуется в семье большим авторитетом. Наблюдаются случаи, когда во главе большой семьи, состоящей из нескольких взрослых сыновей, стоит мать—старуха. Чунареки женщины принимают деятельное участие во всех работах, кроме зимней охоты, и легко заменяют собой мужчин. Девушки до брака пользуются значительной свободой и половая связь их с парнями является делом обычным. Даже рождение девушкой ребенка не налагает на нее печать позора и такая девушка свободно выходит замуж, причем отчасти она даже ценится, как доказавшая способность к воспроизведению потомства. Внебрачные дети не вызывают к себе отрицательного отношения и, при выходе их матерей замуж, усыновляются охотно будущим отцом. От женщин требуется абсолютная верность и супружеские измены большая редкость. Изменивших мужчину или женщину подвергают общественному позору, а в конце прошлого столетия, по рассказам чунарей, таких лиц, по постановлению схода, водили обнаженными со связанными руками по деревне и каждый крестьянин их мазал дегтем. Отношение к потомству очень нежное и чунарки хорошие матери. Ребят они кормят грудью лет до 1½, после чего ребята окончательно переходят на пищу взрослых, только еще с большим количеством жиров. Благодаря хорошему питанию ребята имеют очень здоровый вид и хорошо развиваются.

По религии все чунари христиане, но их религиозные понятия достаточно далеки от идей христианства. Отсутствие религиозного руководства сделало чунаря человеком, лишь бессознательно произносящим 2—3 молитвы, да усердно празднующим все христианские праздники, вроде, напр., даже Прокопьева дня (21 июля), по которым у чунаря распределяются хозяйственные работы. Церквей на Чуне всего 2, в селе Буйбунском и Петропавловском (сгорела в 1917 г.) и священник не чаще двух раз в год об'езжает свой 500-т километровый приход, совершая в деревенских часовенках все требы.

Поэтому чунари свободно обходятся без священника в своих жизненных делах. Так при рождении ребенка, его всегда записывали у писаря, по записям которого священник вел метрические книги. При бртке на сходе заключался формальный брачный договор, причем, интересно отметить, что в договор включалась неустойка со стороны лица, отказавшегося от сожителства. Только при смерти после регистрации умершего у писаря, во время похорон обычно звонят в колокольчик, повешенный у часовни, где она есть. Таким образом христианство имеет лишь формальные стороны в быте чунарей, но зато они хорошо знакомы с древней религией прежних засельников края—с шаманством. Чунари крепко верят в шаманство, чтут тунгусских шаманов и имеется несколько русских шаманов. Особенным уважением пользуется шаман, из деревни Чукши, русский—по имени Василий. Шаманизмом глубоко пропитано религиозное сознание чунарей и даже рассказывают, что к помощи шамана изредка прибегает даже единственный в крае священник. Большой шум в научных кругах г. Красноярска произвел небольшой деревянный конек, вывезенный с Чуны инженером Шер, перед которым, по его словам, священником совершались моления о здоровье скота. Конек этот находится в Красноярском Музее, но сообщение Шера подвергнуто значительному сомнению. Этнограф Чеканинский, а позднее автор, пытались выяснить этот вопрос и в настоящее время с большей вероятностью можно сказать, что этот конек, найденный у крестьянина, отец которого был шаманом, представляет предмет шаманского культа, ничего общего не имеющего с христианством.

Полное отсутствие медицинской помощи (в крае нет даже фельдшера) вызвало появление целого кадра знахарей, называемых также шаманами, которые лечат, как различными снадобьями, так и наговорами. Кроме того существует обычай надевать на себя, а особенно на детей, амулеты-ладанки с наговоренной землей и т. д. При болезни скота или людей, есть обычай вешать при в'езде в деревню, так называемые, „супратки“. „Супратки“ представляют собой куски холста, вытканые обязательно девушками в один рабочий день от зари до зари и вешаются перед пасхой, обязательно мужчинами. Подобные „супратки“ наблюдал Чеканинский в 1914 году в дер. Выдриной и автор в дер. Малеевой. Здесь „супратка“ была повешена при входе в деревню с нижнего, по течению, конца, причем была повешена на веревках, как раз по середине улицы, так что скот обязательно должен был проходить под нее. Происхождение этих „супраток“ ни Чеканинскому, ни автору не удалось выяснить, ибо при распросах крестьяне ссылаются на подражание соседним деревням.

Фольклор чунарей состоит из целого ряда исторических песен и былин, а также сказок, которые частью записаны Чеканинским и

Автор останавливаться на них не будет, ибо ему слышать их не удалось. Кроме того в пении молодежи употребляется частушка отражающая своим содержанием текущую жизнь и интересы края. Вообще же чунари поют очень редко, как и все сибиряки, и взрослый человек считает пение для себя не совсем удобным.

Язык чунарей поскольку это удалось выяснить автору не лингвисту, почти не отличается от языка сибирских крестьян с их типичными словами „хрушкой“ — крупный, „баской“ — хороший, „ло-ниш“ — прошлый год, „лопаты, лопатина“ — одежда, „обалакаться“ — одеваться, „стырить“ — спорить, „товараза“ — сразу в один прием и др. Из поговорок особенно часто употребляется слово „напроход“ — идти напролом, не обдумывая. А также выражение „ох, тошно мне“ — употребляемое, как проявление удивления. Из ругательств особенно часты, кроме сибирского — „язви-те“, еще „леший“, „лесной“ „лешак“, „поведи тебя леший, батюшка, боровой затри горы“, а в нижних поселках „куликан пестрый“ („куликан“ — местное название гадюки).

В обиходе чунарей имеется также значительное количество, в большинстве общерусских, примет, основанных на наблюдении над природой. Например, когда лает бурундук, то будет дождь и т. д.

По характеру чунари как-то угрюмы и мало разговорчивы, даже больше сибиряков вообще, но при более близком с ними соприкосновении, чувствуется под той суровой внешностью чуткая душа, особенно хорошо понимающая красоты природы и не чуждая поэзии. Так во время красноловных рыбалок, при фантастической обстановке ночного лагеря, автору пришлось услышать не мало рассказов, свидетельствующих о том, как хорошо чунари знают и понимают окружающую их природу. Отличительной чертой характера чунарей является их самостоятельность и самонадеянность, результатом чего является их значительная вольнолюбивость. Глухой край приучил чунаря все делать самого и ко всякому начальству, кроме своего выборного, чунари относятся отрицательно. Так в 1919 году чунари, никогда не бывшие военными, (военная повинность на них не распространялась) делают одними из деятельных партизан, при попытке вмешаться в их жизнь. Великолепные стрелки и неутомимые ходоки-охотники, чунари вместе с тасеевцами и манцами создали грозный партизанский фронт.

Далее отметим первобытную честность чунарей. На Чуне краж нет, нет также и заборов. Это чунари объясняют тем, что край глух и пору некуда деться.

Грамотность у чунарей почти отсутствует. Во всех чунских поселках едва наберется 5—6 школ, которые в момент исследования пустовали. Только в дер. Яр имеется специальное помещение школы и здесь грамотных значительно больше. Малое количество грамотных приводит к тому, что выбор секретаря представляет значитель-

ную трудность и нередко секретарь обслуживает несколько деревень, причем общество справляет все его хозяйство, ибо ему все время приходится быть в раз'ездах. При малой грамотности чунари все же являются достаточно общественно и политически развитыми, причиною чему являются политические ссыльные, которыми правительство с 1905 года усиленно снабжало край. Чунари близко сходились со ссыльными и некоторые из них совершенно свободно разбираются в социальной обстановке России. Почему новые веяния, принесенные революцией, были легко и глубоко восприняты чунарями, найдя в них деятельных защитников, тем паче, что завоевания Октябрьской революции явились для них укреплением того строя, который у них был, и с которым последние перед революцией годы усиленно болелось сибирское начальство.

При разговорах с чунарями резко выступает их желание к получению большей культурности и автору, напр., в дер. Яр предлагали всевозможные чунарские блага, в случае согласия остаться у них в качестве учителя. В этом глухом крае, при всей темноте населения, есть желание учиться и тем самым улучшить свое хозяйственное положение.

Заканчивая настоящую работу, автор считает необходимым сообщить, что материалы, добыты им в 1920 году, когда автор по поручению Красноярской (ныне Сибирской) Ихтиологической лаборатории занимался изучением чунского рыболовства, результаты которого изложены в вышецитированных статьях. Материалы, особенно по духовной культуре, конечно отрывочны, но, принимая во внимание то обстоятельство, что научные работники попадают на Чуну крайне редко, а быт чунарей довольно оригинален, автор решается опубликовать свои небольшие наблюдения. По сибирякам сторожилам, особенно глухих мест, литература очень скудна и материалы автора, думается, могут сыграть некоторую роль при будущих сводных работах о сибирском населении, — этом оригинальном ответвлении великороссов.

Раскопки „Шолома“ в сел. Балымерах, Спасского кантона Татреспублики в 1925-м году.

(Краткий обзор).

I.

Село Балымеры в археологическом отношении является весьма интересной территорией, где имеются следы болгарского города (валы и т. д.), еще неисследованного в должном порядке, но уже давшего ряд отдельных небезинтересных находок.

Среди других остатков старины в сел. Балымерах уже с давних пор привлекают внимание исследователей курганообразные насыпи.

В 1870 г. группу курганов куполообразной формы раскапывал некто Стоянов, давший отчет о своих раскопках в „Приложениях“ к Проток. Засед. от 21 апр. 1871 г. Общества Естествоиспытателей при Казанском Университете.

Раскопки Стоянова дали „неопределенные“ результаты: обнаружено было, что все шесть насыпей, раскопанных Стояновым, состояли из смеси песку и чернозема с некоторым количеством золы, углей и обгорелых костей животных.

Позднее, в 1882 г. раскопки курганов в окрестностях сел. Балымеры производил П. А. Пономарев. Особенно удачной в смысле находок была раскопка кургана П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым, обнаружившая оружие, доспехи покойника (при чем труп покойника был сожжен) и некоторые другие вещи.

П. А. Пономарев дает об этой раскопке следующее сообщение в „Отчете Имп. Арх. Комиссии“ за 1893 г. стр. 95—96:

„Раскопано было еще семь насыпей; шесть из них оказались вполне тождественными с раскопанными в 1871 г. (Стояновым), но одна представила ясные признаки несомненного кургана... Послойная его раскопка обнаружила следующее: а) на глубине аршина — материк из чистого и плотного песку; в) удаленная раскопкою насыпь состояла из сероватой рыхлой массы, образовавшейся из смеси песку и золы; с) на материке, в центральной части насыпи, находилось кострище, состоящее из смеси углей, золы и пережженных мелких

костей, между которыми находились человеческие зубы; d) кострище, имело продолговатую овальную форму длиною в 10, а шириною в 5 фут., расположенную в направлении от С.-З. к Ю.-В.; e) кругом кострища, представляющего толщу в $2\frac{1}{2}$ вершка, располагалась тонкая прослойка золы, с отдельными мелкими угольками; f) на кострище, в сев.-зап. конце его лежала медная бляха; h) кругом кострища, на прилегающей к нему тонкой прослойке пепла, симметрично расположены были следующие вещи: у юго-восточн. стороны кострища — глиняный сосуд с круглым плоским дном; у северо-восточной — ряд своеобразных медных пластинок, напоминавших поясной набор и расположенных в виде круга, в центре которого находилось железное огниво; у юго-западной — большой ржавый железный меч с широким и согнутым клинком.

„Таким образом раскопка кургана довольно определенно выяснила следующую вероятную картину погребения: на поверхности земли раскладывается большой продолговатый костер; после сожжения на нем трупа погребяемого, продукты горения несколько сгущиваются к центру, так что кострище суживается и укорачивается; затем на образовавшейся кругом него расчищенной полосе, сохранившей только отчасти следы пепла, в определенном порядке раскладываются оружие и прочие вещи и, в заключение, над местом погребения насыпается курганообразный холм.

„Эта картина погребения, конечно, далеко еще не дает полной аналогии с характеристикой Ибн-Фадлана, но в ней есть и некоторые общие черты“...

Предметы упомянутого кургана описаны А. А. Штуkenбургом (см. „Извест. Об-ва Арх. Ист. и Этнографии“ т. X вып. 2, стр. 155 след.), при чем А. А. Штуkenбург описываемую могилу относит к периоду между VII—X вв. нашей эры, основываясь на резко выраженном скандинавском (Норманском) типе меча (меч и другие находки хранятся в Музее „Общества Археологии, Истории и Этнографии“ при Казанском Университете).

При этом А. А. Штуkenберг замечает:

„Остается открытым вопрос: представляет ли курган, раскопанный П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым, могилу пришельца с далекого Северо-Запада, или аборигена, владевшего мечем скандинавского типа. Остается также невыясненным отношение этого могильного кургана к другим — соседним, в которых, по свидетельству Стоянова, были находимы только следы кострищ с обгорелыми костями домашних животных“ (указ. соч. стр. 160).

В 1893 г. археологическая экскурсия П. А. Пономарева имела задачу „определить, — нет ли в окрестностях г. Болгар, каких-либо следов курганного погребения руссов, и с этой целью обследовать

на протяжении 12—15 верст от с. Болгар до д. Булымеры окраину лесистого нагорья, у подошвы которого, судя по местным преданиям, топографическим условиям и названиям, протекали некогда Волга и Кама, сливаясь при урочище Ага-Базар¹⁾.

При этом П. А. Пономарев указывал на то, что собранный материал, а также „соображения и догадки если и не создавали устойчивой почвы для решения вопроса о местонахождении могилы русов на берегу Волги, то вместе с тем и не устраняли возможности искать их с некоторой надеждой на успех в окрестностях с. Болгар.“²⁾.

Прибыв в Балымеры в 1893 г., П. А. Пономарев заметил большие изменения против 1882 г. Там, где в 1882 г. была группа курганов в количестве 25, выстроилась целая деревня; уцелело только два кургана на улице перед домами крестьян Мих. Орлова и Поликарпа Петрухина. Эти курганы были раскопаны и дали одинаковые результаты: ³⁾ кострище и в нем небольшое количество плоскостной посуды.

„Так как других курганов в Арчиловке (часть с. Балымеры) не оказывалось, то пришлось передвинуться версты на три по направлению к Болгарам, следуя по окраине того-же лесистого угора,“ — заключает П. А. Пономарев упомянутое сообщение о раскопках 1893 г.

И П. А. Пономарев в дальнейшем уходит из Балымер и исследует городок, известный под названием „Царицыной могилы“ и так называем. „Стромиловский городок“⁴⁾.

Из приведенного обзора с достаточной определенностью вытекает интерес к балымерским курганообразным насыпям мелким и мощным, назначение которых разгадано еще далеко не полностью.

Тем более становится необходимым обратиться к изучению насыпи, которая носит у населения название „Шолом“ и которая мощно высится на запад центральной улицы села, (см. прилаг. табл. I рис № 1, изображающий „Шолом“ со стороны села).

Упомянутый холм отмечался в „Заметках о городищах, курганах и других земляных насыпях в Казанск. губ.“ (Казань 1874), где приводится следующее описание этого памятника (стр. 22, примеч. (срвн. у Шпилевского „Древние города“ и т. д. стр. 308 со ссылкой на Мельникова).

„Повыше селения и ближе к берегу Волги указывают на „Шолом“, огромнейшую насыпь вышиною до 10, а в окружности до 200 сажен, на которой видно несколько ям. Народное предание говорит, что в боку этого насыпного кургана был виден проход и в нем железные двери, но ныне ничего этого и следов нет. Охотники

1) Извлечения из отчета о раскопках в Казанск. губ. в Отчете Имп. Археолог. Комиссии за 1893 г. стр. 95.

2) Там-же, стр. 96.

3) Там-же, стр. 97.

4) Там-же, стр. 97—99.

до чудес и кладов рассказывают, что в шоломе этом зарыты сокровища, вывезенные из Болгарского царства".

Из расспросов у крестьян в 1924 и 1925 г. выяснено, что у Юго-восточного склона „Шолома“ была прежде кузница, около которой при рытье ям находили удила, копыя, стрелы и т. д. Раскопок „Шолома“ крестьяне не помнят, но вспоминают, как прежде эта насыпь служила местом гулянья, так как с нее открывались, действительно, широкие горизонты на Волгу и окрестности села. Наш осмотр памятника во время экскурсии 1924 году при сотрудничестве Л. И. Вараксиной и В. В. Орехова дал чрезвычайно грустное впечатление о состоянии этого памятника.

В настоящее время „Шолом“ со стороны низины Волжского берега стал прорезаться двумя оврагами, сильно нарушившими границы его в юг.-юг.-восточной и юг.-юг.-западной части.

Поверхность представляет собой почти плоскую площадку, изрытую несколькими углублениями с постепенным наклоном к долине (фотогр. снимок № 2) и с крутым спуском к селу (срвн. фотогр. снимок №—1) и к западу¹⁾).

С западной стороны близко к выступу, на котором находится „Шолом“ подходит овраг. У подошвы „Шолома“ — постройки (баня).

Северо-восточная часть „Шолома“ круто спускается к селу, причем у подошвы возвышения, вблизи дороги из села в низину Волги, находятся также строения (амбар и баня).

Весьма печальную картину представляет юго-восточная часть „Шолома“. Здесь с каждым годом расширяющийся овраг уничтожил уже значительную часть нагорной террасы. Он уничтожил дорогу, идущую к кузнице, место самой кузницы и т. д. Он уничтожил уже значительную часть „Шолома“ с этой стороны.

Крутой обрыв „Шолома“ с этой стороны ярко обозначил следующую картину: на глинистой почве нагорного выступа в низину Волги насыпана насыпь из черной земли высотой в 3,64 метр. Линия раздела почвы и насыпи „Шолома“ выделяется совершенно отчетливо (фотограф. снимок №—3).

При этом верхний край обрыва насыпи держится слабо, расслаивается и обсыпается даже от ветра.

По словам архитектора В. В. Егерова в 1907 году, в подошве насыпи еще видчелись следы каких-то каменных кладок или нагромождений, которых теперь не наблюдается.

В насыпи по обрыву заметны черепки, а также большие кучи угля, особенно в южной части. Выделяются три значительных пятна углей значительной величины (1 кв. мтр.).

¹⁾ По техническим условиям не все фотогр. снимки помещены в настоящую статью, но указать на снимки автор считает необходимым.

Таким образом, сама природа нарушает тайну „Шолома“. Частично находки этого „Шолома“ уже имеются.

В 1907 году В. В. Егеров приобрел коллекцию предметов, найденных в „Шоломе“ близ кузницы. Несколько предметов с „Шолома“ имеются в Музее Общества Археологии, Истории и Этнографии. Наконец, небольшая коллекция черепков была собрана упомянутой выше экскурсией 26 июля 1924 года.

II.

Необходимо хотя бы кратко остановиться на упомянутых находках с „Шолома“.

А. Предметы из коллекции В. В. Егерова.

(Табл. I, рис. № 2).

Примечание: Кроме описываемых ниже предметов в коллекции имеются две медных (золотоордынских) монеты, которых я не видел.

1) Наконечник копья длин. в 19 снт. листовидной формы (самое широкое место лопасти—4 снт.) из железа.

Несомкнутая втулка продолжается по острию в виде конусообразного валика с обеих сторон. Длина втулки до острия—7,5 снт.

На 2,5 снт. от нижнего края втулки дырка для гвоздя. Нижняя часть втулки сильно разрушена. Срвн. наконечник копий курляндского клада в ОИАКом. в 1908 г. стр. 172, рис. 235; срвн. наконечник копья Борисовского могильника (Сев. Кавказ) относимого к VII в. (ИИАКом, вып. 56, табл. I 26; из погр. №—43).

2) Ручной ральник. Длина—12 снт. По длине совершенно схож с ральником из Тетюшского у., описанным Штукенбергом („Землед. оруд. древн. Болгар“ в Учен. Зап. Каз. Ун-та, 1896 кн. 6—7, стр. 216 и табл. I фиг. 5 а, в и в и 7).

„Более или менее заостренные лопасти этих ральников образуют около трубиц их, с каждой стороны, несколько выдающиеся углы. Нижняя сторона лопастей этих ральников плоская, а верхняя несколько утолщена, образуя едва возвышающийся трехгранный угол. Трубицы их обыкновенно несколько длиннее лопастей“. Так описывает Штукенберг эти ральники в отмеч. месте.

У описываемого ральника из Шолома длина трубицы—6,5 снт., длина лопасти—5 снт., ширина трубицы—у основания—6 снт., ширина лопасти—6 снт. (в самом широком месте у основания), высота трубицы—1 снт.

3) Трехгранный наконечник стрелы. Длина острия—4,5 снт., длина черешка—3,5 снт. Наконечник сильно покрыт ржавчиной,

черешек согнут. Срвн. коллекцию Теплоухова („Матер. по Арх. Рос. № — 26), табл. XXVIII 31 и 35 по Спицыну—XIII—XIV в., хотя и с оговоркой на неточность). В насыпи Султановского кургана Ставроп. губ. (Алек. у.) найден такой же наконечник копья (см. ОИАВ, за 1900 г. стр. 52, рис. III). Срвн. наконечн. стрелы из погр. 52 Борисовского могильника с Сев. Кавказа (ИАК в. 56, табл. I, 19) и т. д.

4) Наконечник широколопатной стрелы с полукруглым дугообразным лезвием. Начиная от основания лезвия шириной в 5 снт. лопасть сужается к черешку, оканчиваясь шириной в 1 снт. Длина лопасти—6 снт. Черешок наконечника круглый и переходит в гвоздеобразное острие. Длина 6 снт. Подобные наконечники встречаются в Сибири. В Музее Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете есть похожий наконечник из Суvara.

5) Медная заколка с загнутым в кольцо концом длина 17 снт.

6) Металлическая пластинка со следами, повидимому, штампа. Быть может фрагмент металлического зеркала.

7) Костяная игла с дыркой дл. $10\frac{1}{2}$ снт.

8) Пластинка из раковины. В краю дырка и небольшое бронзовое колечко для привески. В противоположном краю излом быть может также на месте дырки.

9) Две бусинки: 1 стекл. и 1 глин.

10) Два обычного типа глиняных напярслица.

11) Глиняная крышечка в виде колпачка от сосуда, который по словам В. В. Егерова потерян. Работа сосуда, судя по крышечке весьма грубая, ручная, без зачистки даже поверхности. Край крышечки неровный. К верхушке—сильное утолщение.

В сосудике, по словам владельца описываемой коллекции В. В. Егерова, был собран желтоватый порошок, который и хранится в пробирке, но который химическому обследованию не подвергнут.

12) Небольшой горшочек из жирной желтоватой глины сделан, от руки, но на дощечке. Днище круглое, плоское в диаметре 4 снт. Днище толстое. От него расходясь, поднимаются стенки. Диаметр наибольшей выпуклости стенок $7\frac{1}{2}$ снт. Дальше стенки переходят в низкое прямое горло, диаметр которого—5 снт. Край плоско зачищен. Зачистка стенок внутрен. и внешних плоха. Обжит также неполный. Толщина (по краю) стенок—0,3. снт.

Б. Коллекция Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете.

Примечание: На небольшом картоне нашиты 7 черешков с №№ 67, 68, 69, 76, 79, 80, 83, одна напярслица, железное кольцо, кусок зеркала („булата“), и копьё с № 59. На обо-

ротной стороне картона надпись карандашом: „Спасек. у. Казанск. губ. Волы-Мерск. Шолом бл. Волгар“.

Ввиду отсутствия точных указаний, я решаюсь присовокупить этот материал к настоящему сообщению, но до некоторой степени условно.

1) Черепки. Шесть черепков представляют собой краевые фрагменты посуды из красноватой глины.

Посуда весьма высокой техники и прекрасного обжига. Форма посуды не устанавливается, но один из фрагментов (с № 69) на расстоянии 3,5 снт. от края имеет загиб, повидимому к днищу и надо думать, представляет собой остаток неглубокой, но широкой чаши.

Толщина стенок у всех черепков около 0,7 снт, и только один черепок (с № 79) достигает толщины в 1 снт., при довольно хорошей обработке.

Седьмой черепок представляет собой фрагмент стенки сосуда с орнаментом из волнообразных линий.

2) Напряслице. Круглое глиняное напряслице толщиной 1,2 снт. и диаметром внешней окружности в 3,5 снт. Внутреннее отверстие имеет диаметр в 1,5 снт. По острому ребру напряслица идут параллельные углубленные линии.

3) Небольшой кусок восточного зеркала со следами неопределенной орнаментации.

4) Железное круглое кольцо толщиной в 0,5 снт. и диаметром по внутреннему кругу в 5,2 снт. Местами изъедено ржавчиной. Могло принадлежать к предметам лошадиной сбруи.

5) Тонкое железное копьцо (длина — 14 снт) с двухсторонним лезвием, съеденным в нескольких местах ржавчиной. Длина лезвия достигает 9 снт. Затем лезвия сходятся в черенок, который заканчивается гвоздеобразным с гранями острием.

В. Коллекция черепков собранных 26 июля 1924 года.

Всего собрано с поверхности „Шолома“ 26 фрагментов посуды.

Материал: желтоватая и буроватая темная глина, не очень хорошо promешанная с крупными примесями. Обжиг также плохой, за исключением немногих случаев.

Техника зачистки стенок весьма груба и стенки выглядят бугристыми. Толщина стенок от 0,5 до 1 снт.

Все фрагменты можно разбить на три группы: 1) края, 2) стенки 3) дно.

1) *Края*. Имеется два верхних края, из которых один из бурой глины грубоватой работы, а другой — из желтоватой глины, но-

сит следы хорошей зачистки стенок. Оба края—прямые. Первый из них закруглен, а второй плоский.

2) *Стенки*: а) имеются фрагменты толстых прямых стенок (№№ 3—4), б) фрагменты №№ 5—20 представляют собой остатки посуды с выпуклым стенками, в) фрагменты №№ 21—25 являются остатками верхних частей стенок, переходящих через небольшой изгиб в горлышко.

3) Один фрагмент *дна* (—26) представляет собой образец весьма грубой работы. Дно—круглое, плоское, толщиной в 1,5 см. Связь его со стенками произведена крайне неумело. Плохая промешка глины и плохой обжиг особенно выделяются из описываемой коллекции.

На всех описанных здесь черепках орнамент отсутствует.

По технике работы и особенно по технике заделки дна черепки близко подходят к посуде, открытой Лихачевым в курганах близ „Полянки“ Спасск. кант., а также собранных экскурсией 26/VII—24 г. на поверхности „Городка“ в сел. Маклашеевке.

Примечание: Кроме черепков на „Шоломе“ экскурсией собраны кости: рыбы (крупных костистых рыб) и животных. Все упомянутые здесь находки от 26/VII хранятся в Кабинете Истории Материальной Культуры при ВПИ.

Из обзора трех коллекций становится ясным, что, во первых „Шолом“, действительно, заслуживает серьезного археологического изучения и во-вторых, картон с предметами из коллекции Музея Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете (у нас упомянут под лит. Б), повидимому, не представляет собой находок с нашего именно „Шолома“, а принадлежит другому „Шолому“ с иной культурой в районе Балымер.

III.

Совершенно становилась ясной необходимость срочного производства археологических раскопок „Шолома“, о чем я и сообщал в „Обществе Археологии, Истории и Этнографии“ при Казанском Университете.

Не скрою, что замеченные 1924 году кучи углей в обрыве насыпи настраивали мои мысли на возможность открытия погребального ритуала (трупосожжение), описанного Ибн-Фадланом.

В 1925 году при содействии Академического Центра ТНЦ Проса Совнарком ТССР отпустил небольшие средства, на которые представилось возможным начать археологические исследования „Шолома“.

Раскопки продолжались шесть дней. В раскопках в качестве наблюдателей и выполняли вместе с тем производственную практику по археологии, приняли участие студенты Отделения Востоковедения ВПИ: Тагиров, Спиридонов, Темир-Галеев, Яковлев, Халитов, Кро-

ме того, работали сотрудники Археологического Кабинета ВПИ (ныне Кабинет Истории Материальной Культуры): Л. И. Вараксина и А. В. Васильев. Фотографические снимки производил фотогр. Н. П. Засыпкин.

Экскурсии предстояло исследование всей насыпи, но подробный осмотр ее убедил в невозможности выполнения этой работы за отсутствием средств. Можно было только начать работу.

Перед началом раскопок при помощи водяного нивелира (ватерпаса) была произведена нивелировка насыпи, сделан план местонахождения „Шолома“ и выполнен ряд фотографических снимков (снят „Шолом“ со стороны села—№ 1; со стороны мыса, известного под названием „Садок“, что на юго-востоке от „Шолома“—№ 2; с восточной стороны—№ 3; юго-запад. обреш. „Шолома“ к долине Волги № 4; выступ или мыс, разделенный оврагом от „Шолома“, расположенный на восток и юго-восток и известный под названием „Садок“¹⁾—№ 5).

Среди поверхности „Шолома“ при осмотре обнаружены следы широкой ямы, которую крестьяне рыли по словам одних для зарывания дохлых собак, по словам других в целях поисков клада. Черепки на местах выдувов и у обрывов, как и в 1924 году, обнаруживаются в большом количестве.

По окончании общего осмотра и всех измерений, разбиваются 4 траншеи (фотогр. сним. № 6). Две из них, №№ 1 и 2 вытянулись с сев.-запада на юго-восток шириной в 2 метра и длиной в 7½ мтр. каждая; между ними перемычка. От этой перемычки на сев.-восток (№ 3) и юго-запад (№ 4) шла другая пара траншей такой же ширины, но несколько меньшей длины.

Угол Д траншей № 3 находится на расстоянии 2,5 мтр от линии крутого спуска „Шолома“ к селу и в расстоянии 10 метров от сев. угла спуска „Шолома“ к селу.

В качестве землекопов были наняты балымерские крестьяне. По каждой траншее велся особый дневник и особая перечневая запись находок, которая заполнялась по окончании работ. Кроме того, по окончании работ проводились конференции по вопросам исследований за день; на конференциях присутствовали председатель и секретарь Балымерского сельсовета, местный учитель И. П. Нечаев и 2 учительницы соседних сел.

По всем траншеям разрез дал почти совершенно одинаковую структуру насыпи. За растительным тонким слоем шла буровато-белесоватая почва, которая потом становилась темно-бурой, иногда насы-

¹⁾ На месте «Садочка» или «Садка» в настоящее время разбит огород. Крестьяне рассказывают, что при разработке огорода обнаруживали человеческие кости. Один крестьянин показал две золотоордынских мед. монеты, найденных там же.

щенной углями и золой, иногда перемежаемая прослойками желтой глины.

С первых же слоев стали попадаться: большое количество черепков, углей, костей животных, рыб и птиц, куски дерева разной величины и в разных положениях, гнилые и обгоревшие.

Эти находки сопровождали все работы вплоть до материка. Благодаря такому однообразию находок, особым оживлением встречались со стороны сотрудников такие редкие находки, как напярслица, цельный маленький сосудик, янтарный амулет и т. д.

В настоящем очерке нет возможности шаг за шагом следить за работой в каждой траншее, о чем весьма подробно могут дать сведения дневники раскопок, сопровождаемые точными измерениями и планами.

Следует остановиться на обзоре лишь главнейших результатов раскопок по след. рубрикам: 1) кострища; 2) „жертвенный очаг“; 3) куски дерева; 4) изделия из глины; 5) прочие находки и 6) кости.

1) *Кострища*. Во всех траншеях обнаружено по несколько кострищ в разных слоях. Так, в траншее № 1 кострища попадались при 3-й лопате (2 костр.), 6-й, 9-ой, 12-ой, 15-ой, 19-й (3 костр.); в траншее № 2—в слоях 1, 2 (2 костр.) 4, 6 15, 23 и т. д. Всего обнаружено 30 кострищ.

Количество кострищ, затем слоев углей и золы с присутствием черепков посуды и костей животных рыб и птиц,—прямо таки поражало наблюдателя.

По величине кострища весьма различны, форма у всех овальная. Большое кострище отмечено в траншее № 4 у стены АВ (юго-восток). Значительное кострище разрезано в траншее № 2 (сев.-вост. угол В); это кострище несомненно является продолжением того, которое обнаружено в траншее № 3) по углу А (юго-восток).

Длина некоторых костров достигает 2 и больше метров, при ширине в 1 метр.

Устройство костра представляется в следующем виде. Костер устраивался довольно высоким из больших (длинных и толстых) поленьев. Около костра были заготовлены поленья с тем, чтобы дальше поддерживать пламя. В траншее № 4 остатки большого костра, уходящего в юго-вост. стену на глубине почти двух метров от поверхности дают представление и о том, что поленья в данном костре были сложены, как говорят, „в клетку“. На костре варились в глиняной посуде пища мясная (животн. и птиц) и рыбная. Пища, по-видимому, с'едалась у костра и кости разбрасывались по костру и около. Посуда быть может разбивалась и тоже разбрасывалась.

По миновании надобности костер еще горящим засыпался глиной, вследствие чего раскопками обнаружен над каждым костром слой глины, запекшейся и принявшей красноватый, кирпичный отте-

нок. Необходимость засыпки горящего костра могла быть вызываема или боязнью лесного пожара или какой-нибудь обрядностью.

Итак, костер засыпался. Рядом разводился по мере надобности новый костер. Он также засыпался. С течением времени на месте этих костров сооружались другие и т. д. и т. д. Таким образом и могло получиться громадное количество костров в разных слоях, обнаруженных раскопками.

2. *Жертвенный очаг.* Один из таких костров выделяется некоторыми особенностями и требует дополнительных замечаний.

В траншее № 3 у стены, примыкающей к перемычке уже с 10-й лопаты появляется гряда камней, которая при 13-й лопате т. е. при глубине 1,12 метр. от верхоземки стала доступна изучению (фотограф. снимок № 7); см. табл. II, рс. 1.

Гряда довольно крупных камней довольно хорошо приткнутых друг к другу (14 шт.) составляла неправильную окружность диаметром 88,7 снт. В середине этой окружности камней не было, так что кладка была несплошная. Эту „пустоту“ в середине окружности сверху покрывал неполный ручной жернов из песчаника¹⁾ диаметром в 26,6 снт. с отверстием в 8,8 снт. в диаметре, толщиной до 10 снт. В пределах этой каменной „кладки“ был костер с запекшейся золой и углями и, повидимому, засыпанный песком. В костре и вокруг него найдено много фрагментов грубой глиняной посуды, кости животных и обгоревшая кора. В костре же найдем кирпич размером: $15,5 \times 11 \times 4,4$ снт.

Совершенно ясно, что это сооружение камней с прикрытием его жерновом должно было иметь особое значение какого-то очага, имевшего быть может и культовое значение, что дало повод автору этих строк назвать это сооружение «Жертвенным очагом»²⁾.

Гряда камней (с овальным очертанием) отмечена и в траншее № 4, но признаков связи этой гряды с кострищем не обнаружено.

¹⁾ Жернов аналогичен находящемуся в Болгарском Музее (в Черной Палате) под № 80, случайно найденному в Болгарах в 1924 г.

²⁾ В. И. Сизов, описывая курганы Гнездовского могильника близ г. Смоленска, и отмечая наличие камней в насыпи, указывает на то, что иногда эти камни обнаруживаются на кострищах и принимают известную систему в расположении. «Так, например, как мы уже видели, в большом кургане они были расположены вокруг груды пещей, уложенных на точке (?) и служили им как бы оградой. Несколько сходный случай мы встретили в кургане вблизи шоссе-станции: в этом кургане найдено было большое кострище, в центре которого стоял горшок с жжеными костями, подчеркнутый с трех сторон камнями. Кроме того, этот горшок находился в центре круга из ряда камней. В лесном могильнике (за рекою Свинкой) был раскопан также довольно большой курган. Очищенное кострище этого кургана представляло круглую площадку, диаметр которой равнялся 2 сажням. В центре этой площадки находился горшок с жжеными костями, а на север от него шли камни, положенные в два ряда. Вещи и самый слой кострища находились под этими камнями, так что, очевидно, камни были положены после раскладки кострища» и т. д. (см. В. И. Сизов, Курганы Смоленской губ. в «Материалах по археологии России» № 28, 1901, стр. 20). Рисунок каменной каладки у В. И. Сизова на стр. 20 очень похож на наш упомянутый выше фотограф. снимок за № 7 с жертвенного очага «Шолома». Такую аналогию представляется крайне необходимым отметить.

3. *Куски дерева.* В большом количестве попадались во всех траншеях куски дерева на разной глубине. В кострищах и по близости куски дерева попадались обгоревшими. Кроме того, куски дерева попадались гнилые, совершенно рассыпавшиеся при слабом или прикосновении.

Величина тех и других различна (так, напр. в траншее № 1 длина гнилого деревка в 12-м слое — 1 метр, толщина 10 сант. в траншее № 2 на глубине 53 сант. от верхоземки длина одного обгоревшего бревна — 1,25 сант. при толщине в 17 сант. и другого — длина 58 сант при толщине 35 сант. и т. д.;

В большинстве случаев куски бревен или поленьев разбросаны небрежно и, повидимому, представляли собой материал для топлива, как сказано выше.

В одном случае (транш. № 2) кусок дерева представлял собой воткнутый в землю заостренный кол в 25 сант. длины и с диаметром вверху в 10 сант. Правда, он найден очень близко от верхоземки.

В некоторых случаях куски бревен или поленья оказываются сложенными в порядке.

Выше уже было сказано, что в костре траншеи № 4 были обнаружены поленья, сложенные в „клетку“.

Быть может, начала такой „клетки“ для костра мы видим в траншее № 2 на глубине свыше $2\frac{1}{2}$ метр. от верхоземки, где ряды поленьев идут поперек середины траншеи. Поленья эти совершенно иструхлявились и под ними находится налет плесени. Трудно предположить, что этот ряд поленьев представлял собой какое-либо сооружение.

Правильное расположение бревен или поленьев в ряд замечается в траншее № 3 уже на глубине 66,6 сант. от верхоземки в сев. и западн. стене (в разрезе). На глубине свыше 2 метр. в той же траншее и поперек траншеи (в северной ее части) — ряд совершенно сгнивших бревен, которые отчасти уходят в западн. стену траншеи. К сожалению, расширить траншею № 3 по недостатку средств не удалось, а между тем наличие в ней особенно большого количества деревянных остатков очень хотелось изучить в совокупности с теми, которые уходят как в западн., так и в восточн. стены траншеи. Во всяком случае говорить о каких либо подземных сооружениях (погребам, срубам и т. п.) пока не приходится, хотя дневники и пестрят сообщениями о гнилых остатках дерева, иногда покрытых белесоватой плесенью.

4. *Изделия из глины.* Во всех траншеях фрагменты глиняной посуды обнаруживаются в весьма большом количестве во всех слоях, в разных стадиях глубины. Кроме посуды были найдены напрас-

А. *Фрагменты посуды.* Подавляющее количество черепков носит те же отличительные признаки, которые отмечены выше при обзоре коллекции, собранной экскурсией 1924 года. Стенки сделаны грубо, бугристы, дно сильно утолщено и связь его со стенками, отработанная руками, чрезвычайно примитивна. Глина с крупными примесями, обжиг—ниже среднего качества. Глина по прежнему—желтовато-красноватая и буровато-темная.

Находки таких черепков преобладают почти на 95⁰/. Но встречаются черепки в незначительном количестве и совершенно хорошей техники; стенки их тщательно выведены, совершенно гладки без каких-либо бугров, дно прекрасно вделано, обжиг также весьма хорош.

Возможно, что посуда первого типа—местного деревенского производства древних насельников окрестности сел. Балымеры, тогда как посуда второго типа—городская, хотя на фрагментах этой посуды и не найдено типично-болгарского орнамента (XIII—XIV в.).

Из массы черепков посуды, не подвергнутых еще музейной монтажке, представляется возможным установить след. виды посуды: а) горшки; б) чаши; в) кувшины; г) колпачкообразный сосуд; д) крышки.

а) *Горшки.* По фрагментам преобладающей формой сосудов являются горшки разной величины. Характерные их черты: плоское дно, от дна, расширяясь вдут выпуклые стенки; плечи слабо выражены; край иногда—прямой, иногда отогнут, делая шейку желобкообразной. Прямой край несколько утонщен. Отогнутые края иногда несколько закруглены, иногда плоские, иногда зубчатые (имеют или косые параллельные углубленные линии или широкие вдавливания).

Обычно горшки—весьма плохой техники, которая условно обозначена „деревенской“. Толщина стенок—до 1 сант., у дна до 2 сант.

Часто горшки задымлены не только с внешней, но и с внутренней стороны.

Довольно хорошо форма горшка восстанавливается по фрагменту из желтовато-красной глины (транш. № 1, инв. № 204); представляющему одну сторону горшка целиком, с верху до низу. В нем поражает бугристость, плохая обделка стенок. Край отогнут и утонщен. В изломе две окраски (к верхней части желтовато-красная во внутренней темная). Высота—14 сант., толщина стенок—1 сант., край утонщен до 0,5 сант., приблизительный диаметр дна—2 сант., толщина дна у краев—1,5 сант., в середине—1,2 сант. (см. табл. II, рис. 2).

Такая же форма отмечается среди фрагментов и той техники, которая условно обозначена „городской“, напр. траншея № 3, инв. № 1—3)¹⁾.

Один фрагмент горшка из траншеи № 1 (инв. № 216), с слабо выраженной шейкой имеет сквозную дыру.

Рис. 1.

Подобный горшочек описан выше при обзоре коллекции В. В. Егерева (под № 12).

б) *Чаша*. Фрагмент широкой чаши обнаружен в транш. № 4. Стенки выпуклы, край отогнут, высота без дна 12 см. Техника средняя.

Возможно, что край широкой чаши представляет фрагменты из транш. № 1 (Инв. №№ 41, 42, 43), с отогнутым краем с рубчиками (широкие вдавливания).

в) *Кувшины*. В траншее № 4 на глубине 75 см. обнаружены два фрагмента длинного, но узкого горла кувшина. Длина части горла 12 см, толщина стенок—1,2 см., диаметр отверстия приблизительно 4 см., книзу оно расширяется. Техника очень высокая.

г) *Колпачкообразный сосудик* (быть может крышка) из транш. № 3, инв. № 4 с сильно перегоревшей глазурью, вследствие чего его поверхность имеет серые стекловидные блески. Высота его 5 см. Неправильной окружности (сдавлен один край). Отверстие „колпачка“ в самом

¹⁾ В упомянутом уже обзоре В. И. Сизова «Курганы Смоленской губ.» стр. 104—114 автор дает весьма интересные сведения из области керамики Гнездовского могильника. Наше внимание привлекают две группы погребальных урн, описанных В. И. Сизовым. К первой группе он относит—«сосуды вообще весьма высокие, выделанные хорошо на гончарном кругу, хорошей обжиги, красного цвета и хорошего состава глины». «Погребальные урны второго типа»,—читаем мы у В. И. Сизова,—«выделяются прежде всего плохим составом глины и плохой техникой: глина встречается постоянно с большой примесью крупных зерен песка или кварца, заметного не только в изломе, но даже и на поверхности сосудов; при этом обжиг совершается небрежно, так что сосуды отличаются по большей части грязно-серым цветом, а в изломе представляются как бы перегорелыми; обыкновенно такого рода сосуды при малейшем неосторожном давлении распадаются на мелкие куски»....

Приведенная характеристика горшков весьма подходит и к горшкам из «Шолома». Если указать при этом, что формы горшков Гнездовского могильника (см. у В. И. Сизова, указ. соч., стр. 102, 103, рис. 73, 74, 75) совершенно аналогичны «шоломским»,—то мы должны будем отметить второй факт аналогии.

широком месте — 4 снт. (см. рис. 2 в тексте).

Сосудик этот был найден в большом горшке (инв. № 1—3) среди углей и костей.

Крышечка из коллекции *В. В. Егерева* (описана ниже под № 11) не имеет глазури.

Колпачкообразные крышки (или сосуды) с глазурью встречаются в Болгарах.

д) *Крышки*. Плоские крышки для сосудов, к сожалению, в небольших фрагментах обнаружены в траншеях № № 1

Рис. 2.

и 4, при чем та и другая находки представляют собой два разных типа.

1) 4 фрагмента (1 транш. № № инв. 116, 227 229 и 267), найдены на разной глубине. Края плоских крышек. Толщина их 1,1—1,3 снт. У всех у них имеются закрайки, выступающие на 0,3 снт., причем ширина края достигает уже 1,5 и несколько больше снт.

2) Напротив, 2 фрагмента из траншеи № 4 имеют утонченные края. Один из них (инв. № 516) с весьма неровной поверхностью толщиной в 1,4 снт. имеет край неаккуратно обделанный, где утончение не везде удается. Второй фрагмент (инв. № 721) толщиной до 1,6 снт. имеет хорошо закругленный с одной стороны край.

Ряд фрагментов керамики представляют собой несомненно средние части плоских крышек (как напр. 1 транш. Инв. № № 1, 54, 293 и т. д.).

На одном из таких фрагментов (тр 1 инв. № 1) нанесен ряд звездообразных вдавливаниях.¹⁾

В. Напряслица. Всего обнаружено 5 шт. В транш. № 1 (инв. № 254) напряслице найдено несколько выше миниатюрного горшочка. Остальные 4 напряслица найдены в траншее № 2 (инв. № № 88, 89) 2 шт. (и 100). Причем три из них (инв. № 89 и 100) обнаружены среди золы, углей и посуды; здесь же обнаружены сгоревшие желуди.

Все напряслица, как и напряслица из коллекции *В. В. Егерева* (см. выше описание под № 10), совершенно однотипны болгарским с острым. ребром.

5. *Прочие находки* Как уже указывалось, „Шолом“ оказался бедным находками. Перечень их будет весьма коротким и сведется к следующему:

а) янтарная пластинка (3, 4 х 3, 4 снт.), толщиной у верхнего края — 0,9 снт, книзу несколько утонченная (тр. № 1 инв. № 281); у верхнего края — следы откола, повидому того выступа

¹⁾ Среди обнаруженных фрагментов сосудов явные сомнения в принадлежности к древней посуде вызывают фрагменты широкой низкой посуды с ручкой (транш. № 1, инв. № № 44/50. Посуда — высокой, совершенно современной техники и формы.

в котором было отверстие или вообще приспособление для привешивания. Предмет, повидимому, представлял собой амулет.

б) фрагмент черного с блестящей стекловидной поверхностью предмета имевшего, повидимому, круглую форму (медальона); на одной стороне слабо выступает рельеф в виде клетчатки (транш. 11, инв. № 87). Возможно, что это был также амулет.

в) Точильный камень (брусок) из песчаника в виде пластины. Одна поверхность отколота. Длина—7 снт., ширина—2,5 снт. (инв. № 244, траншея № 1).

г) Железное шильце (транш. № 4, на глубине 60 снт.) длиной в 16 снт.

д) О ручном жернове в очаге говорилось выше.

6. *Кости*. Как сказано, костей было обнаружено весьма много. Кости были переданы в Зоологический Кабинет Казанского Университета с просьбой их определить. Определение сводится к следующему: подавляющее количество костного материала составляют кости лошади, затем кости и зубы кабана. Ближайшего определения костям рыб не дано. Указано, что кости принадлежат костистым рыбам. (из них имеются: жесткие лучи грудного плавника, верхн. подвечная, жаберные крышки и т. д.). Встречаются и птичьи кости.

Кроме того во время работ сделаны вырезки (в деревян. ящики) характерных слоев почв, собраны куски дерева, осколков кирпичей и т. д.

IV.

Обзор главнейших материалов раскопок окончен.

Из обзора видно, что исследуемый памятник чрезвычайно оригинален, и в Кам. Волжск. Поволжья подобных памятников отмечено не было.

Пока памятник полностью не исследован, трудно имеющийся скудный материал безошибочно интерпретировать.

Тем не менее вопрос о погребальном ритуале, описанном Ибн-Фадланом, становится еще острее. На ряду с этим возникает другое предположение, которое я и высказал сотрудникам раскопок.

Не представляет ли собой „Шолом“ „старых болгар молище жертвенное?“¹⁾

Языческий культ Кам.-Волжск. Болгарии нам не известен. Автор XVI в. Шереф-Эллин сообщает, что до принятия ислама болгары были огнепоклонниками²⁾.

Неизвестный сочинитель „Истории о Казанском Царстве“ в главе 32 (по Румянцевск. списку) сообщает о наличии языческого прорицалища еще в XVI в.. Он говорит:

¹⁾ См. „История о Казанском Царстве“ в „Полн. Собран. Русск. Летописей“, т. XIX (СПБ, 1903) стр. 317.

²⁾ Перевод у Березина („Булгар на Волге“ Каз. 1853) стр. 78.

..... не в коем улусе Казанском мал градец пуст на бреze вы-соцы Камы реки стоя¹⁾, его Русь именуеt Бесовское градище, в нем же живяще бес, мечты творя от многа лета; и то бе еще ста-рых болгар молище жертвенное. И схожахуся ту людие мнози со всея земли Казанские, варвары и черемиса, мужи и жены, жруще бесу и о полезных себе вопрошаху ту сущих волхв; нерадением ми-нующих его уморяше, не помянувших ему ничто же и плавающих рекою опроверзаше ладия и потопляше в реце-чюдо же и (от Хри-стиан) неких погубляше, — и тем никто же смеяше проехати его, не повергнуши мало что от рухла своего; к вопрошающим ответы неви-димо отдаеше жерцы своими. Приездяху бо (к) нему волхвы и кому же долголетие оказывающе, смерть и здравие, и немощи и убытцы, и на землю их пленение и пагуба и всяку скорбь; и на войну по-шедше жряху ему совопрошающе волхвы, аще з добытком или со-тщетою возвратятца; бес же все проявляше им и прельшае, овог-да и лгаше²⁾.

Если описанное только что „молище жертвенное“ языческ. болгар и связывают с „Чертовым городищем“ близ Елабуги³⁾, то это не исключает возможности наличия и других „жертвенных мо-лищ“, на которых язычники болгары (огнепоклонники — по Шереф-Эддину) возжигали костры и приносили свои молибы, трапезуя пи-щей, сваренной на этих же кострах и разбрасывая порожнюю от пищи и питья посуду. Возможно, впрочем, что связь описанного про-рицалица с „Чертовым Городищем“ близ Елабуги потребует нового пересмотра.

Повидимому, и насыпи, разрытые Стояновым и П. А. Понома-ревым в 1870, 1882 и 1893 г.г. имеют тот же характер жертвен-ных костров, как и в „Шоломе“.

К сожалению, нам неизвестны предметы из городков „Строми-ловского“ и „Царицыной могилы“, среди которых П. А. Понома-рев указывает „массу черепков грубой глиняной посуды“ (указ. соч. стр. 97), при чем П. А. Пономарева поразило наличие на го-родище кургано-образных холмиков, сплошь состоящих из разбитой глиняной посуды.

Поэтому установить какую-либо связь начатого обследованием „Шолома“ с указанными городищами могут только последующие исследования⁴⁾.

¹⁾ По рукописи Публичн. Библиотеки и Московск. Духовн. Академии название реки не упоминается и стоит: „на бреze высоце“.

²⁾ „Полн. собр. Русск. Летоп.“ т. XIX, стр. 317—318 (в данном случае нет на-добности выдерживать орфографию подлинника).

³⁾ Срвн. мою статью „Болгарский город Бряхимов“ (в „Извест. Общ. Арх. Ист. и Этнограф.“ при Каз. Госуд. Ун-те, т. XXXIII вып. I, стр. 140—141).

⁴⁾ П. А. Пономарев древность этих городищ считает сомнительной, видя в них остатки недавних мордовских поселений.

Но высказанные предположения еще не рассеивают полностью мысли о наличии в районе сел. Балымер погребального ритуала по описанию Ибн-Фадлана.

Мы уже отмечали, что раскопки П. А. Пономарева и П. П. Лихачева в 1882 г. в Балымерах дали курган с трупосожжением.

Наконец отмеченные выше факты аналогий в изучении Гнездовского могильника и „Шолома“ необходимо дополнить сведениями В. И. Сизова о „пустых курганах“ (указ. соч. стр. 29 сл.). По дневнику В. И. Сизова из 90 раскопанных в 1896 г. — 32 оказались пустыми, причем в дневниках в таких случаях отмечалось: „слоем серой золы — ничего нет“, или „скопление серой золы — курган пустой“. Иногда в таких „пустых“ курганах попадались угли, черепки посуды. В. И. Сизов по поводу таких курганов замечает (указ. соч. стр. 31: „Нам кажется вероятным, что в честь таких погибших на чужбине жителей этой местности и могли сооружаться подобные так называемые пустые курганы, имевшие не только коммеморативный характер, но и служившие также местом совершения известных обрядов, все-таки погребального характера, которые имели успокоительное нравственное значение для живых, близких ему родственников“.

В связи с этими „пустыми“ курганами в Гнездовском могильнике, конечно, вспоминаются „пустые“ курганы в районе с. Балымеры, раскопанные, как сказано, Стояновым и Пономаревым.

Возможно, что в основе здесь и там мы имеем одно и то же явление, и в таком случае для „Шолома“ намечается известная хронологическая канва, вводящая нас к фактам до-мусульманской Кам.-Волжской Болгарии.

* * *

Заканчивая краткое сообщение о раскопках „Шолома“, я должен сказать, что, конечно, сделанное мной определение назначения памятника я не считаю вполне доказанным.

Для того, чтобы полностью уяснить значение этого памятника, необходимо произвести немедленное и полное его археологическое изучение.

Памятник, как сказано, сильно разрушается; с каждым годом значительная его часть (восточн. и юг. восточная) обрывается в овраг.

Надо надеяться, что средства на раскопки будут отпущены, полное окончание археологических работ даст возможность разгадать истинное значение таинственного, прослоенного (жертвенными) кострами „Шолома“¹⁾.

¹⁾ Предметы, найденные при раскопках, по окончательной их обработке сотрудниками раскопок (студентами Отделения Востоковедения ВПИ) будут переданы в Кабинет Истории Материальной Культуры ВПИ в Центральный Музей Татарстана. Туда же будут переданы документы раскопок: дневники, перечневые записки, планы, обмеры и фотогр. снимки.

Таблица I.

1.

2.

Таблица II.

1.

2.

Казанский художник А. Н. Ракович (1815—1866 г.).^{*)}

Посвящается светлой памяти
выдающегося деятеля Казанского
Университета Н. И. Лобачевского.
(1793—1856 гг.).

Казань в первую половину XIX века не имела выдающихся мастеров кисти, но все же не чужда была интересов искусства.

Местные историки искусства сохранили память о казанских мастерах. Их имена: Лев Крюков, Зиновий Иванов, Рафаил Ступин, Петров, Турин¹⁾, Турнерелли, немец Барду, Ф. Мелентьев, Вл. Щегольков и др.—Я, продолжая их работу, решаюсь напомнить имя еще другого живописца—перспективиста, первой половины XIX в., которому среди указанных художников принадлежит не последнее место,—это Андрей Николаевич Ракович.

Предметом настоящей статьи будет общая сводка литературного и архивного материала Петербургской Академии Художеств и Казанского Университета об А. Н. Раковиче, который жил в Казани с 1841 по 1866 г. и был вторым и последним по порядку университетским художником и учителем живописи и рисования. Не блестящее его дарование, не грандиозность его творческого наследия заставила нас искать его следов в архивах Петербурга и Казани, а единственное желание выявить местного художника—автора небольших „перспективных видов“ старой, ушедшей Казани. Ценен нам Ракович, как свидетель „былой“ Казани, как участник общей культурной работы Университета и как эстет 40—50 годов, не умевший жить и мыслить без искусства до самой смерти. Если работы Турина и Турнерелли дают нам облик Казани 30-х годов, то перспективы Раковича сохранили нам некоторые уголки Казани 40—50 г.г. Вскрыть страничку этой эпохи, обрисовать хотя бы беглым контуром фигуру мастера и на основании немногих сохранившихся его работ попытаться дать оценку его творчества—вот наша задача.

^{*)} В значительно расширенном виде было доложено в О-ве Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете, 21 января 1923 г.

Андрей Николаевич Ракович, родился 29 июля 1815 г.²⁾ Далее архивные материалы не дают никаких сведений ни о его родителях, ни о его детских годах, ибо он уже при первых шагах именуется „воспитанником Коллежского Ассесора Николая Ильина сына Воинова“³⁾. Лишь в двух-трех письмах Раковича 40-х г., хранящихся в Архиве Казанского У-та можно найти беглое указание о матери, к которой он, повидимому, был очень привязан, чем взаимно отвечала и последняя, не раз материально помогая А. Н. в его трудные минуты. Вообще же тайна его происхождения, наверное, останется нераскрытой навсегда.

Находясь на воспитании у Н. И. Воинова, он проживал в городе Житомире, Волынской губернии⁴⁾, и только для поступления в Академию Художеств в 1824 г. прибыл в Петербург; 19 августа Н. И. Воиновым было подано „объявление“ о принятии его в Академию⁵⁾. Из него можно заключить о довольно хорошей подготовке будущего мастера, когда девятилетним ребенком он кроме русской грамоты обучен немецкому и французскому языкам, правилам арифметики и даже рисованию, что по тому времени была вещь довольно редкая. Эта подготовка оказалась нелишней: при приеме в Академию дети были разобраны „по успехам их в требуемых по печатному объявлению званиях“⁶⁾, и в числе первых 19 человек Андрей Ракович был принят и отпущен „до времени в их дома с надписанием на данных им от врачей белых билетах, чтобы явились в Академию 25 числа сего месяца (сентября) для снятия с них мерок на постройку казенного платья и обуви, а 25-го будущего октября для вступления в воспитанники 1-го возраста Академического воспитательного училища“⁷⁾. С этих пор потянулись долгие годы учения и жизни молодого художника в Петербурге. На ряду с ростом духовных и уметвенных сил и увлечений, — не мало наверное было разочарований и тяжелых минут, хотя и было время президентства Алексея Николаевича Оленина (1817—1843 г.), человека, заслуживающего внимания и уважения, но все же дореформенная Академия надолго сохранила все „прелести“ закрытого учебного заведения, с суровыми правилами и требованиями. Не входя в оценку тех методов, которые существовали в Академии, все же приходится отметить то отрадное явление, что, наконец, начальство стало приглядываться к способностям и вкусам воспитанников и, согласно выраженной художественной физиономии начинающего, направлять их в ту или иную специальную отрасль искусства.

В силу такого подхода в деле подготовки будущих мастеров, Академия своим определением от 3 февраля 1831 г.⁸⁾ вновь распределила академистов 1 и 2 степени по художественным классам, и по этому распределению Ракович вместе с Никитиным, Еврейским, Тимофеевым, Бенземаном и Родионовым попал в класс живописи перспективной и пейзажной к профессору М. Н. Воробьеву.

Нелишним здесь будет немного напомнить о маститом профессоре, который в течение сорока лет преподавал в Академии Художеств перспективу, и у него учились не одни живописцы, но и архитекторы⁹⁾. „Все они в большей или меньшей степени обязаны ему руководством, доведением их до правильного развития“¹⁰⁾. „Те из них (ученики), которые образовались в двадцатых и тридцатых годах, отзываются о Воробьеве восторженно, тогда как считавшиеся его учениками в сороковых годах или молчат о нем, или выражают неудовольствие на самое преподавание им перспективы; однако из учеников Воробьева с 1815 г. по 1840 г. вышли лучшие наши перспективисты, не только живописцы, но и архитекторы“¹¹⁾... Молодой Ракович, работая у Воробьева, в мае 1836 г. получает одобрение Совета Академии за „перспективную копию“¹²⁾, и в это же время возбуждается ходатайство о выдаче „билетов для беспрепятственных занятий в Столице“ ученикам: Раковичу, Ломакину и Фурману¹³⁾. Разрешение было получено и в июне было выдано на руки. Начались работы с натуры для конкурса по программе: „написать с натуры вид в окрестностях С.-Петербурга“¹⁴⁾. Ракович остановил свое внимание на одном из интереснейших видов города, а именно на „Виде Полицейского моста“¹⁵⁾—прекраснейшая перспектива, богатые аксессуары—все было налицо. Насколько была разрешена задача автором, совершенно нельзя судить по сухим постановлениям Совета Академии от 24 сентября 1836 г.¹⁶⁾, которым определено: записать в журнал имена удостоенных в сем собрании к получению серебряных медалей второго достоинства, академисты I степени: 1) Андрей Ракович. 2) Александр Беляев. 3) Иван Соловкин.

Определением 28-м того же собрания постановлено: „записать в сей журнал что по представленному Г. Инспектором списку академистов I степени, следующих ныне к выпуску из Академии, по окончании курса учения, назначены аттестаты на звание классных художников“ и среди них Андрей Ракович. Из поданного инспектором Крутовым свидетельства № 164¹⁷⁾ узнаем те предметы и курсы, коим обучался он, а из списка „академистов, назначенных к выпуску в 1836 году с обозначением полученных ими наград по части поведения, наук и художеств“, находим, что казенный академист Ракович Андрей имел: по наукам два, по художеству два, по поведению шесть, итого десять баллов¹⁸⁾.

Закончились долгие годы (с 1824 по 1836 г.) учения Андрея Николаевича Раковича в Академии, и он вступил в жизнь, о первом периоде которой нет совершенно никаких сведений, и мы можем лишь предположить, что молодой художник в это время работал и жил частными заработками в области искусства. 15 июля 1838 г. он поступил в Комитет Городских Сооружений в СПб чертежником; с 13 августа он назначается „архитекторским помощником“, ¹⁹⁾ но,

повидимому, недовольный своим новым положением, А. Н. по прошению уволился с места службы и согласно вызова, опубликованного Департаментом Народного Просвещения 31 мая, поступил в Симбирскую гимназию учителем рисования²⁰). В Симбирске он пробыл недолго: его друзья и особенно попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин помогли ему перейти на ту же должность в Казань во 2-ю гимназию, где он уже с 16 октября 1841 г. и устраивается²¹). В 1843 г. за смертью Л. Д. Крюкова открывается вакансия университетского учителя рисования и живописи. Возбуждается ходатайство Раковичем на занятие вакансии. Идет усиленная переписка с попечителем округа и Советом Университета²²), и, наконец, в предписании в Совет У-та от 5 июня 1843 г. попечитель Казанского учебного округа сообщил: „определяю Раковича учителем рисования Казанского Университета с производством штатного по этой должности жалования с настоящего числа“²³).

Достигнуто прочное служебное положение, начинаются награждения чинами²⁴) и пр., но не забывается и главная основная задача—это работа в области искусства. Кроме своих педагогических обязанностей, не забывает Р. свои художественные искания, и в 1844 г. он занят составлением „Художественного обозрения Казанской губернии“. Работа, повидимому, шла удачно: было составлено девять листов. Успешность работы заставила попечителя Казанского учебного округа донести об этом до сведения Министра Народного Просвещения, а тот представил на „Высочайшее воззрение“, результатом чего явилось награждение А. Н. бриллиантовым перстнем²⁵. С этим же годом связана и другая работа его—это командировка в Москву и Петербург²⁶), чтобы „он в продолжение июля и августа месяцев посетил там все казенные заведения, где обучают рисованию и живописи, узнал способ преподавания и, если признано им будет нужным приобрести для Университета несколько замечательных эстампов и пособий к классу рисования, то поручил войти ко мне с представлением“²⁷), так сообщал попечитель У-ту. Из этой командировки А. Н. вернулся 28 августа и представил обстоятельный отчет²⁸), в котором дал подробную картину всех осмотренных им заведений, начиная с Академии Художеств, хотя она, писал Ракович, и „не может входить в состав тех заведений, на которые преимущественно обращены были наблюдения“, в виду обширности ее заданий. Переходя к университетам, он писал: „курсы рисования в Университетах С.-Петербургском и Московском, при малом числе учащихся, не возбуждают особенного внимания, копирования с оригиналов карандашем, частью рисование с бюстов суть главные занятия, посещающих рисовальные классы“... „я считаю нужным заметить в честь бывшего учителя при Казанском Университете Л. Д. Крюкова, что, несмотря на ограниченные средства, т. е. недостаток хороших оригиналов для

живописи масляными красками, занятия в живописи, шли с успехом, едва ли не превышающими подобные занятия в других университетах". Кроме университетов им осмотрены гимназии, рисовальный класс Технологического Института, Строгоновская школа, Воскресная школа для приходящих и др. Такое сложное поручение: ознакомление со многими учебными заведениями и подробный отчет охарактеризовали А. Н., как вдумчивого, серьезного и интересующегося своим делом человека; поразило и начальство, которое нашло „совершенно удовлетворительным“ исполнение порученных ему заданий.

Кроме своих учебных дел Ракович не оставляет и работу по живописи и теории искусства; так весной 1845 года через Казанский учебный округ он представил в Академию ²⁹⁾ „Краткий опыт линейной перспективы“ на рассмотрение, „может ли такая книга быть одобрена и вполне достигает ли своей цели“, ибо он изъявлял желание, чтобы составленный им опыт черчения был принят в руководство для учебных заведений. Этот курс, ранее одобренный Московским Цензурным Комитетом, вновь был передан на разбор на этот раз профессору архитектуры Александру Брюллову ³⁰⁾, который по поводу ее снесся рапортом в Совет Академии, найдя, что „книга для руководства требует более отчетливости в исполнении“ ³¹⁾; о таком отзыве было сообщено управляющему Казанским учебным округом ³²⁾. Компетентный ответ А. Брюллова, повидимому, побудил Р. исправить небольшие недочеты своего курса, ибо в дальнейшем мы имеем указание на печатный его труд „Краткое руководство к линейному черчению“ ³³⁾.

В этом же году при посещении Казани и Университета герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (Президентом Академии Художеств), через управляющего учебным округом Н. И. Лобачевского была представлена картина „Собор Св. Петра и Павла в Казани“, написанная А. Н. Раковичем. Картина удостоилась одобрения и была принята, а художник за такой труд награжден бриллиантовым перстнем ³⁴⁾. Эта же картина сыграла большую роль в жизни художника: будучи привезена г. Лейхтенбергским в Петербург, она послужила для Академии показателем степени творческой зрелости художника, ибо Академия в предварительном своем заседании 13 ноября 1845 г. постановила его „возвести в звание академика“ ³⁵⁾ и представить на утверждение Публичного Собрания 18 ноября. Извещение об избрании было получено в декабре, а за ним последовал и диплом на звание академика ³⁶⁾. Не оставляя работу по теории искусства, Ракович в начале 1847 г. снова представил картину, изображающую „Внутреннюю площадь Гостинного Двора в Казани, известную под названием Толчка, с упраздненной церковью Св. Николая Гостинного“ ³⁷⁾. Картина эта, пройдя этапы через попечителя Казанского учебного округа, Министра Народного Просвещения графа Уварова, Президента Академии

Художеств, Министра Имп. Двора и, наконец, самого Государя, предварительно, одобренная Президентом, который еще ранее (в 1845 г.) оценил труды Раковича в таких словах: „в бытность мою в Казани, в проезде на Уральские горные заводы, обратили мое особенное внимание представленные картины по перспективной живописи служащего в Казанском Университете учителем рисования художника Андрея Раковича“ ³⁸), — картина возымела успех: Государь изъяснил желание приобрести ее; началась переписка о выяснении цены, и только извещением от 12 марта т. г. сообщено, что „Его Величество, изъяснив соизволение на покупку картины, Высочайше повелел заплатить за оную сто семьдесят два рубля серебром“ ³⁹).

С 1 марта 1848 г. А. Н., не оставляя У-та, определен учителем рисования в Казанский Родионовский Институт ⁴⁰), но здесь он пробыл не долго: с 10 ноября 1849 г., согласно прошения, был уволен от занимаемой должности ⁴¹); повидимому, излишняя работа утомляла болезненного художника, и он старался иметь меньше забот, а в 1854 году даже совсем решил покинуть Казанский Университет по болезненному своему состоянию ⁴²). Получив еще в мае 1853 г. отпуск, Ракович пролежал больным несколько месяцев в Москве, затем переехал в Петербург, где получил дополнительный отпуск; возвратясь снова в Москву, он находился опять в болезненном состоянии (одержим был ревматическими болями рук и ног), что и заставило его ходатайствовать об увольнении от занимаемой должности ⁴³). Пока его дело находилось в производстве, полученное им облегчение от болезни и желание продолжать службу в Казанском У-те заставило снова ходатайствовать А. Н. об оставлении его на ранее занимаемой службе ⁴⁴). В виду предполагаемой вакансии были выдвинуты кандидаты ⁴⁵): Лука Бателли, Н. Огородников, академик Ершов, художник Свешников и Юнг; пришел даже приказ об увольнении Р., но видимо у него было много защитников и друзей в У-те, ибо снова, несмотря на это, — было возбуждено ходатайство, окончившееся новым приказом об определении его ⁴⁷).

Следующие годы, повидимому, шли сравнительно спокойно. Шла внутренняя работа. Результаты его живописных исканий мы можем проследить, напр., на выставке в Академии Художеств за 1860-1861 г. ⁴⁸), где им была выставлена картина: „Вид церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Коломенском близ Москвы“ (тут наверное вкралась ошибка: или это была церковь в с. Дьякове под Москвой, ибо в с. Коломенском — церковь Вознесения, или Казанский храм? но, не видя этой картины, говорить нельзя). В этом же году им возбуждено было ходатайство в историко-филологическом факультете о разрешении прочесть публичную лекцию под названием: „Отрывок из очерков золотого века искусств и опыт биографии Микель Анджело“ ⁴⁹). Представленная рукопись была по поручению декана факультета рас-

А. Н. Ракович.

Собр. Б. П. Денике. Москва.

Казань. Кремль.

А. Н. Ракович.

Собр. Исторического Музея в Москве.

Казань. Кремль.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Краеведческой
и музейной работы

смотрена профессором Н. Буличем, который сообщил, что „сочинение Раковича, по достоинству содержания и изложения может быть удобно читано публично“⁵⁰). Переписка по этому вопросу закончилась разрешением Министра Народного Просвещения—„публично прочесть“⁵¹). Эту лекцию следует считать вводной работой Раковича в области популяризации искусства, но речь об этом будет впереди.

В 1862 г. он был определен учителем рисования в Казанское Мариинское женское первого разряда училище⁵²), но вот наступил тяжелый для него 1863 год. В этот год был введен новый общий устав Российских Университетов и штаты, в силу коего уничтожались должности преподавателей рисования, а представители их увольнялись за штат, и Андрей Николаевич Ракович, поступивший в У-т в 1843 г. и в течение двадцати лет отдававший не мало трудов родному делу, определением Правления 4 сентября был уволен, и единственным вознаграждением за его труды была произведена выдача жалования за год⁵³). Ходатайство о награждении пенсией его, прослужившего по народному образованию свыше двадцати пяти лет, по каким-то бюрократическим соображениям было отклонено⁵⁴). Приходилось художнику искать новой работы: уроков, заказов и проч. Но даже и это наступившее тяжелое положение не могло охладить его работу в любимой области. Начатая еще давно работа по истории искусств теперь была закончена и представлена в Академию на рассмотрение вместе с письмом, от 14 февраля,⁵⁵) где он писал: „чувствуя, что я далеко отстал, чтоб с пользой заниматься искусством, я желаю посвятить свои труды на косвенную пользу им и эта книга послужит тому началом“. Этот труд был перевод с французского Шарль Клемана, содержавшего биографии: Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микель Анджело с приложением обзора искусств до начала XVI в. Причина, которая заставила перевести эту работу,—отсутствие художественной литературы в России, столь необходимой для молодых художников. Представляя свой труд, Р. просил оказать помощь по изданию книги, ибо его материальное положение в данное время было очень неважное. Неотзывчивая и чиновная, как всегда, Академия ответила, „что в книге этой, к сожалению, портреты исполнены весьма слабо и отнимают все достоинства книги“⁵⁶).

Насколько глубоко и тонко переживал свой труд А. Н. Ракович, мы можем заключить из предисловия к указанной книге, напечатанной в 1863 г. в Казани⁵⁷). Выбор самого материала, взгляд и методологический подход Р. в этой работе нарисовали нам его личность, как глубоко культурного человека, искренно любившего искусство и трудившегося всю жизнь на пользу его.

Автор его некролога в „Иллюстрированной Газете“ за 1866 г. отмечает разносторонность его в художественных работах и добавляет,

что А. Н. Ракович был устроителем (едва ли не первой) художественной выставки в Казани, которая принесла ему массу хлопот по тому времени.

Не суждено было ему продолжить задуманные работы, ибо 28 марта 1866 г. он умер, простудившись во время пасхальных праздников. Без того слабое здоровье было подточено, и простуда, явившаяся неожиданно, была лишь последним толчком, ускорившим его смерть.

Похоронен он на Арском кладбище,⁵⁸⁾ но местонахождение его могилы неизвестно.

Так закончилась жизнь человека, не имевшего ни близких родительских ласк в детстве, ни близких людей при смерти и жившего лишь интересами искусства...

Художественное наследие Андрея Николаевича Раковича очень невелико. Кроме упомянутых выше работ 1836, 1844, 1845, 1847 и 1861 г.г., которые нам не удалось разыскать в Петербурге и которые известны лишь по архивным материалам,—являются основным ядром его зрелых творческих переживаний, ибо следующие работы, найденные нами, являются более поздними и характерны, как альбомные небольшие этюды. Исключение из этого составляют всего четыре полотна масляными красками.

В 1845 г., как нами уже сообщалось выше, А. Н. Раковичем была представлена картина „Собор Св. Петра и Павла в Казани“ г. М. Лейхтенбергскому, аналогичным полотном и, по всей вероятности, даже подготовительным к упомянутой картине является вид того же собора, находящийся в Казанском музее. Изображает он знакомый нам храм со стороны Гостиннодворской улицы. Первый план открывается лавками, разбросанными у подножья его. В самом здании храма, повидимому, не закончен был ремонт: не обложен штукатуркой низ и пристрой западной стороны. По фактуре, стилю и общему техническому подходу чувствуется характер работ А. Н. Раковича, хотя вещь эта, приобретенная в 1920 г., и не имеет подписи автора. Сделана она жидкой краской, довольно свободной техникой и дает общее приятное впечатление, хотя и нельзя ее считать вполне законченной.

Следующей по времени работой является „Памятный листок к 300-летию Казани“ (1552—1852 г.)—литография в три камня. Он представляет в центре — памятнику военным и 12 медальонов с выдающимися старинными зданиями города. Незатейливый орнамент, мелкие рисунки—все характеризует эту вещь, как производственную и ничего не прибавляющую к мастерству художника.

„Раифа“ (1855 г.)—рисунок карандашом на меловой бумаге. Светлые места процарапаны иглой, небо расцвечено с накатом в

светло-голубой тон. Внизу, на левой стороне, надпись: „Раифа А. Я. (монограммно) 1855“. На обороте чернилами — „Сия картина принадлежит Раисе Денисовне Могилатовой мая 27“. Изображен вид на монастырь из-за озера. На первом плане очень смело, импрессионистически сделано дерево.

Другой работой этого же года является полотно Картинной Галереи в Киеве (№ 1569), описание которой любезно дано директором ее А. С. Дахнович. Представлена внутренняя площадь Казанского Кремля: в центре башня Сумбеки, справа б. губернаторский дворец (ныне Ц. И. К. и С. Н. К. Т. С. С. Р.), слева б. архиерейский дом (ныне Т. Н. К. Пр.), позади которого виден Кафедральный собор с колокольней. На заднем плане р. Казанка во время разлива, с приближенными окрестностями и слободами. Около башни религиозная процессия, среди которой выделяется группа священнослужителей. На первом плане проходят стена Кремля. Линия горизонта проходит посредине картины. Тщательная, несколько мелочная манера письма, графического характера. Краски производят впечатление недостаточно-гармоничных. Внизу, ближе к левому краю картины, обычная монограмма художника „А. Я.“ и дата „1855“.

В собрании Б. П. Денике (в Москве) имеется интересная акварель в овале. Впервые была она на выставке в Казани в 1916 г. На ней изображен тот же вид, что и в предыдущей работе, но только с более детальной разработкой и мелочностью. Тот же пониженный горизонт, что заставляет предположить, что рисунок сделан с колокольни женского монастыря. Отсутствует только деталь: — процессия. Перспективно-панорамный подход заставил автора предметы второго и следующих планов приблизить к зрителю, и поэтому топографическая точность расположения нарушена; так вправо, вдали от башни Сумбеки, открывается вид на Зилантовский монастырь, а влево, между собором и колокольней, виднеется памятник убиенным воинам. Архитектурный облик первого плана схвачен вполне; правда, местами художник грешит в перспективе. Колорит тускло-бледный. Внизу посредине монограмма и дата „1856 г.“ Эта акварель была снова повторена художником в масле в 1863 г. и пунктуально сохранила то же расположение, но только линия горизонта была несколько повышена. Единственное различие — это присутствие густой зелени перед архитектурными памятниками, что явно доказывает более позднюю дату создания. Полотно это принадлежит Казанскому музею и отличается от акварели своей излишней сухостью и погрешностями в перспективе, являясь работой художника на закате его жизни. Картина имеет в левом углу, внизу, монограмму и надпись „А. Я. 1863. Казань“.

1858 годом помечена небольшая акварель, в круге, изображающая „Вид на казанский женский монастырь“. На центральном

месте летний храм монастыря с южным и западным портиками. Контур прорисован свинцовым карандашом; светлые места процарапаны по слою меловой бумаги. Небо обработано с накатом: сверху голубой тон, внизу впадающий в розоватый. Деревья покрыты легким тоном акварели и густо прорисованы карандашом. Внизу, вне рисунка, монограмма и дата „1858 г.“.

В отделении иконографии Государственного Исторического Музея в Москве (из б. собрания П. И. Щукина) имеется работа Раковича, изображающая вид на Казань в разлив из-за слободы; в правой стороне памятник убиенным воинам, в левой слобода с приходской церковью, а вдали, вдоль всей картивы вид Кремля и Казани. Серое облачное небо, сгущенный воздух и лишь редкое поблескивание глав церквей и белых пятен зданий—оживляют настроение пейзажа перед дождем. Первый план имеет живописную группу из двух домиков, деревьев и мачт речных судов; влево на возвышении фигура одинокого странника. Написана картина в обычной манере, жидкой краской, легким, едва заметными мазочками. Внизу, в правом углу, подпись: „Ракович Казань. 1861“. Эта вещь является безусловно одной из привлекательнейших работ разбираемого художника, она вся пропитана характерной манерой перспективистов первой половины XIX в.

Три портрета (литографированные у А. Петерсена), приложенные к переводу Ш. Клемана, являются репродукциями с какого-либо образца, носят характер набросков и дают впечатление об изображенном лице, но точное сходство отсутствует. Из работ недатированных следует отметить две небольшие акварели (б. собр. М. И. Попаткина †) „Вид с Услона“,—изображен горный берег Волги с церковью с. Услона. Внизу расстилается река, а вдали легким силуэтом выделяется Казань. Техника та же, что и на прочих работах. В контуре небольшие перспективные погрешности. Внизу монограмма художника. Другая акварель—„Вид с Подлужной улицы“. Даль обработана в красноватых тонах. Первый план—зелень. Внизу монограмма. Обе эти вещи были на выставке 1916 г.

„Перспектива Булака“ из собрания пишущего эти строки. Серые тона домов, перемежающиеся зеленью садов, и красочные пятна крыш. Небо легко окрашено и местами проскоблено. Первый план открывается широкой мостовой и тротуарами левой стороны Булака.

Этим кратким перечнем и исчерпывается все наследие мастера, собранное нами в Казани, Киеве и Москве. Поиски в Петербурге не привели к результатам, хотя есть литературные указания³⁹⁾, что его работы были в быв. Царскосельском дворце и в б. дворце в. к. Марии Николаевны. Остается еще одно место, где могут быть его работы—это Симбирск (Ульяновск), но пока и там поиски не увенча-

лись успехом. Есть предположения, что кой—какие работы могут быть найдены и в Казанском Университете. Будем ждать счастливого случая открытия новых „перспектив Казани“, а таковых должно быть много; в том порукой служит трудолюбие и усидчивость покойного художника, безусловно любившего и привязанного в Казани. Имеются литературные указания, что А. Н. Раковичем были сделаны зарисовки на Волге: „Макарьевская пустынь“ (близ г. Свияжска), „Сюкеевские пещеры“ (близ г. Тетюш), „Окрестности Усолья“, „Развалины Болгар“,—последние отмечены как лучшие рисунки памятников по тому времени, еще С. Шпилевским⁶⁶). В бытность в Москве Раковичем зарисованы: „Сухарева башня“, „Собор Василия Блаженного“, „Кремлевские стены“ и „Церковь в Александровской слободе“.

На основании разбора столь малочисленных произведений и при том гл. обр. небольших акварелей трудно представить творческий облик мастера; при том нельзя сопоставить их по периодам, ибо между ними проходят большие интервалы. О росте и начале упадка творческих сил Раковича трудно сказать что—либо определенное, но все же, на основании этих немногих вещей, можем отметить некоторые типические черты техники его произведений.

- 1) Рассмотренные работы исполнялись главным образом на меловой бумаге (*papier pelle*).
- 2) Светлые блики в рисунках достигались проскабливанием иглой и ножом.
- 3) Контур прорабатывался свинцовым карандашом, местами довольно густо.
- 4) Рисунок суховат, мелочный, обличающий знакомство с архитектурой.
- 5) Доминирующая красочная гамма: голубоватые тона и комбинации желтых и синих.
- 6) Типичная обработка неба с постепенным переходом основного голубого тона в желто-палевый,—чем достигалась значительная прозрачность и воздушность.
- 7) Любовь к пониженному горизонту. Наброски делались с возвышенных пунктов.
- 8) Перспективно-панорамный подход во многих работах.
- 9) Работы в масле выполнялись жидкой краской, в которой отсутствуют чистые тона.
- 10) Типичная подпись художника—это монограмма из двух букв „AR“ и часто с датой.

Все перечисленные черты сближают А. Н. Раковича с художниками - реалистами его времени и гл. обр. Воробьевской школы. Ближе всего его творчество, судя по этим работам, можно сравнить с красочными работами В. Тимма (см. в Русском Музее), но, конечно, нет у Раковича той изумительной техники рисунка, которой обладал последний.

Будущими находками может быть дан правильный критерий к оценке не богатого, но вдумчивого творчества А. Н. Раковича, а пока эти строки носят эскизный характер.

Казань. 1923 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) П. Дульский. Василий Турин. Казанский художник начала XIX вв. Казань. 1916 г.

2) Свидетельство № 29 от 11 августа 1824 г., находящееся в деле Академии Художеств за № 112—1824 г.

3) Там же.

4) Архив Академии Художеств, дело № 112—1824 г., лист 5.

5) Там же.

6) Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. С.П.Б. 1865 г. Т. II, стр. 197.

7) Там же, стр. 198.

8) Там же, стр. 258.

9) П. Н. Петров. М. Н. Воробьев и его школа. Стр. 279.

10) Там же, стр. 279.

11) Там же, стр. 294.

12) Сборник материалов. Т. II, стр. 333.

13) Архив Академии Художеств, дело № 64, 1836 г., листы 1—3.

14) Там же. Журнал предварительного собрания Совета 1836 г. 24 сентября, определение 20.

15) П. Н. Петров. Стр. 327.

16) Архив Академии Художеств (см. п. 14).

17) Там же, дело № 61—1836 г., лист 1.

18) Там же, дело № 61—1836 г., листы 15 и 16.

19) Архив Казанского Университета, дело № 44—1843 г., лист 4.

20) Там же, лист 4.

21) Там же.

22) Там же, листы 1—13.

23) Там же, лист 6.

24) Там же, дело № 22—1844 г., листы 1—3.

25) Там же, дело № 50—1844 г., листы 1—2.

26) Там же, дело № 54—1844 г., листы 1—2.

27) Там же.

28) Там же, листы 3—8.

29) Архив Академии Художеств, дело № 82—1845 г., лист

30) Там же, дело № 82—1845 г., лист 2.

31) Там же, лист 3.

32) Там же, листы 4—5.

- 33) Архив Казанского Университета, дело № 69—1863 г., лист 10.
34) Там же, дело № 88—1845 г., листы 1—2.
35) Сборник материалов. Т. III, стр. 41.
36) Архив Казанского У-та, дело № 6—1846 г., листы 1—6.
37) Архив Академии Художеств, дело № 23—1847 г., листы 1—4, 6—7 и 9—12.
38) Там же, лист 4.
39) Там же, лист 12.
40) Архив Казанского У-та, дело № 26—1848 г., листы 1—6.
41) Там же, дело № 79—1849 г., листы 1—2.
42) Там же, дело № 14—1854 г., лист 1.
43) Там же, листы 1—6.
44) Там же, лист 16.
45) Там же, листы 7—15.
46) Там же, лист 18.
47) Там же, листы 17, и 19—23.
48) Указатель художественных произведений, выставленных в залах Имп. Академии Художеств за 1860—1861 г. СПб. 1860 г., стр. 9.
49) Архив Казанского У-та, дело № 27—1861 г., лист 1.
50) Там же.
51) Там же, листы 2—5.
52) Там же, дело № 69—1863 г., лист 10.
53) Там же, дело № 55а—1863 г. и 45—1863 г.
54) Там же, дело № 69—1863 г., лист 17.
55) Архив Академии Художеств, дело № 41—1864 г., листы 1—2.
56) Там же, лист 3.
57) Шарль Клеман. Леонардо да Винчи. Рафаэль, Микель Анджело. С обзорением искусств в Италии. Перевод с французского А. Раковича. Казань—1863 г. Стр. 1—III.
58) „Русские Ведомости“ 1866 г. № 46, стр. 6, и Н. Агафонов. Казань и казанцы. I. Казань. 1906 г. Стр. 97.
59) „Иллюстрированная Газета“ 1866 г. № 19.
60) С. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. 1877. Казань.

Список работ А. Н. Раковича *).

1836 г.

Перспективная копия.

Академия.

Вид на Полицейский мост в СПб.

То же.

1844 г.

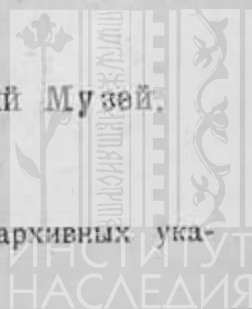
Рисунки к „Художественному Местонахождение неизвестно.
обозрению Казанской губернии“.

1845 г.

Казань. Собор Св. Петра и Пав-
ла. 68×57 см.

Казань. Центральный Музей.

*) Составлен на основании найденных работ, литературных и архивных указаний.

- Казань. То же. Приобр. г. М. Лейхтенбергским.
1847 г.
- „ Вид Толчка с ц. Нико- Приобр. б. Государем.
лы Гостинного.
1852 г.
- „ Памятный листок к 300- Казань. Центральный Музей.
летию. 60×42 см.
1855 г.
- „ Раифа. 17×14 см. Казань. Собр. П. Т. Сенникова.
„ Кремль. 101×150 см. Киев. Картинная Галерея.
1856 г.
- „ Кремль. Овал. 25×36 см. Москва. Собр. Б. П. Денике.
1858 г.
- „ Вид на женский монастырь. Казань. Собр. П. Т. Сенникова.
Круг 22 см.
1861 г.
- Церковь Иоанна Предтечи в с. Коломенском (?). Местонахождение неизвестно.
- Казань. Вид на Кремль с Поро- Москва. Гос. Исторический Музей
ховой слободы. $37,3 \times 53$ см.
1863 г.
- „ Кремль. 137×213 см. Казань. Центральный Музей.
Портреры: М. Анджели, Рафаэля и
Леонардо да Винчи, литографиро-
ванные у А. Петерсена.
- Неизвестные даты:
- Казань. Вид с Услона. Круг. 15 см. Казань. Собр. М. И. Лопаткина.
„ „ с Подлужной. „ „
 $14 \times 22,2$ см.
- „ Перспектива Булака. „ Собр. П. Е. Корнилова.
 $14,5 \times 22,5$ см.
- Москва. Сухарева башня. Местонахождение неизвестно.
„ Собор Василия Блаженного. „
„ Кремлевские стены. „
„ Церковь в Александров- „
ской слободе.

БИБЛИОГРАФИЯ.

- Обозрение преподаваний в Императорском Казанском Университете на 1844—1845 учебный год. Казань. 1844 г.
- Указатель художественных произведений выставленных в залах Императорской Академии Художеств за 1860—1861 г. С.П.Б. 1860, стр. 9.
- Ш. Клеман. Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микель Анджело. С обозрением искусств в Италии до начала XVI столетия. Перевод с французского, А. Раковича. С тремя очерками портретов. Казань. 1863 г., стр. 1—III.
- Сборник материалов для истории [С.-Петербургской Академии Художеств, за сто лет ее существования. С.П.Б. 1865 г., т. II, стр. 197, 258, 333, 345—346.
- Русские Ведомости, год III, № 46, 21 апреля 1866 г., стр. 6.
- Сборник материалов для истории С.-Петербургской Академии Художеств. С.П.Б. 1866 г., т. III, стр. 34—35, 41 и 442.
- Казанские Губернские Ведомости, № 16—1866 г.
- Иллюстрированная Газета. 1866 г. № 19.
- Казанский Календарь на 1869 год. Казань. 1868 г., стр. 52—53.
- Историческая записка о второй Казанской гимназии. По поручению Педагогического Совета составил преподаватель Пурфирий Гвоздев. Казань. 1876 г. стр. 341—342.
- А. Е. Юндов. Указатель к Сборнику материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. С.П.Б. 1887 г., стр. 182.
- Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. 62. С.П.Б. 1888 г., стр. 20.
- П. Н. Петров. М. Н. Воробьев и его школа. „Вестник изящных искусств“ изд. при Имп. Академии Художеств, т. VI, 1888 г., вып. 4, стр. 279—333.
- Н. П. Загоскин. Деятели Императорского Казанского Университета. 1805—1900. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского Университета за первое 95—летие его существования. Казань. 1900, стр. 28.
- Преподаватели, учившиеся и служившие в Императ. Казанском Университете (1804—1904 г.г.). Материалы для истории Университета, ч. I. Собрал А. Н. Михайловский. Казань. 1901 г.
- За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского Университета (1804—1904). Ч. II, под ред. Н. П. Загоскина. Казань. 1904, стр. 387—388.
- История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Н. П. Загоскина. Казань.
- Николай Агафонов. Казань и казанцы. I. „Казанский некрополь. 1794—1894“. Казань. 1906, стр. 97.
- Русский биографический словарь. С.П.Б. 1910 г. (Пришвиц-Рейс), стр. 475—476.
- С. Н. Кандаков. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств, стр. 164.
- Выставка картин: „Художественные сокровища Казани“. Петроград. 1916, стр. 18, 22. (Здесь ошибочно приписана Раковичу работа Ив. Белоногова (?), под № 154).
- Б. П. Денике. Л. Д. Крюков—первый казанский университетский живописец. Казань. 1916 г., стр. 12.
- Каталог выставки картин: „Художественные сокровища Казани“. Казань. 1916 г., стр. 20, 23—24.
- Первая Государственная выставка искусств и науки в Казани. Казань. 1920, стр. 26.

ПРИЛОЖЕНИЕ.*)

Адрес мой в Симбирск в Покровской
улице в доме Яков А. Н. Раковичу.

Симбирск 2 Января 1840.

Степан Иванович!

Письмо ваше от 15 декабря (нет не письмо, записку и не записку а,—не знаю как назвать) получил 28 Декабря. В этот же день я получил письмо и от матушки вот прежде всего несколько строк из одного:— „третий (это о кредиторах моих) Варвары Ивановны братец с векселем, представь себе как это меня поразило, более чем твой выезд из Петербурга все твоё положение в Петербурге, которое ты скрывал открылось. Еслиб я имела состояние то разумеется все бы покрывала но не имею средств мой милый. Только могу молить Бога чтоб он исправил тебя и помог тебе... Прошу тебя пиши к братцу В. И. извинись перед ним како знаешь и проси Его чтоб он не представлял вексели ко взысканию, советую также написать Варваре Ивановне и извиниться перед ними“. Степан Иванович вы видите теперь что вероятно пред родною матерью я виноват более, точно я убежал из Петербурга весьма романически, неужели вы полагали что я убежал от вас Поверьте мне что если я имел в голове воспользоваться вашим добродушием, я мог бы не держать своего слова будучи в Петербурге будучи при вас, видя вас ежедневно, быть друзьями и обманывать вас следственно обязанность моя в отношении вас, если уничтожается во отношении честности и верного слова то все же она связана также законами общества, хотя бы я был, не только за 1500 верст, за 5000.

*) Выше текстуально приведено одно из четырех писем А. Н. Раковича, находящихся в деле попечителя Казанского округа за 1843 год, под № 180 (листы 8 и 14), как очень характерное, вскрывающее страницы из ранней эпохи жизни художника, полные еще юношеской романтики и приключений. Беззаботность,—эта черта не глядеть вперед, не думать о завтрашнем дне (беспечность богемы),—навсегда, повидимому, сохранилась у нашего мастера. Это же подтверждают и нелишенные бытового колорита воспоминания † проф. Д. А. Корсакова, переданные нам проф. Б. П. Денике (которому приношу благодарность за сообщение, советы и дружеское пожелание видеть мою работу в печати). Воспоминания относятся к закату жизни нашего художника, когда Д. А. Корсакову было около 20 лет. Встречал он А. Н. Раковича у Могилатовых (см. пометку на обороте его работы—„Раифа“). Он указывает, что тот был очень малого роста, весьма толстый, любивший посещать Дворянский Клуб (членом коего он и состоял), сыграть там на бильярде, а также сытно и вкусно „поест“ (не даром словолюбивые современники говорили, что А. Н. все свое жалованье проедал на свежую икру, которой был страстный любитель). Этот бытовой факт дает нам указание на близость Р. и к б. дворянским кругам Казани, что позволяет нам сделать предположение о принадлежности его карандашу альбомных набросков (из собрания пишущего эти строки) с видных казанцев эпохи 1847 г. (17 портретов), помечанных лишь знакомой буквой „А“. Наше смелое, но все же достаточно обоснованное предположение требует еще детального изучения набросков и выяснения их персонажей (ибо только три из них определены надписями), что выходит за рамки настоящей работы, знакомящей читателей с основными работами А. Н. в области перспективы.

Вы не поверите как я обрадовался, получив вашу записку и еще не распечатывая ее—и вдруг горько разочаровался—увидев чуть не предписание на исполнение моей обязанности.—Степан Иванович видя предложение ваше быть старыми друзьями я чувствую что найду еще в вас не собственно: неумолимого кредитора, но и человека который сочувствует в горесте других. Не стану распространяться ибо это пове-
ло бы меня слишком далеко,—скажу что последнее время моего пребы-
вания в Петербурге было самое критическое, чему я сам был виноват почти один; положение свое я прикрывал маскою притворства, разу-
меется надеясь щастливо выпутаться из хлопот, чтоб более всего меня связало, неизвестно никому, кроме меня и Бога и останется тайною.—
Но все таки я замирал себя и кончил поприще свое тем что скрылся ночью на легке из Петербурга. В то время я ни о чем не думал и за-
путавшись в сетях своих обстоятельств нетолько что забыл всех близ-
ких моему сердцу, связанными со мной узами дружбы, особ, достойных
моего уважения всех, даже родную мать свою и думал только о том
чтоб быть скорее долею от Петербурга.—Поверьте что тут действовал
не страх кредиторов, нет чувство безнадежного отчаяния, смешанного
еще с чертою.. неприносящею мне чести... Имел 40 рублей в кармане
я по неопытности в путешествии остался без копейки на половине до-
роги до—вы подумаете до Симбирска нет до Новгорода.—Здесь без денег,
без случая, без знакомых, я можно сказать сел как рак на мели и си-
дел я у моря и ждал погоды.—Но материнское сердце мягче воску и
матушка прислала мне 200 рублей омоченных слезами горести и отчая-
нием о моем поступке.—Оставил половину в Новгороде я двинулся да-
лее и доехал до Москвы.—Согласитесь что не имел понятия об этом
городе: сердце России нельзя было проехать мимо и я опять остановился, да и
должен был это сделать, ибо карман опять начал пустеть. Здесь нашел
я в руках знакомых мне людей еще 300 руб. присланные мне матуш-
кой и прожив неделю отправился далее и так выехав из Петербурга
3 сентября я приехал в Симбирск не ранее 18 октября. Претерпев в
дороге, нужду, болезнь, горести неудачи я до сих пор, немогу еще
прийти в себя, думал об вас, обо всех, не решал еще не смог об'явить-
ся собственно, по чувству раскаяния и стыда.—Виноват я отстал от
главного предмета от обязанности моей к вам быть может я не должен
бы был так распространяться о своих нещастиях, но у кого что болит
тот о том и говорит.

Степан Иванович—я очень помню свою обязанность к вам, ибо
она у меня лежит тяжелым камнем на сердце, если вы допустите что
у меня есть сердце, но до сих пор не мог привести в исполнение, и дол-
жен сказать откровенно что к назначенному сроку всего исполнить не
в состоянии, но употреблю все меры чтоб показать вам мою обязан-
ность и благодарность за ваш великодушный поступок, употребленный
мною во зло.—

Матушка пишет чтоб я писал Варваре Ивановне, прошу вас быть
посредником ибо я на первый раз писать сам не смею так чувствую
себя виноватым в глазах Василия Дмитриевича и Варвары Ивановны,
ибо после матушки у меня Ей Богу не было особ которых бы я почи-
тал более всех и за все ласки, за все внимание их ко мне заплатил чер-
ною неблагодарностью. Если они будут великодушны и простят меня
то я почту за щастие извиниться перед ними письменно.—Еще раз
повторяю мою прозбу попросите за меня—если только вы сами будете

ко мне снисходительны, в противном случае не имею утруждать вас, и предаю вам себя в полное ваше распоряжение. Весьма меня интересует новый переворот в жизни Василия Васильевича, ему менее всех можно на меня сердиться, если я буду так щастлив что получу что-нибудь в ответ на мое письмо, то очень бы он меня обрадовал, если бы написал мне что-нибудь о себе . . . . . (неразборчиво) что адрес на записке его руки.

Степан Иванович прошу вас, будьте снисходительны к моей обязанности, но ко мне собственно забудьте неудовольствие которое я сделал не вам одним, а всем знавшим меня в Петербурге, порадуйте словами человека который и то уже жестоко наказан за свое неблагоприятие.

С нетерпением и неясною надеждою жду ответа А. Рако(вич).

Ивану Васильевичу мой радужный поклон.

А. А. Наумова в общественных мотивах ее творчества.

Казанская поэтесса Анна Александровна Наумова принадлежит к числу забытых русских писательниц. Только записные библиофилы и библиографы знают книжку её стихотворений „Уединенная Муза, казанских берегов“, вышедшую в 1819 году. Эти первые слабые стихотворные опыты, посвященные изложению в большинстве случаев личных переживаний поэтессы, не могли, конечно, гарантировать её от забвения в потомстве.

Но дошедшие до нас рукописи ненапечатанных её произведений, относящиеся к 20—30 г.г. девятнадцатого века, изобличают в ней человека, который или непосредственно принимал участие в вопросах общественности (как связь её с декабристами), или ревниво следил за ходом общественной жизни и общественно-политической мысли и реагировал на них своими произведениями. Живая непосредственная актуальная связь её с жизнью русского общества вообще, и Казанского в частности, заставляют нас отряхнуть „пыль веков“ с её писаний и напомнить о ней, а равно и о её „писаниях“ и любителю русской словесности и историку общественной мысли и жизни. Наперекор создавшемуся представлению о русской женщине начала 19 в. по образам Грибоедовской Софьи Павловны и Пушкинских Татьяны и Ольги Мариних, как о существе, всецело занятом собой и устройством своего „семейного круга“, мы увидим в лице А. А. Наумовой образец женщины—борца за вопросы общественно политическое, женщины, которая идет с „веками наравне“.

Биографических сведений о Наумовой сохранилось мало¹⁾. В значительной степени сведения эти восполняются её собственными произведениями. На основании её личных признаний строим мы её биографический очерк, далеко, впрочем, неполный²⁾.

А. А. Наумова родилась в небогатой помещичьей семье в сельце Зюзине, в Лаишевском уезде Казанской г. Время ее рождения можно предположительно относить к 1787 году; т. как в послании

„Нестройные звуки разлаженной лиры отставной робкой музыки Святого Ключа³⁾“, написанном в июле месяце 1819 г., она говорит о себе, что ей теперь 32 года.

Жизнь встретила поэтессу крайне сурово. Отца похитила смерть до её рождения. Природа также не была к ней щедра:

„Лица приятность отказала;
Смешной фигурой наказала“...

и, словом, „определила“ её „не бабочкой летать“;

„Талантами не наделила,
Чтоб ими в обществе блистать“⁴⁾.

Несчастное падение с верховой лошади во время прогулки, происшедшее 20 июля 1817 г., едва не стоившее Наумовой жизни, довершило её уродство. Она стала и „полузрячей“ и „полглухой“⁵⁾.

Она росла на попечении доброй матери. Это были годы её счастливой жизни, её блаженства; но и они были непродолжительны:

„В шестнадцать лет осиротела,
Крушила горестью себя“⁶⁾.

А затем начались годы утрат „кровных“, борьбы с превратностями судьбы, годы душевных страданий от измены искренних друзей, людской молвы и клеветы.

Стихотворения: „К Темире“, „К долго слывшему моему другу“, „К судьбе“, и „Возражение судьбы“ отчетливо представляют душевную драму Анны Александровны и являются её исповедью.

Сердечные утраты тяжело отразились на духовном складе личности Наумовой. Об этом она говорит так:

Год круглый, не зная покоя, крушилась,
В отчаяньи слезы лила я рекой;
Кого же? лишь призрака дружбы лишилась;
А ныне—безумством нашла свой покой⁷⁾.

Только религия, вера в неприменность предписанных свыше человеку судеб примиряли Наумову с жизнью и непостоянством, коварством и злобой людей.

Когда предписано—страдай,
Смиренье—свойство несчастных;
А вера есть подпора их;
Надежда—чувство терпеливых⁸⁾...

Так укрепляет себя в принятии жизни поэтесса устами „бабушки—судьбы“ и заключает полным с ней примирением:

Нет, будет, бабушка! с тобою
Вперёд судиться не хочу;
Играй, премудри надо мною,
А я поплачу да смолчу⁹⁾.

О годах ученья и первых руководителях умственного развития Наумовой ничего не известно. Но можно полагать, что ученье нача-

лось рано, и чья-то рука способствовала созданию цельной, стройной, оригинальной духовной личности поэтессы. Сама Наумова говорит о себе: „С самых юнейших лет моих дух чистого добродетелями знаменитого Рыцарства одушевлял, одушевляет и до гробу, надеюсь, будет животворить меня. Любимое мое чтение с пятнадцатилетнего возраста составляли все рыцарские или к рыцарству относящиеся творения всякого рода. Теперь мне тридцать два года, и я не изменилась во вкусе чтения моего“¹⁰⁾.

Чтению рыцарских романов и высокому пониманию нравственных основ рыцарства, думается, надо приписать и личное рыцарство Анны Александровны: ее высокое понятие о долге, чести и честности, ее открытость нрава, прямоту характера, прямолинейность мысли и чувства и доверчивость к людям.

Эти идеалы, навеянные рыцарством, мы находим в ее поэзии. И ничуть она не преувеличила, когда сказала о своей Музе:

Не знаяши никогда притворства,
Отнюдь не притворюсь;
Неправде же для стихотворства
Во век не покорюсь.
Что мыслю, чувствую, то явно
Пишу и говорю;
Хвалить то самое забавно,
В чем я всю подлость зрю¹¹⁾.

Но не только рыцарские романы составляли чтение ее, и не только они оказали влияние на духовный склад личности Наумовой. Чтение лучших отечественных поэтов: Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Дмитриева и Мерзлякова воспитало в ней глубокое патриотическое и национальное чувство и направляло ее к собственному поэтическому творчеству. А поэзия в неродном духе Мерзлякова и Дмитриева пробудила у Наумовой нежную любовь к народной поэзии, особенно к песне.

Наумова не без основания говорила о себе:

По-русски русску Русь люблю,
И сердце верой веселю,
И в Русь и в русских влюблена¹²⁾.

Произведения ее вполне оправдывают ее заявление. Рыцарская прямота мысли и чувства в ней гармонична сливались с глубоким патриотическим и национальным чувством и национальными убеждениями.

Наумова великолепно знала французский язык, свободно писала на нем стихи, но ни к чему французскому пристрастия не имела. Произведения ее обличают в ней большое знакомство с французской, ложно-классической литературой; она охотно пользуется многими образами, особенно мифологическими, взятыми из французской ложно-классической литературы, но она искусно комбинирует их с обра-

зами русской мифологии, бытовавшими в русской литературе 18 в. Дальше заимствования самы общих стилистических клише влияние французского ложноклассицизма на ней не отразилось.

Любовь к литературе и литературным занятиям поддерживало в ней в высшей степени литературно образованное семейство Панаевых. С семейством Панаевых Анна Александровна была в коротких отношениях. Литературную семью Панаевых возглавлял „Русский Геснер“, создать в нашей литературе идиллического жанра—Владимир Иванович Панаев, человек с крупным тогда именем, с поэтическим талантом и с изящным вкусом. Его сестры—близкие подруги Наумовой—Глафира Ивановна и Поликсена Ивановна, брат Александр Иванович, чуть ли не ранивший стрелой Амура сердце А. А., и зять Федор Михайлович Рындовский—все писали и печатались¹³⁾

Литературный кружок, как видим, был довольно большой. (В него входил и многообещавший теоретик словесности—молодой Самсонов, до времени сошедший в могилу от русского недуга)¹⁴⁾. Занятие литературой шло на соревнование. Дружеская переписка носила характер стихотворных посланий. Даже адреса на конвертах писались стихами¹⁵⁾.

В „Послании к неробкому Гусару Иркутского полка“¹⁶⁾ (А. И. Панаеву) от июля 1821 г. она сама говорит о том, чем обязана семейству Панаевых.

Так, так, я Глашенькой любима;
Полина и подяесь мне друг;
Одной была руководима,
Мой ментор был другой супруг *)
Да мне ж Парнасскую дорогу
Не их ли брат **) и указал,
С певцами Музу понемногу
Знакомить способ показал?
Державин, Карамзин, Жуковский,
Димитриев и Мерзляков
Во дни погибели Московской
Прогнали вкус дурных стишков.
Все общество певцов любезных,
С душой и сердцем ум пленя,
В примерах, мне не бесполезных,
Образовали вновь меня.
Со вздорным чтеньем распротясь,
Я за изящное взялась,

*) Ф. М. Рындовский.

**) Вл. И. Панаев. В стих. „Хлоя и Дафнису, некогда учившему ее правилам поэзии“¹⁷⁾ она называет Вл. И-ча „прелестного Северного Геснера“, „примодушного человека“ своим учителем и наставником прежних лет.

ИНСТИТУТ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

К певцам изящным пристрастилась,
Усердно лирой занялась.
Кому же за сие иному
Обязана должна быть я,
Как ежели не их родному?
И муза робкая моя
Была их брата ученицей....

Владимир Иванович был критиком и защитником Наумовой в литературных стычках в кружке.¹⁸

Из приведенного признания Наумовой видно, что общественный подъем 1812 года — „дни гибели московской“ — не прошел для неё бесследно. Она, как видно, принялась серьезно за чтение лучших русских писателей и „усердно Музой занялась“. Но литературным трудом она, без сомнения, начала заниматься раньше.. Это видно из того, что на события 12 года она отозвалась двумя стихотворениями, написанными в стиле русской народной песни, изобличающим в ней мастерское владение стихом, глубокое понимание духа народной поэзии, свободное оперирование ее художественными средствами. Словом — это стихотворения опытной руки, прошедшей ученичество.

Это были: „Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам“

(Где ты, матушка, белокаменна
Москва красная, златоглавая..)

и „Песнь соотечественникам по прогнании злодеев из земли Русской“ (Самозванец злой, нечестивый враг...) Это были едва ли не первые её произведения, с которыми она выступила в печать. Напечатаны они в 1-й части „Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году“. (Москва 1814 г.). И, по правде сказать, поставленная в ряд с одной стороны с такими бардами тогдашней словесности, как Державин, Жуковский, а с другой стороны с массой *des minores* нашего парнаса, „Муз вызвышенных искусства“ Казанская поэтесса не посрамила. Легкостью стиха, простотой языка, образностью и глубиной и искренностью чувства её стихотворения выгодно выделяются в сборнике и едва ли не составляют его украшения, среди напыщенных, трескучих од и гимнов разных призванных и непризванных пинт¹⁹.

В 1815 г. она печатается в „Трудах Казанского Общества Любителей Отечественной Словесности“ (Казань 1815). Напечатано было два стихотворения: „К юноше, оставляющему родину“ (Др. с. 276—277) и „Романс“ (подражание) („Я счастлива была в невинности безпечной“) (ib. 292). В 1819 г. она выпускает книгу своих стихотворений: „Уединенная Муза закамских берегов“. Затем Анна Александровна начинает печататься в журнале А. Е. Измайлова „Благонамеренный“. (1818—1826).²⁰ Нет сомнения, что как в

„Труды Казанского Общества“, так и в „Благонамеренный“ её ввел В. И. Панаев, который был членом Казанского Общества Любит. Отеч. Словесности и постоянным сотрудником Благонамеренного.

А. Е. Измайлов покровительствовал начинавшим поэтам вообще, а провинциальным в частности; с Вл. Ивановичем был в отличных отношениях; и не удивительно, что вся семья Панаевского кружка печаталась в Благонамеренном.

„Уединенная муза“ была Наумовой представлена в Общество Любителей Российской Словесности при Московском Университете, которое удостоило поэтессу разбор её трудов, произведенным маститым теоретиком и поэтом А. Ф. Мерзляковым. Мерзляков с своим разборе, отметив чистоту, правильность и легкость слога, одушевленного чувством живым и воображением, так характеризовал сущность поэзии А. А-ны.

„Милые семейственные картины, часто унылые, часто веселые, между коими связь и переходы понятны только сердцам чувствительным, и которых нарисовать почти нельзя тому, кто сам не страдал, являются повсюду в песнях Музы Закамской“²¹⁾. Кроме того, А. Ф. Мерзляков отозвался на труд Наумовой присылкой следующего четверостишия:

„К робкой Музе Святого Ключа“ *).

Ключ свят! согласен я, и может всяк вкушать

От вод его священных.

Но для чего же ей себя именовать

Одной из робких здесь и мной не вдохновенных²²⁾.

На это четверостишие поэтесса ответила стихотворением: „Вопрос, певец достопочтенный! От робкой Музы есть ответ“²³⁾, в котором она, извиняясь в своей нетактичности скромностью своей Музы, просит у Мерзлякова „помощи полезной“, „Муз благоволенья“, подпоры и возможность „взойти на неприступну гору“ русского Париса. Присоединенный Мерзляковым к похвале поэтессе легкий упрек вызван был, думается, стихотворением Наумовой: „На смерть Державина“, где поэтесса слишком глухо упомянула об Алексее Федоровиче, как поэте-образце для начинающих:

Свой долг Державину воздавши,

Утешьтесь, юные певцы,

С сердечной радостью признавшись,

Что есть еще вам образцы:

В балладах возгремит Жуковский,

Димитрев лирою пленит,

Мелецкой и *певец московской* **)

Еще цевницей зазвонит.

*) Книга Наумовой начинается стихотворением: „К Святому Ключу“.

**) Курсив наш.

Выступление Анны Александровны в печати снискало ей известность и в Казанском обществе, наименование „Русской Сафо“. С ней теперь ищут знакомства. А. И. Второв, напр., отмечает как факт знаменательный, что в Казанскую поездку—в конце 1820 и начале 1821 г.—он „сблизился с проживавшей в Казани поэтессою Наумовой... которая была уже известна своею книжкою стихотворений“²⁴). В „Дамском Журнале“²⁵) князя Шаликова она вносится в список россиянок, занимающихся науками *).

Дальнейших сведений об участии Наумовой в печати у нас не имеется, хотя литературная продукция ее в 20—30 г.г., к которым относятся сохранившиеся рукописи, была не мала. Кроме массы стихотворений, мы находим у А. А.-ны два драматических сочинения „Владимир и Мстислав или сила любви и добродетели над человеком великодушным“, драма с хорами в 3 действиях (1821 г.), и „Эпиптиды или Любовь и Мщение“—того же времени.

Среди ее произведений 20—30 г.г. есть несколько таких, которые позволяют с одной стороны установить некоторые интересные моменты в ее биографии, а с другой и, пожалуй, главной—имеют интерес материала для характеристики Казанской, а м. б. и вообще для провинциальной, в частности волжско-камской, общественной мысли и общественного настроения того времени.

Начало 20-х годов было временем распространения сначала в образованных военных кругах, а затем и невоенных—социально-политического вольномыслия, которое старое поколение называло „проклятым вольтерьянством“, „карбонаризмом“; было временем создания тайных обществ политического характера, временем тайных сборищ, временем обсуждения проектов политических реформ, назревших социально-политических вопросов. Словом, это были годы пред-революционные. В воздухе, т. сказать, чувствовалось, что что-то должно произойти. Конспирация эти, как известно, имели место по преимуществу в столицах, на юге России, в местах расположения армии. Но не чужда была их, видимо, и провинция; не чужда была им, как будто, и Казань в лице прогрессивно настроенного дворянства.

Но вернемся к Панаевскому кружку и её члену—А. А. Наумовой, которая, из убежденной монархистки и человека с отчетливо сформировавшейся дворянской классовой психологией в духе строгого консерватизма, становится политически неблагонадежной и попадает на допрос к царскому „послу ревизору пред тьмою нескётной наветных укор“.

В 1823 г. Наумова была поражена распространившимся в Казанском обществе известием, что В. И. Панаев, живший в то время

*) Литературное участие Наумовой в Дамском Журнале Шаликова нам представляется вполне возможным; но положительного ответа мы дать не можем за неимением полного экземпляра этого журнала в Казанских библиотеках.

в Петербурге, сблизился с революционно настроенными кругами и — даже более — сделался „карбонарием“. Сбложение это, как видно, в семействе Казанских Панаевых приветствовалось. Оно было воспето: „Северный Геснер“ был увенчан хвалой за вступление в „карбонарии“. Есть основание полагать, что панегирик был написан зятем Вл. Ив-ча — Ф. М. Рындовским. По крайней мере на такое заключение наводят два послания Наумовой Рындовскому: „Ответ уединенной Музы Камских берегов сонливому трубадуру Казанской Поликсены“²⁶) (26 ноября 1826 г.) и „Ответ сельской затворницы городскому жителю на вызов его переехать зимовать в шумный город“²⁷) (9 декабря 1828 г.). В обоих посланиях Наумова упрекает его за то, что он „строил лиру погоды дующей под лад“, „воспевал „киченье вольнодумных“ и „ту скромность восхвалял, что так была безбожна“. Ф. М. Рындовский не только воспевал „киченье вольнодумных“, а был, м. быть, близок и сам к ним. По крайней мере Наумова своим упреком ему:

„Да и меня... не ты-ль склонял
Полярной чтить Комету“²⁸).

даёт повод к такому предположению, особенно если принять допущение, что под Полярной Кометой — разумеется здесь Пол. Звезда, альманах Рылеева и Бестужева, которые вербовали членов в состав Северного Общества. Только особенной активности в смысле вербовки членов и агитации Рындовский, впрочем, не проявлял. Наумова упрекает его в двоедушии и хитрости.

„Не ты-ль же: у моря сидел,
Погоды ждавши ясной,
Смелся смирнехонько члядел,
На год презчур ненастной.
О ты, разборчивый хитрец!

В срок безопасный ты... храбрец“...²⁹)

Наумова не хотела верить, чтоб Владимир Иванович, воспевавший аркадскую невинность и блаженство простого пастушеского быта, близкого к природе и чуждого всякого материализма, вдруг сделался вольнодумцем, революционером. Она сочла это за клевету и ответила стихотворением: „Ответ на похвалу авантюжности Дафниса в одежде карбонариев“³⁰); стихотворением полным желчи и негодования против распространителя этой вести. Тяжело было ей, конечно, разочаровываться в своем лучшем, идеальном друге и учителе не только в поэзии, но и в идеологии. В виду того, что это стихотворение представляет общественный и историко-литературный интерес, мы помещаем его полностью.

Аминта! удержиись... Дафниса ты злословишь,
Желая увенчать безмерною хвалой,
И с вольнодумцами в единый круг становишь,

Разивши честь его позорною стрелой!
...Он добродетели, он истинны друг верный,
Зломысленных личин, конечно, не возьмет;
Отчизны быв своей он сын нелицемерный,
Народа чуждого—соблазн не переймёт;
Не верю, чтоб, сложив Аркадскую одежду,
Вид Карбонариев дерзнул принять и он.
В душе своей уже ль, питая злых надежду,
Попрать пятой своей стремится правды трон?
— Нет, нет!, то клевета, то выдумка пустая.
Враг совестных людей—не может добрый быть.
О веке золотом—в железном сем мечтая,
Советы мудрого ему ли позабыть?
С юнейших лет его, Дафниса, я знавала,
Рассудок здравый в нем привыкнув уважать;
Дубовый же венец презренным не свивала,
Почтение мое чтоб им изображать.
О ком ты говоришь?.. Ты чем себя забавишь?
И в карбонариях что нравится тебе?
Хвалой одежды их патриотизм бесславишь
И мысль невыгодну даёшь мне о себе.
Аркадии святой пущай певец прелестный
Докажет суетну превратность мне свою,
Иль пользу истинну республики всеместной.
Тогда... насмешкой я ему хвалу твою
Наверное уже, Аминта, не поставлю,
Но мнение мое о нем переменю.
И секту модную с адептом сим поздравлю
И с карбонарием и... Дафниса *) сравню.

Чем кончилась переписка с Рындовским из за Вл. Ив. Панаева — неизвестно. За Рындовским Наумова не пошла. Но новыми идеями казанская атмосфера была насыщена. Идеи принимали в различных группировках разную окраску. Отстраниться совершенно от них Наумовой, человеку общественному, не было возможности. Она вступила, сама того не подозревая, в кружок, который ставил себе те же революционные цели, но не сразу открывал их своим членам прикрываясь вначале общими рассуждениями на морально-политические и религиозные темы. Кружку предносились идеалы рыцарства и золотого века. Наумовой, воспитавшейся на рыцарских романах, все это было по душе. Кроме того и членами кружка были

*) Что в лице Дафниса имеется в виду именно Вл. Ив. Панаев, видно из следующего. В 1821 г. Вл. Ив. посетил с. Зюзино и, не застав А. А. дома, написал ей стихотворение «Дафис к Хлое». А. А. ответила ему посланием; «Хлоя к Дафису, некогда учившему ее правилам поэзии» ⁸¹).

родственники. Её любовь и доверие к ним в том смысле, что они ничего противоправительственного не затеют, окончательно победили ее сомнения. И вот она делается через „братцев“ *) членом нелегального кружка. Деятельность этого кружка Наумова изобразила в стихотворении „Уговор с собою“, ³⁴⁾ писанном в 1826 году. О вступлении своем в кружок она говорит в этом стихотворении так:

....как то милость и моя
Была была бог весть кем отличенна,
Ширами белыми почтенна,
И избрана в комплекс тех жертв,
Что, осудив на ослепление,
Влачили к безднам преступленья.

Следовательно, Наумова, была зачислена в общество через избрание шарами. Свою оплошность она объясняет тем, что сначала представлялись ей „отборные братцы“ — „сынами отечества, „мстителями Москвы“, „верными русскими“, „преданными царю“; все это убеждало ее в том что они „не были в числе коварных и пред царем неблагодарных“; они казались ей — Пожарскими и Долгорукими. Цицероны в красноречии и Регулы в патриотизме, они вызывали у нее энтузиазм своими „велегласными“ разговорами „златого века о блаженстве да о спартанском совершенстве“. Они сначала являлись ей в беседах русскими Баярдами, Христовыми витязями, принявши потом вид Вашингтонов и „триумвиров“.

„Бесспорно впредь уже не буду
Искать Баярдов Русских в них,
Христовых витязей забуду
Воображать в беседах их,
Коль, надобны им Вашингтоны,
Нас осуждают множить стоны.
Ах! нам без белого царя
С их триумвирством было б скучно;
Жить не могли б благополучно,
В них кровопийцев лютых зря“.

А как понимала Наумова рыцарство, какие идеалы связывала с ним и с Баярдом, и что заставляло ее сначала „дивиться красным их (т. е. „братцев“) словам“, что было приемлемо для нее, это видно из её собственного определения рыцарства. „Непоколебимая ни в чем добродетель, твердая вера в милосердие и всемогущество всечтимого строителя миров, неизменяющаяся верность, ве-

*) Из „Воззвания к сердцу милым братьям, а особенно к одному“, видно, что у Наумовой были двоюродные братья, военные, горячо его любимые: Александр и Николай Есиновы, Петр и Владимир Петровичи Демидовы и Наумовы ³⁵⁾. Из за ратного коня Александра Есипова, на котором тот сделал поход в Париж, у Наумовой велся долгий спор с Александром и Глафирой Панаевыми. Противники обменялись шуточными поэмами и рядом посланий ³⁶⁾.

ликодушные, геройство, неустрашимое благоразумное мужество, человеколюбивое сострадание к ближнему, добродетелью руководимая помощь угнетенному бессилию, могущественная защита невинности: непритворное постоянное дружба, нежная неизменная любовь, — готовые на всевозможные честию и добродетелью позволительные жертвования, забвение обид; благотворение и врагам своим; безропотная покорность определению всевысшего провидения; смиренное терпение в угнетающей доле неблагоприятствующей Судьбы. Упова-ние на защиту всемогущей десницы вездесущего; беспристрастное суждение обвиняемого, справедливостью и человеколюбием управле-мое решение приговору подсудимого, изобличение лицемерия, разру-шение сокрытых ковов временной злобы, — составляют основание правил истинного рыцарства, быв точные обязанности Рыцарей. Вот черты, отличавшие Баярда, одного из чтимых мною рыцарей; вот характер каждого добродетель уважающего рыцаря, сколько мне известно из рыцарских описаний доселе мною читанных“. ³⁵⁾

Принимая во внимание такое понимание рыцарства Наумовой и её пиетет к братцам, „Христовым витязям“, позволительно думать, что в кружке разговоры на темы подобного рода в начале имели место; это был или м. б. пролог, или м. б. маска, но суждения подобного рода втягивали Наумову в кружок, вселяли в неё ува-жение, почтение и даже преклонение пред его членами. Из слов Наумовой можно допустить, что она была не единственной „сестрой“ в этом обществе.

И пока в кружке шли разговоры на общие темы о „благе, о добре“ и т. п., Наумова „пленилась просвещением их“; потом по-шли разговоры, сначала для неё не совсем вразумительные, и на более конкретные темы.

Больших бояр в России... много,
Но о иных... мы судим строго,
Другие ж... Что ни говори
О их отличном благородстве
И о умов их превосходства,
Всё... не угодны нам... в цари. ³⁶⁾

Затем она слышит уж и совсем неприемлемое для неё осужде-ние существующего порядка вещей и царя.

Нет полно, полно...впредь не буду
В унылый час к вам прибегать;
Став осторожней, не забуду
Морали вашей избегать.
С избытком много в ней искусства;
Но где ж священные те чувства,
Патриотизм что душевят
К царям усердием нелестным,

С благоговеньем к ним всеместным,
А патриотов не язвят?...³⁷⁾

Наконец слышит он разговоры и о перемене правления.

По благовидности забуду
Искать прямых Орестов в них.
Иной, пожалуй, для бон-тону
Помчится прямо в Барселону;
И разохотится другой
И перед боем умудрится
Да и на ханство воцарится,
*Чтоб целу Русь согнуть другой.*³⁸⁾

Упоминает Наумова об участии в кружке двух декабристов: В. П. Ивашева и Д. И. Завалишина. Мать и сестра Завалишина проживали в Казанской губ. В. П. считался женихом сестры Завалишина и, без сомнения, навещал дом Завалишиных. Посещения эти, надо думать, были нередки. Хотя Ивашев и состоял на службе в Тульчине (был членом Южного Общества), но как говорит биограф,³⁹⁾ ежегодно приезжал в длительные отпуска; а в 1825 г. прожил в отпуске почти целый год: с февраля 1825 г. по 14 января 1826 г.

Д. И. Завалишин был в Казани и в Казанской деревне в октября 1824 г., проездом из Сибири, и в 1825 году. В этот раз он приезжал в Казань по поручению Северного Общества с целью агитации и ознакомления с настроением Казанского общества*). В 1825 г. Завалишин прибыл в Казань 14 декабря, в день восстания, и прожил до 20 января 1826 г.⁴⁰⁾ И тот и другой, как видно из слов Наумовой, имели на Казанцев большое влияние.

Нет, полно, полно... впредь не буду
Челом бить братцам дорогим.
... Ивашева не позабуду
И укажу его другим,
Чтобы доверчивы сестрицы
Не нажили себе вторичы
Азартных братцевых затей
Фисолофической забавы,
И дня спасения доброй славы
Чтоб убоялись их сетей.⁴²⁾

*) Между прочим Д. И. Завалишину вменено было в обязанность ознакомить Казанское общество с „Горе от ума“ Грибоедова,⁴¹⁾ К этому не лишне прибавить, что „Горе от ума“ было издано в 30 г.г. в Казани. Единственный сохранившийся экземпляр этого издания в Публ. библ. Ср. Грибоедов. Горе от ума, под ред. Гарусова. Спб. 1875 г. 43—50. Надо думать, что издание было сделано лицами, принадлежащими к тому Казанскому кружку, о котором мы говорим.

Ивашеву, таким образом, приписывается, как будто, ознакомление кружка с идеями общего характера, вменяются „философические забавы“. Завалишину отводится актуальная роль в ознакомлении кружка с тактикой поведения и призыв к активной борьбе.

*А тот напев — и здесь нам слышен,
Которым горд был Завалишин,
Сей образованный злодей,
Сей выродок подземна ада,
Тантал неутолима glada,
Сей лютый бич честных людей.* ⁴³⁾

Так писала Наумова в начале 1826 г., под свежим впечатлением известий о восстании декабристов. В Казанском кружке, значит, Завалишин выступал с „тем напевом“, который имел место 14 декабря 1825 г. в Петербурге на Сенатской площади.

Сопоставляя собственные признания Завалишина о целях его второго посещения Казани — с показаниями Наумовой, можно, кажется, допустить, что Наумова говорит об выступлениях Завалишина, имевших место именно в декабре 1825 г.

Таким образом ясно, что в Казани был кружок лиц, сочувствовавший декабристам и, может быть, работавший в местном областном масштабе. В первом сходятся Наумова и Завалишин; во втором может быть более убеждает один Завалишин; хотя и у Наумовой есть ядовитые намеки на „ханов“. Частью уничтожение, а частью утрата материалов Завалишина по сношению с Казанскими и Симбирскими друзьями — потеря существенная в данном вопросе. Пока дальше самых общих, схематических суждений исследование вопроса вести нельзя.

Но и у Наумовой и у Завалишина есть совпадения в показаниях еще для одного-двух моментов Казанского кружка. А именно, есть возможность сделать предположение о типе Казанского кружка в среде тайных обществ и о времени его возникновения.

Внешняя, обстановочная сторона тайных обществ, связанных с декабристами, изучена не во всей полноте. Каждая организация имела свою атрибутивную сторону. Как видно из мемуаров декабристов, в разных организациях атрибутивная сторона варьировалась.

Эта атрибутивная часть, думается, может иметь место, при отсутствии других данных, в суждении о типе кружка или общества. Наумова даёт в этом отношении некоторый материал, исходя из которого мы и сделаем некоторые предположительные выводы.

Так, Наумова говорит о „двумантовом мече“, короне, перфуре, вышитых лоскуточках, о знаменах, игравших атрибутивную роль у членов кружка.

Нет, полно, полно, впредь не будем
Мы лоскуточки вышивать.
Толк о знаменах позабудем,
Чтоб от незнанья не бывать
В набитых, чистых, пошлых дурах,
Что чудятся в смешных фигурах
Тех крайне пламенных сестриц,
Родясь которы в средней доле,
Желают возвышенья боле
И мнят в невестках зрешь... цариц
Так... *диамантовый свой меч*
С величием велико-ханским,
Что льстит Ордындам Астраханским,
Не смейте нам давать беречь..
Нет, дуры сестры, впредь не будем
Мы прятать *братцевых корон*,
Напомивать им не забудем,
Для подданных сколь скользок трон;
Не смастерим для них *порфиры*.. ⁴⁴⁾

Что атрибутивная часть имела места в Казанском кружке, на это имеются указания и у Завалишина. Он пишет, что у него в Казанской деревне, где жили мать и сестра, оставался ящик, вытребованный потом в следственную комиссию, „в котором“ говорит он,—„к счастью не было особенно важных бумаг, а были символические одежды и знаки Общества или Ордена восстановления, сообразно тогдашним понятиям и обычаям в тайных обществах -- белая атласная туника с красным крестом и на наплечниках, обоюдоострый меч с крестообразною рукояткой, железный скипетр, наперстный крест с греческою надписью „Сим победиши“, одежды, и пр.“ ⁴⁵⁾. В виду близости данного самим Завалишиным перечня атрибутов с перечнем Наумовой (всего она могла и не знать, да и Завалишин не всё перечислил, заключив перечень словами. „и проч.“), можно, кажется, полагать, что Казанский кружок представлял из себя если не самое Общество или Орден Восстановления, который был Завалишиным учрежден в России, то его разновидность.

Орден Восстановления в начале мыслился его основателем как общество полумистического характера, облеченное всеми атрибутами масонства; целью своей Орден ставил поднятие нравственности народа и борьбу со злом всеми законными средствами и примером личного совершенствования его членов. Эта полумистическая, близкая к масонству, общая идеология общества легко могла быть принята в Казанской среде, где масонские идеи были вообще сильны и еще живы. (Вспомним крупных Казанских масонов: И. И. Панаев,

Г. П. Каменев, С. А. Москотильников). Эта первоначальная идеология, как мы указывали выше, втянула и Наумову в кружок, да и самый кружок на этой идеологической платформе скорее всего мог создаться.

Но когда мог создаться кружок и кто его мог создать? Не был ли инициатором его сам Д. И. Завалишин?

Сделаем небольшую справку у Завалишина. Он говорит, что мысль об официальном учреждении в России Ордена (Общества) Восстановления возникла у него во время морской экспедиции в 1822 г. Тогда же, из Лондона, он написал об этом Александру I на Верронский конгресс письмо; потом был вызван по этому вопросу в Петербург, куда, через Сибирь, с заездом в Казань и Казанскую деревню, и прибыл 6 ноября 1824 г., накануне наводнения. Принятый сначала сочувственно государем, проект Завалишина был затем признан „неприложимым в настоящее время“. Очень возможно, что Завалишин, знавший из переписки с Петербургскими друзьями о том, как заинтересовался Александр I его проектом и как сочувственно к нему отнесся, не скрыл своего проекта и от Казанских друзей, при свидании с ними с октября 1824 г., и тем содействовал организации Казанского Общества, а м. б. сам положил и начало ему. По крайней мере атрибутивная часть его, сохранившаяся у Завалишина и сделанная руками „сестриц“, как будто говорит несколько в пользу нашего допущения.

По приезду в 1824 г. в Петербург, Завалишин вошел в сношение с членами Северного Общества, революционизировался сам, революционизировал и цели своего Ордена. Революционизация, конечно, не могла миновать и Казанского кружка, что, как видно из показаний Наумовой, и было в действительности. Конечно революционизации Казанского кружка много мог содействовать и Ивашев.

Выше мы говорили о близости Наумовой к семейству Панаевых, которые первыми (в 1823 г.) откликнулись на брожение умов в обществе и были настроены прогрессивно.

Возникает вопрос, входили ли Панаевы в кружок, который мы связываем с Завалишинским Орденом Восстановления? Следующее место „Уговора с собою“ говорит против этого. Глафира Панаева подсмеивалась над оплошностью Наумовой и её горестью о своих братцах, членах Общества. Наумова отвечала:

„Нет, полно, старицей не буду
Днесь Маремьяной я для них,
Возьмусь за ум—да все забуду
С непостоянным нравом их
И, отступив от синя моря,
Поменьше буду знать и горя,

Ни слез напрасных не пролью,
С беспечностью настрою Лиру
И, оглянувшись на... Глафиру,
Одно и то же воспую!!
Ну, что же? и при ней я буду
Рассудка сторону держать,
Но отвернуться не забуду,
Чтоб быстрый взгляд тот избзжать,
Что на меня с усмешкой бросит,
Как горделивым тоном спросит;
„Пролится домо ль уговор,
Который делаешь с собой,
Быв вразумленная судьбой? ⁴⁵⁾

На этом у Наумовой кончаются сведения о кружке.

И так, на основании свидетельства Наумовой и, отчасти, Завалишина, можно сделать следующие выводы: 1) в Казани был кружок, разделявший идеи декабристов; 2) кружок этот возник на основе мистическо-масонской идеологии, но потом революционизировался; 3) кружок этот и по своей идеологии и по атрибутам обстановки имел общее с Орденом Восстановления; 4) основателем Казанского кружка или, по крайней мере, идейным родоначальником надо признать Д. И. Завалишина; 5) в кружке выступали В. П. Ивашев и Д. И. Завалишин; 6) Наумова вошла в кружок через двоюродных братьев; 7) Панаевы в кружок не входили; 8) остальной состав кружка не известен.

Заслуживают у Наумовой внимания те произведения, в которых она изображает период междоусобия в Казани, время от получения известия о смерти Александра I в Таганроге до вступления на престол Николая I.

Историки Казани умалчивают о брожении умов, имевшем место в местном обществе, по преимуществу, конечно, дворянском. Н. П. Загоскин в „Истории Казанского Университета“, являющейся в то же время и историей общественной мысли Казанского общества, говорит глухо о двух присягах: Константину и Николаю I. Создается впечатление, как будто все дело обошлось благополучно. Наумова разрушает эту иллюзию. Как можно понять из показаний Наумовой, время это было в Казани, вернее в дворянском кругу, неспокойное. Общество, как видно, разделилось, и вставал вопрос, не присягать или присягать, и кому присягать. Об этом разномыслии и несогласии в дворянстве Наумова говорит много. Главное её произведение, с которым она выступила в эту пору — „Таганрогская Лира“, к сожалению, полностью не сохранилось. Но представление об общем содержании его Наумова дает в других сочинениях. Так, она подробно воспроизводит сущность „Таганрогской Лир“, имевшей пе-

чальные для нее последствия, в „Парнасской исповедальне“, ⁴⁶⁾ написанной в 1830-31 г.г.

Вот что мы здесь читаем:

Так, среди *Россий* сирой
Не уныла духом я,
И дерзнула Русской Лирой
Муза смелая моя
Вольнодумцам выбить зорю,
Обозрев славянский край,
И не дав свободы горю,
Средь Тенара славить Рай.
Я, не зная судьбин мне милых,
Звуками волшебных струн
Не в одних славян постылых
Грозный бросила перун.
Так, как новая Кассандра,
Злу предвидевши напасть,
Ополчась за Александра,
Возгласила Божью власть,
И любовью пылая
К чтимой родине моей,
В самодержицы *Николая*
Предрекла в дни бури ей.
Русских трех царей я смела
В срок мятежный воспевать,
И отважность возымела
С целой Русью воевать.
Хоть и слогом не кудрявым
Выражала мысль мою,
По следам водила правым
Музу траурну свою.

В этот момент кружок, видимо, снял с себя маску и выступил активно. Это повело к тому, что Наумова из него вышла и вступила с его членами в борьбу. Об этом она подробно говорит в стихотворении. „Воззвание к пропадавшему и вновь нашедшемуся благотворному Гению Утешителю“ ⁴⁷⁾.

Где был ты, мой Гений, мой страж—покровитель,
Как истина грозна, разруша туман
Спустившейся тучи, став путеводитель,
И мне леиковерной—открыла обман,
Которым ловили лжемуштры дети
В удобну им пору, в урочный их час,
В расставленны злобой таинственны сети
Монарху покорных, бесхитростных нас?

Куда отлетал ты приверженец трона,
 О Гений славянский—славянки прямой,
Пред коим тускнела фальшива корона
Зюмышленных Хана—где был ангел мой?
 Когда высоко я плеча поднимала
 И в изумленьи качала главой,
 Как гиероглифы под час понимала,
 Уж быв вразумленна правдивых молвой?
 О, добрый мой гений! я так утомилась
 Под тяжкою ношей суровой судьбы;
 Неведомых, новых я чувств изумилась
 Средь нламенной, жаркой, усердной мольбы.
 Грудь огнедышуща, как Гетна вспылала
 Непримиримой к злодеям враждой.
Губителям гибель всем сердцем желала
Не зная, кто сразится расправы чредой. ⁴⁸⁾

Выступление это стоило ей дорого: много пришлось пережить, На нее ополчились, подвергли бойкоту, ей грозили. Упоминает она и об „убийцах сокровенных“. Ей „мстился гречанкин Левкад“ и предносилось „спознание с Атропой седою“.

В результате этого выступления через „тьму несчетну наветных укор“, ей пришлось выступать в качестве обвиняемой пред „послом Ревизором“ и „царскими агентами“. Кто были эти ревизоры и агенты, о чем ее допрашивали, в чем ее обвиняли — мы, к сожалению, точно не знаем. Сама Наумова об этом говорит слишком темно. Ясно одно, что ей вменялось политическое преступление.

... Я не дрожала
 Пред тьмою несчетной наветных укор;
 Агентов как царских отнюдь не бежала,
 На их испытанья склоняя свой взор.
 Чего их бояться славянкам правдивым?
 Ведь в следственну верных царю не берут?
Дусмысленность видя в извете шутливом,
Надоло в секретной, ведь, их не запрут. ⁴⁹⁾

Кончилось все это тем, что ее обесславили безумной. „Bon grée —mal grée“, ей пришлось оставить Казань и сделаться сельской затворницей, „певицей зюзинских полей“ Об этом вселении в „мирну сень уединения... не по себе“ она с горечью вспоминает в своем послании к Ф. М. Рындовскому от 9 дек. 1829 г. ⁵⁰⁾ Так закончилась общественно-политическая деятельность Наумовой.

Дошедшая до нас часть „Таганрогской Лиры“, с подзаголовком „К бунтовщикам нашего времени, к Россиянам, звания Россиянам недостойного“ ⁵¹⁾ написанная в начале 1826 г., представляет

из себя выражение сильнейших чувств негодования по адресу участников декабрьского восстания.

Сделавшись сельской затворницей, Наумова, несмотря на пережитое, не перестала, однако, интересоваться вопросами общественно-политическими и литературными. На то и на другое она откликалась своими стихотворениями. К рассмотрению произведений этого рода мы теперь и обратимся.

Приговор суда над декабристами она отметила стихотворением: „Романс“⁵²⁾, в котором приглашает, „казнь грешников зря“, простить „невольны ошибки собратьев своих“, т. е. декабристов, прибавляя, что

„Найдутся улыбки
У нас и для них“.

Напуганная свободомыслием военной молодежи, она с большой осторожностью встречает появление безобиднейшего литературного журнала „Славянин“ (1827—1829 г.), в котором участвовали по преимуществу военные. Ей чудится, что он будет проводить революционные мысли.

„Чу!.. публикуется в свете,
Что-то имея в предмете,
Точный славянский журнал!!
...Россы! которым сигнал?
Древним иль новым под пару?
В лесть, в похвалу или в кару
Пылким он был головам
Преобратится впредь вам?
Тактике вашей... раздолье!
Вымыслам дивным... приволье!..
Знать и мечтанье в запас
Понакопился у вас!!⁵³⁾

Так же нервно отзывается она на появившиеся в 1829—1830 г.г. стихотворения о карающих ворах. В 1829 г. в альманахе „Сев. Цветы“ была помещена Пушкинская „Шотландская песня“ (Ворон в ворону летит); а в 1830 г. в № 10 журнала „Галатея“, Ранча, — стихотворение „Вороны“, представляющее из себя легкую вариацию Пушкинской „Шотландской Песни“.

И в том и другом стихотворении Наумова увидела намек на вновь поднимающуюся голову гидры революции, на тайное брожение умов, направленное против правительства.

В стихотворении „К доказанной верности гусарам“ (18 апреля 1830)⁵⁴⁾ она определенно говорит об этом:

Черный ворон — хищна птица;
Скрытый недруг — лжеумудрец,
Твида в песне — небылица.

*Молодцы, что подле Твиды
На еду убиты им,
Жены, девы—все лиш виды
Вразумительны своим;
А профаны—безтолковы:
Но для нас—не суть обновы
Пестрые шарады их;
Днесь оникать мы смыслим в них.
Чорны враны—карбанары.*

Или еще вразумительнее, говорит она так.

*Иль Полярную забыли?
Ей не вы ж одни здесь были
Уловлены в злой обман!
Вновь его нам прочит Вран!*

И в этом подозрении, конечно, Наумова не была не права. Вспомним хотя бы революционное воззвание 1831 г., появившееся от имени Ермолова в Самаре*). Указание на недовольство Казанского общества первыми годами царствования Николая I увидим ниже у самой Наумовой. Указывает на него она и в этом же стихотворении.

*— „В градах, селах, и столицах
Всяк качает головой;
Враны мстятся в барских лицах,
Обесславленных молвой.
Все им презится равенство!!
Дайте ж им сие блаженство,
Разравняв по будкам их,
Чтоб повыбить блажь из них.*

История создания стихотворения „Шотландская песня“ Пушкина до сих пор остается не ясной. (Исследование Н. Ф. Сумцова установило только литературный источник стихотворения). Но полагать, чтобы не было в виду мотива общественного характера при создании этого стихотворения Пушкиным, полагать, что его заинтересовал мотив шотландской народной песни сам по себе, едва ли основательно. Вернее всего, что мотив этот пришелся к факту общественного характера. Подозрения Наумовой, а м. б. и вообще тогдашнего общества, в этом как будто поддерживают. Но что именно имели в виду тот и другой, мы определенно сказать не беремся.

Наумова ответила Пушкину стихотворением: „Пародия на карканье ворон.“⁵⁵⁾ В виду интересности этого стихотворения и в отношении историко-литературном и общественном, мы проводим его целиком.

Близь Москвы реки, в известный
День тревоги повсеместный,

*) Былое, 1917 г. № 2.

Бабочка разносит весть:

„Каркнул Ворон—где б поесть“?

Ястреб, вившись, замечает:

— Что падло найти он чает“.

Коршун, дуясь, говорит:

„Молодецкой труп он зрит.“

Как раскаркались голодные

Хищны птицы новомодны

В алчной лютости своей

И в виду честных людей!.

. . . . .

Будь всем сказано без лести.

На Руси столь шумной чести

Вранам не было во век,

Пушкин им что днесь предрек.

Все Сороки да Вороны

Ныне с Галками на Троны

С кровель метят не шутя,

Тишь воздушную мутя.

Из зломысленной станицы

Поднялись же хищны птицы,

Друг другу несясь во след

На заказанный обед.

Здесь по выставке ли Враны

Кажут нам сердечны раны

Доблестных тех молодцов

Что погибли от лжецов?

Соловей царь голосистых,

Песнопевец духом чистых!

Вранов карканье пойми

И злой говор их уйми.

Нет охоты ни терпенья

Филомелы нежной пеня

Днесь выслушивать взамен

Крики читателей измен!

Не по старой ли привычке

Карбонарски переклички

На Руси вновь поднялись?

— Иль ничем не пронялись?

Полно, полно—не шумите,

Черных воронов уймите.

Вразумились днесь и мы

В вольнодумные умы.

Бить челом мы уж не станем;

Так иль инако достанем
Бунтовским пирам конец
И оливной свой венец!

Надоумит лицемеров
Обличать как изуверов,
Как их песни понимать,
Даже маски как снимать.

Там, где их лукавство видно,
Обезьянить дамам стыдно,
Подкрепляя подлецов,
Явных славивши глупцов.

Что за диво — то и дело
Там иль сям у них поспело,
Чуть что Ворон прокричит?
...Да когда ж он замолчит?

*Щеголяют ли пред светом
Ненавистным сим предметом
Росски Барды в наши дни?
— Иль ряхнулись и они??*

Молодцов и перебитых
И в Сибири хладной скрытых,
Осужденных по винам,
Не считать по пальцам нам.

Разве сердцу для веселья
Перечот их у безделья
Любо делать господам
Для потехи светских дам??

Так внимайте ж балабуры,
Оспартаненные дуры,
Всех зломнящих удалцов.

...Будет с нас своих певцов.

Вы чтож славите?.. стыдитесь!
К ним подстать не вы годитесь
С карбонарской остротой
И с двувидной суетой.

В стихотворении к „Галатее“⁵⁶⁾ она снова напоминает о каком-то брожении умов.

Галатея! непритворно,
Объяснись не баснотворно,
Кто кому кричит во след
Ненасытных про обед?
Он физической, моральной,
Прямо русской или дальней
Стороны — тех подлецов,

Днесь в кокардах что глупцов?

Нынѣ ж о зловещих птицах

Да о чудных небылицах

Скальды русское поют

Да на правых встают!!

— Галатея! то не гоже,

С карбонарщиной что схоже

И наружной чернотой

И двусмысленной мечтой! (1830 г. апрель).

Мрачную картину первых годов Николаевского царствования Наумова набрасывает в стихотворении „Эго истины“ (22 января 1830 г.)⁵⁷). Угрюмые лица; всеобщий ропот; экономическое расстройство:

„Купец и помещик в упадок пришли;

Как тот, равно этот расстройку нашли“.

Всюду „строгость доселе неведомая нам“, „и мудрости строгой угрюмая власть“, „и зримая мрачность по-Русским странам“; болезненное воспоминание о „забвенной казни“, общее воспоминание, как о идеале, о предшествовавшем царствовании—вот основной грунт этой картины, наводящей жуть. Резким диссонансом к нему звучит горячая вера поэтессы, что пройдет „брожение умов“ и—„время вышло—нам вновь оживет... свершится крутой перелом“... „воскреснет нам Радость, Надежда, Любовь“.

Наконец не лишено интереса общественности ее стихотворение „Влагодетельному Гению гибнувшей Казани в чорный год свято-русской земли“ (4 ноября 1830 г.)⁵⁸), написанное в связи с свирепствовавшей в 1830 году в Казани холерой.

Современники казанцы хорошо обрисовали панику, вызванную в городе появлением холеры, растерянность местных властей и неадекватность мероприятий, взятых по борьбе с страшной гостьей, но не отметили брожения умов, вызванного всем этим. Наумова дополняет несколько эту картину. Она говорит, что в части общества агрессивного настроенного против правительства, „в злых бедствах“ говорили царя и обвиняли министров; а в другой, в том числе и народная масса, „глас народный“, видели во всем происки врагов царя и государственного порядка, видели попытку к созданию общего народного волнения через подкупленных лиц:

Быть может предатель храбрует меж вас,

Давно карауля заветный свой час.

Вместе с „гласом народным“ она называет таким подкупленным лицом, „предателем казанцев“, „союзником холеры“—доктора „природного еврея“.

Он так шарлатанит, как злобный шаман.
И в докторском виде—он сущий шайтан!!
Не столько холера—Америки дочь—
Сгубила народу, сколь темная ночь
Им вдруг наведенна на нашу Казань,
Славянскому царству за хлеб и соль в дань.

Провискам его она приписывает и неправильные мероприятия местной власти, ее растерянность и волнение народа.

„Врачей ты унизил—коварством своим,
Теперь не имеем доверия к нам.
Тобой губернатор рассудка лишен,
Тобою, предатель, был ложно внушен;
Все зло и беспечность и придурь его,
Народно смущенье и плач отчего?
Ты сам кем настроен, кем руководим?
Иль мнишь быть во мраке для всех невидим?
Кто, кто не познает, предатель, тебя?
От правды не скрсешь и маской себя:
Личины меняя, в обман не введешь...

Кроме произведений общественно-политического характера, на которых мы по преимуществу остановились, у Наумовой есть произведения, рисующие быт и нравы современного ей дворянства; касающиеся деятельности местных литераторов и вообще местного общества. Но размеры статьи не позволяют останавливаться на них, равно как и на рассмотрении ее произведений другого характера.

Дошедшие до нас рукописи А. А. Наумовой заканчиваются 1832 г. Но думается, что сильно развитый темперамент общности не позволял ей и позднее оставаться спокойной зрительницей событий русской жизни вообще и местной, казанской, в частности.

А. А. Наумова прожила еще 30 лет, (по преимуществу в своем Зюзине, с редкими и неохотными выездами в Казань, где ей после „чорного года“ было, „и холодно и скучно“. Она отдалась хозяйству, воспитанию сирот и обучению крестьянских девушек рукоделиям. Умерла Анна Александровна в Зюзине в глубокой старости в марте 1862 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- 1) Краткие биографические сведения о Наумовой даны: 1) Н. Н. Голицын. Библиографический словарь русских писательниц. СПб. 1899 г.; 2) Молва, газета за 1857 г., № 32, стр. 374; 3) П. П. Васильев. Календарь-указатель Казани на 1882 г. Казань 1881 г.; стр. 139; 4) Де-Пуле. Отец и сын. Русск. вост. 1875 г., т. 118, стр. 78; Он же. Н. И. Второв. Русск. Архив. 1877 г. т. II, стр. 156; 5) Воспоминания В. А. Панаева. Русск. Стар. 1893 г., т. 79; стр. 461—468.

2) В библиотеке Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Гос. Университете имеется шесть томов рукописей А. Наумовой: пять томов осьмушку; все переплетены в сафьян; четыре тома с золотым обрезом; шестой том — в четверку; простой кожаный переплет. Названия томов такие: Вольмарова Робкая Муза закамской дубровы или Безделки для милых. 1816 года. Часть 2 я. 2) Робкая Муза Святого Ключа. Часть I. Отделение 2. 1819 года; 3) Тоже; часть 2. Отделение 2. 1820 года. 4) Уединенная Муза Камских берегов. Часть I. 1821 г. 5) Тоже, Часть 2, без обозначения года. 6) Владимир и Мстислав или Сила Любви и Добродетели над человеком Великодушным. 1821 г. — В дальнейшем, при ссылках, мы будем обозначать кратко: Р. М. З. Б., Р. М. С. К. и т. п.

3) Р. М. С. К. I, 2, 80.

4) У. М. З. Б. 69.

5) id.

6) ib. 61.

7) ib. 124.

8) ib. 75.

9) id.

10) Р. М. С. К. I, 2, 80.

11) У. М. З. Б. 211.

12) У. М. К. Б. II, 202.

13) О литературных занятиях братьев Панаевых много говорит С. Т. Аксаков в Воспоминаниях; см. главу: „Университет“. Загоскин. История Казанского Университета; т.т. I и II. Стихотворения семейства Панаевых см. в Благонамеренном 1818—1826 гг.

14) О Самсонове см. Н. Н. Булич. Из первых лет Казанского университета, т. I и II. Казань 1891 г. Н. П. Загоскин Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского Университета; т.т. I—III. Р. М. С. К. I, 2, 151. Дружеской рукой составленный некролог Самсонова в Благонамеренном. В Благонамеренном же печатались стихотворные и теоретические опыты С-ва. Образцы его поэмы вошли в „Опыт русской анфологии“ М. Яковлева. СПб. 1828.

15) Р. М. С. К. I, 2. Воспоминания В. А. Панаева. Р. Стар. 1893 г., т. 79.

16) Р. М. С. К. I, 2; 153—154.

17) Р. М. С. К. II, 2; 93—96.

18) Р. М. С. К. I, 2; 154.

19) В. Р. М. З. Д. II, 211—216.

20) См. Благонамеренный за разные годы.

21) Труды Общества Любителей Рос. Словесн. при Московском ун-те, ч. 20, стр. 70.

22) Р. М. С. К. I, 2; 14.

23) id.

24) Русск. Вестн., т. 118; 78.

25) Дамский Журнал, 1828 г.; ч. 13; № 15, стр. 88.

26) У. М. К. Б. II, 103.

27) ib. 202.

28) ib. 212.

29) ib. 217.

30) У. М. К. Б. I, 255—256.

31) Стихотворение Влад. Ив-ча Панаева „Дафнис к Хлое“, проникнутое теплым дружеским чувством к „союзнице по Апполону“ в Р. М. С. К. II, 2, 92; Ответное послание Наумовой „Хлоя к Дафнису“ ib. 93—96.

32) Р. М. С. К. I, 2; 39—47.

33) ib. № 6, 7, 11 и 12. Ср. Воспоминания В. А. Панаева.

- 34) У. М. К. Б. II, 1—21.
  - 35) Р. М. С. К. I, 2; 82—83.
  - 36) У. М. К. Б. II, 14.
  - 37) ib. 17.
  - 38) ib. 4.
  - 39) О. Буланова. Декабрист Ивашев и его семья. Былое. 1922. № 19, стр. 31.
  - 40) Д. И. Завалишин. Записки декабриста. 2-е русск. изд. 81; 99—100; 178.
  - 41) ib. 100.
  - 42) Р. М. С. К. I, 2; 14.
  - 43) ib. 19.
  - 44) ib. 19—20.
  - 45) ib. 12—13.
  - 46) Загоскин. История Казанск. Университета, т. IV, 523.
  - 47) Завалишин. 254.
  - 48) У. М. К. Б. II, 208—226.
  - 49) ib. 69—82.
  - 50) ib. 75—76.
  - 51) ib. 78.
  - 52) ib. 207.
  - 53) У. М. К. Б. I, 355—358.
  - 54) У. М. К. Б. II, 62—64.
  - 55) ib. 127.
  - 56) ib. 279—284.
  - 57) ib. 276—279.
  - 58) 284—287.
  - 59) ib. 256—264.
  - 60) ib. 200—207.
-

Историческая записка о Камчатке.

Об „Исторической записке о Камчатке“ я уже публиковал в Казанском Библиофиле за 1924 г., № 4 („О рукописной записке по истории Камчатки“). Там были мною отмечены существенные черты содержания этого памятника и указано его значение, как для истории далекой окраины Восточной Сибири, так и вообще для сибирской и обще-русской истории. Поэтому повторять сказанное в этой статье я здесь не буду. Теперь „Записка“ печатается целиком. Она говорит сама за себя. Даже читатель—не историк оценит по достоинству поразительные сведения о положении туземного населения Камчатки и быстром вымирании „Камчадал“ под русским владычеством; не без любопытства он остановится также на удивительном проекте устройства ландмилиции на Камчатке, проекте, напоминающем позднейшую затею Александра I с военными поселениями в России.

Ниженапечатанная „Записка“ извлечена из „дел“ бывшего Архива Государственного Совета (Департамент Государственной Экономии, дело 1810 года, № 29, 1811 года, №№ 88, 163, 168 и 181 и 1812 года, № 34—„о преобразовании в Камчатке Военной и гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края“).

Проф. Н. Н. Фирсов.

Историческая записка о Камчатке, о всех переменах в управлении ее и о настоящем ее состоянии, со времени нахождения там Баталиона на Ландмилицком положении.¹⁾

Открытие и
прежнее со-
стояние Кам-
чатки. К полуострову Камчатке издавна принадлежал уничтоженный ныне острожек Андырск, где русские поставили первую так сказать ногу. Тут находились прежде так называемые служилые люди, для удержания в подданстве окрестных народов, собрания с них в казну ясака и для открытия других мест сего полуострова, бывших тогда в неизвестности.

По осмотру одного из сих служилых Камчатка сделалась известна, а в 703-м году казачьим пятидесятником Владимиром Атласовым завоевана и построена Больше-рецкий Острог, который был главным местом в Камчатке для русских до 1731-го года.

¹⁾ Печатается с сохранением стиля и только с переводом на новую орфографию.

Прим. редакции.

С покорением Главных мест Камчатки, начались, ежегодные командировки казаков, для приведения в большее подданство жителей ея и для сбора ясака. Насильство и жестокость сих казаков и алчность их к прибуткам вскоре истребили ту приязнь Камчадал, с какою приняли они первого из русских посетителей Камчатки казака Старицина. Камчадалы, до сего не видевшие над собою никакой посторонней власти, постепенно лишаемы были русскими природной их свободы, и наконец доведены были до того, что сделавшись совершенными неприятелями русских с умножением и усилением коих в Камчатке, усиливался и дух мщенья у Камчадал так, что в 1706-м году Большерецкий острог раззорен был ими до основания, дома выжжены и казаки все побиты. Со времени сих мятжей, до открытия из Олутска в Камчатку морского пути, то есть до 1715-го года, из числа проезжавших в Камчатку сухим путем из Ангарыска, убито русских более 200 человек. Не смотря одна кож на то, ежегодно посылались в Камчатку казаки для покорения Камчадал и определяемы были переменные начальники, а в 1725-м или 1726-м прибыла туда и морская Экспедиция, под командою Капитана Беринга, для описания островов и берегов Камчатки.

В 1731-м году Камчатка причислена к Охотской области, состоявшей под Начальством Г. Генерал Манора Скорнякова Писарева, от коего зависели и частные Начальники из казаков и детей Боярских, находившиеся в Большерецком, Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острожках.

Для собирания ясака посылались тогда уже особые Комиссары из казаков же и детей Боярских, кои состояли в ведении учрежденной в Большерецке канцелярии, которая заведывала и военными тамошними командами со стоявшими, из казаков же.

Как чрезвычайные притеснения от казаков и сборщиков ясака всегда раздражали Камчадал: то всякое прибавление в тот край русских, служило новою побудительною для Камчадал причиною к новым возмущениям.

В 1731-м году июля 21-го числа Камчадалы произвели чрезвычайный бунт. Они в большом числе пришли к построенному в 90 верстах от устья реки Камчатки острогу, зажгли его, напали на русских врасплох, и всех, сколько тут было, перебили, кроме одного казака Волаткова, который успел скрыться и дать знать находившейся тогда вблизи при берегах Камчатки морской Экспедиции, от коей послана была команда матросов, которые и усмирили Камчадал.

По случаю сего бунта послан был в Камчатку для розыску Подполковник Мерлин с капральством солдат и из Анадырска Маюр Павлуцкий с неизвестным числом воинской команды. Сей последний убит был чукчами.

Но сим не окончились командировки русских. В 1731-м году, при определении Г. Генерал Манора Скорнякова-Писарева Охотским и Камчатским Начальником, велено ему взять из Якутска для тамошнего края до 300 человек служилых. Ему в инструкции от Сибирского Приказа предписано было, в Камчатке и Олутске завести хлебопашество. На сей конец послано и поселено было в Камчатке несколько семей крестьян русских.

Между тем, как прибавлялось в Камчатке русских число природных тамошних жителей уменьшилось, русские вместе с жестокостью, развращенностью и беззакониями опустошавшими Камчатку, завезли туда болезни, жителям Камчатки неизвестные. Все

предвещало Камчадалам совершенное истребление их. Наконец оспа, завезенная туда русским ж — которую до того времени Камчадалы не знали — и свирепствовавшая в 1760-м году, истребила большую часть Камчадал. Хотя после такого опустошения сего несчастного полуострова, должно б было принять другие меры к восстановлению жителей; но бедствия не доходили видно до сведения Правительства — и Управление было еще хуже. Отдаленность Охотского Порта, от Начальников коих зависело Управление и Камчаткою, неудобства сего Управления, чрезвычайные злоупотребления или лучше сказать грабительства частных Начальников по острожкам довершили совершенное разорение Камчатки.

Перемена Начальников. В 1772-м году по Именному Высочайшему указу, Камчатка по Управлению отделена была от Охотска и получила единственного себе Начальника Премьер-Майора фон Бема. Сего Начальника Камчадалы до ныне поминуют самым добрым Начальником. Он установил порядок в тамошних командах; истребил злоупотребления сборщиков; укротил наглость казаков; усмирил самих Камчадал, кои бунтовали; привел их в совершенное подданство; водворил тишину и спокойствие; завел небольшие пашни, винокурение из сладкой травы и солеварение. Одним словом Бем принес туда с собою и учредил спокойствие и порядок, и Камчатка во все время управления его была совершенно щастлива. Он показал первый пример, что может сделать Начальник Камчатки, который жителей ее разумеет детьми своими.

После Бема определяемые вновь Начальники не заслуживали даже и имени сего. Ибо они посылались без всякого выбора и осторожности — и следовательно все почти люди были безпутные и более раззоряли, нежели устранивали Камчатку. В пример сих может быть поставлен Козлов-Угрейн, управлявший Камчаткою с 1783-го по 1788-й год. Козлов Угрейн, по определении его туда, тотчас предпринял — по мнимому долгу Начальника — об'ехать всю Камчатку. Для сего предварительно заставлены были Камчадалы разчищать дороги и вырубать лес. Вместо того, что там всегда употребляются для проездов обыкновенныя нарты, в которых вельзя более поместиться, как одному пассажиру и другому ямщику — Козлов-Угрейн имел превеликой возок, в который Камчадалы должны были запрягать от 50-ти до 60-ти, да под прочих, великую свиту его составлявших, от 200 до 250-ти собак. Для сего числа собак Камчадалы не могли иметь достаточного корму — и потому все почти они подходи. Летом ехал Козлов-Угрейн вверх по реке Камчатке в нарочно построенном судне, которое Камчадалы тащили от зори до зори по пушечному выстрелу с того судна.

По одному примеру сему можно судить о прочих последствиях или бедствиях, происходивших от управления в Камчатке таких начальников.

Заведение Присутственных мест и наконец Общественного Правления. С открытием Губерний получила и Камчатка такой же точно образ управления, как внутренния российские Провинции. Хотя все и везде было пусто, по истреблению большей части Камчадал, но остроги Илийск, Акланск и Нижнекамчатск превращены в уездные города. В них учреждены были все присутственные места, какия должны токмо быть по учреждению о Губерниях; главное ж управление Камчаткою зависело от Иркутского Губернского Начальства. Сей образ Управления существовал до 1804-го года, в котором

по Высочайшему повелению Камчатка переименована в Область, уездные города Ижигинск и Акланск уничтожены и открыто в Нижнекамчатске Областное Правление, составленное из Областного Судьи, двух Заседателей, Секретаря, Стряпчего, Земского Исравника, под Председательством Камчатского Комменданта, которому для придания большей важности, позволено именоваться Правлением Камчатской Области и Камчатским Коммендантом.

Все Присутственные места в Камчатке с самого учреждения их оставались бы без действия, есть ли бы не взаимные вражды, ссоры и ябеды самих судей и прочих чиновников, отборных распутнейших людей—и нарочно туда засланных, составляли предмет занятия. Можно сделать весьма верное сравнение между казаками, завоевавшими Камчатку и между Судьями и Приказными чиновниками или подьячими: первые, истребив большую часть жителей огнем и мечем, оставили в память и в наследство последней части, свои болезни и пороки; а другие распространили болезни, утончили и усовершили пороки своею собственною развращенностью и довершили бедствия Камчадал. Со времени учреждения в Камчатке Судебных мест и нашествия сего рода новых людей, дух вражды и ябеды распространился по всему Полуострову несравненно скорее, нежели страх от меча первых завоевателей. Чтоб доставить себе дело или лучше сказать пищу, надобно было им прежде учить Камчадал, не привыкших к общественной жизни, тем беспорядкам и изобретать всякие случаи, кои по законам подвергают виновных суждению.—До учреждения мест сих Камчадалы ни где и ни кем более не разбирались в своих делах, как своими тоенами или старшинами, но с учреждения мест оных, ничего незначащий случай местные чиновники старались обращать в дело, поощряли Камчадал к жалобам и доносам—заводили следствия—и таким образом, ведя бессмысленных жителей сих по своему желанию, разоряли их до основания. Но когда и сей способ промышленности чиновников стал слабо удовлетворять алчность их, потому что Камчадалы год от году делались беднее и число их непрерывно уменьшалось от притеснений и болезней, то чиновники сии должны были искать дела в самих себе, или в своей развращенности. Они друг на друга делали доносы, производили безконечные следствия—и наконец, будучи отрешаемы и предаваемы Суду, скитались без всякого дела, умножали беспорядки, сообщали пороки свои Камчадалам и развивали разврат.

Таким образом Камчатка, находясь под скипетром России более ста лет, получила во всем чрезвычайную перемену. Начальное покорение ее, продолжавшееся внутренне возмущения Камчадал, происходившие притеснения от завоевателей, то есть казаков—занесенные ими последними болезни, жителям тамошним до того времени неизвестные—а наипаче оспа и венерическая болезнь, истребили большую часть Камчадал. К тому частые перемены Начальников—учреждение Судебных мест—распутство—притеснения и грабительства посланных туда чиновников—развратили и разорили последних Камчадал.

Сформирование полна для Камчатки—Высочайшим приказом 798-го года октября 3-го дня велено сформировать из батальона Полковника Сомова полк и расположить на вверенных квартирах;—шефскую роту одного в Нижнекамчатске, по одной роте при Штабе офицерах: в Большерецко, в Петропавловской Гавани, в Охотске и

в Удском остроге. По назначению Государственной Военной Коллегии, каждая рота должна состоять не менее, как из 60-ти человек рядовых и половинного числа унтер-офицеров; недостающее ж число в комплект дополнить из Сибирских регулярных воинских чинов, коих считалось 342 человека.

Сформирование сего полка и поход его в Камчатку сопровождаемы были величайшими несчастьями и убытками.

В Иркутском Округе для сего полка закуплено было одной муки 61.500 пудов, да крупы до 5.000 пудов, которые с доставкой до Якутска стоили казне: мука 20.295 рублей, крупа до 3.000 рублей. Отправление же оной из Якутска в Охотск требовало еще больших издержек казны, ибо под отправляемую в Охотск муку потребно было 3.232 пары кожаных сыромятных сум, полагая каждую пару по 2—руб. 75 коп., на 8.888 рублей, под крупу 335 пар товарных сум по 5-ти руб. 18 коп. каждая, на 1.708 руб. 50 коп: на перевозку за каждую лошадь, на кою въѣзят якуты не более, 5½ пуд., заплачено в Охотск по 14 руб.—39.938 руб., в Удской Острог под муку сыромятных кож 576 пар на 1.582 рубля, под крупу товарных сум 60 пар на 306 руб., на перевозку за каждую лошадь по 17-ти рублей,—10.812 руб. Следовательно провиант сей, с отправлением части оного в Охотск и Удское стоил казне 86.529 руб., 50 коп. Сверх сих величайших единовременных издержек закупка вдруг столь знатного количества провианта, при случившемся тогда слабом урожае, возвысила цены на хлеб во всей губернии до такой степени, что начальство, в предупреждение совершенного голоду, принуждено было прекратить винокурение на казенных заводах.

Государственная Адмиралтейств-Коллегия три раза отправляла в Охотск морским (путем) служителей и чиновников, из коих первая командировка была, для первого Камчатского полка и нужного на оный продовольствия через море в Камчатку; вторая для построения, сверх состоящих в Охотске на лицо пяти судов—еще четырех Бригантии, пяти Гальютов и двух Пакет-Ботов, и для употребления служителей на тех судах. В сию командировку было послано 78 человек и велено еще прибавить нужное число из казаков ведомства Иркутского. Третья командировка была из 170-ти человек на укомплектование Охотского Порта и его транспортов.—Сия последняя стоила казне 40.000 рублей.

Сформирование означенного полка, доставление его до Камчатки, укомплектование оружейными вещами, аммуницією, совершенно тамошнему месту и климату не следственной, и прочим со стороны Комиссариатского Департамента, по вычислению Иркутского Комиссариатского Комиссионера, стоило казне 65.879 рублей с копейками.

Но сии единовременные расходы не могут сравниться с теми убытками казны и несчастьями Камчатки, какие произошли от прихода туда полка и содержания его там.

Приход полка в Камчатку и губительная зараза. На том самом судне, на котором Шеф оного полка Полковник Сомов отправился с ротою солдат из Охотска в Камчатку один рядовой сделался болен горячкою. Вскоре болезнь сия заразила людей на судне так, что некому было исполнять матроской должности; за болезнью Судового Командира, нельзя было надлежащим образом управлять судном, отчего долгое плавание, сильные штормы и теснота на судне—превратили означенную бо-

лезнь в людях, не привыкших в морю, в свирепую заразу, от коей многие померли на судне. По сим причинам г. Сомов, вместо Нижнекамчатска, занесен был бурей, после долговременного плаванья, в Петропавловскую Гавань. К большому несчастью не было и тут принято от заразы никаких предосторожностей, она вдруг распространилась по всему Камчатскому Полуострову—и в первую следовавшую зиму оустошила не только дома, но и целые селения; не находилось даже людей, чтоб класть в землю тела умерших. Камчадалы, неимеющие понятия о предохранении и пользовании себя от заразы, старались утолять производимый ею жар холодною водою и от того еще более померло их. Таким образом одних ясашных померло в первый год вступления в Камчатку полка около трех тысяч человек и часть солдат. Дома, оставшиеся после умерших семейств, употребили солдаты на дрова. Сей губительный удар, предшествовавшее ему оспенное поветрие и истребление собак полковником Козловым-Угрейном, коего Камчадалы называют собачьею оспою—остались в вечной памяти несчастных Камчадал.

Отягощение
Камчадал по
приходе в
Камчатку
полка.

За сими бедствиями следовали новые отягощения и раззорение остальной части Камчадал.

Первое из них была перевозка провианта по Камчатке из места в место, по случаю не прибытия транспортных судов с солдатами в те пристани, куда были назначены. Перевозка сия стоила казне чрезвычайных издержек

Второе, как судно то, на котором Шеф полка г. Сомов намерен был с ротою солдат прибыть из Охотска прямо в Нижнекамчатск, занесено было бурей в Петропавловскую Гавань. то г. Сомов, по прозимовании там, решился завезенных туда солдат перевести в Нижнекамчатск, сухим путем. Сей поход открылся с начала весны и с наступлением единственного в году времени, в которое все вообще жители Камчатки ловят и запасают, для пропитания себя и для корму собак, рыбу. Камчадалы, при нужденные доставлять солдатам в пути все пособия и быв сим отвлечены от собственных упражнений и удалены от жилищ своих, упустили сие единственное время и целую зиму терпели голод, вместе с своими собаками, коих от сего много подохло.

По прибытии сей роты в Нижнекамчатск г. Сомов расположил полк свой, как назначено было выше приведенным Высочайшим приказом 798-го года октября 3-го дня—и с сего времени началось новое раззорение Камчадал. Солдаты пустились в раз'езды по Камчатке для торговли. Робкой дух Камчадал доставил солдатам способы присвоить себе домашние их заведения, как то: санки, собак, одежду и прочее и они не зная права солдата, не смеют и не будут сметь жаловаться начальству. Вместе с сим открылись частые почты, эстафеты и безпрестанные об'езды чиновников и солдат, как например: с наступлением зимы отправляется комиссар для осмотра округа—потом священники или протопоп для осмотра церквей—провиантский комиссар для проверки магазинов—казачий старшина для осмотра своей команды—наконец представитель области со многими офицерами, для коих и для него нужно не менее 60-ти собак, не смотря на то, что в ином острожке или станци, осталось уже не более пяти человек жителей; но кроме того, что каждому проезжему Камчадалы должны давать собак и проводников, когда дороги заметены бывают снегами, то они обязаны прокладывать их впереди проезжающего колыми паче чиновника или солдата—итти на лыжах и проминать дорогу. Множество таких отяготительных и незаконных повинностей отняли

у Камчадал время не обходимое для промысла не только зверей, но даже и рыбы, которая есть единственная их пища, от чего большая часть собак их от голоду подохли. Сии ж самые тяготные и частые раз'езды были причиною, что Камчадалам запрещается отходить далеко от Острожков или селений своих для промыслу зверей, от чего некоторые принуждены бывают покупать оных у купцов для взноса ясака.

При сих беспорядках и чрезвычайных отягощениях Камчадалам, сделаны со стороны начальства некоторые учреждения ни с чем не соответственные и служащие большому раззорению Камчадал—например:

1. Купцам запрещено привозить в Камчатку и продавать свободно порох—сию столь же не обходимую для Камчадал потребность, как и самая пища, ибо все состояние Камчадал зависит от звериного промысла. А хотя со стороны казны и доставляется туда порох для продажи Камчадалам, но сие несколько не удовлетворяет нужд их; ибо: а) по положению не более отпускается каждому, как по одному фунту, б) Продажа сия от казны сопряжена с известными злоупотреблениями так, что Камчадалы принуждены платить несравненно дороже против положения, чтоб только получить более пороха.

2. Камчадалы, кроме ружья, имеют другой способ промыслить зверя, а именно посредством отравы чилибухи (ядовитый состав, приготовляемый в небольших шариках). К несчастью Камчадал случилось, что два человека хотели отравить ядом сим других. Происшествие сие было поводом к формальному запрещению возить в Камчатку чилибуху.

Сии и множество подобных сему распоряжений, сделанных в Камчатке по примеру Внутренних губерний, служат к конечному раззорению несчастных жителей ея. Между тем—как происходило формирование полка и следование его в назначенные места—деланы были проэскты о заведении в Камчатке хлебопашества. Бывший в Камчатке городничий надворный советник Воеводский полагал для сего, равно и для солеварения усилить в Камчатке настоящие русские селения переводением гуда Охотской Округи крестьян, коих считалось тогда 104 семьи и поселением тут же отставных солдат праздновающих. Надобно заметить, что сии назначаемые крестьяне вовсе не занимались хлебопашеством по неудобности земли и климата. Генерал-майору Сомову представлено было сей проэскт рассмотреть. 12-го июля 1800-го года донес он бывшему Иркутскому военному губернатору генералу от инфантерии Лоццано, что вместо считавшихся 96-ти отставных солдат, нашел он только 11-ть человек и то не способных к земледелию, потом, согласясь на перевод из Охотска в Камчатку означенных крестьян представил, чтобы в добавок к ним прислать из Иркутской округи крестьян 50 семей, из коих несколько поселить по Камчатским Острожкам, дабы приохотить Камчадал к хлебопашеству, а прочих для удобнейшего размножения как хлебопашества, так и скотоводства, поселить в Верхнекамчатске и вниз по реке Камчатке, где удобнее; сверх сего поселить еще до 300 казаков с их детьми, определить к ним командиром—одного офицера, знающего хлебопашество, 3-х сотников, 6 пядидесятников и 15 урядников; для них полагать нужным 100 скотин рогатых и конных, да закупить земледельческих инструментов, всего со скотом на 27.000 рублей. Для солеварения полагал г. Сомов устроить 4 солеварни, в Нижкамчатске, Тигиле, Большерецке и Петропавловской Гавани; по смете,

на сей предмет сделанной, потребно было суммы: единовременно для устройства 7.172 рубля; да на поддержание ежегодно 1.600 руб. на окопирование 80-ти человек рабочих единовременно 12.469 рублей, да на содержание их ежегодно 9.650 руб. Таким образом для солдатов потребно было бы одновременно 19.644 руб., да ежегодно 11.250 рублей. Однако ж сей проект остался без действия по неизвестным причинам.

Бывший Иркутский военный губернатор г. Лоццано в донесении своем к Государю Императору от 13-го августа 1801-го года прописывал „с одной стороны по великим ежегодным издержкам казны на доставление полку Сомова провианта и аммуниции, по изнурению якутов и по неверной, а нередко гибельной перевозке провианта через море на транспортах, а с другой по удобству климата Камчатки к размножению хлебопашества и скотоводства, весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомова полк, по примеру бывших Ландмилицких полков, от чего в последствии заменились бы все издержки казны и не только б одни войска тамошнего края вкусили хлеб от своего земледелия, но все жители безбедно могли бы оным довольствоваться“. Проект сей высочайше апробован 19-го сентября того ж 1801-го года. При чем поручено была ему ж г. Лоццано: 1) сделать исчисление, сколько потребно суммы для приведения сего в действо; 2) изобрести лучший способ для исправления службы; 3) избрать времена для обучения солдат самонужнейшему для военного звания.

В исполнение чего от 17-го ноября того ж года г. Лоццано Государю Императору представил:

1) Поелику места, к хлебопашеству удобные, признавались—близь Нижнекамчатска, где стояли две роты из 219-ти нижних чинов—близь Гавани, где была одна рота из 101-го человека—в Удском Остроге, где было 144 человека: то и полагал он роту, стоящую в Большерецке из 93-х человек, по неудобству там земли к хлебопашеству, перевести к Петропавловской Гавани, считая приличнее в сем последнем месте быть двум ротам; ибо оно одно подвержено покушению неприятельскому. В Большерецке же довольным считал оставить одних казаков, кои и прежде сей острог охраняли. Рота в Охотске, где невозможно уже иметь хлебопашества, оставаясь при порте для занятия караулов, может довольствоваться от хлебопашества в Камчатке.

2) При расположении рот в помянутых местах на непременные квартиры полагал он: две трети людей из оных занять хлебопашеством, на каковое количество и потребные инструменты приготовить: остальная же треть долженствовала занимать караулы, с пособием иррегулярных команд, сменяясь погодно, причем оставшиеся на харами должны обрабатывать участок находящийся на службе. При неприятельском же нападении—чего вовсе, как ему казалось, ожидать нельзя—все земледельцы, находясь по близости, тотчас могут быть собраны на отражение.

3) Полагал обучать всех солдат с 1-го июня по 1-е число следующего месяца, как в такое время, когда ни наступит ни сенокосов, ни жатвы¹⁾.

¹⁾ *Примечание:* Забыто было, что сие время одно в году, в которое бывает общий лов рыбы, идущей из моря в реки—и солдатам должно запасаться на целый год.

4) Хотя одновременно на заведение хлебопашества издержится слишком 41.000 рублей, но ежели взять в соображение трех годичную доставку провианта в Камчатку, Охотск и Удское на 224.572 рубля 40 копеек, каковые расходы и впредь неиз'емлемы, то употребленная сумма на заведение хлебопашества при хорошем урожае обратится очень скоро: ибо — по его положению — средний урожай, по числу всех назначенных в изчисление семян примерно сам плат, в первое время даст — 27.750 пуд. Не употребляя оный в пищу, а засеяв на будущий год, знатное последует умножение — и якуты избавляется от изнурения. А как на первый случай есть в Камчатке некоторая часть казенных семян и до 70-ти лошадей, то заменив сими, менее еще потребуются суммы на заведение; при том же когда навсегда уже будут находиться на службе, то прибавить можно сроки аммуничным вещам. Сверх сего, дабы хлебопашество не ослабить, а еще более усилить оное — испрашивал Высочайшего Соизволения, чтоб каждого рядового, 15-ть лет выслужившего, отставлял навсегда от службы с поселением на хлебопашество; из детей же брать на службу столько, сколько потребуются на укомплектование. Таковое средство по мнению его не только доставит случай ународовать Камчатку, но и хлебопашество размножится до желаемого совершенства и есть ли последует на оное Высочайшая воля, то в 1803-м году совершенно уже можно будет показать опыты земледелия.

Сей проект 29-го декабря 1801-го года высочайше утвержден и повелено было для соображения препроводить в Камчатку к Генерал-Майору Сомову с тем, что если он найдет что — либо неудобным, то изобретя лучший способ, уведомил бы о том г. Военного Губернатора Лоццано. При сем случае дано было повеление и государственному казначею о снабжении г. Лоццано нужною суммою денег. В следствие сего г. Генерал-Майор Сомов в донесении своем Государю Императору от 26-го мая 1802-го года полагал исполнить проект сей следующим порядком.

1) Две роты, составляющие гарнизон Петропавловской Гавани, поселить в Верхнекамчатском Остроге, а из двух рот, в Нижнекамчатске расположенных, поселить одну близъ Ключевского селения в 80-ти верстах от Нижнекамчатска — и другую в 35-ти верстах близъ Камчадалского Острога Машуры — он полагал, что рота сии, в случае надобности может прибыть в Нижнекамчатск, а также служить резервом и Петропавловской Гавани.

2) Г. Сомов испрашивал позволения, чтоб шефу пребывать в Верхнекамчатске как в центре всего полуострова и чтоб посему роты Флигель-Гренадерскую и его поселить близъ одного и новую слободу назвать *Александровою*.

3) Состоявший в Вольерецке гарнизон перевести к устью реки Камчатки для содержавья там караулов.

4) Полагаемый г. военным губернатором Лоццано для обучения солдат срок признал г. Сомов достаточным.

5) Вместе с конным доставить и рогатого скота, прибавить против положения г. Лоццано инструментов и вещей, доставлять более ячменю, нежели ржи, но лучше первого урожая. Для ловли рыбы служителям купить баты (добленные лодки), снабдить их деньгами на заведение рабочей одежды, конской упряжи и проч. для сего прибавить суммы, назначенной в отпуск.

6) На случай неурожая иметь ротные магазейны, из коих должны довольствоваться находящиеся на службе. Провиант же для офицеров и для Охотской роты и других команд покупать у новых пахарей.

7) По причине не всегдашнего употребления солдат на службу, отпускать аммуницию на третью только часть оных, двухгодичную на шесть лет, а одногодичную на три года, кроме однако ж холста, доколе не заведется оный из собственного изделия.

8) Служительских жен доставить в Камчатку казенным коштом.

9) В каждую роту определить по одному коновалу, мельнику, кузнецу, жерновщику и колеснику.

10) Во время упражненья людей на собственной работе производить провианта по половинной даче, не выдавая за другую ничего; по обзаведении же домами и хлебом не производить ни жалованья, ни провианта.

11) Того ж лета отправить на удобные места часть людей для заведения строений.

12) Предписать Удскому начальнику манору Свитину, чтоб уведомил военного губернатора г. Лоццано о удобности завести там хлебопашество.

13-е) Отставление от службы через 15 лет признал весьма полезным.

Проект сей г. Сомов заключил сими словами: „по сему расположению уповаю, Всемилостивейший Государь, что в предыдущие времена содержание Камчатского Гарнизона казне не будет составлять больших издержек; здешние войска останутся в полном довольствии и гарнизон будет в исправности и готовности к отражению неприятельского покушения“. При сем донесении представил, что на таковое устройство потребно суммы до 44.349 руб.

Вслед за сим г. Сомов от 5-го Августа того ж года донес Государю Императору, что он для скорейшего выполнения Высочайшей Воли. назначил часть четырех рот для заведения строения и приуготовления мест к хлебопашеству, в Машурское, Ключевское, Верхнекамчатское и Малаковское селения, близ коих назначено поселение тех рот.

Все сии предположения Высочайше апробованы 1803-го года Генваря в 13-й день и препровождены к Иркутскому Военному Губернатору Лебедеву для надлежащих распоряжений.

Между тем в продолжении времени полк Генерал-Маиора Сомова переименован Камчатским Гарнизонным Батальоном, сформирована вновь в Гижиге рота для составления там Гарнизона и приобщена к оному Артиллерийская команда с одним подпоручиком.

Убытки от заведе-
ния хлебо-
пашества. Как скоро последовала Высочайшая апробация означенного предположения, то и начались новые расходы казны. Солдатским женам выдавались прогонные деньги на проезд в Камчатку к мужьям своим; покупались земледельческие инструменты и семенной хлеб.—Все сие отправлялось с великою поспешностью в Камчатку и семенной хлеб достиг туда прежде, нежели солдаты на показанных им местах успели начать строиться, и когда не только не приготовлена еще была земля, но даже неизвестно было, есть ли еще и сколько именно удобной к хлебопашеству земли—почему хлеб тот остался без посева—и наконец начал пор-

таться. Сие заставило перемолоть весь сеянный хлеб и употребить в выдачу солдатам. Вместе с первым отправлением в Камчатку сеянного хлеба собран был требуемый туда скот, отправлен по назначению в Тигильскую крепость и сделаны предписания о заготовлении сена в Ямске, Ижиге и Тигиле; но как исполнители были худые, то большая часть скота подохла от голоду.—Много побито и употреблено в пищу—а самая малая часть дошла до Тигили спустя несколько годов. После сего неприятного случая сделано пожертвование скота Среднеколымскими жителями; но и из оного часть подохла дорогою, а некоторое только число дошло до Ижиги в 1807-м году.

Между тем—как начальство занималось распоряжениями о доставлении в Камчатку хлеба, инструментов, скота и прочего, для разведения хлебопашества, и как казна употребляла на сие чрезвычайные расходы—в течении двух лет 1803-го и 1804-го не было сделано еще и порядочного начала к земледелию, и во все сие время выстроено только солдатами три дома.—Солдаты переведены были на места, назначенные к поселению. Сие требовало новых расходов: издочно было провозить туда провиант из приморских мест, и за перевозку сию из Большерецка до Нижнекамчатска солдаты получали от казны по 5-ти рублей с суммы, из прочих мест платилась им же соразмерная сему цена. Но как недовоз до тех мест провианта начал угрожать солдатам голодом, то перевели их из Верхнекамчатска и Машуры в Петропавловскую Гавань, а из Ключевского селения в Нижнекамчатск, куда отправили обратно и военно-сиротское отделение, которое в 1805-м году переведено было в Верхнекамчатск и умножило там число не хлебопашцев, а хлебоедов. Таким образом уверения г.г. Лоццано и Сомова,—что Камчатка в 1803-м году покажет опыты земледелия—и что она не только своих жителей, но и Охотск будет довольствоваться хлебом—неисполнились. Испрошенная г. Сомовым, на сеянный хлеб, земледельческие орудия и прочее, сумма 44.349-т. рублей—почти вся уже издержана, но ни малейшего успеха в хлебопашестве по сие время нет и ожидать никогда нельзя, по следующим причинам:

1) Солдаты упражнясь зимою в раз'ездах в мелочной торговле по осторожкам, в переходах из места в место и перевозке для себя провианта, получая еще за то от казны плату, а летом в ловле рыбы и прочих домашних своих упражнениях—доведены до того, что они, не сделавшись крестьянами, забыли вовсе службу, даже и самая одежда воинская кажется им необыкновенною потому, что носят платье, употребляемое Камчадалами и прочими жителями той страны, как-то: парки, куклянки, камлейки, торбаса и прочее,—ибо аммуниция солдатская тамошнему климату ни мало не соответственна.

2) Солдат получает жалованье, провиант, полную аммуницию, квартиру и прочее, так, что во всем содержании своем совершенно обеспечен, как питомец. Сверх сего за то, что привезет к квартире своей собственно для себя провиант из приморского места, получает от казны ж большую плату. Одним словом солдат в Камчатке есть совершенный господин, который не знает никаких обязанностей к обществу, не несет ни службы, ни повинности какой-либо; работает для себя, собственно; обеспечен со стороны содержания казною—и которому, кроме его начальника, все прочее повинуетя и раболепно служит. При всех таковых выгодах сии

господам-солдатам нет никакой нужды прилежать к обработыванию земли и доставать не нужной для них хлеб в поте лица, подобно добрым земледельцам, а особливо тем, из них, кои, находясь с молодых лет на службе, или еще поступив в оную из солдатских детей, не умеют взять в руки сохи.

3-е Начальниками в Камчатку определяются такие люди, которые совсем не посвятили себя правилам сельского хозяйства и земледелия—и которые не имеют о том никакого понятия. И как обыкновенно редки истинные патриоты, предпочитающие общественную пользу своей собственной, то управление Камчаткою будет всегда целью для начальников, или выиграть что нибудь за отдаленное служение свое, которое могут они украсить донесениями своими, или приобрести себе разными способами богатство и сделаться в Камчатке совершенным деспотом, в той надежде, что отдаленность не допустит до слуха высшего начальства и самых противозаконных поступков. Лучшим примером сему служить бывший пред сим коммендантом г. Генерал-Маиор Кошелев.

При нем солдаты, вместо упражнения в хлебопашестве, безпрестанно переводимы были из одного места в другое и разоряли до основания Камчадал. Большая часть офицеров содержания были по несколько лет под караулом по известному делу. Нижние служители оставались без должного над ними надзора и, предавшись совершенно разврату, совсем не думали заниматься хлебопашеством.

4) Одно доставление в Камчатку сеянного хлеба, сопряженное с чрезвычайными затруднениями, представляет большее неудобство и не подает никакой надежды, чтоб можно было распространить земледелие по предположению и уверению г.г. Лоццано и Сомова. В 1807-м году, по требованию г. Генерала-Маиера Кошелева, куплено было в Иркутске разного сеянного хлеба 500 пуд. который с доставкой в Якутск обошелся казне, каждый пуд по 1—руб. 40—коп., из Якутска отправлен оный в июле месяце в Охотск во 198-ми ящиках, нарочито сделанных, обтянутых кожей, пазы коих обклеены холстом и сверх того засмолены; куплена была нарочито палатка, чтоб под нею в ненастное время иметь ящики сии; под своз оного нанято было 99 лошадей—и таким образом хлеб сей обошелся казне в 5.519—руб., а в Охотск доставлено оного, вместо 198-ми, только восемь ящиков; прочие же сложены на дороге Охотской, по чрезвычайной распутице, от которой якуты лишились множества лошадей. В каком же состоянии доставлены из Охотска в Камчатку оные 8 ящиков с хлебом сим—теперь еще не известно. Хотя по сделанному распоряжению, сложенный на дороге хлеб, доставится в Охотск нынешним летом; но доставление его из Охотска в Камчатку и оттуда до селений Ландмилицких, не может ранее последовать, как в конце сего года, ибо все тягости развозятся по Камчатке зимою и потому посев его может быть не ранее, как уже в 1810-м году. Следовательно сеянный хлеб, пробывший в пути слишком три года, и коего при всех описанных способах сохранения никак нельзя сберечь от действия сырого морского воздуха во время перевоза его через море, не только в Камчатке, на необработанной еще земле и в столь сыром—климате, но и в самом хлебодородном месте на удобной земле едва ли может дать хороший урожай.

5) Из всех проектов и представлений о заведении в Камчатке хлебопашества, не видно никаких доказательств, чтобы земледелие могло доведено быть до

такой степени, что Камчатка может современем довольствоваться хлебом и Охотск. Известно, что климат в Камчатке, а особливо в приморских местах, суровый, сырой и более вредный для произрастания хлеба. Снеги обыкновенно выпадают там весьма рано, а сходят очень поздно, так, что нет времени созреть хлебу совершенно. В то время, когда хлеб должен колоситься, в ущелинах гор лежат еще снега—и слабый даже ветер из ущелин сих весьма много вредит хлебу. В июне и июле бывают нередко сильные инеи, от которых хлеб совершенно позыбает.

Сверх сих убедительных доказательств, опыты многих лет доказали, что в Камчатке хлеб весьма худо родится, кроме того, что в самые лучшие теплые и умеренно дождливые года бывает урожай и то одного токмо ячменя.

6) В доказательство совершенной безнадежности, чтобы в Камчатке можно было распространить по всем вышеприведенным проектам земледелие и ожидать когда либо и какой нибудь пользы от тамошней Ландмилиции—может служить последнее донесение ко мне в прошедшем июне месяце здесь полученное, от нынешнего Камчатского коменданта г. генерал-майора Петровского, который по личном обозрении Камчатки во всех частях и с своей стороны все сие подтверждает.¹⁾

Сообщ. проф. Н. Н. Фирсов.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Поппе Н. Н. О родственных отношениях Чувашского и Тюркотатарских языков. Чебоксары. 1925. 8°. 31 стр.

Настоящая книга заслуживает быть отмеченной за свою новизну, оригинальность и живость изложения. Автор не только знакомит нас с существующими течениями по затронутому вопросу, но дает новое решение вопроса. Вопреки исследователям—предшественникам, Н. Н. Поппе смело утверждает, что никаких финских элементов, кроме новых черемисских заимствований, в чувашском языке нет, да и быть не может, ибо история говорит в пользу того, что чуваша—булгары стояли на гораздо более высокой ступени цивилизации, чем звероловы—финны, и поэтому заимствовали не булгары от финнов, а финны от булгаров.

Чувашский язык является ближайшим родственником монгольского и тюркотатарских языков. В отношении некоторых явлений он стоит ближе к монгольскому языку, в некоторых же других отношениях (напр., морфология, многие фонетические развития) он прошел те же стадии развития, что и общетюркский язык. Будучи тюркоидным алтайским языком, чувашский язык стоит на гораздо более древней ступени развития, чем все тюркские наречия. Отсюда право исследователя сделать вывод, что чувашский язык отделился от общего языка—предка до распада обще-тюркского языка, т. е. в до-тюркскую эпоху. Поэтому когда общетюркский язык представлял собою еще более или менее единый язык, чувашский (древне-чувашский) язык уже шел своими путями развития.

К этим выводам автор пришел путем продолжительного изучения чувашского языка в его прошлом и настоящем. К сожалению, не весь материал, кстати сказать, весьма интересный, введен в печатную работу. Если бы этот материал был в печати, была бы возможность составить более или менее близкое к действительности представление о последовательных этапах развития чувашского языка, равно как и родственных с ним монгольского и тюркских языков. Автор, несомненно, располагает большими материалами по этому вопросу, во многих отношениях уже вполне подготовленными к печати. Об этом, помимо рассматриваемой работы, говорят также и другие весьма интересные и очень содержательные работы автора: «Монгольские этимологии.» (Доклады Российской Академии Наук 1925 г.), «Система глухих смычных в алтайских языках» (Доклады Рос. Акад. Наук, 1925 г.), «Sur un phonète tureo-mongol» (Доклады Рос. Ак.—Наук 1925 г.), «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам» (Известия Российской Академии Наук, 1924.)

Весьма желательно, чтобы автор выпустил в свет и монографические работы о чувашском языке. Я уверен, что эти работы будут ценным вкладом в науку и будут с живейшим чувством удовлетворения приняты чувашской интеллигенцией, насчитывающей в своих рядах свыше 2000 человек.

ИНСТИТУТ
НАУКИ
Н. Никольский.

«Труды Общества Исследователей Рязанского Края. Вып. V К материалам по Археологии Рязанского Края». Рязань. 1925 г.

В «Материалах» помещено две статьи: 1) *В. А. Городцов*, Дубровический Финский Могильник (стр. 3—14, с таблицей) и 2) *Б. А. Куфтин*, Льяловская неолитическая культура на реке Клязьме в Московском уезде в ее отношении к окскому неолиту Рязанск. губ. и ранне-неолитическим культурам Северной Европы (Предварительный отчет о раскопках 1923 г. — (стр. 17—33, с 4 табл.).

В. А. Городцов, делает обзор находок на территории разрушаемого ветром могильника на дюне Борок близ села Дубровичи Рязанск. губ. К анализу автор привлекает находки 1907 и 1919 г. и начинает этот анализ с так назыв. арбалетных фибул.

Дубровические фибулы делятся на два типа: 1) простой арбалетный и 2) арбалетный с ромбическим хвостом. Первый тип фибул хорошо изучен, и они хорошо датируются совместными находками римских монет конца II и нач. III в. по р. х. Хорошо уясняется и путь их проникновения, при чем «областями наибольшего распространения служат сев. Германия, Южн. Скандинавия и Юг. Западн. Россия, именно Приднепровье». На Оку они проникли с Днепра. Что касается фибулы с ромбическим хвостом, то она принадлежит к редкому типу. Этот тип известен Кавказу для II в. р. х., при чем «присутствие этого типа арбалетной фибулы в Дубровическом могильнике и дает ему право занять пока древнейшее положение среди всех до сих пор открытых окских финских могильников».

Сделав далее ряд интересных замечаний о литье финских ажурных вещей (стр. 10—11), автор делает обзор других предметов, а именно: птицеобразных колокольчиков, простых колокольчиков, гривен, бус и т. д., рассматривая каждый предмет с находками того же типа в других районах.

Изучение материала, пока весьма скудного, полученного не путем специальных археологических исследований убеждает автора, что «интерес его (Дубровического могильника) заключается в том, что он представляется наиболее древним среди всех известных могильников, принадлежащих окским финнам». «А если это подтвердится, то исследование такого замечательного коллективного памятника явится для русской археологической науки не только крайне желательным, но и необходимым», — заключает автор свой обзор.

Обзор находок могильника интересен и весьма грустно читать примечание автора к заключению его очерка: «При осмотре могильника в 1924 г. выяснено, что площадь его сильно пострадала от движения дюнных песков и, по видимому, значительная часть погребений погибла окончательно».

Статья *Б. А. Куфтина* изучает неолитическую стоянку в Московских уезд. на левом берегу р. Клязьмы. Изложив результаты геологич. исследований и почвенных бурений (стр. 18—22), автор переходит к обзору культурного инвентаря стоянки. Характерным автор считает «обнаруженное в ней (Льяловской стоянке) впервые одновременное бытование в неолите Средней России типичной ямочно-зубчатой (гребенчатой) керамики с обычно сопровождающей ее «Робенгаузенской», поздне-неолитической индустрией (кремневыми орудиями тонкой отжимной техники, шлифовальными камнями, сланцевой продырявленной подвеской) и грубо оббитых орудий, совершенно иной культуры, ранне-неолитического кампиньенского облика».

В дальнейшем автор делает обзор керамики (стр. 23—24), продуктов кремневой индустрии (стр. 25—27) и орудия из кости (стр. 27—28), приводя аналогии из других районов и из культур неолита Зап. и Северн. Европы.

Стр. 28—33 автор посвящает вопросам датировки Льяловской стоянки и этническим проблемам. Анализ инвентаря стоянки убеждает автора, что «Льяловская культура по возрасту примыкает вероятнее всего к Ладожской, возможно несколько древнее ее, отличаясь широким распространением, благодаря близости к окскому не-

олиту, хорошей гребенчатой керамики, представленной в Ладужской культуре всего лишь 10% и использованием кремневого материала, почти не известного в Ладужской стоянке».

Этническая проблема, конечно, пока не разрешима, и автор лишь делает весьма беглый обзор установки вопросов этнологического — лингвистического значения. 4 таблицы являются прекрасным дополнением изложения автора, хотя технически таблицы обеих статей выполнены не достаточно удовлетворительно.

Какая же связь изученного неолита с рязанским краем? Автор полагает, что Льяловский неолит территориально близок рязанской культуре с макролитической индустрией и «не может близко не касаться рязанского края, этой классической страны среднерусского (Окского) неолита, с так наз. ямочно-зубчатой (гребенчатой) керамикой»...

Статья, конечно, весьма интересна, хотя этническая проблема могла бы быть с успехом пока не затронутой. Материал статьи будет иметь значение, однако, не только для москов. у. и рязанского края. Надо уже теперь полагать, что Льяловская стоянка может быть связана с неолитом, напр., угла, образуемого Волгой и Камой при впадении последней в первую (раскопки Проф. А. А. Штукенберга в сел. Карташихе, Лаишевск. у.).

Таким образом вып. V «Трудов» общества исследователей рязанского края окажется полезным и при изучении культур Камско-Волжского Края.

В. Смолин.

„Труды Пензенского Общества Любителей Естествознания и Краеведения. Вып. VII. 1925 г. А. А. Спицын, Древности Пензенской губ.“ Пенза. 1925.

Выпуск состоит всего лишь из 14 страниц. На этих немногих страницах А. А. Спицын бегло делает обзор древностей Пензенского края, чему предпосылает краткую географическую характеристику. Отметив отсутствие в губернии следов палеолита, автор делает сводку других предметов каменного века и приходит к выводу, что „каменный век едва ли был развит в губернии в отчетливом виде и даже неясно, действительно ли существовал он здесь в какой-либо мере“. Напротив, автор скорее склонен думать, что все перечисленные им находки каменных предметов должны быть отнесены к следующему за каменным, медному периоду, изобилующему изделиями из камня и весьма развитому в русских древностях.

Далее автор учитывает движение с севера Фатьяновской культуры, с востока — Хвалынской и с юга — культуры курганов со скорченными погребениями.

В качестве признака наличия культуры древнейшего периода в Пензенском крае автор отмечает „любопытнейшую поделку, единственную в своем роде“, большую костяную острогу (гарпун), найденную в р. Суре близ д. Ухтинки. „Весьма возможно, что это только начало значительных открытий в том же направлении“, — заключает автор.

Чистый бронзовый век в Пензенской губ. не установлен, „однако какие-то проявления такого периода в данном районе, видимо, существуют“. К этому приводят автора некоторые находки и особенно клад из с. Сабанчеева, Алатыр. у. Симб. губ. Поэтому автор считает возможным, что здесь могут оказаться „хорошие находки данной культуры“.

Ананьинская культура также бросила свой луч в Пензенский край, и автор также ждет при изучении края находок в этой области. Но до ананьинской культуры в краю есть следы культуры закавказских могильников, свидетельствующих, что в IX—VIII в. до. р. Х. край имел сношения и культурные связи с югом (через Хопер и Дон).

После ананьинской культуры „в пензенских древностях идет совершенно темная пора“. Но зарегистрированы 3—4 местонахождения римских монет и еще несколько предметов, пока неуясненных.

С VI в. в крае автор прослеживает финские памятники старины. Первоначально это—городища Дьякова типа. Автор дает их общую характеристику и характеристику находок на них и сообщает их перечень по имеющимся у него сведениям.

Но если не изучены старейшие могильники края, то „древности X. в. выступают уже дружно, но лишь в западном Окском районе“. Могильники этой эпохи богаты вещами, при чем автор указывает известные ему могильники.

После отмеченной культуры X в., автор переходит к древностям татарского времени XIII—XV в. Край входит в состав Золотой Орды и к 1361 г. приурочивается образование особого „княжества, Наровчатского, судьбы которого совершенно неизвестны“.

Более яркими памятниками этого времени автор считает мордовские могильники, краткий обзор которых автор и делает.

Автор полагает, что к этому же периоду принадлежат курганы, рассеянные по краю и до сих пор нераскопанные даже кладоискателями. Автор, однако, допускает, что некоторые из курганных насыпей могут оказаться принадлежащими медному веку. Автор указывает, что курганы отмечены в 74 пунктах, но эти данные, по мнению автора, далеко не полны.

Из городищ татарской эпохи—„самое rozpoзнаваемое—Наровчатское“, которым в последнее время заинтересовались Саратовские археологи. На стр. 11—12 автор делает обзор немногочисленных находок кладов татарских вещей.

В дальнейшем для XVII—XVIII в.в. автор кратко отмечает в ряду древностей мордовские могильники, а также в ряду русских древностей отмечает—засечные валы и пещеры (повидимому, монастырские).

В кратком обзоре нельзя было сделать многого. Но и сделанная сводка указывает на интерес древностей Пензенского края и на их почти полную неизученность. Целые крупные эпохи остаются непонятыми. Поэтому, в заключение автор предлагает изучать край и указывает пути этого изучения:

„Прежде всего через краеведческие организации и отдельных лиц продолжать собиpание сведений о памятниках древности, начатое в 1873 г. Статистическим комитетом и продолженное потом Терехиным, давая как самый учет памятников, так и их описание. Далее—собиpать под'емный археологический материал, особенно же стоянок каменного века и с городищ, и непременно весь, включая и все черепки. Наконец—произвести необходимые раскопки. Это будут прежде всего раскопки памятников, подвергающихся опасности уничтожения, а затем наименее известных рядов древности, именно тех же стоянок каменного и медного периодов, городищ, особенно древнейших, кочевнических курганов, ранних финских могильников (VI—IX у.); необходимы и завлекательны разведки по костяному веку“.

Обзор необходим и полезен не только для пензенских краеведов, но он дает интересный материал для русского археолога вообще. Во многих периодах древности Пензенского края близки к древностям Кам.-Волжского Края, и, конечно, сжатый, но интересный, обзор А. А. Спицына будет настольной книгой и археологов Кам.-Волжск. края.

В. Смолин.

М. Азадовский и М. Слободский, Декабристы в Сибири (Библиографические материалы). Иркутск. 1925 г.

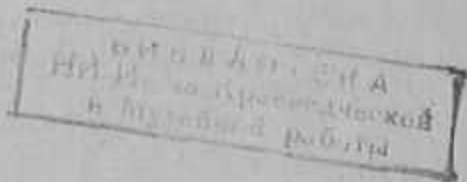
Составители задались скромной целью: придти на помощь, педагогам и краеводам «в их культурно-просветительной работе, поскольку в ее орбиту войдут и вопросы, связанные с пребыванием декабристов в Сибири. Мы полагаем, что эти темы будут интересовать не только в юбилейные дни».

Составители допускают, что настоящий указатель не исчерпывает всего материала, т. к. о полноте в провинциальных условиях (сибирских—особенно) говорить почти нельзя. Особое внимание авторы обратили на периодическую литературу.

Всего в указателе вошло 384 нумера. И надо думать, что педагог и краевед, действительно, почерпнут отсюда много ценных справок. В конце брошюры приложены: географический указатель, указатель собств. имен и систематический указатель. Эти указатели придают брошюре характер удобного справочника, но, к сожалению, в указателе «собственных имен» многие имена не указаны: напр., Н. Н. Бакай, Балакшин Б. и другие.

Во всяком случае брошюра—интересный справочник и составители ее внесли хороший дар сибирскому краеведению.

В. Смолин.

ВАЖНЕЙШИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ.

			Напечатано:	Следует:
Стр.	6 строка	4 свер.	12 ноября	11 ноября
"	8	" 1 с низ.	учинский	4) Лучинский
"	8	" 2	Былое	3) Былое
"	9	" 4 свер.	12 ноября	11 ноября
"	9	" 11	О научной концепции, о научном построении и обосновании	На научную концепцию, на научное построение и обос- нование
"	10	" 3 с низ.	необходимым	необходимыми
"	12	" 5 свер.	12 ноября	11 ноября
"	13	" 18	в смутное	в смутное время
"	14	" 2	как	так
"	14	" 22	их	но
"	14	" 23	должны	должно
"	14	" 24	совокупления права	совокупность прав
"	15	" 7 с низ.	областную	обильную
"	15	" 20	новшествами	княжествами
"	17	" 24	уклад, может быть,	уклад может быть
"	18	" 2 свер.	и	и в последний раз прояви- лась
"	18	" 12	людьми. Общественные	людьми, общественные
"	26	" 9 с низ.	в родне	вроде
"	27	" 6	темной	тайной
"	31	" 7 свер.	слияния	влияния
"	32	" 18	какне обузданность	как необузданность
"	35	" 8	„Мертвые души“ России Гоголя	„Мертвые души“ Гоголя
"	35	" 18 с низ.	военно-экономическое	вольно-экономическое
"	43	" 4	проявления	проявления борьбы
"	57	" 19 свер.	бревна	бравого
"	57	" 15 с низ.	норода	народа
"	58	" 3	дураков яд	дураков-яд
"	78	" 6 свер.	раями	краями
"	84	" 1	разре	разрез
"	95	" 13	из	на
"	106	" 16	добывается	добывается
"	110	" 4	бртке	браке
"	110	" 5	инересно	интересно
"	112	" 8	Почему	Поэтому
"	127	" 7	ниже	выше
"	127	" 38	смедующему	следующему
"	127	" 39	янатарная	янтарная
"	132	" 8	ма териально	материально

Напечатано:			Следует:
Стр. 133	„	1 сниз. 39)	19)
„ 136	„	17 „ Бателли	Баттелли
„ 146	„	13 „ Членом	членом
„ 149	„	15 свер. заставляют	заставляет
„ 150	„	15 сниз. неприложность	непреложность
„ 151	„	17 „ в неродном	в народном
„ 151	„	9 „ гармонична	гармонично
„ 152	„	2 свер. самы	самых
„ 152	„	8 „ создать	создатель
„ 153	„	14 сниз. парнаса	Парнаса
„ 155	„	2 свер. и	в
„ 155	„	8 „ рессиянок	россиянок
„ 155	„	15 „ Этпитиды	Эпитиды
„ 156	„	31 „ Неумова	Наумова
„ 157	„	2 сниз. Дафис	Дафнис
„ 159	„	16 свер. много	мною
„ 159	„	12 сниз. превосходства	превосходстве,
„ 162	„	20 свер. имела места	имела место
„ 168	„	2 сниз. повсеместный	повсеместной
„ 171	„	19 свер. Свежее	свежее
„ 176	„	10 „ мятжеей	мятежей
„ 177	„	25 „ Нозлов	Козлов
„ 177	„	26 „ мнммому	мнимому
„ 181	„	1 „ не обходимое	необходимое
„ 181	„	7 сниз. ии	ни
„ 183	„	1 „ сег	сего
„ 186	„	4 „ сыром-климате	сыром климате
„ 187	„	13 свер. Тамошной	Тамошной

К. Р. 412

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА.

ТОМ XXXIII, вып. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники древне-татарского военного искусства в Московской оружейной палате А. И. Успенского стр. . . . . 1—14

Археологические разведки в Чувашской Республике в 1926 г. В. Ф. Смолина . . . . . 15—32

Археологические наблюдения на улицах Казани. Н. Ф. Калинина стр. . . . . 33—38

Дюнная стоянка в окрестностях г. Канска, Енис. губ. Н. И. Воробьева . . . . . 38—44

О двух редких золотых монетах делийских султанов. Р. Р. Фасмера стр. . . . . 45—52

Культурные отношения Швеции к России в текущей шведской археологической литературе. С. П. Шестакова . . . . . 53—65

Крестьянские постройки мордвы с. Кученяева, Ульян. губ. Н. И. Масленникова . . . . . 67—74

Материалы исторические

Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX в. Сообщ. Е. И. Чернышева . 75—97
Песня о городе Казани. Сообщ. О. Озоровской . . . . . 98—99

Библиография

Н. Чужак. Правда о Пугачеве. Н. Н. Фирсов . . . . . 100—101
Издания по изучению собраний Сергиевского Государственного Историко-Художественного Музея (бывш. Троице-Сергиевой Лавры). П. Корнилов . . . . . 101—103
Новые работы по этнографии. Н. И. Воробьев 104

Приложение

Отчет О-ва Арх. Ист. и Этногр. с 31-III—1924 г. по I-IV—1927 и список членов . . . . . 105—112

КАЗАНЬ
1927

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ КАЗАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА.

ТОМ XXXIII, вып. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники древне-татарского военного искусства в Московской оружейной палате. А. И. Успенского стр. . . . . 1—14

Археологические разведки в Чувашской Республике в 1926 г. В. Ф. Смолина . . . . . 15—32

Археологические наблюдения на улицах Казани. Н. Ф. Калинина стр. . . . . 33—38

Дюнная стоянка в окрестностях г. Канска, Енис. губ. Н. И. Воробьева . . . . . 38—44

О двух редких золотых монетах делийских султанов. Р. Р. Фасмера стр. . . . . 45—52

Культурные отношения Швеции к России в текущей шведской археологической литературе. С. П. Шестакова . . . . . 53—65

Крестьянские постройки мордвы с. Кученяева, Ульян. губ. Н. И. Масленникова . . . . . 67—74

Материалы исторические

Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX в. Сообщ. Е. И. Чернышева . 75—97
Песня о городе Казани. Сообщ. О. Озоровской . . . . . 98—99

Библиография

Н. Чужак. Правда о Пугачеве. Н. Н. Фирсов . . . . . 100—101
Издания по изучению собраний Сергиевского Государственного Историко-Художественного Музея (бывш. Троице-Сергиевой Лавры). П. Корнилов . . . . . 101—103
Новые работы по этнографии. Н. И. Воробьев 104

Приложение

Отчет О-ва Арх. Ист. и Этногр. с 31-III—1924 г. по 1-IV—1927 и список членов . . . . . 105—112

КАЗАНЬ
1927

7

62 г.

1955 г.

Печатается на основании постановления Совета Общества под редакцией председателя
О-ва Н. Н. Фирсова и секретаря О-ва Н. И. Воробьева.

1945г.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Казанской
в Музейной р. б. н.

577/3.

Г. ИВ.

Главлит ТР № 457.

Заказ № 450.

Тираж 500 экз.

Типография „Красный Печатник“ Татполиграф, Казань, Казанская, 9.

Памятники древне-татарского военного искусства в Московской Оружейной Палате.

Московские князья, а затем цари всегда интересовались своим и иностранным оружием и имели при себе более или менее богатые его коллекции. Известно, между прочим, что великий князь Василий Иванович в 1511 году учредил при себе высокую и ответственную должность оружейничего. Оружейничий обязан был не только хранить, но и заготавливать холодное и огнестрельное оружие, стяги и знамена и украшать дворцовое собрание красивым, богатым и изящным оружием и доспехами. Из этого собрания оружие раздается в подарок и иностранным владетелям и их послам. Впоследствии деятельность оружейничего расширяется с образованием Мастерской и Оружейной Палаты, которая в XVII веке превращается в целую Академию Художеств, где работали знаменитые царские иностранные и русские мастера, — оружейные, ствольные, сабельные, иконописцы, живописцы, граверы и пр. т. п. При Оружейной Палате образовался обширный музей с многими отделами, хранившиеся в котором памятники древнего и нового искусства обычно служили образцами при новых работах. Этот музей сохранился и после упразднения Оружейной Палаты, как рабочего учреждения, до настоящего времени, удержав ее имя и богатейшие ее коллекции.

Между памятниками иностранного искусства в Оружейной Палате есть достаточно предметов татарского оружия и доспехов, сохранившихся здесь с давних времен. Эти предметы и останавливают на себе в настоящее время наше внимание в связи с вопросом о монголо-татарском (в широком значении этого слова) влиянии на русское военное искусство.

Начнем знакомство наше с шлемами, или шоломами, среди которых есть несколько плохо сохранившихся и потому трудных для точного их определения.

К таким шоломам относится *шолом № 4403 XIII века* (в описании он определен, как „восточный“). Железный колпак высокий остроконечный гладкий. По венцу в двух продолговатых клеймах уцелели незначительные следы восточной надписи, но прочесть ее нет возможности в виду того, что большая часть букв стерлась. Поэтому же нет возможности решить, татарский это шолом или арабский, — если татарский, то здесь мы видим древнейший памятник татарского военного искусства. Просматривая старинные описи Оружейной Палаты, мы видим, что шолом значился здесь при проверке Большой Государевой Казны в 1687 году и в описной книге числился под № 5. Весил шолом 2 фунта 62 золотника.

Под № 4388 хранится *шолом* (в описи назван „русским“) *XIV века*. Железный колпак гладкий, выпуску стрельчатый, без наверхья, поломан; по венцу уцелели остатки узора и восточной надписи. Весит 1 фунт 70 золотн. Возможно, что и этот шолом татарского происхождения. Поступил он в Оружейную Палату в 1831 г. из Московского Колымажного Двора (учреждение тоже старинное).

Под № 4404 значится *шолом монгольский XVI века с личиною*. Круглый стальной колпак, заостренный сверху. По колпаку и по венцу вырезаны травы: три листа, соединенных в виде цветка, составляют навершье. Около подвешья по-арабски написаны имена божии, в переводе на русский язык означающие: „Милосердый, Зиждитель, Чистейший, Владыко и Прибежище мира“. Твореное золото покрывает навершье, надпись и кайму, которая отделяет венец от подвешья. Шолом сохранился неудовлетворительно, — во многих местах побит и поржавел. По венцу скважины и гвозди показывают место, где к шолому прикреплялась бармица. Весит шолом 3 ф. 38 з.

Личина стальная с выпуклыми частями лица и прорезанными насквозь ноздрями и глазами, пристегивающаяся к шолому пробоем с кольцом и закрепляющаяся на месте щеколдою, утвержденною на конце шолома и продетую сквозь отверстие, сделанное на личине; пробоя нет; на лбу, на щеках и бороде резаны были травы, позолота их уцелела кое где.

В описи Оружейной Палаты эти шолом и личина описаны так: „Шапка железная с личиною, а шапка и личина золочена и попорчена; цена 8 рублей“.

Интересно, что слово „колпак“ — шапка — чисто татарского происхождения. Слово это стало употребляться у нас не позднее начала XV века. Колпак состоял из верхней части или навершья в виде многогранной пирамиды с яблоком на конце и нижней — цилиндрического околоша с неширокими, немного отогнутыми краями. Иногда к колпаку прикреплялась кольчужная сетка, застегивавшаяся на груди или шее запонами.

Под № 4405 в Оружейной Палате *имеется шолом монгольский XVI века с личиною*. Колпак стальной круглый, заостренный кверху, украшен нарезными травами. Навершье (в виде толстой железной стойки) сохранило следы позолоты. Арабская надпись, наведенная твореным золотом на резьбе на подвешье, в переводе на русский язык гласит: „Милосердый, Зиждитель, Чистейший, Владыко и Прибежище мира.“ Твореным же золотом наведено и по кайме, разделяющей венец от навершья. По краю венца сделано круглое отверстие для прикрепления бармицы, а на передней части два отверстия для глаз. Весит шолом 2 ф. 35 з. Личина к этому шолому такая же, как и описанная выше к шолому № 4404.

31-го июля 1873 года из Оружейной Палаты был передан в С.-Петербургский Артиллерийский музей *монгольский же шолом XVI века* (значился под № 4406) с железной гладкой личиною. Как колпак (он совершенно одинаков с вышеописанными колпаками), так и личина сильно пострадали во время знаменитого московского (так называемого „троицкого“) пожара 1737 г. Края на колпаке отломаны, и нет возможности разобрать, были ли на нем резьба и надписи или нет. На личине нос был отломан и заменен другим.

Под № 4402 значится *шолом XVII века хана Абель-Касима*. По венцу высокого, остроконечно-гладкого железного колпака (с тонким прутом яловца) сделаны круглые отверстия. Арабская надпись, сделанная вязью в клеймах по венцу (сохранилась плохо), в переводе на русский язык гласит: „Великого султана, великого хана над ханами Абель-Касима, сына Ул-Канака, блистательного повелителя высокого Двора.“ Места прикрепления бармицы, наушей и затылка обозначены сохранившимися железными гвоздями и частью медного ободка. Этот шолом состоял налицо при проверке Большой Государевой Казны в 1687 году.

Близко к татарским шоломам подходит *шолом манчжурский № 4407*, присланный 28 октября 1638 года в качестве дани „Тунгусской земли“ Лабой-Ирденеем-Герланзу царю Михаилу Федоровичу и весящий 3 ф. 15 з. Колпак

в три венца, по венцам золотом наведена надпись (буквы ее похожи на буквы современной китайской азбуки). Золотом же наведены разводы и узор между словами. Снаружи по швам колпака, составленного из двух половин, склепанных гвоздями, наложены железные резные гребешки, на каждом из которых по четыре гнезда для камней. Железная золоченая полка, резанная на проем, имеет три пустых гнезда. Наверху, точеная золоченая трубка с гнездом для султана. Четыре красных и четыре зеленых камня смазны и 15 пустых гнезд размещены на железных резаных на проем и вызолоченных полушаре и ободке, составляющих подвешенье. Шолом этот в описи Казенного двора 1640 г. под № 2 описывается так: „Шолом, наперед мишень, врезана золотом; наперед же на низу резаны травы золотом и серебром. На нем же 4 дуги позолоченных; зад и стороны прикрыты доски атласом по червчатой земле с поталью, подложены камочкою индейскою рудожелтою. Прислал к государю дани Тунгусские земли Лаба-Данимен-Ерланзу в 146-м году“. В описи же 1643 года об этом шоломе говорится: „Шолом булатный, надо лбом слова арабские. Прислан из Тунгусской земли с куяком, что под цветным бархатом; цена 5 рублей.“

Есть в Оружейной Палате и *куячные доспехи*. Слово „куяк“ происходит от монгольского „хуяк“, обозначающего доспех из блях, нашитых на кожу или что-нибудь другое. Доспех этот был в употреблении и у татар, которые куяком называли как самый доспех, так и принадлежащий к нему головной убор. Куяк был и у китайцев, где он являлся одним из предметов вооружения конницы. У китайцев куяк должен был состоять из ста сорока пластинок, прикрепленных тысяча пятьсот гвоздиками. В России куяк появился вероятно давно, и о нем есть упоминания в народных песнях. Так, например, в песне о Михайле Казаринине, между прочим, говорится:

Крепки доспехи на могучих плечах,
Куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота.
А куяку и панцырю цена на сто тысячей,
А кольчуге цена сорок тысячей.

К сожалению, сохранившиеся экземпляры куячных доспехов у нас относятся только к XVII веку.

Куяки набирались из металлических (большею частью мелких) круглых или четверугольных пластинок или блях по коже, сукну или бархату, не соединяясь между собою, иногда покрываясь сверху еще какой-либо материей. Куяки бывали с рукавами и без них, но всегда с полами; сбоку имели разрезы, где завязывались тесьмами и пряжками или застегивались пуговицами с петлями. Для продевания головы в куяках делался вырез. Некоторые куяки имели железные рукава и меховую опушку, у некоторых куяков спина и грудь состояли каждая из одной большой пластины, остальные же части — из мелких блях. При куяке носили так называемую бумажную или стеганую (она прошивалась насквозь) шапку конической формы с наушниками и затыльниками. В толще шапки между крышкой и подкладкой вкладывались железные бляхи. Каждая такая шапка имела железную носовую стрелку, защищавшую лицо.

Под №№ 4382 и 4383 в Оружейной Палате хранятся две куячные шапки XVII века, устроенные каждая в виде длинного колпака с двумя наушами, двумя заушниками и с затылком. Верх первой из названных шапок из зеленого бархата, стеган на хлопчатой бумаге городками, подкладка из полосатой китайки. Верх второй (№ 4383) шапки из красного бархата с вышитыми по нему цветами и травами желтым, синим, зеленым и белым шелками, стеган на хлопчатой бумаге городками, подкладка из зеленого китай-

ского атласа. Между верхом и подкладкой в обеих шапках вложены железные пластинки; носы у шапок железные с расплюснутыми в виде сердца концами. Подкладка шапок изорвана, и бархат потерся.

Происхождение этих шапок, к сожалению, неизвестно. Зато под № 4384 мы имеем *нагрудник от куяка*, история которого хорошо известна. Впервые мы читаем об этом памятнике в приходе-расходной книге Казенного Приказа за 1640—41 год, в которой под вторым ноября 1640 г. указано, что по царскому указу „отослано из Казенного Приказа в Оружейный Приказ разной служильной сбруи и в том числе куяк медный, сделан петлею, подложен кутнею червленою. На куяке два круга серебряны, подпазушники медные. Нагрудник медный же чешуйчатый. У нагрудника оправа серебряная, подшеек серебряный. Государю прислал тот куяк дани Алтын-царь во 144-м (1635) году ноября в 29 день. Цена куяку со всем 50 рублей“. Значится этот куяк и в описях 1640, 1646 и 1687 годов. В переписной книге последнего из указанных года о рассматриваемом куяке сказано: „Нагрудник куячный медный, набираи на ремень в чешую. Около него по краям оправа серебряная, чеканная звенами, набираи на ремнях в 37 местах. Да посреди оправы личина львова серебряная чеканная. Другая личина львова серебряная одинакая, — от чего та личина отнята, того не ведомо; подложена камкою двоеличною. Нагрудник подложен камкою зеленою на бумаге. А по нонешней переписи 197 (1688—89) году тот нагрудник и личина серебряные чеканные и против прежних переписных книг сошлись. А по нынешнему осмотру одна личина, и в той личине два камешка черные; другой личины да трех мест серебряных нет. Цена ему 10 рублей“. В описях Оружейной Палаты 1746, 1763, 1775 и 1808 годов нагрудник значится под названием зеркала. В 1808 году он описывается так: „№ 4875. Зерцало в виде треугольника, состоящее из множества мелких пластинок, похожих на рыбу чешую и на манер ее между собою собранных. По краю обложено чеканными серебряными бляшками, коих по счету 31, в том числе внизу составляющая середину в виде львиной головы с глазами из черных пронизок. Подложена хлопчатую бумагою, поверх которой зеленая камка“. В примечании указано, что „в двух местах серебряных бляшек недостает, но сколько именно, того познать нельзя“.

С Востока же в Россию через татар пришли шапка ерихонская и самый термин. Ерихонка, или шапка ерихонская, была головным довольно высоким убором, который оканчивался сзади и спереди длинною трубкой и пузырьком. Наушники у ерихонок были богатой отделки металлические — стальные или булатные.

В Оружейной Палате под № 4408 значится *шапка ерихонская XIII века*, которая здесь числилась в качестве „шишака великого князя Юрия Всеволодовича 1237 года“. Колпак немного кверху заостренный, булатный. На подвершье и в четырех клеймах на лбу, на затылке и по бокам черепа, а также по венцу, наведены арабески золотом. Между арабесками на венце помещена татарская надпись, которая в переводе на русский язык означает: „Шапка яркендского дела (ерихонская) хана Мухаммед“ (1184—1273 г.г.). Весит шапка 5 ф. 66 зол. А обронный выпуклый серебряный ободок обводит края колпака, ушей и затылка. Три золоченые коленчатые цепочки прикрепляют затылок, по которому в середине и по углам наведены золотом травчатые клейма. Слухи пунышами резаны на проем и золочены. Полка булатная с такими же арабесками, как на черепе. Нос булатный, стрелка золоченая гладкая, а головка резана на проем. Барашек железный, уши вырезаны городками, прикреплены к черепу двумя коленчатыми цепочками. На ушах три клейма, наведенные золотом. Шапка эта поступила 20 января 1810 года в Оружейную Палату от

графа Алексея Ив. Мусина-Пушкина с следующим замечанием: „Шпшак и нарукавники с богатою золотою насечкою великого князя Юрия Всеволодовича, положившего главу свою за отечество на реке Сити в Ярославской губ., найденные по убиении его от татар в 1237 году“.

Под № 4419 хранится шапка калмыцкая XVI в.

Под № 4414 значится *шапка ерихонская кучумовская*. В росписи походной казны царя Алексея Михайловича 1654—1656 г.г. под № 6 она описана следующим образом: „Шапка кучумовская булатная гладкая, по ней наведены золотом травы чеадаские разметные. Венец серебряный чеканный и в венце 12 камешков смазней и яхонтик да далик. Уши наведены золотом, а в них два лапа в гнездах серебряных. Около ушей обложено серебром золоченым. По серебру вставляваны виньетки и бюрюзки. Затылок гладкий. На носу кафимское зерно, вверху трубка золотая с финифты“. Весит шапка 4 ф. 45 зол. 27 января 1664 года царь Алексей Михайлович дал эту шапку надеть сибирскому царевичу Алексею Алексеевичу, которому царь приказал быть на царском смотре у наряда. В описи 1687 года про эту шапку, между прочим, говорится: „В прежних переписных книгах под тою статьей написано, — по сказке мастеров бывала та шапка кучумовская, — ударил челом государю Борис Петрович Шереметев. А по нынешней переписи 195 года (1686—1687) и по осмотру та шапка против прежних переписных книг сошлась; завязок нет. Цена 220 рублей“. Некоторое время эта шапка находилась у царя Петра Алексеевича, заинтересовавшегося ею во время осмотра Оружейной казны 10 ноября 1688 года.

Наконец, под № 4418 хранится *шапка манчжурская*, о которой в приходе-расходной книге Казенного Приказа под 2 ноября 1640 г. сказано: „Шолом булатный. Надо лбом слова мусульманские серебряные. Государю прислал тот шолом дани Тунгузские земли Лаба-Ирдней-Даймен-Герланзу во 144 (1635) году в 29 день ноября. Цена 5 рублей“. В описи же казны царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича, находившейся на Казенном дворе, об этой шапке замечается: „Шолом. Наверху наперед резаны слова. Зад и стороны-доски, покрыты бархатом цветным, травы шелк червчат да зелен да желт. Цена 5 р.“. Шапка эта булатная досчатая с коробчатой полкой и с железной точеной трубкой наверху. Над лбом слова серебряные выпуклые. Весит шапка 2 ф. 92 зол.

Как мы видели, в старинной описи шапка ерихонская № 4408 названа *шпшак*ом. Это слово восточного происхождения занесено в Россию, несомненно, татарами. В первый раз встречаем мы это название („чечак“; было употребительно и слово „мишак“) в 1356 г. в духовном завещании великого князя Ивана Ивановича. Шпшак^{ом} обычно назывался род шлема, который кверху оканчивался суженною частью так называемым шпшом в виде тонкой вытянутой трубки, уширяющейся к своему основанию и украшенной наверху так называемым яблоком. Верх шпшака назывался вершьем, а нижняя часть — венцом. Шпшаки бывали иногда с наушниками и носами, заменявшими личину или забрало, и бармицами, т.-е. кольчатой сеткой, прикрывавшей затылок, щека и шею. На шпшаках обычно бывали надписи. Кроме вышеупомянутого шпшака № 4408 другим также древнейшим (тоже 1237 г.) экземпляром описанного головного убора является шпшак Меркурия, хран. в ризнице Успенского собора в Смоленске.

В Оружейной Палате сохранилось 8 (№№ 4421—4428) калмыцких шпшаков.

От татар заимствован был русскими и восточный головной убор (арабский или египетский) — *мисюрка*, который делается известным у нас не позднее XV века, когда появляются и разные материи, известные под названием

„мисюрских“, т.-е. египетских (от арабского слова „миср“—Египет). Татарских мисюрок в Оружейной Палате не сохранилось, есть, между прочим, две мисюрки XVI века (№№ 4434 и 4435) с арабскими надписями, но происхождение их неизвестно.

В Оружейной Палате сохранилась мисюрка калмыцкая XVII в., принадлежавшая боярину и воеводе кн. В. В. Голицыну (№ 4461).

В заключение обозрения сохранившихся в Оружейной Палате татарских головных военных уборов нелишне упомянуть, что в древности у нас было в употреблении особое украшение их в виде так называемых *еловцев* (слово татарское от „елац“—флаг в значении нашего еловца).—значков или лоскутов материи, которые вставлялись в трубки наверху воинских головных уборов подобно тому, как в позднейшее время на касках употребляются султаны. Цвет еловцев был обычно ярко-красный, что видно из свидетельства памятников древней письменности. Так, например, в „Сказании о брани благоверного князя Дмитрия Ивановича с нечестивым царем Мамаем еллинским“ (рукопись XVI века из собрания М. В. Ундольского в б. Румянцовском музее № 578), между прочим, читаем: „И богатыри же рустии и хорюгви яко живи пашутся, доспехи же рустии аки вода от ветра колеблется. А шоломы на главах их аки утренняя зоря светящися во время ведра, *еловци* же шоломов их яко пламень огненный колебашеся“ (в другом памятнике: „аки некии светильницы колебашеся“). Еловцы обшивались иногда бахромой, у князей же и важных бояр заменялись перьями, украшенными золотой проволокой и камнями. Иногда еловцы прикреплялись к знаменам.

Другой принадлежностью военного головного убора была басма (от татарского слова „басмэ“—отпечаток, выбойка, чекан. Вопрос о басме, о который было сломано не мало копий, до сих пор считается неразрешенным. Между прочим, см. об этом проф. Н. П. Лихачева: „Басма золотоордынских ханов“. М. 1916 г.)—тонкий чеканный оклад, служивший между прочим и украшением шлемов. Так, например, в описи оружия и разного доспеха Бориса Годунова 1589 г. читаем: „Шолом черкасский, басма медяна“.

Татарское же влияние сказалось в введении русскими в употребление *бутурлыков* или *батарлыков*, стальных наконечников, защищавших ногу от колена до пятки, и *тегиляя*, охранительного вооружения для малолетних воинов.

В Оружейной Палате под № 4722 сохранился *бутурлык монгольский*, сильно попорченный и весящий 1 ф. 2 зол. Впервые о нем говорится в описи Большой Государевой Казны 1687 года: „Да сверх прежних описных книг 190 (1681—1682 г.) объявился один бутурлык стальной резной, скреплен панцирными кольцы; цена 6 алтын 4 деньги. А в прежних книгах не написан“. Бутурлык этот стальной тонкий. Резной узор на поверхности пластин одинаков с узором на монгольских шишаках №№ 4405 и 4406 и на турецких наручах 1630 г. № 4654. Средняя пластинка бутурлыка широкая с лопастью, а боковые—узкие и короче средней, перемычки панцирные.

В Оружейной Палате сохранилось также несколько татарских *саадаков*, как принадлежностей метательного оружия.

К метательному оружию в древности относились лук и стрелы,—кайдалыки, томары и северги; принадлежностями луков и стрел были колчаны, тохтун и саадаки. Сюда же должны быть причислены джиды, джериды и тюфаки.

Что касается лука, то он, конечно, употреблялся славянами еще в доисторическую эпоху, но после близкого знакомства с татарами татарское влияние сказалось на названиях деталей этого вооружения у русских, а равно в появлении новых видов стрел. Сохранившиеся до настоящего времени названия

частей ясно указывают на это влияние,—так, все деревце лука называется „кибитью“ (от арабского—„киб“, обозначающего на Востоке часть лука между рукоятью и концом,—„рогом“), каждые половина и оконечность носили название рога, нижняя сторона последнего называлась подзором, а верхние накладки подле оконечностей рогов „мадянами“, две костяные вставки снизу рогов против мадянов—костями, через которые проходила тетива. *Мадяны* происходят от татарского слова *майдан*, означающего площадь, плоску, гладкое ровное место.—Татарского же происхождения и бывшие у русских названия стрел: *кайдалики*, *томары* и *северги*.

С XVI в. в документах упоминаются *колчаны* (татарское слово, обозначающее твердый или мягкий мешок для помещения стрел), которые пристегивались к сабельному или особому поясу с правого бока. Надевавшийся на колчан для предохранения от сырости и завязывавшийся внизу атласный, кумачный, камчатый, сафьяновый или кожаный (из тисненой крашеной или из простой кожи) чехол назывался *тохтум*,—от монгольского слова (перешедшего к татарам) *токтуй* или *доктуй*.

Монгольское слово *саадак* служило для обозначения всего вышеописанного вооружения, т.е. лука со стрелами, налучья или лубья и колчана с тохтум.

Под № 6334 в Оружейной Палате значится плохо сохранившийся (бархат выцвел, швы по местам распоролась, золото и серебро потускнели) *колчан*, впервые упоминаемый в описании лубьев, к которым он принадлежал, в приходорасходной книге Казенного Приказа 1616 г. „Июля в 10 день,—читаем мы здесь,—у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея России на дворе в новой золотой палате на приезде были крымские послы Ахмед-Ага с товарищи и явили государю от крымского Джан-Бек-Гирея царя поминоков. Лубье саадашное, шито по бархату по червчатому золотом да серебром воловьими травы и листья, в них цветки—шелк лазорев; бенди серебряны золочены. У лубья пояс ткан в кружечки шелк червчат с золотом пряденым. Цена 15 рублей“. Пояс при колчане сафьянный с медным золоченым крючком. На колчане три гладких серебряных золоченых узелка. Сам колчан красного бархата, расшит золотом и серебром и по шитью расшвен голубым шелком и оторочен зеленым хзом (тисненой кожей). Испод колчана кожаный, подкладка сафьянная.

Под № 6335 значится сильно попорченный крымский *саадак*, впервые о котором читаем в приходорасходной книге Казенного Приказа за 1620 г.: „Октября в 25 день у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца на дворе в золотой палате на приезде были крымского Джан-Бек-Гирея царя послы Алей-Мурза с товарищи и явили государю от царя поминоков. Лубье саадашное с поясом по бархату по черному шито золотом пряденым звери и козы дикие и олени и древо. В крепи бендь, и у лубья на поясу крюк и наконечник и на поясу жуковины серебряные золочены камнями с камешки плохими. Привязка тесьма шелк ал, черн, зелен. Цена 10 рублей“. Саадак и пояс из черного бархата, шиты золотом. Испод также бархатный красного цвета. Огорочка из шелковой тесьмы. На налучи один серебряный золоченый сканный узелок с финифтью и с камешками посредине. Два таких же узелка (на одном из них одного камешка нет) на колчане. Одной работы с узелками на поясе крюк, пряжа, запряжник и 4 жуковинки.

Крымский же *саадак* имеется и под № 6336, о котором в приходорасходной книге Казенного Приказа за 1621 г. говорится: „Июня в 26 день у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца на дворе в золотой палате на приезде были крымского хана Джан-Бек-Гирея

царя послы и гонцы Сулеша-Мурза с товарищи и явили государю от цари поминков. Лубье саадашное, пояс шит по бархату зеленому золотом пряженым травы. Наконечник и бенди и крюк и плащик серебряны с камешками плохими. Привязки шелк ал, ткан в круги. Пояс и лубья подложены бархатом червчатый. Цена 10 рублей.“ Саадак очень попорчен временем. Привязки у саадака тесемчатые; пояс зеленого бархата, расшитый золотом, подложенный красным бархатом и отороченный шелковою тесьмою; на поясе серебряный крюк с сканой золоченой прикрепкой с семью гнездами камней (из них три гнезда пустые). Саадак из зеленого бархата, расшит с лица золотом. Испод саадака красного бархата; оторочка из тесьмы; подкладка красной кожи. На колчане два серебряных золоченых сканых узелка, украшенных камнями (всего сохранилось из 10 камней 5,—четыре в одном узелке и один в другом).

Наконец, под № 6337 числится также сильно пострадавший от времени и распоротый местами по швам *крымский саадак*, о котором в книге Казенного Приказа за 1632 г. читаем: „Марта в 15 день у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси на дворе в столовой крымского Джан-Бек-Гирея царя посол Куромша-Мурза Сулешов с товарищи на приезде были и государю челом ударили и явили от царя в подарках лубье саадашное, шито по хзу черному золотом и серебром золоченым. Пояс и крюки и петли железные золоченые. В колчане и в налучи каменя, смазни зелены в серебряных золоченых гнездах. Цена 10 рублей“. Пояс при саадаке красного и зеленого шелка с золотом, три узелка и на поясе крюк, наконечник, две проймы, пряжка, 4 запряжника и 5 жуковинок резные серебряные золоченые с чернью. Сам саадак из черной тисненой кожи, расшит белым и золоченым серебром. Испод черной кожи, подкладка из красной травной камки.

Тохтуев в Оружейной Палате хранится 4, но все они сделаны в Москве царскими мастерами.

Небольшие колчаны у татар назывались *джидами* (татары это слово заимствовали в свою очередь от монголов, у которых „джада“ или „джида“ обозначало метательное копьё. Другое название метательного копья „джерид“ взято с арабского языка. Джидами в древности у русских назывались как метательные оружия в виде большой стрелы или копья, так и небольшие колчаны с гнездами и содержавшие в себе несколько мелких копий и иногда еще и длинный нож. Такие джиды носились с левой стороны на поясе.

От татар перешли к русским названия некоторых видов оружия наступательного, а именно: *булава* (как род оружия и как эмблема власти), *буздыхан* (от татарского „буздыган“, означающего воеводский жезл), *кончар* (от персидско-татарского „ханджар“ или монгольского „кингар“—кинжал, меч, палаш) и *кистенъ* („киштэн“), от них же мы заимствовали слова *темляк* и *елманъ* („ялман“. Уширение конца сабельного или какого-угодно клинка).

Булава, состоявшая из рукоятки в виде жезла с шаром на конце, металлическая служила в качестве наступательного оружия, а каменная, костяная, серебряная или хрустальная в качестве эмблемы власти.

Из хранящихся в Оружейной Палате булав подавляющее большинство московской работы XVII века, три турецких, две персидских и три запорожских; татарских булав нет.

Буздыхан был видоизменением общего типа булавы—в роде древне-русских пернатых и шестоперов и имел на конце яблоко, прибитое гвоздями; он, исключительно служа атрибутом власти, обычно подносился московским царям побежденными народами, как символ их покорности.

Татарских буздыханов в Оружейной Палате нет.

Кончаром назывался род длинной шпаги, оканчивающейся длинным гра-
ненным острием. Этим оружием прикалывали сбитого с лошади неприятеля.

В Оружейной Палате сохранились кончары преимущественно московской
работы, один—немецкий, один—польский, один—турецкий и один (№ 5888)
„восточной работы“, но происхождение его неизвестно.

В заключение обозрения памятников татарского военного искусства
хранящихся в Оружейной Палате, скажем несколько слов по поводу двух
предметов русского происхождения, но связанных с именем казанского ханства,—
а именно—*государственного знамени*, бывшего с царем Иваном Грозным
в 1552 году под Казанью, и царской шапки казанской.

Названное знамя значится под № 4060. Оно из малиновой (по старым
описям, — „червчатой“) камки с изображением нерукотворенного образа, кото-
рый держат два ангела, вышитые (равно как и образ) золотом, серебром и
разноцветными шелками по алой камке. Вокруг образа в виде каймы вышит
золотыми и серебряными и синими словами вперемежку тропарь „гл. 2. Пре-
чистому ти образу покланяемся, благий, просяще прощения прегрешениям
нашим, Христе Боже, волею бо благоизволил еси взыти на крест, да избавиши
яже создал еси от работы вражия. Тем благодарение вопием ти: радости вся
исполнивый, Спасе наш, пришедый спасти мир“. В откосе знамени вшиты два
четвероколенных креста и пять звезд из камки желтого цвета. Кромка знамени
обшита бахрамою из золота и из малинового шолка. Размер знамени—по
древку 2 аршина 2 вершка, по верхней кайме 4 аршина 2 в., по нижней
кайме 1 арш. 9 в., по откоосу 3 арш. 8 в. Наверху не сохранилось. Знамя
очень ветхо, порвано, распоролось по швам; в 1861 г. было реставрировано и
прикреплено к красному древку. В сказании о походе Грозного на Казань об
этом знамени упоминается как о бывшем в государевом полку: „Знамя, —читаем
мы здесь,—на нем же написано образ господа бога и спаса нашего Иисуса
Христа нерукотворенного образа. На верх водружен животворящий крест гос-
подень, еже бе у прародителя его государя нашего, достохвального великого
князя Дмитрия на Дону“. По взятии Казани царь приказал „своему полку
под своим знаменем молебная пети, благодарение богу воздаючи. И в той час
водрузи крест своими руци царскими и повеле церковь поставить нерукотво-
ренный образ господа нашего Иисуса Христа на том месте, где знамя царское
стояло во время взятия градского“. Из царских хором, где оно хранилось по
возвращении из казанского похода, знамя это 1 марта 1664 г. было передано
в Оружейную Палату с тем, чтобы оно значилось „в казне особь статьею“. Это же знамя находилось в большом полку во время крымских походов князя
Голицына, во втором азовском походе и в начале XVIII века в свейском походе.

Представлявшая в числе императорских регалий корону царства казан-
ского *шапка царская казанская* (№ 65 по описи Оружейной Палаты)
была сделана в Москве по приказанию Ивана Грозного для последнего казан-
ского хана Едигера (при крещении назван царем Симеоном). В 1642 г. она
описывается так: „Шапка казанская золотая с чернью, города прорезные
золотые. В ней камень,—лалы и бирюзы и зерна бурмицкие в гнездах.
Наверху на сине камень лал, под камнем и по верху камня два зерна гурмицких
большие. Пушена соболем, подложена атласом червчатым. Влагалище бархат
черн, внутри бархат червлен, петли и ручки серебряны белы. Из той шапки
лал снят и положен на новую шапку, которая делана при Ефиме Теленеве
в 1627 году, а в то место положен тумпаз желт.“ В описи 1702 года указана
следующая оценка разных частей шапки: „Шапка золотая сканого дела царя
казанского. Наверху той шапки яхонт желтый па сине золотом, цена 100 руб.
Два зерна жемчужных—10 рубл. На верхнем яблоке 12 яхонтовых искр кра-

сных, цена по 10 алтын камень, итого 3 р. 20 алтын. 20 бирюз, цена рубль. На всей шапке 14 лалов по 4 рубля камень, итого 56 рублей. 18 бирюз, цена всем 3 рубля. 12 зерен жемчужных половинчатых бурмацких 12 р. Весом та шапка 4 ф. 76 зол. Золота положено на пример 4 ф., а золотниками имеется 384 зол. по 1 р. 10 алтын золотник, итого 490 р. 6 алтын 4 деньги. Всего той шапке цена 684 рубля 20 алтын. Верх сделан серебрян на шапку царскую; весу в нем серебра фунт 31 зол., цена по 2 алтына по 4 деньги золотник, итого 10 рублей 5 алтын 2 деньги. Казанская шапка золотая с чернью, украшена драгоценными камнями и опушена соболем. На золотом (с черневыми травами) яблоке в четырех косых дугах помещено 12 бирюз и 12 красных яхонтовых искр, а наверху между двумя жемчужинами на спине большой желтый яхонт овальной формы. Под яблоком соединены острыми концами 8 треугольных дощечек, украшенных черневыми травами. Жгутобразная сканая цепочка закрывает швы дощечек. Внизу тульи по околу венец из прорезных золотых же с чернью городков, в средней части такие же городки, отдельно приставленные по швам. Между городками на самых дощечках вверху прорезные же чернью запоны и розетки. Драгоценные камни рассыпаны по всем украшениям. В верхних частях 8 дощечек, в 4-х запонах по бирюзе, внизу по красной яхонтовой искре, на 4-х розетках между ними по лалу. На средней части тульи из 8 отдельных городков в 4-х посреди по лалу, внизу по бирюзе, в 4-х по бирюзе, внизу по лалу. В венце из 12 городков и 12 между ними косиц в 6 городках по лалу, в шести других городках по бирюзе, в каждой косице по одной половинчатой жемчужине. Части серебряного каркаса недостает; внутри тульи серебряная решетка поломана. Шапка с подкладкою и опушкою весит 4 ф. 80 зол.

Серебряный гладкий 2-х ярусный верх на шапку (весом 1 ф. 31 зол.) значится под особым № (65) в Оружейной Палате.

Кроме вышеописанных памятников татарского военного искусства монголо-татарское влияние чувствуется в Оружейной Палате и в других частях, где не сохранилось предметов собственно татарских.

Возьмем хотя бы тельные военные доспехи. У монголов куяк, крытый матерчатым или суконным чехлом, назывался *бектером*. В русских письменных памятниках в XVI века мы встречаем название *бахтерец*. Бахтерцом у нас назывался доспех, отличавшийся от кольчуги тем, что части его, прикрывавшие грудь, спину и бока, были не кольчатые, а состояли из нескольких рядов продолговатых металлических, по большей части стальных пластинок, соединявшихся между собою кольцами. В Оружейной Палате сохранилось 4 бахтерца XVII века (№№ 4564—4567).

В XV веке русские употребляли *байдану* (*бондану* или *бодану* от арабского „бадан“ или „баданэ“, означавшего короткую кольчугу), — кольчужную рубаху, но составленную из более крупных и плоских (так называемых „сеченых“) колец, на которых делались надписи. Подобные доспехи мы видим в Оружейной Палате. Так, например, на кольчуге (№ 4466) боярина и воеводы князя Петра Ивановича Шуйского, убитого в 1564 году в сражении под Оршею, на левой стороне груди круглая медная мишенька с выгнатою надписью: „Князя Петров Ивановича Шуйскова“. На другом доспехе той же Палаты (байдане XVI века № 4560, принадлежавшей Борису Годунову) на каждом кольце сделана надпись: „С нами бог, никто же на ны“. Байданы имели рукава до локтей, а иногда украшались в несколько рядов опушкою из золоченой меди.

Доспех в описанном роде, но более короткий, назывался *полубайдан*. От татар заимствовали русские и *юшман* или *юмашан* (от персидского

„джоушен“, означающего броню из дощечек или пластинок, соединенных кольцами), упоминаемый и в документах. Так, в духовном завещании князя Ростовского 1548 года читаем: „...дати мне... сыну Елецкого юшман да сабля“. По внешнему виду юшман очень походит на бахтерец и состоит из кольчужной рубахи или полукафтана с набранными на груди, спине и боках крупными и мелкими дощечками другой формы и иначе (до пояса) расположенными, чем на бахтереце, и соединявшимися кольцами. Подзор, или нижняя часть юшмана и рукава были кольчатые. От шен до края подзора был полный разрез, и юшман имеет вид распятого полукафтана, застегивавшегося спереди крючками, пряжками или пуговицами. В Оружейной Палате сохранилось три юшмана XVII в. (№№ 4561—4563), — один царя Михаила Федоровича (4561), другой — Алексея Михайловича (№ 4562) и третий — боярина Никиты Ивановича Романова (4563).

По всей вероятности через татар русские познакомились и с оборонительным вооружением, известным под названием *тарч* или *торч* (от арабского „тарс“, — щит конных воинов) — род щита, посредине к которому перпендикулярно приделывалось железное нарукавье в виде вытянутой руки с металлической рукавицей и острой и длинной полосой (в роде копья или шпаги) на конце. Воин всовывал в это нарукавье свою левую руку — через отверстие в самом тарче. Последний был вооружением тяжелым; небольшое облегчение для рук делали шнуры, протянутые от тарчей к туловищу. В верхней части тарча устраивалось отверстие, дающее воину возможность беспрепятственно видеть своего противника. В Оружейной Палате хранится один торч (№ 5174) неизвестного происхождения, известный в описях Палаты с 1687 г.

Само собой понятно, что полного представления о татарском влиянии на древне-русское военное вооружение по памятникам последнего, хранящимся в Оружейной Палате, мы составить не можем, во-первых, потому, что памятники эти довольно случайны и, во-вторых, относятся к более позднему времени, — предметов XIII—XV вв. очень немного. Однако, и вышеописанное древнее вооружение ярко свидетельствует об этом влиянии. Несомненно, чем ближе к началу завоевания России монголами, тем сильнее должно было сказываться это влияние. Оно было настолько велико, что живо чувствовалось даже до конца XVII в., когда в Оружейной Палате восточное вооружение нередко служит образцом при изготовлении нового. Возьмем несколько примеров из предметов холодного оружия раннего и позднего периодов. Так на рогатине XV в. (№ 5620) великого князя Бориса Александровича Тверского на ряду с русскою надписью („Рогатина великого князя Бориса Олександровича“) мы видим восточный орнамент. На ноже (№ 6178) подсаадашном, принадлежавшем князю Андрею Ивановичу, младшему сыну Ивана Васильевича III, 1513 г. насечено подражание восточной надписи, доказывающей желание русского мастера придать своему произведению вид восточного оружия, которое так любили употреблять в России и в XVII в. (На сабле № 5923 — князя Дмитрия Михайловича Пожарского 1612 г. на пяте клеймо с восточною надписью, насеченною золотом, в переводе означающей: „Султана Али“, „Изделие Нури“, „Сына Арисер“. На сабле гражданина Козьмы Захаровича Минина-Сухорукого 1612 г. на пяте также клеймо с восточной надписью, свидетельствующей: „Изделие Ахмеда, мастера из Каира“). Многие сабли в описи Оружейной Палаты значатся *русскими* XVII в., но надписи на них воспроизведены восточные (например, №№ 5929, 5932, 5933, 5934, 5935, 5966, 5945). Иногда в Оружейной Палате мы видим рядом и оригинал и его копию. Так, например, сабля русская XVII в. № 5930 сделана по образцу сабли № 5921, принадлежавшей князю Федору Михайловичу Метиславскому, с арабской надписью, которая в переводе означает: „Изделие раба всевышнего бога Касима

из Каира", „Будет крепкая защита во брани“; от пяты же между двумя травчатами каемочками надпись: „Сабли князя Федорова Михайловича Метиславского“.

Как сильно укоренился обычай у русских пользоваться холодным оружием татарского образца, видно хотя бы из следующего факта:—в 1611 г. в Казани для Москвы было сделано „две тысячи копий железных на долгие тарчи“.

Прекрасным дополнением к сохранившимся в Оружейной Палате памятникам татарского военного искусства служат миниатюры старинных русских рукописей, в которых мы видим сцены битв русских с татарами и картины быта татарских ханов. Эти миниатюры для нас представляют драгоценный материал не только для решения вопроса о татарском влиянии на русских в военном искусстве, но и для характеристики татарских построек, одежд и проч. т.п.

Вот, например, перед нами четыре лицевых списка (1. Список б. Царского № 310, затем собрания гр. Уварова № 492. 2. Б. Румянцевского музея № 3123, Московского Исторического музея № 2596/40039, бывшего Румянцевского музея № 3155). Мамаева побоища, повествование о котором (находящееся во всех редакциях Новгородской IV-й летописи и в летописях Софийской I-й и Воскресенской) появилось в конце XIV века. Правда, лицевых списков этого собрания дошло немного, но надо думать, что в древности их было гораздо больше. В этих миниатюрах мы видим изображения русских и татар в их национальных костюмах; обстановка и вооружение представлены художником так, как он их представлял себе по дошедшим до него памятникам. Как известно, древне-русские художники были довольно щепетильны в отношении исторических подробностей на своих произведениях и всегда обращались к помощи исторических памятников, уцелевших до них от эпохи, которую они изображали. На этих рисунках мы видим:

I. Представлен шатер в виде палатки, поддерживаемой канатами, которые прикреплены к земле кольями; крыша на шатре в роде черепичной с зубцами наверху. В шатре в широком кресле на подушке сидит Мамай с небольшой бородкой, поставив ноги на подножье. Он в халате и в шапке в виде чалмы, в правой руке держит меч, левая рука протянута в рассуждении. Сзади кресла свита хана (видны масса круглых шапок, одно лицо и одна цельная фигура с кривой саблей в руке), а перед ханом его „темный князь“ с бородою (в левой руке держит свою снятую с головы шапку), подводящий к нему трех послов—безбородых, держащих шапки в левых руках; передний посол в правой руке держит ярлык (в виде свитка) союзников.

Совсем иначе представлен шатер русских князей.

II. Перед русскими князьями юноша с непокрытой головой и с простертыми руками в разговоре,—он привел татарина (с небольшой бородкой) в островерхой шапке и в халате со связанными руками. На юноше привешена кривая сабля, несомненно отнятая от татарина.

III. Татарские всадники гонятся за русской стражей. Татары в шлемах и латах скачут по холмистой местности за русскими (в равнине) в круглых шапках. У русских и татар значки в виде флагов.

IV. Изображена татарская конница,—воины в шлемах и латах с овальными щитами и пиками. Над отрядом развеваются четыре знамени.

V. Единоборство Пересвета и татарского богатыря. Последний справа поражает Пересвета кривым ножом, а Пересвет его—фигурным копьем. У татарина щит круглый, у Пересвета—четыреугольный; шлемы у обоих одинаковы.

VI. Мамай в халате и чалме со свитой из трех человек на холме,—показывает правой рукой вниз, очевидно на битву. Внизу—стилизованное дерево.

VII. Бой русских с татарами. У русских знамя, у татар—значек. Сабли одинаковы у тех и других. Копья не скрещены, как на других миниатюрах, но русские поражают ими татар.

VIII. Тоже. Опять знамя и татарский значек, последний наклонен. Русские поражают татар копьями и машут саблями. Убитые лежат в ряд под татарами.

IX. Русские преследуют Мамай. Русские слева—с саблями и копьями, направленными против татар. Мамай со свитой справа бежит от русских, оглядываясь назад. Мамай—старик с длинной бородой, в чалме.

X. Убийство Мамая в Кафе. Внизу в шатре лежит со связанными руками Мамай, которого один кафинец убивает ножом, другой сидит у изголовья.

Несомненно, что все черты быта, вооружения и обстановки взяты с оригинала, относящегося к XVI веку, во всяком случае до 1605 г., так как в вооружении нет намека на алебарды, оружие, введенное у нас впервые Самозванцем. Так, в одежде русских мы видим кафтаны, шаровары, засученные у воинов по колена (—очень древний русский обычай). У князей видим мантию, застегнутую на левом плече пряжкой в роде корзна; на некоторых миниатюрах на них шапки в виде мономаховой, заменяющиеся затем только венцами. Оружие у татар и русских одинаковое. В числе оружия преобладают копья, сабли, пицали (у стражи), луков и стрел нет. Впрочем, изображения доспехов и щитов (круглые и квадратные) не типичны и делают воинов шаблонными. Шлемы остроконечные с наплечниками изображены схематично и воспроизводят весьма употребительные в XVI—XVII вв.

Более богатый материал для характеристики старинного татарского быта и вооружения представляют собою миниатюры „Царственного Летописца“ или хронографа, написанного, по мнению одних исследователей, в XVI в., а по мнению других,—в XVII в. Здесь мы видим и сцены битв, вооружения воинов, изображения (например, в части этого „Летописца“, известной под именем Остермановского летописца,—рукопись Библиотеки Академии Наук № 31. 7. 30. т. I—Житие кн. Михаила Ярославича Тверского) орды, хана в его домашней обстановке и на торжественных приемах, его поездку с собаками на охоту, казни в орде, торговую площадь, целые татарские города с мечетями и православными церквями и проч. т. п.

В конце настоящего очерка сам собой напрашивается вопрос,—чем объяснить возможность такого сильного монголо-татарского влияния на русских?

Несомненно, тем, что они не были такими варварами и отсталыми, какими их обычно изображают. Уже одно то обстоятельство, что они научили русских устройству почт, показывает сравнительно высокую цивилизованность наших завоевателей XIII в. Разнообразие и выработанность оружия у монголо-татар того времени объясняются знакомством их с персами, китайцами и другими народами. Известно, например, что персидские и китайские инженеры, служившие у монголов, в 1221 г. при осаде Нишабура Тулуем изготовили 3000 балист, 300 катапульт, 700 машин для бросания горшков с зажженной нефтью, 4000 штурмовых лестниц, 2500 выюков камня для бросания из катапульт. Персы же, с которыми входили в сношения монголы, издавна славилась искусной выделкой предметов холодного оружия, и вооружения. Кроме того еще во времена Тамерлана славилось оружие, изготовляемое чеченцами, кабардинцами и черкесами. Наконец, монгольские курултай также служили средством к обогащению и ознакомлению монголов с иностранным восточным оружием, привозимым сюда многочисленными купцами. А как многолюдны были эти съезды, видно хотя бы из того, что при избрании Куюка в 1246 году шатер, в котором происходил курултай, вмещал в себе до 2000 человек. Прекрасное

по тому времени вооружение и устройство войск, дисциплина дали возможность монгольским полководцам вести предводимые ими войска с необычайной быстротой от одной блестящей победы к другой, от одного завоевания к другому и дали возможность Чингис-хану и Тамерлану, могущим стать на ряду с величайшими военными гениями древнего и нового времени, преодолевать всяческие препятствия при исполнении ими их гигантских замыслов.

Александр Успенский.

Археологические разведки в Чувашск. республике в 1926 г.

В 1926 г. археологические исследования в Чувашск. республике вошли в задачу большой этнолого-лингвистической экспедиции, возглавляемой академиком Н. Я. Марром.

Археологическая часть работ была возложена на проф. П. П. Ефименко и пишущего эти строки.

При обсуждении плана работ было решено прежде всего произвести разведку по системам основных рек в пределах Чувашск. республики, при чем мне было поручено произвести разведку в пределах р. Цивилия.

В качестве сотрудников под моим руководством работали: Л. И. Вараксина, произведшая самостоятельные разведки по р. Рыкше, притоку р. Цивилия, студентка В. П. И. М. Н. Николаева и К. В. Романычева. Кроме того в работах приняли живейшее участие некоторые учителя, особенно Муравьев (Марининский Посад) и Греков (сел. Никольское-Яндашево).

Конечно, при незначительном составе основных сотрудников невозможно было рассчитывать на широкое развертывание работ и можно было сразу сказать, что охватить весь бассейн р. Цивилия разведками не удастся.

Действительно, обследованным оказался только район нижнего течения р. Цивилия, начиная от г. Цивильска.

Прежде сведения о древностях упомянутого района были весьма скудны и отрывочны. Весьма мало говорится о них в книге С. М. Шпилевского, Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанск. губ. (Каз. 1877). Значительно больше имеется сведений в карточном каталоге, составленном на основании расспросов жителей А. В. Васильевым и надо сказать, что этот каталог, любезно предоставленный А. В. Васильевым нам для пользования, давал удобный предварительно ориентирующий материал.

Таким образом разведками предполагалось получить более или менее полное представление о составе древностей отмеченного района.

М а р ш р у т.

1. Новый Починок к с. Яндашево (Никольское)—выс. Иванова—берег р. Цивилия—с. Яндашево (Никольское)—Янат-Касы—Толиково-Юркова—Писарино.—с. Яндашево (Никольское)—Тоскиннеево—Алатырь-Касы—Атлашево—Н.-Магази—В.-Магази—с. Байбахтино—Атлашево—Н.-Акулево.

2. Из с. Н.-Акулево рекогносцировка по р. Рыкше.—Ердова—Лагер—Хирь-Касы—Эзек Касы—Байсубаково—с. Абашево—Шакулова—Икково—Тохмеева—Пыкшик—Кугесева—В.-Карачуры—М.-Карачуры—Типнери—Шинь-Кинер—с. Н.-Акулево.

3. Вторая половина русла р. Цивилия до слияния двух Цивилей:

Сл. Вороновская—Б. Камаево—Ирх-Сирмы (на полпути к с. Байбахтино)—Ср.-Алмандаева—Чирш-Касы—Тувси—Синьял—Орбаши—Цивильск.

Неолитические стоянки.

1. У сел. Яндашево-Никольское (по чувашски Шур-Касы) на надлуговой террасе на левом берегу р. Цивили несколько южнее перевоза, 18—19/VII обнаружены неолитические черепки, большое количество кремневых осколков (лямы, нуклеусы) и поделок (инв. №№ 1—13).

Из поделок обнаружены: наконечник стрелки, скребки, долотцо, клин топора шлифован., затем обломки стрелок, долот. Черепки орнаментированы рядами круглых ямок и зубчатыми рядами, а также ямками овальными и просто глубокими штрихами. Край несколько отогнут и также орнаментирован овальными углублениями. Имеются фрагменты плоского дна и изогнутых стенок¹⁾.

Три метровых траншеи указали, что почти до самого материка (50 снт. от верха земли) почва насыщена черепками и кремневыми осколками. Площадь распространения, однако, под'емного материала не велика. Берега обваливаются и на памяти крестьян они значительно изменились. Повидимому, главнейшая часть стоянки уже исчезла, размытая весенними водами Цивили.

Крестьяне копали прежде здесь землю для добычи кремня и находили довольно большие куски.

2. У дер. Ивановой на берегу Воложки, что отделяет остров Казин, западнее устья р. Цивили. Здесь весенним разливом 1926 г. была оторвана значительная часть берега. Ф. К. Андреев, местный учитель, сообщил о черепках, которые „выходят из земли“. Разведкой (19/VII) установлено, что действительно, ряд дворов деревни Ивановой, обращенных к Волге, стоят на месте древней, неолитической стоянки. Культурный слой, с древними черепками и кремневыми осколками тянется от переулка, что у дома крестьянина Никифора Иванова, на запад до двора кр. Семена Куприянова. В некоторых местах культурный слой достигает мощных размеров.

Черепки того же типа, что и у с. Яндашево. Из каменных орудий в под'емном материале имеется широко-уплощенный топор. типа Gratbeil с острыми ребрами (8 снт., шир. 2,5 снт.), с утолщенным туловищем, одна половина которого обработана в черенок, обломки мелких наконечников стрел, лямы и т. д. (инв. №№ 17—19)²⁾.

3) У дер. Атлашевой. На сев. окраине деревни в районе бывш. Богдановской мельницы встречаются кремневые обломки и черепки вышеописанного типа. Впрочем, под'емный материал весьма беден. Повидимому, постройка мельницы и плотины унесли ценный археологический материал. Прежде крестьяне здесь именно искали „кремешки“ для огнива. Мелкие кремни попадаются по всему берегу р. Цивили в районе д. Атлашевой.

4) у дер. Ердова (27/VII) при впадении р. Рикши в р. Цивиль на мысу „Хонпа-ту-самси“ (1 километр на юг.-вост. от д. Ердова) обнаружена площадь распространения неолитических черепков и кремневых обломков. Черепки собраны в большом количестве. (Инв. № 41). К сожалению, целых кремневых орудий в под'емном материале нет.

Стоянки медного века.

1. У с. Яндашево (Никольское то-ж) (южнее села на 1—1½ километра) у подошвы верхней террасы, на север уходящей к Волге, находится кирпичный сарай. Здесь крестьяне при копании ям находили большие куски кремня.

¹⁾ См. Альбом разведок, табл. 1—11. По техническим условиям не представляется возможным дать иллюстрации из упомянутого Альбома.

²⁾ Ср. Альбом, табл. IV.

Часть сохранившихся, действительно, значительных размеров кремней осмотрена. Следов искусственной оббивки нет. Осмотр территории, по спуску с террасы в низину, где прежде протекал Цивиль, по словам крестьян, а теперь луга, тогда как Цивиль делает петлю много западнее, — дал возможность собрать небольшой под'емный материал, состоящий из черепков посуды с круглоямочным орнаментом и без орнамента, а также медную спираль и пряжку в виде плоско выпуклого кольца, перетянутого по середине пластинкой, орнаментирован. веревочн. орнаментом и с выступом в виде шляпки на поверхности (часть кольца отломана)¹⁾.

Количество кремневых осколков незначительно. Посевы хлеба сильно сократили площадь наблюдений.

2. Между д. Ворон. Слобода и Липсеры (8,10/VII).

На левом берегу р. Цивиль от д. Воробьевой Слободы идут песчаные дюны вплоть до леса у дер. Липсеры (лес именуется „Хирь-Хю“). Дюны уступами и буграми спускаются в луговую низину в виде полукруглых выступов. По поверхности много раздувов и ям, вырытых при взятии песка для устройства тракта.

При осмотре дюн обнаружено большое количество черепков (Инв. №№ 57-58, 60—70), кремневое долото, обломанное со стороны обушка, но прекрасной работы (инв. № 59, Альб. табл. XVI), медная пуговица с точечным узором (инв. 72, Альб. табл. XIX), кости и мелкие осколки кремня. Однометровая траншея вскрыла культурный слой, пропитанный углем, черепками и осколками кремней.

Черепки—преимущественно из желтой глины. Орнамент состоит из зубчатых параллельных линий, зигзагов, лунообразных углублений (срвн. Альбом табл. XVIII). Днища—плоские.

3. У деревни Тувси. В нашем обзоре „В глубь веков чувашского Края“ было уже отмечено, что на „Выставке каменных орудий Кам.-Волжского Края“ устроенной в 1926 г. в Кабинете Истории Материальной Культуры ВПИ, представлено 11 каменных орудий из дер. Тувси, что в 3 верст. от Цивильска, относимых к бронзовой эпохе. В Тувсях же найдено медное долото, описанное А. А. Штуkenбергом в статье „Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России (в „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр.“, т. XVII, в. 4, стр. 193, табл. III—17).

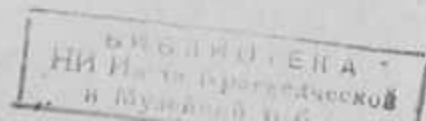
По рассказам стариков дер. Тувси еще до революции какой-то татарин скупил в деревне целый „воз старинных предметов“ и увез в Казань. Прежде находок было много. Теперь это—редкость.

По указанию крестьян были осмотрены берега р. Цивиль, как правый, так и левый.

Р. Цивиль протекает южнее дер. Тувси. Деревня разместилась на высоком левом нагорном берегу, который к востоку более полого спускается в долину. Далеко пройдя линию дер. Тувси, р. Цивиль петлей поворачивает около так называем. „Старой пристани“ на север и протекает по лугам с восточн. и сев.-восточн. стороны деревни. У старой пристани на правом берегу начинается лес, а западнее его—пашня. Правый берег от пашни к руслу реки спускается двумя слабо выраженными террасами.

При осмотре второй надлуговой террасы у „Старой Пристани“ обнаружены по распаханному под пар полю черепки, нуклеусы, лямы, боковые узкие резцы, обломок шлифованного топора, скребки, сверло и обломок медного острия (штык). Черепки плоскодонной посуды из бурой и темно-желтоватой

¹⁾ См. Альбом, табл. III, инв. №№ 14—16.

глины с орнаментом в виде параллельных и зигзагообразных зубчатых рядов и неправильной формы ямок. Узор довольно обильный (см. Альб. табл. XXII).

Предметы значатся в инв. под №№ 76—78; 82—84; 82. Медное острие изображено в Альбоме (табл. XXI).

С востока деревни у подошвы террасы расположены небогатые луга. Возвышенный берег выходит в луга выступами. Один из таких выступов, несколько сев.-восточнее деревни у озера „Сявра-Куль“ называется „Шихран-ту“.

В раздувах песчаной поверхности этого Шихран-ту обнаружены черепки, орнаментированные неправильными ямками, параллельн. линиями, углублениями, размещенными шахматным узором (см. Альбом, табл. XX) и т. д.

Поражает в сравнении с предыдущими пунктами ничтожный состав мелких кремневых обломков. В юг.-западн. обрыве Шихран-ту обнажился слой, смешанный с углем и черепками. В овраге у того же обрыва обнаружен обломок медной кольцеобразной пряжки (см. Альб., табл. XXIII): орнаментированной резьбой, придающей ей вид веревки. К кольцу припаяна спираль в виде двух одинаковых круглых завитков. Все предметы внесены в инвентарь под №№ 78—81, 85—87.

Кроме того, на сев.-западн. склоне деревни крестьяне указывают место, именуемое „Пойхи“ где при разбивке огорода Ник. Васильев нашел незаконченный обработкой шлифованный топор с начатой сверлиной (инв. 90, Альбом, табл. XXV), Тут же был обнаружен бронзовый гребешок по рассказам с украшениями в виде двух петушков, но теперь этот гребешок утерян.

Осмотр местности „Пойхи“ не дал никакого подъемного материала.

Г о р о д и щ а.

1) Близ. Нов. Починка; 2) против с. Яндашево (Никольское); 3) бл. дер. Б.-Камаево (отмечено С. М. Шпилевским); 4) у дер. Оба-Касы; 5) у дер. Липсеры; 6) бл. д. Вурмеры.

Из них на правом берегу Цивили: 2, 3, 4, 6; на левом берегу—5, а 1—на крутом берегу р. Воложки, отделяющей от материка остров Казин.

В Мариинском Посаде были получены сведения о том, что близ Новинского Починка имеется „Чортово Городбище“. Легенды сообщают о злой силе, которая живет на этом „городбище“, т. ч. население имеет, по рассказам старика, страх перед этим местом.

16/VII был произведен осмотр городища. Местный учитель В. Е. Муравьев, представитель раброса т. Леснов и учительница А. М. Некрасова приняли участие в экскурсии.

Городище находится в двух приблизительно верстах на запад от дер. Нов. Починок. За деревней в указанном направлении идет сначала пахотное поле, которое затем упирается в лесную дачу 1 квартала Мар.-Пасадекого лесничества. Берег Волги на всем протяжении от деревни до устья р. Цивили перерезан многими оврагами, образуя ряд крутых мысовидных выступов к руслу реки. Дорога, идущая из деревни, проходит по пахотному полю, затем, заворачивает в лесную дачу и приходит как раз к такому выступу, который выходит между двумя оврагами к Новинской Воложке, отделяющей остров Казин от берега.

Здесь выступ покрыт лесом и кустарником, что представляло громадные трудности для разведок.

Разведки свелись к нанесению общего плана и к описанию городища. Никаких предметов обнаружено не было.

Упомянутый выступ представлял собой, действительно, городище, защищенное со стороны материка двумя валами и рвами. Площадь городища в виде

треугольника расположена несколько на сев.-восток и имеет довольно значительный склон к Воложке, при этом северная часть городища опускается к низине несколькими уступами, и, повидимому, сильно изменена внешними водами.

Длина городища до первого внутреннего вала превышает 70 метр. Ширина городища у второго внешнего вала достигает 40 метр., у первого внутреннего вала—26 метр., далее городище очень сужается и заканчивается несколько закругленной вершиной. Восточные и западные края городища круто обрезаны оврагами и мало доступны для под'ема.

Как, сказано, площадь городища защищена валами и рвами. Валы представляют собой дугу, концами обращенную на северо-восток, а выгнутой частью к матерiku. Валы, как и вся площадь городища, густо покрыта лесом и кустарником. В некоторых местах отмечаются ямы, много троп, сделанных скотом, который здесь пасется.

Первый вал (внутренний) в средней части возвышается над площадью городища на 1,8 метра, к концам несколько понижаясь. Расстояние между концами (зап. и восточным) этого вала 26 метр. Ширина вала в средней части у подошвы превышает 12 метр.

С внешней стороны вала идет мало заметный ров, потерявший резкие очертания и слившийся с площадью городища, идущей ко второму валу. Но так как высота первого вала с внешней стороны достигает 2,10 метра, надо полагать, что 30 снт. остаются на долю глубины первого рва. Конечно, первоначально глубина рва была другая; она изменилась вследствие размыва площади городища со стороны второго вала.

Второй, внешний вал находился на расстоянии 17,5 метр. от первого (по средн. линии городища). Высотой, общим устройством и состоянием он аналогичен первому.

Ров с внешней стороны вала также мало выражен и не поддается точным измерениям.

На валах, как сказано, отмечаются ямы. Здесь крестьяне находили „кирпичи“, для чего и были вырыты эти ямы. Находили лишь мелкие куски. Действительно, на небольшой глубине появляются кирпичевидные, величиною в орех куски. Иногда тут же встречаются мелкие угли и куски сажки.

Обзор поверхности городища с разбором в некоторых местах верхнего слоя ничего, кроме угольков не дает.

Счастливее в этом отношении оказалась разведка, произведенная осенью, упомянутым учителем II-й ступени В. Е. Муравьевым, которого я просил произвести некоторые наблюдения по спаде листвы. В. Е. Муравьев письмом от 19/X сообщает: „Без листвы лес и опавшая от морозов трава чрезвычайно рельефно выделили валы и раскопанные ямы... Внешняя сторона второго вала на глубине 0,30—0,50 снт. дает очень много кирпича. Целых не найдено и даже крупных кусков нет, но мелочи много. Во внутреннем валу кирпича меньше. В разных местах внутри валов в растительном слое попадает много мелких обломков горшков“. Черепки по сообщению В. Е. Муравьева—толстые и грубые, но попадают и тонкостенные. Угля много везде. Кроме того В. Е. Муравьеву удалось обнаружить костяной наконечник стрелы в 6 снт. длиной.

Далее В. Е. Муравьев сообщает, что „приблизительно в полуклазметре от этого городища имеется второе, точно такое же. „Говорят“, — пишет В. Е. Муравьев, — „что таких мест есть еще несколько“.

Принимая теперь во внимание сообщение В. Е. Муравьева и те обстоятельства, что такое же городище обнаружено нами у с. Яндашево, то чем

речь ниже, надо полагать, что угол, образуемый течением Новинской Воложки и р. Цивилия представляет собой район, довольно густо населенный в давнее время.

2. Киве-Хола—Вырене против с. Яндашево (22/VIII).

Городище находится на правом берегу р. Цивилия, на север от шоссированной дороги, в гору от перевоза. Городище помещается на одном из мысообразных выступов правого нагорного берега, обращенного вершиной на юго-запад к течению реки. В настоящее время площадь городища покрыта лесом и кустарником, а вершина его уже обвалилась в низину р. Цивилия.

Городище совершенно того же типа по своей общей конструкции, что и вышеописанное „Чертово Городбище“.

Длина площади городища от обрыва—около 40 метр., дуга первого вала 35 метр., и внешнего—138 метр., при чем расстояние первого вала от второго в средней части городища около 42 метр.

Устройство валов аналогично „Чертову Городбищу“, но они ниже: первый вал поднимается на 55 снт. над поверхностью, второй—на 85 снт. Ширина валов—5 метров. Рвы, как после первого, так и после второго вала—имеют 5 метр. ширины и около 1 метра глубины.

Между валами разместился „монастырь“, от которого ныне осталась просто изба с хлевами. Выгон скота, дорога изменили несколько первоначальный вид валов. В первом валу (в юг.-вост. его части) устроена даже баня.

Осмотр валов не дал, однако следов той обожженной глины, которая встретила на „Чертовом Городбище“.

Осмотром края городища у обрыва близ первого вала (с.-з. часть) обнаружен пропитанный углем культурный слой, в котором собраны черенки черной глиненой, неорнаментированной с гладкой поверхностью посуды, обожженные кости мелкого и крупного рогатого скота и наконечник костяной стрелки с легкими гранями, около 7,5 снт. длиной (см. инв. №№ 25, 26, 27).

Старики помнят след. предание об этом городке. Перед падением Казанского Царства здесь жил татарский хан Шмель. Он караулил здесь Ивана Грозного. Но Иван Грозный, оказалось, направил свои отряды по Волге. Шмель из своего города видел силу Ивана Грозного и понял неизбежность падения Казанского Царства.

Среди стариков также хранится предание об этом городке, как притоне разбойников. Обвал нагорного берега захватившего и площадь городища, толкуют как провал разбойничьего городка со всей его казной.

3. Городище близ д. Б.-Камаево (6/7-III).

У С. М. Шпилевского, Древние города etc., (стр. 523) приведено сообщение Магнитского о Хола-ту со следующим определением: „Край глубокого оврага на лев. стороне почтового тракта, идущего из деревни Ирх-Сирмы и выходящего кр. Цивиль позади Вороновой слободы, между деревнями Ирх-Сирмы и Камаевой“. Из дальнейших замечаний С. М. Шпилевского видно, что он не достаточно уясняет положение этого городища. Это совершенно естественно, т. к. Магнитский не указал ориентировки по странам света, а упомянутая им дорога имеет изогнутое направление.

Не подлежит сомнению, что упомянутое Хола-ту есть именно то городище, которое находится недалеко (в полуверсте примерно) на северо-восток от дер. Б.-Камаево.

Вся местность здесь изрезана глубокими оврагами, сеть которых идет на запад, изрезывая нагорный берег р. Цивилия.

Городище расположилось на треугольной площади между двумя глубокими оврагами, называем. Киреметь-Сирмы, при чем вершиной оно обращено на запад.

Площадь городища имеет также некоторый уклон к западу.

В настоящее время вся поверхность заросла лесом и кустарником и от корней иногда получается впечатление бугров. Поиски культурного слоя не увенчались успехом, хотя тонкие слои угля и попадались неглубоко от поверхности, при чем в них встретились в одном месте разрушившиеся части лошадиных зубов.

Примерные измерения (лес мешал точному обмеру) дают следующие результаты: длина городища от первого вала до вершины по срединной линии 115 метр., расстояние между валами 72 мт. Ширина городища у первого вала—40 метр., у второго (внешнего)—45. Высота первого вала по середине 1,9 метра, к концам вал понижается и сходит к уровню поверхности городища. Ширина вала в середине достигает 13 метр. Внешний вал в середине достигает высоты в 1,3 метра по концам сильно понижается, но не сходит к уровню поверхности; высота в самом широком месте—8,5 мтр.

Первый ров шире (6 мтр.), но мельче (40—45 снт.) второго, ширина коего—5 мтр. а глубина—85 снт.

В предыдущих городищах не наблюдалось такой выпуклости середины вала.

4. Хола—Вырене близ д. Оба-Касы (Ирх-Сирмы). 9/VII.

Городище расположено на зап. от деревни Оба-Касы (Ирх Сирмы), подобно предыдущим на мысу между двумя оврагами, и вершиной обращено на юг к лугам, по которым пробегает к западу, к р. Цивилю небольшая речушка Оба-Сирмы.

Городище покрыто густым орешником и для рекогносцировочного исследования представило много затруднений, особенно вследствие дождя.

Обмеры дали лишь приблизительные данные.

Городище меньше по размерам Б.-Комаевского и отличается от предыдущих тем, что имеет лишь один дугообразный вал с приподнятой срединной частью.

Нет сомнений, что это городище—то самое, которое упоминается у С. М. Шпилевского, указ. соч., стр. 523 (по „Материалам“ В. К. Магнитского) и положение которого показано так: „верстах в 2-х от с. Чурашево, близ деревни Кап-Касы“.

Около с. Чурашево разведками больше никаких городищ не обнаружено. По словам Магнитского, какой то крестьянин этого села считал городище татарским. Теперь такого предания нет.

5) Хола-ту у Липсер (8/VII).

Городище расположено на одном из мысовидных выступов верхней террасы левого берега р. Цавиля, приблизительно в $1\frac{1}{2}$ версте на запад от Липсер. Выступ носит название „Епле-Сирма-сырче“ и находится между двумя оврагами: с юго-западной стороны овраг „Епле Сирмы“ и с сев.-вост. стороны безымянный овраг. Площадь городища по краям, обращенным к р. Цивилю, покрыта лесом. Остальная поверхность запахивается, так что валы уже распаханы, но предание о валах и рвах этого городища у населения еще сохранилось.

У концов оврагов ширина городища достигает 64 метр. Длина городища—116 метр.

Почти у начала Безыменного оврага находится круглый бугор высотой в 83 снт., радиусом в 4,5 метр.

На поверхности найдены черепки крепкой посуды из красной глины без орнамента, а также куски красной обожженной, кирпичевидной глины. По словам крестьян особенно много „кусков кирпича“ находили прежде.

По легенде здесь был город. В нем выстроили церковь и подняли колокола. Но колокола не издавали звона, и город опустел и исчез.

По другому преданию, к югу от Липсера (на $\frac{3}{4}$ версты) и несколько к северу от Хола-ту была через р. Цивил „сар-сол“, т. е. каменная дорога. Это—следы перехода войска при Стеньке Разине: солдаты бросали в воду по камню, и так была сооружена дорога.

Кроме Хола-ту у Липсер показывают „окопы“ (дн. № 2, тет. 2, стр. 44-45). Проверка не дает никаких материалов на этот счет.

6. Хола—вырене у д. Вурмеры. (10) VII).

В нашем отчете о разведках 1921 г. в Чувашской Республике (стр. 20) было приведено следующее сообщение сотрудницы Чебоксарского Музея Н. Смеловой: „Около д. Вурмеры, по направлению к юго-востоку находится на горе место под названием „Хола-Вырене“. По местным преданиям, здесь когда то хотели строить город, но пушка не выстрелила при закладке и потому город не заложили. В настоящее время хорошо заметны остатки вала длиной около 40 саж. с двумя интервалами-перемычками“. Далее в записке указывается на дугообразность вала.

Осмотр городища 10/VI—1926 года показал, что подобно предыдущим городище расположено на мысу, выступающем в низину, по которой к северо-западу протекает р. Вурмер-шу. Вершиной городище обращено к западу, т. е. к реке Цивилю, а с юго-запада и северо-востока площадь городища ограничена рвами ¹⁾. Вся площадь покрыта лесом и имеет наклон к западу.

Городище имеет в длину от середины вала приблизительно 95 метров.

Укрепление состоит из одного внушительного вала и рва с внешней его стороны. Вал дугообразен, длина его достигает 116 метр., ширина—12 метр., высота—1,25 метр. Ров имеет в ширину 7 метр., глубину 1,2 метра. Вал имеет две перемычки, из которых та, которая находится в южной части вала, отстоит от конца вала на 27 метр. и достигает ширины 2,5 метра. Здесь и теперь проходит дорога.

Уже Н. Смелова указала, что „около 10 лет тому назад крестьянин дер. Вурмер Александр Григорьев вздумал искать клад. Он вырыл на гребне вала яму около 1 аршина или более глубиной,—показались камни, а затем человеческие кости. Григорьев бросил копать и после этого никаких попыток к раскопам не было“.

Это подтвердил и в 1926 году председатель Сельсовета, дополнив сообщение тем, что кроме того при раскопках было найдено медное кольцо. К сожалению, Александр Григорьев из деревни куда-то уехал, а семья не могла дать никаких сведений.

Осмотр вала показал, что место раскопки находится несколько южнее южной перемычки вала. Действительно, яма наполнена кирпичеобразными кусками, из них же состоят стенки ямы под неглубоким слоем верхоземки. Изучение кусков обожженной глины свидетельствует о том, что „его первоначально обмазывался плетень, отпечатки прутьев которого на кусках заметны ²⁾. Потом все это сжигалось, и получалось кирпичной крепости сооружение.

¹⁾ По оврагу с северо-восточной стороны протекает небольшая речушка „Малды-шу“, впадающая в р. Вурмер-шу.

²⁾ Несколько кусков взято. (См. Инв. № 73).

Никаких черенков найти не удалось.

К сожалению, работы затруднялись, вследствие дождя.

Предварительное заключение о городищах.

Вышеприведенное обозрение городищ дает возможность прежде всего установить, что все городища имеют аналогичное расположение на возвышенности между двумя оврагами, обращаясь вершиной к реке. Все городища укреплены, но укреплены по разному.

1) 3 городища имеют укрепление из двух дугообразных валов и двух рвов. („Чертово Городбище“, против с. Яндашево, у д. Б. Камаево).

2) 2 городища — из 1 вала и рва (у дер. Оба-Касы и дер. Вурмеры).

Перемычки встречены лишь в Вурмерском Хола-вырене.

Укрепление валов при помощи обожженной глины, получающей крепость кирпича, наблюдалось на трех городищах („Чертово Городбище“, у дер. Липсеры и особенно на Вурмерском „Хола-вырене“).

(Вследствие распаханности городища близ дер. Липсеры говорить о валах трудно, но все же вал, повидимому, был, — и именно сооруженный по образцу упомянутых).

В пределах Чувашской Республики в свое время проф П. И. Кротов описал городище близ дер. Катергиной (см. „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“ XXVI вып. 1—2, стр. 52—53), где также встретил подобное сооружение вала. По этому поводу он пишет:

„Что касается материала, из которого состоит вал, то с первого взгляда кажется, что валы эти, действительно, сложены сплошь из обломков выветрившегося и полуразрушенного кирпича. Но при внимательном рассмотрении этого материала оказалось, что по структуре своей это не кирпич, тем более, что он представляет различной формы и величины куски, а иногда и большие глыбы и никогда не имеет формы кирпича. В массе его я нашел довольно много отпечатков стеблей и стволиков растений и даже хорошо сохранившиеся отпечатки листьев клена (*Acer platanoides*). В этом же материале оказались ошлакованные куски пермского песчаника и пермского мергеля, очень сходные с развитыми по соседним оврагам этими горными породами. Очевидно, что этот вал был насыпан из накопанного в соседних оврагах красного мергеля и песчаника, перемешанных с массой нарубленного здесь же клена и других деревьев.

Древесный материал от какой то причины сгорел ¹⁾ оставив после себя только отпечатки листьев и стеблей на перегоревшем и пережженном мергеле. И это, вероятно, было давно, после чего защищенная этими валами площадь была пересечена, вместе с валом, новым оврагом. Судя по отсутствию предметов жизни и деятельности человека, само укрепленное пространство, вероятно, не долго служило потребностям обитателей и устроителей его, было скорее временным укреплением, своеобразной „засекой“.

Н. Архангельский в статье „Из археологической экскурсии в 1898 году по Ядринскому уезду“. (Изв. ОАИЭтн. т. XVI, в. I стр. 77) отмечает городище („Хола-ту“) в Убеевской волости в 4-х верстах от сел. Убеева и передает сведения о том, что на городище находят „кирпичи“, как следы пребывания здесь „русского войска“, как говорит предание.

Повидимому, значение этих „кирпичей“ аналогично тому, какое они имеют в вышеупомянутых городищах.

¹⁾ Повидимому, все сооружение было нарочито сожжено, чтобы придать валу крепость кирпича.

Такие же укрепления валов встречаются далеко вне пределов Чувашской Республики.

Так, описывая городище „Юматиха“ в Тетюшском кантоне ¹⁾ Татреспублики (в „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр.“ т. XXVI в. 4, стр. 406—407), Г. Ахмаров сообщает:

Ров и вал чуть заметны. Последний можно заметить, лишь по красной обожженной глине. Можно заметить, что, хотя площадь этого городища очень большая и с трех сторон окружена глубокими обрывами, но укрепление его с 4-й стороны состояло только из одного неглубокого рва и невысокого вала, *до красна обожженного* (курсив наш С.), почему самое городище важного стратегического значения не имело“. На городище Г. А. Ахмарову не удалось обнаружить никаких находок. (Разведки 1909 года ²⁾).

Возможно, что дальнейшие разведки откроют и ряд других подобных городищ в Волжско-Камском Крае.

Повидимому, эти городища необходимо отнести к группе городищ так назыв. „Дьякова“ типа ³⁾.

Сооружение вала у Вурмерского городища очень напоминает таковое на Федяшевском городище (Тульск. губ.), описанном В. А. Городцовым в „Древностях“—Труды Моск. Арх. Об-ва, т. XVII, стр. 5 след. где говорится:

„С самой поверхности вала пошла красная глина, обожженная до кирпичного состояния, выполнившая всю массу вала и представлявшая такие большие затруднения при отрывке канавы, какие могли преодолеть лишь опытные шахтеры (рудокопы), попавшие ко мне в партию... При разрезе вала было скоро замечено, что там, где был вал, слои обожженной глины беспрерывно чередуются с углистыми прослойками, идущими почти параллельными и опрокинутыми дугами; там же, где шел отвал сброшенной вершины вала, сделанный, очевидно, вотчиною Сабурова, куски обожженной глины, золы и черной земли лежали перепутанною и беспорядочною массою“.

Как известно, городища „Дьякова типа“ распространены в бассейнах верховьев Волги, Оки, Москвы, Клязьмы; они наблюдаются А. А. Спицыным и в верховьях Днепра, Мсты, Мологи и, повидимому, на западн. Двине.

Городища эти еще мало изучены, и эпоха их еще не подлежит безукоризненному определению. А. А. Спицын, впрочем, время расцвета городищ „Дьякова типа“ относит к VI—VIII в. нашей эры.

Тем более интересным представляется изучение упомянутых городищ.

Курганы (Олып-Тупри).

При разведках встречены групповые курганы, парные и одиночные. Кроме того были осмотрены те возвышенности, которым народная молва придает значение курганов, Олып-Тупри, но которые являются продуктом естественного землеобразования.

Групповые курганы: 1) кроме курганов близ с. Абашево, к изучению коих мы приступили еще в 1925 году (см. отчет этого года ⁴⁾), группа курга-

¹⁾ Сравн. план в прилож. к V т. „Извест. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“.

²⁾ Быть может к той же категории городищ относится городище близ с. В. Тояба, той же вол. Тетюшского кантона описанное Зайцевым в „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“ т. X, в I стр. 112—113.

³⁾ Сравн. городище „Дьякова типа“ в „Зап. Отд. Русской и Славянской Археолог. Им. русск. Арх. Об-ва“, т. V стр. 111—142 и ст. А. А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа, (там же, т. VII, стр. 83 след. и т. д.).

⁴⁾ См. нашу статью „La nécropole d'Abachevo“ в „Eurasia Septentrionalis Antiqua“, вып. I, Гельсингфорс, 1927, стр. 85 след.

нов была встречена 31/VIII и более подробно обследована 5/VIII близ дер. Тохмеевой (Колешинское).

Курганы расположены приблизительно в 1 версте к юго-западу от деревни в Икковской казенной лесной даче (квартал № 13). Лесная дача подходит к оврагу, который отделяет эту дачу от полей дер. Тохмеевой, и по которому протекает речушка.

Большинство курганов в лесу и только 4 кургана расположены у опушки. Всего удалось насчитать 24 кургана. Высота курганов от 1 до 1,5 метра, радиус 8—10 метр. Курганы имеют круглое основание и выглядят полушарными, несколько расплывающимися. Разбросаны беспорядочно.

Один из курганов был раскопан широкой траншеей в 7,5 метр. длины и 4 метра ширины (с севера на юг). На глубине 53 снт. от верхоземки по бурой земле обнаружилось с совершенной ясностью черное пятно правильной четырёхугольной формы, направл. узкими сторонами с юго-запада на северо-восток (длина 1,73 метра, ширина—в юго-западной части—90 снт., северо-восточной части—78 снт.).

Желтый глинистый влажный материк вокруг пятна выступил на глубине 80 снт. от верхоземки. Глубина могилы в материке—45 снт. Засыпьямы из черной влажной земли с губчатой структурой насыщена угольками. У дна могилы черная ноздреватая влажная земля имеет беловатый налет (плесень, быть может продукты разложения). В юго-западной части могильной ямы обнаружены черепки раздавленного кругло-донного сосуда из желтоватой глины с отогнутым краем, но без орнамента. В северо-восточном углу стоял треснувший стаканобразный сосудик, высота 4,5 снт., отверстие 7,4 снт. в диаметре, без орнамента. Оба сосуда совершенно несомненно принадлежат той же культуре, которую мы встретили в Абашевских курганах.

2) Курганы у дер. Пыкшик, что на речке Энче, правом притоке речки Рикши (1/VII). Курганы („олимп-тюми“) расположены в Сарбаханском лесу на пути из дер. Пыкшик в Василь-Касы. Здесь на поляне Мунса-рада к северо-востоку от дер. Пыкшик на расстоянии 1 версты, от дер. Побой в 1½ версте отмечено 4 кургана, из них 2 круглых по основанию и полушарных по форме (№ 1, 4) и два с овальным очертанием. (№№ 2, 3). Три из них (№ 1, 2, 4) расположены на юг от дороги в дер. Побой, а один (№ 3)—на север от нее.

Диаметр курганов от 8,5 до 11,8 метр.; высота от 50 до 86 снт. Курган № 1 был прежде копан и на вершине его виднеется яма размером в 1×2 м. и глубиной 0,5 метра. Но крестьяне говорят, что раскопка никаких предметов не дала.

Восточнее этой группы курганов на расстоянии 44 метра от подошвы кургана № 3 в лесу имеется пятый курган заросший уже лесом.

3) Курганы в поле д. Байсубаковой (29 и 30 июля). По тракту из Абашево в Цивильск, после переезда р. Рыкши и под'ема на высокий берег, налево к северу от кладбища и несколько юго-восточнее от него находится по одному кургану.

Первый из них, что севернее кладбища, имеет неправильную форму и разрыт на глубину 1,1 метр. Первоначальная высота, повидимому, превышала 1,5 мтр. С трех сторон курган распаивается. В 1911 году или 1912 году по словам крестьян курган раскапывал Калюков по поручению проф. Кротова, но никаких предметов не обнаружил. Другой курган, что на юго-восток от кладбища, имеет круглое основание и несколько расплывчатую поверхность. Высота 1,15 снт., диаметр—18 мтр. Курган распаивается.

Крестьяне говорят, что прежде были заметны курганы и на площади кладбища.

Парные курганы.

1) Два кургана на земле Кугесевских крестьян в местности Хола-сой, несколько на север от с. Икково и к западу от Б. Янгильдино на $1\frac{1}{4}$ версты (1/VIII).

Курганы расположены: один на загоне А. Максимова и Мих. Георг. Иванова, а другой на загоне М. Иванова, И. Николаева и П. Васильева. Первый курган (№ 1) высотой около 70 снт., диаметром около 13 снт., Курганы—круглые в основании с расплывшимися поверхностями. Сильно распахиваются. Нынешним летом засеяны. Почва их отличается от остальной площади пашни: заметны примеси песку, наблюдаются мелкие куски углей. По словам крестьян, прежде высота курганов достигала 3 аршин.

2) Два кургана на старом кладбище (Киве-сива) у деревни Вурмеры (10/VIII).

В „Материалах“ Магнитского (сравн. С. М. Шпилевский, Древние города и т. д., стр. 523) упоминается „старое кладбище с двумя курганами в 3 верстах от деревни Елюй-Касы и в $1\frac{1}{2}$ версте от деревни Старак“, причем замечено: „Едва ли это кладбище не одно и то же, что под дер. Вурмеры“. С. М. Шпилевский полагал, что речь идет, конечно, о кладбище близ дер. Вурмер. Разведки это подтверждают.

Старое кладбище расположено на расстоянии примерно 200 метров к западу от деревни Вурмеры на правой стороне р. Вурмер-шу, (впадает справа в р. Цивиль) почти против мельницы, что на левой стороне реки.

Кладбище занимает площадь около 3 гектаров.

На этом кладбище, действительно, расположены два полушарой формы кургана на расстоянии 18 мтр. один от другого.

Курганы совершенно однотипны: у них—одна высота (1,4 метра) и один радиус (13 мтр.), кругом хорошо задернованы и распахке не подлежат, так как вся площадь Киве-сива сохраняется от распахки из страха перед мезьтью покойников.

3) У дер. Атлашевой (25/VII). На пашне к юго-востоку от деревни отмечено два кургана на загоне крестьян Осипа Исаева и Ивана Иванова. В виду засева пашни подвергнуть более подробному осмотру курганы не удалось.

Одиночные курганы. Разведками отмечено 5 одиночных курганов, а именно:

1) В 1 версте на запад от дер. Атлашево, направо от тракта в Чебоксары в 32 метра на паровом загоне Атлашевского крестьянина Ф. Н. Николаева (25/VII). Курган распахан. Радиус примерно—13 метр., высота 80 снт. Курган (олып-тупри) прежде был около 3 арш. на памяти упомянутого крестьянина, но насыпь его снята и увезена для уравниения поля, имевшего яму. Находок не было.

2) Курган, „Карас-ту-түми“, т. е. „Красная Горка“ (около дер. Лагер на правом берегу р. Рикши, на пашне, приблизительно на расстоянии одной версты на юго-восток от „верхней“ мельницы („Богдановская мельница“) и в 200 метров на восток от дороги с верхней мельницы в дер. Сютылых (29/VII). Курган имеет почти круглое основание и полушарую форму. Диаметр 20 метр., высота 1 метр. Прежде курган был около 1 саж. высотой, но

теперь сильно распахан. Черная почва курганной насыпи с прослойками глины и мелкими угольками резко отличается от бурой почвы, окружающей пашни. Находок не было.

3) Курган у д. Б.-Камаевой (7/VIII). Расположен курган на расстоянии примерно 2 версты от дер. Б.-Камаевой к северо-востоку, в лесу, что идет за пашней „Суня-шур“ (Тойсинское лесничество, квартал 96). Курган покрыт лесом, на южном склоне—круглая яма. Высота—1,6 метра, радиус—9 метр.

Крестьяне полагают, что в кургане—сокровища, но им неизвестно,—кто копал на кургане яму.

4) „Олып-тупри“ у дер. Синьялы (12/VIII). Курган находится в поле в $1\frac{1}{2}$ версте к юго-востоку от дер. Синьялы и в 2—2 $\frac{1}{2}$ верстах от д. Тувси на загоне крестьян д. Синьял Степ. Артемьева и Ефима Степанова. Курган с круглым основанием, отчасти уже распахивающимся. На верхушке кургана яма—следы раскопок его крестьянами дер. Синьялы Дмитрием Николаевым, Петром Абрамовым и друг. в поисках богатой казны, спрятанной в нем, по преданиям во времена „княжеской войны с татарами“ (сведения сообщали крестьяне Яков Семенов и Петр Тимофеев).

При раскопках нашли: кольцо из белого, „неизвестного“ крестьянам металла и кости (по предположению крестьян—лошадиные) и друг. малозначительные вещи. Вещи не сохранились.

Высота кургана в настоящее время 1,28 метр., радиус—8 метр.

5) „Олып-Тупри“ у д. Орбаш (12/VIII). Курган находится на пашне Орбашинских крестьян (загон П. А. Андреева, который теперь передает его своему брату Ивану Андреевичу), приблиз. в $1\frac{1}{2}$ —2 верстах к северу-востоку от дер. Орбаш.

Курган круглый в основании, поверхность насыпи распахиывается уже 40 лет и изменилась.

Высота 85 сит., радиус около 10 метр. Прежде курган помнят высоким. Курган никто не копал.

При распахке вещей не обнаруживается.

Мнимые курганы

В отчете об археологических разведках в Чувашской республике в 1921 г. уже было указано (стр. 13 сл.), что население многие насыпи естественного происхождения называет курганами („олып-тупри“, — „карман-тюби“).

Во время разведок такие мнимые курганы были осмотрены:

1) у дер. Анат-касы (22/VIII).

2) у дер. Юраково (23/VIII).

3) в лугах у дер. Н. Магази (25/VII).

4) у дер. Ср. Алмандаево на дне оврага „Сульгенер“ (8/VIII).

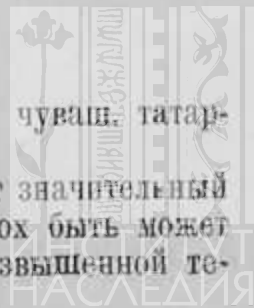
5) „Такана-тюби“ по дороге от Б. Камаево к селу в долине (8/VIII).

Все упомянутые „Курганы“ расположены в долинах и несомненно имеют тесную связь с глубоко-волнистым эрозионным рельефом местности.

Старые кладбища и могилы.

Разведками отмечены „старые кладбища:“ — „киве-сива“ чуваш. татарское кладбище и старая одиночная могила.

1. „Киве-Сива“ („старые кладбища“ чуваш) представляют значительный интерес для изучения населения Чувашской республики для эпох быть может начиная с XV века. Эти кладбища обычно размещаются на возвышенной те-

рассе берегов рек и речушек. Площадь кладбища часто не запахивается из суеверного страха перед мезьтью покойников. Впрочем, по некоторым кладбищам уже прошла соха. По поверхности кладбища обычно заметны ямки от провала могил. Часто колеи дорог, проложенных по такому кладбищу, а также распахивки обнажают кости погребенных, предметы украшений и деньги. (У села Яндашево-Никольское, у дер. Вурмеры и друг.). Размыв и обвал также часто нарушают погребения. У села Яндашево-Никольское, например, в долину р. Кукшума (Кувшинки) выпало уже много человеческих костей.

Разведками зарегистрированы следующие „квиве-сива“:

а) в д. Яндашево-Никольское, (20/VII).

б) у д. Толиково (22/VII).

в) у дер. Ердовой (27/VII).

г) у дер. Лагер (28/VII).

д) у дер. Абашево (30/VII).

е) у дер. Шакулова (31/VII).

ж) у дер. Икково (31/VII).

з) два у дер. Кугесево (1/VIII).

и) у дер. Б. Карачуры (2/VIII).

к) у дер. М. Карачуры (2/VIII).

л) у дер. Типнери (3/VIII).

м) у дер. Вурмеры (10/VIII).

Почти во всех случаях крестьяне рассказывают об обнаружении на площадях кладбищ костей человеческих, иногда лошадиных и предметов (ножи, пронизки, бусы, пуговицы, серебр. и медные русские монеты и т. д.).

Иногда удавалось получать более определенные сведения. Так напр. крестьянин дер. Ердова Г. А. Анисимов сообщил, что „квиве-сива“ близ Ердова разрывается для добычи земли на укрепление мельничной плотины. При этом в 1922 г. было обнаружено полное погребение в таком виде: костяк лежал в дубовом гробу с дном из лубка; лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. При костяке найдены: две стеклянных зеленых пуговицы, железный нож и гребень около тазовой кости. Все предметы вместе с костями были зарыты, т. к. старики не позволили перенести все это в школу, как музейный материал.

Относительно „квиве-сива“ в с. Икково получены такие сведения: в 1925 г. здесь производили раскопки ученики Чебоксарского Педтехникума. Обнаружили кости, медные деньги, железный нож.

При описываемых разведках с некоторых „Квиве-Сива“ собран подъемный материал.

Так напр., у села Яндашево-Никольское в колеи дороги, проходящей по кладбищу обнаружены: бусинки, медные трубчатые пронизки (инв. № 12), а также кости.

При осмотре Квиве Сива в с. Абашево (30/VII) обнаружены кости, бусы, трубчатые бронзовые пронизки, раковины, фрагменты шерстяной ткани и др. (Инв. № 43—44).

Раскопки.

Во время описываемых разведок произведена раскопка одной могилы на „Квиве-Сива“ близ села Яндашево-Никольское (20/VII). Траншея проведена по направлению провала могилы с сев.-востока на юго-запад — 2 метр. длины и 1 метр. ширины.

В 43 см. от верхоземки в области пятна могилы обнаружены остатки костра (угли, зола).

Могила уходит в материк не глубоко, около 25 снт. Длина могилы— 1,7 метр., ширина в ногах 63 снт.

Костяк лежал на дне могилы на спине головой на сев.-восток, руки вытянуты вдоль туловища, причем кисть правой руки лежит под тазовой костью. Около левой руки отчасти под тазом обнаружен ржавый железный нож, деревянная рукоятка которого тут же распалась. Под тазовой костью левой руки найдена небольшая серебрянная русская монетка, весьма плохой сохранности (кажется, Михаила Федоровича)¹⁾.

Кому принадлежат кладбища?

Население обычно считает эти кладбища кладбищами своих предков. Кладбища относят к далеким временам. „Тут хоронили некрещенных“,—говорят крестьяне.

И, повидимому, действительно, большинство кладбищ принадлежит чувашскому населению и в таком случае „Киве-Сива“ могут быть богатым источником для изучения чувашской культуры.

В некоторых случаях, однако, в наименованиях кладбищ хранится воспоминание о том, что они принадлежат не чувашам.

Так, напр., в 1½ версте к юго-западу от дер. Кугесево находится „Кива-Сива“, которое именуется „Сармас-сива“ т. е. черемисское, марийское (кладбище). Лет 20 тому назад приступили к распахке площади кладбища и обнаруживают человеческие кости и медные старинные деньги.

У сел. Абашево на лев. берегу р. Шинерки находится „татар-сива“, т. е. татарское кладбище, которое сами крестьяне считают более древним, чем „киве-сива“ близ церкви в селе Абашево.

По словам крестьян, „на татар-сива“ при распахке находят человеческие кости, черепки, бусы, ножи, особенно много лошадиных черепов и зубов; все это указывает на инвентарь не мусульманского уклада.

В заключение приходится еще раз подчеркнуть богатство материала „киве-сива“ для изучения истории чувашской культуры.

2. Отдельные могилы. У дер. Ср. Алмандаевой крестьяне показывают могилу основателя деревни Лекки („Лекки-сива“ 8/VIII). Могила находится на высоком береговом выступе, именуемом „Сартси“. До последних лет эта могила почиталась. Ежегодно в семик жители деревни приходили сюда с пивом и продуктами. Пили и ели сами у могилы, а также поливали могилу пивом и оставляли еду, т. к. это завещал делать сам Лекки, угрожая в противном случае несчастиями и падежом скота.

Теперь, повидимому, почитанием эта могила уже не пользуется. Рассказывают также, что Лекки не основатель деревни, а просто богат.

Несколько лет тому назад, место, где указывают могилу раскапывали в поисках богатств Лекки, но безрезультатно.

По рассказам, в Чувашской республике вообще имеются и почитаются могилы основателей некоторых поселений.

3. Татарские кладбища. В пределах Чувашского края, в особенности в восточной части Чебоксарского у. отмечается целый ряд „татарских кладбищ“.

Перечисление их дано у С. М. Шпилевского в книге „Древние города etc.“ по сведениям В. К. Магнитского. Здесь упомянуты следующие татарские кладбища:

а) в 4-х верстах на юго-вост. от д. Яльчика на Б. Анише, (стр. 513. Отмечены остатки камней с эпитафиями).

¹⁾ См. инвент. №№ 22 и 23. Имеется фотографический снимок погребения.

б) у с. Карачево, где по словам В. К. Магнитского, „до последнего времени сохранились камни с татарскими надписями“ (стр. 515).

в) у д. Кадергиной стр. 516. Проф. П. И. Кротов в „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“, т. XXVI, вып. 1—2, стр. 53—54 отметил здесь два кладбища: „Тубах-мазар“—для взрослых и „ача-мазар“ (детское кладбище). На первом прежде были камни с надписями. Один из таких камней П. И. Кротов доставил в Казань, в городской музей.

г) у дер. Чешлам (стр. 517). В. К. Магнитский около кладбища некрещеных указывает три надгробных камня с татарскими надписями. Кладбища В. К. Магнитский не признает чувашскими, а о камнях говорит: „откуда и как попали эти камни, мы на эти вопросы не получили никакого ответа“.

д) у дер. Кульгешевой (стр. 519). Также отмечены камни, орнаментированные кругами и кувшинообразными фигурами, а также татарскими надписями.

е) в д. Атлашевой (стр. 524).

ж) при дер. Ураевой (стр. 524). Впрочем, описываемыми разведками установлено, что сведения о татарском кладбище близ дер. Ураевой (Магази) не верны. Их сообщил В. К. Магнитскому в свое время уездный следователь.

Кроме того, известно, что во многих пунктах ближе к восточн. границам Чувашской республики имеются в отдельных местах камни с арабскими надписями.

Все такие сведения и материалы представляют собой весьма значительный интерес, т. к. могут дать при соответствующей их обработке картину расселения как болгар, так и татар в пределах современной Чувашской республики.

Если в Свияжском кантоне Татарской республики встречаются эпитафии на камне болгарской эпохи, то они, конечно, могут встречаться и в восточных пределах Чувашской республики.

И сбор здесь эпиграфического материала (эстампирование, фотографирование) должен быть поставлен на очередь.

С другой стороны в Чувашской республике встречаются надгробные камни с надписями чисто татарского происхождения. Эти надписи также надо собрать и изучить. И только тогда можно будет понять, какие кладбища принадлежат болгарам и какие татарам. Раскопки дополняют этот материал, конечно, весьма существенными данными.

Описываемыми разведками обследовано татарское кладбище в дер. Атлашево, которую местные жители называют „Татар-касы“. По преданию прежде здесь жили татары, но их вытеснили чуваша; татары ушли в дер. Карамышево. Но татары и до сих пор, проезжая д. Атлашево, заходят на кладбище и молятся там.

Кладбище расположено в западной части деревни на гумнах, что идут по склону возвышенности к деревне. Кладбище тянется с сев. на юг на 215 метр., занимая 2 усадьбы и переулок, начинаясь на усадьбе кр. Степанова и заканчиваясь, на земле А. Гавриловой. Площадь кладбища покрыта ямками и бугорками. На участке крест. П. Миронова сохранилось два надгробных приподнятых камня, из которых один хорошо орнаментирован растительными узорами и имеет татарскую надпись, с широкой и двух боковых сторон (см. фот. снимок), а другой—с сильно разрушенной поверхностью, на которой все же заметны слабые остатки букв (см. фотоснимок)¹⁾.

Первый камень имеет в длину 1 метр, ширина 61 см., толщ. 30,5 см., на 27 см. он углублен в землю, нижняя часть, несомненно, отломана. Изломы наблюдаются и в верхней части (по узору).

¹⁾ Фотоснимок не помещен по причинам технического порядка.

Проф. Н. И. Ашмарин сделал предварительное чтение надписи в четырех строках:

1. Дата—тысяча сто.
2. Тридцать один сви—
3. ной год Илянди иль.
4. ... мурзы дочь.

Без соответствующего справочника имени проф. Ашмарин не счел возможным дать теперь же.

Таким образом надпись принадлежит XVIII веку, т. е. указывает факт совсем недавнего пребывания здесь татар.

Разведка к югу от деревни Атлашевой дала достаточный материал для предположений о наличии здесь татарского населения, о чем речь в своем месте.

Кладбище с камнями и камень отдельно сфотографированы ¹⁾. Кроме того, с камнями сделан эстампаж.

Крестьяне села Атлашево сообщили еще о камне с надписью, правда, разбитом близ с. Акулево в поле крестьян д. Атлашевой. Поле было под посевом и с трудом удалось найти лишь один обломок (4/VIII), который и доставлен в Чебоксарский Музей (инвент. разведки № 49).

Камень (обломок) был найден приблизительно в 1 километр к северу-западу от села Н.-Акулово на Атлашевской земле приблиз. в 300 метр. от полевой дороги на меже и в 150 метр. от оврага, что идет к р. Рикше.

По словам крестьян, этот камень был целым. Но при запашке поля он мешал. Его ломали, иногда ставили на межу для отметки и в конце концов совсем его раздробили. О кладбище крестьяне ничего не знают. Возможно, что камень, действительно, был вывезен с кладбища из дер. Атлашевой (расстояние 3 километра) для межевого знака.

Обследовать площадь поля не удалось, т. к. она была под рожью.

Поселения позднейшего времени.

1. Киве-сöрт.

Крестьяне охотно интересуясь прошлым края, показывают так называем. „Киве-сöрт“ т. е. старый дом, старое жилье.

Обычно рассказывают, что из этого места жители ушли и основали ту или иную деревню.

Так напр. у деревни Трень-касы в $\frac{1}{2}$ километре от нее на северо-восток (в 1 километре от Рикши) находится такой „Киве-сöрт. На площадке выступа берега у оврага виднеются две ямы около 2 кв. мт. Это по рассказам и есть остатки изб. По преданию жители выселились отсюда в деревню Трень-касы.

Подобные же селища указывают у дер. Эзек-Касы (два) и Шишкенеры ²⁾. Эти „киве сöрт“ уже запахиваются. Подъемного материала на них обнаружено не было.

2. Татарское поселение. Но если „Киве-сöрт“ кроме преданий не дает никаких археологических материалов при рекогносцировке, то другое мы видим в отношении местности, прилегающей к югу (за околицей) от дер. Атлашевой. Узкая береговая полоса, доступная разведкам (далее располагается засеянное поле) дала громадное количество черепков. (Альб. т. V, VII/IX). В южной

¹⁾ Камень был сфотографирован В. К. Магнитским еще в 1873 г., см. протокол Общ. Естествоиспытат. от 7/XI 1873 г. В 1924 г. камень сфотографирован Милли.

²⁾ Рассказано предание, что из „Киве-сöрт“ близ Шишкенер и переселились жители в эту деревню. А деревня получила свое наименование по имени приказчика Шишкина, служившего у помещика. Шишкин первый переселился из Киве-сöрт, за ним стали переселяться и другие.

части деревни недалеко от околицы проходит „Сухой Овраг“ по направлению к р. Цивилю. У спуска берега в низину Цивили на лев. краю „Сухого Оврага“ точно также отмечается распространение тех же черепков (Альб. табл. X-XI). Найден также один кусок цветной черепицы (там же табл. XII).

О последнем месте распространения черепков рассказывают, что при земляных работах здесь встречаются слои кожи, обрезы и заготовки. Это дало повод местным жителям назвать местность „кожевенным заводом“.

Население считает, что здесь жили татары.

Черепки и по технике и по узору представляют значительную смесь. Ряд черепков совершенно напоминает таковые эпохи бронзы или раннего железного века. Напротив, ряд черепков, черепицы, наконец, показания надгробного камня с надписью дают повод отметить и более позднюю эпоху, даже XVIII в.

* * *

Таков материал разведок. Недостаток средств и малый состав сотрудников не позволили расширить и углубить работу в направлении производства раскопок. Непогодливое время в значительной степени задержало работу.

Все же материалы разведок дают достаточное представление о составе древностей того района по р. Цивилю, который был обследован. Описанные материалы хранятся в Центральном Музее Чувашск. республики (г. Чебоксары). Впрочем, некоторая часть под'емного материала оставлена в школах (с. Яндашево-Никольское, Н.-Акулево и Тувси) для начала организации школьных музеев, при чем преподавателям даны были инструкции о собирании под'емного материала и о наблюдении за состоянием археологических памятников ¹⁾.

В. Смолин.

---

¹⁾ Обзор исследований проф. П. П. Ефименко помещен в I т. «Сособщений» Росс. Акад. Ист. Матер. Культуры.

Археологические наблюдения на улицах Казани.

(Материалы к „биографии“ г. Казани).

Земля казанская, т. е. буквально та земля, на которой стоит г. Казань, таит в себе многовековые давности. Ушедшие от нас татарские и русские поколения оставили по себе многочисленные культурные следы городской жизни на протяжении около пяти веков. Что было на месте Казани еще ранее— в эпоху Булгарского царства и во времена первобытного человека, наука с ясностью не говорит. Несомненно, что и в ту пору, „на заре человечества“, холмы, на которых расположены кремль и улицы Казани,—были не пусты: выбор места для городов никогда не бывает случаен, и обычно местности, удобные в силу тех или других природных условий, облюбовываются населением „с незапамятных времен“. Под улицами и постройками Казани, возможно, что и до сих пор (несмотря на бесконечные земляные работы в городской черте) хранятся кое-где следы стоянок человека каменного или бронзового века.

Обнаружение этого отдаленного прошлого если и возможно, то лишь правильными археологическими раскопками. Но поскольку их в Казани не было, важно не пропускать и того случайного материала¹⁾, который обнаруживается при разного рода ремонтах, прокладках, водопроводных труб, и т. п. Многие из находок по своей кажущейся незначительности остаются незафиксированными, о чем нельзя не пожалеть, так как они проходят или совсем бесследно для науки, или, что еще хуже, служат, благодаря неточности указаний, причиной неправильных выводов. А между тем нет, кажется, настолько мелкого факта, который был бы неспособен дать нечто нужное для биографии Казани.

Фиксирование „маленьких фактов“ из прошлого кажется нам задачей достаточно актуальной. Стремясь постигнуть сложную жизнь современного большого города или ставя себе заманчивую цель предугадать его будущее, нельзя забывать, что город есть общественный организм, развивающийся во времени, а прошлое его, настоящее и будущее есть звенья одного цельного процесса, неотделимые и непонятные одно без других.

Интересуясь проблемой роста той коллективной личности, которую называют Казанью, я, естественно, обратился к ее прошлому.

¹⁾ Если не ошибаюсь, одной из первых таких случайных находок, научно зарегистрированных, является надгробный мусульманский камень, найденный на углу гостинного двора в 1798 году (см. об этом С. М. Шпилевский. Древние города. К. 1877 г. 475 стр.). С тех пор прошло около 130 лет, но за такой большой промежуток времени случайные находки дали для археологии Казани очень и очень мало. Предметы хранящиеся в музеях—насчитываются буквально единицами. Это не потому, что находок мало, а потому что они научно не регистрировались. И лишь в последнее время интерес к местному, к казанскому, прошлому возрос. Доказательством тому служат хотя бы следующие факты: В ноябре 1924 года в нашем Обществе было сделано В. В. Егеревым научное сообщение о находках в районе Батуринаского переулка при прокладке коллектора для спуска вод из Черного озера. Напомню сообщение Вик. Фед. Смолина о подземном ходе, обнаруженном в районе кремля в 1925 году в июне месяце. Наконец, надо сказать, что образована „Комиссия по изучению подземной Казани“, членом которой имею честь состоять и я.

I.

В первых числах апреля 1925 года мною были замечены в глинистом обрыве во дворовом участке на углу Мергасовского переулка и Лево́й Черноозерской улицы следы древнего погребения. Из вертикальной плоскости обрыва на глубине около сажени от уровня земли выдавалась часть человеческого черепа. От него влево горизонтально и немного наклонно тянулись две темных полосы, довольно явственно выделявшиеся на фоне желтой глины. Обвал в этом месте случился, вероятно, уже несколько дней тому назад, и под обрывом видны были следы неоднократного пребывания человека: глина была изрыта и истоптана. Сверху над местом погребения слои промерзшего щебня и земли нависали и грозили новым обвалом. Часть черепа нависала, выпячиваясь несколько наружу. Вот те объективные условия, которые заставили меня в спешном порядке при самых неблагоприятных условиях предпринять шаги к внимательному обследованию этого погребения¹⁾.

В течение нескольких дней я, с небольшой группой юных краеведов, проработал на этом месте. Пользуюсь случаем чтобы сказать два слова про своих молодых помощников. Это были 5 учащихся шк. II ступени № 3 из числа членов кружка краеведения, руководимого мною. Их энтузиазм сильно способствовал тому, что это небольшое, но довольно трудное предприятие было доведено до конца. В неблагоприятную погоду, в сырости и на холоде, несмотря на сравнительную молодость (15-16 летн. возраст) они проявили себя не только энтузиастами, но и достаточно внимательными и точными работниками.

После предварительного фотографирования, обмера всего участка и естественного вертикального разреза—обрыва—приступили к послойному снятию земли над погребением. К погребению шли сверху путем земляной выемки, размеры каковой в плане были 1,5 метра на 2,5 метра.

I-й слой толщиной около 18 сант. состоял из промерзлой почвы, довольно мелкого щебня и мусора.

II-й слой такой же толщины состоял из крупного щебня, извести, обломков кирпичей в беспорядке.

III-й слой (10 сант.) из желтого песка, местами с известью. При расчистке площадки обнаружен кусок вертикально стоящего гнилого дерева (см. чертеж лит. б).

IV-й слой. Под третьим слоем пошла мягкая земля, жирная, черная или темнокоричневая, слоистого строения, отламывающаяся пластами большого размера. Похоже на слои полусгнивших листьев (?). Толщина слоя до 30 сант. В этом слое встретились куски дерева, стоящие вертикально (см. разрез лит. „г“ и „д“) на глубине 50-60 сант. от поверхности. Расчистка обнаружила, что слой черной земли идет не во всю площадку: дальше от края обрыва начинался снова щебень серого цвета с кирпичами.

V-й слой. На глубине около 76 сант. обнаружили доски, лежащие одна рядом с другой несколько под углом к краю обрыва. Ширина выемки которую мы делали, не дала возможности открыть доски во всю их длину, хотя площадка и была нами несколько расширена. Толщина досок ок. 2 сант. Сохранились они довольно хорошо.

VI-й слой. Под слоем досок снова пошел крупный щебень. Масса кирпичей, среди которых некоторые почти целые. Размеры их 16×8×28 сант., 14×7×? Многие из них обгорелые, покрытые копотью. Много древесного угля.

Предметы, обнаруженные в этом слое:

¹⁾ Был оповещен Местный Отдел по делам музеев и охраны памятников. К сожалению проф. В. Ф. Смолин, в ведении которого находилась охрана памятн. археологических, был в то время в отъезде.

Обугленные брусья. Одни лежат параллельно краю обрыва, другие поперек. Толщина их сохранившихся частей 15-20 сант. Залегают на глубине около 120 сант. (см. Разрезы NB).

Среди обгорелого дерева кусочки *слюды* (небольшого размера и немногочисленные) (см. „л“); *стеклянный сплав* (см. „м“) фрагменты *керамики* (см. „к“, „е“).

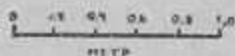
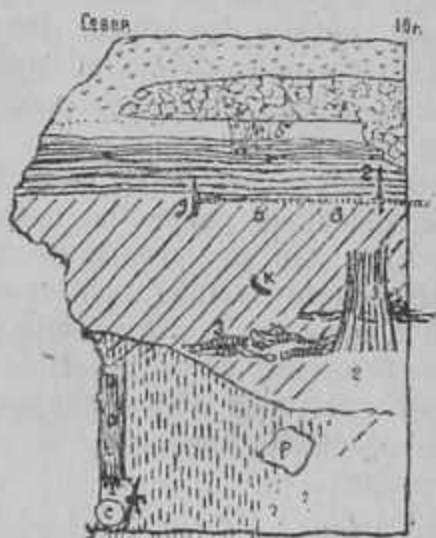
Необгорелый *пень дерева* с корнями, расходящимися по двум направлениям (см. „з“).

Между корнями дерева плотно оплетенный ими *фрагмент сосуда* (дно). Под ними большая кость животного (см. лит. „ж“ и лит. „и“). Обнаружены на глубине около 125 сант.

ЧЕРТЕЖ 1
ПРОДОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ
МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ

ЧЕРТЕЖ 2
ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ
МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ

ЧЕРТЕЖ 3
ПЛАН ПОГРЕБЕНИЯ

Объяснение и чертежам 1, 2 и 3.

Продольный разрез места погребения б, г, д - куски дерева, стоящие вертикально; в - доски; е, ж, к, - фрагменты глиняной посуды; з - пень и корни дерева; и - кость животного; л - кусочки слюды; м - стеклянный сплав; н - стенки могильной ямы; о - аш; п - остатки сгнившего столба; р - известковый камень; с - череп покойника; т - крышка гроба; у - стенки и дно гроба; ф - нижняя челюсть; х, ц, ч - кости руки; ш - ребро; ш, ю, я - кости ноги.

На глубине около 140 сант. слой кирпича и горелого дерева, видимо, начал кончаться. Попадаетея довольно чистая глина.

Дальнейшее углубление в землю (слой VII) дало следующее картину: в поперечном разрезе ясно был замечен глинистый могильный холмик, выступавший на фоне серой земли и мусора. Целость холма ближе к голове покойника оказалась нарушенной: чистой глины тут не было. Почти над самым черепом расположена яма в форме полуцилиндра стоящего вертикально и разрезанного продольно плоскостью обрыва (см. лит. „0“). Яма была заполнена мусором и остатками почти сгнившего столба. В данном случае за столб, а не за ствол дерева говорит и правильная форма ямы и горизонтальный нижний край древесной массы, как бы срезанной.

В VII-ом слое среди мусора встречены черепки посуды, кусочки железа, половинка стеклянной синей бузинки или пуговицы.

Дойдя до глубины около 2 метров 20 сант., мы тщательно расчистили площадку и больше за лопаты не брались. Вскрытие погребения шло исключительно при помощи ножа. Осторожно счищая глину, я дошел до черного слоя, верхняя поверхность которого была тщательно очищена от глины. Темная масса была совершенно рыхлой, однако частицы земли своим расположением следовали направлению и изгибам древесного волокна и говорили с несомненностью, что перед нами была совершенно перегнившая крышка гроба.

Дальнейшая расчистка показала, что крышка гроба была вдавлена в самый гроб, так как стенка последнего оказалась выше крышки.

От самого костяка осталось меньше половины, а именно—череп, правая рука и правая нога. Ориентация покойника головой на запад. Рука согнута в локте с кистью на груди. Нога спокойно вытянута. Череп от позднейшего давления сместился лицом направо почти совсем вниз. Никаких предметов на костяке не обнаружено.

* * *

Какие выводы можно сделать на основании вышеизложенного? Случай натолкнул нас на интересный факт: на древнее христианское погребение в центре Казани—факт, имеющий значение в вопросах топографии древней Казани.

За древность погребения говорит многое: 1) значительная глубина могильного холма под позднейшими культурными слоями (ок. 1½ метра) 2) характер этих слоев. Под слоем почвы, образовавшейся на куче щебня и мусора, сравнительно недавнего происхождения (слой I), мы имеем слой строительного материала—битый кирпич, известь и песок (слои II, III). Под ними—давно заброшенная выгребная яма мощеная досками (IV и V слой). VI слой представляет следы обширного пожарища. Этот слой с массой кирпича и древесного угля тянется по обрыву на протяжении значительном. Не следы ли это грандиозного Казанского пожара 1842 года или м. б. XVIII века. В пользу последнего говорят размеры кирпича. Под слоем пожарища мы видим пенёк и корни взрослого многолетнего дерева. Диаметр пня до 40 сантим. Дерево не современно могиле, и, вероятно, моложе ее, т. к. выросло в почве, покрывающей глинистый могильный холм. То обстоятельство, что сгоревшее здание возвышалось над могилой, показывает значительную древность последней. Должно было пройти много времени, чтобы изгладилась память не только о могиле, но и о кладбище, которое тут, вероятно, находилось (мы не допускаем мысли, что данное погребение здесь было случайным).

На существование кладбища кругом Воскресенской церкви указывают нам и другие факты. Есть известие, что при прокладке водопроводных труб в 70-х годах против церкви на самой середине нын. ул. Чернышевского, было

открыто много гробов. ¹⁾ При рытье колодца во дворе здания, где помещается Центральн. библиотека (б. д. Ушкова) были также найдены ²⁾ человеческие череп и др. кости. Наконец, летом 1926 г. открыто много человеческих костей около юго-западного угла Воскр. церкви.

Сопоставляя между собой эти разрозненные факты, мы рисуем себе данный уголок Казани в 17-18 веках в следующем виде: невдали от городской стены, (проходившей, как известно там, где теперь Университетская улица), т. е. можно сказать, *на краю города*, возвышалась церковь, а вокруг нее довольно обширный „погост“ на возвышенной части города и вдоль края оврага с водами „Белого“, „Черного“ и „Банного“ озер.

Любопытно взглянуть на древнейший известный нам план Казани 1730-х годов. ³⁾ Сравнивая его с современным, мы видим, что Воскресенская церковь помещалась на остром углу неправильного квартала, в который входила территория, занятая теперь старыми зданиями Университета, домом б. Ушкова, домами примыкающими к нему и Старой клиниккой. Улица, соответствующая современной улице Лобачевского, проходила тогда по другую сторону от церкви (не с южной, а с северной стороны), направляясь неправильными зигзагами через Кузнечные ряды (ныне Ленинский сад) к артиллерийским воротам ⁴⁾ и к Красной слободе ⁵⁾. По другую сторону этой улицы, или лучше сказать прохода, проезда, в непосредственной близости от церкви расположен был другой квартал, району которого и соответствует обнаруженное погребение. Судя по плану, никакого переулочка на месте Мергасовского тогда не было. (См. чертеж № 4-ый). Скорее всего можно отнести это погребение к 17 веку.

II.

Прокладка водопроводных труб от электрической станции у сгоревшего театра к Коммунальным баням № 3 (б. Данилова) на Б. Казанской улице, дала возможность видеть длинный земляной разрез через театральную улицу. Интерес представляли собственно 5 земляных выемок (на чертеже № 5—1, 2, 3, 4, 5) от угла здания быв. почтовой конторы приблизительно до середины Театральной улицы. На этом пространстве в грунте резко бросались в глаза два различных земляных слоя: желтовато-красная глина и черная насыпная земля. Начинаясь небольшим углом вверху выемки 1, черная земля была уже во всю глубину (одной сажени) выемок 2 и 3, а в 4 выемке снова соединялась с глиной, занимая только верхнюю часть ее. Остальные выемки (5, 6 и 7 по Казанской улице) содержали совсем чистую глину. Черная земля, содержа в себе много мусора, напоминает собой ил. В ней, между прочим, мною найдена раковина двухстворчатого моллюска (беззубка).

В выемке 2-й на глубине 106 сант. оказалось бревно ок. 20 сант. толщиной, лежавшее в направлении Театральной улицы.

Мы делаем предположение, что черная земля и мусор—это засыпанный городской ров, проходивший вдоль деревянных стен города, существовавших еще в 18 веке. Можно указать целую литературу по вопросу о направлении и местоположении деревянных стен Казани. В 70-х годах считали возможным ссылаться на такое ненадежное свидетельство, как крестный ход, совершаемый ежегодно по тем местам, вдоль которых раньше проходили стены. Сюда же привлекали показания 18-го века фон-Кавица, его фантастический план осады

¹⁾ См. Заринский. Оч. древней Казани. Каз. 1877 г. 165 стр.

²⁾ Летом 1925 г.

³⁾ Составлен Артамоном Сацыперовым и издан Богдановским в его Извещ.-истор. очерк. осады г. Казани.

⁴⁾ В месте соединения Покровской улицы с площадью Свободы.

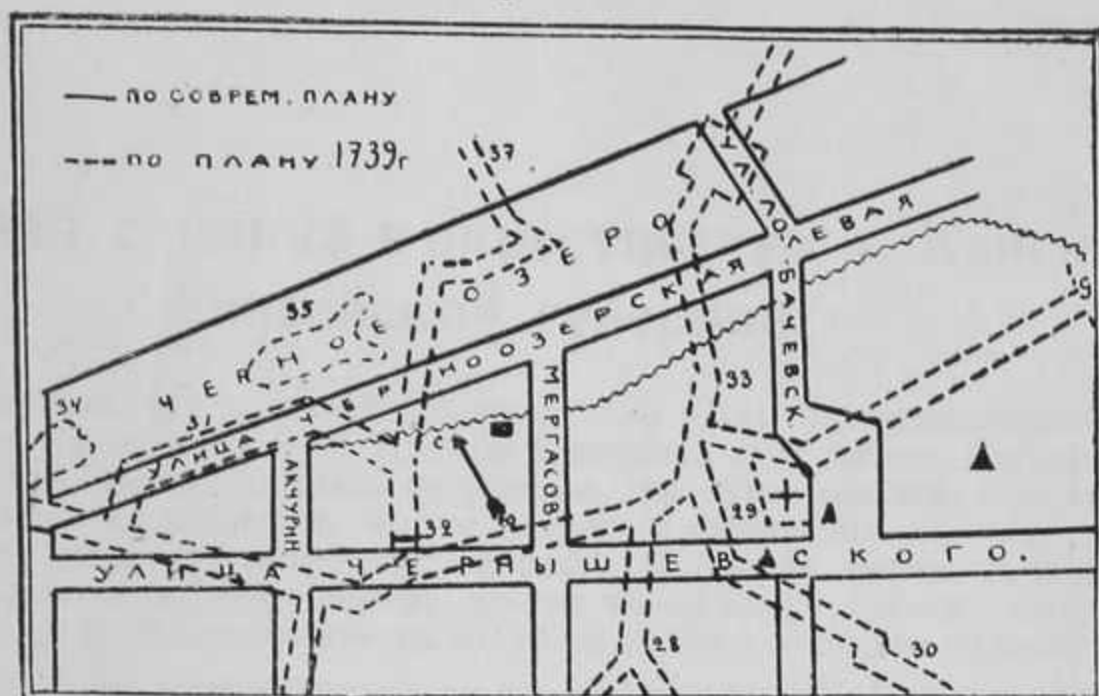
⁵⁾ Ныне ул. Грузинская и Красные.

Казани, показания писцовой книги г. Казани по списку Невоструева и др. В 1906 году Кунцевичем было издано (в XXII томе Изв. Общ. Арх. И. и Этн. вып. 1). „Описание г. Казани (стен и башен) 1675 г.“ в каковом приводятся размеры башен и звеньев стены, но нет их направлений. Наиболее точное указание на местоположение стен мы имели до сих пор в плане сост. в 1739 г. Арт. Сацыперовым и изд. Богдановским. На нем направление стены рисуется так: от района Старых Университетских Клиник она идет по прямой линии приблизительно вдоль теперешней улицы Пушкина и Театральной, поворачивая под тупым углом налево вероятно у верхнего конца ул. Поповой Горы (насколько можно судить по названному плану). Более точно определить место не представлялось возможным. Наше наблюдение в выше названном земляном разрезе, нам кажется, дает недостававшие до сих пор указания. Что городской ров проходил именно здесь по Театральной улице, не противоречит решительно никаким указаниям. Ширина рва ок. 4 сажений в поперечном разрезе вполне естественна и соответствует литературным известиям. Предположение, что здесь было озеро, опровергается 1) тем, что так называемое Театральное озеро на старых планах Казани обозначается далее на месте Театрального сада; 2) полоса черной земли оканчивается далеко не доходя до теперешнего Театрал. сада или противоположной стороны улицы. Что же касается нахождения в иле раковин и присутствие самого ила, то они вполне допустимы и в глубоком рве, наполнявшемся, вероятно, водой, превращавшейся по мере засорения рва в лужу грязной стоячей воды.

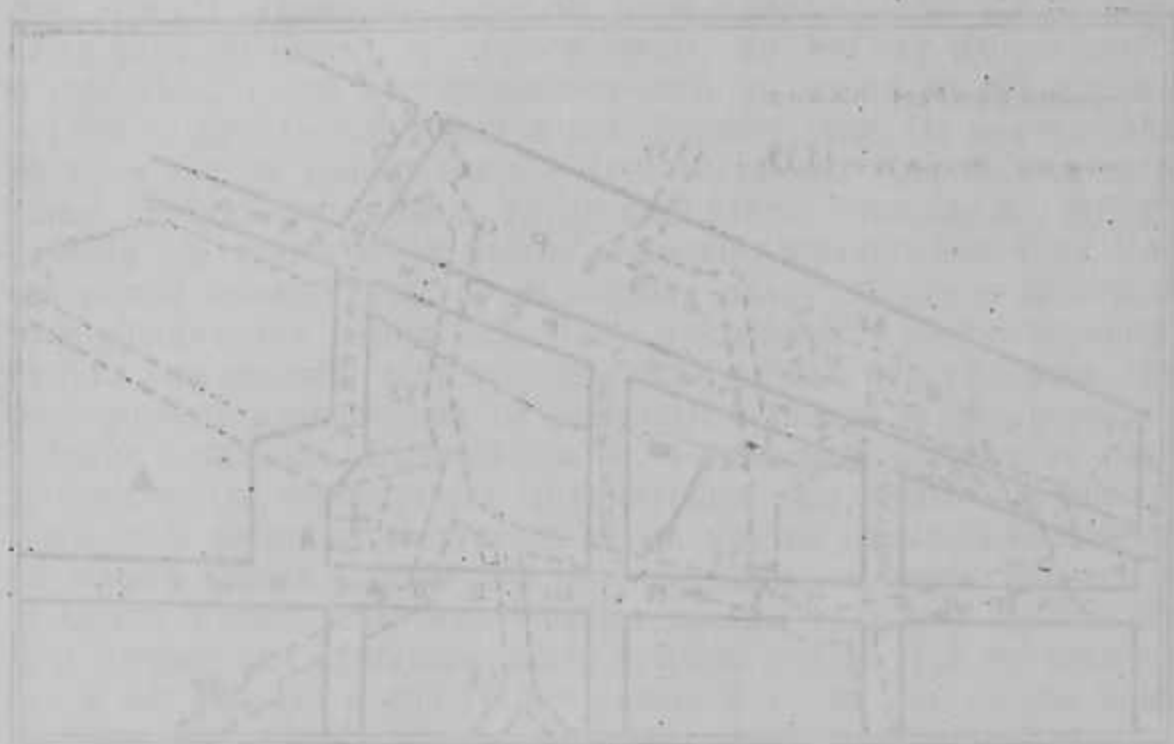
Н. Калинин.

Чертеж 4-ый.

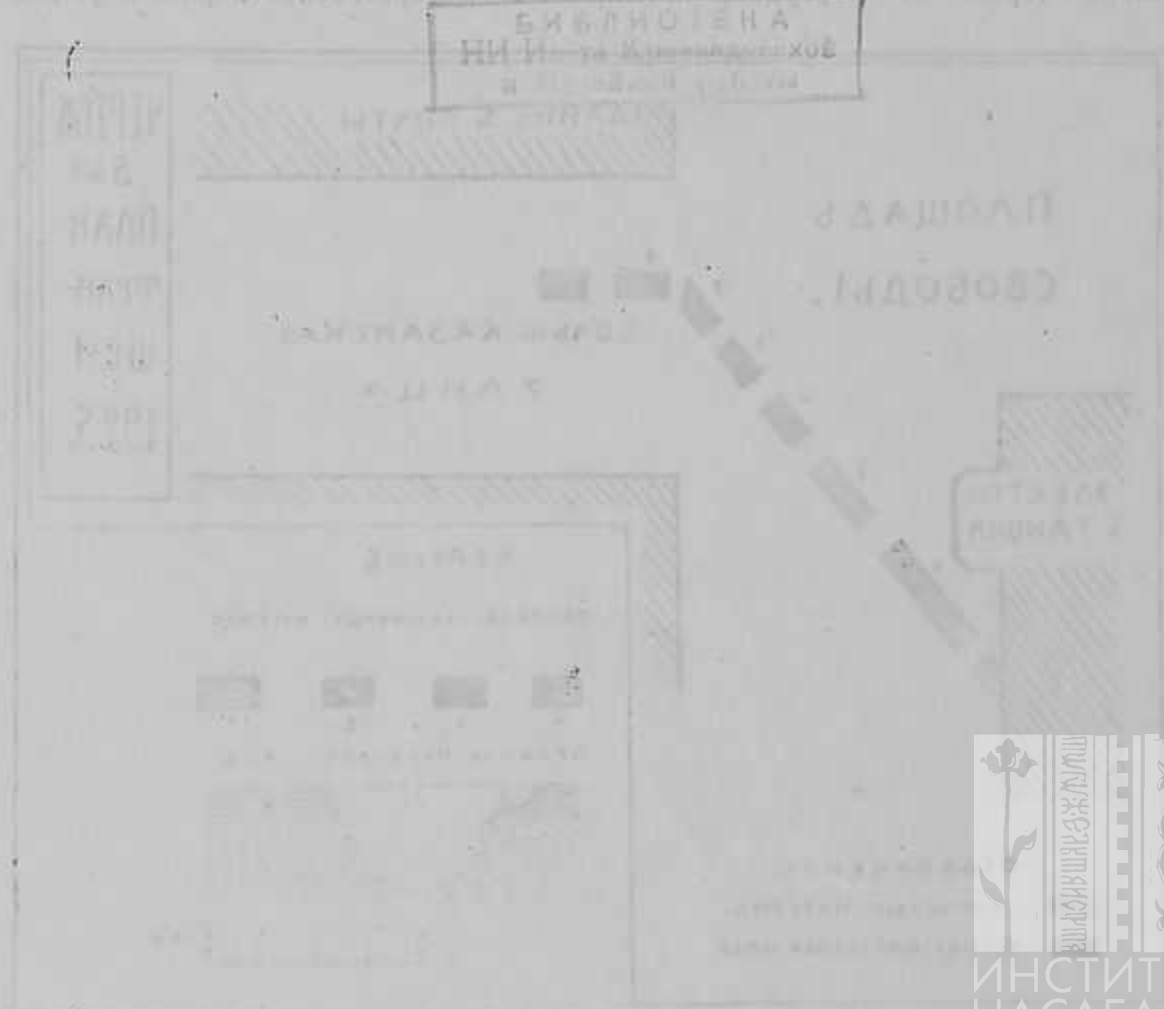

К чертежу 4-му ■ — место разведки апр. 1925 г. ▲ — места находок человеческих костей 1 В значительном количестве. Цифры относятся к плану 1739 г. 28 — переулок Пушкарская гора; 29 — церковь Воскресенья; 30 — улица Дубасова; 32 пер. „Комендацкой“; 33 — улица Немкова; 34 — озеро Ванное; 35 — озеро Черное; 37 — переулок „Каменнов“. J — Воскресенские ворота и улица.

Вид с юго-запада. В центре здания находится главный вход. Справа от входа находится лестница. Внизу здания находится парковка. В центре здания находится сад. Вверху здания находится крыша. В центре здания находится сад. Вверху здания находится крыша. В центре здания находится сад. Вверху здания находится крыша.

Дюнная стоянка в окрестностях г. Канска Енисейской губернии.

Материалы, для настоящей работы, собраны в 1910 году преподавателем Казанского Университета Е. Е. Поповым и переданы им в кабинет Географии и Этнографии. Материалы добыты без раскопок, лишь путем собирания. Несмотря на незначительное количество, мы все же решили опубликовать их, т. к. для Восточной Сибири археологические материалы вообще не велики, да кроме того и обработано их очень немного, поэтому всякий материал может оказаться при будущей археологической сводке по Сибири ценным фактическим документом.

Место, где были собраны наши материалы, со слов Е. Е. Попова, расположено на северном берегу оз. Долгого, килом. в 5—6 к западу от г. Канска и в 3—4 килом. от берега реки Кана. Озеро—повидимому старица, расположено на надлуговой террасе у самого подножья материкового берега. Берег озера песчаный и в песке путем выдувания обнажаются остатки поселения первобытного человека. На этом месте находили много различных предметов, хотя раскопок и не производилось. Иногда удавалось находить более крупные черепки и даже части сосудов, но все это в большинстве случаев терялось у горожан и лишь очень немного попало в Красноярский и Иркутский музеи. По справкам в Красноярске удалось выяснить лишь то, что там есть материалы из окрестностей г. Канска, но с какого места не указано. Более точного описания места находки, собравший в наше распоряжение не передал. Те материалы, которые нам переданы, представлены: двумя обломанными наконечниками стрел, одним обломком *lame*, одним нуклеусом, двумя скребками со следами ретуши, несколькими плоскими обломками кремня, случайной формы, тремя кусками разбитых речных галек, служивших материалом для орудий, 76 черепками от нескольких сосудов и несколькими же обломками костей мелких млекопитающих и птиц. Относительно костей Е. Е. Попов не утверждает, что они относятся к одному времени с черепками и возможно позднейшего происхождения.

Каменные орудия.

1) Обломок *lame* из белого с сероватыми вкраплениями и жилками халцедона. Длина 14 мм., ширина с одного конца 7,5, с другого 6 мм., толщина 1,5, мм. На разрезе представляет трапецию с очень незначительной высотой. Края острые, без следов ретуши. Подобный тип *lames* встречается во многих местах Зап. Сибири. В коллекциях Минусинского Музея описанных Савенковым¹⁾, имеется целый ряд *lames* из различных мест Приенисейского края.

¹⁾ Савенков Ив.—Каменный век в Минусинском крае. Материалы по археологии восточных губ. России. Вып. II. 1896 г., стр. 222.

Такие же lames указываются и у Подгорбунского ¹⁾ для места „Корсунская Шаманка“ Иркутской губ. Имеется коллекция таковых же lames из окрестностей г. Иркутска из местности Царь Девица, собранные так же Подгорбунским ²⁾. Указаны подобные же lames в работе Петри ³⁾.

2) Обломок наконечника стрелы. Тыльевая часть. Верх отбит. Оббивка двухсторонняя и очень тщательная с мелкими поправками. Тыльевая часть отделана также тщательно, как и стороны, слегка вогнута, углы заострены, причем один угол опускается ниже другого. Длина обломка 15 мм., наибольшая ширина 12,5 мм., наименьшая 11 мм., наибольшая толщина 2,5 мм., сделан из желтовато-розового роговика. По форме и величине наконечник подходит к таковому же у Савенкова ⁴⁾. Материалом для подобного типа наконечников повидимому служили гальки, что видно из разбитых кусков галек, описываемых ниже.

Тип наконечника листовидный, повидимому широко распространенный в Восточной Сибири. Кроме описанных Савенковым для Минусинского края, подобный тип описан с оз. Байкала у Б. Э. Петри ⁵⁾, из местности Царь Девица Иркутск. губ. (коллекция Щепетунина). Тот же тип, но менее тщательно отделанный, имеется в коллекции из с. Лежа Уржумск. у. Вятск. губ. ⁶⁾ В работе R. Torii et Kimoko Torii ⁷⁾ по Восточной Монголии отмечается тот же тип наконечника.

3) Обломок наконечника с отбитым концом из роговика кремового цвета. Края обоюдоострые, но отделанные не так тщательно, как у предыдущего. Тыльевая часть слегка разрушена и нельзя точно сказать о ее форме. Размеры: длина 17 мм., ширина 16,5 мм., наибольшая толщина в середине 3,5 мм. О форме всего наконечника говорить трудно, но вероятно она была таковой же как и у предыдущего.

4) Скребок треугольной формы с закругленными краями из роговика желтовато-розового цвета. Один край заострен, два других тупы. Ретуши нет, но поверхность покрыта раковистым изломом. Размеры: длина по режущей стороне 16 мм., высота—ширина 12,5 мм. толщина 2—3,5 мм.

5) Скребок полулунной формы из халцедона кремового цвета. Одна сторона скребка гладкая, блестящая, другая выпуклая. Один из углов скребка закруглен. На режущей стороне следы ретуши, но край не острый. Ретушь грубая. Размеры: $23,5 \times 16 \times 4$ мм. Форма близкая к скребкам описанным Б. Э. Петри с оз. Байкала ⁸⁾.

6) Nucleus светло серого цвета. Форма типичная. Размеры $42 \times 27 \times 11$ мм.

7) Тонкий осколок роговика белого цвета, треугольной формы, без следов ретуши. Один угол длиннее других и заостренный. Возможно, что служил как шило, но утверждать трудно, т. к. форма не типичная. Размеры $22 \times 24 \times 3,5$ мм.

¹⁾ Подгорбунский В. И.—К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири. Труды О-ва Естествоиспытателей при Каз. Ун-те XLVIII вып. 4, стр. 11, рис. 3.

²⁾ Эта коллекция хранится в кабинете Географии и Этнографии Каз. Ун-та, автором описана, но работа еще не напечатана.

³⁾ Петри Б. Э.—Неолитические стоянки на берегу Байкала. Сборник Музея Антропологии и Этнографии Имп. Акад. Наук, том III, 1916 г., стр. 118 и табл. XII, рис. 9.

⁴⁾ Савенков Ив.—Ibid. стр. 211, рис. 14.

⁵⁾ Б. Э. Петри—Ibid. Таб. X. рис. 38—41.

⁶⁾ Обе упомянутые коллекции хранятся в Кабинете Географии и Этнографии Каз. Ун-та.

⁷⁾ R. Torii et Kimoko Torii—Populations Primitives de Mongolie Oriental. Journal of the College of Science imperial university of Tokyo. Vol. XXXVI, art. 4. 1914 Tokyo стр. 15. фиг. 33а.

⁸⁾ Б. Э. Петри—Ibid. таб. XI рис. 6.

8—16) Плоские осколки роговика случайной формы, мелкие.

17—19) Куски разбитых галек из роговика. № 17 и 18 серого цвета, а № 19 розового цвета с прожилками. Размеры галек—диаметр до 5—6 сант. На всех кусках видны следы откола.

Небольшое количество каменных орудий не позволяет говорить о каких либо выводах. Надо лишь отметить, что формы наших орудий широко распространены по всей Сев. Азии и даже отчасти в Европ. России. Так же можно отметить, что материал для поделок брался местный тут же в реке, т-к во всех реках, текущих с Саян, подобного галечника очень много. На это указывает и Савенков для Минусинского края. ¹⁾

Керамика.

Все керамические материалы, в виде 76 черепков от различных сосудов при ближайшем рассмотрении группируются в 6 групп, причем в группах, где черепков много (группы 1 и 2), с некоторой долей вероятия можно говорить о принадлежности их к одному сосуду, хотя утверждать и трудно.

Группа 1. 57 черепков, из них 5 краевых, 28 мелких срединных и 7 тоже срединных, но более крупных, до размера 26×32 мм. Из краевых черепков 2 удалось склеить. Общность материала и цвета дает возможность предполагать, что эти черепки от одного сосуда. Оснований считать их за фрагменты разных сосудов меньше, хотя склеить их, кроме двух, и не удалось. Диаметр сосуда, которому принадлежат наши черепки, судя по изгибу двух склеенных черепков, около 25 сантиметров. Сказать об общей форме сосуда, а также о форме его дна точно невозможно. Можно только сказать, что стенки его были прямые. Толщина черепков не одинакова и варьирует от 6 до 4,5 мм., но изменение толщины нередко можно проследить на отдельных черепках. Краевые черепки все около 6 мм. толщины. Край слегка утолщен, путем отгиба внутрь сосуда. Обрез прямой, слегка покатый к внешней стороне, частью острый, частью слегка закругленный. Толщина самого края 6,5—7 мм.

Просматривая черепки, можно установить в толщине стенок сосуда постепенное уменьшение книзу.

Строился сосуд из целого куска глины, т-к линии разлома нигде не обнаруживают его построения из полос. Стенки его сильно сглажены и дресва нигде не выступает.

Материалом служила тонкая глина с довольно значительной примесью кварцевой дресвы. Обжиг очень хороший и черепки крепкие.

Цвет черепков в массе темно-серый до аспидно-серого, но на поверхности он изменяется от темно-серого до светлосерого с желтоватым отливом, причем цвета нередко варьируют даже на одном черепке. В общем же нижние части сосуда светлее. Толщина этого светлого цвета на поверхности сосуда очень незначительна и увеличивается книзу, где достигает до 1—1,5 мм. Внутренняя часть всех черепков равномерно темносера. Подобная неравномерная окраска поверхности сосуда дает некоторое право предполагать, что обжиг его производился на костре.

Орнамент сосуда по Городцову ²⁾ из семейства чеканных, род зубчатого чекана и сделан многозубым чеканом с слегка косо нарезанными зубцами, так что на первый взгляд он напоминает веревочный. Тип орнамента напоминает

¹⁾ Савенков—Idid. стр. 247.

²⁾ Городцов.—Русская доисторическая керамика. Тр. XI Арх. Съезда т. I, стр. 585 и далее.

таковой же на сосуда со стоянки в устье р. Собакиной в окрестностях г. Красноярска Енис. губ. ¹⁾ При нанесении орнамента чекан глубоко вдавливался в глину, отчего увеличивается его сходство с веревочным, но против этого ясно говорит способ нанесения орнамента—видны концы чекана более сильно вдавленные. Орнамент наносился слева направо. В отличие от орнамента Собакинского сосуда, орнамент нашего вдавлен сильнее в стенки сосуда, оставляя не только зубцы, но даже сплошную борозду.

Мотив орнамента полосатый по Городцову и поясной по Бортвину и расположен в виде параллельных линий вдоль края сосуда приблизительно на равном расстоянии. От края орнамент отстоит на 5—7 мм., а расстояние между отдельными полосами 3—2,5 мм. Насколько это удалось выяснить по имеющимся материалам, орнамент повидимому занимает лишь верхнюю часть сосуда на ширину 6—8 сантиметров, нижняя же часть сосуда вовсе лишена орнамента. Далее самое расположение элементов орнамента (чекана) не одинаково. Кроме параллельно идущих линий зубчиков, на некоторых черепках есть указания, что чекан ставился под углом к основным линиям орнамента, давая косые штрихи, составляющие с основными линиями угол 10—12. Располагался ли этот ряд наклонных штрихов равномерно по всей окружности сосуда или только группами, подобно тому, что мы видим на сосудах с р. Собакиной, сказать довольно трудно, т-к черепки слишком мелкие. Но некоторые данные дают возможность предположить, что этот диагональный пояс был не сплошной и состоял не менее чем из 3 линий в каждой группе. Уклон диагонального пояса справа налево, считая сверху вниз. К сожалению не удалось точно выяснить ширину диагональной полосы, а стало быть и длину чекана. По некоторым указаниям, а именно по более глубокому вдавлению краевых зубцов чекана, на краевом черепке, склеенном из двух, можно с значительной долей уверенности принять длину его за 35 мм. и количество зубцов 11—12 ²⁾. Отсюда и ширина диагональных полос равняется приблизительно 8—9 мм. Сколько таких полос располагалось по всей поверхности сосуда сказать совершенно нельзя. Расстояние между диагональными полосами, а стало быть ширина параллельных полос, равняется не менее 15—17 мм. и состоит не менее чем из 5 линий чекана.

Основной мотив орнамента-параллельные краю сосуда полосы накладывались видимо по линейке—уж очень прямые линии, и места стыки отдельных оттисков чекана заметны лишь по глубине вдавливания краевых зубцов. Сдвига в сторону совершенно не наблюдается, почему орнамент и напоминает собой веревочный.

Каково было употребление сосудов, представленных данными черепками сказать трудно. Никаких отверстий для подвешивания или ручек не имеется на наших фрагментах. Возвращаясь же к форме сосудов, можно пожалуй с некоторой долей вероятности сделать допущение, что они напоминали сосуд из устья р. Собакиной, так что дно было круглое. Верхняя часть сильно схожа и по форме и по орнаменту, отличаясь только по глине. Возможно, что сосуды, черепки которых объединены у нас в группе I, относятся к той же культурной эпохе, что и сосуд Собакинский и отличаются только местом изготовления, отчего получилась разница в глине и обжиге. В Собакинском сосуде к глине примешана слюда, а глина наших черепков имеет примесь кварцевой дресвы без каких либо следов слюды. Утверждать конечно последнее положение трудно, но изучение черепков невольно приводит к такому заключению.

¹⁾ Бортвин.—Из области древней Сибирской керамики. СПб. 1915. стр. 12.

²⁾ Ширина линий орнамента, а стало быть толщина чекана равняется 3 мм. Ширина зубцов 2 мм. Расстояние между зубцами 0,5 мм. глубина выреза не более 0,3 и 0,5 мм.

Группа 2. 12 черепков без орнамента из того же материала, что и группа 1, но отчетливо красноватый цвет обжига дает возможность выделять их в самостоятельную группу. Судить о величине и форме сосуда по ним невозможно.

Группа 3. Три черепка, размером самый больший 2×17 мм., треугольной формы из светлой глины с примесью желтого и красного мелкого песку. Толщина черепков 4,5—5 мм., причем у одного черепка один край утолщен выгибанием внутренней стороны до 6 мм. Все черепки слегка изогнуты по направлению от наибольшей толщины к наименьшей. Обжиг очень хороший. Цвет черепков по всей толщине светлосерый с желтозатым оттенком и с вкраплениями коричневатых зернышек песку. Орнамента никакого нет. Судить о форме сосуда невозможно, величина же, судя по изгибу, черепков приблизительно равна сосуду № 1.

Группа 4. Один, сильно окатанный черепок, в виде вытянутого четырехугольника или трапеции размером 32×17 мм. Толщина резко изменяется вдоль длинной стороны, начиная с 10 мм. до 2, у самого края. Повидимому черепок являлся краевым (хотя самый край и не сохранился). Он сильно изогнут по длине, в наружную сторону предполагаемого сосуда. Сосуд видимо был толстостенный до 10 мм. Но край его был отогнут к наружной стороне и сильно утончен. Черепок из светлой, очень тонкой глины с легкой примесью крупной кварцевой дресвы. Цвет однотонный, обжиг хороший.

На предполагаемой наружной поверхности черепка имеется орнамент 2 типов. Неизвестно на каком расстоянии от тонкого края черепка, но не более 5—6 мм. находится четырехгранный зацеп, сделанный пальцами и возвышающийся над поверхностью черепка на 2—3 мм. Ниже его идут штрихи линейного орнамента, нанесенного заостренным орудием. Орнамент расположен зигзагом в форме буквы П с длиной каждого вертикального звена зигзага в 2 мм. Расстояние между вертикальными частями зигзага 1—1,5 мм. Нанесен он несомненно от руки с заметными поправками. Можно предположить, что край сосуда был украшен пояском зацепов, а ниже его пояском зигзага. Сколько было таких поясков на поверхности сосуда сказать нельзя, также как судить о форме величине сосуда.

Группа 5. Один черепок размером 13×17 мм. при толщине 5,5 мм. Глина с легкой примесью мелкого песку. Обжиг хороший, цвет однотонный кремово-серый. На черепке расположены 3 параллельно-идущие борозды, шириною в 1 мм., нанесенные острым орудием. Расстояние между линиями 3,5—4 мм. Локализовать черепок и говорить о мотиве орнамента невозможно.

Группа 6. Один краевой черепок размером 20×14 мм. толщиной в 4,5 мм. Край ровный, ребра его закруглены. Глина светлая с обильным включением коричневых песчинок. Обжиг хороший. Поверхность шероховатая от выступающих песчинок. Никакого орнамента нет.

Заканчивая обзор материала, находящегося в нашем распоряжении, можно отметить, что место его нахождения видимо долго служило местожительством человека, т-к на этом месте и ранее находили вещи в значительных количествах.

Говорить о точной датировке материала не приходится. Сделаем лишь допущение о его одинаковой древности с находками из устья р. Собакиной в окр. г. Красноярска. ¹⁾ Остатки галек из роговика со следами откалывания от них орудий показывают на тот же поделочный материал, что и в Минусинских древностях. ²⁾ Материал для орудий брался прямо под рукой, в виде речных галек, которых много не только на Енисее, но и на всех реках, текущих с

¹⁾ Бортвин.—См. выше цит. работу стр 4.

²⁾ Савенков.—Ibid.

Саян, в частности и в р. Кан. Наконечники такой формы и материала широко распространены по всей Восточной Сибири и даже по Восточной Монголии, ¹⁾ где отмечены те же формы наконечников, но из кремня, что легко объясняется наличием данного материала. Техника обработки таже—с мелкой повторной ретушью.

Керамические материалы отличаются от Собакинских примесью дресвы и песку без признаков слюды. Орнамент же, и возможно форма, те же или к ним близкие.

Таким образом материалы, находящиеся в нашем распоряжении, не внося ничего нового в доисторическую археологию Восточной Сибири, все же дают возможность более детально установить распространение одной из древних культур, которая характеризуется находками с р. Собакиной и находками из местности Царь-Девница в окр. г. Иркутска.²⁾

Н. Воробьев.

¹⁾ R. Torii et Kimoko Torii—стр. 15 фиг. 33 а.

²⁾ Материалы находятся в Географическом кабинете Каз. Ун-та. Доставлены Щепетунным и Подгорбунским.

ИНСТИТУТ

О двух редких золотых монетах делийских султанов.

Первая из описываемых мною монет чеканена халджидским султаном Кутб-ад-дином Мубарекшахом, правившим в Дели с 716 по 720 г. х. (1316—1320 г.).

Av. В поле:

الامام الاعظم
خليفة رب العالمين
قطب الدنيا والدين
ابوالمظفر مباركشاه

Имам величайший
заместитель владыки миров
Кутб-ад-дунья ва-д-дин
Абу-л-Музаффар Мубарекшах

Надстрочные знаки и точки: الدنيا Точка под الاعظم رب $\text{قطب الدنيا مباركشاه}$ Над первым несомненно относится к находящемуся под ним في слова المظفر Над первым ام слова الامام , повидимому, находится вертикальная черточка. Во второй строке первая и последняя буквы не видны.

Rv. В поле, в кругловатой рамке, образованной 4-мя волнистыми скобками:

السلطان ابن
السلطان الواثق
بالله امير المؤمنين

Султан сын
султана ал Васик
биллахи эмир правоверных.

Надстрочные знаки и точки: $\text{السلطان ابن السلطان الواثق بالله امير المؤمنين}$
Диам. 25 мм. Вес. 10,81 гр. Форма круглая.

Эта монета принадлежит гражданину Калмыцкой области А. Н. Толмачеву и найдена им летом 1923 г. в песках урочища Улан Толга, в 40 верстах к западу от Астрахани на правом берегу Волги. Фотография с нее была прислана в Академию Истории Материальной Культуры в феврале 1927 г. Н. Н. Пальмовым из Астрахани.

До сих пор в золоте были известны только квадратные монеты Мубарекшаха. Таковы золотые теньги, чеканенные в Дар-ал-Хилафете ¹⁾ в 718²⁾ и

¹⁾ Дар-ал-Хилафет — почетное прозвище Сири, одного из 4 городов, из которых в XIV веке состоял Дели (Дели, Сири, Тоглукабад и Джеханпенах). В Сири была резиденция Ала-ад-дина Мухаммеда (695—715—1296—1316 г.г.) и Кутб-ад-дина Мубарекшаха. См. Ibn Batouta, ed. Defrémery et Sanguinetti III 146.

²⁾ Lane Poole, Catalogue of the coins of the Sultans of Dehli in the British Museum, London 1884, n° 206 pl. IV, вес 10,82 гр., Schulman, Collection Whiteking, Amsterdam 1904, n° 3105 pl. V, вес 11, 15 гр., А. Ф. Лихачев, Записки Восточного Отделения I, 68 и 7, вес 10,93 гр.

719¹⁾ г.г. и с плохо сохранившейся датой²⁾ и в Кутбабаде³⁾ в 718⁴⁾, 719⁵⁾ и 720⁶⁾ г.г., которые все имеют те же самые легенды, что и вышеописанная теньга, только с прибавлением на реверсе с края содержащей датировку круговой легенды⁷⁾, наконец $\frac{1}{3}$ теньги без означения города и года, другого типа, но тоже квадратной формы, описанная Allan'ом⁸⁾.

Находящиеся на описываемой монете центральные легенды встречаются и на серебряных теньгах Мубарекшаха, но и серебряные монеты этого типа почти все квадратной формы и имеют добавочную круговую легенду. Они чеканены в Дар-ал-Исламе⁹⁾ в 717 г.¹⁰⁾ и в Дар-ал-Хилафете в 718¹¹⁾ и 719 г.г.¹²⁾

Только одна серебряная теньга, упомянутая Thomas'ом, *Chronicles* 180 n° 144, к сожалению, без указания ее местонахождения, имеет круглую форму. Она чеканена в Дар-ал-Хилафете в 717 г.

Описываемая круглая золотая теньга, таким образом, повидимому, не издана.

Вторая монета принадлежит Эрмитажу, который купил ее летом 1924 г. у одного частного лица. Это — золотая теньга Мухаммеда ибн Тоглука, чека-

¹⁾ Lane Poole, n° 207, вес 10,95 гр.

²⁾ Н. Nelson Wright, *Catalogue of coins in the Indian Museum Calcutta* II n° 243 и, тот же экземпляр, Rodgers, *Catalogue of the coins of the Indian Museum Calcutta*, Calcutta 1893, 51 n° 8137, вес 10,76 гр.

³⁾ Кутбабад по толкованию Thomas'a, *The Chronicles of the Pathan Kings of Delhi*, London 1871, 180, Delmerick, *Journal of the Asiatic Society of Bengal* 1875, 126, Lane Poole, ук. с. XV. XVI и Codrington'a, *Manual of musulman numismatics*, 176, — часть города Дели. Но, как указал Nevill, *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal* 1921, 120, 125 (*Numism. Suppl.* 35), это название встречается на монетах только начиная с 718 г. До 717 г. Дели назывался на монетах Хадрат Дели или Дар-ал-Мульк Дели; название Хадрат Дар-ал-Хилафет появляется на монетах лишь с 717 г., т.е. почти одновременно с названием Кутбабад. Вследствие этого означенное толкование на вряд ли правильно. Ввиду того, что в 718 г. Мубарекшах предпринял поход на юг для подавления произошедших там волнений и вновь занял Деогир (*Elliot, History of India* III 214—215), где он выстроил мечеть (*Ferishta, transl. Dow* I 299, Thomas, *Chronicles* 182), Nevill полагает, что под Кутбабадом монет следует понимать название Деогира и считает весьма вероятным, что именно Деогир, который на короткое время удостоился чести видеть в своих стенах Мубарекшаха, был переименован в Кутбабад по имени этого самозванного халифа.

⁴⁾ Колл. Guthrie: см. Thomas, *Chronicles* 179 n° 142, вес 10,98 гр. и, другой экземпляр — Allan, *Numismatic Chronicle* 1921, 347, вес 10,59 гр.

⁵⁾ Колл. Metcalf—Thomas 180.

⁶⁾ Frähn, *Numi Kufici* 81 pl XXI n° 56.

Сюда же относится золотая теньга мадрасского музея, описанная Thurston'ом, *Government Central Museum Madras. Coins. Catalogue* № 3 n° 119, в описании которого неясно, в каком городе и в каком году она чеканена.

⁷⁾ ضرب هذه السكة بحضرة دار الخلافة (بقلعة قطب اباد) في سنة الخ

⁸⁾ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, new series VII, 1911, 698—699 (*Numism. Supplement* XVI), pl XVI n° 2 и, тот же экземпляр, *Numismatic Chronicle* 1921, 346, вес 3,61 гр.

⁹⁾ По Nevill'ю, J. A. S. *Bengal* 1921, 119 (*Num. Suppl.* 35), древнейшие монеты этого монетного двора относятся к 702 г. Nevill полагает, что это — название монетного двора, находившегося в древнем городе Дели и уже существовавшего в то время, когда Ала-ад-дин Мухаммед перенес столицу в Сири, что этот монетный двор получил свое название по основанному в древнем Дели Пльтутмышем медресе, которое часто называется Дар-ал-Исламом, и что за этим монетным двором было сохранено право чеканки монет и после перенесения столицы в Сири.

¹⁰⁾ Nelson Wright, n° 248, вес 10,94 гр.

¹¹⁾ Nelson Wright n° 249, вес 10,69 гр., Thomas 180 n° 145 pl III n° 65, вес 10,95 гр.

¹²⁾ Thomas 180 n° 145, Schulman, *Coll. Whiteking* n° 3108. Год не указан у Thurston n° 120.

ненная в Дели в 729 г. х. в память его отца, Тоглукшаха. ¹⁾ По словам продавца и эта монета найдена где-то в России.

Av. В поле, во вписанном в круг квадрате:

السلطان الغازي
غياث الدنيا والدين
ابو المظفر

Султан Гази
Гияс-ад дунья ва-д-дин
Абу-л-Музаффар

Надстрочные знаки: الغاري غياث الدنيا ابو المظفر

Rv. В поле, в круге:

تغلق شاه
السلطان ناصر
امير المؤمنين
٤٢١

Тоглукшах
султан защитник
эмира правоверных
421

Надстрочные знаки: تغلق شاه الساطار ناصر المؤمنين

Круговая легенда: هذا السكة بخضرة دهلي في سنة تسع وعشرين

Эта монета в столичном городе Дели в 729 году. У края круг. Диаметр 23 мм. Вес 10,95 гр.

Чекан Мухаммеда ибн Тоглука (725—752 г. х. = 1325—1351 г.) чуть ли не самый разнообразный во всей мусульманской нумизматике.

Whittell, ²⁾ составивший сводку монет Мухаммеда ибн Тоглука, приводит 52 различных типа его монет. Недаром Thomas ³⁾ назвал его царем монетчиков (Prince of moneyers).

Не последнее место среди чеканенных в его правление монет занимают монеты, бьющиеся в память его отца. На этих монетах имя самого Мухаммеда ибн Тоглука вовсе не упоминается, а вместо него назван его отец, Тоглукшах. Несоответствие на этих монетах между именем султана и датой не может быть объяснено смешением штемпелей, так как во всех трех до сих пор известных типах этих монет ⁴⁾ означение даты находится на той же стороне, что и имя султана Тоглукшаха. Не подлежит сомнению, что все эти монеты 725—734 гг. с именем Тоглукшаха чеканены его сыном Мухаммедом в память своего отца.

Описываемая теньга принадлежит к числу самых редких монет этого рода и долгое время считалась поддельной.

Первое упоминание о подобной монете в научной литературе относится к 1870 г. В этом году майор Stubbs ⁵⁾ писал, что ему принесли поддельную монету, очевидно являющуюся подражанием «рупии» Тоглукшаха, описанной Thomas'ом в работе Coins of the Pathan Sultans of Hindustan

¹⁾ Считаю приятным долгом выразить А. В. Ухановой искреннюю благодарность за любезное исполнение прилагаемого рисунка.

²⁾ Journal of the Asiatic Society of Bengal 1921, 130—156, Numismatic Supplement XXXV.

³⁾ Thomas, Chronicles 206.

⁴⁾ Whittell, 146—147.

⁵⁾ Proceedings of the Asiatic Society of Bengal 1870, 302—303.

47 n° 78. По мнению Stubbs'a, эта монета так хорошо сделана, что он не сразу сообразил, что она поддельная. Считать же ее поддельной его заставляют следующие соображения: 1) вместо ناصر написано نامين, 2) в слове مائة опущено начальное م 3) слово ضرب совсем опущено, 4) буквы ل و ط имеют более изящный вид, чем обычно на монетах Тоглукшаха, 5) дата прописью в круговой легенде не соответствует дате, выраженной цифрами в поле и 6) дата, находящаяся в поле, невозможна.

Это первое упоминание данной монеты долго оставалось единственным. Только 34 года спустя, в 1904 г., появилась статья Н. Nelson Wright'a,¹⁾ в которой мнение Stubbs'a горячо оспаривается и высказывается убеждение, что данная монета — подлинная, чеканенная Мухаммедом ибн Тоглуком в память своего отца. Доводы Stubbs'a Nelson Wright опровергает следующими соображениями: 1) две точки под словом ناصر должны быть отнесены не к этому слову, а к находящемуся как раз под ним слову المومنين, 2) слово مائة на его экземпляре написано правильно, 3) отсутствие слова ضرب ничего не доказывает, так как это слово отсутствует также и на некоторых других монетах данного времени²⁾, 4) буквы ل و ط на многих монетах этого времени имеют совершенно такой же вид, как на монете Stubbs'a³⁾, 5—6) все надписи исполнены так хорошо и отчетливо, что нельзя допустить мысли, чтобы резчик не сумел выравнить в поле то же число, которое прописью обозначено в круговой легенде. Несомненно, гравер хотел в поле изобразить другое число, чем в круговой легенде и, раз находящееся в поле число не может быть истолковано как означение года чекана, то надо придумать другое толкование, которого он сам, однако, дать не может. При этом Nelson Wright напоминает о числительном ٧٧ на монете Исламшаха Сури 954 г.,⁴⁾ которое до сих пор точно также не нашло удовлетворительного объяснения.

Дату круговой легенды Nelson Wright на своем экземпляре прочел как 727. На изображении данного экземпляра слово, выражающее единицы, несколько сомнительно: я вижу только три черточки перед конечным ع, и, в виду того, что верхние кончики этих черточек срезаны бортом монеты, нельзя сказать с уверенностью, следует ли здесь читать 7 или 9.

На новом экземпляре Эрмитажа стоит совершенно ясно تسع, первая из четырех предшествующих букве ع черточек несколько выше трех остальных. Эта монета, значит, несомненно чеканена в 729 г. Так же читал дату на своем экземпляре Stubbs.

Указательное местоимение, предшествующее в круговой легенде слову السكة, я в описании передал как هذا, хотя правильная форма была бы هذه потому что такой вид оно имеет на изображении у Nelson Wright'a. На издаваемом экземпляре эта часть легенды приходится слишком близко к краю монеты и отчасти срезана бортом, почему точную форму этого слова определить нельзя. Однако, неправильная в данном контексте форма встречается, хотя и редко, и на других монетах⁵⁾. На экземпляре Stubbs'a, судя по его описанию, написано هذه.

¹⁾ Muhammad bin Tughlak. A coin struck in memory of his father (Journal of the Asiatic Society of Bengal 1904, 230—232, Num. Suppl. II).

²⁾ Haпр. Thomas, Chronicles 209 n° 173, 174, Journal of the Royal Asiatic Society 1900, 775.

³⁾ Haпр. Thomas, Chronicles 209 n° 173, 174; 213 n° 179, 180, 182, pl III n° 87, 88.

⁴⁾ Thomas, Chronicles 411 n° 359.

⁵⁾ Cp. Whittell 152 n° LII, Thomas, Chronicles, 122 n° 97; 118 n° 92 (هذا السكة). Последняя монета изображена у Thomas pl VII n° 2, но я не мог сличить рисунка, так как в

Слова Nelson Wright'a, что пропуск слова ضرب встречается и на других монетах, не совсем точны. Правда, во всех приведенных им примерах это ضرب отсутствует на реверсе, но за то оно имеется на аверсе, причем там подлежащего к нему, как сказуемому, на аверсе нет; подлежащим к нему там является именно это هذا الدينار или هذه السكة на реверсе. На данной монете слова ضرب нет и на аверсе, так что сказуемого совсем нет. Но, по существу, конечно, Nelson Wright прав, отсутствие этого ضرب не может подавать повода к сомнениям в подлинности данной монеты. Очевидно, надпись реверса здесь составлена независимо от надписи аверса, по типу тех монет, которые приводит Nelson Wright.

В находящемся в поле реверса числе естественнее всего предполагать тоже какую-нибудь дату, но, очевидно, не по мусульманской эре, как полагал Stubbs. К другим употреблявшимся на индийских монетах эрам (самват, сака) эта дата, 421, тоже не подходит. Однако, надо иметь в виду, что на мусульманских монетах крупные числа нередко бывают выгравированы в обратном порядке, таким образом, что единицы находятся слева, а сотни справа. Если перевернуть данное число, т. е. читать его справа налево, то получится число 124, которое, будучи принято за означение года, дало бы эру, начавшуюся приблизительно в 605 г., близком ко времени основания мусульманского государства в Дели. Как видно из работы Prinsep'a, Useful tables, 148 сл., в Индии летосчисление производилось по разным системам: кроме лунных годов знали там и солнечный год и смешанный, лунно-солнечный. Последний по своей продолжительности в общем очень близок к солнечному году ¹⁾. Если предположить, что этот 124 год на монете высчитан не по лунному, а по солнечному летосчислению (на эту мысль навел меня В. В. Бартольд) или лунно-солнечному, то для начала эры получится 602 год. Для определения начала эры надо вычесть число 124 не из 729, а из соответствующего этому мусульманскому году христианского года. 729 г. х. начался 5 ноября 1328 г. и кончился 24 октября 1329 г. 1329—124=1205. 1205 г. н. э. соответствует второй половине 601 и первой половине 602 г. х. (нач. 18 августа 1205 г.). В 602 г. Кутб-ад-дин Айбек провозгласил себя государем в Индустане ²⁾ и основал первую мусульманскую династию, правившую исключительно в Индии ³⁾. Тоглукиды—прямые преемники Халджидов, унаследовавших Индустан от Айбекидов. Мне кажется возможным, что упомянутый на данной монете 124 г. и следует понимать по этой эре, до сих пор совершенно неизвестной ⁴⁾ и начавшейся, по видимому с года восшествия на делийский престол Кутб-ад-дина Айбека.

Приобретение описываемой золотой теньги Эрмитажем, в котором индийские монеты представлены вообще слабо, является весьма ценным. Насколько я знаю, до сих пор были известны только 3 экземпляра этой монеты. Первый, упомянутый Stubbs'ом, был обнаружен в Пенджабе, в Равалпинди.

находящемся у меня под руками экземпляре этого труда седьмой таблицы не хватает); 107 n° 90; Nelson Wright, Journal of the Royal Asiatic Society 1900, 771 n° 3, pl I n° 1 (هذا الفضة). В тексте у Nelson Wright'a показана грамматически правильная форма هذه, но на изображении на таблице совершенно ясно видно هذا. Наоборот, у Thomas'a, Chig-nicles 155 n° 126, дана форма هذا الفضة, тогда как на изображении данной монеты, pl II n° 54, стоит هذه).

¹⁾ См. Prinsep 207.

²⁾ По Табака-и Насири, 18 зул-ка'да 602 г. Айбек занял Лагор. Дели в это время ему уже принадлежал (Elliot, History of India II 300).

³⁾ Лэн—Пуль, Мусульманские династии, перев. В. В. Бартольда, 249.

⁴⁾ См. Prinsep II 131—214.

Два других, принадлежащие один Nelson Wright'у другой Bleazby, были приобретены этим последним в Лагоре. Принадлежавшие, по мнению Nelson Wright'a, к числу лучших знатоков патанских монет Bleazby и Burn, как и он сам, высказались за подлинность этой монеты ¹⁾ и действительно никаких сомнений в ее подлинности быть не может.

Сообщение продававшего данную монету лица, что она найдена в России, по всей вероятности основано на истине; остается только сожалеть, что неизвестно точное место этой находки.

Известны следующие случаи находок индийских золотых монет в России:

1. В 1849 г. в развалинах Сарая (Царев, Астраханской губ.) было найдено 18 золотых монет Тоглукидов. 8 из них были описаны Григорьевым ²⁾ и оказались: 6—Мухаммеда ибн Тоглука, одна Махмуда ибн Мухаммеда, (752 г.), одна Фирузшаха (752—790 г. х.—1351—1388).

2. В 1860 г. в местности города Булгара найден динар Мухаммеда ибн Тоглука с именем халифа Хакима ³⁾.

3. В 1862 г. А. Ф. Лихачев купил через посредство В. К. Савельева динар Мухаммеда ибн Тоглука 741 г., найденный в окрестностях села Успенского (Болгары) ⁴⁾.

4. В 1863 г. в селе Петропавловском (Кузнечиха тож), Спасского уезда, двумя крестьянами на гумне найдена золотая монета 718 г. Халджида Мубарекшаха ⁵⁾.

5. В 1883 г. А. Ф. Лихачев купил у наследников В. К. Савельева динар Мухаммеда ибн Тоглука 744 ⁶⁾. Из заметки Тизенгаузена ⁷⁾ видно, что Савельев считал его найденным в местности города Булгара.

6. В 1884 г. около озера близ деревни Тенишево, лежащего на пути от села Успенского к паровой пристани „Спасский Затон“, построенной при рукаве Волги, носящем название „Чертык“, после весеннего разлива мальчиками было найдено в песке 7 золотых монет, из которых 5 были приобретены А. Ф. Лихачевым, а 6 были им же описаны. ⁸⁾ Две оказались чеканенными при Халджида Ала-ад-дине Мухаммеде (695—715), а 4—при Мухаммеде ибн Тоглуке (725—752).

Собравший эти сведения А. Ф. Лихачев подчеркивает, что ни одна из найденных на почве России патанских монет не имеет признаков употребления ее в качестве украшения. ⁹⁾

Мне известны еще следующие находки:

¹⁾ См. Journal of the Asiatic Society of Bengal 1904, 232.

²⁾ Записки Археологического Общества II 336—351, Терещенко, там же 409—410. То же самое в Mémoires de la Société imp. d'Archéologie V. 215—230.

³⁾ Колл. А. Ф. Лихачев. Записки Восточного Отделения I. 69—70.

⁴⁾ Записки Восточного Отделения I. 70.

⁵⁾ Колл. А. Ф. Лихачева. Записки Восточного Отделения I 68—69.

⁶⁾ Записки Восточного Отделения I 71—72.

⁷⁾ В 1866 г. Тизенгаузен писал, что „недавно, проездом через Казань“, он узнал, что несколько лет тому назад близ древнего Булгара (ныне село Болгары Спасского уезда) найден клад подобных золотых монет. Одна из них, по его словам, поступила в коллекцию В. К. Савельева, она бита в Дели в 744 г., две другие поступили в коллекцию А. Ф. Лихачева (Известия Археологического Общества VI. 152). Против последнего сообщения А. Ф. Лихачев возражает, что его экземпляры куплены поодиночке, причем один куплен через посредство В. К. Савельева, как найденный в Болгарах, в 1850-х годах. Однако, если он к Лихачеву и попали поодиночке, то все-таки они в свое время могли быть найдены все вместе и если имевшиеся у Тизенгаузена сведения верны то, очевидно № 2, 3 и 5 составляют один общий клад.

⁸⁾ Записки Восточного Отделения I. 61—67.

⁹⁾ Ук. с. 67.

7. В 1889 А. Ф. Ляхачев приобрел в Казани динар Мухаммеда ибн Тоглука, привезенный сюда из Тетюш в августе 1888 г. и, по предположению Ляхачева, найденный незадолго до этого на левом берегу Волги. ¹⁾

8. В 1892 г. в дер. Николаевка, Чистопольского уезда Казанской губ., в медном кувшине был найден клад, состоявший из серебряного слитка, весом в 23 зол. 6 долей, одной золотой монеты Тоглукида Фирузшаха (752—790—1351—1388) и 5750 серебряных, главным образом, джучидских монет. ²⁾ Из этого клада Марков отобрал для Эрмитажа только 25 серебряных монет, кувшин был передан в Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете, а все остальное, в том числе и золотая монета, было сплавлено. При этом золотая монета оказалась 997 пробы.

9. В 1893 г. на дугах села Тенишева Спасского уезда, известного уже по описанному Ляхачевым кладу, были опять найдены золотые монеты: 3 экземпляра Мухаммеда ибн Тоглука 736, 741 и 742 г.г. были присланы местным исправником в Археологическую Комиссию и поступили в Эрмитаж; одна монета, купленная у нашедших ее крестьян владельцем Сюневского асфальтового завода, была этим последним принесена в дар Археологической Комиссии а впоследствии передана в Азиатский Музей. Она оказалась битой при Мухаммеде ибн Тоглуке от имени халифа Хакима. ³⁾

10. В 1902 г. в городе Слуцке Минской губ. было найдено 20 золотых монет одним жителем этого города при вспахивании своего огорода. 16 монет он успел продать разным лицам прежде, чем о находке узнала полиция. 4 монеты были исправником присланы в Археологическую Комиссию. Марков определил их следующим образом: 2 нобля английского короля Генриха IV (1367—1413) и 2 варварских подражания „мохрам“ патанского султана Мухаммеда ибн Тоглука, битые от имени халифа Мустекфи (701—740). В виду того, что эти монеты, по отзыву Маркова, Эрмитажу были ненужны, они были возвращены находчику. ⁴⁾

11. Летом 1923 г. в урочище Улан Толга, в 40 верстах к западу от Астрахани, на правом берегу Волги, А. Н. Толмачев, проезжая по степи верхом на лошади, заметил золотую монету на твердом песчаном грунте, с которого ветер сдул верхние песчаные слои. ⁵⁾ Эта монета, фотографию с которой Н. Н. Пальмов прислал в Академию Истории Материальной Культуры, описана выше.

12. В феврале 1924 г. был найден клад золотых предметов близ деревни Данауровки Галактионовской волости Чистопольского кантона на территории древнего города Жукотина. Вместе с предметами найдены были две золотые монеты Мухаммеда ибн Тоглука, обе одной матрицы, чеканенные в Дели в 741 г. от имени халифа Мустекфи I. ⁶⁾

13. В 1926 г. золотая монета Тоглукшаха Гияс-ад-дина была найдена в Шареных Буграх, на правом берегу Волги, в 10-12 верст. выше Астрахани жителем села Карантинного (Хохлацкое тож). Н. Н. Пальмов прислал сургуч-

¹⁾ Записки Восточного Отделения, IV, 97—101.

²⁾ Дело Археологической Комиссии 1892 г. № 137. Отчет Археологической Комиссии 1892 г., 96, 161.

³⁾ Дело Археологической Комиссии 1893 г. № 118. Отчет Археолог. Ком. 1893 г. 41, 113.

⁴⁾ Дело Арх. Ком. 1902 г. № 206. Отчет Арх. Ком. 1902 г. 122, 166.

⁵⁾ Письмо Н. Н. Пальмова от 14/II 1927 г. Протокол 313 заседания Нумизматической Секции Академии Истории Материальной Культуры.

⁶⁾ В. Ф. Смолин. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау (Вестник Научного Общества Татароведения № 3). Сообщения Гос. Акад. Ист. Мат. Культ. I 307 № 16.

ный оттиск с нее Б. В. Фармаковскому, который показал его мне. К сожалению города и года на этом экземпляре не видно. По типу он соответствует монетам Британского Музея № 238—240, чеканенным в Хадрат Дели в 720, 722 и 724 г.г. ¹⁾

14—15. Несомненно на территории Татарской Республики найдены упомянутые в вышеназванной статье В. Ф. Смолина, стр. 10, две золотые тениги, принадлежавшие в 1916 г. генералу Фелицыну и золотая теньга, которую, по словам В. Ф. Смолина, видел С. Е. Малов.

Как видно из этого перечня точно известно о 10²⁾ находках золотых монет дельйских султанов в России. Из них 6 сделано в бывш. Казанской губ., 3 (№ 1, 11, 13) в Астраханской губ. и одна (№ 10)—в Минской губ. Находки этих монет на территории Золотой Орды, как отметили Григорьев и Тизенгаузен, указывают на частые сношения Золотой Орды с Индией. Лихачев приводит свидетельство Ибн Батуты о значительной торговле лошадьми, вызывавшимися из Кипчака в северо-западную Индию. ³⁾

Странно, что одна находка индийских монет сделана в Минской губ., где джучидские монеты не встречаются. Делать же какие-либо заключения на основании этой одной находки мне кажется рискованным.

Р. Фасмер.

---

¹⁾ Протоколы 304 и 305 заседаний Нумизматической Секции Академии Истории Матер. Культуры.

²⁾ Эта цифра получится, если откинуть № 7, 14 и 15, точное место находки которых неизвестно, и, по примеру Тизенгаузена, считать, что монеты № 2, 3 и 6 происходят из одного общего клада. Однако, вполне возможно, что две Тенишевские находки, № 6 и 9, также первоначально составляли один клад и только обнаружены были порознь; а в таком случае число отдельных находок будет не 10, а 9.

³⁾ Записки Восточного Отделения I стр. V—VI. Ibn Batouta, ed. Delfrémery, et Sanguinetti, II, 372.

Культурные отношения Швеции к России в текущей шведской археологической литературе.

Настоящая статья представляет доклад, сделанный мною в заседании Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии весной 1923-го г., на основании, главным образом, журнала *Fornvännen* за 1916—1920 г.г.

Условия печатания задержали ее опубликование, а условия обмена научными изданиями с заграницей лишают меня возможности восполнить свой обзор новыми данными, в той мере, как бы это следовало.

При всем том считаю небезполезным свое сообщение и для того, чтобы лишний раз подчеркнуть необходимость нашей археологической науке следить за работою в соседней стране, по историческим условиям так часто затрагивающею нашу страну, и потому еще, что шведский язык не пользуется широким распространением и сами шведские ученые считают полезным, в своем научном журнале, прилагать к шведскому оригиналу статей краткое резюме на немецком языке.

Начну со статьи *Ekholm'a*, „Балтийская культурная область“¹⁾. Вслед за датским ученым *Нордманом Ekholm* останавливается на том факте, что в мегалитических погребениях севера Европы более позднего типа (из трех, установленных *O. Montelius'ом*) наблюдается появление керамики типа отдельной могилы, способа погребения, туземного, исходящего от могил в самом жилище человека²⁾, в то время как мегалитические могилы являются выражением могучего культурного влияния, которое шло на Север из древних культурных стран Востока³⁾.

¹⁾ *Fornvännen*, 15, 207—217.

²⁾ *Sophus Müller*, *Urgeschichte Europas*, 20, 26. *O. Montelius*, *Kulturgeschichte Schwedens*, 53.

³⁾ В новейшее время *Perry*, в отношении к мегалитическим памятникам Англии, в своей книге „Дети солнца“ (London, 1923), признает принадлежность их выходцам из Египта. Срв. также его „Проблема мегалитических памятников и их распространение в Англии и Валлисе“, *Memoirs a. Proceedings of the Manchester Literary and philosophical society*, 65, 1920—21 г.г. и его же „Культурное значение камня“, там же, 66, 1921—22 г.г.

Позволю себе упомянуть здесь, что, в своем докладе в нашем археологическом обществе, на тему „Международные культурные отношения в свете археологии и этнологии“, я отметил поразительное открытие *Fox'a* на одном из группы Соломоновых островов (*s. Cristovel*) трибы *Araka*, в культуре и верованиях коей сохраняются явные пережитки культуры первых династий Египта (см. *Rivers* в *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. LI, 1922, вступит. речь ныне покойного председателя института), что подтверждает и положения того же *Perry*, в его книге „Мегалитическая культура Индонезии“ (1918).

Широкий охват океанских и морских пространств торговыми предприятиями древнейшего Египта не только на Западе, но и на Востоке открывает новые, более определенные возможности для культурных влияний. Приобретает новую, крепкую базу старый рассказ Геродота об экспедиции фараона конца VII-го—нач. VI-го в. Нехо.

Из сейчас отмеченного факта, аналогия коему констатируется автором и в соответственных памятниках на почве северной Германии, он приходит к заключению, что богатая мегалитическая культура угасает и уступает место тому развитию, представителем коего является одиночная могила.

„Очевидно, читаем затем, не в западных связях (путями распространения мегалита на север) надо искать тех влияний, которые с этой поры определяют культурное развитие в Скандинавии. Но это исчезновение культуры мегалита никоим образом не означает прекращение влияний с Востока. Оно знаменует только изменение путей, какими поток восточной культуры распространяется по Европе. Пути, более новые, идущие через Балканский полуостров и по средневропейским рекам, пути, которые являются господствующими в пору бронзового века, начинают сказываться уже в более позднюю пору каменного века, как видно, из распространения орнамента спирали и мзандра“¹⁾.

Сказав о родстве погребений и их инвентаря этой поры Ютландии, Финляндии и южной и восточной Швеции, при чем однородность этой культуры определяется такими типами предметов одиночной могилы, как каменные ножи и другие кремневые орудия, особенно боевые топоры в форме лодки и долота, Ekholm продолжает:

Еще больший интерес вызывает то обстоятельство, что глубоко внутри России, в ярославской губернии (верхняя Волга), в Фатьянове [ссылка на *Talgrena Die Kupfer—u. Bronzezeit in Nord-u. Ostrussland in Finnska Fornm. Tidskr.* 25, 1911 г.] встречается погребение с подобной же одиночной могилой“. В России боевые топоры того же типа, по Талгрёну, имеют очень широкое распространение и их связь с скандинавскою формою подчеркивается фактом нахождения их в столь западной области, как восточная Пруссия. Между восточной Пруссией и внутренней Россией уже прежде доказаны оживленные сношения, проявляющиеся в керамике, янтарных бусах и др. (A. W. Brøgger, *Den arktiske Stenolder i Norge, Videnskabs selskabets Skrifter* II 1909)

Результат этого сопоставления способов погребения и находок позднего каменного века, в частности стран, лежащих по берегам Балтийского моря формулируется автором так:

„В позднейшую пору неолита вокруг Балтийского моря группируется некоторое число дружественных между собою культурных областей, характеризующихся могилами типа одиночной могилы, сходными боевыми топорами и частью также керамикой. Передовая роль, как видно из расцвета культуры, принадлежала здесь восточной Швеции.

„Цивилизацию одиночной могилы или боевого топора—лодки“ в прибалтийских областях, ее происхождение и распространение здесь подробно рассматривает датский археолог *Nordman*, в цитованном выше очерке своем в журнале лондонского Антропологического Института (LII, 1922 г.). Он указывает на длительность этой культуры, какая видна в последовательности раз-

воток Африки, рассказ, в свое время вызвавший оживленный обмен мнений между крупнейшими представителями географической науки.

В своем превосходном очерке доисторической Финнской культуры, под скромным заглавием: „Некоторые балтийские проблемы“ (*Journal of the R. Anthrop. Inst.* LII, 1922, 26 f.w.w.) датский ученый *Nordman* говорит о небольшой трибе завоевателей (военном вторжении „недолгой длительности“, 48), принесшей с собою мегалитическую цивилизацию.

¹⁾ Отношений трипольской культуры к «арктической неолитической, северной Польши, России и Балтийских стран» (п. 280) касается *Childe*, в своей работе, обнимающей трипольскую культуру во всей широте ее распространения: *Schipenits, a late neolithic station with painted pottery in Bukowina* в *Journal of the Royal Anthropological Institute* vol. LIII [1923].

вития типов топоров или в том, что в Ютландии насыпи с могилами этого типа громоздятся одна над другой в смене поколений. Потому здесь можно думать о действительном переселении народа, прочно оседающего на новой почве, и именно этот новый этнический элемент на Севере Nordmann готов считать за индогерманцев. Косинна, *Die Indogermanen*, 1921 г., считал индогерманскою еще цивилизацию кухонных остатков (см. критику его мнения у Nordmann'a). Появление той же цивилизации одиночной могилы и боевого топора в Фатьянове датский ученый считает результатом распространения индогерманцев на восток [для культуры боевого топора N приводит литературу датскую и шведскую, в том числе позднейшую работу *Ekholm'a*, которой я уже не мог прочесть: *Fornvännen*, 1921: När kommo svenskarna till Finland?].

Еще в большей степени влияние, шедшее из восточной Швеции, проявляется в эпоху бронзового века. В соответствующей части своей статьи *Ekholm* тесно примыкает к работе *Tallgren'a* *Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsåldern*, *Finnska Tidskr.* 1916 и его же *L'époque dite d'Ananino*, *Helsingf.* 1919.

Еще *Schäck*, в *Svenska folkets forntid*, рельефно оттенил ту крупную роль, какую в позднейшую пору бронзового века играла шведская царская власть в *Uppland'e*. Она напоминает ему микенскую, и Балтийское море представляется ему в эту пору имеющим приблизительно тоже значение, что Эгейское в пору микенской культуры (*Tallgren*, *Sveriges förbindelser*, p. 362).

И в эту пору приходится привлечь родственный археологический материал во внутренней России.

Характерны, пишет *Ekholm*, примечательные находки на берегах Оки и Волги, состоящие из нескольких десятков топоров так называемого Меларского типа (их относят к четвертому из шести периодов, на которые делят в Швеции бронзовый век, ко времени ок. 1000 г. до Р. Хр. По *Tallgrenу*, они являются памятниками шведских колоний в этих областях ¹⁾).

Tallgren снабдил свою работу о „Шведских сношениях с Россией“, тремя картами, иллюстрирующими родство находок в Швеции, Финляндии и России в пору позднего бронзового века. Из них одна показывает область распространения в России топора меларского типа (p. 368 fig. 4).

Скандинавские колонии в средней России, замечает *T.*, древнее, чем греческие колонии в южной России, которые вскоре стали эксплуатировать юго—средне—и восточно русские ярмарки. Находки греческих монет от 400 г. до Р. Хр. в губерниях Ярославской и Костромской свидетельствуют об этом. Возможно, что мощные торговые центры на юге России и привлекли внимание шведов на восток ²⁾. Эту точку зрения интересно сопоставить с ориента-

¹⁾ Так в его *Sveriges förbindelser*. В позднейшей работе, об Ананьинской эпохе, *Tallgren* говорит только о торговых сношениях.—См. особ. о находках в Волосове на Оке, *Tallgren* *Sveriges förbindelser*, p. 371 и fig. 6.

Сейчас научное исследование Фатьяново-Галичской культуры, обогащенное новым материалом первостепенной важности, далеко ушло вперед, см. *Tallgren*, *Eurasia septentrionalis antiqua* II (1926 г.). О книге этой мой доклад в Каз. Арх. Общ., март 1927 г.

²⁾ *Sveriges förbindelser*, p. 372. *Томсен* доказал, что финноугорская группа языков находилась в известный период под сильным воздействием готского класса языков. Это древнейшее германское или скандинавское влияние в средней России падает на время после 1000 г. до начала нашей эры.

Но *Томсен* также установил, что, прежде чем прийти в соприкосновение с германским языком, финноугорские языки подвергались долгому влиянию латтского и литовского языков. Во время, наверное раньше 1000 г. до Р. Хр., идет сильное культурное влияние [фатьяновская керамика, по *Tallgren'y*, в связи со шилезвигскою]. с устья р. Вислы, след. с востока Балтийского моря до Оки и далее на восток. Восточно-прусские янтарные украшения, как видно из карты 7-ой у *Tallgren'a*, расходились на пространную область. Некоторые западного типа топоры позднего каменного века находили еще на Вятке и Каме. Эта культура принадлежит главн. обр. 2000—1500 г. до Р. Хр. (*Tallgren*, *Sveriges förbindelser*, в конце, срв. хронологию *Montelius'a*, *Kulturgeschichte Schwedens* 66).

цией, исходящей из археологического материала черноморской области. Ранняя, предшествующая греческой, колонизация северного берега Черного моря, связана с расцветом металлургии в Закавказьи (срв. I. de Morgan, *L'Égypte et l'Asie aux temps antéhistoriques*, Journal Asiatique, t. CCXIII [1923], также *L'anthropologie* [1921 — 22], p. 130. *Rostovtzeff*, *Iranians and greeks in south Russia*, Oxford, 1922). Пантикапей, задолго до прибытия милетцев, существовал как варварский город, основанный, по преданию, сыном царя колхов Ээта (Новооткрытый отрывок Гелланика (Oxyrh. pap. 1241) приписывает введение железного оружия скифскому царю. Как в позднейшие времена сношения Ольвии с севером и востоком обнаруживаются в области Камы и так называемый Ананьинский могильник, принадлежащий раннему железному веку (VI—V в. до Р. Хр.), „полон ольвийских влияний“ (*Rostovtzeff*, *o. l.*, p. 64), так торговые сношения и товарообмен являлся определяющим фактором в культурных судьбах обширной области, открывающий арену деятельности предприимчивых северян. Предшественников скифов, в южнорусских степях, киммерийцев, *Ростовцев* (p. 38 fww.) признает за один или несколько народов индоевропейской расы, вероятно, фракийского происхождения. Благодаря восточным свидетельствам о Gimirri, мы можем относить их господство в южной России к первым векам последнего тысячелетия до Р. Хр. Индоевропейцы Севера могли встретиться на торговых путях с индоевропейцами Юга.

На последних страницах своей статьи *Eckholm* переходит к много позднейшим временам, к сагам об основании шведского государства. В рассказе о походе конунга Ингвара находим древнейшее литературное показание о шведской тяге на восток. Ингвар умер ок. 600 г. ¹⁾

„Как археологическое подтверждение соприкосновения с восточноевропейской цивилизацией в это время, пишет о походе Ингвара *Eckholm*, может, пожалуй, рассматриваться великолепная узда со вставною эмалью из Венделя [см. *Montelius*, *Kulturgeschichte Schwedens*, 246 fgg. 408 и 247 fgg. 409], которая, по мнению русских исследователей, происходит от той группы древностей с эмалевой техникой, которая развивается в России из классической художественной индустрии“.

Об этом предмете и об отношении шведского ученого *Hjärne* к труду *Спицына*, Предметы со вставною эмалью, скажем особо ниже. Теперь же позволим себе окончить цитату из *Eckholm'a*:

„В вопросе об этой прелюдии к походам викингов на Восток имеет силу, конечно, то же самое, что можно сказать о позднейших шведских поездках на восток, именно, что нам приходится иметь здесь дело тоже с чисто торговыми, мирными путешествиями. Что в IX—X вв. они начинают так сильно развиваться, существенной причиной тому была тогдашняя политика багдадских калифов. Так как христианские народы по Средиземному морю, по религиозным основаниям, сторонились соприкосновения с неповедниками Магометанского учения, то в интересах могущественного, в значительной степени еврейского торгового дома калифата было завязать и поддерживать сношения с еще языческой северной и восточной Европы. Об этом мирном, меркантильном характере наших восточных сношений в это время свидетельствует 40.000 арабских монет, найденных в шведской почве [срв. *Eckholm*, „Древнейшие шведские сношения с восточной Европой по новейшим результатам исследований“, в швед. ж. Слово и образ. 1917. Припомним здесь и слова *Montelius'a*: „Различие между купцом и викингом иногда очень незначительно; один и тот же чело-

¹⁾ *Nerman*, *Fornvännen*, 1917, p. 230.

*Montelius'*ом время походов викингов, переходное от язычества к христианству, определяется с 800 г. до середины XI-го в.

век выступает то как мирный купец, то как хищный враг“, Kulturg. Schwedens, 274. Об огромном количестве находок серебра от эпохи викингов *ibid.* 273]. В известном рассказе Ибн-Фадлана о шведской купеческой ватаге на нижней Волге мы имеем литературное подтверждение тех же фактов“.

По поводу арабских монет на шведской почве *O. Montelius* в *Kulturgeschichte Schwedens* (s. 270) говорит:

„Нахождение арабских монет иногда ставили в связь с походами викингов в Испанию, в большей части населенную арабами. Но уже беглое знакомство с обстоятельствами не допускает такого предположения. Конечно, отдельные монеты могли притти и этим путем, но их число во всяком случае крайне незначительно. Большинство поступило через Россию, где большие находки арабского серебра намечают пути, какими шла тогда торговля между Азией и Севером. Во всяком случае непосредственных торговых связей между Скандинавией и арабскими странами Азии доказать нельзя, но посредническая русская торговля была давно очень значительной“.

Знаменитый шведский археолог, патриарх современной мировой археологии *Oscar Montelius*, поминки по коему недавно справляла шведская да и вся европейская археологическая и историческая наука (он скончался 4 ноября 1921-го г.¹⁾), два раза обращался специально к вопросу о торговых сношениях Швеции с Россией во времена викингов: в *Månadsblad* за 1890 г. и в своей статье: „Наша торговля с Россией тысячу лет тому назад“ (в *Sveriges allmänna export förening*. 1867. 1912. Стокгольм, 1912).

Касательно рассказа Нестора о призвании варягов *Eckholm* говорит:

„Мы, конечно, в праве относиться с недоверием к показанию Нестора о событиях, связанных с призванием братьев Рюрика и понимать, вместо того, основание русского государства как об'единение и славянизацию варяжских княжеств, которые сначала являлись только шведскими торговыми факториями“.

В новейшее время наш крупный ученый, акад. *М. И. Ростовцев* посвящает последнюю главу своей вышедшей на английском языке книге *Iranians and greeks in south Russia* (Oxford. 1922) „Происхождению русского государства на Днепре“ (IX-ая глава книги). Он отмечает преемственный характер распространения готов в южной России. Они пользовались старыми центрами торговых сношений, Ольвией и Тирасом, Пантикапеем не только как исходными пунктами для своих военных экспедиций, но и как гаванями, дававшими им возможность получать товары (находки в могилах IV—V вв. по Р. Хр. в Пантикапее, в Херсонесе). И славяне сначала стояли к ним в мирных вассальных отношениях. С переходом власти в их руки они унаследовали от готов их старые торговые города, пути и плоды древней грекоримской цивилизации. „Киевская Русь была непосредственным преемником коммерческих государств, которые сменяли друг друга в степях южной России с незапамятных времен“. „Их старые сношения с германцами обеспечивают им военную помощь странствующих скандинавских военачальников. Германцы же помогли им найти старую дорогу в Константинополь и защитить свой коммерческий флот на Днепре. На юге правление новых владык на Волге, монгольской трибы хазар—мирное правление торгового народа, гарантировало им восточный рынок“.

У византийских историков веринги скандинавской саги впервые упоминаются лишь в 1034-ом году, как несущие (обоюдоострые) топоры варвары из Туле.

¹⁾ См. Minnesteckning över *O. Montelius* av *B. Salin* (Uppsala. 1922), в *Vitterhets Historie och antikvitets Akademiens Handlingar*. Здесь приложен исчерпывающий список всех трудов *Montelius'a*, откуда мною почерпнута приведенная справка. Было бы желательно привлечь эти и другие труды *Montelius'a* в нашу библиотеку. Краткую поминку по *Montelius'e* сделал и я в одном из заседаний нашего Общества.

По этому поводу отметим что эту легендарную у Прокопия Касарийского страну определенно локализируют *Noreen*, в своей статье в *Fornvännen* за 1920 г., под заглавием *Nordens äldsta folk—och ortnamn*, „Древнейшие названия народов и местностей Севара“.

Впервые у греческого автора III го в. до Р. Хр. Пифеаса, чье сочинение восстанавливается по дошедшим отрывкам *Ahlenius*’ом в Трудах Лингвистического Общества в Удсале 1891—94), мы встречаем (у Полибия и Страбона) упомянутое название в форме *Thoule*, затем у Мелы *Thyle*, у Плиния Старшего и Сенеки *Thule*. Как убедительно доказывает *Ahlenius*, Туле должна лежать на берегу Норвегии под 65° широты, следов на границах между округами Тронгеймом и Нордландом, где начинается характерная для Норвегии горная область, достигающая здесь высоты 1063 м. (р. 24 f.) И в самом названии, по сближению его с родственными индоевропейскими и в частности германскими корнями, для слова *Thule* намечается значение возвышенность.

Iungner, в статье *Uppsala och Vendel konungarnes mytiska ättfäder*, „Мифические родоначальники королей Упсалы и Венделя“ ¹⁾ говорит:

„Ко времени между 600-ми годами и второй половиной 900-х годов относится *Arne* пышно обставленные венддельские погребения в корабле. Здесь замечается культурное течение, исходящее из греческой культуры и очень сильного готского влияния, которое оставило по себе замечательные памятники“ ²⁾.

Пересмотр хронологического распределения всего обширного материала эмалированных древностей, в том числе и значительной группы их, найденной в разных местностях России, дает *Hjärne* в статье: *Bronsfyndet från stor-kåge*, „Бронзовая находка из Ст.“ ³⁾

Однородные с найденными в Сторкоге подковообразные круглые застегки (фибулы) найдены в могиле с сожжением в Верице в Тавастланде в Финляндии и послужили предметом исследования *Hackmann’a*, в *Festskrift till Aspelin: Finska fornminnes föreningens Tidskrift*, XXVI, 1912.

Группа эмалированных предметов, к которым принадлежат подковообразные застегки, о коих идет речь, признается вообще за варварское продолжение провинциальной римской эмалевой индустрии самого раннего императорского времени. В качестве примеров провинциальной римской индустрии такого рода можно указать на figg. 130—159. 161. 166 в работе русского археолога *Спицына* об эмалированных предметах этой категории. Из показаний *Спицына* о местах находок (могут быть названы предметы из Крыма, из Швейцарии, из Англии) выходит, эта группа эмалей была распространена по всей римской культурной области. По *Спицыну*, принадлежащие сюда предметы найдены также в области Днепра, в ковенской губернии и в Курляндии.

Напротив, варварские группы тех же предметов имеют исключительно восточное распространение. Места находок группируются в трех связанных областях: вдоль среднего течения Днепра, в центрально-русской области Оки (губернии Тульская, Калужская, Московская и Рязанская) и, наконец, в области, обнимающей собою Пруссию и остзейские провинции. Отдельные предметы из этих главных областей распространились на восток, до Волги и Камы, и на юг, до Крыма и Кавказа ³⁾. По своему свойству и употреблению отно-

¹⁾ *Fornvännen*, 14 [1919], 100 S. 81 отмечается культурное влияние, идущее с берегов Черного моря.

²⁾ *Fornvännen*, 12 Bd. [1917], s. 147—171. 203 225

³⁾ „Заслуживает внимания, говорит в примечании на 153 стр. (153,2) *Hjärne*, что русские археологи, как *Спицын*, *Кондаков*, *Толстой*, также *Рейнак* (*Antiquités de la Russie méridionale*, 513) признают богато эмалированную бронзовую обивку узды из Венделя, 700-х годов, принадлежащую к этой восточной группе предметов эмалевой техники“.

сящиеся сюда предметы различного рода: подковообразные застёжки разных типов, фибулы, изогнутые дугой, подвески, шейные кольца, конские украшения и т. п. Автор ссылается на богатые иллюстрации у Спицына и *Hackmann'a*. Самые низкие датировки — *Спицына*: он относит целые группы к VI—VIII-му в.в. Случается, однако, что его основания не особенно сильны; м. прочим он, без дальнейших объяснений, отстраняет датировки других предметов древности, встречающихся в остзейских провинциях, в связи с коими балтийские археологи пришли к значительно более ранним датировкам найденных там предметов с эмалью. И восточно-пруссские исследователи относят найденных там представителей группы к III-му и IV-му векам.

Тщательным анализом содержания некоторых русских находок с предметами эмалевой техники *Hackmann*, который в этом по существу опирается на хронологию фибул *Алмгрена* (*Nord europäische Fibelformen*), смог в отдельных случаях подкрепить эту более раннюю датировку. Так он относит происходящую из Межигорья в Киеве эмалированную дугообразную фибулу, принадлежащую к группе, *Алмгреном* обозначенной как „сильно профилированные“, ко времени ок. 200 г. или началу III-го в. по Р. Хр. Несколько позднее, но во всяком случае III-им или IV-ым веком датирует *Hackmann* находку из городища в Мощинах Калужской губернии. В городище Мощин, но не в прямой связи с упомянутой находкой, встречается тип эмалированной подковообразной фибулы с толстым кольцом. Если эту вещь ставить в связь с главной находкой в Мощинах и на основании этого датировать находку III-им, IV-ым в., это по *Hackmann'у*, хорошо согласуется с находкой подобной же тонкой подковообразной застёжки с четырехугольной обоймой в середине и гладкими концевыми обоймами и красными эмалевыми вставками, которую встречаем в восточной Пруссии (*fig. 2 у Hjärne, s. 156*). Последнее погребение по другим основаниям, датируется III-им—IV-ым веком.

Однако *Hackmann* признает, что отдельные найденные в русских могилах эмалированные предметы, на основании сопровождающих их древностей, должно относить к значительно более поздним периодам. Не менее прочего относится это к известным формам эмалированных подковообразных застёжек, которые он считает принадлежащими времени не ранее поры викингов. Принадлежащим сюда типом является, вероятно найденная в Муроме Владимирской губернии застёжка с ромбической обоймой по середине (*s. 157 fig. 3 у Hjärne*). В данном случае неясны самые обстоятельства находки, смешан инвентарь нескольких погребений. Но некоторые сопровождающие находку предметы подтверждают позднюю датировку. *Hackmann*, в своем обсуждении муромской находки, говорит, но с некоторым сомнением, о времени раньше викингов.

Наконец, *Hackmann* упоминает тип эмалированной подковообразной застёжки, который уже по причине выродившейся формы, со сросшимися концевыми обоймами, должен быть очень поздним. Это подкрепляется и сопровождающими предметами, в роде зверообразных подвесок. Курган в селении Кривцы Ярославской губернии, где была сделана находка, *Спицын* датирует временем не ранее 1000-ых или 1100-ых годов по Р. Х. *Спицын, fig. 279*).

Разсматривая потом сходный в деталях тип подковообразной застёжки из Сторкоге (*s. 154 fig. 1 a*), в Верице в Финляндии (*s. 158 fig. 4*), в Куккерсе в Эстляндии (*s. 160 fig. 5*) и в Тюрселе (там же, по соседству), *Hjärne* пишет:

„Заслуживает упоминания, что *Спицын* относит этот тип, к которому принадлежат застёжки перечисленных находок, к особой группе, которая, должна была, по его мнению, занимать посредствующее положение между провинциально-римской и варварской группами. Главную массу последней он на-

зывает, — очевидно, совершенно произвольно — *аланской* (*аланская эмаль*), а только что названную посредствующую группу, к которой должны принадлежать наши застезки, напротив, *варварской* в узком смысле (*варварская эмаль*). Между тем абсолютно невозможно подметить какие-либо типологические пограничные линии между этими выставляемыми *Спицыным* группами, и особенно трудно понять, чем балтийские застезки, о которых идет речь, должны отличаться от прочих неримских эмальированных работ с которыми они связаны по местности.

Критику *Спицына* находим у *Hjärne* еще в одном месте, в примечании, опять по поводу *аланской* эмали:

„*Hackmann* ставит под вопросом, где искать место изготовления пряжек типа *Вериле*“, в западной ли России, в Литве, или в области Днепра, в рассматриваемое время (III—IV в.) населенной готами.

Нужно признать, говорит *Hjärne*, что, если варварскую группу эмалевых работ нужно ставить в связь с каким-либо этническим названием, что, правда, всегда является весьма сомнительным, то наименование готов является гораздо более подходящим, чем речь *Спицына* об *аланской* эмали. Если бы данный вопрос нужно было связать с готами, это было бы не единственный раз, что нам приходится с ними встречаться, как с носителями культурного влияния с Черного моря или области Днепра на север к Балтийскому морю“ (s. 166, 2“).

То освещение, в какое ставит роль аланов, как последнего отпрыска сарматских племен в их тяге из-за Дона в степи южной России *Ростовцев* (*Gothians and Greeks*, p. 116 ff.), их передового места в борьбе с римской империей с I-го в. до Р. Хр., значение их как господствующей силы во всей южной России и в Азии, особ. центральной и восточной со II-го в. до Р. Хр. по III-ий век по Р. Хр., позволяет думать, что терминология *Спицына* не так произвольна и лишена исторического фундамента. В своей главе о полихромном и животном стиле *Ростовцев* также выставляет положение, что именуемое готским направление в искусстве и технике на самом деле наследие полученное ими от их предшественников в южной России.

Нечего говорить о том, что, при всех критических указаниях *Hackmann'a* и *Hjärne*, труд нашего археолога, уже по самому сосредоточению в нем подлежащего изучению материала и основной группировке его, служил прочною основою иностранным исследователям.

Из других русских древностей *Hjärne* касается в указанном труде пермских шейных колец, находимых также в вятской губернии. (по *Arne*, *La Suède et l'Orient*, и *Аспелину*, *Antiquités*, *Hjärne*, s. 205).

В статье *Тунберга*, *Fornvännen*, 15, s. 165 fg., остановимся на тех страницах, где автор дает характеристику организации в древней Швеции так называемого *Ledung* (морская военная организация) и особого положения в ней *Родена*.

Именно с этим географическим названием ставят в связь древнефинское наименование Руси — Шведов, *Ruotsi*.

Термином *Ledung* означает также морская организация береговых областей. Они делились на известные единицы, которые в Швеции частью совпадали с *hundaren*, частью состояли из особых корабельных округов, с подразделениями: *hamna*. В законах и уставах касательно этого территориального деления явно сказывается особое положение береговой полосы северной области, *Uppland'a—Roden'a*. Еще у *Снорре Стурлеасона*, в начале 1200-х годов, *Roden* является побочным делением Швеции, с особым положением, отмечается подчинение его особому *järl'u*, герцогу. Во времена древнейших источников *Roden* стоит вне связи с „народными“ областями. Здесь именно, в *Roden'e* сосредоточивались все морские предприятия и дела мирные и военные.

Это особое положение Roden'a в составе древней Швеции проявлялось во внешней истории Швеции.

Мы знаем все, пишет *Тунберг*, как, во времена викингов, шведы сильными ватагами устремлялись на восток и как этим путем было основано русское государство. Название, коим именуются шведские завоеватели Rusi или Rus (Rhos) ставится в связь с финским наименованием шведов [так и *А. А. Шахматов*, Изв. II-го отд. Ак. Наук, 1904 г. IX, кн. 4, 337 слл] Ruotsi и с тем вместе выводится из шведского *gorer*, Roden. (так и у *Томсена*, „Основание русского государства скандинавами“, теперь в собр. сочин. 1919 г., о чем см. ниже). Между тем, в этом объяснении всегда вызывалось сомнение, продолжает *Тунберг*, тем, что не могли правильно мотивировать, почему именно Roden должен был в шведском движении на восток играть такую роль, что шведы даже получили по нем свое название. Здесь приобретает значение выше упомянутое соображение. Роден, оказывается, был относительно самостоятельным со своею внутреннею организацией, и именно отсюда, как береговой области, исходило и шведское движение на восток¹.

Любопытна руническая надпись на льве из Пирея, находящемся теперь в Венеции при входе в арсенал (см. *Montelius*, *Kulturgeschichte Schwedens*, S. 268). По последнему исследованию ее *Brate*¹), она представляет запись шведа о своем умершем товарище, при чем он называет свою родину *Rors lanti*. Это Rodsland.

Во второй части своей уже рассмотренной нами в первой ее части статьи *Hjärne* довольно подробно останавливается на литературной традиции за весь период, на какой распространяется рассматриваемый им археологический материал к культурным отношениям Рима с Севером и Востоком Европы. Он обсуждает свидетельства Плиния Старшего, Тацита, Иордана и гораздо более поздних писателей, Адама Бременского (в 1000-ых годах по Р. Х.) и арабского географа Идризиди (в 1100-ых годах по Р. Хр.). Для последнего источника *Hjärne* воспользовался содействием шведского ориенталиста *Колмодина*.

Что касается Адама Бременского, возникает вопрос о топографии, локализации его *terrae feminarum* (в других местах „страны Амазонок“). Адам Бременский говорит о близости этой страны к Эстляндии и на этом основании в его *terra feminarum*, средневековой *Kvänland*, некоторые исследователи видели южную Финляндию.

„Но, говорит *Hjärne*, задолго до того, как я познакомился с находками в Сторкоге, я допускал возможность того, что Адам слышал сообщения о торговых поездках морем из Эстляндии в северные области Ботнического залива и что на основании таких показаний, он составил себе неверное представление об абсолютном расстоянии между этими странами. Здесь приходит на помощь Идризиди.

У арабского географа, чьи представления в существенной части опираются, повидимому, на торгово-географических источниках, в описании северной Европы сообщается, что, если кто намерен отправиться на острова²) Амазонок, то ближайшим отправным пунктом для него, в расстоянии трех дней пути от островов, является „большой и цветущий город, и лежит он в Эстляндии“. Нечего говорить о том, что под островами Амазонок разумеется та же *terra feminarum* Адама Бременского. Город в Эстляндии, из которого, следовательно, по Идризиди, отправляются в путь в *Kvänland*, в арабских текстах передается в чтении NAW. Но *Колмодин* считает весьма достоверным, что с топогра-

¹) Pyrius lejonets runeninskrift. Antikvarisk Tidskrift, 20, 3, 1919 г.

²) Срв. Skandza как остров у Иордана, «большой остров, с которого когда-то выселились готы». Noreen, Fornvännen, 16, S. 29.

фической точки зрения, следует восстановить чтение NARW или нечто подобное. Нужно также признать, что нынешняя Нарва, близ устья реки Наровы, следовательно, на водных сообщениях с областью Чудского озера (Пейпусе) с ее удобными переходами к русским водным системам, обладает положением, которое является вполне подходящим для старинного торгового города.

Находки в Сторкоге должны подкрепить наличность древних прямых торговых сношений между Эстляндией и областями на севере Ботнического залива.

Остановимся еще на заметках Hjärne по истории пушной торговли шведов, по связи ее с тою же торговлею Руси.

Иордан, в своем описании народов Скандинавского полуострова, особенно останавливается на Suehans, шведах в долине Мелара, и сообщает, что от них именно римляне, через посредство нескольких племен, живущих между ними, получают замечательные своим прекрасным черным цветом „*pelles sappherinas*“.

Иордан составил свой труд в 500-ых годах. Во время, несколько более раннее, особенно за время византийских императоров V и VI в. (нач.) число золотых византийских монет в Скандинавии очень велико. Из византийского золота, попавшего в руки готов (как субсидии Феодосия II. Льва I, Зинона), большая часть перешла к родичам готов на Севере (*Montelius, Kulturgeschichte Schwedens, S. 220 lg.*).

Под упомянутым выражением Иордана *pelles sappherinae* разумеется, полагают, пушной зверь крайнего Севера, чернобурый или голубая лисица.

Так и по арабскому географу Ибн-Хордадбе (первая редакция, по *Вестбергу, Zur Klärung d. oriental. Quellen über Ost-Europa* — половины IX-го в.) Русь, „народ дальних стран“, торгует шкурами бобра, лисицы и мечами (во времена викингов предметом вывоза служат: рабы, дорогие меха, кони, — славились шведские кони, шерсть, рыба и др. вещи).

„Если так, продолжает Hjärne, то уже здесь заключается указание на важное место, какое в этой древней шведской меховой торговле принадлежало таким сортам мехов, какие в то отдаленное время едва ли могли добываться в достаточном количестве в непосредственном соседстве со шведскими местами жительства. К этому присоединяется то, что страны, расположенные еще далее к северу, повидимому, еще с самого начала имели наибольшее значение в истории пушной торговли, уже в силу того биологического факта, что пушные звери в этих странах, вследствие климата, отличаются в высокой степени сохранением на большую часть года густой и длинной шерсти, что делает их шкуры особенно ценными в торговле.“

Эти обстоятельства не требуют других подтверждений того, что в этой торговле шведы, по кр. м. частью, играли роль посредников и что пути пушной торговли, уже с раннего времени, залегали далеко на север. Рядом с материками Кемь и Уле, надревнейшими и в историческое время старыми станциями между северным побережьем Ботнического залива и богатыми мехами областями по берегам Белого моря, которые в англосаксонских и исландских средневековых сообщениях встречаются нам под названием Биармии, многочисленные древние находки как восточного, так и скандинавского типа свидетельствуют о доисторических торговых сношениях, уходящих в прошлое вплоть до бронзового века (*Hackmann, „Доисторические находки. — Древний железный век в Финляндии“*).

При таких обстоятельствах нет ничего невероятного думать, что уже в первые века нашего летосчисления (Тацит говорит, в „Германии“, о шкурах зверей, которые производит „внешний океан и незнакомое нам море“) представляет нечто соответствующее средневековой шведской торговле (*Viikka, Björkö* на Меларе, на Гельголанде, в финском заливе — название вышло из того, что

все три пункта были рынками. О Бирке на Меларе см. *Montelius*, *Kulturgeschichte Schwedens*, S. 275. с плавом г. Бирка на о. Björkö на Меларе. *Hildebrand*, *Sveriges Medeltid I* 173. Монеты Бирки, *Fornvännen*, 1917, S. 41. После того как Бирка ок. 1000 г. была разрушена, важнейшим торговым городом Швеции стала Сигтуна, богатейший город во второй половине XI-го в., *Montelius*, 276).

Для этой торговли с ее местными центрами в устьях рек, из коих потом вышли северо-ботнические побережные города, главным основанием служили лапландские ¹⁾ ловы пушных зверей. Относительно поездок гелльголандских меховых торговцев мы имеем сообщения, восходящие к 800-ым годам.

Arne, в *Fornvännen* за 1918-й год, дает отчет о своих раскопках в с. Михайловском Ярославской губернии: *Ett svänskt gravfält i guvernment Jaroslavl, Ryssland*, „Шведское погребение в Ярославской губернии“ (s. s. 31—47) *Arne* сообщает о работах по раскопкам своих русских предшественников, Тихомирова и Городцова в 1896—98 г.г. и их результатах. Благодаря разрешению Р. Археол. Общества, в конце августа 1913 года *Arne* произвел систематические раскопки этого могильника и дает подробнейшее описание каждого погребения и найденных в нем вещей. План раскопок дается на стр. 33 статьи *Arne*, fig. 2. Исследовано было 18 погребений. В шестой могиле, в большом, частью насыпном кургане с площадкой наверху, где в небольшом углублении найден череп коровы, несколько более метра от центра, в 60 сантиметрах над уровнем почвы найдена в сухом песке кучка обожженных человеческих костей, размером самое большее $\frac{1}{2}$ метра в диаметре и 10—15 сантиметров толщины. С костями смешано несколько углей. С ними лежало три бронзовых обивки ремней (срв. также у *Montelius'a*, *Kulturgeschichte Schwedens*, s. 240. Надо впрочем иметь в виду, что колониальное производство может в технике отличаться от искусства метрополии, см. *Тальгрэн*, *Sveriges förbindelser med Ryssland*, s. 370), пара обломков гребня ²⁾, три железных шила для обуви и обожженная бронзовая гиря. Орнаменты на обложках ремней fig. 8—10.

В 18-й могиле, устроенной подобным же образом, тоже найдены обожженные кости, при них куски глиняного сосуда, железный нож или острие стрелы, несколько небольших бронзовых обивок к поясу, три бронзовых пуговицы, большое серебряное кольцо, орнаменты обивки см. s. 42, fig. 18—22.

„В своей работе *La Suède et l'orient* (1914) и в статьях: „Колонии шведских викингов в России“ и *Det stora Svithod* (1917) я не мог, говорит *Arne*, войти в обсуждение изысканий, произведенных Тихомировым и Городцовым. Первый, в двух статьях, более или менее подробно описал свои раскопки. В „отчете о раскопках в Ярославской губ., Яросл. уезда при с. Михайловском“ (Яросл. Губ. Ведомости 1898) он же сообщает о раскопке в 1896 г. четырех могил, все с обожженными костями. Из 55 курганов, исследованных в 1898 г., 46 содержали могилы с сожжением. По Тихомирову, в 28 случаях сожжение происходило на месте, в 18 костер был вне кургана. Тихомиров и Городцов нашли в могилах в Михайловском большое количество предметов, несомненно скандинавского происхождения, и как раз в наиболее богато обставленных погребениях с сожжением. Раскопки Тихомирова и Городцова

¹⁾ *Noreen*, *Fornvännen*, 15, s. 33. *Finnar och Skridfinnar* (lappar).

Прокопий *Skrithiphinae*, Иордан *screrefenner*, Видсит *scridefinnas*, Адам Бременский *scritefini*—от корня *serida* «двигаться», «скользить» «ездящие на лыжах».

²⁾ Срв. обломки гребней *Fornvännen*, 1917, s. 20. Тип III—IV-го в. с дугообразной, треугольной верхней частью, *Fornvännen*, 1917, s. 28, встречается в Херсоне и Киеве. Очень хороший образчик костяного гребня *Fornvännen*, 1916, s. 94. Костяной *Montelius*, *Kulturg. Schwedens*, s. 19, с Готланда каменного века, бронзового века, s. 95, из Вестергётланда.

ясно свидетельствуют о том, что в богатых (следов. имущего, господствующего класса) погребениях с сожжением с преобладающими скандинавскими предметами похоронены шведы-поселенцы.

„Из могил, мною расследованных, продолжает *Arne*, шведские колонисты нашли свое последнее упокоевание в могилах 6-й и 18-й. Напротив, я не решаюсь настаивать на том же для могилы с сожжением 10-й и относительно могил со скелетами. Последняя обозначенная могила, 10-я, содержит предметы, которые не встречаются обыкновенно в шведских могилах, а что касается погребений со скелетами, их инвентарь (железные ножи, глиняная посуда, точила, стеклянные бусы) не дают оснований к заключениям о национальности погребенных. Я бы, говорит *Arne*, высказался за их финское происхождение“.

Все предметы, найденные в могиле 6-й, обыкновенно встречаются и в туземных шведских могилах. Восточная обивка ремней, в разных вариантах, представлена в *La Suède et l'Orient*, figg. 130, 136, 181, 183—186. Пуговицы или шарики 18-й могилы находят себе соответствие в могилах в Björkö на Меларе.

Могины в Михайловском по существу относятся, повидимому, к 900-м годам.

Здесь, подобно тому как в других местах в России, сожжение трупа было для шведов далеко преобладающим способом погребения. То же самое было также в Швеции, где, во времена викингов, только незначительный процент населения (за исключением Бирки) хоронится в земле, преимущественно под конец этого периода.

В двух главных старинных центрах Швеции, в старой Упсале и в Венде, во время, правда, значительно более раннее (ок. 600 г.) находим разные способы погребения, с сожжением и без сожжения (о вендельских погребениях см. *Jungner, Fornvännen*, 1919, s. 79 ff.).

Погребения со скандинавскими находками встречаются в России главным образом около Ладоги и в Киеве. Первые обыкновенно довольно поздние, вторые, вероятно, находились под иностранным влиянием.

Что насыпи в Михайловском, подобно таким же в Гнездове Смоленской губернии, воздвигнуты почти исключительно из песка, связано, конечно, с недостатком камня. Насыпи песчаные, без камня, от времени викингов, известны в разных областях Швеции.

„Таким образом в Михайловском находим колонию шведов, мирно живших бок о бок с туземным племенем, среди коего они являлись высшим, господствующим классом и с которым они в конце концов слились“.

Вопроса о шведах в России *Arne* касается еще в своем отзыве о новом издании сочинений *В. Томсена* (*Samlede Afhandlingar. I Bd. Kopenhagen. 1919*), имеющем столь важное значение для древнейшего периода русской истории (*Fornvännen*, 14, 1919 г.).

Рецензент сосредоточивается на работе *Thomsen'a* „Основание русского государства скандинавами“, вошедшей в состав собрания сочинений в дополненной на основании новой литературы виде.

Русская литература осталась, однако, по замечанию рецензента, мало использованной, и в „Истории украинского народа“ *Грушевского*, вышедшей в немецком переводе в 1906 г., изложение варяжского вопроса идет на 30 лет далее времен Куника в „Каспии“ Дорна. Исследования *Васильевского* теперь доступны в собрании его сочинений, изд. проф *Ф. Брауном*, приверженцем того, что Браун называет неонорманизмом.

В главе о греках и руссах, в суждении о названных в Бертинских анналах шведах *Томсен* приходит теперь ко взгляду, что они предпринимали свое длинное путешествие вниз по Волге, а не по Днепру, с которыми славяне ознакомились лишь позднее. О еще более ранних руссах, выступающих на

берегу Черного моря (Hros еще у пс. Захарии, сирийский подлинник *Land, Anecdota Syriaca* III, перев. *Ahrens'a* и *Krüger'a*), о которых повествуют жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского (Русь Черноморская) *Томсен* вовсе не гозорит; вероятно, он смотрит на них как на легендарный период. Между тем он всеже того мнения, что Русь раньше посещала Черное море, чем Каспийское. Мирные сношения вниз по Волге развились во всяком случае раньше, чем по Днепру; об этом свидетельствуют археологические находки. В этом смысле могут, конечно, объясняться и цитируемые *Томсеном*, в новом издании его труда, показания Ибн-Хордадбе (срв. у меня, *Очерки по истории Херсона*, 46). *Томсен* сам придает волжскому пути главное значение и находит, в связи с этим, что родина Руси Ибн-Руста надо искать на шведском берегу.

Для днепровских порогов рецензент ссылается на исследование *А. С. Иловайского*, (*Днепровские пороги*, 1911). В новом издании *Томсен* дает обновленное и тщательнейшее исследование о „русских“ и „славянских“ названиях порогов у Константина Багрянородного. Он не одобряет толкования названий *Пиппинга* и гипотезу его о том, что в основе показаний Константина лежит итинерарий, написанный рунами.

В вопросе о мирных и торговых договорах *Томсен* теперь отступает от своего прежнего мнения, что русская редакция представляет простой перевод греческого оригинала. Он полагает теперь, что этот перевод сделан одновременно в Константинополе, но находит другое объяснение для испорченной формы некоторых северных наименований.

Имена *Ru's*, *Rhos* и варяги, веринги, варанги подвергнуты вновь тщательному обсуждению, при чем автору остался неизвестным этюд *Eklom'a*, *Rus—et Vareg dans les noms de lieux de la région de Novgorod* (Uppsala 1915. *Archive d'études orientales*, 2). Это видно из перепечатки ответа лектору *N. Höjer'y*: „Заметки о варяжском вопросе“, где *Томсен* утверждает, что слово веринг не встречается в шведских рунических письменах; на самом деле, оно встречается, по *Eklom'y*, и *Brate*, как собственное имя, на трех рунических камнях в восточном Гётланде и в *Småland'e*. Объяснение *Eklom'a* является посредствующим путем между *Томсеном* и *Höjer'ом*.

И в своей новой форме, заканчивает рецензент свой отзыв, превосходное историческое и филологическое обсуждение *Томсеном* варяжского вопроса остается краеугольным камнем среди ученых разысканий о сношениях Скандинавии с восточной Европой во времена викингов.

Литература о русско-шведских отношениях приводится *Тунбергом*, *Fornvännen* 1920, s. 138, 4: *Thomsen*, o. l., *Aspélin*, Erik Emundson i Österled och ryska rikets grundläggning (*Opuscula archeologica* O. Montelio septuagenario dicata, s. 359 ff.), *Kolmodin*, De fornsvenska Volgafärderna (*Historiska Studier tillägnande prof. Hjärne*, s. 1 ff.)—труд важный как разбор арабских свидетельств. *Arne*, *Suède et l'Orient*, passim, *Arne*, „Шведское государство в южной России“ (1917).

Sune Lindquist, касаясь в своей статье пышного расцвета культуры в Готланде в 900-х годах, 1000-х годах, отмечает засвидетельствованную документами роль, какую он играл и позднее на ярмарках в Новгороде (*Fornvännen*, 15, 1920). Положения в Новгороде готландских купцов касается и *Hjärne*, в статье, цитов. выше, *Fornvännen*, 1917, s. 224, со ссылками на *Sveriges Traktator* I. *Schück*, Birka, *Björkander*, Till Visby stads äldsta historia. Ak. avhandl. 1898.

Я счел нужным привести эти справки на случай, что нам удастся, с урегулированием обмена изданиями с заграницей, восполнить свою библиотеку шведскою ученою литературою, представляющею столь высокий интерес для нашей истории и археологии. Желательно было бы, прежде всего, возобновить связи с редакцией *Fornvännen*.

С. Шестаков.

Крестьянские постройки мордвы с. Кученяево, Ульяновской губернии.

Село Кученяево, (по мордовски *Куцяя-веле*), расположено километрах в 20 на юго-запад от г. Алатыря и насчитывает в настоящее время до 2968 душ населения. Расположено оно в котловине, которую образует здесь река Сарка вместе с впадающими в нее оврагами. Время основания села достоверно неизвестно. Мордва относят себя к племени—эрзя.

Село состоит из трех улиц, из которых две имеют направление с севера на юг, а третья—под прямым углом к ним. Главная улица, проходящая через все село, двусторонняя, и церковью делится на два конца: северный—*Таштэрить* (старые жители) и южный—*Одэрить* (новые жители).

От церкви, под прямым углом к большой улице, отходит небольшая двусторонка же *Келият* или *Грошовка*. Свое название эта улица получила от поселившихся здесь черничек „старых дев“, а так как у них, кроме келий, ни кола, ни двора, то отсюда и второе название—Грошевка. Параллельно большой улице, ближе к берегу Сарки, идет односторонка *Одборятка*, что значит новый порядок. Односторонка, начинаясь от северного конца села, идет только до Грошевки.

Прежде всего, что бросается в глаза при посещении села, это расположение изб группами. В громадном большинстве случаев избы стоят попарно и редко в одиночку или группой в три избы.

Подобное групповое расположение изб, по объяснению жителей, является результатом семейных разделов.

Первоначально на каждый двор—усадьбу—отводился участок размером 26 метров по улице и в 215 метр. в глубину усадьбы; в переднем, чаще всего левом от улицы, углу участка ставилась изба.

С течением времени когда семья разрасталась, по тем или иным причинам, чаще всего из-за семейных неурядиц, семья находила необходимым разделиться, но выделявшийся сын не уходил совсем из двора, а ставил свою избу на том же участке, бок-о бок с домом отца, параллельно ему и также фасадом на улицу; делился и двор, но остальная часть усадьбы оставалась общей.

Иногда выделялся еще сын: он также ставил свою избу на участке отца, но, за неимением места по улице, ставил ее позади двора отца, фасадом или в прилегающий огород или же в переулок, (что бывает чаще), оставляемый между каждыми двумя соседними основными участками. Для общего пользования такой переулок не служит и является противопожарной мерой. Отделяется такой переулок от улицы или легкими, из жердей, воротами, или же просто парой поперечных слег, которые, в случае надобности, отодвигаются в сторону.

Общего пользования переулки, идущие в ту и другую сторону от улицы, отличаются от указанных выше большей шириной и делаются через несколько дворов.

Если изба стоит в одиночку, то на одной с ней прямой по улице ставят крыльцо, если оно есть, калитку, ворота и забор. Очень часто последний целиком или частично заменяется концом сарая. Если же избы стоят „парой“, то ворота ставят к свободным краям участка и крайне редко одни из них помещаются между избами. Чаще всего, при парном расположении, избы стоят в середине усадьбы и так тесно, что крыша одной нависает над крышей другой избы; реже избы разделяются только крыльцом одной, а иногда и обеих изб.

Большинство изб построено, как называют здесь, „флигерем“ в три, реже в два, окна; изб с большим числом окон немного и они называются „домами“. Различие между флигелем и домом зависит исключительно от положения избы по отношению к улице: у первых на улицу всегда выходит короткая сторона, при чем совершенно безразлично, будет ли изба пятистенная или четырехстенная; и пятистенная изба называется флигелем, если ее длинная сторона идет во двор. Кроме того у „дома“ крыша всегда о четырех скатах—только флигеля с соломенной крышей иногда имеют крышу также четырехскатную.

Изб в два этажа в селе совершенно нет.

Все избы деревянные, из отесанных, строганых сосновых бревен, срубленных в „замок“, т. е. вышележащее бревно-венец—входит в соответствующей формы, углубление ниже лежащего; если же и встречаются избы, срубленные в „лапу“, что наблюдается очень редко, то срубы таких изб рублены не на месте, а привезены откуда-либо со стороны. Впрочем, привозятся со стороны и срубы, рубленные в „замок“.

При постройке избы прежде всего ставится „заборник“, т. е. по углам и на прямой между ними врывают вертикально несколько, в зависимости от размеров избы, возможно более толстых отрезков бревен, чаще всего дубовых, как менее других подверженных гниению.

Между этими обрезками „стульями“, в имеющиеся в них пазы, вкладывается заборник из леса более тонкого, чем бревна самого сруба. На приготовленный таким образом „заборник“ ставят уже и самые срубы. Между венцами прокладывается мох; в дальнейшем, когда венцы слягутся плотнее, стены пробиваются „конопчатся“ паклей, что обычно бывает не ранее гола после постройки избы.

Кирпичных фундаментов только один во всем селе. Это отсутствие объясняется тем, что лес и ближе и дешевле, а кирпич можно приобрести лишь в городе, километров за 20.

На зиму, чтоб сохранить в избе тепло, к стене приваливается навоз. Чаще однако навоз не прямо приваливается к стене, а им заполняют пространство около 90 сантим. между стеной и заборчиком впереди нея. Материалом для заборчика служит или плетень, или же доски. Высота его обычно одинакова с заборником, или несколько более. Но можно встретить привалинки высотой до 1,5 метра и более, чуть ли не до карниза избы, так что окна являются уже довольно глубокими нишами; впрочем, такие высокие привалинки делаются только у очень уж ветхих изб, в которых иначе ветер гулял бы по избе во все бесчисленные щели.

Но все завалинки и привалинки существуют только зимой, весной же навоз с них переносится обычно на огород.

Крыша изб в большинстве случаев тесовая, реже—соломенная, и очень сильно выдается по бокам над срубом вниз, образуя навес в 75 сантим. и более шириной (по горизонтали). Обычно у изб „флигерем“ крыша двускатная и очень редко трехскатная; в последнем случае третий скат, передний, чаще всего неполный и начинается или от середины или на одной трети от конька.

Встречаются у флигелей и четырехскатные крыши но, как уже указывалось выше, только в том случае, если крыша соломенная; у таких крыш ребра обычно закруглены. У изб „домом“ крыша всегда о четырех скатах, при чем два ската, лицевой и задний, длиннее боковых. Крутизна крыши зависит от числа скатов: при двух скатах крыша круче, чем при четырех. Никаких украшений, как напр. поставленных на ребро досок с выпиловкой, конек крыши не имеет, только по переднему, образующему, краю двускатной крыши прибиваются доски с резными или выпиленными украшениями, отличающимися нередко сложными изящными мотивами рисунков. Примеры подобных резных украшений, представлены на рис. 1 и 2 (см. табл.).

Крыша поддерживается стропилами, к поперечным следам которых и прибивается тес в два ряда, если крыша тесовая; если же она соломенная, то сначала кладется ряд хвороста, а затем уже солома четверти на три толщины; иногда, чтоб солома лучше держалась на крыше, на нее кладут, не часто, жерди, верхние концы которых выступают над коньком и скрепляются попарно, по одному с той и другой стороны, или мочалом, или же в концах просверливают дыры, в которые и вставляются деревянные колышки. На фронтоне прорезается одно или два круглых отверстия, которые и освещают чердачное помещение.

Иногда эти отверстия украшаются резной или выпиловочной розеткой. Отверстия никогда ничем не закрываются. Летом часто можно наблюдать спускающиеся из отверстия гирлянды нарезанных яблок, вывешиваемых для сушки. Иногда, особенно у изб старой постройки, отверстий на фронтоне нет и доски к стойкам прибиваются гвоздями с пластинками из белой жести, квадратной или ромбической формы; эти пластинки служат украшением.

Карниз, отсутствующий только у изб бедняков, представляет наиболее украшенную часть избы. Украшения или резные, или выпиленные, причем последние наблюдаются у изб более поздней постройки.

Резные украшения и по замыслу рисунка и по исполнению стоят выше выпиловочных, обнаруживая у мастера больше вкуса. Рисунок и украшений несомненно не местного происхождения, а занесен откуда-либо, что и вполне понятно, если принять во внимание, что избы строятся главным образом, если не исключительно, русскими мастерами, которые летом обычно переходят из села в село, отыскивая работу; среди же мордвы данного села плотников совсем не имеется. Подобные украшения можно встретить и в других селах губернии, как в русских, так и мордовских. Рисунки украшений не отличаются разнообразием и видимо рисунок одной избы заимствован у другой.

Часто, тотчас же под карнизом, идет также резной или выпиловочный пояс. Украшается исключительно лицевая сторона избы. Примеры подобных резных украшений приведены на рисунках 3—7.

Окон, на переднем фасаде, как отмечалось уже выше, в большинстве случаев три, реже два и еще реже—более трех. Число окон до некоторой степени определяет зажиточность крестьянина: два окна обычно у изб бедняков.

Кроме лицевой стороны, окна прорубаются и на одной из боковых стен, причем число их определяется чаще всего, размерами избы: чем она больше, тем больше и число окон на боковой стороне и колеблется от одного до 4—5. Положение окон зависит от положения входной двери, а положение последней определяется числом комнат. Если комнат одна, входная дверь помещается в середине задней стены; если же комнат две, что бывает при пятистенной избе, то прорубается входная дверь в одной из боковых стен. Такое положение входной двери, в зависимости от числа комнат, только у „флигелей“, у „домов“ же она всегда в задней стене. При одной комнате, боковые окна (в громадном большинстве случаев одно) помещаются в стене, правой от входа; при двух—

в стене против входной двери. У изб, построенных „домом“, боковые окна всегда на боковой стене, независимо от числа комнат, т. е. на стене, правой от входа. Изредка прорубаются окна и в левой стене.

Окна помещаются высоко над землей, метра на полтора и больше; они всегда с наличниками, с какой бы стороны не были; причем украшение последних обязательно, но размер украшений зависит от степени зажиточности домохозяина: чем он более обеспечен, тем и большую роскошь он может позволить себе при украшении наличников. Украшения или резные или выпиловочные, что опять находится в зависимости от времени постройки избы.

Не безинтересно отметить тот факт, что жители села вообще не раскрашивают украшений дома, хотя, благодаря близости города и имеется к тому возможность, что и наблюдается в других селах, правда—не мордовских. Ставни у окон отсутствуют совершенно. Рамы обычно шести стекольные, что, вероятно, делается из практических соображений: не так бьются стекла и небольшое стекло вставить дешевле. Чаще встречаются рамы одностворчатые, задвигающиеся в ту или другую сторону; довольно часты и двустворчатые рамы, но задвижные рамы предпочитают: отверстия при открытой раме вполне достаточно, чтоб выставить голову да переговорить с кем придется и в тоже время можно быть спокойным, что ветер не распахнет рам и стекла будут целы; не надо петель, которые часто ломаются да и стоит при покупке такая рама дешевле.

На открывающуюся часть рамы приходится нижние две трети.

На зиму вставляются, хотя и не у всех, вторые рамы, у которых нижний брусок толще и имеет желобок „очко“ для стекающей со стекол воды.

Дву—и одно створчатые рамы различаются и названиями: так задвижная будет—*панжсма*, *вебокан-паншлема*; двустворчатое—*кафтонг-паншлема*, окно же вообще—*вальма*.

Рамы не окрашиваются. Величина окон у изб более поздней постройки вполне достаточна, что бы давать необходимое количество света, но у старых изб и изб бедняков она мала и света попадает недостаточно.

Под одной крышей с избой, составляя ее неотъемлемую часть, помещаются сени—*кудыкелькс*, через которые необходимо пройти, прежде чем попасть в избу. Сени могут быть и бревенчатые и тесовые. Первые встречаются реже и у старых изб, вторые гораздо чаще и главным образом у более новых.

Бревенчатые сени представляют трехстенку, прислоненный к избе, так что получается нечто вроде пятистенка.

Потолка в сенях никогда не бывает. В сенях отгораживается из тонкого теса (досок) один или два чулана, в зависимости от зажиточности хозяина, в которых хранится домашний скраб. Легкая дверь с накладкой довольно часто запирается замком. Летом чуланы да и самые сени служат для спанья. Спят или на деревянных кроватях или же прямо на полу. Деревянный пол имеется всегда. Только как исключение пришлось наблюдать сени с земляным полом, но это было как раз в наиболее бедной избе. Из сеней приватная лестница ведет в чердачное помещение—*кудо пря*. Открывающейся внутрь дверью, сени отделяются от двора. На ночь дверь запирается деревянной задвижкой, представляющей деревянный брусок с утолщением по середине; пара железных скобок по сторонам утолщения позволяет брусок двигать в ту и другую сторону, но утолщение мешает вынуть из скобок брусок совсем. Дверь—*кенькиш* из сеней ведет в жилое помещение—*кудо*. Кудо, как уже отмечалось выше, может состоять или из одной, или же из двух комнат. В первом случае дверь из сеней всегда прорубается по середине зад-

ней стены. Тотчас налево или направо, в одном из задних углов помещается русская печь—*каштомо*. Обычно печь занимает тот угол, который образуется задней стеной и боковой, не выходящей во двор. Печь ставится плотно к обеим стенам угла и обращена топкой на улицу к окну. Так как жилое помещение в одну комнату является принадлежностью изб, главным образом, бедняков, для которых характерным еще и наличие двух окон на улицу, то, благодаря указанному положению печи, окна прорубаются ближе к углам.

Печь из кирпича и кладется не прямо на полу, а на деревянном пере-рубке около 0,75 метра высотой. Это понижает и стоимость печи и дает возможность использовать помещение под печью для складывания туда по мере надобности ухватов, кочерги и т. п.

Печь, как и всякая русская, имеет так называемый „шесток“—*тол-баланго*, переходящей в самой печи в под—*каштомо киякс*; отверстие печи закрывается заслоном—*каштомо лаз, заслон*. В передней стенке печи делается отверстие для разогревания самовара и „печурка“ для хранения спичек, при чем печурка делается ближе к свободному углу печи, а самоварное отверстие ближе к стене, что находится в зависимости от положения печной трубы.

В боковой стене печи делается четыре-пять „печурок“ для сушки варен-жек, портянок, табаку и проч.

Помещение на печи—*кашланго* довольно высоко, так что взрослый человек свободно может сидеть, а ребята даже стоять, и используется для сна. *Кашланго* излюбленное место стариков, которые часто сидят там целыми ча-сами спустив ноги с печи; там же находят приют в зимние вечера и ребята.

На печь ведут две-три ступеньки—*чалгамо, приступка*, а по краю вдоль печи прикрепляется круглая планка, за которую и держатся при влезани-ии на печь. У свободного угла печи всегда помещается *лохань*, нечто вроде ведра, но гораздо большего диаметра—до 80-90 сант. слегка суживающегося ко дну. Делается из дубовых дощечек, из которых три часто длиннее и слу-жат ножками, а выступающие над остальными вверх две дощечки являются ручками. Над лоханью, на веревке с крючком, вешается *ведро* с водой и ковшом. Над лоханью умываются; она же служит и для „чистых“ помоев—воды от умывания, стряпни, но никогда от стирки белья, мытья полов и т. п. Чистые помои употребляются как „пойло“ для скота и зимою это имеет ту положительную сторону, что скапливаясь в течении целого дня, а то и больше, помои нагреваются.

Против печи, несколько вправо, или влево от нея, в зависимости от ее положения, ставится „подтопок“ до 1,5 метров длиной и 50-60 сант. шири-ной с отверстием внизу, обращенным к задней стене избы; дверка у подтопка чаще отсутствует. Отдельной трубы подтопок не имеет, а дым отводится по-мощью кирпичной же, реже железной трубы в выводную трубу русской печи. Между подтопком и стеной остается свободный промежуток, около 20 сант. шириной.

Подтопок отделяет от остального помещения комнаты пространство перед русской печью и образует нечто вроде кухни.

Вдоль передней, свободной боковой и задней стены тянутся лавки, ши-риною, около 40 сант., причем лавки вдоль первых стен предназначены для сидения—*эземь*, вдоль же задней, кроме этого, еще и для сна—*коник*. *Коник* ничем, разве иногда только большей шириной, не отличается от *эземь*.

В переднем углу помещается божница—*пазаво кудо*, где и помещаются иконы—*пазаво*, среди которых, как наиболее почитаемые, всегда можно встретить иконы божьей матери и Николая чудотворца; перед иконами висит лампада—*лампа*.

В переднем же углу стоит и обеденный стол—*столь*—с выдвижным ящиком, в который обычно складывается нож, ложки, начатый коровой хлеба, чайная посуда и т. п.

Почти всегда на столе стоит деревянная, с крышкой, солоница—*салдыркс*.

Над столом, или несколько в сторону, висит лампа—*карасин*. Иногда можно встретить небольшой висячий шкафчик—*шкалик* для чайной посуды.

Под потолком, между русской печью и противоположной стеной устраиваются палаты—*болокланго*, лаз на которые со стороны печки, так что ступеньки на печь да и сама печь помогают взбираться на полаты; полаты имеются не в каждой избе, не всегда служат они и для сна: чаще спят прямо на полу на соломенных матах или на дерюгах из кудели.

Подстилку на день убирают или на печь, или на полаты; туда же складывают подушки и всякое малоценное тряпье.

В избах в две комнаты, одна из комнат, так называемая *горница*, *передняя* резко отличается от другой, просто избы. Содержится она всегда опрятно: полы выметены, вымыты; моются изредка даже стены. Последние часто украшены картинами самого разнообразного содержания, часто просто рисунками из книг.

Украшение идет от переднего угла вдоль передней и одной боковой стены. Иногда часть передней и боковой стороны оклеивается обоями или просто газетами. Почти всюду на стене висит маленькое зеркальце, на которое иногда набрасывается вышитое полотенце. Освещается горница вполне достаточно, гораздо лучше, чем другая половина: при меньшей площади пола, окон здесь больше, чем в последней. Обычно окон четыре: три на передней стороне и одно на боковой, при чем последнее определенного места не имеет: то оно ближе к переднему углу, то к заднему. Отличается горница и обстановкой: лавки только по двум стенам—передней и одной из боковых; в переднем углу самые ценные иконы; даже стол бывает не всегда; русская печь отсутствует, но подтопок имеется всегда, причем положение его относительно входной двери, определяется положением окна на боковой стене—он ставится всегда ближе к той стене, которая окон не имеет.

Подтопок ставится то параллельно боковой стене, то под прямым углом к ней, а к стене прикасается всегда узкой стороной, так что длинная сторона с другой стеной угла огораживает некоторое пространство, у которого изредка делается и четвертая стена. В последнем случае получается *спальня*, которая впрочем ничего общего, кроме названия, со спальней не имеет. Обычно здесь вешается более ценная одежда, иногда ставится сундук—*горобья*, но последний чаще ставится в самой горнице.

Горница занимает переднюю часть избы, если она построена флигелем. Ход в нее всегда через черную комнату, от которой она отделяется дверью. Обычно горница пустует, разве иногда соберется молодежь да примут какого-либо уважаемого посетителя. Семья проводит время в другой комнате—*черной*, которая собственно ничем не отличается от тех, где жилое помещение все состоит из одной комнаты—поверните ее на 90° и даже различие в ориентировке стен с окнами и дверью сглаживается.

В избах „домом“ горница занимает половину, дальнюю от ворот.

Под полом жилья находится „подполье“—*гаська*, где хранятся запасы продуктов на холодное время; сюда же ставится и боченок с квасом. Ход в подполье всегда из избы, для чего в полу делается люк с кольцом. Люк чаще всего помещается в той части избы, которая играет роль кухни, т. е. перед русской печью.

В большинстве случаев, особенно у изб более поздней постройки, с боку к избе по улице примыкает крыльцо, всегда выступающее за линию дома. Обычно крыльцо высокое, в 5-6 ступеней, с навесом и двускатной крышей. Иногда навес поддерживается двумя колонками, по одной с каждой стороны; по обеим сторонам на крыльце устраиваются скамейки. Крыльцо переходит в корридор—*колидор*, отделяясь от последнего одностворчатой дверью. Корридор или глухой, т. е. наружная боковая стенка, делающаяся из теса, сплошная до самой крыши, или же закрыт только снизу на метр, приблизительно, от пола. Крыша корридора всегда односкатная. Если наружное крыльцо и корридор отсутствуют, то все же перед сенями устраивается небольшое крыльцо также с навесом и колонками. Впрочем может отсутствовать и это крыльцо, тогда сени соединяются непосредственно с двором помощью небольшой лесенки—*кустима*. Подобная же лесенка ведет во двор и с крыльца или корридора. Дальше, за крыльцом, по улице идет калитка и ворота, для которых ставят три столба. На крайние из них и навешиваются полотна ворот и калитки. Ворота состоят из одного полотна. Карниз и двускатная крыша у ворот и калитки общие, но наличие их не всегда обязательно. Иногда калитка отсутствует совершенно, в последнем случае ее заменяют ворота, выполняя двойную роль; впрочем отсутствие калитки наблюдается крайне редко. Причиной ее отсутствия может быть или недостаток места по улице или же бедность хозяйства.

Украшение ворот резьбой или выпиловкой—редкое явление, да и то в крайне ограниченных размерах.

К сеням вглубь двора, примыкает сарай—*кардас*, который чаще всего идет по трем сторонам двора и часто другой конец его выходит на улицу по одной линии с избой, рядом с воротами, так что, вместе с избой на плане представляет букву „п“ или, как говорят, построены „покоем“. Иногда сарай до улицы несколько не доходит. Наружные стены сарая или из теса или из плетня; внутренние же или отсутствуют совершенно, или же вместо них делается лишь невысокая изгородь из двух-четырех поперечных жердей, которые наглухо прибиваются к столбам, поддерживающим сарай, или же входят в соответствующие гнезда в них и могут по желанию выниматься.

В одном из углов сарая ставится бревенчатая конюшня—*лишмень кардо*—с накатным потолком.

Крыша сарая двускатная, соломенная; тесовые крыши на сарае редкое явление. Потолок у сарая отсутствует, но вместо него делается настил из длинных тонких жердей и на нем хранятся запасы сена и соломы.

Нередко можно наблюдать, что все пространство между нижними краями крыши сарая застилается легкой, плоской крышей, тоже соломенной, так что двор весь покрыт и только небольшое, нарочно для этого устроенное, квадратное отверстие в плоской крыше, дает свет во двор сверху. Часто, особенно при парном расположении изб, за отсутствием места, в конце сарая, выходящем на улицу, устраиваются ворота.

Кроме корма и конюшни под сараем хранится часть сельскохозяйственного инвентаря, запасы дров и т. п.

В задней, или одной из боковых, стен сарая делается калитка или ворота на примыкающий к сараю сад, огород, а иногда и гумно.

Сарай никогда не соединяется непосредственно с избой, вернее с сенями; стена сеней к сараю всегда глухая.

Остальная часть усадьбы отводится под огород, сад или гумно, которые иногда соединяются вместе на одном участке. Садов немного, а если они и есть, то небольшие и промышленного значения не имеют.

В огороде, вдоль одной из сторон располагаются различные хозяйственные постройки: баня (так же и по мордовски), имеющаяся почти в каждом

хозяйстве, амбар для хлеба — *утомо*, сенища — *сюва кудо*, погреб — *гобрик*; здесь же устраивается довольно часто и ток для молотбы хлеба, а иногда и овин.

Баня — бревенчатый сруб, крыша отсутствует, а на потолок просто набрасывается слой соломы. Дверь в баню делается возможно малой. Небольшое оконце в правой или левой стене от входа дает незначительное освещение бани. Печь делается в углу около входной двери, отверстием к окну; рядом с печью вдоль стены устраивается *полок*.

Для раздевания имеется *передбанник*, но впрочем не всегда. Двери в него снаружи не имеется, да и входная сторона может быть совершенно токрытой, так что передбанник имеет в последнем случае только три стены. Стены передбанника делаются или из поставленного стоймя теса или же из плетня. Тоются бани исключительно по черному.

Наибольшим вниманием из всех хозяйственных построек пользуется хлебный амбар. Строится он всегда прочно; крыша чаще всего тесовая, на два или четыре ската и со стороны входа далеко выдается над стеной. Между полом, который имеется всегда, и землей оставляется пространство около 75 сант., так что в амбар ведет лесенка в 3-4 ступени. Вдоль передней стены амбара, в уровень с полом, во всю длину амбара делается площадка шириною немного более метра; здесь под защитой навеса крыши, часто хранятся дрова, напиленные, наколотые и тщательно уложенные.

Вход в амбар в одной из длинных стен, по ее середине; дверь открывается внутрь и имеет небольшое отверстие внизу для кошки. Запирается амбар тщательно и громадным наружным высячим замком и, как говорят, *нутренным*, производства местных кузнецов или же деревянным собственной конструкции.

Сенища обычно делается из плотного плетня с широкой, чаще тесовой, дверью и двускатной соломенной крышей. Здесь хранится часть сельскохозяйственного инвентаря.

Погреб представляет прямоугольную или квадратную яму, не особенно глубокую, стены которой обставляются жердями или же обкладываются камнем „дикарем“ из соседней речки; сверху — настил из бревен, нетолстых, который засыпается слоем земли.

Лаз в погреб закрывается или тесовой крышкой или же просто отдельными досками. Наземная часть погреба в большинстве случаев двускатный шалаш или из досок или же из жердей, покрытых соломой.

Высота шалаша незначительна, едва в рост человека, да и то только в самой высокой части. Задняя стенка глухая, передняя же имеет вход, закрывающийся или дверкой, или просто приставными досками.

Но не всегда все указанные хозяйственные постройки помещаются на огороде. Часто, например, амбар ставится на улице, перед избой; погреб нередко роется также перед избой или сбоку от нее.

Усадьба обносится или плетнем, что наблюдается чаще всего, или изгородью из жердей или досок, при чем последние прибиваются стоймя.

Н. Мас-енинкова.

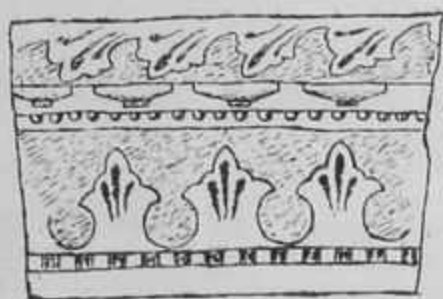

Рис. 3

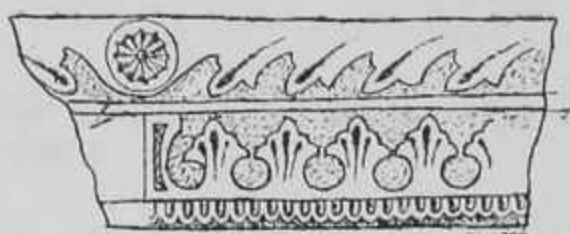

Рис. 4

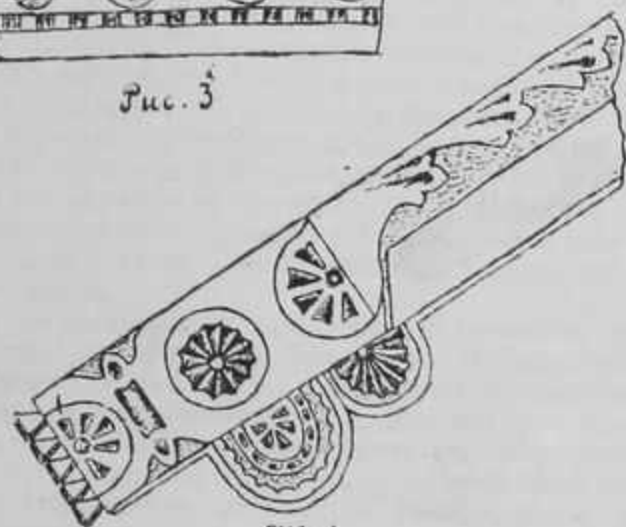

Рис. 1

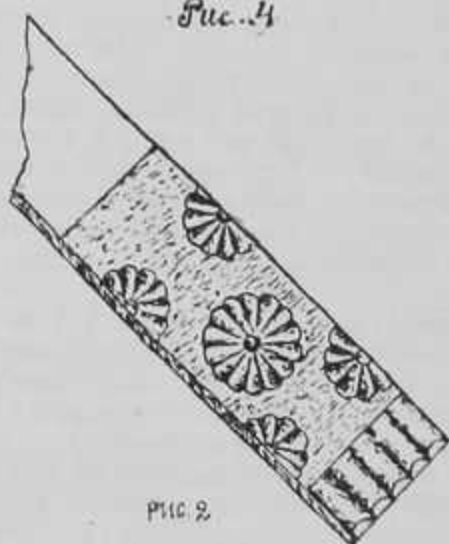

Рис. 2

Рис. 5

Рис. 6.

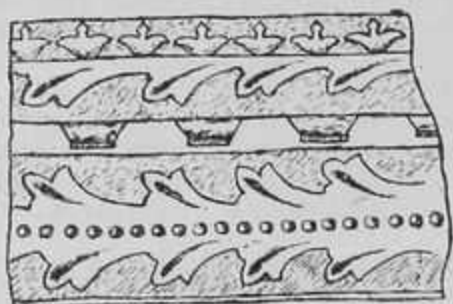
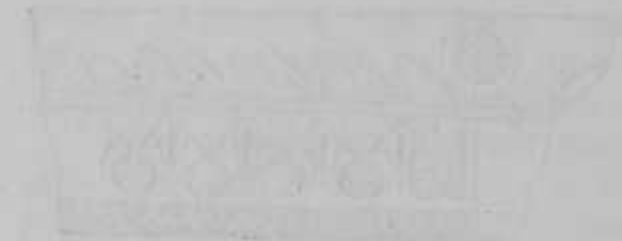

Рис. 7

Музей
Историко-художественных
и музыкальных реликвий

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ.

Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века.

Публикуемые ниже материалы касаются, главным образом, 1) событий в с. Бездне, Казанской губернии, 2) казанской панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам и 3) А. П. Шапова, общественного деятеля и преподавателя русской истории в Казанском Университете. Силен в них и местный колорит; тем не менее это не лишает их значения общего, т. к. своим содержанием они обнимают явления всероссийского масштаба. Научная литература давно уже оценила события в с. Бездне как одно из самых ярких проявлений крестьянской борьбы в России в 60-х годах прошлого столетия; равным образом и личность А. П. Шапова, особенно в наше время, ставится на ряду с выдающимися деятелями России той эпохи. Это и дает нам полное основание объединить результаты наших архивных разысканий летом 1926 года под вышеуказанным заглавием.

Богатое собрание исторических источников—*архив III отделения канцелярии Его величества* включает в себе и *дело бакалавра казанской духовной Академии А. П. Шапова*. *) Это „дело“ состоит из собственноручных бумаг Шапова и подлинных материалов тех учреждений и лиц, которые были творцами этого дела. Материал рисует нам 1) ту социально-политическую обстановку, в которой находился Шапов в Казани, и ту классовую борьбу, в которой были слишком на виду „возмутительные“ действия преподавателя казанского университета; 2) эти же материалы рисуют нам вполне отчетливо и взгляды Шапова на злободневные вопросы социально-политической действительности.

Материалы первой группы чрезвычайно удачно дополняют „Воспоминания“ мирового посредника Крылова, **) которые положены в основу освещения событий в с. Бездне в исследовании Игнатович, ***) и архивные материалы Государственного Совета, изученные Попельницким. ****)

Деятельность казанского губернского комитета об улучшении быта крестьян известна уже из „заключения“ губернатора Козлянинова *****) на проект, в котором устанавливается, что крестьяне попадут в условия „стеснительнее прежнего“, которые могут только „расстроить, а не улучшить их быт.“ что крестьянин будет работать на помещика „более прежнего“.

Тот же Козлянинов в приводимом нами письме дает прекрасное обоснование этих тенденций дворянства: „совершенное отсутствие сочувствия“ к освобождению крестьян, т. к. большинство дворян, устроившее службой свое состояние, — „самые вредные и упорные поборники старины, упрочившей их состояние“. Дворянство было „в неприязненном положении к ученому сословию, чиновничьему и купеческому.“ а вместе с тем и к крестьянству. Собощанский, чиновник особых поручений Мин. Внутр. Дел., дает аналогичную оценку положения: крестьянская свобода в проекте дворян была „пустым звуком“, а самый проект был значительно консервативнее „положения о крестьянах“.

Между тем ожидания крестьянства простирались на помещичьи земли и леса, господские выпуски и выгоны и даже на хлеб в господских амбарах *****) Столкновение казалось неизбежным. И оно началось прежде всего расправами, экзекуциями и ссылками крестьян, о чем красноречиво повествует приводимое нами „донесение полковника Ларионова“.

Интересные для историка детали в освещении безднинского расстрела и казанской панихиды вносят бумаги Козлянинова и Собощанского, противопоставляя и подчеркивая взглядам дворянства взгляды общества и крестьянства, даже с некоторой долей предпочтения последним перед первыми в целях охранения государственного

*) Архив III отделения. I экспедиции, 1861 г. д. № 116 на 301 месте.

**) Крылов—Воспоминания („Русский Архив“ 1892 г.)

***) Игнатович—Воспоминания помещичьих крестьян.

****) Попельницкий—Панихида по убитым крестьян („Голос Минувшего, 1917 г. № 9—10“).

*****) Там же, стр. 93, прим. 2.

*****) Игнатович—Воспоминания. („Минувшие годы, 1908 г. № 11, стр. 190“)

правопорядка и общественного спокойствия. Эти же материалы служат средством для анализа позиции Шапова и правдивости его показаний.

Более богата содержанием вторая группа материалов—о А. П. Шапове. Как историк и общественной деятель А. П. Шапов приобрел общероссийское значение несмотря на то, что его взгляды и деятельность были в противоречии с господствующими направлениями как в либеральных, так и в некоторых революционных кругах. *) С 1917 года интерес к А. П. Шапову пробуждается особенно сильно. Доступность архивных материалов особенно импульсировала разыскания новых источников о нем для освещения его научной и революционной деятельности. **) Публикуемые ниже материалы не заканчивают этих разысканий, но ярче освещают нам личность Шапова, его общественно-политические взгляды и его место в революционной обстановке 60-х годов XIX века.

Еще в Казани Шапов вошел в подпольную революционную деятельность, о чем ясно свидетельствует его старинный друг и знакомый в женевском журнале за 1876 год „Вестник Правды“: узнав про Бездну, Шапов говорил студентам: „Ну вот вам и деятельность! Вы только собираетесь заводить по деревням своих агентов, закупаете шрифты и достаете литографские станки, а жизнь-то бьет своим обычным ключом“. „Большее участие принимал он в организации воскресных школ, которые подчас представляли собой очаги для политической и революционной пропаганды и подготовки, как об этом свидетельствуют письма Муравского и «процесс воскресников». ***). К революционной работе не остался он безучастным и в Петербурге; несмотря на свое поднадзорное положение и длительную болезнь, он принимает участие в составлении прокламации „к раскольникам“, чтобы пополнить ею серию прокламаций, составленных Шелгуновым, Чернышевским и Михайловым. ****). Влияния Шапова из Казани распространились на Вятку, Пермь, Нижний, Сибирь и др. города. Сенатор Жданов, найдя в 1863 г. у арестованных в Вятке студентов „в высшей степени возмутительную“ лекцию Шапова об общине, воскликнул: „Боже мой! сколько погибло молодежи от неумения останавливать ее и не преследовать таких людей, как Шапов.“ *****). Между тем культурное и революционное молодое поколение, старалось отдать должное Шапову в их политическом воспитании и революционной его деятельности как агитатора-пропагандиста, ставило его в один ряд с героями 14 декабря 1825 г.

Бумаги, принадлежащие перу Шапова и находящиеся в его „деле“ в архиве III отделения, могут быть разделены на две категории: а) записки его лекций, научные заметки и выписки из источников, и б) бумаги общественного и революционного значения. К первой категории относятся отрывки лекций о придворном быте во второй половине XVIII ст., об административном управлении в XVIII в., о декабристах, выписки из бумаг Г. Державина, А. Радищева и др. Все это было изъято из большого тюка с его рукописями, доставленными в III отделение вместе со Шаповым из Казани. Рукописи были сильно перепутаны при обыске и в таком виде доставлены были в Петербург; большую часть из них Шапов получил обратно, а указанные нами были приложены к делу, как вещественное доказательство. Из них мы помещаем заметки о народных движениях и декабристах, как наиболее цельные по смыслу отрывки.

*) Н. В. Шелгунов в своих „Воспоминаниях“ называет Шапова „выдающимся“ деятелем, „крупной силой“ своего времени. Плеханов, анализируя общественную позицию А. П. Шапова, указывает, что, как Чернышевский был проникнут идеологией социал-демократа, исходя из интересов рабочего класса, так Шапов является просто демократом, исходя из интересов крестьянства. Это противопоставление Шапова Чернышевскому указывает на выдающееся значение Шапова в истории общественной и революционной мысли. М. Н. Покровский считает Шапова крупнейшим идеологом крестьянства и крупнейшим историком своего времени. (См. Н. В. Шелгунов—Воспоминания, М. 1923, стр. 144—145; Плеханов—Собрание сочинений т. 2, стр. 19; М. 1923; Покровский—„А. П. Шапов“ в № 3 „Историк—марксист“, стр. 13).

**) Лучинский в III томе „Сочинений Шапова“ (1908 г.) дал лучшую по полноте до настоящего времени биографию Шапова, дополнив ее материалами делопроизводства Синода. В журнале „Голос Минувшего“ 1917 года № 9—10 А. Попельницкий в статье „Панихида по убитым крестьянам в с. Бездье“ выдвинул роль Шапова в ней по материалам Главного Комитета по устройству сельского населения, хранящихся в Архиве Государственного Совета. „Часный Архив“ в IV томе (1923 г.) опубликовал речь Шапова на панихиде. М. Н. Покровский в своих трудах „Классовая борьба“ и „А. П. Шапов“ указывает место Шапова в русской историографии. Д. Чудинов в 5-й книге журн. „Сибирские Огни“ за 1924 г. поместил статью „Забитый предтеча“, где характеризует Шапова как историка-материалиста и областника. В том же журнале за 1926 год № 1—2 напечатана биография Шапова, составленная Д. Чудиновым. В „Знамени по жизни Шапова“ В. Вегмана; последнее на основании сибирских архивных материалов по делу 1863 г. о „Сибирских сепаратистах“. В 1926-м же году Е. Чернышев опубликовал лекции Шапова „Общий взгляд на историю педлюборусского народа“ и „О конституции“ в „Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казан. Унив.“, т. 2, Вып. 2—3. Наконец, „Северная Азия“ (кв. 3, 1926 г. М.) дает информацию о проведении в СССР 50-летия со дня рождения и смерти Шапова.

***). Лемке—очерки освободительного движения 60-х г., стр. 293, 408, 413 и др.

****). Лемке—Политические процессы 60-х гг., 1923 г., стр. 318.

*****). Архив III отделения, I экспедиция, 1863 г., дело № 97, часть 45, л. 53.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Вторая категория его собственноручных бумаг заключает в себе „показание“ Шапова о казанских событиях, письмо Александру II о реформе государственного строя и отрывки лекции „О конституции“. *) Последняя опубликована нами в 1926 г. целиком, письмо Александру II печатается впервые и лишь из показания Шапова нам был известен один отрывок в статье Попельницкого, который приводит его из рапорта Собещанского. Но этот отрывок — далеко не самая существенная часть показаний Шапова **).

Из бумаг, не принадлежащих перу Шапова, но касающихся его обращают на себя внимание указанные выше письмо Козлянинова и выписка из донесения Собещанского. ***). Интересно и мнение воинствующего реакционера митрополита Филарета о письме Шапова Александру II, в котором мы видим попытку вскрыть вредное для правительства направление взглядов Шапова. Играя словами, не входя в существо мысли Шапова, митрополит, в тон резолюции Александра II, порицает Шапова, видя в нем врага господствующего государственного и социального строя ****). Отметим и интересные материалы, доставленные в III отделение жандармским полковником из Перми в начале 1862 г.: стихотворение „А. П. Шапову“ и копия речи на панихиде; копию речи в печати не воспроизводим, т. к. она отличается от опубликованной в „Красном Архиве“ лишь стилистически, но, не сомневаясь, можно утверждать, что эта копия писалась со второго подлинника, о котором читаем в „показании“ Шапова *****). Среди прочих документов этого дела отметим переписку о Шапове с III отделением министра внутренних дел Валуева, министра просвещения Головнина и госпитального начальства, которая вскрывает мелкие, но существенные детали о времени пребывания Шапова в столице и о высылке его в Сибирь. *****)

Эти материалы вполне позволяют нам выяснить политические взгляды одного из пионеров социалистического направления в начале 60-х годов XIX в. Его глубокие исторические познания прошлого России и в особенности крестьянства, живое участие в общественной жизни и критическое отношение к различным направлениям общественной мысли при его живой, восприимчивой и деятельной натуре, создало в Шапове не только знатока истории народа, но и борца за его лучшее будущее.

Провозгласив на панихиде демократическую конституцию как идеал в социально-политической борьбе ближайшего будущего, он проявил себя сторонником демократического государственного устройства, как мог его представить себе деятель, всецело проникнутый интересами трудовых классов населения России, и в особенности крестьянства. Его политический демократизм проявился очень сильно в письме к царю, где он, не касаясь функций самодержавной власти, дает вполне ясное понятие о царе царствующем, но не управляющем, если не сказать еще больше. Эта мысль и дала повод митрополиту Филарету в страхе воскликнуть, что при осуществлении проекта Шапова монарху нечего будет делать.

Бросаются в глаза чрезвычайно оригинальные мысли Шапова о народном просвещении. Идеи всеобщего обучения, профессионального образования, и особенно с сельско-хозяйственным уклоном, идеи всесловности, приоритета общественной инициативы, пропаганды и введения специальных налогов на нужды просвещения, наконец, идея политического значения просвещения — все эти принципы Шапова в вопросе о просвещении нашли себе чрезвычайно полное выражение в письме к Александру II. Однако эти взгляды нельзя назвать окончательными, т. к. позже Шапов еще более их углубил, выдвигая на первый план в преподавании опыт и рисуя прообраз школы фабрично-заводского ученичества нашего времени. *****)

Изложенные в письме мысли Шапова об областности и федерации, о народо-советах и самоуправлении, о выборности администрации и ответственности ее, о военном и сословном строе, о гласности и других гражданских свободах не являются

*) Архив III отделения, д. № 116 (1861 г.) л. л. 160—172 и 182—193. См. „Известия Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Каз. Унив.“ т. XXXIII, вып. 2—3, стр. 42—50 и 56—58).

**) Попельницкий—Вяжикида по убитым крестьянам („Голос Мин.“ 1917 г. № 9—10, стр. 102—103).

***). Самый рапорт представлен в кратком изложении в статье Попельницкого (там же, стр. 101—102). Приводимая нами „выписка из рапорта“ может заменить последний, т. к. эта выписка излагает факты большей частью выражениями самого Собещанского.

****). Биограф Шапова Лучинский, видевший эту записку в архиве Синода, приводит лишь ее конспект и несколько подлинных фраз. Возможно, что цензура помешала воспроизвести ее, если не полностью, то хотя бы в наиболее существенных и характерных отрывках (См. Шапов, Сочинения, т. III стр. XLVII—XLVIII).

*****). Имеются в этом деле копии решений по делу об участниках панихиды Главного Комитета об устройстве сельского населения от 30 октября и Синода. Тут же и подлинник письма А. Н. Муравьева шефу жандармов кн. Долгорукову от 1 декабря 1862 г. Но все эти материалы уже опубликованы: первое два Знаменским, Лучинским и Попельницким, а последнее напечатано еще в 1892 г. в № 6 „Русского Архива“ (См. П. Знаменский—История Казанской духовной Академии, вып. I, стр. 208—209. К. 1891 г.; Панихиде по убитым крестьянам, „Гол. Мин.“ 1917 г. № 9—10, стр. 104—106.)

*****) Шапов—Исторические условия интеллектуального развития в России. („Сочинения“, т. II стр. 619—620).

*****) Архив III отделения, д. № 116, л. 130.

новыми, за исключением проекта реформы цензуры. Все это было не один раз высказано, как в исторических работах, так и публицистических, *) но в вопросе о цензуре Шапов идет значительно дальше своих современников, выдвигая ответственность только автора и лишь перед выборным судом.

Но более серьезного внимания заслуживают мысли Шапова по экономической политике. Под влиянием отраженной в русской журналистике европейской экономической мысли преимущественно консервативного направления, Шапов на первый план ставит необходимость экономического развития провинции. Для этого необходимы всеобщие земские банки и кредитные компании, для этого нужно устранить вред экономической централизации, которая не дает возможности развития в должной степени провинциальной торговле, сельскому хозяйству, ремеслу и промышленности. Со всей „крестьянской“ концепцией Шапова, развитой в вопросах социальных и политических, его экономические взгляды чрезвычайно гармонируют, но находятся в большом противоречии с господствующими течениями экономической мысли как представителей промышленного капитала, так и представителей пролетарского социализма. Крестьянский социализм звал Шапова больше к Сисмонди, чем к Сен-Симону и Фурье. Программа Шапова по экономической политике, данная в письме к Александру II, дает возможность говорить об экономических взглядах Шапова в 1861 г. уже с большей определенностью.

Печатаемые ниже записки Шапова о характере народных движений, которые он именует „инстинктивно-революционными“ и „буйно-энергическими“, в которых отсутствует в полной мере „разумно-сознательное начало“, уточняют еще более взгляд Шапова на значение их в борьбе с существующим строем, а вместе с тем косвенно намечают и роль революционной интеллигенции в этих движениях, задача которой сводится к борьбе с анархичностью народных движений за это „разумно-сознательное начало, но не только предварительно, а и в процессе развития этого движения. Но рядом с этим „показание“ Шапова о панихиде по своему тону и смыслу противоречит только что сказанному, что надо объяснить исключительно тактикой подсудимого на допросе. **)

Публикуемый материал вносит поправки в некоторые доводы Лучинского, например, о времени представления письма и показания о панихиде, что им неправильно отнесено к июлю месяцу 1861 г., о взятии Шапова на поруки Валевым, чего вовсе не было. Служба Шапова в министерстве внутренних дел была больше в интересах надзора за ним, что и указывается в одной из справок III отделения в ноябре-декабре 1861 г.: „Шапов, состоя ныне в ведении министерства, не на службе, но так сказать под надзором, занимается работами по раскольничьим делам“. ***) Донос А. Н. Муравьева на Шапова по поводу его книги „Земство и раскол“, направленный Долгорукову в начале декабря 1862 г. не имел никакого значения на дальнейшее пребывание Шапова в столице, т. к. высылка его была решена уже в июле месяце 1862 г. ****) Что может навести на изыскания, это — записка Валуева в III отделение от 1 марта 1863 г., в которой он настойчиво требует высылки Шапова из сто-

*) „Известия“ Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Унив. т. XXXIII, вып. 2-3, стр. 57.

**) Из текста „показания“ читатель видит, что Шапов сглаживает острые углы, передает речь в более пространной и более спокойных в политическом смысле выражениях. „Общинно-демократическая свобода“ и „народосоветие“ даруются самим царем. В действительности этого тона не было и не могло быть. (Срав. Речь Шапова в „Красн. Архиве“ т. IV).

То же надо заметить о боязни народного восстания, о задачах интеллигенции и отрицании успеха народной революции; показание об этом Шапова противоречит смыслу лекции „о конституции“ по этим же вопросам и „заметкам“ о народных движениях (Сравни. „Изв. Об. А. И. Э.“ т. XXXIII, в 2-3, стр. 57). Чтобы показать, насколько осторожно нужно относиться к показаниям Шапова, мы приведем одно противоречивое тексту лекции „о конституции“ объяснение Шапова при обыске из официальной справки: одна лекция его, читанная им не в университете, а в одной частной беседе студентам, начинается: „Когда то я вам сказал: чье сердце не бьется от одного магического слова — „конституция“. Спрошенный об этом выражении, Шапов отзывался, что в конце этого рассуждения он доказывал студентам неосновательность мнения о возможности конституции в настоящее время. При этом он выразил желание отыскать всю эту лекцию в своих бумагах и готов даже представить ее в свое оправдание“ (Архив III отделения 1 экзп. д. № 16, 1861 г. л. 44-45. Сравни. „Изв. Общ. А. И. Э.“ т. XXXIII, в 2-3, стр. 33-41, 57-58).

***) Архив III отделения, д. № 116, лист 127.

****) Валуев 31-VII-1862 г. сообщал в III отделение: „Признавая ныне неудобным оставить далее Шапова на попечении министерства и поручать какие-либо занятия по оному, я вхожу со всеподданнейшим докладом об отделении его от министерства с учреждением за ним строгого полицейского надзора, на что 28 сего июля последовало высочайшее соизволение“; причина этому — „неблагонадежные образ мысли Шапова и продолжающиеся сношения его с лицами неблагонадежными“ (Архив III отделения, д. № 116, л. 231).

Главное же сделала комиссия для разбирательства о лицах неблагонадежного поведения под председательством Голицына, которая, „принимая во внимание, что бакалавр Шапов своими действиями заявил себя перед правительством как человек неблагонамеренный и замечен полицейской властью, постановлением от 30 минувшего ноября (1862 г.) заключила: выслать Шапова из Петербурга с учреждением за ним в месте нового жительства секретного надзора и с воспрещением въезда в столицу“. Выслава в с. Ангу в на этот раз не состоялась за болезнью Шапова и лечением его в госпитале с 19-II-1863 г. до 4-III-1864 г. (Архив III отделения, д. № 116, л. 244-245).

лицы, „для предупреждения могущих быть вредных последствий от связи его (Шапова) с неблагонадежными людьми.“*) Тут уже, видимо, явилось, иное подозрение, чем то, по которому он привлечен был к допросу в „процессе 82-х“ по оговору Ничипоренко. **)

О перемене с. Анги на Иркутск Шапову из Сибири хлопотать не надо было, т. к. вследствие письма Шапова к Головнину и кн. А. А. Суворову, петербургскому генерал-губернатору, еще в 1863 г., Суворов вместе с министром просвещения Головниным добились у Долгорукова смягчения наказания Шапову, что следует из писем Головнина от 5/VII и 15/VIII-1863 г. ***)

Материалы печатаются по новой орфографии с изменением местами пунктуации и заменой прописных букв малыми.

Е. Чернышев.

Казань. 10 марта 1927 г.

Письмо Казанского губернатора П. Козлянинова министру внутренних дел С. С. Ланскому.

Милостивый государь Сергей Степанович! Печальные события в Казанской губернии вынудили меня с полной откровенностью высказать Вашему В-ству некоторые причины, имевшие, по убеждению моему, особенное влияние на весь ход дела и его последствий.

С самого начала возбуждения крестьянского вопроса, совершенное отсутствие сочувствия к нему большинства дворян при полном сочувствии всех остальных сословий поставило дворян, уже и прежде державшихся замкнутыми в их исключительном кружке, более еще в неприязненное положение к ученому сословию, чиновничьему и купеческому (я говорю о чиновниках служащих, потому что огромное число дворян Казанской губернии ничто иное, как отставные чиновники, устроившие службой свое состояние и купившие имения; эти последние самые вредные и упорные поборники старины, упрочившей их состояние, и имеющие сильное влияние на остальных дворян их ловкостью, опытностью и так называемыми сведениями в законах).

Суждения дворян, переходя от дворовых людей к крестьянам, усиливали негодование и недоверенность их к помещикам, дети коих студенты между товарищами были первыми и самыми сильными порицателями действий своих родителей. Носились слухи, что крестьяне еще со времени губернского комитета по крестьянскому делу знали и называли тех членов одного, коих считали противниками возбужденного вопроса. Месяца полтора назад, в ожидании высочайшего манифеста и по случаю посылки мною нарочного к помещику Арцыбашеву за ответом о согласии его на принятие по избранию предводителей звания члена губернского присутствия, в Цивильском [и] Чебоксарском уездах распространился между крестьянами слух, что гражданский предводитель дворянства Матюнин мною уже посажен в острог, а за Арцыбашевым я уже посылал нарочного, но как он не поехал, то вскоре за ним пришло жандармов за противодействие государю к освобождению крестьян из крепостной зависимости. Это рассказывал мне сам г. Арцыбашев.

Дворяне однако же явнее начали высказывать их недоверенность к удовлетворительности законоположений по крестьянскому делу, заметив сочувствие с ними по этому предмету свиты е. в. ген.-майора графа Апраксина, неосторожно пред ними

*) Архив III отделения, д. № 116, л. 258.

**) Лемке. — Очерки освободительного движения, стр. 156.

***) В письме Головнина от 5 июля 1863 г. князю Долгорукову читаем: „М. Г. князь Василий Андреевич! Известный вашему сиятельству Шапов обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании смягчения предстоящей ему участи — ссылки на место родины в за-лесную тайгу, где недавно умер его отец, а родственники живут землю. Я знаю Шапова только по весьма замечательной книге о расколе, которая еще едва-ли не лучшее у нас сочинение по этому предмету, и по нескольким статьям о народном миро-созерцании, обличающим большую ученость и напечатанным в Жур. Мин. Нар. Просвещения. К сожалению, люди с такими специальными познаниями, ученостью и литературным талантом у нас весьма редки, и потому я считаю себя обязанным, как министр народного просвещения, убедительно просить Вас о дозволении Шапову или остаться в Петербурге, или жить в Иркутске, где он мог бы заниматься при Отделе Географического Общества“.

15 августа 1863 г. он снова обращается к Долгорукову с таким письмом: „Ваше сиятельство! В разговоре со мной о бывшем бакалавре Казанской Духовной Академии Шапове — изюмита между прочим передать мне, что он будет выслан отсюда не далее Иркутска. Узнав ныне из письма до меня кн. А. А. Суворова, принимающего также участие в Шапове, о предстоящей высылке его отсюда после болезни на родину, — я позволяю возобновить в памяти Вашей разговор наш о Шапове и передать при этом на Ваше благосклонное внимание как мое, так и кн. Александра Аркадьевича (Суворова) участие в положении г. Шапова“. (Архив III отделения. Экспед., 1861 г. д. № 116, л. 270 и 271. Сравни. Лунинский — А. П. Шапов, стр. XXXV, в III томе „Сочинений“ Шапова).

высказавшегося. Дворяне думали видеть в нем уполномоченного государя императора с особыми правами и властью, а он не хотел, но не умел их в том разуверить. Затем, некоторые дворяне легкомысленно и неосторожно, по получении из Бездны известий о средствах и последствиях подавления упорства крестьян, выражали дома и даже в клубе свою радость и этим вызвали со стороны других сословий и сочувствие к убитым в Бездне и в особенности сильное негодование и на них и на Апраксина. И те и другие взволновались. Дворяне находили, что это справедливо, энергично и хорошо, другие, — что это незаконно, считая, что не было принято более достаточных предварительных мер убеждения, чтобы избежать пролития крови; обвиняли дворян и негодовали на Апраксина, особенно университет и студенты. Следствием этого была панихида по убитым и денежная подписка в пользу их семейств, в которой участвуют и профессора и др. частные лица.

Я стараюсь принимать все зависящие от меня меры к предупреждению и прекращению беспорядков, которые тем вреднее, что поддерживают неприязненное волнение между сословиями, а студенты легкомысленно могут сделать сильный вред при настоящем волнении умов крестьян.

Касательно действий Апраксина в Бездне, то, как я имел честь сообщить вашему в-ству, именно предвидя это, я и распорядился отправить к нему 12 рот с 2-мя орудиями, чтобы предотвратить кровопролитие, но войска сошлись 15-го, *) а он действовал 12-го; правда, он 13-го имел уже 5 рот вместо 2-х, и люди имели с собою по 100 патронов, а две роты, вытребованные Апраксиным, — только по 10-ти (как мне донес командир батальона). Казалось, лучше-бы было дожидаться сбора войска, хотя-бы даже толпа еще и увеличилась, чем с 2-мя ротами, в каждой по 100 человек, рисковать действовать против толпы, которая, все увеличиваясь, в рассказах, доходила до 8000 человек и более; неуспех был бы не только гибельным для 2-х рот, но имел бы страшные последствия для края, раздражив крестьян, придав им смелости и доставив 200 ружей; я называю риском действия двумя ротами потому еще более, что роты в Бездне, введенные в улицу и построены в 4-ре шеренги в ротной колонне весьма тесно, подвергались опасности быть обхваченными кругом и сдавленными, не имея возможности построиться в каре или отступить; крестьяне могли иметь топоры, колья, рогатины.

Имея известия, переданные лицами, там бывшими, и не быв сам очевидцем, судить не смею, но во всяком случае считаю, что счастливейшего исхода дела при этих обстоятельствах ожидать было нельзя; самое дурное его последствие состоит в том, что числом жертв оно вызвало здесь негодование многих, тем более, что кроме непреклонного упорства в ложном толковании и невыдачи Петрова, крестьяне ни буйства, ни вреда сделать никому не успели и были 12-го числа совершенно безоружны.

Еще раз имею честь почтительнейше донести вашему в-ству, что в уездах крестьяне спокойны; незначительные недоразумения, без которых обойтись нельзя, немедленно устраняются, работы производятся, но публика встревожена волнением университета и студентов, которые тоже встревожены.

Вчера архиепископ казанский доставил объяснение Щапова касательно сказанной им речи. Щапов говорит, что он написал ее уже на кладбище, предполагая сказать на какой-нибудь могиле, где хотели служить панихиду, но когда решились служить в церкви, то он увлекся и сказал ее там; по окончании же кто-то из студентов университета речь у него взял. (Об этом сообщено мною попечителю учебного округа). Речи Щапов не представил, а на память приведенные им отрывки оной, конечно, вовсе не в том смысле, как она была сказана; я надеюсь иметь ее в копии. Щапова из Духовной Академии по прошению уволили вовсе, и это вряд-ли хорошо; по крайней мере до сих пор он боялся духовного начальства, а теперь никто не будет на него иметь влияния, тогда как он на студентов имеет громадное.

№ 104. 22 апреля 1861 г.

Секретное донесение полковника Ларионова шефу жандармов ин. Долго-рукову от 21 мая 1861 г. № 69.

На почтительнейшее предписание Вашего с-тва от 3 мая за № 705, мною полученное по возвращении из командировки в Казань 20 числа, имею честь донести, что действительно в некоторых местностях Казанской губернии разного звания люди превратно толковали крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, самое «Положение», высочайше утвержденное, получая от них плату за чтение. Несколько человек таких чтецов поймано. Между прочими, по распоряжению бывшего здесь ген-ад. Бибикова, преданы были военному суду по полемому уголовному уложению

*) 15-го апреля 1861 г.

крестьяне Лаишевского уезда села Юнусова (жены камер-юнкера М. Е. Львовой) за возмущение крестьян против помещиков и превратное толкование «Положения»:

1) Осип Игнатьев наказан розгами 300-ми ударами и оставлен в жительстве на 2 года под надзором полиции;

2) Дер. Чернопенье казенный крестьянин Николай Алексеевский, причисленный из дьячков, привезенный в имение Львовой, из корыстных видов неправильно толковал Положение, предложил обществу из среды себя избрать старосту, назвавшись первоначально царским посланником, в сем последнем случае, однако, не сознавшимся, наказан шпицрутенами через 100 человек пять раз с ссылкой в Сибирь на поселение.

[3] Равным образом и другой крестьянин г-жи Львовой Ефим Афонасьев наказан шпицрутенами через 100 человек четыре раза с ссылкой в Сибирь.

[4] Того же уезда села Малого Некрасова г-на Сплендоринского крестьянин Илья Козмин оказался виновным в подстрекательстве крестьян села Байтерякова помещицы Козиной, отказавшихся от исполнения господских работ, — наказан шпицрутенами через 100 человек три раза с ссылкой в Сибирь.

Поступки же юнкера резервного батальона Днепровского пехотного полка Ивана Варламова, обвиняемого в неправильном толковании тем же крестьянам в-ше утвержденного «Положения», по конфирмации г-на ген.-ад. Бибикова, передан рассмотрению непосредственного начальства его.

Выписка из донесения министру внутренних дел чиновника особых поручений Собошанского.

Для более ясного и полного уразумения панихиды, совершенной в с. Бездне, *) с.с. Собошанский признал необходимым обратить внимание на развитие крестьянского вопроса в Казанской губернии. Он пишет, что вопрос этот сильно занимал все тамошние сословия, причем дворянство, видимо, стремилось к изысканию способов к возможно меньшим жертвованиям, а крестьяне были убеждены, что им будет дарована полная воля с предоставлением земли в их собственность. Самый проект казанского губернского комитета об устройстве быта помещичьих крестьян, не оправдывая этой цели, показал только, что помещики имели в виду получить со временем более выгод, чем при крепостном праве; предполагаемая же ими свобода крестьянам была лишь одним пустым звуком, и потому высочайше утвержденное Положение о крестьянах изменило самые существенные основания и расчеты казанского проекта, а следовательно и дворянства; с стороны же, для крестьян оно было счастливой вестью, что они вольны.

Получив «Положение», крестьяне, по недоверию к помещикам, вследствие недобрых их отношений между собой, искали совета и наставления большею частью у становых: но эти последние на первых порах не могли их удовлетворить. Привезший же «Положение» в с. Бездну губернаторский чиновник сказал крестьянам, чтобы они сами избрали себе чтеца. И вот управляющий их, прочитав несколько страниц, отдает назад им «Положение»: потом читает им «Положение» отставной фельдшер; потом бывший конторщик, но никто из этих чтецов не вычитал им воли, а говорили, что надо оставаться по прежнему два года. Наконец крестьяне решили обратиться к своему, немного грамотному крестьянину Антону Петрову. Петров сначала ничего не понял в «Положении», а потом, перечитывая во второй раз и дойдя до 33 статьи правил о порядке приведения в действие «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», где находятся слова: «или же после ревизии отпущены на волю», а также из уставной грамоты: «из них отпускающихся**) после ревизии на волю», он вывел заключение, что крестьяне с 1859 г., т. е. со времени последней ревизии, совершенно свободны, или, как он выразился крестьянам, «наконец, дочитался до чистой воли». Взяв другую книгу «Положения», он и в ней увидал то же, что в первой, а затем вместе с крестьянами отправился к священнику. Священник старался объяснить ему ошибочность его понимания, но Петров не поверил ему, отправился домой и объявил, что теперь «надо выхлопывать волю». Молва о вычитанной воле быстро стала распространяться по другим деревням и крестьяне толпами пошли в Бездну.

Из отобранных следственной комиссией от разных лиц показаний оказывается впрочем, что постоянных лиц около Петрова не было, что дней для собрания назначено не было, что Петров человек тихий и набожный и любил заниматься чтением, что если бы кто-либо разъяснил крестьянам, что они заблуждаются, то они все разошлись бы, что сделать вред или зло у них и в мыслях не было; сам Петров строго

*) Ошибка писца: панихида была совершена в г. Казани.

**) Ошибка писца: следует читать: «отпущено».

запретил иметь кому-либо при себе палки; если под'езжал исправник или чиновник, то даже старики, разговаривая с ними, оставляли свои костыли; что крестьяне сожалели о том, что у них в то время не был помещик; что Петров сбил с толку тем, что говорил, что книга прислана от царя, и, наконец, что Петров и общество послали в Казань справиться о смысле «Положения».

Тем не менее в скопищах у Петрова помещики и некоторые чиновники подзревали новую пугачевщину, а потому свиты е. в. ген.-майор гр. Апраксин отправился в Бездну с войском; по прибытии туда он потребовал крестьян с вотчинную контору, но крестьяне не явились. Видя ослушание, граф отправился за 30 верст от Бездны, усилил команду и с нею вновь придвинулся (12 апреля) к Бездне. Крестьяне послали навстречу графу хлеб и соль, но граф не принял. Затем высланные графом лица требовали выдачи Петрова.

«Не сдадимся, умрем за царя Александра Николаевича». Объявили, что будут стрелять. «Стреляйте, потечет кровь царская, мы одни за царя» Тогда раздался залп. Мужики стояли вдоль улицы безоружные, без шапок и творя крестное знамение. Второй и третий залп, — повалились убитые, толпа дрогнула и бросилась к забору. Кому-то показалось, что крестьяне побежали за кольями, — и вновь раздался четыре залпа. Густой дым покрыл побоище. Но когда раз'яснилось, то перед войском стоял Петров, держа на голове «Положение». Его и бывших около него крестьян тотчас же арестовали. В избе Петрова застали его отца, мать, жену, детей и прочих на коленях перед образом, но подозрительного в квартире его ничего не найдено. Ропота в крестьянах не было, они говорили: «на то божья воля». Спрошенный Петров показал, что он нес царский указ на голове, думая, что через это в него стрелять не будут. Скопище было рассеяно, арестованные крестьяне, около 80 человек, теперь уже освобождены, из них трое или четверо подлежат легкому исправительному наказанию. Петров же, приговоренный полевым судом к смертной казни, расстрелян 19 апреля.

Казнь Петрова, а еще более число убитых и раненых до того поразило крестьян, что при виде чиновника или казака крестьяне падают на колена и молят о пощаде. Они уже не читают «Положения», а вполне соглашались на все условия в уставных грамотах, которые через это могут быть незаконны и не прочны.

Когда весть о безднинском происшествии дошла до Казани, общественное мнение страшно восстало против «поголовного избиения крестьян». Другое обстоятельство еще больше поддержало это мнение: некоторые помещики обедали и шампанским начали ликовать совершившееся в Бездне усмирение. Кроме того взволновало умы предположение дать обед (впрочем несостоявшийся) в честь графа Апраксина. Все эти обстоятельства вместе произвели то, что сторонники старого и нового взгляда на крестьянский вопрос вынуждены были обнаруживать свои убеждения и сочувствие друг перед другом. И вот студенты и другие лица, как поборники крестьянской реформы, волнуемые торжеством так называемых в городе плантаторов, задумали: 1) составить подписку (она не состоялась) в пользу раненых и семейств убитых в Бездне, и 2) отслужить панихиду; как то, так и другое — по примеру городов, откликнувшихся на варшавские беспорядки. О первом намерении заявлено было высшему начальству, второе было скрыто и панихида совершена 16 апреля, за три дня до казни Петрова.

Когда сделалось известно начальству о совершении этой панихиды, то посланный на место полицеймейстер встретил уже возвращающихся студентов, но без всякого шума и совершенно приличным образом. Тем не менее в городе стали ходить о панихиде разные неправдоподобные толки, которые по секретным дознаниям не оправдались; обнаружено только, что выходка студентов была сделана из подражания петербургской панихиде, так как вообще замечено, что студенты провинциальных университетов стараются во всем подражать столичным.

При этом дознано было также, что во время панихиды бакалавр Щапов произнес речь. Ст. сов. Собещанский доносит, что ему неизвестно, к каким результатам привело следствие о панихиде, произведенное по распоряжению обер-прокурора Синода, но он полагает, что ответственность студентов духовной академии по этому делу устранена и все отнесено к студентам университета. Это последнее он основывает на том, что девять студентов университета вошли в правление академии с объяснениями, что инициатива панихиды и все распоряжения и расходы по сему случаю принадлежат университетским студентам, и что студенты академии были случайными посетителями. Но два студента чистосердечно и с полным раскаянием объявили Собещанскому, что объяснение это они представили по убеждению ректора академии, дабы выручить академических студентов. Далее Собещанский пишет, что зачинщиков панихиды не обнаружено, равным образом не открыто ни руководителей, ни подстрекателей. Несмотря, однако, на это, из лиц, причастных к делу о панихиде более других обращают на себя внимание.

1) Служившее панихиду духовенство и произносившее «в смятении за свободу убиенных».

2) Баккалавр Щапов, произнесший речь предосудительного содержания, хотя он попал на кладбище без всякого заранее определенного намерения и совершенно нечаянно, и хотя речь эта сказана была под влиянием сочувствия к несчастным жертвам и произнесена так, что по неразделенности дикции никем сполна неслышана не была; и

3) Представившие вышеупомянутое вынужденное объяснение девять университетских студентов, хотя сравнительно с другими они ничем в деле панихиды не обвиняются и предосудительного за ними прежде сего ничего не замечено.

В заключение Собошанский объясняет, что прислушавшись к мнению начальника жандармского округа, военного губернатора, университетского начальства и других властей, он пришел к убеждению, что панихида 16 апреля есть протест столичности и сочувствие к жертвам собственного невежества и случайных недоразумений, и что студенты и обыватели не имели никакого соотношения к возмущению крестьян.

Затем в частном письме к статс-секретарю Валуеву он выражает мнение, что мера наказания лиц, причастных к панихиде могла бы ограничиться: для вышеупомянутых 9-ти студентов — выдержанием их на гауптвахте в продолжении 3-х дней, а для Щапова — вменением в наказание продолжительного ареста, лишением двух должностей и академического пенсионера. Взыскание же лиц духовного звания будет зависеть от подлежащего их начальства. Что же касается безднинского происшествия, то Собошанский не решает произнести мнения, так как действия в этом деле гр. Апраксина, получившего награду, должны считаться правильными. Впрочем он вынужденным находится доложить, что кладбищенская манифестация была направлена, главным образом, против гр. Апраксина и тех дворян, которые в безднинских беспорядках видели пугачевщину.

1 августа 1861 г.

Научные заметки Щапова.

Все разнообразные, противогосударственные, антицентрализационные и демократические стремления и движения духа нашего народа проявились в истории, главным образом, в трех направлениях и формах.

Во первых, в форме непосредственно-материальных, инстинктивно-революционных, буйно-энергических движений, как, например, в бунтах Новгородских и Псковских, в Сольвычегодском и Устюжском, в бунтах московских и стрелецких, в бунтах Стеньки Разина и Пугачева. Это — движения материальной силы, непосредственной инстинктивности, вследствие долговременной насильственной напряженности, вследствие тяжко прочувствованного страдания в целях государственно-централизационного ига.

Другая форма противогосударственных движений и проявлений духа народного выразилась в мистико-идеалистических, народно-религиозных, социально-демократических общинах раскольнических, особенно в так называемых сектах пророчествующих, например, в секте людей божиих, в секте бегунов и т. п. В этом проявлении духа народного преобладает фантазия и стремление к религиозно-социальному демократизму.

Наконец, третье, самое нормальное, естественно-историческое, хотя и одностороннее, направление наших политических агитаций — это более или менее разумно-сознательные, конституционные попытки, как, например, попытка 14 декабря. Здесь преобладает более или менее просвещенный разум и либерализм, хотя и односторонний, развивавшийся исключительно в тайных обществах и в так называемых образованных классах народа, составляющих меньшинство народа, но все таки либерализм более или менее разумно-сознательный. В этой форме агитации конституционных [идей] суть необходимый плод идеи политического народного самобразования, самосознания и самоустройства.

Со времени Радищева начинается окончательная подготовка 14 декабря, начинается народно-образовательная деятельность тайных обществ. Главная, основная цель их — ограничить самодержавие, создать конституцию. Союз Благочестия, делившийся на четыре отделения, между прочим дал себе четыре высших задачи: 1) развивать начала гуманности, человечности, стараться об уничтожении крепостного права и для всего этого, изыскав средства, основывать учреждения; 2) развивать

интеллектуальное и нравственное воспитание и просвещение молодого поколения и учредить для этого школы; 3) развивать начала народного управления, наблюдать за правосудием и деятельностью правительственных чиновников, искоренять злоупотребления властей и суда и т. п.; 4) развивать начала политической экономии, средства материального благоустройства и благосостояния народа. Между тем Пушкин и Рылеев вдохновляли молодое поколение, рождавшуюся новую Россию, идеей гражданской свободы, Пестель и Н. М. Муравьев сочиняли проект конституции. Все было хорошо; недоставало одного и самого существенного: согласия между членами, недоставало единства, всенародности или земского значения, всенародности русской исторической основы в плане конституции. Народ не знал и не понимал дум Пестеля, Муравьева, Рылеева... И вот 14 декабря было недоспелым, незрелым плодом нашего незрелого народно-исторического политического самосознания...

В Пугачевщине проявился противогосударственный, демократический, областной дух масс, сначала буйно, инстинктивно, физической силой.

В декабристах проявился более или менее сознательный, рациональный, конституционный дух, возбужденный силой идей, силой политического самосознания.

Два противоположные лагеря!

И скоро-ли придет время, то святое время, когда Пугачев, двигатель масс народных, подаст руку декабристу Муравьеву или Пестелю или Петрашевскому, когда тяжелые грустные звуки и думы песни народной сольются с думами Рылеева!

Показание А. П. Шапова о панихиде по убитым в с. Бездне крестьянам.

Вследствие словесного объявления приказания от г. генерал-адъютанта князя В. А. Долгорукого, честь имею объяснить, что я не был учредителем панихиды, совершенной 16 апреля в Казани в куртинской церкви за убитых в Бездне, и не знаю кто именно был первым зачинщиком ее. Могу только сказать положительно, что мысль об ней возникла в кружках студентов университета, говорят, дня за три или за четыре до совершения ее, о чем я узнал уже после панихиды. От студентов университета узнали студенты духовной академии.

Мое участие на панихиде было совершенно личное, добровольное и искреннее, но почти внезапное, и без всякой злонамеренной политической цели. Услышав смутно часов в 12 утра (16 апреля) от трех студентов университета, что часа в четыре будет совершена на куртине панихида за убитых крестьян студентами университета, духовной академии и многими из горожан, я не верил в возможность осуществления такого намерения. Когда, часа в три с половиной, увидел из окна своей квартиры, находящейся около самого куртинского кладбища, большое стечение студентов, нескольких купцов и прикащиков, двух каких-то незнакомых профессоров университета или гимназии, чиновников, дам и разного рода простолюдинов, — пошел на куртину и там застал уже многочисленное собрание студентов, университетских и духовных, и разных людей. Студенты ждали какого-то иеромонаха из Ивановского монастыря, который, обещал, по их предварительному приглашению, отслужить панихиду, но запоздал явился после.

При виде многочисленного собрания, до слез тронутый общим, благородным, христиански-человеколюбивым состраданием к несчастным убитым крестьянам, я удалился в кусты, и тут, на могиле, во мне родилось непреодолимое влечение сказать надгробную речь, и я набросал карандашом на лоскутке бумажки краткий план ее*). После вечерни студенты, наполнившие всю теплую церковь и невмещавшиеся в ней, обступили куртинского священника и дьякона и по-двое или по-трое просили их отправить панихиду за убитых в Бездне. Чтобы не могло произойти в церкви какого-нибудь святотатственного бесчиния, я с своей стороны попросил священников совершить без греха панихиду, желаемую всеми собравшимися в церкви. Открыта была, по решению причта, и холодная церковь. Куртинский священник с дьяконом, академический священник-студент с дьяконом-студентом же, с хором певчих из студентов университета и духовной академии при общем пении предстоявших со свечами отслужили великую панихиду, или полный чин погребения мирян. Академические священнослужители в эктениях и возгласах один или два раза сказали „в смятении за свободу убиенных“, а куртинские постоянно говорили „в смятении убиенных“. Из предстоящих студентов и горожан многие со слезами пели и молились. А когда вся церковь, представлявшая образ древней христианской агапы, еще и трогательнее воспела „вечная память“, то кажется и каменное бы сердце растворилось слезой.

*) Опубликовано в „Красном Архиве“, 1923 год, том IV, „Речь Шапова“.

Тут, как не удерживался, не одумывался я перед самой панихидой и во время панихиды говорить речь—в минуту неудержимого вдохновенного увлечения, надгробная речь невольно излилась от полноты чувств. Вот содержание речи с буквальными выражениями, которые были употреблены при произнесении и которые здесь подчеркнуты:

„Христос, страстям которого христиане будут поклоняться в предстоящую страстную седмицу, возвестил *демократическое учение* и истинную свободу и за то военно-пилатовым судом пригвожден был ко кресту. Вы, несчастные други, и ваши предки, не просвещенные разумным знанием христового учения, с половины XVII столетия в слепом заблуждении стали верить в своих *демократических* мнимых христов из рода простых крестьян. Со второй половины прошлого столетия предки ваши стали называть этих христов *профороками и искушителями*, и от них ждали мистико демократической свободы в то время, когда особенно усиливалось крепостное рабство. Вот явился среди вас новый такой пророк, и вы, за недостатком просвещенных учителей, как дети, вполне доверчивые к своим народным грамотникам, увлеклись его учением о ложной свободе и за то умерщвлены военною силою. Ложный пророк стал против воли царя и вопреки желаниям дворянства возвещать вам желаемую вами, но вымышленную демократическую волю, и вы пали невинной жертвой его обольщения. Беда нам и всему народу, если свобода и земля, которую вы и весь сельский народ в течение многих столетий заселяли, обрабатывали, плодами которой питали нас, которую помогали теперь возвратить себе в неотъемлемое достояние вместе со свободой, и которая приняла вас несчастными мучениками в свои недра,—беда нам, если свобода и земля за кровь вашу воззовут земледельческие массы к восстанию против землевладельцев и начальников, о чем, к несчастью, глухо слышатся в массах опасные угрозы. Грех падет на нас!

„Стоя во главе народа, служа на счет народа по особым правам и привилегиям просвещению и благоустройству народа, мы не просветили и не благоустроили вас, не раскрыли вам сущность истинной свободы, не устранили предварительно нравственной возможности появления у вас ложных учителей-пророков, не образовали для вас истинных, просвещенных, разумных учителей, а истолкователи и исполнители воли царя не растолковали вам предварительно, благонамеренно, истинно и ясно „положения о крестьянах“. Ваши братья-крестьяне за кровь вашу обличают начальников, обличают станowych и священников за то, что читали да не объяснили царское „Положение“ („толку никакого не дали“, как выражались крестьяне казанские).

„Общее мнение просвещенных и человеколюбивых людей сострадает о вашем невольном заблуждении и несчастном кровопролитии. Примите и наше христианское поминовение о душах ваших. Мир праху вашему и вечная память! Да совершится и укрепитсЯ за кровь вашу и для ваших детей, потомков и живых собратий-крестьян всей земли русской *общинно-демократическая свобода*, даруемая правительством в устройстве сельских обществ и волостей, сельского выборного самоуправления, сельских и волостных сходов! Да водворится мирно, без крови *общинно-демократическое народосоветие* (выражение старинное, Посошкова), когда сам царь воззовет к нему весь народ!“

Клянусь, что этой речью я хотел выразить только свои личные чувства и убеждения, свою глубокую и искреннюю любовь к сельскому народу, которая во мне особенно развилась и укрепилась вследствие изучения его огромных исторических трудов и заслуг в древней России и тяжкого быта с XVIII столетия, хотел выразить без всякого умысла с чистой совестью. Выражая только чувства своего сердца, я говорил речь тихо, так что самая большая часть студентов, как после говорили, ни слова не слышали. По окончании речи, в минуту волнения, я не знаю, какому студенту отдал лоскуток, на котором набросан был краткий план ее. Студент был мне вовсе незнакомый. Говорили утвердительно, что лоскуток этот в тот же вечер изорван, и я не доискался его. Панихида и речь не произвели решительно никакого смятения, о чем засвидетельствует казанский полицеймейстер, который приехал на куртину тотчас после панихиды и застал совершенное спокойствие. Только после сплетни, которыми особенно отличается казанское общество, и исключительно сплетни отсталых и неблагомыслящих дворян разгласили разные нелепые басни. Например, недоброжелатели крестьянской реформы, вовсе не присутствовавшие на панихиде, не слышавшие моей речи и пившие, говорят, шампанское в дворянском собрании за убийство крестьян, разгласили, будто я взывал к ножам, будто я сумасшедший и т. п. Боже меня избави! Я против ножей-то, против крови-то народной и сказал речь. Я всегда твердил, что только мирным и разумным приложением к практике разумных и мирных

реформ можно и должно устранять кровавые стремления народа к свободе и улучшать быт народа, что кровавые революции, по моему глубокому убеждению, не в духе гуманизма и либерализма второй половины XIX века, что без развития историко-политического самосознания кровавой революцией мы не создадим народного самоуправления. Для устранения и обличения сплетней я написал снова на лоскутке краткий план сказанной мною речи для желающих знать смысл ее; лоскуток этот тоже где-то исчез, кажется, у студентов университета. *) На купцов, мещан, вообще на нисшие классы народа речь решительно не имела никакого влияния, да и неизвестна им вовсе.

По убеждению многих, куртинское событие обошлось бы без всяких последствий, не обеспокоило бы начальство, не завело бы, не усложнило бы делопроизводства, если бы эгоистические толки врагов крестьянской свободы не преувеличили его значения, если бы все участвовавшие на панихиде прямо, открыто, искренно высказали внутренние, нравственные мотивы происшествия, а не рассеялись бы от трусости напрасной, как иуды-предатели.

Я, с своей стороны, сознаю всю виновность своего увлечения перед правительством, чувствуя в то же время всю невинность, естественность его в своей совести. Судите меня за невольное, чистосердечное излияние чувства сострадания к несчастным убитым и их страждущим семействам.

Судите меня за то, что я сказал погребальную речь старым временам, когда сельский народ воспитывали в духе крепостного рабства, не подготавливали его к истинному пониманию свободы, оставив его самому себе в области умственной жизни, оставив блуждать во тьме невежества, довели его до непонимания царского манифеста и «Положения о крестьянах», довели до веры в своих ложных учителей свободы, до сотни разных расколов, которые, наконец, стали получать под формой религиозной—единственной популярной формой—характер политический, как, например, у бегунов, людей божиих и т. п.

Судите меня за то, что несмотря на всю забитость, деморализацию сельского народа, я верю в его практическую способность к общинно-демократической свободе, к общинно-демократическому народосоветию, о котором помышлял еще крестьянин Посошков: только бы благоуспешно и мирно осуществилось „Положение“! Судите, меня за особенную любовь к темному, но здравомыслящему, свежему, мощному сельскому народу, среди которого множество гибнет в глуши соломенных деревушек так называемых русским народом *самородков*, вроде Посошкова, Ломоносова и др.

Судите меня за историческое убеждение в том, что рано или поздно интересы наименьшего меньшинства—дворянства должны примириться с интересами многочисленного сельского народа, что иначе может повториться в ужасных размерах старинная кровавая борьба крестьянства с боярством, о которой так много ужасного говорят наши исторические акты с эпохи Грозного и Смутного времени и до Новгородского возмущения 1831 года и от которого—боже нас избави.

За вину своего увлечения я, по увольнении из Казанской духовной академии подвержен взысканию выданного мне Академией в течение четырех с половиной лет магистерского оклада (450 руб.), уволен от Казанского университета в Петербург для объяснения по делу о панихиде и речи и, в случае получения свободы, для занятия источниками русской истории в Публичной Библиотеке и в Археографической Комиссии. Вид на проезд дан был мне от университета за подписью попечителя учебного округа кн. П. П. Вяземского.

В заключение осмеливаюсь высказать несколько слов о крестьянских мыслях и желаниях по поводу спасского крестьянского кровопролития, характеризующих настроение крестьянских умов, хотя вполне сознаю, что это к делу моему не относится и я не имею права говорить за крестьян.

1) Крестьяне, сколько мне доводилось слышать по поводу безднинского дела, винят начальников за неисправное обнародование „Положения“. На пароходе „Самолете“, на котором я отправился в Петербург и был арестован в Нижнем, несколько торгово-промышленных крестьян, ехавших из Казани в разные нижегородские села, сидя за чаем, разговаривали о спасском деле, как слышали в Казани. Один из них степенной и умной наружности мужик, лет 45-ти, сидевший подле меня на скамейке, обратился сам ко мне и заговорил: „почтенный, нам все кажется, что тут начальники виноваты, не растолкуют явлено в чем мужики вольны, в чем не вольны, что-де в два же года нужно выбрать и устроить новые суды и порядки, а потом уже-де воля полная. Наш брат и 5 раз прочитает „Положение“-то, кто и знает грамоту, да толку никакого не возьмет. Купцы торговые и те не понимают, а мы, мужики, где поймем?

*) Этот лоскуток в 1862 году был обнаружен у семинаристов в Перми, во главе которых был Колетанский. Отобранный у него при обыске, он в копии был представлен жандармским полковником в III отделение вместе со стихотворением „А. П. Шапову“. (Архив III отделения, 1861 г., д. № 116, д. 130).

Читаешь: „условная работа“. Ну, что такое „условная работа“? Слово-то не по нашему мужицкому уму. Надо было начальникам-то раза четыре прочесть, да потом явлено растолковать. А начальники-то, становые-то инде пьяные читали, не толковали, а инде вовсе не читали. В некоторых деревнях—это я сам достоверно знаю—мужики слышали, что вышел манифест, от радости вели жеребят становым, чтоб растолковали им указ царской. Становые-то жеребят возьмут, да только и скажут мужикам: „живите по старому“, вот те и воля! Кругом говорили все: вольны, вольны, а тут говорят: живите по старому. В одной деревне мужики пришли к начальнику, спрашивали толку „Положения“, а он велел их выдрать; так и тут: не растолковали, да и убили мужиков. Эдак, пожалуй, всех станут бить“. Тут крестьянин Иван Васильев вздохнул тяжело и сказал: „нет, эдак-то их самих, начальников-то, перебьют: право, возьмутся за начальников и без пощады станут бить“.

Кто хорошо знает историю политических движений нисших масс русского народа, тот вспомнит, как эти буйные массы всегда кричали, когда бунтовали: „пойдем избивать бояр и начальних людей“.

2) Крестьяне и дворовые люди для избежания бунтов выражают желание подавать государю свои общинные прошения, в которых желают высказывать прямо свои нужды, желания, разные несправедливости и притеснения со стороны помещиков и чиновников. Только отчаяваются в доступе к государю. Эти областные общинные прошения были бы похожи на областные челобитные XVI и XVII веков, которые подавались московским государям целыми областными общинами через выборных „во всех место“, в которых изображалась во всей полноте и гласности областная правда и на основании которых издавались царские указы и грамоты.

3) Крестьяне желают, чтобы кто-нибудь, или лучше несколько человеколюбивых и просвещенных людей из их области сказали, или написали за них царю слово правды. Застененные в отдаленных провинциях чиновничеством и помещиками, они возлагают все свои надежды на государя царя, которого безмерно любят, как истинного, народного отца.

Преподаватель Казанского Университета *Афанасий Щапов*.

8 мая 1861 г.

Помета: „Доложено Е. В. 12 мая“.

Письмо А. П. Щапова Александру II.

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь! По поводу несчастного крестьянского события в Бездне много дум, много чувств и желаний пробудилось в моей душе, и во главе их—одна основная дума: о быте и судьбе русского народа в провинциях широкой империи вашего императорского величества. Примите великодушно, всемилостивейший государь, хоть не полную, но чистосердечную исповедь моих убеждений и желаний не как политический адрес—о чем боже избави меня и помыслить,—а просто как прямодушное, верноподданнейше-искреннее письмо к любвеобильному отцу народа, который требует от верноподданного прямоты слова, искренности чувства, благонамеренности желаний и действий. Я чувствую внутренний порыв только высказать свои мысли и желания, а не развивать подробные реальные планы и проекты реформ, что не по моим способностям и знаниям и не мое вовсе дело. Убеждения и желания, какие я хочу высказать вашему императорскому величеству, накопились в душе моей вследствие изучения внутренней областной истории русского народа и долгой думы о его, большей частью, грустном провинциальном быте.

1.

Всемилолюбивейший государь! Горький опыт показывает, что крестьяне не понимают свободы в тех обязательных ограничениях, какие установлены „Положением“ о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Они жалуются, что без толкования, как люди темные, неученые, они не могут понимать „Положения“. Следствия этого непонимания печальные, как показал несчастный случай в Бездне и как можно судить вообще по толкам народным. Откуда же эта невозможность понимать „Положение“ вашего императорского величества? Ясно, что от невежества, непрósвещения сельского народа. Значит, вместе со свободой нужно спешить скорее распространять в сельском народе просвещение, без которого свобода не только непонятна для крестьян, но может быть и мало производительною и во зло осуществляемою. Как же скорее распространять вместе с осуществлением „Положения“ о свободе грамотность и просвещение? Очевидно, нужны училища. А как же скоро и повсюду, по волостям и селам, основать училища, где набрать учителей, книг, и каких?

„Положением“ между прочим вменяется сельским обществам в обязанность устроить школы. Нельзя-ли, в. и. в., призвать на помощь крестьянам в этом великом деле и весь прочий русский народ за то, что он питается земледелием крестьян, охраняется их сыновьями и родственниками, управляется на счет их податей, обстраивается их руками, тянет материалы и предметы промышленности и торговли на Волге лямкой бурлаков-крестьян и пр.? Нельзя-ли воззвать народ к учреждению во всех губерниях, в главных губернских городах *областных обществ сельских училищ*, на счет земского всеобщего сбора? Можно положительно сказать, что образованные классы народа и купцы русские, большей частью происшедшие из крестьян, притом многие из крепостных, и в истории нашей показавшие хоть немногие, но уважительные примеры учреждения училищ для крестьян на свой счет, первые с сочувствием отзовутся на посильные и на щедрые пожертвования в областные банки сельских училищ по первому воззванию в. и. в. Найдутся во всех провинциях люди просвещенные и человеколюбивые, которые на правильных и твердых началах устроят систематическую организацию и состав областных обществ и банков сельских училищ. А мы, ученые—профессоры и преподаватели, учившиеся благодаря особым сословным правам и привилегиям (или капиталам родителей) в гимназиях, университетах и академиях на счет народа, мы даже обязаны платить подати на сельские и вообще народные училища из своего жалованья, которое тоже исходит от народа.

Областные общества сельских школ, при посильном содействии самих сельских обществ могли бы: 1) устроить училища, как для мальчиков, так и для девиц крестьянских, по селам—первоначальные, элементарные, по волостным центрам—общие для всех волостных сел и деревень, высшие или специальные, сельско-хозяйственные реальные школы и педагогические для образования сельских учителей, 2) основать особые педагогические училища в губернских и уездных городах для приготовления сельских учителей из сельских грамотников, влиятельных на народ, или, по желанию и выбору—способных к тому людей из других сословий; 3) издавать учебники и популярные книги, именно: по сельскому хозяйству, приспособительно к местности, по сельско-хозяйственной механике для приучения к устройству и починке искусственных сельско-хозяйственных орудий и машин; по ботанике и зоологии, применительно к местности и крестьянским нуждам и для ознакомления воспитанников между прочим в зоологии—с физиологическими началами рационального воспитания и употребления домашних животных, в ботанике—не только со всеми земледельческими, но и с лекарственными растениями, к разведению которых необходимо даже приучать крестьян; по физике, преимущественно раскрывая те стороны предмета, которые играют важную роль в современных открытиях и изобретениях, и которые необходимы для рассеяния крестьянских предрассудков и суеверий относительно природы и, в частности, по земледельческой климатологии и метеорологии; по географии и истории, преимущественно русской, обращая особенное внимание на историю сельского народа в связи с городским и на сельско-хозяйственную и торгово-промышленную географию России; по технологии и химии, приспособительно к сельскому хозяйству; по законоведению, преимущественно относительно крестьян; по нравственно-христианскому учению, не искореняя при этом, а облагораживая и возвышая природные сельско-русские нравы, обычаи и привычки, не противоречащие просвещению; по словесности русской, преимущественно народной, и по другим наукам, нужным и полезным в сельском быту.

Наконец, общества могли бы отправлять за границу даровитых крестьянских детей, или привыкших к дальним отлучкам способных молодых крестьян с руководителями для ознакомления с устройством, приемами, способами, орудиями и машинами заграничного сельского хозяйства.

Для училищ крестьянских девиц общества народных школ так-же могли бы образовывать учительниц из крестьянских же девиц или из желающих из других сословий, например, из сирот, из дворянок, имеющих сельские земли. Учительницы эти, кроме преподавания элементарных знаний и нравственно-гуманных начал воспитания общих с мальчиками, учили бы девиц домохозяйству, разным мастерствам, садоводству и цветководству для умягчения и облагораживания чувств и вкуса будущих воспитательниц молодого крестьянского поколения, смягчали и гуманизировали бы их семейные отношения и привычки и обращение в обществе, не искореняли, а облагораживали бы невинные сельские увеселения, например, хороводы—эти живые поэтические картины естественной социальности и сближения полов смелоду для здорового увеселения среди леса, среди зелени.

Я невольно увлекаюсь, всемилолюбивейший государь, этою здоровою, свежою натуральностью сельских нравственных начал, потому что боюсь о их неразвитии, необлагораживании просвещением... А сколько бы свежих, здоровых мощных, творческих сил ума, энергии, практичности, изобретательности, здравого смысла и даже гениальности, оригинальных начал искусства, поэзии и слова русского внесли в

общую сумму умственного капитала и производительности русского народа эти многочисленнейшие и разнообразные в этнографическом отношении сельские массы народа, если бы в одно время с признанием их политических прав и улучшением быта, училища по всем провинциям, волостям и селам сзывали их молодые поколения к просвещению! Тогда бы не только земледелие и разная сельская промышленность стали рационально и наиболее производительно развиваться, не только скорее сблизилась бы ценность сырых сельских материалов с ценностью обработанных продуктов из них, и из сел стали бы развиваться города естественным, свободным фабрично-промышленным путем. Тогда бог дал бы нам целый ряд таких самородков, как Посошков, Ломоносов, Кулибин, и еще лучших. И русские скорее сами стали бы отличаться изобретениями вроде паровозов, железных дорог и телеграфов.

Просвещение по естественному праву должно быть всенародное, должно быть неотъемлемым достоянием каждого человека в обществе, как и ум—неотъемлемая принадлежность каждого человека. Училища должны быть также в каждом селе, как и церковь и хлебные магазины и мирские избы. А у нас просвещение и училища составляют еще какую то кастальную монополию городских корпораций, самых малочисленных привилегированных сословных каст. Огромное большинство народа доселе лишено было не только средств, но большей частью даже и самых прав на просвещение. Из 70 миллионов жителей России умеющих читать едва-ли наберется больше 4 миллионов. Просвещение преимущественно сосредоточено в городах. Но и в городах, в пяти с половиной миллионах жителей, гораздо больше половины еще не знают грамоту, а в селах и миллиона, кажется, не насчитается грамотных.

Между тем сколько дарований, чувствующих благо просвещения, гибнет в глуши сел и деревень, особенно в отдаленных провинциях. В Сибири я встречал между крестьянскими парнями и девицами, в глуши залесных деревень, замечательные примеры даровитости. И по собственному и по наблюдению других знаю, что дети крестьян и вообще рабочего класса, если попадали в училище, то по большей части оказывались полновеснее головой и дельнее по занятиям многих папенькиных и маменькиных сынков.

В нравственном и политическом отношении вековое лишение сельских масс народа просвещения, оставление его самому себе, на произвол доморожденных грамотников сопровождалось своеобразными суеверно-религиозными и мистико-демократическими учениями. Со времени Петра Великого до императора Александра благословенного, не исключая и комиссии народных училищ, учрежденной императрицей Екатериной II, ничего не сделано было для просвещения сельских масс. И сельский народ через все XVIII столетие и первую половину XIX-го перенес в своих верованиях, понятиях и образе жизни то же невежество, тот же мифологический образ мировоззрения, то же суеверие, с какими он был в древней России. Оставленный самому себе в области умственного мрака, преданный исключительно влиянию своих грамотников, он с половины XVII столетия предан разным своим суеверным учениям и толкам, которые затмили и затмевают доныне умы большей части сельского народа. А когда на сельские массы народные налегло всею тяжестью много-сложное и разнообразное тягло правительства по случаю преобразования Московского Государства во Всероссийскую Империю и возложена была преимущественно на сельский народ вся механическая работа в деле громадных радикальных реформ Петра Великого, когда настали почти ежегодные (а иногда и двукратные в год) рекрутские наборы, поглотившие в одной великой России с 1718 г. в течение 50 лет 1.132.000 рекрут, т. е. 6-го человека из положенных в подушный оклад, и в какие-нибудь 5 лет в начале царствования Екатерины II в семь наборов—327.000 человек кроме церковных прочетников, когда бирюшчина изгоняла из России многие тысячи народа, когда усиливалось крепостное право, возрастали до обременительности государственные подати и налоги, а в провинциях господствовал деспотизм военного начальства, тогда беглые солдаты, крепостные, крестьяне, не хотевшие или не могшие платить податей, стали проповедывать самые злые мистико-демократические учения, вроде учения бегунов, ниспровергавшего и доныне ниспровергающего в апокалипсических формах весь государственный порядок России, развившийся со времени Петра Великого, начиная от самодержавия и Государственного Совета и до последнего суда. И темные сельские массы увлекались и увлекаются этими учениями.

Вот что сделало оставление сельского народа в умственной жизни самому себе среди одних тяжелых работ, податей и повинностей, рабства и угнетения. Эта горькая ошибка старых времен теперь может искупиться только дарованием народу гуманного просвещения вместе с удовлетворительной для него благоустроенной свободой.

Мысль о сельских школах невольно наводит и на мысль о городских учебных заведениях. С примирением интересов дворян с интересами крестьян, с предпринимаемыми реформами духовно-учебных учреждений, с сильным приливом в университеты воспитанников из всех сословий приходит, кажется, пора положить предел сословному раз'единению земства, народа—какого разобщения не было в древней России. Развившись со времени Петра Великого, оно дошло до кастальной разрозненности и даже взаимного антагонизма сословий, чрезвычайно мешающего общему дружному стремлению к общественному благоустройству. Учреждение бессословных низших земских или народных училищ в городах, соединение семинарий с гимназиями в качестве средних бессословных народных училищ, или же безразличное свободное поступление по свободному желанию и выбору детей духовного звания в гимназии, а светских—в семинарии, которые непременно должны быть преобразованы сообразно с общественными потребностями, введение богословских факультетов в университетах, с уничтожением в таком случае духовных академий, или же рациональное преобразование нынешних духовных академий в общенародные богословские факультеты доступные для всякого желающего в них учиться без различия сословий; наконец,—свободный выбор духовного служения, равно позволенный как детям духовного происхождения, так и мирянам, получившим богословское образование и чувствующим призвание к духовному служению, что предлагал еще Волинский (кабинет-министр при императрице Анне Ивановне),—все это могло бы, кажется, мало-по-малу объединить сословия, уничтожить их кастальную разрозненность. И духовные и светские науки стали бы развиваться дружнее, взаимно-вспомогательнее и полнее, без того духа нетерпимости, исключительности, даже вражды, который доходит иногда в духовных науках до ультра-монтанского фанатизма и ригоризма в отношении к университетским наукам, а в университетских—до презрения к духовным наукам.

Принужденное, сословно-кастальное, замкнутое образование, основанное на родовом, наследственном начале, составляет одну из главных причин недостатка ревностных, глубоко убежденных, неизменно верных своим обязанностям деятелей в жизни, в различных сферах общественной службы. Напр., сын священника или дьячка по заведенному обычаю, по закоренелому желанию отца или по принудительному приказу через благочинного, отданный в семинарию, там обнаруживши способность только к какому-нибудь ремеслу, например, все учебное время шивший за классной партой сапоги или брюки, очевидно—является худым попом. Студент, посланный правлением семинарии в духовную академию против воли или сам собой, в академии почувствовавший больше любви к историко-филологическим или другим каким-нибудь университетским наукам, чем к богословским, что ныне бывает сплошь и рядом, такой студент, очевидно, не может быть усердным, трудолюбивым и исправным учителем какой-нибудь богословской науки в семинарии, не идет ни в священники, ни тем более в монахи, и скоро выходит на светскую службу или даже в купцы.

Полный цикл учебных учреждений для бессословного образования просвещенных граждан и людей с правом свободного выбора различных сфер общественной жизни, службы и деятельности мне представляется в такой естественной последовательности. Первую степень составляли бы первоначальные, общесословные приходские училища во всех губернских и уездных городах. Здесь пробуждались бы и гармонически развивались бы душевные способности мальчиков, сообщались бы начала гуманного развития, человечности и преподавались элементарные, необходимые всякому человеку знания: грамматика, арифметика, знание главных истин христианского учения, преимущественно нравственного, знание главных обязанностей гражданина, знание главных начал физики, естественной истории, географии, истории, преимущественно русской, словесности, искусства и поэзии и проч.

Между прочим, в этих первоначальных училищах обращалось бы внимание на преобладающие способности и наклонности детей, если бы они обнаруживались. Затем, несколько развитые уже воспитанники без сословного различия могли бы по своим способностям, по собственному ли влечению и выбору, или по руководительному указанию родителей и наставников поступать в общесословные училища второй степени: одни, кто пожелает, в общесословные гимназии для получения классически-цельного, энциклопедического научного образования, необходимого для приобретения общественного значения в частной или гражданской службе и деятельности; другие могли бы свободно поступить, кто пожелает, без различия сословий, в общесословные семинарии, если бы они не были соединены с гимназиями, для приготовления к духовному сану или к духовной учебной службе; третьи—в различные практические реальные училища: коммерческие, ремесленные, механические и проч., которые должны быть учреждены во всех губернских и уездных городах параллельно с общесословными гимназиями и семинариями, сообразно с естественным, свободным, а не

кастально-сословным разделением свободного труда и согласно с разнообразием практических человеческих способностей и житейских материальных потребностей общественной гражданственности.

Наконец, высшую окончательную степень народно-образовательных учреждений в главных губернских городах составляли бы общесословные университеты и общесословные духовные академии, если бы они не были соединены с университетами, и общесословные высшие реальные институты, которые бы сосредоточивали в себе все средние реальные школы, с разделением на факультеты: коммерческий, ремесленный и т. д.

В средних и высших учебных заведениях для побуждения воспитанников к серьезной, основательной подготовке к общественной службе и деятельности, к неизменной верности началам просвещения в жизни, к твердому и неуклонному исполнению общественных обязанностей полезно было бы, кажется, усилить конкуренцию на выгодные и почетные места, права и привилегии, с условием выдержки строгих окончательных экзаменов, и ввести гласную публикацию от советов учебных учреждений перед обществом об особенно даровитых и трудолюбивых воспитанниках, обещающих хорошие плоды на поприще общественной деятельности и про¹. и наоборот.

В высшей степени желательно и необходимо умножение университетов в России, которые со временем, мне кажется, должны быть в каждой провинции так же, как в каждой губернии нынче есть губернские правления и другие присутственные места. Некоторые провинции уже довольно давно выражают гласно свою нужду в университете. Например, в восточной Сибири чрезвычайно нужен университет в Иркутске и по отдаленности от русских университетов и по причине весьма сильного стремления к просвещению не только детей чиновников, купцов, мещан, но и бурят — племени весьма смышленного, из которого вышел известный ученый Банзаров; дети бурят весьма хорошо учатся в семинарии, в гимназии, даже в университете. Основание университета в Иркутске «было предположено», как писали в «Московских Ведомостях» еще в 1855 году. В газете «Амур» писали, что мысль об университете занимает не только общество иркутское, но и начальство. Есть, говорят, уже и пожертвования порядочные на университет (от Демидова 10.000 рублей).

3.

Всенародное образование необходимо для того, чтобы из всей массы народа выходили на поприще общественной службы и деятельности люди избранные по дарованиям ума, по просвещению, по честности, по глубине, истинности и твердости убеждений, и эти только избранные люди стояли во главе народного управления, суда, просвещения и порядка. История русского народа в нашем сердце питает веру и надежду, что рано или поздно для русского народа должна наступить пора политического самосознания, и за ней — политического самоуправления. После дарования политической свободы и самоуправления крепостному сельскому народу, кажется, уже не преждевременно будет заботиться вместе с умственным и нравственным сближением сословий в интересах общего просвещения и о политическом объединении их *) и о постепенной правительственной подготовке их к представительству своих интересов.

Всемилодивейший государь! Верноподданнейше прошу в. и. в. великодушно выслушать, если я откровенно выскажу не новую и не свою исключительно мысль, внушенную мне историей, а довольно давнишнюю и общую в образованных классах. — мысль о желаемом народном контроле над провинциальным губернским управлением. С тех пор, как только учреждены были в эпоху развития московской централизации приказные власти в присоединенных к Москве областях, с тех пор до XVIII века областные общины громко и смело протестовали против установления приказного начальства, гласно, откровенно изображая все его насилия и стеснения для областной местной жизни то в общинных челобитных своих, то на земском соборе, то в бунтах, которые обнаружались почти во всех городах XVII века и направлены были против «начальных людей», против наместников, волостелей (в XVI в.), воевод и приказных людей (XVII в.). Многие городские и сельские общины выпросили себе уставные грамоты на право удаления приказных властей и на установление избранных выборных земских голов. На Азовском соборе 1642 года купцы сильно протестовали перед царем против воевод, говорили, что прежде их в городах не было, посадские и торговые люди сами судились меж себя, и оттого в торговле не было той остановки и убытков, какие везде производили воеводы. В конце XVII в. особенно ужасны были вопли народа против областных начальных людей. В XVIII в.

*) Далее следует зачеркнутое слово «сословий».

учреждения для управления губерний, начавшиеся с 1708 года, постоянно переменявшиеся с чрезвычайной запутанностью до 1775 г., до «учреждения для управления о губерниях» Екатерины II, также не внесли в провинции надлежащего народного довольства и благоустройства, как видно из жалоб самой императрицы Екатерины, из записок Щербатова и Державина, и к началу XIX столетия уже оказывались неудобными, требовали перемены.

Государственный канцлер граф Воронцов в «Примечаниях на некоторые статьи, касающиеся до России», представленных императору Александру Благословенному, писал: «решилась императрица Екатерина внутреннему управлению дать некоторым образом новую форму, издав учреждение для управления губерний. Нельзя не признать, чтобы оно не шло (хотя несколько и излишних судов наделано было) на внутренние российские губернии, где многого не доставало; но едва-ли была нужда распространять оное на присоединенные и завоеванные нами провинции, кои имели у себя более устройства, нежели внутри России, или на азиатские, коим по пространству земель их и по образу жизни и нравов тамошних жителей таковое управление несвойственно и неудобно. Но сие учреждение о губерниях стало уже весьма ослабевать в последние годы самой учредительницы оного. Непомерная роскошь, послабление всем злоупотреблениям, жадность к обогащению и награждения участвующих во всех сих злоупотреблениях довели до того, что и самое учреждение о губерниях считалось почти в тягость, да и люди едва-ли уже не желали в 1796 г. скорой перемены. В 1818 году министр внутренних дел Козодавлев в записке своей, поданной императору Александру Благословенному, мрачными чертами описав самовластие начальников губерний, особенно в отдаленных провинциях, предлагал мнение, чтобы ограничить самовластие начальников губерний губернскими магистратами или городскими правительствами, ссылаясь при этом на благодетельные опыты таких учреждений в Европе.

Не может-ли быть принято во внимание, всемилостивейший государь, это мнение министра Козодавлева и ныне, чтобы публика больше не потешалась в литературе такими произведениями, как «Ревизор», «Губернские очерки», «Полицеймейстер», чтобы новый генерал-губернатор, подобно графу Амурскому, не помышлял воцариться в восточной Сибири, как гласит иркутская летопись о его деяниях, чтобы предводители губернского дворянства, головы дум не тягались с губернаторами.

Если еще не пришло время для полного областного самоуправления, основанного на начале местных боссословных выборов в общественные должности начиная с губернатора до последнего полицейского и гарантированного круговой порукой,— то, кажется, возможно уже в параллель сельским и волостным сходам учреждение городских депутатских собраний или всегородных, всесословных дум, где бы выборные советники или депутаты были от всех городских обывателей, от дворянства, от ученого сословия, от купечества, от мещанства, от ремесленных классов, от духовенства. Этим городским правительствам или Думам принадлежал бы контроль над административною, судебною и полицейскою распорядительностью и деятельностью губернских учреждений, над исполнением ими законов, над сбором городских податей и отправлением повинностей; принадлежала бы инициатива в деле общественных городских улучшений и полезных для городов предприятий, в распределении городских сумм с точным сообразованием предметов городских бюджетов с местными жизненными обстоятельствами и потребностями, при публичных прениях и отчетности о городских суммах, высшая ревизия которых принадлежала бы отчетности министерства внутренних дел и проч. Права, пространство и правила деятельности всегородных дум или собраний определились бы в точности при самом учреждении.

4.

Даруйте мне, всемилостивейший государь, еще великодушного снисхождения. Не могу не высказать и другое мое историко-политическое мнение об областном общественном благоустройстве.

При громадной обширности Всероссийской Империи, при географическом и особенно этнографическом разнообразии и отдаленности многих провинций,—не скоро и не во всей полноте и правде доходят длинным бюрократическим путем, а иногда и вовсе не доходят до сведения в. и. в. известия о несчастных провинциальных событиях, о страданиях, нуждах и желаниях народа. А когда дойдут эти известия до сведения вашего, то большей частью уже предварительно на бюрократических путях и переходах запутаются, исказятся, усложнятся хитросплетенным делопроизводством так, что нужна ревизия за ревизией, которую, ожидая недели две или месяц, провинциальные бюрократы, руководясь инстинктом самосохранения, враждой или дружбой, или подкупом, еще более замаскируют подлинное дело, хотя бы оно вопияло к небу за кровь народа. „Стон и слезы жителей отдаленных провинций, страдающих

от самовластья начальников губерний,—писал министр Козодавлев в вышеупомянутой записке,—не слышны в столице, а когда услышатся, тогда страждущие уже изнемогут в страдании“.

Провинциальный народ, удаленный и заслоненный от престола правосудия, благодати и милосердия непроходимыми путями провинциальных бюрократических инстанций и неприступными преградами в столице, бедный народ отчаявается в доступе к единственному защитнику государю с самой вопиющей правдой. Один крестьянин мне говорил: „ах, если бы бог привел кому-нибудь, хоть тебе, сказать царю за нас хоть одно словечко: дай ты, господи! Да где, поди недопустят; кабы много вас было. так, пожалуй, мы бы и обществом подали прошение царю, да где... все боимся, говорить-то не велят“. Сколько раз в провинциях повторяется пословица при виде вопиющих несправедливостей: „до бога высоко, до царя далеко“!

Всемиловитейший государь! Как бы убавить в глухих захолустьях отдаленных провинций вздохи и стоны разоряемых от грабежа сильных, обидимых и беззащитных на суде, в присутственных местах, в барских дворах, беспомощных, в болезнях и нищете умирающих с голоду.... Как бы сделать так, чтобы какая провинция о чем болит, та о том и говорила бы?

История русского народа; родная наша учительница, подсказывает мне один опыт наших предков, который уважали государи цари Иван Васильевич Грозный, Михаил Феодорович и Алексей Михайлович, опыт областного народосоветия перед царями, который, кажется, не худ был по своему принципу и практическому значению. Именно царь Иван Васильевич Грозный в борьбе с боярством и олигархическим вельможеством, вследствие жалоб областных общин на наместников и волостелей, уважая голос их и старинную привычку к земско-областному самоуправлению, дал многим областным общинам, городским и сельским вместе, „уставные грамоты“, которыми, согласно с их просьбами, подробно определялись выбор, права и обязанности „излюбленных голов“, старост и судей, „кого меж себя излюбят и выберут“. Общины эти после того жили спокойно, при новых царях просили подтверждения уставных грамот. Потом, в смутное время, когда произошла, по выражению актов, „рознь всех великих царств и государств великого Московского царствия“, в каждой областной общине по старинному обычаю происходили местные „земские советы“, состоящие из городских и волостных людей вместе.

Эти областные земские советы спасли Россию от распада и гибели, порешивши все единогласно быть всем областным общинам, по подлинным их выражениям, как „господам и братьям, в любви в совете и в соединении“ и „стоять за едино обще“ против польских и литовских людей, против олигархических притязаний бояр и против буйных военно-демократических стремлений казаков. По общему решению областных земских советов явились, по выражению актов, „в сходе все города“ под Москву, и на великом Московском земском соборе 1613 года через выборных лучших и разумных людей всяких чинов, не исключая и мурз татарских, избран был царь Михаил Феодорович, как сказано в актах, „всею землею“ по записи, какая учинена „по совету всей земли“. Из областных общин, от местных земских советов посылались по вызову царей и по совету московских бояр и духовных властей „выборные, добрые и разумные лучшие люди всяких чинов“ в Москву на земские соборы для совещания об общих земских делах всех областей. На этих соборах народ, чрез избранных своих представителей высказывал царям всю областную правду. Особенно замечательны практически-здоровыми, прямыми, коротко-ясными и безбоязненно-беспристрастными речами и советами различных областных выборных земские соборы 1642 и 1649 годов.

Всемиловитейший государь! Если в „Положении“ о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, восстанавливаются древние начала устройства вольных сельских обществ и волостей, господствовавшие в эпоху свободного перехода крестьян, восстанавливаются древние сельские и волостные сходы, уставные грамоты землевладельческие, вольные переселения и колонизация на льготе и с подмогой, то не заслуживают-ли восстановления древне-русские областные всесословные земские советы и центральные земские соборы? Англия сохранила же средневековые начала и формы своих свободных учреждений, которые, очистившись, окончательно организовавшись в революцию 1688 года, теперь составляют незыблемую основу ее политического прогресса.

И наши областные советы и центральные земские соборы, которые также назывались и советами, сохраняя только принцип, данный естественно-историческою, природною жизнью нашего народа, могли бы организоваться не в грубых формах XVII века, а по стройному, систематическому плану просвещенного правительства XIX столетия. Они могли бы существовать или в форме временных собраний областных депутатов (депутатских собраний) по призыву государя, или в определенные сроки в год, или в качестве постоянных институций. Выбор депутатов на областные

советы должен быть местный в каждом областном городе, в каждой области, и должен быть основан на идее представительства всех интересов—землевладельческих, сельских, купеческих, ремесленных, ученых, духовных и проч. Выбор депутатов в центральные земские советы и соборы должен принадлежать областным советам.

Областные земские советы обсуждали бы дела, нужды и потребности местного народонаселения, имели бы народный контроль над действиями областного управления, суда и полиции, обсуждали бы и приискивали меры к улучшению экономического, умственного и нравственного быта областного населения, сообщали бы материалы и данные для законодательства самодержавной власти относительно своей области, распределяли бы по писцовым и окладным книгам по количеству поземельной собственности, промыслов, угодий и проч. подати, имели бы инициативу в распределении и употреблении областных доходов на местные нужды, представляли бы областные сборы на общие государственные потребности в центральные места и проч.

Центральные земские советы или соборы обсуждали бы общие дела государства, представляли бы интересы и нужды провинций, давали бы отчет государю об областных сборах, бюджетах, сообщали бы материалы для общего законодательства, обсуждали бы вопросы о путях сообщения, о провинциальном направлении железных дорог и телеграфических нитей, об устройстве войска и т. п.

В способности крестьян, ремесленников и вообще рабочих классов к представительству своих интересов нельзя отчаиваться. Везде найдутся такие крестьяне и ремесленники, которые умнее, практичнее, яснее иного ученого выскажут интересы своей братии, своего быта, глубоко прочувствованного, горько пережитого. Да и собственные их интересы побудят их учиться и приготовляться к представительству в советах. Сельские и волостные сходы также могут быть предварительной практической подготовкой крестьян к представительству на областных советах и земских соборах. Впрочем, за нисшие, непросвещенные классы народа на первых порах могут быть представителями и люди проевещенные, которые бы непосредственно входили в быт и нужды народа, которому служили бы.

5.

При всенародной нужде в капиталах для оживления и усиления экономического развития провинций, распределения в массах производительности, богатства и благосостояния необходимо основать областные земские банки или кредитные компании, общинные, всесословные, где могли бы быть все вкладчики и все заемщики, и производительность и погашение ссуд гарантировались бы местною общинною круговою порукою. Еще знаменитый Мордвинов признавал необходимым учреждение земских или частных банков в главных провинциальных городах. Областные земские банки содействовали бы усилению в провинциях производств, улучшений и предприятий торговых, заводских, фабричных, земледельческих, ремесленных, общественно-образовательных; давали бы средства к нахождению и разработке местных материалов, вызвали бы много новых деятелей богатых знаниями, силами, духом предприимчивости и деятельности, которые теперь, за отсутствием средств, остаются в недейтельности, или имеют деятельность мало производительную в ущерб народного обогащения. Областные банки помогли бы крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, выкупить усадьбы и земли, помогали бы уплачивать государственные подати, улучшать земледелие введением искусственных орудий и машин, умножением хозяйственных растений и доброкачественным производством их.

Областные банки устранили бы неудобства и непомерной экономической централизации, господствующей у нас. Централизация капиталов, кредита и вместе с тем способов производительности и благосостояния областных масс парализует силы местного труда, останавливает живое, свободное и всестороннее развитие экономического благосостояния провинций и вообще оказывается неудобной и вредной для провинций; как показал опыт централизации поземельного кредита во Франции, после слияния департаментских кредитных компаний с центральным привилегированным парижским банком (Crédit foncier de France), и как находят добросовестные современные экономисты, напр., Горн. Напротив, при локализации кредита провинциальные банки, стоя и действуя посреди сельского и городского народонаселения, быстро мотивировали бы вперед развитие местных экономических сил и данных, в своих операциях и принимали бы в уважение все местные и личные обстоятельства производительного или непроизводительного употребления занятого в банке капитала, что весьма важно для гарантии уплаты долга кредитному учреждению и для поддержания и развития областного кредита.

6.

Всемилоостивейший государь! Наконец, и темная жизнь провинциальная и

мысль народная просится к свету, к гласности, к свободе слова и печати. Необходимость и пользу гласности для общества и для правительства не нужно доказывать: она очевидна. Нужду в гласности начинает чувствовать даже и простой народ. В Казани я слышал, что и дворовые собирали факты об обидах и несправедливостях помещиков, чтобы сделать их гласными. Знакомые мне купцы с радостным сочувствием отзывались о зачатках гласности в журналах и газетах. Во время Пасхи несколько купцов в гостиннице спросили «Казанские Губернские Ведомости». Один из них на требование их заметил: «да что тут читать, небось про то не напишут, как в Бездне мужиков расстреляли, али как губернатор...» и проч. Разумеется, по неразвитости сознания и понятий в массах, гласность должна иметь известные пределы, именно: относительно христианской веры и церкви и монархического государственного устройства.

Нельзя-ли, в. и. в., сделать так: учредить в собственной е. и. в. канцелярии особый цензурный комитет, или одного цензора, и дозволить представлять туда, на имя в. и. в. все сочинения и статьи либерально-политические, касающиеся преобразования государственного порядка в России, или тех или других сторон его, все либеральные планы и проекты, все публицистические статьи, касающиеся церковных и политических реформ в России. Секретное представление либеральных сочинений о России на имя в. и. в., в собственную е. и. в. канцелярию устраняло бы возможность их распространения в массах, неподготовленных к ним. давало бы мирный и отрадный исход политической мыслительности в России. Между тем сочинения такого рода могли бы быть с пользой принимаемы в соображении и в деле правительственных реформ. Затем—уничтожить цензуру, дозволить полную гласность и свободу печати; всякое сочинение, всякую статью предоставить на личную ответственность самого автора.

Всемиловейший государь! Не смею более распространяться. Сознаю, чувствую, что я утрудил внимание в. и. в. и, быть может, оскорбил убеждения вашего государственного ума тем, что высказал, может быть, много неразумных, ошибочных, непрактических своих убеждений и желаний. Верноподданнейше прошу всемиловейшего прощения во всем. Высказанных убеждений я никому не желал навязывать, нигде не распространял, а дерзнул выразить только пред отечески-снисходительным вниманием в. и. в., как прямодушный верноподданный. Да не будет сказанное мною в суд и в осуждение мне, сказанное от прямоты души из глубокого желания улучшить быта всего народа.

Всемиловейший государь! Верноподданнейше прошу еще раз: великодушно даруйте мне прощение и свободу для мирного, скромного занятия наукой в каком-нибудь уголку в С.-Петербурге для напечатания сочинений, для приобретения, содержания, которого я теперь лишился с удалением от должностей до нищеты, и для излечения болезни, меня мучащей. Милосердо даруйте мне прощение и свободу, всемиловейший государь, если не для меня самого, то для помощи моим старым родителям: отцу—65-летнему пономарю, матери—крестьянке родом, 67-летней старухе, четырем бедным сестрам.

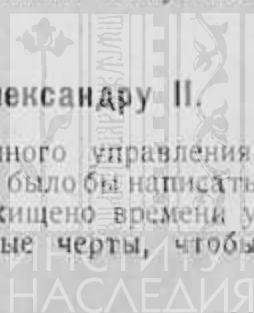
Теперь я мучусь желанием выработать что-нибудь для бедных родителей. Да сбудутся хоть некоторые мои добрые думы о русском народе и слова моей матери-крестьянки, которая, со слезами напутствуя меня из далекой за-ленской деревушки в Россию своим благословением, крестиком да самодельной толстой холщевой рубашкой с мотком ниток и иголкой, да маленьким отрубком кирпичного чая, с горькими слезами сказала мне в последний раз: «думай, Шонюшка, добро; делай добро; добро и будет».

В. и. в. верноподданнейший *Афанасий Шапов.*

Собственноручная заметка Александра II от 21 мая 1861 г.: «Замечание Шувалова совершенно справедливо. Все это доказывает какие в нем преобладают мысли, и что за ним придется зорко следить, когда сочтем возможным выпустить его на свободу.

Мнение митрополита Филарета о письме Шапова к Александру II.

Письмо сие содержит проект преобразования государственного управления. Чтобы рассмотреть сие сочинение во всех его частях, необходимо было бы написать более 14 листов, на скольких оно написано. Много было бы похищено времени у пишущего и читающего. Не будет-ли довольно указать некоторые черты, чтобы видна была птица по полету?

1. Прежде всего он обращает внимание на образование крестьян и требует „областных обществ сельских училищ“... *) Блестящий, но не скоро уловимый для практики идеал—крестьянский сын, воспитанный податями ученых, под руководством гувернера странствующий по Европе и потом возвращающийся в отечество, чтобы с иностранными приемами взяться за русскую соху и борону, за невозможностью приобрести иностранные земледельческие орудия и машины.

2. Преобразователь жалуется, что много людей „поглотили“ рекрутские наборы. Но он не открывает способов, как обойтись без них. Или он думает, что рекрутские наборы не нужны будут, когда крестьяне будут грамотны и узнают иностранные земледельческие приемы.

3. От сельских перешед к городским училищам, преобразователь определяет три степени их. Для первоначальных приходских училищ назначает он следующие предметы: „граматику, арифметику“... **). Так щедро преобразователь наделяет знаниями ученика приходского училища. И если бы это удалось ему, то нужно-ли было бы идти в гимназию?

4. В училищах высшей степени преобразователь открывает между прочим „факультеты коммерческий и ремесленный“. Это очень ново. По этому будет факультет: прядильный, ткацкий, кузнечный, столярный, сапожный и пр. Неужели, например, факультет исторический, которому, кажется, усвоит себя г. Шапов, согласится дать свое ученое и почетное наименование столярному и сапожному ремеслу. Как факультет обыкновенно дает ученые степени: то факультет ремесленный не будет-ли производить кандидатов и магистров столярного или сапожного ремесла?

5. Шапову хочется погрузить духовные училища в слишком разнотехническую массу светских училищ, может быть, потому, что он не находит в духовных училищах „демократического учения“, которое мечтает видеть даже в евангелии, и которое желал бы привить готовящимся к служению церкви посредством обучения в светских училищах.

Скажем к слову, что истинно разумеющие евангелие никогда не находили и не найдут в нем демократического учения. Не демократические следующие слова христовы: воздадите кесарева кесареви (Мат. XXII, 21) Апостолы, без сомнения, вернее разумели учение христово, нежели мудрователи, родившиеся через 17 столетий после апостолов. Но, конечно, не демократические следующие слова апостольские: повинися убо всякому человеку начальству господу ради, аще царю, яко преобладающе, аще ли князем, яко от него посланным (Пет. II, 13, 14.); от него, а не от народа поголовными голосами. „Бога бойтесь, царя чтите“ (17). Христос спаситель создал церковь, а не государство; иерархию, а не демократию. Это предметы далекие от того, чтобы их смешивать. Г. Шапов хочет церковные соборы пародировать „центрально-земскими соборами“; и сии последние имеют у него точно демократическое основание—поголовную подачу голосов: но церковные соборы имеют иерархическое основание; они состояются из членов, которых „дух святой постави епископы“ (Деян. XX, 28). Итак, демократическое учение не в евангелии, не в церкви, а только в голове у Шапова. Г.).

Не удивительно, если духовенство не пожелает детей своих, готовящихся к служению церкви, погрузить в разнотехническую массу «общесловных» училищ, по опасению, чтобы дух церковный, православный, дух послушания, кротости, скромности не был расстроен влияниями несродными и чуждыми. И должно надеяться, что пронизательность высшей власти не допустит сего.

6. Преобразователь требует „местных бессловных (т. е. поголовными голосами) выборов в общественные должности, начиная с губернатора до последнего полицейского, гарантированного круговой порукой“. Спрашивается: есть-ли где подобное, выбирает-ли народ губернатора в Англии, во Франции, где угодно? Спрашивается: что же останется в руках верховной власти? Спрашивается: не хочет-ли преобразователь устроить венгерскую всенародную оппозицию против правительства?

7. Преобразователь требует „областных советов“ из членов, выбранных народом, и „центрально-земских соборов“ из членов, выбранных областными советами; без ограничения поручает сим советам и соборам и государственные дела, даже и устройство войска, не заботясь о том, какая сила будет охранять верховную власть и самодержавие против столь усиленной демократической стихии.

□) Впрочем Шапов не выдумал ничего нового. Демократическое христианство провозглашено было в парижскую революцию 1848 г. Пред толпою мятежников носили крест и священников заставляли освящать дерево свободы. Демократическое христианство стреляло в христиан недемократических, и когда парижский архиепископ хотел прекратить кровопролитие, демократическое христианство убило его на баррикаде.

*) Далее следует выдержка из письма со слов: „можно положительно“... до слов: „областные общества сельских школ“.

**) Выдержка до слов: „между прочим, в этих“.

Да судят государственные люди, что хочет делать Шапов, или что умеет делать, или чему внезапно научен восторгом панихиды и гением Бездны,—строить или разрушать?

8. Наконец, преобразователь требует „уничтожить цензуру“. Как он не видит, что государства, уже не малое время трудящиеся над соглашением свободы с порядком, борются с трудом не только с неограниченной, но и с ограниченной свободой печати, как, например, Франция? Говорит об ответственности автора, но перед кем? О суде он не говорит. А ответственность пред общественным мнением есть ненаказанность. Когда возмутительного писателя порицают люди охранительные, он находит свое оправдание и даже славу в людях, склонных к возмущению. А если на авторов надобно приносить жалобы в управу благочиния или в уездный суд, можно ли надеяться правосудия?

Предмет сей требует не так легкого суждения, какое позволил себе преобразователь.

Кажется, довольно. Кажется, можно видеть птицу по полету.

25 мая 1861 г.

А. П. Шапову. *).

Томимый жаждою свободы,
Любовью к людям он сгорал
И мертво спящие народы
К свободной жизни призывал.

Могучим словом вдохновенья
Тревожил рабской он покой,
Для молодого поколенья
Был путеводною звездой.

Под славным знаменем науки
Он честно истине служил,
Народа слезы, вздохи, муки
В своем он сердце схоронил.

Хвала апостолу свободы,
Хвала противнику царя,
И будут чтить его народы
В ряду героев декабря.

Он говорил: все люди братья,
За меньших братий он стоял!
И смело грозные проклятья
Тиранам Руси посылал.

В тюрьму он за любовь к народу
Посажен был; и вслух царя
Все проповедывал свободу,
Любовью к истине горя.

Как бодро к цели шел он,
Как в нем сильна была любовь;
Одной святою мыслью полон,
Свою пролить готов он кровь.

Примечание. Считаю необходимым указать допущенные при печатании материалов сокращения: *в. и. в.* — ваше императорское величество; *е. и. в.* — его императорское величество; *е. в.* — его величество; *м. г.* — милостивый государь; *в-ство* — высокопревосходительство; *с. с.* — статский советник; *с-во* — сиятельство; *ген.-ад.* — генерал-адъютант; *г-н, г.* — господин; *г-жа* — госпожа; *в-ше* — высочайше.

Публикуемые документы находятся в архиве революции и внешней политики Ценгратива РСФСР (Москва) в архивном фонде III отделения канцелярии его величества, 1 экспедиции за 1861 год, именно: 1) письмо Козлянинова — дело № 116, л. 23—27; 2) выписка из донесения Собещанского — л. 106—110; 3) научные заметки Шапова — л. 173—174, 222—223 и 158; 4) показание Шапова — л. л. 36—41; 5) письмо Шапова — л. 52—66; 6) мнение м. Филарета — л. 80—82; 7) стихотворение — л. 131; и 8) донесение Ларионова — дело № 159, л. 4—6.

*) Это стихотворение доставлено было шефу жандармов от штаб-офицера корпуса жандармов Пермской губернии полковником Комаровым вместе с копией речи на панихиде при следующем отношении от 16 января 1862 года:

„При обыске в квартире семинаристов Пермской духовной семинарии, приближаемых к распространению вредных идей, найдено у г. Констанского в кармане сюртука речь Шапова, бывшего адъюкта казанского университета „Други, за народ убитые“ и стихотворение „к А. А. Шапову“, которые в копии имею честь почтительнейше представить вашему с-ству“. В копии ошибочно указаны инициалы Шапова.

Песня о городе Казани.

Ниже напечатанная песня о г. Казани записана мною 1925 г. на реке Пинеге (правый приток Северной Двины), в верхнем ее течении, в деревне Юбре, Труфаногорской (прежде Михайловской) волости, от слепой 70-летней Татьяны Осиповны Кобелевой, сообщившей мне 14 очень оригинальных сказок и легенд и 7 старинных песен, из которых три — исторические: «Пленение Кутузовым французского майора», «Пожар Ярославля» и «Казань-город».

Песня эта прежде всего вызывает удивление своей высокой формой лирико-эпической песни, вызванной историческим событием — взятием Грозным Казани — и ярко, талантливо выраженной идеей пацифизма. Удивление перед законченностью и изяществом композиции, перед заострением темы (сватовство молодца и отказ красавицы), вуалирующей основную мысль — отвращения к войне, столь велико, что вызывает вопросы и даже сомнения. Иные, слушавшие ее в моем исполнении, предполагали и даже авторство законченного литератора, который застилизировал мол в народной форме свою идею. Такое наивное предположение отпадает очень легко. Песня эта, хотя и редко, но все же встречалась, как народная давно и в иных местах. Неграмотная Татьяна Кобелева, сообщившая приведенный вариант, выучила его от своей бабушки, которая говорила, что в дни ее молодости песню эту пели часто. Это приходится на времена войны с французами. Как я заметила из частых опросов крестьянских певцов, войны всегда воскрешают давно забытые мирными жителями все песни с упоминанием о войне (например песня «знаю, ворон, твой обычай»; ее не пели лет сто на севере и стали петь со слезами с 1914 года).

Когда же данная песня могла быть сложена? Давно. В те времена, когда свеж был образ Казани, как желанного для завоевательных целей богатого города на Волге (слова молодца), когда свежо было воспоминание о дорогой цене этого завоевания. (слова девушки), когда эти образы не были заслонены позднейшими переживаниями народа.

Но тогда откуда же изысканный любовный диалог, заслоняющий самое событие, но ярко выражающий отношение к нему? Мы вправе были бы ожидать более эпической формы сказания. На это можно ответить: таковой она может быть и была вначале. Тому, кто близко соприкасается с собиранием фольклорного материала, удается иногда подметить перерождение эпической песни в лирическую. Оно сопровождается выпадением имен собственных и присвоением некогда, где-то, когда-то, кем-то пережитого, себе.

Примером может служить распространенная во всем Поморье и по реке Пинеге старина о князе Михайле и его пожилой жене княгине Катерине: князь Михайло губит пожилую жену и хочет привести любимой дочери Настасье молодую мачеху; горе, протест и даже самоубийство дочери заканчивают песню.

По соблюдению постоянства имен в вариантах эта песня производит, действительно, впечатление исторической семейной хроники. Не удивишься, если будут точно исторически установлены личности князя Михайлы и княжны Катерины. Но вместе с тем жизнь дает повторения семейной княжеской трагедии во все времена и во всех народных слоях, участь княжеской дочери близка сердцу каждой падчерицы, вызывает сочувствие у всех. И вот в Олонецкой губ. эта эпическая песня получает лирическое начало:

Я сижу.—гляжу у окошечка,
Я сижу—гляжу на Дунай-реку..
Ко Дунай-реки бежит два волка.
Оба серые — хвосты белые..

Волки рассказывают, что бегут терзать убитое тело матери. Имена Михайлы и Катерины выпали, но дальше песня опять принимает форму эпическую, отождествляя первое лицо с третьим:

Пометалася княжая дочь,
Чтоль ко батюшку во высок нов терем,
чтобы в диалоге с отцом с большой силой выявить лиризм устами дочери.

И еще пример.

Мне удалось в тех же краях записать две песни о Стеньке Разине с выпадением однако его имени (просто поминается атаман с копьем и есаул с ружьем) и с переносом центра повествования с атамана на девушку «атаманову любовницу», «золотой казны счетчицу». В одной песне она провидит гибель атамана и есаула и свое освобождение, во второй повествуется о том, что вообще «всем девушкам положенным быть». Отношу я их к Разинским потому, что в них встречаются целиком выхваченные поэтические формулы из несомненных Разинских песен.

Они докатились с Волги до Севера, а может быть Стенька Разин, ходивший ватагою на поклонение в Соловецкую обитель, оставил непосредственно память о себе, только как о насильнике без имени и обаяния, как бы там ни было, на Севере они приняли лирический оттенок скорбности от разбойничьих нападений.

Теперь нам остается только рассмотреть идею песни, ее переоценку завоевательских ценностей: не красота, — а тоска, не богатство, — человеческие жертвы, не счастье, — а горе.

Мы недавно пережили громадное движение народа, основанное на лозунге „Долой войну!“ Весь народ, как один человек твердил: „надоело воевать“. Идеи же эти лежали в народном сознании с весьма древних времен. Стоит только вспомнить начало былины «О Добрыне Никитиче и Олеше Поповиче».

Уж ты, ой еси, осударыня, моя родна матушка!

Ты пошто меня на свет родила?

Породила-б меня бел горяч камешком,

Завернула бы в бел полотнян рукавичек,

Опустила бы на дно моря синего, —

Там лежал бы я, Добрынюшка,

Не ежился бы в чисто поле,

Не пролил бы крови я напрасныя,

Не слезил бы старых матерей,

Не вдовил бы молодых жен,

Не пускал бы сиротать малых детушек...

Таковы возможные соображения и данные по поводу нижеследующей песни.

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ КАЗАНИ.

Казань-город.

Это што в Москвы за диковинка?

Што за деушка уродилася!

Краше батюшка, краше матушки,

Краше брателка ясна-сокола,

Краше сестрицы — белой лебеди!

Молодцу деушка пригласилася,

Молодцу деушка прилюбилася:

„Ты поди, красна деушка, за меня взамуж!“

„За меня взамуж, в наш Казань-город!“

„Наш Казань-город на горы стоит,

„На горы стоит на высокое,

„На красы стоит на великое!“

„Во горах камень самоцветной,

„Под горой трава все шелковая,

„Во травы цветочки все лазурьевы.

„Под горой река медом протекла,

„Часты мелки ручейки текут потокой!

— Не оманывай, доброй молодец,

— Не оманывай красну девицу:

— Знаю ведаю ваш Казань-город,

— Ваш Казань-город на горы стоит,

— На горы стоит на высокое, —

— На тоски стоит на великое!

— Во горах камень — буйны головы,

— Под горой трава — все русы кудри,

— Во травы цветы — все ясны очи,

— Под горой река — кровью протекла,

— Часты мелки ручейки — горячи слезы.

Сообщ. О. Озоровская.

Н. Чужак. Правда о Пугачеве.

Москва, 1926 г., стр. 79.

Книжка весьма претенциозная. Автор хочет сказать «правду» о Пугачеве, полагая, что в предшествовавшей литературе о Пугачевщине полной правды о Пугачеве нет. Он рассматривает изображение Пугачева и в современной беллетристике, бичуя почти всех ее авторов. Беллетристику мы оставим в стороне, а прямо обратимся к историкам, которыми Н. Чужак недоволен, усматривая в их писаниях чисто дворянские тенденции в изображении Пугачева. Даже историк-марксист М. Н. Покровский в своей «Русской Истории» издания 1920 г. провинился в этом. Приведя несколько строчек из означенной книги, говорящих о том, что Пугачев, как личность, не более, как „ловкий“ проходимец, полувор, полуразбойник, полу-Хлестаков, Н. Чужак спрашивает: „Скажите, чем это разнится от монархических сказок?“. Н. Чужак прямо-таки негодует на почтенного ученого, прочитав у него слова о том, как Пугачев и вообще „люди этого типа“ быстро эманципировались от холопской психологии. Как это так можно писать—„этого типа“, „типа Хитрова рынка?“. Он и дальше, приводя из Покровского сообщение о восстании горно-рабочих, не без ехидства спрашивает автора: „эти типы?“. И вообще преследует его обмолвкой об „этих типах“ так настойчиво, что становится просто смешно.

Еще дальше, впрочем, критик радуется, что М. Н. Покровский, познакомившись с новыми материалами о Пугачеве, принес покаяние в своих прежних, грешных о нем, замечаниях.

Критик, надо заметить, большой комик: он считает Пугачева оклеветанным историками с головы до пяток и обижается за него чуть ли не до потери сознания. Курьезно главным образом то, что критик ломится в открытую дверь. Давно общеизвестна классовая, дворянская тенденция в освещении Пугачевщины у старых историков, начиная с Пушкина, но эта тенденция более относится к самому восстанию народных, в особенности крестьянских, масс, чем к личности Пугачева, военные таланты которого не только не скрывались и не умалялись, а скорее даже преувеличивались. К тому же были историки, которые за долго до Октябрьской революции в изображении Пугачевщины и Пугачева были совершенно чужды дворянской классовой тенденции.

Критик делает мне честь, признав мою книжку о Пугачевщине „одной из немногих добросовестных работ“ по этому вопросу. Он делает далее, мне еще большую честь, называя изложение мной фактов „хорошим“ и приводя цитаты из означенной книжки, характеризующие пугачевское движение *). С этой характеристикой критик согласен, но он не согласен с рассуждениями автора, по его, критика, мнению слишком обильными и „путанными“. Но критик не заметил, что эти „рассуждения“—или выводы, непосредственно вытекающие из сгруппированных фактов, или такие же факты, как и те, которые он признал в приведенных им выписках из книги. „Добросовестность“ автора книжки о Пугачевщине и заключалась в том, чтобы вполне беспристрастно установить факты, как самого народного движения небывалой до того силы и сложности, так и деятельности возглавлявших это движение отдельных лиц и прежде всего, разумеется Пугачева. В полном соответствии с показаниями источников, очищенных критикой, был обрисован личный характер Пугачева, и если портрет его получился не слишком эффектный, то в этом виноват не историк. Критику хотелось бы, чтобы не было каких-то „кислых рассуждений“ о Пугачеве, в результате чего создается впечатление:— как-будто бы и совсем, мол, хороший человек, а не причесан **). Что же делать? „Мужицкий царь“ и не мог быть иным и родить его в современного большевистского вождя, как хотелось бы Н. Чужаку,—напрасные

*) Н. Чужак, стр. 32—36.

**) Н. Чужак, стр. 33.

и довольно курьезные потуги. Это также забавно у нового импровизированного „историка“, как и его открытие в Разине „лево-эсеристского настроения“.

Вообще „причесывать“ старинных исторических деятелей и модернизировать их—не дело исторического исследования. Это мы решаемся утверждать, вопреки желанию Н. Чужака быть историческим парикмахером. И нечего, думаем мы, обижаться за Пугачева, что он серьезно, а не юмористически смотрел на свое самозванство, бывшее тогда действительно сокрушительным средством к той цели, которую он себе поставил, нечего обижаться и на то, что, нередко проявляя свое личное „я“, он находился в зависимости от казацких старшин и что в известной мере прав был Бибилов, сообщивший, что Пугачев лишь „чучело, которым играют яицкие казаки“, что, наконец, Пугачев сравнительно с ними не удержался на высоте своего положения в решительный момент, не пошел на Москву, куда его звали казак и старшины, когда поднималась вся крестьянская, крепостная Русь, а побегал к югу, направляясь в старые районы казацкого повстанчества, и тем погубил дело крестьянской революции*. Книжка моя о Пугачевщине напечатана была в разгар реакции—в 1908 году, и с тех пор, работая на эту тему, я напечатал обширные „примечания“ (364 стр.) к „Истории Пугачевского бунта“ Пушкина (Издания Российской Академии Наук, т. XI, 1914 г. Петербург), и „Народные движения до XIX в.“ (изд. 1924 года Москва)—работы, оставшиеся неизвестными критику Н. Чужаку,**) да и очерк „Пугачевщина“ переиздавался в третий раз в 1924 году с новыми дополнениями по архивным материалам, но без изменения всех главнейших выводов,—в издании, тоже оставшемся неизвестным Н. Чужаку (Пугачевщина, изд. „Прибой“ 1924 г., Ленинград). И в настоящее время, читая о якобы новых „выводах“ касательно Пугачева и пугачевщины на основании напечатанных Центральным архивом документов (манифесты и указы Пугачева), я недоумеваю: какие-же это „новые выводы“ (если исключить ненужную модернизацию)? Все эти „выводы“ и „освещения“, точнее говоря—строго установленные явления и факты читатель найдет в отмеченных выше моих исследованиях,***) в которых никаких существенных перемен, как это свидетельствует сам Н. Чужак, разбирая одно из них и при том в первоначальной редакции (1908 года), и в настоящее время делать не приходится, и потому я избавляю себя от необходимости „каяться“ перед пугачевскою тенью. Из всего сказанного вытекает, что Н. Чужак, вознамерившись сказать какую-то новую „правду“ о Пугачеве, повторил только старую правду, несколько извратив ее действительно крайне путанными рассуждениями и необоснованными, совсем не остроумными сближениями. Таким образом его попытка сказать „вот так вот просто“****) „правду о Пугачеве“ должна быть отнесена к той „простоте“, которая в просторечии считается „хуже воровства“.

Да, задумала синица море зажечь, но не зажгла, а только всех насмешила.

Н. Н. Фирсов.

Издания по изучению собраний Сергиевского Государственного Историко-Художественного Музея (б. Троице-Сергиевой Лавры).

1. Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой Лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Сергиев. 1920. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. 8,^о стр. 268.
2. Ю. А. Олсуфьев. Опись крестов Троице-Сергиевой Лавры до XIV века и наиболее типичных XIX века. Сергиев. 1921. То же издание. 8,^о стр. VII+141.
3. Ю. А. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1921. То же издание. 8,^о стр. VIII+96.
4. О древне-русской книге. (К выставке «Древне-русская книга» Сергиевского Историко-Художественного музея). Сергиев. 1921. 8,^о стр. 18.

*) Как раз все это вытекает из неопровержимых фактов, и потому непонятно, о каких „исторических фактах“ говорит Н. Чужак, будто бы доказывающих „совершенно иное“ (стр. 35 и 36). Такое утверждение „свидетельствует“ лишь о том, что Н. Чужак „совершенно“ незнаком с предметом, о котором дается судить, да еще вдобавок скажет „новое слово“. В лучшем случае ему пришлось открывать давно открытые Америки.

**) Н. Чужак мог бы из моих „примечаний“ взять действительно новый и при том единственно подлинный портрет Пугачева, а он перепечатывает всем известное и более фантастическое, чем реальное, старье.

***) Сочинения Пушкина, Изд. Академии Наук, XI т., примечания, стр. 137—156 и кн. др. Народные движения, Москва, 1924 г., стр. 138—178.

****) Н. Чужак, стр. 32.

5. Ю. А. Олсуфьев. Дополнение к описи икон Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1922. 8,^о стр. 3+1 нн. 300 экз.
  6. Павел Флоренский. Опись панагий Троице-Сергиевой Лавры. XII—XIX веков. Сергиев 1923. Издание Сергиевского Государственного Историко-художественного музея. 8,^о стр. 275. 300 экз. Цена 2 р. 50 к.
  7. Ю. А. Олсуфьев. Искусство XIV и XV веков. Выставка при музее б. Троице-Сергиевой Лавры. 1924 год. Сергиев. 1924. Комиссия по охране памятников искусства б. Троице-Сергиевой Лавры. 8,^о стр. 16. 300 экз.
  8. Ю. А. Олсуфьев. Искусство XIV и XV веков. Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев 1924 г. То же 2-е издание дополненное и исправленное. 8,^о стр. 16. 300 экз.
  9. Ю. А. Олсуфьев. К вопросу о шитом деисусном чине (№ 1543) в музее б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1924 г. То же издание. 8,^о стр. 7+1.
  10. Ю. А. Олсуфьев. Кто вкладчики воздуха № 1479 и покровы № 1541 в музее б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев 1924 г. Доклад читанный в Комиссии по охране памятников искусства Троице-Сергиевой Лавры 10 апреля 1924 г. 8,^о стр. 7+1 нн. 200 экз.
  11. Ю. А. Олсуфьев. Черты иконописного натурализма в памятниках XIII и XVIII веков. Прокопий и Симон Ушаков. Сергиев. 1925. То же издание 8,^о стр. 3. 100 экз.
  12. Ю. А. Олсуфьев. Об изменениях в русском орнаменте в эпоху возрождения (Примеры приведены из собраний б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев) 1921. То же издание. 8,^о стр. 21+1 нн.+1 табл. рисунков. 200 экз.
  13. Ю. А. Олсуфьев. Опись серебряных ковшей (формы лады) б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1925. То же издание. 8,^о стр. 23+1 нн. 100 экз.
  14. Ю. А. Олсуфьев. Опись ложек б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1925. То же издание. 8,^о стр. 4+1 илл. 100 экз.
  15. Ю. А. Олсуфьев. Дополнение II к описи икон б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1925. То же издание. 8,^о стр. 7. 100 экз.
  16. Ю. А. Олсуфьев. О «встречных» пробелах. Сергиев. 1925. То же издание. 8,^о стр. 11+1 нн.+1 табл. рис. 100 экз.
  17. А. Н. Свирин. Памятник живописного стиля шитья («чин») XV в. в Сергиевском Историко-Художественном музее (бывш. Троице-Сергиевой Лавре). Сергиев. 1925. То же издание. 8,^о стр. 15+1 табл. рис. 200 экз.
  18. А. Н. Свирин. Корбуха. Сергиев. 1925. То же издание. 8,^о стр. 24+4 табл. 500 экз.
  19. Ю. А. Олсуфьев. Иконописные формы, как формулы синтеза. Сергиев. 1926. Издание автора. 8,^о стр. 22+1 табл. рис. 100 экз.
  20. Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII века). Сергиев. Издание Государственного Сергиевского Историко-Художественного музея. 8,^о стр. XXIX+1 нн.+292+XIII табл. рис. 100 экз.
  21. Ю. А. Олсуфьев. Опись серебряных чарок с плоскими полками и опись серебряных братин б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев 1926 (1925). Комиссия по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой Лавры. 8,^о стр. 117+2 нн.+2 табл. рис. 100 экз.
  22. А. Н. Свирин. Опись тканей XIV—XVII в. б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев. 1926. Издание Государственного Историко-Художественного музея (б. Троице-Сергиевой Лавры). 8,^о стр. 67+XII табл. рис. 200 экз.
  23. В. Д. Дервиз. К вопросу об экономическом положении б. Троице-Сергиевой Лавры (доходы и расходы Лавры за 1927 год). Сергиев. 1926. То же издание. 8,^о стр. 39+1. 200 экз.
  24. Ю. А. Олсуфьев. Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев 1927 г. То же издание. 8,^о стр. 44+10 табл. рис. 200 экз.
- Изумительнейшее собрание предметов декоративного искусства Троице-Сергиевой Лавры, систематически пополняемое с XIV по XIX в. лучшими произведениями своего времени, после революции обращено в Историко-Художественный Сергиевский музей, который является одной из гордостей СССР. Коллекции Лавры и раньше привлекали внимание искусствоведов и служили предметом серьезных исследований. Не один десяток книг и статей коснулись предметов из хранилищ Лавры. И в наши дни не только русские ученые, но и их западные коллеги считают своим долгом познакомиться с материалами музея; так недавно побывавший в СССР Г. Конвэй (M. Conway) то же, не стался глух к этому лучшему детищу революции. Неизгладимое впечатление уносишь от посещения Музея, Лавры и города Сергиева—это живой уголок для углубленного познания прошлых страниц русской истории и искусства. Трудными ныне работающими там научными силами: А. Н. Свирина, Ю. А. Олсуфьева

*) Sir Martin Conway. Arttreasures in Soviet Russia. London, 1925.

и В. Д. Дервиз. Сергиевский музей растет, расширяется и усложняется. Всякая организационная музейная работа невольно бывает связана с углубленной проработкой, находящихся под их руками материалов. Работа это огромная, рассчитанная не на один десяток лет и не на одно поколение ученых. Приведенный выше перечень из 24 изданий, доведенный нами до последних дней красноречиво говорит о работе музея и ее сотрудников. Первое место по количеству трудов принадлежит Ю. А. Олсуфьеву — работнику старому, опытному с большой эрудицией. Неутомимый, точный и настойчивый исследователь Ю. А. с неиссякаемой энергией работает все время и даже в самые трудные годы не переставали выходить его труды. Главной темой его работ были составление научных описей собраний Лавры с документальными примечаниями, указателями мастеров, вкладчиков, сравнительными данными и проч. Описи икон, крестов, рукописей, серебра и проч. — это книги, без которых трудно обойтись лицам, работающим в области изучения русского декоративного искусства. Автор не чужд и других тем: историографического характера (см. № 10 перечня), иногда углубляет изучение памятника, тонко анализируя, пользуясь сравнительными материалами (№№ 11—12, 19 и 24). Везде он на высоте научности мысли, с твердыми, методами и формальным знанием объектов.

А. Н. Свирин, *) ныне заведующий музеем — это один из преданнейших друзей искусства. Он своим изучением вносит не малую долю в общую работу музея. Об одной его работе, где он воссоздает облик загородного поместья Лавры — Корбухи (№ 18), мы в свое время дали подробный разбор **, две другие его работы касаются шитья и тканей. А. Н. Свирин *** не только дает описание, но и делится своими углубленными наблюдениями над изучаемым материалом. И несмотря на то, что у него нет еще той обширной практики, как у предыдущего автора, тем не менее всегда его исследования строго методичны, и интересны, сжаты и продуманы. Его замечания ценны и нужны для нас музейных работников.

П. Флоринскому принадлежит одна работа — опись панатий (№ 6). В конце прошлого года В. Д. Дервиз — другой сотрудник музея посвятил свой труд экономическому обследованию Лавры в годы перед революцией. Интересную и поучительную картину нарисовал нам исследователь в своей книге, снабдив интереснейшими данными о социальном составе монахов за вторую половину XIX в. и начало XX, дав диаграмму в кривых линиях.

Ни одна сторона быта Лавры т. обр. не осталась вне поля изучения. Следует лишь пожелать успеха и сил в продолжении так блестяще начатых работ по изучению тех материалов, которые вверены их попечению. Вряд ли можно указать еще музей в СС Р. где так серьезно и планомерно проводится работа по изучению коллекций.

В нашем беглом обзоре нет возможности остановиться подробно на ряде этих книг, как бы они заслуживали на самом деле. Полная библиография, приведенная нами, по нашему мнению уместна, не только потому, что об этих нужных книгах следует говорить на страницах специальных изданий, но еще и потому, что большинство последних ныне является библиографической редкостью, ибо по независимым от издателя обстоятельствам тираж их не превышает 500 экземпляров, но самым обычным является 100 экземпляров (на весь ученый мир). Книги изданы скромно, на простой бумаге, правда, первые книги иногда печатались на меловой бумаге (но от этого при плохой краске мало выигрывали), редко иллюстрировались, не считая последних книг, где иллюстрации даны на особых таблицах, отпечатанных в Москве с очень хороших фотографий П. Л. Пендрие. Все это указывает не только на рост и углубление издательского дела музея, но замечается и улучшение внешности в сторону академической выдержанности.

Будем с нетерпением ожидать обещанных изданий, всегда радостно встречаемых нами, а неутомимым работникам музея, пожелаем сил в их трудной, но полезной работе.

П. Корнилов.

*) Окончил Казанский Университет.

**) Известия О-ва А. И. Э., том XXXIII, выпуск I, стр. 158.

***) Ему принадлежат еще работы о Лавре: Сергиевский-Историко-Художественный музей. Гиз 1925. и ст. «К вопросу о еврейско-португальской торевтике», «Изв. Академии Ист. Мат. Культуры». Том IV, стр. 277—288.

Новые работы по этнографии

1) Проф. Д. Н. Зеленин—Женские головные уборы восточных (русских) славян „Slavia“ (Прага) Т. V. вып. 2. 1926 г. стр. 303-338 и Т. V. вып. 3. 1927 г. стр. 535-556 (с 43 рисунками).

Настоящая работа почтенного автора является сводкой материалов по женскому головному убору восточных славян, причем им поставлено целью „систематически классифицировать разнообразные головные уборы современных восточнославянских женщин и по возможности проследить их эволюцию“. Свой обзор автор и начинает с самых простых форм, рассмотрев предварительно прически девушек и женщин, отмечая, что формы прически и, связанные с нею бытовые и культовые представления, в значительной степени определяют и форму головного убора. Далее им рассматриваются головные уборы: наметка, рогатая кичка, кибалка, сорока, кокошник, позатылень, повойник-очипок, женские шапки, повязка и наколка.

При рассмотрении каждого типа убора, автор дает подробное описание всех типов данного головного убора, прослеживает его распространение и местные варианты, как в форме, так и в способах ношения его, а затем дает анализ происхождения убора от других более простых форм и отмечает, где возможно, и самый источник его появления. Все описания строго выдержаны и основаны на колоссальном сравнительном материале, который был в распоряжении автора, а значительные языковые данные (терминология) придают еще большую основательность намечаемым автором выводам. Большое количество рисунков значительно помогает разобраться во всем разнообразии форм.

При бедности нашей литературы сводными работами, данная работа имеет большую ценность для всех, работающих по этнографии народов СССР и особенно европейской части его, а данная работа ценна еще и тем, что кроме сводки материала, она дает и значительный новый материал из наблюдений самого автора.

Не будучи специалистом по этнографии восточных славян, мы воздержимся от подробно о разбора выводов автора и отметим лишь громадную нужду в подобного рода работах и пожелаем, чтоб и другие элементы быта, и не только славян, были описаны в подобного рода сводках.

2) Б. А. Куфтин—Материальная культура русской мещеры. 1. Женская одежда. Тр. Гос. Музея Центр.-Промышл. Области. Вып. 3. Москва 1926 г. стр. 126+Résumé+10 табл. и 1 карта).

Ежели в, только что рассмотренной, работе проф. Зеленина, мы видели сводку материала по одному вопросу в обще-восточнославянском масштабе, то работа Б. А. Куфтина представляет второй очень важный тип этнографических работ, посвященных подробному описанию узкого материала. Автором в настоящей работе рассматривается только 3 типа одежд русской мещеры именно: рубаха, понева и сарафан, на основании подробных обследований территории расселения мещеры в течении нескольких лет.

В довольно обширном введении автор подробно останавливается на вопросе доказательств, что, так называемая, русская мещера представляет собой лишь одну из ветвей великоруссов и что она имеет „вряд ли много более финских черт, чем любая южновеликорусская группа“. В доказательство указанного положения автор приводит значительный исторический материал по данному краю, который, по нашему мнению все же не так абсолютно убедителен, как это выводит автор в приведенной цитате. Этот вопрос по нашему мнению упирается в вопрос о формировании великоруссов вообще и участии в нем финских народностей. Здесь у мещеры может быть наиболее удобный момент проследить разложение финской народности, поглощение ее и превращение не только в великоруссов, но и в татар под влиянием татарской культуры (мишари). Вообще по нашему мнению вопрос о мещере и ее, подвергшихся чужим культурным влияниям, ветвях требуют значительного изучения и представляет немаловажный интерес. Однако не останавливаясь на данном вопросе перейдем собственно к содержанию работы.

Каждый тип одежд, описанных автором, разобран очень основательно, причем кроме подробного описания всех вариантов того или иного костюма у описываемой мещеры, приводятся обширные данные о данном виде одежды вообще, с указанием на ее территориальное распространение и историческое развитие. Рассматривается не только покрой со всеми вариантами, но и самый материал и его изготовление, особенно для рисунчатого тканья. В результате по нашему впечатлению получилась хорошая картина состояния данного костюма у мещеры в настоящее время и намечены те пути, по которым славянский костюм постепенно внедрялся в обиход финского племени.

В заключение, не имея возможности в краткой заметке подробно останавливаться на детальном разборе работы, скажем, что работы подобного типа очень важны, как материал для будущих сводок.

Н. И. Воробьев.

ОТЧЕТ

Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете с 31 марта 1924 г. по 1 апреля 1927 года.

Отчетный период охватывает 47, 48 и 49 годы деятельности Общества.

Состав Общества.

В 1924—25 г. Общество Археологии, Истории и Этнографии состояло из 125 членов из них почетных 6, пожизненных 21 и действительных с ежегодным взносом 107.

В 1925—26 г. состояло из 128 членов, из них почетных 6, пожизненных 12, действительных с взносом 109 и 1 член соревнователь.

В 1926—27 г. состояло из 145 членов, из них почетных 6, пожизненных 12, действительных со взносом 126 и 1 член соревнователь.

В отчетном периоде вновь избраны в члены о-ва следующие лица:

В 1924—25 г.—М. К. Корбут, Г. Ф. Линсцер, Н.-Б. З. Векслин, З. С. Норкин, С. А. Козлова, В. И. Пономарев и Г. Б. Гермаидзе. В 1926—27 г.—С. Г. Вахидов, В. И. Анушин, А. К. Булич, М. Ш. Муртазин, Г. Г. Ибрагимов и А. С. Аитов (член соревнователь). В 1926—27 г.—проф. С. Н. Чернов, А. А. Гераклитов, Метаниев, проф. С. И. Руденко, проф. А. И. Успенский, проф. А. Н. Вершинский, Г. А. Медведев, проф. В. Н. Терновский, Н. Г. Маслаковец, проф. Арнэ, проф. Р. Р. Фасмер, Л. И. Вараксина, проф. А. Г. Ильинский и, проф. Н. Н. Кузьмин.

Администрация Общества.

С 31 марта по 9 октября 1924 года Совет Общества состоял из следующих лиц: председатель О-ва К. В. Харлампович, тов. председателя С. П. Шестаков, секретарь И. И. Сатрапинский, библиотекарь С. И. Порфирьев, казначей И. М. Покровский, и члены Совета: В. Ф. Смолин, Н. В. Никольский, С. Е. Малов, Г. С. Губайдуллин и Н. И. Воробьев.

С 9 октября 1924 г. по 4 апреля 1926 г. из следующих лиц: председатель О-ва Н. Н. Фирсов, тов. предс. Г. С. Губайдуллин, секретарь Н. И. Воробьев, библиотекарь Е. И. Чернышев, казначей В. Ф. Смолин, члены Совета: С. П. Шестаков, Г. Б. Гермаидзе, М. К. Корбут, В. В. Егеров и В. Т. Дитякин. Ревизионная комиссия Д. Н. Парфентьев и В. И. Пономарев.

За указанный период из состава Совета выбыли за отъездом тов. предс. Г. С. Губайдуллин, 25—X—25 г., вместо которого был избран В. Ф. Смолин, и член Совета Г. Б. Гермаидзе. По техническим соображениям обязанности казначея О-ва были поручены секретарю О-ва Н. И. Воробьеву. (30—X—25) г.

С 4 апреля 1926 г. до конца отчетного периода состав Совета Общества состоял из следующих лиц: председатель О-ва Н. Н. Фирсов, тов. предс. М. К. Корбут, секретарь и казначей Н. И. Воробьев, библиотекарь Е. И. Чернышев, хранитель Археологического музея О-ва В. Ф. Смолин, члены совета: Н.-Б. З. Векслин, В. В. Егеров, С. П. Шестаков, Г. Г. Ибрагимов и П. М. Дульский. Члены Ревизионной Комиссии: И. М. Покровский и Н. Ф. Калинин.

Деятельность Общества.

За отчетный период состоялось 26 общих собраний общества, которые были посвящены заслушиванию следующих научных докладов.

- 14—IV—24 г. 1) К. В. Харлампович—Национальные меньшинства Т. Р. по городской переписи 1923 г.
2) Р. П. Даудей—Русский язык среди нацмен.
3) И. С. Михеев—Болезни и способы их врачевания по верованиям Казанских вотяков.
4) В. Т. Соколов—Религиозные верования марийцев.
11—V—24 г. 5) Б. Ф. Адлер—Музейное дело в Германии после войны и революции.
6) Д. Н. Парфентьев—Бронзовые статуэтки из коллекции проф. Высоцкого.

- 7) Н. В. Никольский—О книге Валидова «История татарской литературы и образованности»
- 9—VI—24 г. 8) Н. И. Воробьев—Об этнографическом Отделе Русского музея в Ленинграде.
- 9) А. Г. Муравьев—Археологические новости Италии (рукопись доложена секретарем О-ва).
- 10) Д. Н. Парфентьев—Тальгрэн об Ананьинской культуре.
- 5—IX—24 г. 11) Д. К. Зеленин—О плетеной обуви русских и финнов.
- 9—X—24 г. 12) В. Ф. Смолин—о медалях эпохи французской революции.
- 26—X—24 г. 13) Г. М. Залкинд—Торговля в Казани 50 лет тому назад.
- 16—XI—24 г. 14) Е. И. Чернышев—Неизданные рукописи Шапова.
- 15) Г. С. Губайдуллин—К вопросу о торговле татар в Средней Азии в XVIII столетии.
- 1—XII—24 г. 16) В. Ф. Смолин—О книге Жебелева «Введение в Археологию».
- 17) Г. С. Губайдуллин—Обзор научной работы по истории на татарском языке за последние годы.
- 22—XII—24 г. 18) Н. Ф. Калинин—О деревянном зодчестве (по наблюдениям в с. Красновидове, Свияжского кантона ТССР).
- 5—I—25 г. 19) Н. И. Воробьев—Об орнаментации татарского жилища.
- 20) Грачев—История Октября в Казани.
- 23—I—25 г. 21) Н. Н. Фирсов—Вступительное слово о Пугачеве (заседание посвящено памяти Пугачева).
- 22) Г. С. Губайдуллин—Татарские классы и Пугачев.
- 23) Е. И. Чернышев—Участие татар и башкир в Пугачевщине.
- 25—I—25 г. 24) Н. Н. Фирсов—В. И. Ленин и русская революция. (Заседание посвящено памяти В. И. Ленина).
- 8—II—25 г. 25) М. М. Хомяков—Подземные ходы в Казани.
- 26) Н. Ф. Смолин—О кургане „Шолом“ в с. Балымерах, Спасского кант. ТР.
- 8—III—25 г. 27) Д. П. Шестаков—Памяти проф. Э. Р. Штерна.
- 28) С. П. Шестаков—О книге В. П. Бузескула, „Открытия XIX и XX веков в области истории древнего мира“.
- 17—V—25 г. 29) С. Г. Вахидов—Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана (XVI в.).
- 30) Н. И. Масленников—О постройках мордвы с Кученяева, Алат. у., Ульяновск. губ.
- 31—V—25 г. 32) Е. И. Чернышев—Татарская печать эпохи реакции XX века.
- 32) М. С. Губайдуллина—Пища казанских татар.
- 8—XI—25 г. 33) М. К. Корбут—Рабочее законодательство 3-ей Государств. Думы.
- 34) Н. И. Масленников—Информация о 2 краеведческом съезде в Батуме.
- 28—II—25 г. 35) Е. И. Чернышев—Восстание декабристов 1825 г.
- 36) М. А. Васильев—Отражение движения декабристов в поэзии Наумовой.
- 17—I—26 г. 37) М. О. Ковалевский—К вопросу об откликах на 14 декабря 1825 г. (О неизданных куплетах на декабристов).
- 38) И. А. Козлов—Башкирские народные песни (иллюстрировано скрипкой).
- 28—II—26 г. 39) В. В. Егоров—Лобачевский как строитель.
- 21—III—26 г. 40) И. М. Покровский—Шапов и шаповцы.
- 4—IV—26 г. 41) М. К. Корбут—Накануне Февральской Революции (по материалам Департам. полиции и Чрезв. Следств. Комис. Врем. Прав.)—Речь на распорядительном собрании.
- 16—V—26 г. 42) Д. Т. Парфентьев—Экономическое изучение деревни.
- 31—X—26 г. 43) В. Т. Дитякин—Мировой экономический кризис 1913—14 г. и война.
- 44) П. Е. Корнилов—Информация об Археологической конференции в Керчи.
- 18—XI—26 г. 45) Н. Ф. Калинин—Археологические наблюдения на улицах Казани.
- 20—III—26 г. 46) Г. М. Залкинд—Помещичий приказ (материалы для изучения организации крестьянского хозяйства в 90 годах XVIII столет).
- 47) С. П. Шестаков—Новая книга финского ученого по археологии России.

Заседаний Совета Общества за отчетный период было 28 (7 апреля, 17 и 27 мая, 20 авг., 2, 9, 16 и 30 окт., 24 нояб., 4 и 29 декабря 1923 г.; 30 янв., 26 февр., 2 апр., 18 сент., 25 окт. и 13 дек. 1925 г.; 11 янв. 18 февр., 15 марта 4 апр., 26 апр., 28 мая, 23 авг., 25 окт. и 15 ноября 1926 г.; 8 февр. и 4 марта 1927 года).

На означенных заседаниях, кроме значительного числа вопросов текущего характера, разрабатывались следующие наиболее важные вопросы:

1) В течение лета 1925 года общество занималось вопросом о подземных ходах в Казани и особенно в Кремле. Для этого была организована, совместно с Научным Обществом Татароведения, специальная комиссия, в которую от О-ва АИЭ вошли члены О-ва: В. Ф. Смолин, М. М. Хомяков и Н. Ф. Калинин.

2) В течение лета 1926 года Общество было занято вопросом ремонта Болгарских развалин, производимым Тат. Отд. Охраны Памятников Стагины, под председательством члена Совета О-ва В. В. Егерева. Кроме него в этой работе принимали активное участие члены Совета: В. Ф. Смолин и П. М. Дульский и член О-ва П. Е. Корнилов.

3) Зимой 1926-27 года Совет посвятил ряд заседаний вопросу подготовки к предстоящему в 1928 году 50-летию юбилею Общества. Для разработки этого вопроса совет О-ва избрал предварительный юбилейный комитет в составе членов О-ва: М. К. Корбута, В. Ф. Смолина, И. М. Покровского, П. М. Дульского и Е. И. Чернышева. Означенным комитетом разработаны: а) план подготовки к юбилею, б) план юбилейного издательства, в) сметные предположения на подготовку и проведение юбилея, г) предварительный план проведения юбилея, д) установлена связь с учеными учреждениями и организациями по вопросам юбилея О-ва. Кроме того удалось исходатайствовать у Академического центра ТНKP субсидию в 350 рублей на подготовку к юбилею О-ва.

4) Весной 1927 года разработан план участия О-ва в праздновании 10-летия Октябрьской революции и подготовлен специальный Октябрьский выпуск Известий О-ва.

Кроме означенных работ, предпринятых Советом О-ва, Совет, в связи с предстоящим юбилеем О-ва, с осени 1925 года приступил к новой инвентаризации и научному описанию археологических коллекций О-ва, выставленных в кабинете Географии, Этнографии и Антропологии Физ. Ун-та. Эту работу Совет поручил члену О-ва Л. И. Вараксиной под руководством хранителя означенного музея В. Ф. Смолина, и на это были ассигнованы небольшие средства из бюджета О-ва и из субсидии ТНKP. Описание проводится согласно схеме Русского музея в Ленинграде, причем каждая коллекция описывается очень подробно, с привлечением всего литературного материала, а где это возможно, с использованием дневников и рукописей лиц, производивших те или иные раскопки, или доставивших материал. К концу отчетного периода описано 17 коллекций (более 3000 предметов), а именно: 7 коллекций с костеносных городищ (Гремячий ключ, Сорочьи горы, Кирюшкин городок, Ройское, Аргыжское, Пижемское и Свиногорское); 4 коллекции из Ананьинского могильника; 2 коллекции из могильника Атамановы кости; коллекции с Нижне-Вотского городища, с Гаревского костенища, с Вакинского городища и из Пьяноборского городища. Изучены и подготовлены к описанию материалы по ранней бронзовой эпохе нашего края — коллекции из могильников около с. Маклашеевки и с. Полянки (Спасск. к-на).

Далее приступлено к работе по научному описанию этнографических коллекций Общества, хранящихся в Этнографическом музее кабинета Геогр. Этногр. и Антроп. под руководством члена О-ва Н. И. Воробьева.

Полевой-исследовательской деятельности О-ву развить за отчетный год не удалось, благодаря отсутствию достаточных средств, т. к. средств, отпускаемых Главнаукой, едва хватает на текущие работы, перечисленные выше. Однако членами О-ва на средства, добытые ими из различных источников, все же велись некоторые полевые исследования и изыскания.

Так член О-ва В. Ф. Смолин в 1925 году производил раскопки кургана „Шолом“ у с. Балымеры, а в 1926 г. вел археологические исследования в Чувашской Республике, в которых кроме него принимала участие член О-ва Л. И. Вараксина.

Член О-ва Н. Ф. Калинин вел наблюдения и небольшие раскопки силами школьников на улицах Казани, пользуясь земляными работами, при прокладке электрического кабеля.

Член О-ва Н. И. Воробьев по поручению Акад. Центра ТНKP в 1925 г. вел историко-этнографические исследования в Мамадышском кантоне ТССР, причем в этих исследованиях принимали участие члены О-ва С. Г. Вахидов и М. С. Губайдулина. В 1926 г. им же, по поручению О-ва Татароведения, велись этнографические исследования в Челнинском, Чистопольском и Спасском кантонах ТССР, в которых принимали участие члены О-ва Л. М. Поздеева и А. К. Булич, причем последний, кроме того, самостоятельно занимался обследованием Чистопольского кантона в археологическом отношении, по поручению местного Краеведческого общества.

Член О-ва Е. И. Чернышев летом 1926 года, по поручению Акад. Центра ТНKP, вел изыскания по вопросам истории края в архивах Москвы и Ленинграда.

Библиотека Общества

Библиотека за отчетный период функционировала от 2 до 8 часов в неделю весь год. К сожалению работа библиотеки значительно затруднилась с одной стороны далеко не полным порядком в ней, что произошло за годы войны и революции, т. к. ей

слишком мало уделялось времени, а с другой теми кражами, которые произошли осенью 1925 и 1926 года. Библиотека О-ва помещается в подвальном этаже здания 6. Студенческого Общежития Университета с окнами, выходящими на улицу. Благодаря отсутствию наружной охраны, злоумышленники, взломав окна, проникли в библиотеку. Осенью 1925 года воры попали в комнату периодических изданий, из которых значительную часть и похитили. Уголовным образом часть похищенных книг была отыскана и возвращена О-ву, но далеко не все, и это обстоятельство внесло значительные перебои в работу библиотеки. После кражи Совет Общества обратился в Правление Университета с просьбой о предоставлении более безопасного помещения для библиотеки О-ва, но, не имея совершенно свободных помещений, Правление просьбу О-ва удовлетворить не смогло. Библиотека осталась в старом помещении и осенью 1926 года снова подверглась ограблению. На этот раз воры попали в склад изданий и похитили часть изданий общества, напечатанных за годы революции, а из старых изданий оказались похищенными Труды IV Археологического Съезда в Казани, кроме атласа к ним. В настоящее время Совет Общества поставил перед Правлением Университета вопрос об охране библиотеки в очень категорической форме и получил обещание защитить окна библиотеки решетками, ибо перевести библиотеку некуда.

По поручению Совета О-ва, отпустившего некоторые средства, библиотекарем с 1925 года начата новая инвентаризация книг и составление подвижного каталога. К моменту конца отчетного периода было занесено в инвентарь и составлены карточки на 5500 томов в русском отделе и подобрано 2684 тома иностранного отдела. Кроме того из дублетов выделен особый фонд, который может служить в качестве обменного.

Описание научного архива Общества, намеченное Советом Общества, начать не удалось, хотя весь он проверен по каталогу и часть его воемнно перевезена в главное здание Университета и хранится в кабинете Географии.

Поступление в библиотеку изданий в порядке обмена было следующее: С октября 1924 по апрель 1926 г. поступило 67 названий при 278 томах, полученных от научных учреждений и организаций СССР (52 назв. при 116 томах) и иностранных (15 назв. при 162 томах). С 1 апреля 1926 г. до конца отчетного периода получено 269 томов из них 223 из пределов СССР (81 учрежд. и 12 лиц) и 46 томов иностранных (12 учрежд.). Покупка книг из за отсутствия средств не производилась. Пожертвования в библиотеку поступили от: Марти, Лихачева, Лук'янова, Поппе, Харламович, Фирсова, Воробьева, Векслина, Смолина, Арна, Тальгрена и Соколова.

И з д а т е л ь с т в о

За отчетный период О-во напечатало 2 выпуска своих Известий (Т. XXXIII. вып. 1 и Т. XXXIII. 2-3) и приступило к печатанию следующего выпуска (Т. XXXIII. вып. 4). Два первые изданных выпуска напечатаны на средства Академического Центра ТНKP, а новый печатается на средства, отпущенные Главнаукой НКП РСФСР.

В напечатанных выпусках опубликованы следующие работы членов О-ва: Т. XXXIII. вып. 1 (Посвящен пятилетию ТССР.)

- 1) Н. Н. Фирсов—К 5-тилетию ТССР.
- 2) Н. Н. Фирсов—Русская Революция и Ленин.
- 3) Р. Р. Фасмер—О монетах Волжских Болгар X века.
- 4) С. Г. Вахидов—Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана.
- 5) Н. Ф. Калинин—О русском крестьянском зодчестве.
- 6) Е. И. Чернышев—Восточная печать в эпоху реакции XX века.
- 7) В. Ф. Смолин—Болгарский город Брахимов.
- 8) Д. П. Шестаков—Научная деятельность Э. Р. Штерна.
- 9) В. Егоров—Стоянка каменного века у д. Христофоровки Спасского кант. (материалы)
- 10) Библиография.

Т. XXXIII. вып. 2-3 (стр. XX—192) (Посвящен памяти Н. И. Лобачевского)

- 1) В. В. Егоров—Лобачевский как строитель.
- 2) А. П. Шапов—Неизданные сочинения (с предисловием Е. И. Чернышева)
- 3) Н. И. Воробьев—Материалы по быту старожильского населения Восточной Сибири. Население Причунского края (Енис. губ.)
- 4) В. Ф. Смолин—Раскопки „Шолома“ в с. Балымерах, Спасского кант. ТССР в 1925 г.

- 5) *И. Е. Корнилов*—Казанский художник А. Н. Ракович.
- 6) *М. А. Васильев*—А. А. Наумова в общественных мотивах ее творчества.
- 7) *Н. Н. Фирсов*—Историческая записка о Камчатке (материалы)
- 8) Библиография.

Кроме напечатанных в Известиях О-ва ряд, заслушанных на заседаниях, докладов напечатан в других изданиях.

Денежные средства Общества.

Отчет за 1924-25 сметный год

П р и х о д

- 1) Остаток на 1 Октября 1926 г. . . . . 8 р. 61 к.
- 2) Поступило из ТНКФ. по смете НКП РСФСР. на зарплату служащим Общества. . . . . 276 р. — к.
- 3) На социальное страхование. . . . . 27 р. 60 к.
- 4) Членские взносы. . . . 19 р. — к.

Итого . . . 331 р. 21 к.

Остаток на 1 октября 1925 год—22 р. 19 к.

Отчет за 1925-26 сметный год

П р и х о д

- 1) Остаток на 1 октября 1925 г. . . . . 22 р. 19 к.
- 2) Поступило из ТНКФ. по смете НКП РСФСР. на зарплату служащим Общества. . . . . 499 р. 94 к.
- 3) Поступило на социальн. страхование. . . . . 53 р. 99 к.
- 4) На научную часть. . . 210 р. — к.
- 5) Выручено от продажи изданий О-ва. . . . . 30 р. 50 к.
- 6) Членские взносы. . . . 5 р. — к.

Итого . . . 821 р. 62 к.

Остаток на 1 октября 1926 г. . . . 23 р. 86 к.

Отчет за 1-ю половину 1926-27 сметного года.

П р и х о д

- 1) Остаток на 1 октября 1926 г. . . . . 23 р. 86 к.
- 2) Поступило из ТНКФ. по смете НКП РСФСР. на зарплату служащим Общества. . . . . 280 р. — к.
- 3) Поступило на социальн. страхование. . . . . 23 р. 50 к.
- 4) На местком. . . . . 2 р. 35 к.
- 5) На научную часть. . . 155 р. — к.
- 6) Субсидии от ТНКП. . . 100 р. — к.
- 7) Членских взносов. . . 121 р. — к.

Итого . . . 585 р. 71 к.

Остаток на 1 апреля 1927 г. . . 77 р. 04 к.

Р а с х о д

- 1) Выдано зарплату служащим Общества. . . 276 р. — к.
- 2) Социальное страхование служащих Общества. . . 27 р. 60 к.
- 3) Канцелярские и почтовые расходы. . . . . 5 р. 42 к.

Итого . . . 309 р. 02 к.

Р а с х о д

- 1) Зарплата служащ. О-ва. 499 р. 94 к.
- 2) Соц. страхование. . . 53 р. 99 к.
- 3) На библиотеку О-ва. . 125 р. — к.
- 4) На Археологич. Музей. 85 р. — к.
- 5) Канцелярские и почтовые расходы. . . . . 33 р. 73 к.

Итого . . . 797 р. 76 к.

Р а с х о д

- 1) Выдано зарплату служащим О-ва. . . . . 280 р. — к.
- 2) Уплачено соц. страхов. 23 р. 50 к.
- 3) На содер. месткома. . . 2 р. 35 к.
- 4) На Археолог. Музей. . 125 р. 72 к.
- 5) На библиотеку. . . . . 70 р. — к.
- 6) Канцелярские и почтовые расходы. . . . . 7 р. 10 к.

Итого . . . 508 р. 67 к.

Список членов Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете на 1-е апреля 1927 г.

Почетные члены

1) <i>Нохельсон В. И.</i> — проф. (Соединен. Штаты) (1920)	4) <i>Спицын Андрей Александрович</i> — проф. (Ленинград) (1920)
2) <i>Лихачев Николай Петрович</i> — акад. (Ленинград) (1906)	5) <i>Фирсов Николай Николаевич</i> — проф. (Казань) (1920)
3) <i>Соболевский Алексей Иванович</i> — акад. (Москва) (1921)	6) <i>Шестаков Сергей Петрович</i> — проф. (Казань) (1906)

Пожизненные члены

1) <i>Адлер Бруно Федорович</i> — профес. (Москва) (1911)	8) <i>Коблов Яков Дмитриевич</i> — профес. (Владивосток) (1907)
2) <i>Богданов Дмитрий Федорович</i> (Самара) (1906)	9) <i>Луннов Павел Николаевич</i> (Вятка) (1905)
3) <i>Брежнев Митрофан Васильевич</i> — проф. (Краснодар) (1914)	10) <i>Никольский Николай Васильевич</i> — преп. (Казань) (1905)
4) <i>Багин Сергей Афанасьевич</i> (1909)	11) <i>Покровский Сергей Петрович</i> — проф. (Москва) (1915)
5) <i>Диваев Абу-Бекр</i> (Ташкент) (1898)	12) <i>Смирнов Федор Антонович</i> (1898)
6) <i>Ефимов Степан Ефремович</i>	
7) <i>Иванов Анатолий Семенович</i> (Бугульма) (1897)	

Действительные члены с ежегодным взносом (живущие в Казани)

1) <i>Абольф Екатерина Эдуардовна</i> — зав. отд. музея (1923)	15) <i>Дульский Петр Максимилианович</i> — зав. отд. музея (1914)
2) <i>Анучин Василий Иванович</i> — преп. ВПИ. (1925)	16) <i>Евсеев Макар Евсеевич</i> — преп. ВПИ. (1911)
3) <i>Ашмарин Николай Иванович</i> — проф. ВПИ. (1919)	17) <i>Егоров Василий Васильевич</i> — инженер. Председ. отд. охраны пам. старины. (1921)
4) <i>Городницкий Василий Алексеевич</i> — проф. ВПИ (1919)	18) <i>Залкинд Георгий Моисеевич</i> (1923)
5) <i>Буртаев Ефим Борисович</i> (1922)	19) <i>Ибрагимов Галимджан Гильфанович</i> (1926)
6) <i>Васильев Николай Александрович</i> — проф. (1920)	20) <i>Ильинский Александр Григорьевич</i> — проф. ВПИ. (1927)
7) <i>Васильев Михаил Андреевич</i> — преп. ВПИ. (1929)	21) <i>Калинин Николай Филиппович</i> — зав. отд. музея. (1924)
8) <i>Вараксина Людмила Ивановна</i> (1926)	22) <i>Козлова Сусанна Александровна</i> — преп. рабфака. (1924).
9) <i>Вахидов Сеид Габдульминанович</i> (1925)	23) <i>Корбут Михаил Ксаверьевич</i> — преп. ун-та. (1924)
10) <i>Векслин Насон-Бер Залманович</i> — проф. ТКУ. (1924)	24) <i>Корнилов Петр Евгеньевич</i> — зав. отд. музея. (1922).
11) <i>Волочков Александр Васильевич</i> (1908)	25) <i>Кротов Борис Петрович</i> — профес. ун-та. (1921)
12) <i>Воробьев Николай Иосифович</i> — преп. ун-та. (1922)	26) <i>Линсцер Герман Федорович</i> — преп. ВПИ. (1924)
13) <i>Габяшев Султан-Ахмед Хасанович</i> — преп. муз. техн. (1920)	27) <i>Масленников Николай Иванович</i> — преп. ун-та. (1919)
14) <i>Дитякин Валентин Тихонович</i> — проф. ВПИ (1920)	

1) Название города означает местожительство члена, а цифры — год избрания в члены О-ва

- 28) *Михеев* Иван Степанович—препод. ВПИ. (1919)
- 29) *Морев* Иван Семенович—преп. муз техн. (1919)
- 30) *Митрофанов* Василий Митрофанович (1921)
- 31) *Норкин* Сагид Сеидович (1924).
- 32) *Парфентьев* Дмитрий Николаевич (1923)
- 33) *Пинегин* Михаил Николаевич (1918)
- 34) *Поздеева* Людмила Михайловна (1918)
- 35) *Померанцев* Александр Васильевич (1921)
- 36) *Покровский* Иван Михайлович—профес. (1899)
- 37) *Пономарев* Василий Иванович—препод. рабфака. (1924)
- 38) *Перфириев* Сергей Иванович (1920)
- 39) *Радилов* Павел Александрович—художник. (1919)
- 40) *Самойлов* Александр Филиппович—проф. ун-та. (1911)
- 41) *Сатрапинский* Иван Иванович (1923)
- 42) *Сементовский* Владимир Николаевич—проф. ун-та. (1914)
- 43) *Сингалевич* Сергей Платонович—проф. ВПИ. (1912)
- 44) *Смолин* Виктор Федорович—проф. ВПИ. (1917)
- 45) *Сухарев* Алексей Андреевич—докт. медицины. (1899)
- 46) *Терновский* Василий Николаевич—проф. ун-та. (1926)
- 47) *Терновский* Николай Сергеевич—(1923)
- 48) *Фармаковский* Юрий Николаевич—проф. ВПИ. (1923)
- 49) *Хомяков* Михаил Михайлович—доктор медицины. (1909)
- 50) *Чернышев* Евгений Иванович—препод. ВПИ. (1920)

И н о г о р о д н и е

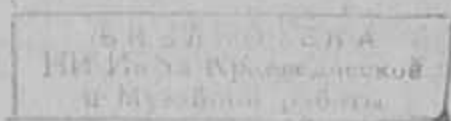
- 1) *Аладов* Николай Иванович (1921)
- 2) *Андреев* Николай Петрович—преп. (Ленинград). (1921)
- 3) *Андерсон* Вальтер Николаевич—профес. (Дерпт). (1913)
- 4) *Анисимов* Александр Иванович (Ярославль) (1919)
- 5) *Аничкин* Иван Васильевич (1894)
- 6) *Ари* Тур Иванович проф. (Стокгольм) (1927)
- 7) *Атласов* Гадий Сергеевич (Бугульма) (1913)
- 8) *Баширов* Алексей Степанович—проф. (Москва) (1919)
- 9) *Белокур* Вячеслав Александрович (1918)
- 10) *Богданов* Владимир Владимирович—проф. (Москва) (1919)
- 11) *Богословский* Павел Степанович—проф. (Пермь) (1923)
- 12) *Бороздин* Илья Николаевич—проф. (Москва) (1922)
- 13) *Бузескул* Владимир Петрович—профес. (Харьков) (1922)
- 14) *Булич* Александр Константинович (Чистополь)
- 15) *Винниевский* Борис Николаевич—препод. (Ленинград) (1919)
- 16) *Вершинский* Анатолий Николаевич—проф. (Тверь). (1926)
- 17) *Варнеке* Борис Васильевич—проф. (Одесса) (1905)
- 18) *Виноградов* Захар Захарович (Москва) (1920);
- 19) *Герасимов* Александр Александрович—преп. (Саратов)
- 20) *Городцов* Василий Алексеевич—профес. (Москва) (1919)
- 21) *Грабарь* Игорь Эммануилович—профес. (Москва) (1919)
- 22) *Грацианский* Николай Павлович—проф. (Москва) (1912)
- 23) *Груздев* Виталий Федорович—доктор (1919)
- 24) *Грушевский* Михаил Сергеевич—академик (Киев) (1915)
- 25) *Губайдуллина* Мариам Салиховна—преп. (Баку) (1920)
- 26) *Губайдуллин* Газиз Салихович—профес. (Баку) (1919)
- 27) *Денике* Борис Петрович—профес. (Москва) (1911)
- 28) *Денике* Юрий Петрович (Берлин) (1916)
- 29) *Емельянов* Аркадий Иванович—препод. (Ленинград) (1910)
- 30) *Жузе* Пантелеймон Крестистович—проф. (Баку). (1919)
- 31) *Захаров* Алексей Алексеевич—проф. (Москва) (1922)
- 32) *Зеленин* Дмитрий Константинович—проф. (Ленинград) (1908)
- 33) *Иванов* Павел Павлович (Цивильск) (1919)
- 34) *Иванов* Юрий Алексеевич—препод. (Саратов) (1917)
- 35) *Ильинский* Леонид Константинович—проф. (Ленинград) (1916)

36) <i>Козлов</i> Илларион Александрович—музык. (Москва) (1922) 37) <i>Кузьмин</i> Ермолай Алексеевич (Чебоксары) (1913) 38) <i>Кузьмин</i> Николай Николаевич—профес. (Иркутск) (1927) 39) <i>Лантев</i> Сергей Николаевич—проф. (Иркутск) (1914) 40) <i>Любомиров</i> П. Г.—проф. (Саратов) (1921) 41) <i>Малов</i> Сергей Ефимович—профес. (Ленинград) (1919) 42) <i>Маслаковец</i> Николай Георгиевич (1927) 43) <i>Метаниев</i> (Пермь), (1927) 44) <i>Меоведов</i> Григорий Антонович (1927) 45) <i>Миллер</i> Борис Всеволодович—проф. (Москва) (1919) 46) <i>Миндалев</i> Петр Петрович—профес. (Владикавказ) (1918) 47) <i>Минс</i>—проф. (Кембридж) (1923) 48) <i>Мионов</i> Алексей Максимович—профес. (Ташкент) (1909) 49) <i>Молодцова</i> А. В. (Тетюшск. кант. СССР) (1904) 50) <i>Муртазин</i> Мухамед-Фатых Шигабетдинович (Самара) (1925) 51) <i>Нарбеков</i> Василий Андреевич—профес. (1919) 52) <i>Никифоров</i> Александр Исакович (Ленинград) (1919) 53) <i>Огородников</i> Владимир Иванович—проф. (Владивосток) (1913) 54) <i>Петров</i> Николай Васильевич—проф. (1919) 55) <i>Прохоров</i> Яков Васильевич—композитор (Москва) (1919) 56) <i>Руденко</i> Сергей Иванович—профес. (Ленинград) (1926)	57) <i>Семенов</i> Виктор Федорович (Москва) (1923) 58) <i>Сказкина-Бургсдорф</i> Вера Владимировна (Москва) (1920) 59) <i>Селищев</i> Афанасий Матвеевич—профес. (Москва) (1911) 60) <i>Соколов</i> Владимир Петрович (Тифлис) (1911) 61) <i>Сыромятов</i> Александр Константинович (Москва) (1923) 62) <i>Терновский</i> Дмитрий Андреевич (Пермь) (1923) 63) <i>Тальгрэн</i> А. М.—проф. (Гельсингфорс) (1915) 64) <i>Теплоухов</i> Сергей Александрович—проф. (Ленинград) (1917) 65) <i>Троицкий</i> Василий Иванович—проф. (Москва) (1920) 66) <i>Успенский</i> Александр Иванович—проф. (Москва) (1926) 67) <i>Фарфоровский</i> Сергей Васильевич (Ленинград) (1900) 68) <i>Фасмер</i> Роман Ромамович—профес. (Ленинград) (1926) 69) <i>Филиппов</i> Гурий Алексеевич (1919) 70) <i>Харламович</i> Константин Васильевич—профес. (Тургай, Казак. ССР) (1904) 71) <i>Харузина</i> Вера Николаевна—проф. (Москва) (1919) 72) <i>Худяков</i> Михаил Георгиевич (Ленинград) (1917) 73) <i>Чернов</i> Сергей Николаевич—проф. (Саратов) (1926) 74) <i>Шестаков</i> Дмитрий Петрович—профес. (Владивосток) (1922) 75) <i>Щербakov</i> Николай Арсентьевич (Москва) (1915) 76) <i>Яковлев</i> Иван Васильевич (Москва) (1919)

Члены—соревнователи

- 1) *Антонов* Абдрахман Садыкович (Казань) (1925)

Цена 1 р. 50 к.

На складе Общества Арх. Ист. и Этнографии имеются в продаже следующие издания О-ва:

Известия ОАИЭ т. XXVII вып. 4. (1 р.) и вып. 6. (1 р.).

» » т. XXX вып. 1. (1 р.), вып. 2. (1 р.), вып. 3. (1 р.) и вып. 4. (1 р.).

» » т. XXXI вып. 1. (50 к.), вып. 2—3. (1 р.), вып. 4. (50 к.)

» » т. XXXII вып. 1. (50 к.) и вып. 2. (1 р.) (вышло 2 выпуска).

» » т. XXXIII вып. 1. (1 р. 50 к.), вып. 2—3. (2 р.).

Остальные издания О-ва имеются в очень ограниченном количестве и могут продаваться лишь в исключительных случаях, по особому соглашению с Советом Общества.

